

Александр Широкоград

Друзья и Враги России

ТУРЦИЯ

ПЯТЬ ВЕКОВ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Annotation

Русские вступили в борьбу с Османской империей еще во времена Московской Руси. И борьба эта шла не за отдельные пограничные земли, а за сохранение православной веры и всей славянской цивилизации. Турецкие султаны претендовали на владение не только Балканским полуостровом, но и землями Речи Посполитой. Они считали себя наследниками ханов Золотой Орды и поэтому пытались распространить свою власть на Казань и Астрахань. Только за два столетия этого противоборства Россия выдержала девять кровопролитных русско-турецких войн, одна из которых унесла более 200 тысяч человеческих жизней. Россия выстояла в борьбе с империей и одержала победу — отбросила османов, обеспечив безопасность своему черноморскому побережью.

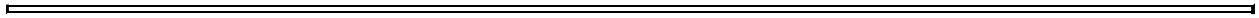
Новая книга известного военного историка А.Б. Широкограда рассказывает о непростых, порой драматических отношениях, складывавшихся в течение веков между Россией и Турцией.

- [Александр Борисович Широкоград](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЕ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ](#)
- [Содержание](#)
- [Дополнительно](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)

Александр Борисович Широкоград
ТУРЦИЯ
Пять веков противостояния

Глава 1

КАК ИВАН ГРОЗНЫЙ СПАС РУСЬ ОТ ТУРЕЦКОГО ИГА

В марте 1453 г. 150-тысячная турецкая армия осадила Константинополь — столицу некогда великой Византийской империи. Греки и другие народы Запада и Востока именовали его Вторым Римом.

Однако изнеженное и давно забывшее о ратных трудах население не спешило на стены города, а предпочитало отсиживаться в домах, надеясь на семитысячный отряд наемников.

Решающий штурм города произошел рано утром 29 мая 1453 г. Силы были слишком неравны, и через три часа турки ворвались в город. Три дня и три ночи длился страшный разгром Константинополя. Последний император Византии Константин XI Палеолог погиб в бою. Мехмед II повелел отрубить голову василевса и выставить ее на высокой колонне в центре Константинополя.

Несколько сот жителей города было убито внутри храма Святой Софии, где они искали убежища. Мехмед II прямо по трупам въехал на коне в храм и приказал обратить его в мечеть.

В странах Западной Европы много говорилось о помощи Византийской империи, но все ограничилось лишь благими намерениями. В Константинополь прорвались лишь четыре генуэзские галеры.

Возникает вопрос: а пытались ли русские помочь Византии в борьбе против турок? Ну, во-первых, тогда русские княжества были отделены от Византии не только морем, но и сотнями верст Дикого поля, контролируемого татарами. Да и сами русские княжества были не только под татарским игом, но и заняты почти тридцатилетней кровавой усобицей между потомками Дмитрия Донского.

Но и в этой крайне сложной обстановке русская церковь отправляла огромные суммы денег в Царьград. К примеру, митрополит Кирилл только в 1395–1396 гг. отправил в Царьград 20 тысяч рублей (огромная по тем временам сумма). Как были истрачены эти деньги — неизвестно, но очевидно, что подавляющая их часть пошла на нужды обороны.

Падение Византии было закономерным — ее граждане уже разучились держать в руках оружие, полагаясь полностью на хитрую дипломатию, подкуп противника и, в крайнем случае, на наемников. На западе же много

говорили о помощи Византии, но практически ничего не делали. А ведь один удачно организованный крестовый поход европейских государств в 1453 г. мог существенно изменить мировую историю и на 500 лет избавить Европу от «пороховой бочки» на Балканах — постоянного источника конфронтаций и войн. Без падения Константинополя не могло быть и Косова 1999 г.!

С момента своего восшествия на престол султан Мехмед II мечтал стать наследником Римской империи. Завоевание Константинополя материализовало его мечты. Как уверял Мехмеда греческий историк Георгий Трапезундский: «Никто не сомневается, что вы являетесь императором римлян. Тот, кто законно владеет столицей империи, тот и есть император, а Константинополь есть столица Римской империи». Мехмед II одновременно объявил себя римским императором, наследником Августа и Константина, и падишахом, что по-персидски означает «тень бога на земле». Не мудрствуя лукаво, Мехмед II назначил монаха Геннадия константинопольским патриархом, поскольку «тень бога» могла обойтись без всяких там Соборов.

Большое значение для военных успехов турок имело создание регулярной пехоты, получившей название янычар [\[1\]](#). Первый янычарский отряд был сформирован из военнопленных еще при Орхане и насчитывал всего тысячу человек. При Мураде II (1421–1444), когда потребность в пехоте резко возросла, метод комплектования янычарского войска был изменен: с 1438 г. начался систематический набор христианских детей для подготовки в янычары в порядке принудительной разверстки или своеобразного «живого налога». Оторванные от семьи, подчиненные строгой дисциплине, отданные в обучение представителям мусульманской религиозной организации (дервишскому ордену бекташей), обязанные соблюдать устав бекташей, в том числе обет безбрачия, янычары превратились в замкнутую военную корпорацию феодального войска — гвардию турецких султанов.

В XV веке турецкая артиллерия была самой сильной в мире как по числу орудий, так и по их огневой мощи. Любопытно, что под стенами Константинополя первый и последний раз в истории одновременно применялись «греческий огонь», метательные машины и огнестрельная артиллерия.

Во время осады Константинополя в 1453 г. венгерский литейщик Урбан отлил туркам медную бомбарду калибром 24 дюйма (610 мм), стрелявшую каменными ядрами весом около 20 пудов (328 кг). Для ее транспортировки на позицию потребовалось 60 быков и 100 человек.

Чтобы устранить откат, позади орудия турки выстроили каменную стену. Скорострельность этой бомбарды составила 4 выстрела в день. Кстати, скорострельность крупнокалиберных западноевропейских бомбард была того же порядка. Перед самым взятием Константинополя 24-дюймовую бомбарду разорвало. При этом погиб и сам ее конструктор Урбан.

Турки по достоинству оценили крупнокалиберные бомбарды. Уже в 1480 г. в ходе боев на острове Родос они применяли бомбарды калибра 24–35-дюймового (610–890 мм). На отливку таких гигантских бомбард требовалось, как указывается в старинных документах, 18 дней.

В XVI веке Турция становится сильнейшим государством Европы. Мехмед II создал мощный флот, в составе которого было около трех тысяч кораблей. В ходе войны с Венецией и Генуей туркам удалось захватить большую часть островов в Эгейском море. Венецианцам удалось удержать только Крит, который турки заняли лишь в 1669 г. В Италии турки взяли небольшой городок Отранто, контролировавший вход в Адриатическое море. Мехмед II готовил большой поход для захвата Италии, но в связи со смертью султана он расстроился.

В 1526 г. турецкие войска взяли Белград и разгромили венгеро-чешское войско под Мохачем. В 1529 г. турки осадили Вену, но взять ее не сумели. По договору 1547 г. между Турцией и Священной Римской (Австрийской) империей Венгрия оказалась разделенной между двумя империями.

В Азии в 1515 г. к Турции присоединилась часть Армении с городом Эрзерумом и северная часть Ирака с Моссулом.

Летом 1516 г. турецкая армия под командованием султана Селима I (1512–1520) вторглась в Сирию. В сражении под Холебом войско мамелюков было разбито. Существенную роль в этом сыграла турецкая артиллерия. В начале 1517 г. армия Селима I вступила в Каир. К концу 1517 г. Сирия, Египет, а также все побережье Аравии вдоль Средиземного моря вошли в состав Османской империи. Эти территориальные захваты имели не только политическое и военное, но и огромное религиозное значение. Дело в том, что правители Сирии и Египта считали себя Аббасидами, потомками багдадских халифов, как их называли в Европе, — «папами Востока». Действительно, многие века багдадский халиф считался религиозным главой мусульман. Турецкий султан стал наследником халифов, ему торжественно были преподнесены ключи от мекканского храма Каабы (главного мусульманского святыща).

С тех пор турецкие султаны стали считать себя халифами и «тенью Аллаха на земле». Таким образом, султаны присвоили себе право быть

духовными главами всех мусульман мира, независимо от их государственной принадлежности. Считалось, что турецкий султан имеет право назначить или сместить всех священнослужителей высшего ранга и получать шариатские налоги. Турецкие султаны широко использовали свою духовную власть в собственных интересах. Принципы халифата были отменены только Кемалем Ататюрком в XX веке.

В 1534 г. турецкие войска заняли Южный Ирак и вышли в районе города Кувейта к Персидскому заливу.

В 1537 г. турки снарядили большой флот для похода в Индию, но потерпели неудачу.

В конце XVI века население Османской империи достигло 25–30 миллионов. В это время владения турецких султанов простирались на 7 тысяч километров с востока на запад и на 5 тысяч километров с севера на юг, занимая территорию примерно 8 миллионов квадратных километров.

Продвижение турков в Венгрии, Африке и Передней Азии не затрагивало непосредственно интересы московских князей. Однако попытка султанов подчинить себе татарские орды грозила гибелью Московии и всей Руси.

Крымский хан Хаджи Гирей впервые в союз с турками вступил в 1454 г., всего через несколько месяцев после падения Константинополя. В июне 1456 г. была проведена первая совместная турецко-татарская операция против генуэзцев в Кафе (современная Феодосия). Эта акция закончилась подписанием мирного договора, согласно которому генуэзцы стали платить дань туркам и татарам.

А в мае 1475 г. турецкая эскадра под командованием верховного визиря Кедука-паши высадила десант в Кафинском заливе. С берега десант поддерживали татарские отряды Менгли Гирея. На пятый день Кафа пала. Город стал называть по-турецки — Кефе. Он стал главным опорным пунктом Турции в Крыму. Турецкие войска разгромили и заняли княжество Феодоро и все города южного побережья Крыма. С генуэзским присутствием в Крыму было покончено. Затем турки захватили Таманский полуостров.

Весной 1484 г. объединенные войска султана Баязида II и крымского хана Менгли Гирея напали на Польшу. 14 июля 1484 г. они захватили важнейший порт в устье Дуная — крепость Килию, 4 августа заняли Аккерман (современный Белгород-Днестровский) — крепость в устье Днестра. Теперь Турция и Крымское ханство владели всем побережьем Черного моря от устья Дуная до устья Днестра. Во всех завоеванных городах были оставлены большие турецкие гарнизоны. Крымские татары

на захваченных землях образовали свое государство — Буджицкую Орду.

23 марта 1489 г. Польша подписала мирный договор, по которому Турция оставляла за собой захваченные земли в Северном Причерноморье.

Таким образом, в конце XV века Турции удалось закрепиться в Крыму и Северном Причерноморье. Крымское ханство на 300 лет стало вассалом Турции. Большинству отечественных историков зависимость Крымского ханства от Османской империи представлялась минимальной. Кстати, так же думали беи и простые татары. Дело в том, что интересы Турции и Крымского ханства в подавляющем большинстве вопросов совпадали. Фактически ханство находилось на длинном, но жестком поводке Стамбула. Султан был религиозным главой крымских мусульман. Многие члены семьи Гиреев постоянно жили в Турции, и у султана всегда было в запасе несколько претендентов на ханский престол. Для ханства Стамбул являлся фактически единственным окном в мир. Турция была единственным скупщиком захваченных татарами пленных и награбленного имущества (если не считать выкупа за пленников). И, наконец, Турция была «крышей» разбойничьей конторы Гирей и К°. Не будь Османской империи, Россия и Речь Посполитая, поодиночке или объединившись, сумели бы покончить с этой «конторой» еще в XVI веке или по крайней мере в XVII веке.

Все это накрепко привязало Бахчисарай к Стамбулу, куда крепче, чем, к примеру, Алжир или Египет, которые формально были частями Османской империи.

В первой половине XV века Золотая Орда постепенно распадалась на ряд полунезависимых территорий. Так, в бывшем Болгарском царстве образовался особый юрт — Казанский. Здесь уже во второй половине XIV века стали властвовать самостоятельные мурзы — Булак-Темир, Асан и другие; а в 1437–1438 гг. утвердился низложенный хан Золотой Орды Улу-Мухаммед, которого считают первым независимым казанским ханом.

В июне 1445 г. хан Улу-Мухаммед послал в очередной набег на Русь своих сыновей Мамутяка и Якуба. 7 июля у стен Спасо-Евфимьева монастыря под Суздалем произошло сражение татар с войском Василия II. Татары вдребезги разбили московское войско, а сам великий князь попал в плен. В плену Василий Васильевич со страху согласился на огромный выкуп в 200 тысяч рублей, а также обещал дать Касиму, сыну Улу-Мухаммеда, удел на реке Оке. Так на русской земле в Мещерском крае появился татарский удел, так называемое Касимовское царство. Согласно договору Василия II с Улу-Мухаммедом московский и рязанский князья должны были платить дань («выход») Касимовскому царству. Обратим

внимание: в договорах 1445–1446 гг. между Казанью и Москвой не упоминается Золотая Орда.

После смерти Улу-Мухаммеда на казанский престол вступил его старший сын Махмуд, которого русские называли Мамутяк.

В 1480 г. Московское государство уже «де юре» стало независимым от Золотой Орды. Касимовские же татары при великом князе Иване Васильевиче стали его как бы гвардией, а дань постепенно стала рассматриваться как жалованье. При этом под рукой московских князей были не только воины, но и законные претенденты на казанский престол.

Великий князь Иван III активно вмешался в династический спор в начале 80-х гг. XV века в Казани, выступив на стороне царевича Мухаммеда-Эмина против его родного брата Али. В 1484 г. с русской помощью хан Али был низложен с престола, и ханом стал Мухаммед-Эмин.

Однако в следующем году Али вновь овладел престолом. Тогда русские войска двинулись на Казань. 9 июля 1487 г. татары — сторонники Мухаммеда-Эмина — сами открыли русским ворота. Мухаммед-Эмин был возвращен на престол, а его братья Али, Мелик-Тагир и Худай-Кул были отправлены в Россию. Хан Али умер в Вологде, а Мелик-Тагир — в Каргополе в ссылке. Сыновьям Мелик-Тагира при крещении дали имена Василия и Федора. Федор Мелик-Тагирович в 1531 г. был наместником в Новгороде.

Худай-Кул, выросший в русском плену, впоследствии был доставлен в Москву и освобожден. В 1505 г. он крестился и получил имя царевича Петра Ибрагимовича, а затем женился на сестре великого князя Василия III Евдокии Ивановне. Умер Петр Ибрагимович в 1523 г. и был погребен в Москве в Архангельском соборе. У него остались две дочери, обеих звали Анастасия. Старшая вышла замуж за князя Федора Михайловича Мстиславского, а младшая — за князя Василия Васильевича Шуйского. У Анастасии и Федора Мстиславских был сын Иван. Его дочь Анастасия Ивановна вышла замуж за бывшего касимовского хана Саин-Булата, после крещения получившего имя Симеона Бекбулатовича. Последний в 1574 г. был объявлен Иваном Грозным государем всея Руси.

Казанский хан Мухаммед-Эмин формально считался независимым, но многие историки справедливо называют его «подручником» Москвы.

В известной мере справедливо и утверждение историка М. Г. Худякова [2], назвавшего период с 1487 г. по 1521 г. эпохой русского протектората в Казани. К сожалению для русских, Мухаммед-Эмин не оставил после себя мужского потомства. Ближайшими родственниками угасшей династии

были двоюродные братья последних двух ханов — крымские царевичи, сыновья хана Менгли. Крымский хан давно считал их наследниками Казанского ханства. На казанский престол он наметил царевича Сагиба.

После смерти хана Мухаммеда-Эмина в декабре 1516 г. в Казани образовалось временное правительство, которое, подчинясь союзному договору с Московским государством, обратилось к великому князю для переговоров о выборе кандидата на казанский престол. У великого князя московского Василия III давно был претендент — касимовский царевиц Шах-Али, племянник последнего золотоордынского хана Ахмеда. Однако никакого отношения к казанской династии Шах-Али не имел.

О царевице Сагиге Василий III и слышать не хотел, поскольку боялся соединения Крымского и Казанского ханств под властью династии Гиреев. В свою очередь, крымские Гирей питали непримиримую ненависть к родственникам хана Ахмеда.

8 марта 1519 г. Шах-Али выехал из Москвы, а в апреле был возведен в Казани на престол. Новому хану исполнилось всего 13 лет, и вдобавок он имел отталкивающую внешность. Русский летописец по этому поводу записал не без иронии: «Такого им, татарам, нарочно избраша царя в поругание и в посмеяние им».

Как писал тот же Худяков: «В сущности государством управлял русский посол Федор Андреевич Карпов, который считал необходимым вмешиваться во все дела» ^[3]. В Казань был введен «ограниченный контингент» русских войск.

Мирные отношения между Москвой и Казанью способствовали развитию сельского хозяйства, интенсивному заселению пограничных земель и т. д. Небывало бурным темпом рос объем торговых операций в Казани, ставшей перевалочным пунктом между Москвой и Востоком. Большую роль в этом играли касимовские купцы.

Однако такое развитие русско-татарских отношений пришлось не по нутру многим феодалам, с вожделением вспоминавшим времена Батыя или по крайней мере Улу-Мухаммеда. Зачем десятилетиями пахать или торговать, когда можно обеспечить себя и даже внуков своих за один набег на Русь? В Казани созрел заговор, во главе которого стоял оглан (чиновник высокого ранга) Сиди. Заговорщики связались с Крымом, и весной 1521 г. к Казани двинулся конный отряд во главе с царевицем Сагигом. Крымцы подошли внезапно, а заговорщики открыли им ворота Казани. В городе началась дикая резня, в ходе которой погибли 5 тысяч касимовских татар из конной гвардии Шах-Али и тысяча русских стрельцов. Лавки русских и касимовских купцов были разграблены, все русские были арестованы.

Самому Шах-Али с тремя сотнями всадников удалось ускакать в Москву.

Теперь Московское государство было наполовину окружено державой крымских Гиреев. Новый казанский хан Сагиб Гирей собрал войско, захватил Нижний Новгород и пошел к Москве вдоль Оки. Крымский хан Мухаммед Гирей переправился через Оку у Коломны и разбил там русское войско под начальством князя Андрея Старицкого, брата Василия III. В районе Коломны братья Гирей соединились и двинулись на Москву.

В Москве началась паника. Василий III бежал в Волоколамск, поручив оборону столицы своему зятю — крещеному татарскому царевичу Петру-Худай-Кулу. 29 июля 1521 г. братья Гирей подошли к Москве и раскинули стан на Воробьевых горах. Московские бояре и царевич Петр вступили в переговоры с Гиреями. Оказавшись в сложном положении, Василий III был вынужден подписать унижительный мирный договор — формально признать зависимость Московского государства от крымского хана и платить ему дань «по уставу древних времен», то есть так, как платили ханам Золотой Орды.

Подписавши мир, братцы двинулись обратно по своим ханствам. Но по дороге домой Мухаммед Гирей решил ограбить Рязань. Татары предъявили рязанскому воеводе Хабару Симскому мирный договор с Василием III и попросили разрешения остановиться у стен города. Татары спровоцировали побег нескольких десятков русских пленников в Рязань и погнались якобы за ними, а на самом деле — чтобы завладеть городом. Московские начальники замешкались: вроде бы с татарами мир. Но тут ведавший городским нарядом (артиллерией) немец Иоган Иордан приказал дать залп из многочисленных крепостных пушек. Татары «в ужасе бежали». Самое забавное, что в руках Хабарова Симского оказалась грамота Василия III, содержащая обязательства платить дань Гиреям.

По людским потерям и разрушениям на Руси поход Гиреев в 1521 г. соизмерим с Батыевым нашествием. Братцы похвалялись, что они вывели из Московского государства 800 тысяч пленников.

Чтобы навсегда закрепить власть Гиреев в Казани, Сагиб обратился за помощью к турецкому султану Сулейману II Законодателю. В итоге был заключен договор, согласно которому Казанское ханство признавало над собой верховную власть турецкого султана, и впредь казанские ханы должны назначаться султаном. Попросту говоря, Казанское ханство получило статус Крымского ханства.

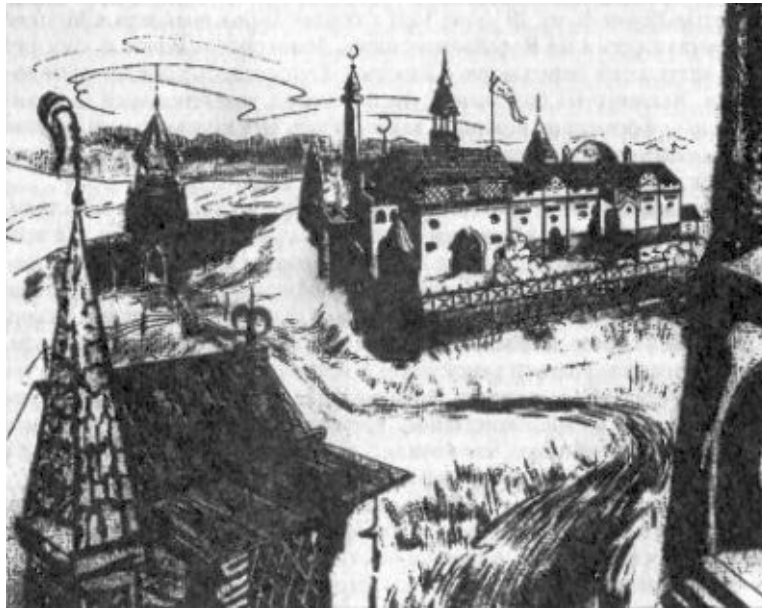
История московско-казанских отношений в XV–XVI веках еще требует обстоятельного исследования. Мы же ограничимся констатацией факта, что грубое вмешательство извне, со стороны Крыма и Турции, прервало

процесс интеграции Московского княжества и Казанского ханства. Мало того, воцарение Гиреев в Казани создало буквально смертельную опасность для Русского государства. Теперь стал вопрос: кто — кого? За войной 1521 г. последовали русско-казанские войны 1523–1524, 1530, 1536, 1545, 1549 и 1550 гг. И это, не считая почти ежегодных татарских набегов.

Однако и в 30–40-х гг. XVI века русское правительство не теряло надежды уладить отношения с Казанью мирным путем. Козырной картой в такой ситуации оставался хан Шах-Али (как его называли в русских летописях — Шиг-Алей).

В 1549 г. умер казанский хан Сафа Гирей, племянник Сагиба Гирея. Сторонники Крыма сделали новым ханом сына Сафы — двухлетнего Утемиш Гирея. Русское правительство сочло момент подходящим, чтобы навсегда выкинуть Гиреев из Казани.

Зимой 1549/50 г. царь Иван IV (еще не Грозный) двинулся с большим войском под Казань. Вместе с ним был хан Шах-Али и многие знатные казанцы. 14 февраля 1550 г. русские войска подошли к стенам Казани и начали осаду, однако в связи с ненастной весной через 11 дней русские вынуждены были отойти.

Казань. Вид ханского дворца первой половины XVI в. Реконструкция Н. Ф. Калинина.

Весной 1551 г. в устье реки Свияги русские за четыре недели построили город Свияжск. Обитатели правого берега Волги («горной стороны») — чуваша, мордва, черемисы — присягнули на верность московскому царю и отказались иметь какое-либо дело с казанскими

ханами. Постепенно в Свияжск к Шах-Али стали перебегать казанские мурзы. В начале августа 1551 г. в Казани произошел антикрымский переворот. Большая часть крымских татар бежала из города, часть была убита, а часть — выдана русским. Среди последних был малолетний хан Утемиш Гирей (по русским летописям — Утямыш). Новые власти обратились с просьбой, чтобы Иван IV дал им хана Шах-Али. Царь согласился.

14 августа 1551 г. у стен Казани состоялся курултай (народное собрание), на котором Шах-Али был признан ханом. С трудом прошли на курултае два предложения московских бояр — о передаче «горной стороны» России и выдаче всех русских пленников, находившихся на тот момент в Казанском ханстве. Под страхом смертной казни казанцам запрещалось удерживать русских рабов.

16 августа Шах-Али торжественно въехал в Казань. Вместе с ним в город был введен русский гарнизон из 300 касимовских татар и 200 русских стрельцов. На следующий день в Казани было освобождено 2700 русских рабов. Уже через несколько дней в Свияжске пришлось выдавать хлеб 60 тысячам отпущенным русским рабам.

Понятно, что не всем хотелось отпускать рабов. Были и другие причины недовольства правлением Шах-Али. Возникли заговоры, реакцией Шах-Али стали массовые казни. Вскоре выяснилось, что хан не в состоянии управлять страной. Промосковски настроенные мурзы отправили в Москву послов с жалобами на Шах-Али и просили убрать его, заменив московским наместником. В Москве знали о шатком положении Шах-Али и очень боялись реставрации Гиреев. Поэтому Иван IV согласился на устранение Шах-Али, и в Казань был послан наместник князь С. И. Микулинский с войском. При этом предусматривалось не простое включение Казанского ханства в состав русских земель, а, говоря современным языком, конфедерация двух стран. В Казани оставалась мусульманская администрация и независимая финансовая система. Ограничением прав местной администрации была выдача поместий феодалам, но и это решал не наместник, а сам царь.

Шах-Али безропотно согласился оставить престол, но передавать власть московскому наместнику счел ниже своего достоинства и 6 марта 1552 г. выехал с гаремом в Свияжск.

9 марта в Казани произошел переворот, когда князь Микулинский был почти у ворот города. Сил для взятия города у князя Микулинского было мало, да он и не имел соответствующих инструкций от царя, поэтому ему пришлось возвратиться в Свияжск. Проект конфедерации рухнул.

Присоединить Казанское ханство к России мирным путем не удалось.

Казанцы пригласили на ханство астраханского царевича Ядыгара (Едигера), потомка Тимура Кутлу. В Казани был устроен погром, в ходе которого перебили русских стрельцов и купцов.

5 августа 1552 г. 150-тысячная русская армия вступила в пределы Казанского ханства. 23 августа Казань была окружена. 150 осадных орудий начали обстрел города.

2 октября 1552 г. Казань была взята приступом, а хан Ядыгар пленен. Уже тогда у царя Ивана стали появляться признаки патологической жестокости, идущей во вред государственным интересам. Он приказал перебить в Казани всех мужчин. При этом было убито много женщин и детей. Для въезда Ивана в город смогли «едину улицу очистите к царскому двору от Муралеевых ворот мертвых поснести, и едва очистили», а расстояние от ворот до дворца было около 200 метров.

12 октября Иван IV двинулся в Москву, править Казанским ханством был оставлен князь А. Б. Горбатый-Шуйский. Любопытно, что Иван IV, столь свирепо расправившийся с защитниками Казани, довольно либерально обошелся с их ханами. Юный хан Утемиш Гирей 8 января 1553 г. был крещен в Чудовом монастыре и получил имя Александр. Иван Грозный повелел ему жить в царском дворце. Однако Александр умер 11 июня 1566 г. в возрасте 20 лет. Причем умер своей смертью, и не в опале, ибо был похоронен в месте погребения государей московских — в Архангельском соборе Кремля. Хан Ядыгар 26 февраля 1553 г. тоже принял крещение и получил имя Симеон. Иван Грозный дал ему богатый двор в Москве; в документах он числился «царем Симеоном». Умер он своей смертью 26 августа 1565 г. и был погребен в Благовещенской церкви Чудова монастыря. Из казанских ханов Шах-Али оказался единственным, кто сохранил свою веру. Он длительное время был ханом касимовским и умер там 20 апреля 1567 г.

Вопреки сложившемуся мнению, война не была закончена со взятием Казани, а продолжалась до конца 1556 г.

Формально война с казанцами не является русско-турецкой войной, но без хотя бы некоторого представления о ней мы не сможем понять истоки многовековой русско-турецкой конфронтации. В конце XV — начале XVI века Турция бросила военный и идеологический вызов Руси, приняв в подданство Крымское и Казанское ханства. С военной точки зрения, Русь в начале 20-х гг. XVI века была поставлена на грань гибели, и борьба с Гиреями стала вопросом жизни и смерти. Взятие Казани было не следствием завоевательской политики Ивана Грозного, а жизненной

необходимостью Русского государства.

Идеологическая же агрессия Турции состояла в том, что султан объявил себя повелителем всех мусульман. Таким образом, ему должны были подчиняться не только правоверные в Крыму, Казани и Астрахани, но даже в Касимове, под боком у Москвы. Борьба с идеологической агрессией только с помощью пушек было довольно бесперспективно, поэтому русские начали ответное идеологическое наступление под лозунгом «Москва — Третий Рим».

В окончательном варианте этот тезис прозвучал в послании монаха псковского Елизарова монастыря Филофея в 1514 г. к великому князю Василию III. Следуя тезису о богоустановленном единстве всего христианского мира, Филофей доказывал, что первым мировым центром был Рим старый, за ним Рим новый — Константинополь, а в последнее время на их месте стал третий Рим — Москва. «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертого не бывать», — писал Филофей. Заметим, что Филофей знал, к кому обращаться. Мать Василия III София Палеолог была племянницей последнего византийского императора.

Филофей был не одинок. Одним из самых серьезных его соавторов в идее Третьего Рима оказался... римский папа Лев X. Стоит привести дословно послание папы к Василию III, отправленное в 1517 г.: «Папа хочет великого князя и всех людей Русской земли принять в единение с римскою церковью, не умаяя и не переменяя их добрых обычаев и законов, хочет только подкрепить эти обычаи и законы и грамотою апостольскою утвердить и благословить. Церковь греческая не имеет главы; патриарх константинопольский в турецких руках; папа, зная, что на Москве есть духовнейший митрополит, хочет его возвысить, сделать патриархом, как был прежде константинопольский; а наияснейшего царя всея Руси хочет короновать христианским царем... А если великий князь захочет стоять за свою отчизну константинопольскую, то теперь ему для этого дорога и помощь готовы».

Итак, вопреки всем ненавистникам России, первым овладеть Константинополем предложил римский папа. А по канонам католической церкви, римский папа непогрешим, то есть не может ошибаться.

Надо ли говорить, что замена московского герба с Георгием Победоносцем на новый с двуглавым орлом была предложена исключительно для внешнего потребления, чтобы доказать, что Россия является Третьим Римом и наследницей Византии. Для Византии двуглавый орел означал раздел Римской империи на Западную и Восточную, а для России это было нонсенсом, говоря современным языком

— черныбыльским мутантом. Также для внешнего потребления Иван IV сам себя объявил царем (искаженное от «цезарь»). В России никаких кесарей ранее не водилось, и власти Ивану от нового титула не убавилось, не прибавилось. Это тоже была претензия на византийское наследство.

Итак, к концу XVI века две великие империи — Россия и Порта, — еще не имея общей границы, стали великими антагонистами. Султан считал себя властелином миллионов русских подданных мусульман, а царь — защитником миллионов православных турецких подданных и владельцем константинопольской вотчины, которая по совместительству были султановой столицей.

Покорение Казани для Москвы было лишь промежуточной целью. Турецкий султан Сулейман II претендовал на Астраханское ханство. Кроме того, занятие Астрахани обеспечивало Руси свободный выход к Каспийскому морю.

В Стамбул из Крыма полетели отписки: этим летом к Астрахани идти нельзя, потому что безводных мест много, а зимой к Астрахани идти — турки стужи не поднимут, к тому же в Крыму голод большой, запасами подняться нельзя.

На следующий год Девлет Гирей постарался вовсе отклонить султана от похода на Астрахань. «У меня, — писал он, — верная весть, что московский государь послал в Астрахань 60 000 войска; если Астрахани не возьмем, то бесчестие будет тебе, а не мне; а захочешь с московским воевать, то вели своим людям идти вместе со мною на московские украины: если которых городов и не возьмем, то по крайней мере землю повоюем и досаду учиним».

Параллельно Девлет Гирей бомбардировал посланиями царя Ивана, в которых он подробно рассказывал о намерениях султана и усиленно шантажировал царя. Хан предлагал отдать ему Казань и Астрахань, мотивируя тем, что иначе их заберут турки. Вряд ли хан всерьез надеялся получить их, во всяком случае, с царя можно было содрать огромные поминки (то есть единовременную дань). О Казани и Астрахани царь Иван резонно ответил: «Когда то ведется, чтоб, взявши города, опять отдавать их».

Весной 1569 г. в Кафу морем прибыло 17-тысячное турецкое войско. Султан отдал приказ кафинскому паше Касиму возглавить войско, идти к Переволоке, каналом соединить Дон с Волгой, а затем взять Астрахань. Вместе с турками в поход двинулся и хан Девлет Гирей с 50 тысячами всадников. Турецкие суда, везшие тяжелые пушки, плыли по Дону от Азова до Переволоки.

На одном из судов в числе других пленных, служивших гребцами, находился Семен Мальцев, отправленный из Москвы послом к ногайцам и захваченный турками у Азова. «Каких бед и скорбей не потерпел я от Кафы до Переволоки! — писал Мальцев. — Жизнь свою на каторге мучил, я государское имя возносил выше великого царя Константина. Шли каторги (суда) до Переволоки пять недель, шли турки с великим страхом и живой свой отчаяли; которые были янычары из христиан, греки и волохи дивились, что государевых людей и козаков на Дону не было; если бы такими реками турки ходили по Фряжской и Венгерской земле, то все были бы побиты, хотя бы козаков было 2000, и они бы нас руками побрали: такие на Дону крепости (природные укрепления, удобные для засад) и мели».

В первой половине августа турки достигли Переволоки и начали рыть канал. Естественно, прорыть его за 2–3 месяца было нереально. В конце концов паша Касим отдал приказ тащить суда волоком. При этом Девлет Гирей и его татары вели пораженческую пропаганду среди турок, стращали их суровой зимой и бескормицей, что, в общем-то, было вполне справедливо. Но тут турок выручили астраханские татары, пригнавшие по Волге необходимое число гребных судов. Используя их, Касим в первой половине сентября подошел к Астрахани, но штурмовать ее не решился. Вместо этого он остановился ниже Астрахани на старом городище, решив там построить крепость и зимовать.

Но 50-тысячная татарская орда не могла зимовать в Астрахани. Крымские татары никогда не вели длительных осад. Вспомним Шамиля Басаева — «набег — отход, набег — отход». Поэтому Касим был вынужден отпустить татар на зимовку в Крым. Но тут взбунтовались янычары. Мальцев писал: «Пришли турки на пашу с великою бранью, кричали: нам зимовать здесь нельзя, помереть нам с голоду, государь наш всякий запас дал нам на три года. А ты нам из Азова велел взять только на сорок дней корму, астраханским же людям нас прокормить нельзя; янычары все отказали: все с царем крымским прочь идем».

Одновременно из Астрахани русские через пленного подбросили Касиму дезинформацию. Мол, вниз по Волге на помощь Астрахани идет князь Петр Серебряный с 30 тысячами судовой рати, а полевому государю под Астрахань отпустил князя Ивана Вельского со 100 тысячами войска. К ним собираются примкнуть ногайцы, а персидский шах, давний враг султана, воспринял поход турок к Астрахани как попытку создания базы для операций против Персии и шлет к Астрахани свои войска. Как видим, «деза» была весьма убедительна и правдоподобна. Нервы у Касима сдали, и 20 сентября турки зажгли свою деревянную крепость и побежали от

Астрахани. В 60 верстах выше Астрахани Касиму встретился гонец от султана Селима II, который требовал, чтобы Касим зимовал под Астраханью, а весной туда прибудет сильное турецкое войско. Увы, остановить бегущее войско грамотой султана не удалось. Мало того, хитрый Девлет Гирей повел турок в Азов не прежней дорогой вверх по Волге, а там не через Переволоку на Дон и вниз по реке, а через пустынные степи, так называемой Кабардинской дорогой. Из-за отсутствия воды и пищи погибло много турок. Многие говорили, что новый султан Селим несчастлив, раз так неудачно закончили первый поход его войска.

В 1570 г. Иван Грозный направил дьяка Новосильцева в Стамбул под предлогом поздравления Селима II с восшествием на престол. Дьяк изложил султану русскую версию покорения Казани и Астрахани: «Государь наш за такие их неправды ходил на них ратью, и за их неправды бог над ними так и учинил. А которые казанские люди государю нашему правдою служат, те и теперь в государском жалованьи по своим местам живут, а от веры государь их не отводит, мольбищ их не рушит: вот теперь государь наш посадил в Касимове городке царевича Саип-Булата, мизгити (мечети) и кишени (кладбища) велел устроить, как ведется в бусурманском законе, и ни в чем у него воли государь наш не отнял: а если б государь наш бусурманский закон разорял, то не велел бы Саип-Булат среди своей земли в бусурманском законе устраивать».

Солидную взятку, «жалованье», русские послы отвалили султанову фавориту Махмету-паше. Русским дипломатам не удалось добиться признания захвата Астрахани и заключения мира, но от намерения посылать турецкие войска, как против Астрахани, так и против России вообще, Селим отказался.

Зато Девлет Гирей, избавившись от турецких войск, счел себя достаточно сильным, чтобы потребовать у Ивана IV Казань и Астрахань. Весной 1571 г. хан собрал 120-тысячную орду и двинулся на Русь.

Иван Грозный поспешил уехать «по делам» в Александровскую слободу, а оттуда — в Ростов. При этом в походе хана он обвинил «изменников бояр», назвавших татар.

24 мая хан подошел к Москве. В предместьях города завязался бой, и татары сумели поджечь окраины Москвы. Был сильный ветер и жара, и за три часа пожар истребил громаду сухих деревянных строений. Уцелел только Кремль. По сведениям иностранцев, в огне погибло до 800 тысяч человек. Данные эти, видимо, преувеличены, но не следует забывать, что в Москву, спасаясь от татар, сбежало много народу из окрестностей. По русским данным, людей погорело бесчисленное множество. Митрополит с

духовенством просидели в соборной церкви Успения. Первый боярин, князь Иван Дмитриевич Вельский, задохнулся на своем дворе в каменном погребе. Других князей, княгинь, боярынь и всяких людей кто перечтет? Москва-река мертвых не пронесла: специально были поставлены люди спускать трупы вниз по реке. Хоронили только тех, у кого были родственники или знакомые.

Пожар мешал татарам грабить в предместьях. Осаждать Кремль хан не решился и ушел с множеством пленных — по некоторым данным, до 150 тысяч, — услышав о приближении большого русского войска. Когда Иван возвращался в Москву, то в селе Братовщине, на Троицкой дороге, его встретили послы Девлета Гирея, подавшие ему ханскую грамоту. Там было сказано: «Жгу и постошу все из-за Казани и Астрахани, а всего света богатство применяю к праху, надеясь на величество божие. Я пришел на тебя, город твой сжег, хотел венца твоего и головы; но ты не пришел и против нас не стал, а еще хвалишься, что-де я московский государь! Были бы в тебе стыд и дородство, так ты б пришел против нас и стоял. Захочешь с нами душевною мыслию в дружбе быть, так отдай наши юрты — Астрахань и Казань; а захочешь казною и деньгами всесветное богатство нам давать — ненадобно; желание наше — Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видел и опознал».

Иван ответил хану льстивой грамотой: «Ты в грамоте пишешь о войне, и если я об этом же стану писать, то к доброму делу не придем. Если ты сердишься за отказ к Казани и Астрахани, то мы Астрахань хотим тебе уступить, только теперь скоро этому делу стать нельзя: для него должны быть у нас твои послы, а гонцами такого великого дела сделать невозможно; до тех бы пор ты пожаловал, дал сроки, и земли наши не воевал». Одни историки уверяют, что царь трусил, а другие — что это была военная хитрость и он тянул время. Я думаю, что имело место и то и другое. Иван был столь же хитер, сколь и труслив.

В ответном письме Девлет Гирей писал царю: «Что нам Астрахань даешь, а Казани не даешь, и нам то непригоже кажется: одной и той же реки верховье у тебя будет, а устьем у меня как быть!»

Летом 1572 г. хан со 120-тысячной ордой опять двинулся к Москве. В 50 километрах от Москвы, на берегу реки Лопасни, Девлет Гирей был перехвачен князем Михаилом Ивановичем Воротынским. В кровопролитном бою татары потерпели поражение и бежали в Крым с большими потерями. После этого хан переменял тон и прислал сказать Ивану:

«Мне ведомо, что у царя и великого князя земля велика и людей много:

в длину земли его ход девять месяцев, поперек — шесть месяцев, а мне не дает Казани и Астрахани! Если он мне эти города отдаст, то у него, и кроме них, еще много городов останется. Не даст Казани и Астрахани, то хотя бы дал одну Астрахань, потому что мне срам от турецкого: с царем и великим князем воюет, а ни Казани, ни Астрахани не возьмет и ничего с ним не сделает! Только царь даст мне Астрахань, и я до смерти на его земли ходить не стану; а голоден я не буду: с левой стороны у меня литовский, а с правой — черкесы, стану их воевать и от них еще сытей буду: ходу мне в те земли только два месяца взад и вперед».

Я умышленно привожу длинные, возможно, скучные для части читателей цитаты из писем крымских ханов, дабы не вызвать упреков в предвзятости к крымским татарам. Сам хан открыто признается, что его народ — банды разбойников, и без грабежа они помрут с голоду, но поскольку есть возможность грабить слева и справа, они могут дать Руси и несколько лет пожить спокойно.

Иван в ответной грамоте также переменял тон: он отвечал хану, что не надеется на его обещание довольствоваться только Литовской и Черкесской землей. «Теперь, — писал он, — против нас одна сабля — Крым; а тогда Казань будет вторая сабля, Астрахань — третья, ногаи — четвертая». Грозный обожал в письмах подкалывать своих оппонентов. Не удержался и тут, напомнил о хвастливых словах хана о Казани и Астрахани: «Поминки я тебе послал легкие, добрых поминков не послал: ты писал, что тебе ненадобны деньги, что богатство для тебя с прахом равно».

На этом, собственно, и закончилась борьба за Казань и Астрахань. Более никто не пытался оспаривать у России этих городов. По крайней мере, до времен Ельцина и Шамиева.

Глава 2

ЧИГИРИНСКИЕ ВОЙНЫ

Чтобы понять последующие события, нам придется разобраться в крайне запутанной ситуации в Малороссии ^[4] в середине XVII века.

С начала XVII века происходит резкое усиление панского гнета и агрессивности католического клира против православного населения Малороссии. Богатые польские шляхтичи, не говоря уже о магнатах, творят на Украине, равно как и в Польше, форменный беспредел.

Чигиринский подстароста поляк Даниэль Чаплинский в 1645 г. напал на хутор Субботово, принадлежавший его соседу сотнику Богдану Хмельницкому. Чаплинский захватил гумно, где находилось четыреста копен хлеба, и вывез его. Но хуже всего было то, что подстароста умыкнул любовницу сотника. Богдан недавно овдовел и вроде не прочь был жениться еще раз. Скорей всего, причиной налета и был спор из-за бабы, а не из-за копен хлеба. К тому же Чаплинский велел высечь плетью десятилетнего сына Богдана, после чего мальчик расхворался и вскоре умер.

Богдан Хмельницкий с десятью казаками в январе 1646 г. прибыл в Варшаву и лично бил челом королю Владиславу на обидчиков своих.

По сведениям московского лазутчика Кунакова, бывшего в то время в Варшаве, старик Владислав посетовал Хмельницкому на свое бессилие перед беспределом панов. Король одарил казаков сукнами, а Хмельницкому, кроме того, подарил саблю со словами: «Вот тебе королевский знак: есть у вас при боках сабли, так обидчикам и разорителям не поддавайтесь и кривды свои мстите саблями; как время придет, будьте на поганцев и на моих непослушников во всей моей воле».

****Quilt|2013****

Хмельницкий последовал королевскому совету и начал партизанскую войну против польских панов на Украине. К весне 1647 г. у него было 8 тысяч казаков. Однако этих сил не хватало для борьбы с регулярной польской армией, двинувшейся на Украину, и Богдан начал искать союзников. В том же 1647 году он пригласил на Украину крымского хана Менгли Гирея. Но казак вскоре убедился, что крымцы предпочитают больше грабить, чем драться с ляхами. Тогда взгляды Богдана обратились на северо-восток к «тишайшему» царю Алексею.

С 1648 г. в Москву прибывают несколько делегаций от Хмельницкого с просьбой принять Малороссию в подданство московского царя.

Тишайший долго колебался. Но вот 8 января 1654 г. в Переяславле на знаменитой раде принимается решение о вхождении Малороссии в состав Государства Московского.

Эта акция, естественно, привела к началу большой русско-польской войны. Русские войска заняли Минск, Гродно, Вильно (с 1939 г. Вильнюс) и вышли к Бресту. Сложившаяся обстановка крайне благоприятствовала русским войскам. В конце 1655 г. шведские войска вторглись в пределы Речи Посполитой и заняли Познань, Краков и Варшаву. Польский король Ян-Казимир бежал в Силезию.

Царь Алексей Михайлович, которого отечественные историки почему-то именуют Тишайшим, на самом деле был очень тщеславным человеком. К тому же в то время царь был под жесткой опекой фантастически честолюбивого и властного патриарха Никона. Царь Алексей уже считал себя властителем Волины, Подолии, всей Белой Руси и всего Великого княжества Литовского. Мало того, царь и патриарх всерьез думали о присоединении и остальных земель Речи Посполитой.

Карл X Густав предложил царю поделить Речь Посполитую. Это было почти идеальное предложение для России, даже если бы большая часть бывших польских земель досталась шведам. В любом случае России потребовалось не менее 20–40 лет, чтобы переварить даже небольшие территории, побывавшие под властью Речи Посполитой. А вот шведы бы гарантированно подавились польским пирогом, благо, польское панство — еще та публика!

Увы, рассудок покинул царя, и он предъявил шведам заведомо невыполнимые требования.

17 мая 1656 г. под звон московских колоколов царь Алексей Михайлович объявил войну шведскому королю Карлу X Густаву. Русский корпус под началом Петра Потемкина двинулся для занятия берегов Финского залива. На помощь Потемкину был направлен большой отряд донских казаков. При отправке казаков патриарха Никона занесло — он благословил казаков не более не менее, как идти морем к Стокгольму и захватить его.

Мало того, Алексей и Никон, не дюже разбираясь в обстановке на Украине, начали с ходу закручивать гайки. Надо ли говорить, что малороссийские старшины, да и простые казаки не затем поднимали бунт против ляхов, чтобы становиться московскими холопами.

Разумеется, какая-то унификация системы управления на Украине по

образцу Москвы должна была произойти. Но делать это следовало лишь после окончания войны и крайне медленными темпами.

В результате значительная часть украинской шляхты и казачества выступили против царских войск. Шведская армия еще в Тридцатилетней войне закрепила за собой звание лучшей в Европе. Шведы без труда поколотили воинство Тишайшего.

Янычарам удалось незаметно войти в самую Сечь. Но тут пьяный казак Шевчик, вышедший на улицу справить нужду, увидел басурман и тихо поднял своих товарищей. Казаки внезапно открыли огонь из куреней. Затем запорожцы перешли в контратаку, и начался рукопашный бой. Как писал Д. И. Яворницкий: «На самом рассвете дня они покончили с турками, и всю Сичь и все курени со всех сторон, и всю божественную церковь и все арматы окрасили и осквернили бусурманскою кровью, а все сичевые улицы и переулки неприятельскими трупами завалили. Трупы те лежали, облитые их же собственной кровью, склеенные и замороженные сильным морозом, бывшим в то время. Как велико было их число, видно из того, что из пятнадцати тысяч янычар едва полторы тысячи ушло из Сичи и спасено татарами на лошадях. А между тем хан, стоявший около Сичи в ожидании конца задуманной облавы, увидя несчастный конец неудавшегося замысла, взвыл, как волк, подобно древнему Мамаю, побежденному русскими на Куликовом поле»^[5].

Крымский хан Эльхадж-Селим Гирей бежал в Крым так быстро, что отряд запорожцев в 2 тысячи человек так и не смог догнать остатки татар и турок. В ходе этой «заварухи» было убито 50 и ранено около 80 казаков. Своих убитых запорожцы предали земле «честным и знаменитым погребением», а сотни турецких и татарских трупов спускали под лед. О количестве убитых басурман можно судить по тому, что, сделав шесть прорубей в Днепре, казаки занимались этим неприятным делом целых два дня.

Утром после боя казаки обнаружили 150 спрятавшихся татар, из которых было четыре аги^[6]. За них крымский хан прислал «двенадцать тысяч киндяков^[7] и шесть больших бут доброго крымского вина», а за каждого агу еще по две тысячи левов. Казаки не смогли устоять и уступили пленных с миром.

В 1675 г. султан Мехмед IV прислал в Сечь письмо, в котором предлагал запорожским казакам признать свою зависимость от Турции и покориться ему как «непобедимому лицарю». На что последовал знаменитый ответ запорожцев: «Ты — шайтан турецкий, проклятого черта

брат и товарищ и самого Люцифера секретарь! Какой ты к черту лицарь?» Заметим, что письмо, опубликованное в конце XIX века русской прессой, было сильно искажено цензурой, поскольку казаки не стеснялись в выражениях. Кончалось подлинное письмо так: «Вот как тебе казаки ответили, плюгавче! Числа ж не знаем, ибо календаря не имеем, а день у нас який и у вас, так поцелуй же в сраку нас! Кошевой атаман Иван Сирко со всем кошем запорожским».

Ряд историков сомневаются в подлинности этого письма, но, в любом случае, оно соответствует духу войска Запорожского.

Между тем гетман Дорошенко, от которого отвернулась большая часть сторонников, решил покаяться царю Алексею. Для начала он предложил «сдать гетманство и положить клейноты» перед запорожскими казаками. Запорожцы согласились.

10 октября 1675 г. кошевой запорожский атаман Иван Сирко и донской атаман Фрол Минаев с отрядами запорожцев, донцов и калмыков прибыли к Чигирину. Дорошенко встретил их вместе с духовенством, неся хоругви и образа, а затем созвал на раду всех остававшихся в Чигирине казаков. Когда все собрались, Дорошенко положил свои войсковые клейноты — булаву, бунчук и знамя, и перед Евангелием произнес клятву на вечное подданство царю Алексею Михайловичу. А запорожцы присягнули в том, что «Дорошенко будет принят царским пресветлым величеством в отеческую милость и останется в целости при ненарушимом здоровье, чести и пожитках, со всем войском, при нем находящимся, сохранивши свои войсковые клейноты, не подвергаясь отмщению за свои прежние вины, и от всех неприятелей: татар, турок и ляхов — будет царскими войсками защищаем и обороняем, а все запустелые места на правой стороне наполнятся снова людьми и будут вовеки тешиться вольностями и разживаться, как левая заднепровская сторона».

Сирко забрал войсковые клейноты Дорошенко и увез их в Сечь. 15 октября он известил Малороссийский приказ о происшедшем важном событии и от имени всего запорожского коша бил челом принять Дорошенко милостиво, сообразно данной им присяге верно служить царскому пресветлому величеству.

В марте 1677 г. Дорошенко был доставлен в Москву. Алексей Михайлович скончался в 1676 г., и на престол вступил его сын Федор. Бывший гетман был удостоен царской аудиенции. Думный дьяк перечислил все его вины, а затем объявил, что «великий государь все вины его и преступления прощает и никогда уже вины те ему воспомянуты не будут, а

за учинение присяги царю и за отлучение от агарянского ига, великий государь указал ему быть на Москве при своей государственной милости для способов воинских против неприятельского наступления турецкого султана и крымского хана на Украину».

В Москве Дорошенко «купил двор за 700 рублей» (видимо, речь идет об усадьбе) и построил новый дом «о семи покоях». А в апреле 1679 г. бояре предложили ему быть воеводой в Вятке с жалованьем 1000 рублей в год. Дорошенко понял, что его больше не выпустят на Украину, Да и там у него было слишком много врагов во главе с гетманом Самойловичем^[8], и согласился. На воеводстве в Вятке он пробыл до 1682 г., а затем вернулся в Москву. Царь Федор подарил ему из государственных волостей тысячу дворов в селе Ярополче под Волоколамском со всеми принадлежавшими к ним угодьями. Дальше Дорошенко жил то в Москве, то в Ярополче и тихо скончался в 1695 г. на 71-м году жизни.

Когда в Стамбуле узнали, что «негодный и неблагодарный» Дорошенко, забыв все благодеяния падишаха, изменил ему и отдался московскому государю, то Мехмед IV приказал отправить большое войско на Украину. А для казаков, которые в Стамбуле по-прежнему считались «турецкоподданными», было решено назначить нового гетмана. За неимением лучшего вспомнили о Юрии Хмельницком, сидевшем в константинопольской тюрьме Еди Куллэ (Семибашенный замок).

Третий сын Богдана Хмельницкого осенью 1659 г., в 18 лет, стал гетманом Украины, но у него не было ни ума, ни воли, ни таланта полководца. В 1660 г. он перешел на сторону поляков, а в январе 1663 г. отказался от гетманской булавы и ушел в монастырь, где дослужился до архимандрита. А затем он оказался в турецкой тюрьме.

Теперь турки вывели Юрия из Еди Куллэ и доставили к великому визирю. Там возложили ему на голову бархатный колпак, а на плечи — соболью шубу и провозгласили гетманом и «князем малороссийской Украины». Турки выдумали этот новый титул, чтобы подействовать на украинское население. Тем самым сыну Богдана Хмельницкого как бы давалось наследственное право. Юрий пытался отказаться, мотивируя отказ тем, что он уже постригся в монахи, но великий визирь нашел выход: он приказал константинопольскому патриарху снять с Юрия монашеский обет. Патриарх, не мудрствуя лукаво, выполнил юлю великого визиря.

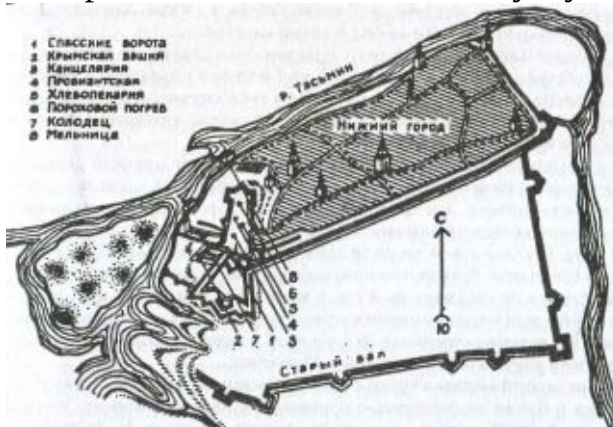
Явление в Константинополе Юрия Хмельницкого, которого в Москве считали умершим, произвело эффект взорвавшейся бомбы. В малороссийские полки и в Сечь были посланы царские грамоты о том, чтоб не слушать «прельстительных универсалов Юраски». В Чигирин были

отправлены генерал-майор Афанасий Трауэрнихт, стрелецкие головы Титов и Мещеринов с их приказами и полковник инженер Фан-Фрастен. В посланных туда трех стрелецких приказах насчитывалось до 24 тысяч человек.

К весне 1677 г. русские и гетманские войска располагались следующим образом: в Батурине^[9] на реке Сейм стоял гетман Самойлович с 20 тысячами казаков. Его главные силы во главе с боярином и воеводой Ромодановским (42 тысячи солдат, рейтаров и конных дворян) собрались в Курске. Резерв составили полки Голицына и Бутурлина в Путивле и Рыльске (15–20 тысяч человек).

И в Москве, и в Батурине понимали, что целью похода турок будет захват Чигирина. Во-первых, город имел важное стратегическое значение, а во-вторых, малороссы привыкли считать его гетманской столицей. Естественно, что турки будут стремиться захватить ее и сделать резиденцией Юрия Хмельницкого.

Прибыв в Чигирин в конце июня 1677 г., Трауэрнихт сразу же занялся приведением в порядок укреплений верхнего города, а нижний город вместе с посадом должны были защищать казаки. Царские ратные люди возводили дубовые стены, недавно сгоревшие от пожара. Казаки в нижнем городе рубили стены, тарасы, насыпали камнями, углубляли рвы.

План города Чигирина.

Патрик Гордон, шотландец на русской службе, так описал укрепления Чигирина: «Замок был не особенно хорошо вооружен. В нем находилось 45 разнообразных пушек; 4 из них, очень длинные, были отлиты в Германии. Кроме них было еще 10 больших пушек; остальные были или короткие для стрельбы картечью, или легкие полевые; кроме того, в замке было еще 5 мортир, из которых 3 были железные. Бомб было очень мало, ручных гранат не более 800. После же осады осталось всего 28 бомб и 23 бочки

пороха.

Длина замка достигает 88 сажен (188 м), ширина со стороны поля 65 саж. (139 м), со стороны города всего 17 саж. (36 м); окружность замка с бастионами, фланками и валом до самой реки равняется 375 саж. (800 м); окружность города с каменной стеной и палисадами 982 саж. (2096 м); от замка до старых укреплений 219 саж. (467 м)».

Прошел июль. 23 июля в Чигирин явился дезертир и объявил, что он был казак, но взят в плен турками и поступил к ним на службу, а потом убил своего товарища и бежал. Он сообщил, что турки уже недалеко, надеются взять Чигирин за 3–4 дня, а потом пойдут на Киев. Об это доложили гетману, в то время находившемуся с войском в Ромнах.

3 августа в виду Чигирина стали появляться турки, а утром 4 августа все огромное турецкое войско раскинулось на восточной и южной стороне от Чигирина.

Командовал турецкой армией Ибрагим-паша по прозвищу Шайтан. По данным того же Патрика Гордона, у Ибрагим-паши было 45 тысяч татар и валахов, из которых около 15 тысяч янычар при 28 пушках.

У крымского хана же было до 20 тысяч сабель, а у Юрия Хмельницкого первоначально состояло не более сотни казаков.

Осадив Чигирин, турки сразу приступили к осадным работам и начали обстрел крепости. А Хмельницкий послал к сидевшим в Чигири-не казакам универсал, убеждая признать себя князем, обещал от падишаха всякие милости и, сверх того, сулил каждому казаку жалованье за два года и по два новых жупана.

Несколько дней после этого турки не проявляли никакой активности против нижнего города, ожидая, какое действие возымеет универсал Хмельницкого. А в это время в верхнем городе стали подозревать, не сговариваются ли казаки с «Юраской» и не думают ли отступить от царя. И когда турки подвели свои траншеи к стенам верхнего города на сто шагов, Трауэрнихт приказал казакам идти на вылазку, чтобы убедиться в их надежности. Казаки не перечили, и в ночь на 6 августа казачий отряд в тысячу человек пошел на вылазку. К ним присоединились 300 царских стрельцов. В ходе этой операции казаки и стрельцы потеряли убитыми 30 и ранеными 48 человек.

После этой вылазки турки стали осторожнее, усилили стражу и все ближе и ближе подвигались с апрошами к верхнему городу. Установив две батареи мортир, они стали стрелять по замку 36-фунтовыми и 80-фунтовыми бомбами. Самый сильный огонь стенобитных пушек был направлен на бастион, расположенный у Спасских ворот и сделанный из

двойных сосновых бревен, и на те места вала, где турки замечали пушки. За два дня обстрела турецкие пушки вывели из строя 17 русских пушек.

17 августа между 4 и 5 часами пополудни турки взорвали одну из мин под равелином и разрушили непрочный вал. Осажденные оставили позицию, и ее заняли турки. Но вскоре осажденные организовались и скинули турок с помощью ручных гранат. При этом противник потерял около 100 человек убитыми, а у осажденных убито было 12 человек и ранено 18. Затем осажденные кое-как заделали пролом в равелине.

Между тем 10 августа у Артополота соединились войска Ромодановского и гетмана Самойловича и двинулись на выручку Чигирину.

23 августа турки взорвали еще одну мину, но осажденные заранее узнали об этом взрыве от одного молдаванина, и казаки отбили турок, бросившихся в прорыв.

24 августа осажденные со стен заметили, что большая часть вражеского войска уходит. Это означало, что с левой стороны Днепра уже подходило русское войско. Воспрепятствовать переправе русских сначала отправился крымский хан со своей ордой, а вслед за ним и Ибрагим-паша с большей частью своих сил. А чтобы сбить с толку осажденных, турки усилили обстрел Чигирина и имитировали подготовку штурма.

Целый день 25 августа турки и татары, заняв правый берег Днепра, вели огонь из пушек и мушкетов, не давая русскому войску переправиться через реку. Но казаки по приказу гетмана на лодках спустились по Днепру, вышли на правом берегу и зашли в тыл противнику, так что туркам и татарам пришлось отстреливаться с двух противоположных сторон. С наступлением темноты русское войско благополучно переправилось на правый берег Днепра, и на рассвете 26 августа турки с изумлением увидели большие силы противника.

В 3 часа утра 29 августа турки зажгли свой лагерь. Увидев это, осажденные выслали на разведку отряд. Вернувшись, разведчики доложили, что все траншеи и апроши противника пусты. В одном закоулке они нашли только одного спящего турка, которого, видимо, товарищи забыли разбудить.

За время осады Чигирина было убито 800 казаков, 150 стрельцов и 48 других русских, и раненых было очень много. Турок же, по сведениям осажденных, убито 6 тысяч человек.

О причинах снятия осады с Чигирина турецкий историк Фундуклулу писал в «Хронике Силахдара»: «Силы Ибрагим-паши, командовавшего турецкими войсками, осаждавшими крепость, истощились в неудачной борьбе с русскими, которые блистательно отражали все приступы и,

совершая вылазки, наносили туркам чувствительные удары. Тогда крымский хан Селим-Гирей со свойственной ему искренностью дал Ибрагим-паше совет вывести из окопов войска, собрать артиллерию и пойти прямо по спасительному пути отступления. На военном совете предложение паши было признано благоразумным. Кади-аскер (военный судья) составил протокол, осада была снята, и войска быстро двинулись в обратный путь...»^[10] Мехмед IV был страшно разгневан. По сведениям того же Фундуклулу, «Ибрагим-пашу, прибывшего из-под Чигирина с докладом, султан принял сурово и накричал на него: „Пошел, старый пес! Не мог ты взять такой ничтожной крепостенки, как Чигирин, возвратился прогнанным. Сколько истратил на ветер казны? Что у тебя войска, что ли, мало было? Или у тебя не было пушек и снарядов? Что же было тому причиной?“ Ибрагим-паша ссылался на неприступность крепости и на то, что он прекратил осаду по совету крымского хана, с согласия всех военачальников. Султан пришел в ярость от такого заявления и закричал: „Возьмите прочь этого гяура!“

Ибрагим-пашу по приказу султана заключили в тюрьму Еди Куллэ. Султанский гнев не миновал и крымского хана Селим-Гирея: он был смещен с престола и сослан на остров Родос»^[11].

Хотя при форсировании русскими и казаками Днепра генерального сражения не было, потери с обеих сторон были серьезными. Одни русские потеряли 2460 человек убитыми и до 5 тысяч ранеными. Русско-казацкое войско не решилось преследовать турок и простояло некоторое время у Чигирина.

9 сентября 1677 г. Ромодановский и Самойлович приказали войску идти обратно к Днепру и переправляться на левый берег. Там они встретили другое войско, шедшее на подмогу. Командовал им боярин князь Василий Васильевич Голицын. Предводители отвели свои войска каждый к своим местам: Ромодановский — в Курск, гетман Самойлович — в Батури, а Голицын — в Путивль.

В Москве и Батурине понимали, что турки не успокоятся и будущим летом следует ожидать нового нападения на Чигирин. Московские бояре послали к Самойловичу стольника Василия Тяпкина с предложением разрушить Чигирин до основания и тем предотвратить его захват неприятелем. Гетман на это ответил: «Если Чигирин будет содержаться крепко под царскою рукою, то и обе стороны Днепра будут пребывать в верности великому государю; если же Чигирин разорить, то уж лучше прежде сказать украинскому народу, что он царю не надобен, а потому-то

Чигирин разоряется, либо неприятелю отдается! У нас в народе говорят: за кем Чигирин, за тем и Киев, а за тем и все мы в подданстве. Засядет в Чигирине Юраска — все те, что с правой стороны к нам сюда перешли, пойдут к нему опять на правую сторону, и нам трудно будет их удержать. Если же, Боже сохрани, овладеют Чигирином турки и посадят там своих людей, тогда царь турецкий велит брать запасы с сей стороны Днепра и все наши малороссийские города станут поневоле отдавать ему послушание. Тогда и в великороссийские города проста будет туркам дорога! Вот и теперь уже козаки только того и ждут, чья сторона верх возьмет в Чигирине»^[12].

Гетман убедил московское правительство, и было решено защищать Чигирин до последнего. Новым воеводой назначили туда окольного Ивана Ивановича Ржевского, а инженером при нем — шотландца Петра (Патрика) Гордона, а им под начало дали пять стрелецких приказов и севский драгунский полк.

Параллельно Москва попыталась уладить дела с османами дипломатическим путем. В декабре 1677 г. в Константинополь отправилось русское посольство: стольник Афанасий Поросукوف, подьячий Федор Старков и толмач Григорий Волошанинов. Им поручалось вручить султану грамоту, извещающую о вступлении на престол нового царя Федора Алексеевича. В грамоте была «укоризна» султану за посылку войска к Чигирину и напоминание царя «об исконной прежней дружбе». В ходе переговоров с визирем Поросукوف доказывал, что Малороссия «исстари» принадлежит России, а потому для войны причин нет.

Поросукوف имел встречу с русским резидентом, а по совместительству — константинопольским патриархом. Тот заявил, что «желает всякого добра великому государю, как себе царства небесного, а о замыслах неприятеля креста Христова объявляет: султан Турецкий, имея чрево свое бусурманское ненасыщенное, устремляется этим летом с войсками своими поганскими и желает из-под державы его царского величества владения Петра Дорошенка отобрать, а потом и всею Украйною овладеть».

Поросукوف спросил и о Юраске Хмельницком, по его ли патриаршему благословению монашество с того снято. Патриарх ответил: «Хмельницкий снял с себя монашество своевольно, желая себе столько же освобождения из неволи, сколько княжения и гетманства. По его наущению визирь несколько раз присылал ко мне с просьбами и угрозами, чтоб я с Юраски монашество снял, на княжение Малороссийское и гетманство Запорожское его благословил; но я от этого принуждения освободился подарками и Юраску к себе не пустил».

Оценим дипломатию старого резидента.

В целом миссия Поросукова окончилась провалом, и в 1678 г. война возобновилась. Замечу, что начали ее обе стороны совершенно бездарно.

Окольничий Ржевский прибыл в Чигирин 17 марта 1678 г., но не нашел там ни хлеба, ни войск, а «разбитые стены и пустые житницы». В таком состоянии город могли взять и одни татары. Но у басурман был тот же бардак, что и у нас. В итоге турки явились под Чигирин лишь 9 июня, когда туда уже доставили и войска, и продовольствие.

В начале осады воевода Ржевский составил полный список полков, вошедших в гарнизон Чигирина: драгунский полк (776 человек) и пехотный полк Патрика Гордона (733 человека), три стрелецких полка (1695 человек), сумские казаки (300 человек), казаки Ахтырского полка (1200 человек), а также ряд малых команд. Таким образом, в верхнем городе оказалось 5550 русских ратных людей, а в нижнем городе дислоцировалось три казачьих полка: Гадячский (4850 человек), Чигиринский (340 человек) и Сердюцкий (867 человек); кроме того, рота польских драгун (96 человек) и рота Бориса Корсакова (896 человек) — всего 7049 человек, в основном казаков. Общая численность гарнизона Чигирина, таким образом, составила 12 599 человек.

По данным Патрика Гордона, «в Чигирине в то время находилось 2000 пудов пороха, не считая того, который имел еще каждый полк особо. Разного рода ядер было 3600. Не было только большого запаса бомб, именно их было менее 500 и всего 4 мортиры. Ручных гранат было 1200 штук. В замке было четыре 14-фунтовых длинных пушки. Кроме того, было 6 больших пушек, стрелявших ядрами в 8–10 фунтов, 8 меньших, 14 полковых, 14 коротких для стрельбы картечью, 8 шлангов, стрелявших двух- или трехфунтовыми ядрами, и 11 старых железных пушек разного калибра. Хотя мортир и было 6, но пригодными для употребления оказались только 4, из которых 2 были железные. Внизу в городе было только 15 пушек разного калибра, причем большая часть их были железные»^[13].

Великий визирь Мустафа-паша привел к Чигирину 12 отрядов па-шей (каждый из которых насчитывал по 3 тысячи солдат), 40 «орт» янычар, численностью от 100 до 300 человек каждая, войска господарей Молдавии и Валахии (15 тысяч человек), 7 тысяч сербов, 3 тысячи албанцев. Кроме того, 50 тысяч всадников привел крымский хан Мурад Гирей.

Турки имели 4 большие пушки, каждую из которых везли 32 пары буйволов, 27 больших батарейных орудий разного калибра, 130 полевых пушек, 6 мортир, стрелявших 120-фунтовыми бомбами, 9 меньших мортир,

стрелявших бомбами от 30 до 40 фунтов.

10 июля 1678 г. на рассвете турки начали стрельбу с двух батарей, устроенных против кронверка, и с третьей, устроенной против города около холма и вооруженной пятью пушками. Они стреляли безостановочно, целясь прямо в бойницы и бруствер. Гарнизон Чигирина тоже усердно отстреливался из ружей и пушек, но русские канониры не были достаточно искусны. В этот день гарнизон потерял убитыми 27 солдат и несколько офицеров и около 40 человек ранеными, в основном гранатами и щепками. Всего в верхний и нижний город попало 278 ядер и 86 бомб. И так продолжалось почти каждый день осады.

Кроме бомбардировки турки вели несколько подкопов под крепость. 29 июля турки подорвали первую мину. 30 июля произошли еще два взрыва, причем с таким оглушающим треском, что в нижнем городе подумали, что в верхнем городе уже не осталось никого в живых. В результате этих взрывов в середине одного больверка образовалась брешь шириной 12–15 сажен (26–32 м). Турки бросились туда, но русским удалось отбить противника, а потом кое-как засыпать брешь. В результате гарнизон потерял убитыми 68 человек и 97 ранеными.

А между тем объединенные войска Ромодановского и Самойловича подошли к Днепру и начали переправу. Несмотря на то что заранее было приготовлено большое число лодок и барок, лишь 12 июля вся армия перешла на правый берег. На левом берегу, у Бужинской переправы, остался для прикрытия сильный отряд полковника Ронаера: полк пехоты и полк казаков. Они «были оставлены охранять переправу и излишние орудия».

20 июля десятитысячный отряд крымских татар попытался атаковать русских, но был отбит.

Турецкие войска под началом Каплан-паши заняли возвышенность между Чигириным и Днепром и возвели там укрепления полевого типа. Русские попытались овладеть этими высотами 1 и 2 августа, но безуспешно. А 3 августа, в субботу, Ромодановский выслал штурмовой отряд пехоты численностью свыше 10 тысяч человек. Основные силы следовали за ними. На левой стороне Днепра было оставлено три полка с приказанием ловить и вешать беглецов из войска, если окажутся на левом берегу.

В ходе упорного боя русские овладели высотами. Турки бежали, потеряв, по данным Гордона, 5 тысяч человек и 28 пушек. Потери русских составили полторы тысячи убитыми и тысяча человек ранеными.

Но Ромодановский не воспользовался успехом и медлил. Как писал

Гордон: «Русские расположились на поле, на котором стояли прежде турки. 4-го августа армия выступила и разбила лагерь в 2 милях от Чигирина (на левом берегу реки Тясьмина)... Это слишком далеко, чтобы в случае надобности оказать помощь Чигиринскому гарнизону. Если бы они расположились около самого города, как советовал Гордон, а пехота вся или большая часть вошла в город, то турки, без сомнения, сняли бы осаду; после было с достоверностью узноано, что они и намеревались сделать это»^[14].

Следует отметить, что осада Чигирина была неплотной, и крепость имела регулярную связь с деблокирующей армией Ромодановского и Самойловича. Так, Ромодановский отправил 1300 солдат, 409 стрельцов и 2500 казаков на пополнение гарнизона Чигирина, еще 2 тысячи казаков добавил гетман.

5 августа в 2 часа пополудни турки подорвали мины в подкопе и разрушили значительную часть вала нижнего города, а потом бросились в образовавшийся прорыв. Два часа шла отчаянная резня. В это время воевода Ржевский вышел на вал верхнего города и был убит осколком бомбы, поразившим его в подбородок. Начальство над всеми силами в Чигирине принял Патрик Гордон.

11 августа в 1 час пополудни турки взорвали очередную мину под валом нижнего города. Образовался провал. Находившиеся рядом 500 казаков погибли, а оставшиеся в живых бежали. Ужасный гром оглушил всех, и в бегство обратились даже те, кто был сравнительно далеко от взрыва. К тому же многие казаки были пьяны или спали, и не разобрались, что к чему. Они толпой кинулись из города через Московский мост, надеясь уйти в войсковой обоз. Но за мостом уже стояли турки, пробравшиеся туда через болото. Они разрушили мост, и казаки, тесня друг друга, стали падать в воду. Многие перетонули, в том числе и гадяцкий полковник Криницкий. Тут турки подожгли башню с воротами, стоявшую на Московском мосту.

Между тем от взрыва по всему нижнему городу распространился пожар. Три серденецких полка — Герасимов, Иванеев и Ребриковского — убежали через плотину в верхний город. Турки зажгли внешние стены верхнего города, называемые новым городом. Но внутренние стены (старый город) оставались пока целыми.

Гордон всеми силами пытался спасти погибающий Чигирин, но безуспешно — подчиненные уже не слушали его команды. Вечером один стрелецкий голова шепнул Гордону, что Ромодановский прислал гонца с повелением вывести гарнизон из верхнего города, но гонец не пожелал войти в город и только у ворот на словах передал приказ командующего.

Гордон на это ответил: «Мне дано повеление лучше погибнуть, чем оставить свой пост; и другим я того не позволю, не получивши письменного приказа».

Гордон продолжал давать распоряжения для ликвидации пожара. А чтобы ратники не подумали, что он собирается покинуть свой пост, велел готовить ужин и поставить на стол свой серебряный сервиз.

В 3-м часу ночи прибыл барабанщик полковника Карандеева, стоявшего у ворот с гонцом Ромодановского, который так и не решался войти в город. Барабанщик передал письменный приказ боярина, в котором говорилось, что Гордон должен выступить с ратными царскими людьми, взять с собой те пушки, которые полегче, а остальные закопать, разорить укрепления, уничтожить боеприпасы и порох.

Гордон показал приказ офицерам, оставшимся при нем, велел оставить фитили в амбразурах и зажечь ворота, устроенные для вылазок, а сам собственноручно поджег запасный и амуниционный магазины. В это время все солдаты, не дожидаясь команды, с криками побросали оружие и кинулись бежать, не разбирая дороги, из полыхающего замка. Многих из них изрубили турки, многие потонули в реке, через которую пытались переплыть. Сам Гордон вышел через мост, держа в одной руке пистолет, а в другой — саблю, прошел посреди неприятелей, носивших на копьях отрубленные головы русских, и «в сильном утомлении» добрался до стана.

Увидев Ромодановского, Гордон высказал ему в лицо все, что думал о его действиях. Боярин вяло огрызнулся. Спор их прервал страшный взрыв в захваченном турками верхнем городе (замке). Это взлетел на воздух пороховой склад русских. По данным Гордона, там погибло до 4-х тысяч басурман.

Ряд наших историков винят в сдаче Чигирина... Патрика Гордона. Так, В. В. Каргалов утверждал, что он-де срывал вылазки русских войск из Чигирина, «начисто проиграл минную войну» и т. д. Несколько по-другому оценивает деятельность Гордона «Военная энциклопедия»: «особую доблесть проявил в обороне Чигирина...»^[15] Позже Патрик Гордон станет учителем и сподвижником юного Петра. Царь будет дважды обязан ему престолом. В 1689 г. Гордон откажется выполнять приказ правительницы Софьи и приведет конные полки в Троице-Сергиеву лавру, где укрывался Петр, а в 1696 г. в отсутствие Петра он встретит и разгромит на реке Истре взбунтовавшиеся стрелецкие полки.

Увы, виноват во всем Ромодановский, допустивший бардак во вверенной ему армии. «У нас в походе, — говорил впоследствии в Москве гетманский посланец Мазепа, — с Ромодановским людей было много, а на

боях было их мало, только солдатские полки да стрелецкие приказы, да и стрельцов было немного; прочее все притаилось в обозе на телегах, от рейтар, городских дворян и детей боярских только один крик! Гетман много раз посылал к ним, а они не шли, а гетман принужден был послать в бой все свои козацкие полки, а сам остался со своим двором и драгунами, которые всегда находились неотлучно при нем»^[16].

После сдачи Чигирин Ромодановский был вынужден отступить от Днепра. 12 августа на рассвете армия выступила и шла, построенная в большое каре и окруженная несколькими рядами возов, как шанцами.

И кавалерия, и пехота шли пешие, и этот порядок соблюдался до самого берега Днепра.

12 и 13 августа турки и татары производили конные атаки, но генерального сражения не было. Во второй половине дня 13 августа русские вошли в свой лагерь у Бужина и занялись строительством укреплений. В тот же день калмыки, не желая больше помогать русским, ушли на другую сторону Днепра, а оттуда двинулись в свои края, но по пути «наделали немало бед малороссийским людям». Началось бегство и казаков. Боярин и гетман устроили «заградотряды». Беглецов ловили на правом берегу и нещадно пороли плетью.

С 13 по 19 августа у переправы шли ожесточенные бои. Турки обстреливали русских и казаков из пушек и мортир. Переправа основных сил была невозможна.

В ночь на 20 августа в турецком лагере поднялся сильный шум. Ромодановский приказал полковникам строиться в боевой порядок, предполагая ночное нападение. Но оказалось, что турки в темноте сворачивали лагерь, чтобы отступить обратно к Чигирину.

Почти неделю простояла русская армия на правом берегу Днепра у Бужинской переправы, посылая вперед разъезды казаков и рейтар. Разведчики сообщали, что на несколько дней пути турок нигде не видно, а разрушенный Чигирин пуст. 27 августа русская армия начала переправу на левый берег Днепра.

По «рописи», представленной Ромодановским в Разрядный приказ, главные силы армии потеряли в сражениях с 13 июля по 19 августа убитыми — 3132 человека, умершими от ран — 63 человека, без вести пропавшими — 56 человек, пленными — 45 человек, а всего безвозвратные потери русской армии составили 3287 человек. 5400 ратных людей получили ранения.

Тут следует заметить, что Ромодановский отчитался только о московском войске и не включил потери гетманских казаков. Да и

приведенные цифры отдадут «липой». Это в таком-то походе без вести пропавших 56 человек! Да только дезертиров было в 4–5 раз больше! Кроме того, Чигиринский гарнизон потерял 1300 человек убитыми.

Крымские татары взяли и разграбили несколько небольших правобережных городков — Канев, Черкассы, Корсунь, Немиров — и отправились к Перекопу. А в октябре 1678 г. великий визирь с частью армии Ушел за Буг. Главная причина отступления великого визиря от Бужина была та же, что и Наполеона в 1812 г. — нехватка продовольствия в разоренной стране.

Тем не менее, часть турок осталась на юге Украины, вместе с ними был и Юрий Хмельницкий. Историки типа Каргалова считают сдачу Чигирина победой русских войск, но население Украины думало совсем иначе. Этим воспользовался и Юрий Хмельницкий. В своих универсалах (манифестах) он писал: «Какова была оборона московская: князь Ромодановский и Самойлович, не сдержавши сил наияснейшего султана турецкого и крымского хана, сожгли до основания Чигирин, погубили много душ христианских, а сами со стыдом ушли. Просите же скорее, пока есть время, милости у верховного визиря и отзовитесь к нам с дружбою и послушанием. Буде нас не послушаете, постигнет вас конечная погибель»^[17].

В результате в конце 1678 г. ряд городов Левобережной Украины присягнули Хмельницкому. Среди них были Корсунь (на реке Рось), а также Кальник и Немиров (в районе Винницы). Жители Канева ответили Хмельницкому, что не могут перейти на его сторону, опасаясь «московских людей», благо, город стоял на правом берегу Днепра. Многие обыватели вместе с семьями начали перебираться на левый берег. Находившийся в Переяславле гетман Самойлович послал в Канев несколько сотен пехотного полка Кожузовского, надеясь, что Юраска придет с небольшим отрядом татар, и в то же время советовал всем остальным горожанам убираться скорее за Днепр.

Великий визирь отправил на Канев несколько тысяч турок с 15 пушками. Казаки Самойловича не выдержали натиска неприятеля и все погибли в бою. Немногочисленные жители, оставшиеся в Каневе, укрылись в каменной церкви. Но турки обложили церковь дровами и хворостом и подожгли их. Все находившиеся внутри задохнулись от дыма. Испуганные судьбой Канева, Юрию Хмельницкому покорились городки Черкассы, Машна и Жаботин.

По возвращении посланного в Канев турецкого отряда визирь с Капустиной долины двинулся со всем войском в турецкие владения.

Сам же Юрий Хмельницкий сделал своей резиденцией город Немиров. Кроме казаков у него было полторы тысячи крымских татар. В январе — феврале 1679 г. Хмельницкий совершил рейд на Левобережье, но быстро ушел за Днепр, преследуемый гетманскими казаками.

Полки гетмана Самойловича во второй половине февраля 1679 г. форсировали Днепр и начали выбивать сторонников Хмельницкого и крымских татар из правобережных городов. 25 февраля был штурмом взят город Ржищев (на Днепре выше Канева). Город был сожжен, а всех обывателей отправили на жительство в Переяслав и Корсунь.

Рано утром 4 марта гетманские войска двинулись к Деренковцу, Драбовцу, Староборью и далее вниз по реке Рось. Жители выходили встречать их хлебом-солью, приносили повинную и приводили связанных татар. Семен Самойлович (сын гетмана) всем жителям этих городков велел переселяться за Днепр, а сами городки приказал сжечь. Между тем гадяцкий полковник с казаками и воевода Косагов с царскими ратными людьми переправился через Днепр ниже и приступил в Жаботину. Жаботинцы попытались сопротивляться, но вскоре сдались. Жаботин был также сожжен, и жители переселены на левый берег Днепра. Та же участь постигла и город Черкассы.

Как писал Н. И. Костомаров: «Это важное событие в истории Малороссийского края, по преданиям, осталось в народной памяти под названием „сгона“: остаток народонаселения правобережной Украины был теперь окончательно выведен оттуда по распоряжению власти (согнан), а Самойлович мог положительно верно донести московскому правительству, что вся правобережная Украина обезлюдела, и Хмельницкий, оставаясь в своем Немирове, не мог, как бывало прежде, вредить пограничным городам и селениям царской державы»^[18].

Эти действия гетмана показали, что Москва отказалась от попытки присоединить к себе юг Правобережной Украины. Турки тоже не хотели продолжать войну. В итоге в Крым в сентябре 1680 г. был отправлен талантливый дипломат стольник Василий Тяпкин. Обе стороны не хотели «терять лицо», поэтому лишь в начале 1681 г. был заключен так называемый Бахчисарайский мир между Россией, с одной стороны, и Турцией и Крымским ханством — с другой. Точнее, это был не мир, а перемирие сроком на 20 лет (начиная с 3 января 1681 г).

По условиям этого перемирия, границей между Турцией и московскими владениями стала река Днепр. Москва обязалась выплатить дань крымскому хану за три последних года (она не выплачивалась из-за войны). Кстати, у нас дань называли подарками (поминками).

По условиям перемирия, в течение 20 лет от Буга до Днепра крымскому хану и турецкому султану не разрешалось строить новых городов или восстанавливать старые разоренные города и местечки. Московское же правительство обязывалось не принимать перебежчиков, никаких поселений на упомянутых казацких землях не строить, «оставить их впусе». Запорожские казаки оставались на стороне Московского государства, а «султану и хану до них дела нет, под свою державу их не перезывают».

В итоге гетман обеих сторон Днепра Самойлович вновь стал гетманом Левобережья. Юрий Хмельницкий был теперь никому не нужен, и турки, придравшись к нему из-за убийства какой-то еврейки, увезли его из Немирова и удавили на берегу Дуная.

В 1681 г. в Бахчисарае московские послы отдали туркам юг Левобережной Украины, то есть то, что принадлежало полякам по Андрусовскому договору 1667 г. Справедливости ради замечу, что и ляхи, заключив мир с турками 17 октября 1676 г., нарушили этот мир, ущемив интересы России.

Утверждение турок на Левобережной Украине было смертельно опасно для Речи Посполитой. И в 1683 г. ляхи напали на турок. Им Удалось отбить Немиров и ряд подольских городков. Поляки пытались втянуть в войну с Турцией и Россию. Но 27 апреля 1682 г. в Москве скончался царь Федор Алексеевич, и началась смута. Тут было не до войны с турками.

1 (12) сентября 1683 г. поляки, немцы и левобережные казаки под командованием польского короля Яна Собеского разбили турок под Веной. После этого турки уже не совались на правый берег Днепра.

26 апреля (6 мая) 1686 г. в Москве был подписан «вечный мир» между Россией и Речью Посполитой. Согласно его статьям, граница между двумя странами в Малороссии от города Лоева шла по Днепру вплоть до впадения в него реки Тясмины.

Итак, «Чигиринские войны» России и Турции привели лишь к восстановлению статус-кво, определенного Андрусовским договором. С другой стороны, упорное сопротивление московского войска и казаков Самойловича спасло Украину от турецкой оккупации. Наконец, стоит отметить и третий важный аспект — именно «Чигиринские войны» стали первыми из серии конфликтов между Турцией и Россией.

Глава 3

ВЗЯТИЕ АЗОВА И КАТАСТРОФА НА ПРУТЕ

В 1683 г. султан Мехмед IV предпринял большой поход на Австрию. В июле 1683 г. его войска осадили Вену. Город был на грани гибели, но его спасло появление армии польского короля Яна Собесского. 1 сентября 1683 г. турки были наголову разбиты под Веной.

В 1684 г. в войну с Турцией вступила Венеция. В том же году австрийские войска заняли большую часть Хорватии, которая вскоре стала австрийской провинцией. В 1686 г., после полутора веков турецкого господства, город Буда был взят австрийцами и вновь стал венгерским городом. Венецианцы с помощью мальтийских рыцарей в 1693 г. захватили остров Хиос.

Подстегиваемый австрийскими и польскими дипломатами, молодой царь Петр не сумел оценить стратегическую обстановку и решил захватить крепость Азов и тем самым получить доступ как минимум к Азовскому морю.

В январе 1695 г. Петр приступил к подготовке к первому Азовскому походу. В феврале начался сбор поместной конницы (дворянского ополчения) в Белгороде. При этом с целью дезинформации был пущен слух, что царь с войском пойдет на Крым. 4 марта из Москвы пешком вышли во главе с Патриком Гордоном семь стрелецких и Бутырский полки. В Тамбове к ним присоединились четыре солдатских полка. Провиант и снаряжение заготавливались в Воронеже и доставлялись вниз по Дону. 24 июня 1695 г. войска Гордона стали лагерем под Азовом, но, ожидая прибытия главных сил, боевых действий не начинали.

Основные силы под командованием Ф. А. Головина, Франца Лефорта и самого Петра вместе с артиллерией в конце апреля сели на струги на Москве-реке. По Оке они дошли к 19 мая до Нижнего Новгорода, затем спустились по Волге до Царицына, а оттуда добрались сухим путем до казачьего городка Паншина на реке Дон, где снова сели на струги и поплыли вниз. 29 июня флотилия Петра приблизилась к Азову, где стояли войска Гордона.

Со времени ухода донских казаков турки основательно укрепили Азов. Крепость была окружена каменными стенами. Перед стеной возвышался

земляной вал и был прорыт ров с деревянным частоколом. На расстоянии в полверсты от основных укреплений крепости было насыпано еще два земляных вала. А в трех верстах от крепости на берегах Дона в 1663 г. турки построили две большие каменные башни, так называемые каланчи. Между каланчами были протянуты три железные цепи, перегораживающие выход судам из Дона в море. На берегу Мертвого Донца (северного рукава Дона) по повелению султана Магомета IV построили форт Лютик. Это было очень прочное и надежное каменное сооружение четырехугольной формы, обнесенное земляным валом и окруженное рвом, заполненным водой. По углам форта возвышались четыре башни, внутри находились помещения для гарнизона.

Взять Азов штурмом и с ходу шансов почти не было. Поэтому русские начали правильную осаду крепости. 7 июля русские осадные батареи начали обстрел Азова. На одной из батарей в течение двух недель бомбардир Петр Алексеев сам начинял гранаты и бомбы и сам стрелял, а потом записал о своей службе: «Зачал служить с первого Азовского похода бомбардиром».

Для атаки каланчей кликнули охотников (добровольцев) из донских казаков. За участие в операции каждому было обещано по 10 рублей. Сумма, кстати, по тем временам немалая. 14 июля казаки взяли одну каланчу, в ночь с 14 на 15 июля турки оставили и вторую. В каланчах русские нашли 32 турецкие пушки.

Турки не остались в долгу. 14 июля к ним бежал голландский матрос Яков Янсен, состоявший на русской службе. Янсен рассказал, что днем, во время сильного зноя, русские ложатся спать. В полдень 15 июля турки скрытно вышли из крепости. Впереди них шел русский раскольник, который на окрик часового назвался казаком. После этого турки стремительно ворвались в траншеи, чем вызвали панику в русских войсках. Лишь через несколько часов Гордону удалось отбить у турок захваченные траншеи. Однако к этому времени турки увезли в Азов 9 полевых пушек и испортили много осадных орудий.

5 августа Петр приказал идти на штурм. Для этого было отобрано 4500 охотников. Туркам удалось отбить штурм и нанести большие потери русским.

Кукуйские немцы предложили Петру подвести подкоп под стены крепости и взорвать мощную мину. 16 сентября мина была взорвана, но подкоп провели не туда. Турки не пострадали, а у русских было 30 человек убито и свыше 100 ранено. Сделали еще один подкоп. Взрыв второй мины стоил русским войскам сотни убитых и раненых. Турки же только

посмеивались. Повторный штурм также кончился неудачей.

27 сентября на военном совете было принято решение снять осаду и отступить. 22 ноября царь Петр с торжеством вступил в Москву. Было объявлено о большой победе над турками. Две башни (каланчи) объявили городом Новосергиевском, который-де был успешно взят.

На самом деле победы были, да вот царь Петр к ним отношения не имел. В мае 1695 г. русский отряд под началом боярина Б. П. Шереметева и гетман Мазепа с казаками двинулись от Переволочной к турецкой крепости Кызыкермень, расположенной на Днепре в районе современной Каховки. Шереметев и Мазепа шли степью, а по Днепру к Кызыкерменю на чайках поплыли запорожцы под началом кошевого атамана Максима Самойленка.

25 июля русские начали осаду Кызыкерменя. После пяти дней непрерывной бомбардировки в городе возникли сильные пожары. 30 июля была взорвана одна из башен крепости, и русские пошли на штурм. После пятичасового боя турки сдались. В качестве трофеев Шереметев получил 12 медных турецких пушек, кроме того, несколько пушек взял себе Мазепа. Затем боярин и гетман решили до основания разрушить Кызыкермень. Башни и стены крепости были взорваны, а все, что могло гореть, сожжено.

Тем временем запорожцы осадили турецкую крепость Мустрит-Тавань, или, как ее часто называли, просто Тавань. Узнав о сдаче Кызыкерменя, защитники Тавани тоже капитулировали. После этого турецкие гарнизоны и жители двух малых турецких крепостей — Асламкерменя и Мубекеккерменя — бежали в Крым, бросив в крепостях большие пушки.

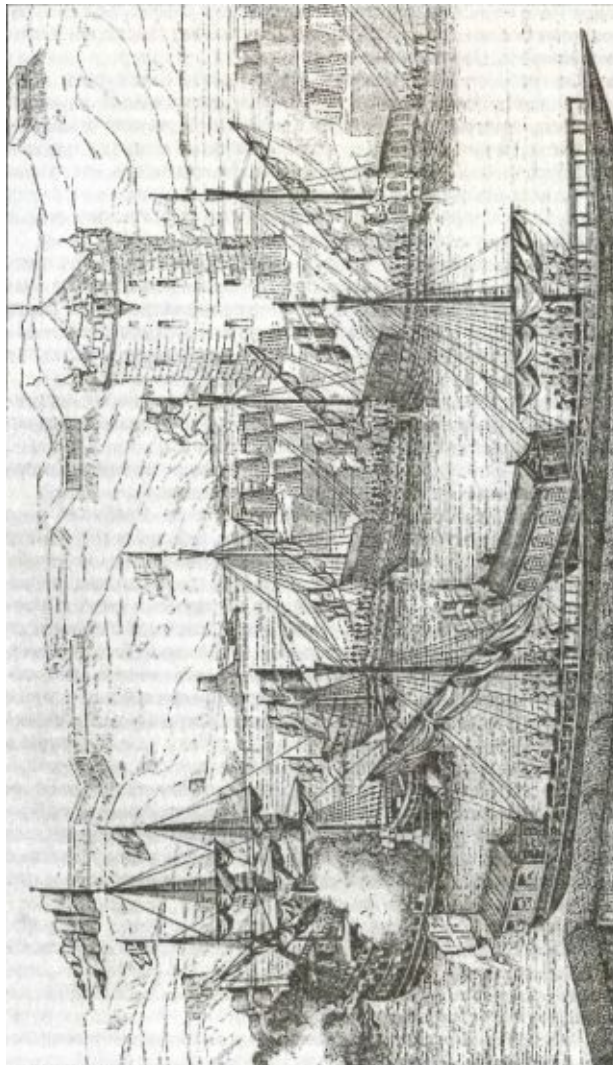
Шереметев и Мазепа не стали разорять Тавань, а наоборот, превратили крепость в свой опорный пункт. Там было оставлено несколько сотен малороссийских^[19] и 600 запорожских казаков.

В ответ крымский хан в конце января 1696 г. напал на район Полтавы, сжег Миргород и монастырь Спаса на реке Орели.

Неудача под Азовом не смутила молодого царя. Наоборот, он с удвоенной энергией стал готовить новый поход. В феврале 1696 г. Петр прибыл в Воронеж строить флот. В качестве образца для строительства галер была использована купленная в 1694 г. в Голландии галера. Из Голландии ее доставили в Архангельск на торговых судах в разобранном виде. Там ее части перегрузили на речные суда и довели до Вологды, а затем на специальных дровнях — до Москвы. Вместе с галерой прибыл из Голландии и мастер, он имел при себе модель, по которой собирали настоящую галеру. Голландскую галеру собрали к весне 1696 г. на Преображенской верфи. Одновременно из сырого, только что срубленного

леса заготовили детали для сборки еще 21 галеры и четырех брандеров. Зимой заготовили еще детали для двух галеасов. Собрали галеры и брандеры и спустили их на воду вблизи города Воронежа на правом берегу реки Воронеж в 15 верстах от впадения ее в Дон. Место это было выбрано не случайно: вокруг было много годного для судостроения леса, а глубина реки позволяла пройти к Азову и судам с большой осадкой. Часть судов собирали на Ступинской пристани чуть выше Воронежа.

К апрелю 1696 г. Азовский флот («морской караван») состоял из галеаса «Святой Апостол Петр», 22 галер и 4 брандеров. Командиром кораблей Петр назначил офицеров Семеновского и Преображенского полков, а матросами были солдаты этих же полков. В составе Азовского флота числилось 4225 человек, объединенных в 28 рот (по числу вымпелов).

Взятие Азова 18 июня 1696 г.

Кроме боевых судов Петр повелел строить плавсредства для перевозки войск и грузов. К середине апреля 1696 г. было построено свыше 1000 судов, 60 морских лодок и 100 плотов. Командовать Азовским флотом Петр приказал Францу Лефорту, присвоив ему звание адмирала, хотя тот никогда ранее не командовал и лодкой.

Во время этой лихорадочной подготовки к войне 29 января тихо и незаметно скончался царь Иван Алексеевич. Теперь Петр не только фактически, но и формально стал единственным властелином России.

23 апреля 1696 г. струги с войсками отправились из Воронежа под Азов. 3 мая двинулись боевые суда, как их называли, «морской караван». Впереди всех шла галера «Принципиум», которой командовал капитан Петр Алексеев.

Первое столкновение с турецкими судами произошло 22 мая в устье Дона. Казаки под предводительством атамана Фрола Минаева на лодках напали на турецкие суда. Казакам удалось сжечь один корабль и 9 малых транспортных судов, а одно транспортное судно захватить.

С подходом «морского каравана» к 12 июня Азов был блокирован с моря. Одновременно крепость была обложена с суши. 16 июня осадные батареи открыли огонь.

Крымские татары атаковали русский лагерь под Азовом, но были отбиты.

Осадные работы велись прадедовским способом. Параллельно городскому валу насыпали вал такой же высоты и засыпали ров. 17 июня около двух тысяч казаков по собственной инициативе пошли на приступ. Донских казаков вел все тот же Фрол Минаев, а малороссийских — Яков Лизогуб. Казаки овладели городским валом, но внутреннюю цитадель взять не смогли. Тем не менее на следующий день турки начали переговоры о сдаче. Петр разрешил войскам противника покинуть город с оружием, а населению — с пожитками. Однако туркам пришлось выдать перебежчика Якушку (Янсена).

19 июня русские войска торжественно вошли в Азов. В цитадели было найдено 92 пушки и 4 мортиры. Иностранцев, служивших в русских войсках, особенно поразили большие запасы паюсной икры.

На следующий день после занятия Азова Петр приказал французскому инженеру де Лавалю составить план строительства новой крепости в Азове. Через три дня план был готов и представлен на утверждение военного совета.

По этому плану намечалось построить в Азове пять каменных бастионов с рavelинами, а на другом берегу Дона, напротив крепости,

построить отдельный форт. План немедленно стали приводить в исполнение.

15 августа Петр I покинул Азов и отправился в Москву. В городе был оставлен сильный гарнизон, состоявший из 5597 солдат и 2709 стрельцов. Воеводой Петр назначил стольника князя П. Львова, с ним было два дьяка — В. Русинов и И. Сумороцкий.

30 сентября 1696 г. состоялся торжественный въезд победителей под Азовом. Войска, растянувшиеся на много километров, прошли через Москву. Впереди ехал адмирал Лефорт и генералиссимус Шеин, а за ними пешком с протазаном — капитан Петр Алексеев.

Пышность встречи не соответствовала масштабам победы. Кстати, и Петр не питал излишних иллюзий на этот счет. По поводу взятия Азова он заявил приближенным: «Теперь мы, слава Богу, один угол Черного моря уже имеем, а со временем, может быть, и все его иметь будем». На замечание, что сделать это будет трудно, Петр возразил: «Не вдруг, а помаленьку».

20 октября на заседании в Боярской думе было рассмотрено два вопроса: о заселении Азова русскими и о строительстве флота.

Бояре приговорили отправить в Азов 3 тысячи стрельцов с семьями из низовых (поволжских) городов и поселить там 400 калмыков. По второму вопросу ограничились общим, но принципиальным решением: «Морским судам быть».

Конкретные решения были приняты на заседании Боярской думы 4 ноября 1696 г. Бояре приговорили патриарху и монастырям строить флот из расчета с 8 тысяч крестьянских дворов корабль, а боярам и дворянам — из расчета с 10 тысяч дворов корабль. Купцы должны были совместно построить 12 кораблей.

Для строительства кораблей землевладельцы духовные составили 17 отдельных кумпанств (компаний), а светские — 18. Для составления этих кумпанств помещики и вотчинники, имевшие 100 дворов и более, должны были приехать в Москву в Поместный приказ к 25 декабря 1696 г. под страхом конфискации царем их поместий и вотчин. Мелкопоместные же землевладельцы должны были внести по полтине со двора.

Первоначально планировалось построить кумпанствами 52 корабля, но затем это число увеличили до 71. Купцы тоже должны были построить на 6 кораблей больше, то есть 18. Несколько судов решили построить на государственные деньги.

В марте 1697 г. Петр уехал за границу, но строительство флота в Воронеже продолжалось. Вернувшись из-за рубежа в октябре 1698 г., Петр

приехал в Воронеж и лично занялся строительством флота. Петр Алексеев стал официально занимать должность «адмиралтейской верфи баса» (мастера) и получил по ней денежное содержание от казны 366 рублей в год.

В ноябре 1698 г. в торжественной обстановке на Воронежской адмиралтейской верфи Петр заложил свой первый «государев» корабль — 58-пушечный «Гото Предестинация» («Божие предвидение»). Корабль имел длину 40 м. и ширину 9,8 м.

Одновременно с Азовским флотом строилась его база на Азовском море — Таганрог, место для которого выбрал лично Петр сразу после взятия Азова.

Тем временем Австрия решила пойти на мир с турками. 3 ноября 1698 г. в Карловицах под Белградом была начата мирная конференция, на которой наряду с турецкими и австрийскими представителями был и русский посол П. Б. Возницын. 9 ноября на тайной встрече Возницына с турецкой делегацией турки призвали русских последовать примеру царя Михаила, возвратившего ради дружбы с ними захваченный казаками Азов, и ради «приятства» вновь вернуть им Азов. Кроме того, турки настаивали на разрушении приднепровских городков, захваченных русскими в 1695 г. Возницын, в свою очередь, потребовал у турок Керчь, от чего османы пришли «в великое изумление».

На следующих встречах турки не упоминали об Азове, а русские — о Керчи. Спор возобновлялся лишь из-за приднепровских городков. Петр не хотел делать туркам в общем-то пустяковой уступки, но, с другой стороны, желал иметь свободные руки для войны со Швецией. Поэтому Возницын по указанию царя согласился лишь на двухлетнее перемирие с турками. Согласно этому перемирию, Азов оставался за русскими, а вопрос о городках оставался открытым. Остальные же противники Турции 15 января 1699 г. подписали с ней Карловицкий договор. Австрийская империя сохранила за собой Славонию, Трансильванию, значительную часть Венгрии, без Темешвара, и часть территории к востоку от Тиссы, оставив туркам примерно одну треть их прежних владений в Венгрии и, соответственно, наконец-то утвердилась у ворот на Балканы. Польша вновь получила Подолию, Каменец и Западную Украину с участком территории к востоку от Тиссы, но ушла из Молдовы. Венеция вновь обрела Морею, остров Санта-Мауру, но уступила захваченные ею территории к северу от Коринфского перешейка.

Для оказания психологического воздействия на турок Петр приказал отправить из Воронежа в Азов все суда, которые могли плавать. Дело в том,

что некоторые корабли и галеры были построены столь плохо, что их приходилось все время переделывать, а то и просто разбирать на стапелях.

24 мая Азовская эскадра пришла в Азов. В ее составе были корабли «Скорпион», «Благословенное начало», «Цвет войны», «Растворенные врата», «Святой апостол Петр», «Сила», «Безбоязньство», «Благое соединение», «Меркуриус», «Крепость», галеры «Периная тягота» и «Заячий бег», яхта, галиот и казацкие лодки. Сам Петр шел на корабле «Растворенные врата». По совету Возницына царь решил отправить в Стамбул чрезвычайного посланника думного дьяка Е. И. Украинцева, причем не традиционным путем по суше, а морем на 46-пушечном корабле «Крепость».

18 августа 1699 г. русская эскадра в составе 22 вымпелов появилась вблизи Керчи. Эскадра сопровождала корабль «Крепость», который Должен был идти один в Стамбул. Турки под разными уловками не хотели пропускать корабли. Но дьяк Украинцев настоял на своем, и 7 сентября «Крепость» пришла в турецкую столицу. Посмотреть на чудо — первый неприятельский корабль, прибывший из Черного моря, — собрались тысячи людей. Пришли смотреть «Крепость» и великий визирь с султаном.

В ночь с 24 на 25 сентября произошел инцидент. Капитан «Крепости» голландец Петр Памбург встретил в Стамбуле знакомых французов и голландцев и пригласил их на корабль. Дело кончилось большой пьянкой. Под утро окосевший Памбург поднял экипаж по тревоге и приказал палить из пушек (хорошо еще, что холостыми зарядами). Днем 25 сентября к Украинцеву прибыл приближенный султана с протестом, потребовав смены капитана. По этому случаю Украинцев доносил Петру: «Салтаново-де величество ночесь испужался и из покоев своих выбежал от такой с твоего корабля капитанской ночной многой и необычайной пушечной стрельбы, и некоторые жены в сарае беременные от того страху и пушечной стрельбы младенцев повывергали, и за то-де салтаново величество на того капитана зело разгневался». С большим трудом Украинцеву удалось уладить сей казус.

На переговорах с Украинцевым турки вновь подняли вопрос о приднепровских городках. По личному приказу царя Украинцев уступил.

3 июля 1700 г. Россия и Турция подписали Константинопольский договор, включавший в себя 14 статей. Первая статья устанавливала перемирие на 30 лет, а вторая предусматривала передачу приднепровских городков, предварительно разрушенных, Турции. Важное значение имела четвертая статья договора, оставлявшая Азов со всеми городками за Россией.

На родину Украинцев возвратился уже сухим путем. Корабль «Крепость» остался в Стамбуле и вернулся в Азов только в июне 1700 г., доставив домой 170 русских солдат, взятых в плен в 1695–1696 гг.

В 1700 г. Россия вступила в войну со Швецией, которая закончилась в 1721 г. Сами по себе события Северной войны не имели прямого отношения к русско-турецким отношениям. Однако массовое бегство казаков и шведов в турецкие пределы изменило ситуацию.

9 октября 1707 г. на Дону началось восстание казаков под руководством атамана Кондрата Булавина. Восстание охватило огромный район от Днестра до Волги и от Азова до Тамбова. Однако в июле 1708 г. царские войска с помощью измены донской старшины сумели подавить восстание. Сам Кондрат был убит 7 июля 1708 г. в Черкасске.

Сподвижник Булавина атаман Игнат Некрасов сумел увести от расправы карателей на Кубань под покровительство крымского хана от 3 до 8 тысяч донских казаков, а также большое число женщин и детей. Хан разрешил некрасовцам поселиться между Темрюком и Копылом (сейчас Славянск-на-Кубани).

24 октября 1708 г. на сторону шведского короля Карла XII перешел малороссийский гетман Иван Мазепа. Вместе с ним к шведам перешло, по разным данным, от полутора до пяти тысяч малороссийских казаков. 29 октября Мазепа был принят Карлом XII.

Запорожское войско долго колебалось и лишь в марте 1709 г. перешло на сторону Карла XII.

28 июня 1709 г. в сражении под Полтавой русские войска разгромили армию Карла XII. С остатками своего войска король перешел границу и бежал в Бендеры.

Появление на территории Турции Карла XII и нескольких тысяч казаков (только в Бендерах скопилось 500 малороссийских и 4 тысячи запорожских казаков) сильно осложнило русско-турецкие отношения. Петр ликовал по случаю победы и явно потерял чувство меры. 27 июля 1709 г. русский посол в Стамбуле П. А. Толстой в ультимативной форме потребовал от султана выдать короля Карла XII и гетмана Мазепу. Султан Ахмед III отказался. Правда, вскоре вопрос с Мазепой отпал сам собой, поскольку престарелый гетман 22 сентября 1709 г. умер естественной смертью. Тем не менее напряженность между Россией и Турцией возрастала.

1710 год принес большие успехи русским в Прибалтике. Им удалось взять Ригу, Ревель, Пернов и другие города. На севере был взят Выборг. В связи с этим Петр приказал большую часть войск вывести из Прибалтики и

двинуть на юг.

Зимой 1710/1711 г. 10 тысяч крымских татар совершили набег на Украину. Турецкие источники сообщают о вторжении русских войск в Молдову и о захвате там интернированного шведского отряда. Обе стороны предпочитали решать спор силой. /

25 февраля 1711 г. в Успенском соборе Кремля в присутствии Петра I был зачитан манифест о войне с Турцией.

Петр решил лично возглавить поход против турок. Он настолько был уверен в успехе, что взял с собой супругу Екатерину. Заметим, что это была не прихоть царя, у которого всегда хватало метресс, а хорошо продуманный политический шаг. Дело в том, что царю с Екатериной Алексеевной пришлось тайно обвенчаться 6 марта 1711 г. Зачем самодержцу потребовалось держать свой брак в тайне? Ведь Петр всегда плевать хотел на мнение своих подданных! Но тут ситуация была слишком уж скандальная. Марта Скавронская родилась в 1686 г. в семье чухонского крестьянина в Лифляндии. В 16-летнем возрасте она вышла замуж за трубача шведской армии, поэтому позже ее часто называли Трубачовой. В августе 1702 г. Мариенбург, где жила Марта, был занят русскими. Марта стала наложницей русского драгуна, позже она перебралась к генералу Р. Х. Бауэру, от него — к фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. Меншиков выпросил красотку у фельдмаршала, а от Алексашки Марта в конце 1703 г. перешла к Петру. В 1705 г. Марта сменила веру на православную и стала Екатериной Алексеевной.

27 января 1708 г. Екатерина родила Петру дочь Анну, а 18 ноября 1709 г. — Елизавету, а родившиеся в 1705 г. близнецы Петр и Павел и в 1707 г. — дочь Екатерина умерли в младенчестве. Ситуация осложнялась тем, что Марта-Екатерина не была разведена со шведским трубачом. Петр планировал вернуться из победоносного похода на турок и официально представить Екатерину как сподвижницу его великих Дел, чтобы иметь хоть какое-то основание для возведения ее в сан императрицы.

Отправляя армию к южным границам, Петр не имел детального плана кампании. Впервые планы боевых действий были обсуждены на военном совете в Слуцке 12–13 апреля 1711 г. На этом военном совете присутствовали кроме Петра два военачальника — фельдмаршал Шереметев и генерал Алларт, и два гражданских лица — канцлер Головин и посол в Речи Посполитой Григорий Долгоруков. В соответствии с принятым планом Петр велел Шереметеву не позже 20 мая достигнуть Днестра, располагая при этом трехмесячным запасом продовольствия. В указе Петра было сказано: «Сие исполнить, не отпуская времени, ибо

ежели умедлим, то все потеряем».

5 июня 1711 г. армия Шереметева подошла к реке Прут, а 12 июня к ней присоединился сам Петр с гвардейскими полками. На военном совете было решено медленно идти вниз по течению реки и «вдаль не отдаляться».

8 июля начались стычки с турецко-татарской конницей. К этому времени в основной группировке русских войск было 38 246 человек при 122 орудиях^[20].

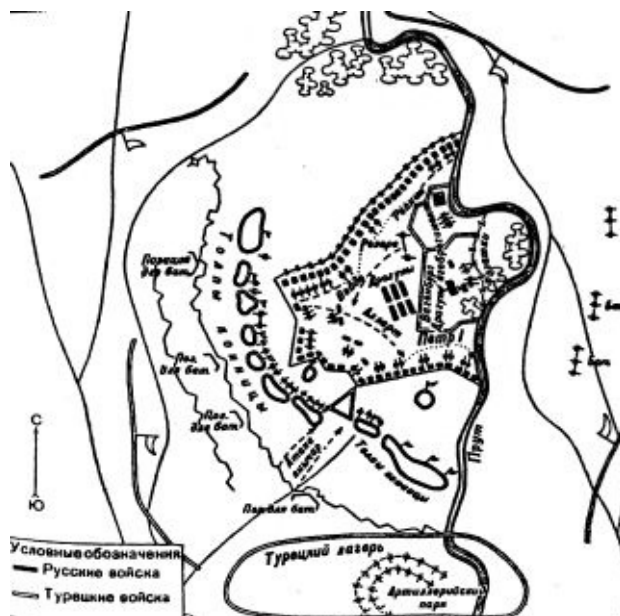
Как потом утверждал Петр, численность войск противника достигала 270 тысяч человек. На самом деле их было в 2–3 раза меньше. Командовал турками великий визирь Балтаджи Мехмед-паша.

9 июля турки атаковали войско Петра. Вот как описал атаку турок шведский генерал Понятовский, бывший в Ставке визиря: «Янычары... продолжали наступать, не ожидая приказов. Испуская дикие вопли, взывая, по своему обычаю, к Богу многократными криками „алла!“, „алла!“, они бросились на неприятеля с саблями в руках и, конечно, прорвали бы фронт в этой первой мощной атаке, если бы не рогатки, которые неприятель бросил перед ними. В то же время сильный огонь почти в упор не только охладил пыл янычар, но и привел их в замешательство и принудил к поспешному отступлению. Кегая (помощник великого визиря) и начальник янычар рубили саблями беглецов и старались остановить их и привести в порядок. Наиболее храбрые возобновили свои крики и атаковали во второй раз. Вторая атака был не такой сильной, как первая, и турки снова вынуждены были отступить».

9 июля у русских было убито: генерал-майор Видман, офицеров — 44, нижних чинов — 707. Взято плен и пропало 3 офицера и 729 нижних чинов. Потери турок, по русским, явно произвольным, данным, составили 7 тысяч человек.

Утром 10 июля сражение возобновилось, но до рукопашной дело не дошло, а ограничилось артиллерийской дуэлью. Положение русских было плачевным: в армии не хватало продовольствия, начался падеж лошадей. По решению военного совета к туркам с предложением о перемирии был отправлен гвардейский унтер-офицер Шепелев. Турки колебались. К вечеру к великому визирю отправился вице-канцлер П. П. Шафиров. В данной ему инструкции Петр писал: «В трактовании с турками дана полная мочь господину Шафирову, ради некоторой главной, причины...» А главной причиной был панический страх, охвативший царя. Петр соглашался отдать туркам все завоеванные у них города, вернуть шведам Лифляндию и даже Псков, если этого потребуют турки. Кроме того, Петр обещал дать

Махмеду-паше 150 тысяч рублей, а другим начальным людям — еще более 80 тысяч. Но выплатить такие огромные деньги было нереально, так как армейская казна была почти пуста. И тогда Екатерина спасла положение. Она отдала на подкуп турецких сановников все свои драгоценности, а это десятки тысяч золотых рублей. Кроме того, собрали все деньги, бывшие в войсках. Как писал датский посол Юста Юля: «Как рассказывали мне очевидцы, царь, будучи окружен турецкой армией, пришел в такое отчаяние, что как полоумный бегал взад и вперед по лагерю, бил себя в грудь и не мог выговорить не слова. Большинство окружавших его думало, что с ним удар».

Прутский поход Петра.

Однако беспокоился царь зря. Визирь не устоял перед деньгами и согласился на мир на довольно сносных для России условиях, причем турки не собирались вмешиваться в русско-шведские отношения. Дело в том, что турки равно не хотели усиления как России, так и Швеции. Ведь Северная война велась Швецией не из-за Нарвы и побережья Финского залива, а из-за господства над огромной, хотя и слабой, Речью Посполитой, Данией, Саксонией и др. Это только для Петра устье Невы казалось пупом земли. Именно поэтому турки хранили строгий нейтралитет, когда шведская армия шла к Полтаве. И не исключено, что в случае разгрома русских под Полтавой турки стали бы помогать Петру.

Таким образом, в условиях, предложенных великим визирем, были только уступки Турции, а о территориальных уступках Швеции не было ни слова. Наоборот, Османская империя была заинтересована в продолжении

Северной войны и во взаимном обескровливании сторон.

Не исключено, что на мягкую позицию великого визиря повлияло и взятие русскими крепости Браилов на левом берегу Дуная. Генерал Рен (по другим источникам — Ранне) с семью драгунскими полками и небольшим отрядом молдавской конницы (всего около 7 тысяч человек) 11 июля 1711 г. подошел к крепости. Вечером следующего дня Рен приказал пяти полкам идти на приступ в пешем строю. После упорного боя турки оставили ретраншемент и отступили в цитадель. 14 июля турецкий гарнизон капитулировал, оговорив себе право свободного выхода из крепости. Турки перехватили русского гонца, везшего Петру рапорт Рена. Таким образом, Петру о взятии Браилова ничего не было известно, зато визирь знал все подробности.

Согласно условиям Прутского договора, Петр должен был скрыть укрепления Таганрога и вернуть туркам Азов, а также сравнять с землей несколько укрепленных городков выше Запорожской Сечи. В качестве гарантии выполнения договора 11 июля пришлось отправить в турецкий стан заложников — вице-канцлера Шафирова и сына фельдмаршала Шереметева Михаила Борисовича Шереметева.

12 июля турки позволили армии Петра выступить в обратный путь. Из-за крайнего истощения лошадей армия двигалась медленно, по 4–5 верст в сутки, и лишь 22 июля переправилась через Прут, а 1 августа переправилась через Днестр.

Вернувшись в Россию, царь первым делом опубликовал для подданных собственную версию Прутского договора. Из нового текста следовало, что инициатива заключения мира исходила не от Петра, а от обеих сторон. Было выкинуто или исправлено несколько неудобных царю пунктов. Естественно, что туркам эту «филькину грамоту» показывать было нельзя. Зато Петр всячески тянул со сдачей туркам Азова и выполнением прочих условий подлинного договора.

В свою очередь, султана Ахмеда III тоже не устроили статьи Прутского мира. Великий визирь Балтаджи Мехмед-паша был низложен и сослан на остров Лемнос, а затем на Родос, где и удушен. На его место султан назначил янычарского агу Юсуфа-пашу.

27 января 1712 г. султан решил начать с Россией войну и отдал приказ о мобилизации войск.

Однако еще ранее Петр пошел на уступки туркам. 14 декабря 1711 г. он отправил Апраксину указ о сдаче Азова в конце декабря или начале января без всяких условий: «Азов отдай, а Таганрог разори по указу, чтоб к весне не дать продлиться и турок не поднять на войну».

2 января 1712 г. Азов был передан в целостности туркам, там даже остались 60 турецких пушек, взятых в 1796 г. В связи с этим султан решил приостановить приготовления к войне. А 5 апреля 1712 г. в Константинополе был подписан мир. Петр, будучи в Кроншлоте, об этом узнал только ночью 8 мая. Согласно письму английского посла Витворта, «утро прошло в большой радости, с крепости и судов беспрестанно палили пушки».

Однако вскоре возникла новая военная тревога. По Константинопольскому договору, русские должны были вывести все войска с территории Речи Посполитой и впредь не вмешиваться в польские дела. Но летом 1712 г. Петр ввел в Польшу корпус, якобы шедший транзитом в Померанию. Султан пригрозил войной. В конце концов 13 июля 1713 г. был заключен еще один мирный договор, который оказался долговечней всех остальных.

Русские срыли приднепровские крепости Каменный Затон, Новобогородицкую и другие. Запорожцы были признаны законными подданными турецкого султана и фактически могли пользоваться всеми степными угодьями, которые они контролировали в XVII веке. Казаки построили новую Сечь в урочище Алешки в семи милях ниже по течению Днепра турецкой крепости Казикермень. Турки не вмешивались в дела запорожцев, лишь запретив им совершать большие походы в Россию и Польшу. Мелкие же стычки казаков с ляхами, москалями и татарами, естественно, продолжались.

Неудача на Пруте погубила Азовский флот. После сдачи Азова 3 корабля и 20 мелких судов отвели из Азова к Черкасску, корабль «Шпага» за ветхостью сожгли, корабли «Гото Предестиния» и «Ласточка», шнявы «Мункер» и «Лизет» сначала хотели провести вокруг Европы на Балтику, а затем продали Турции. Суда, отведенные в Черкасск, были сломаны в 1716 г. С 1712 г. по 1727 г. были разобраны и все корабли, стоявшие на стапелях в Таврове. Однако большая часть их орудий, якорей и др., а также сами верфи в Таврове были законсервированы.

Так закончил свое существование Азовский флот, в составе которого было почти 500 судов различных классов и типов, в том числе 35 двухпалубных и 48 однопалубных кораблей, 23 фрегата, 7 шняв, 10 бомбардирских судов, 9 брандеров, 11 яхт, 10 галиотов, 200 бригантин, 70 палубных ботов, 1 тартана, 4 качи и 70 больших лодок.

Таким образом, Петр Великий одержал ряд блестящих побед над шведами и прорубил на севере «окно в Европу», но на юге все его предприятия кончились крахом. Россия не только не получила выхода к

Черному морю, но еще и потеряла земли Запорожского войска.

Глава 4

ПЕРВОЕ ПАДЕНИЕ ОЧАКОВА

15 мая 1735 г. в Петербурге было получено известие, что 70 тысяч крымских татар прошли по русской территории в походе на Персию. Это было достаточным «казус белли». В 1730–1733 гг. состоялось несколько нападений татар на Украину. Татары и Орлик^[21] продолжали будоражить казаков, посылали письма и эмиссаров.

В это время значительная часть русской армии находилась в Польше. В начале 30-х гг. в Польше выборы нового короля традиционно перерастали в гражданскую войну. Сторонникам Станислава Лещинского удалось захватить Варшаву. Тогда его оппоненты, сторонники саксонского курфюрста Августа, обратились за помощью к России.

Императрица Анна Иоанновна направила в Польшу армию фельдмаршала Бурхарда Кристофа Миниха, который быстро навел в стране порядок. Август воцарился в Варшаве, Лещинский бежал из Польши и отказался от притязаний на корону. Французский флот, пришедший в порт Данциг с десантом помогать Станиславу, отправился восвояси не солоно хлебавши.

Воспользовавшись вводом русских войск в Правобережье Малороссии, запорожские казаки в очередной раз попросились назад в русское подданство. Императрица Анна Иоанновна сооблаговолила наконец принять запорожцев под свое покровительство. 31 августа 1733 г. на имя кошевого атамана была послана грамота о прощении вины запорожцев и об их принятии под власть России.

Запорожское войско перешло на русскую территорию и построило новую Подпиленскую сечь на правом берегу протоки Подпильной.

23 июля 1735 г. Миних получил грамоту от кабинет-министров, в которой говорилось, что императрица желает предупредить турок, которые намерены будущей весной напасть на Россию со всеми своими силами. Миниху приказано этой осенью предпринять осаду Азова. Для этого он должен прямо из Польши идти к Дону, а в Польше оставить 40-тысячное войско, чтобы его отсутствие не могло принести делам никакого вреда. Кабинет-министры требовали от Миниха соблюдения строжайшей секретности, от которой особенно зависел успех. «Повеление об азовской осаде, — писал Миних императрице, — принимаю я с тем большею

радостью, что уже давно, как вашему величеству известно, я усердно желал покорения этой крепости, и потому жду только высокого указа, чтоб немедленно туда двинуться; при этом я надеюсь, что сделаны уже все приготовления к осаде, о которых предложено несколько лет тому назад и для которых генерал-квартирмейстер Дебриньи отравлен на Дон».

В августе 1735 г. Миних переправился через Дон и остановился в Новопавловске. Здесь 29 августа он получил высочайший указ. Ему предлагалось на месте решить — начать ли осаду Азова этой же осенью или отложить до весны, а зимой держать крепость в тесной блокаде. Миних ответил, что выбирает последнее, но, чтоб не терять времени, немедленно отправится к украинской линии (пограничным укреплениям) в местечко Кишенки к тамошней армии, чтоб с ней предпринять поход на Крым, так как время для этого самое благоприятное, потому что татары перебрались на кубанскую сторону для персидского похода. В это время Миних избавился от неприятного для него человека: умер командовавший Украинской армией генерал Вейсбах, на которого была возложена крымская экспедиция. Вейсбах считал себя старше фельдмаршала и потому не хотел подчиняться ему. Жалуясь на Вейсбаха, Миних писал, что генерал Леси, который также старше его, никогда не предъявлял подобных претензий.

В сентябре 1735 г., находясь в Полтаве, Миних и вся его свита заболели местной лихорадкой, но болезнь не помешала фельдмаршалу отправить в Крым генерал-лейтенанта Леонтьева.

Дело в том, что осадная артиллерия еще не прибыла, и вообще осадить Азов Миних готов не был. Чтобы создать видимость деятельности, Миних решил произвести диверсию против Крыма.

Генерал-лейтенант Леонтьев выступил в поход 1 октября, имея 39 795 человек, из которых большинство было «нерегулярного войска», и 46 орудий. Первоначально он двинулся от реки Орели по направлению к реке Самаре. От постоянной засухи вода в степных реках была очень низка, и войска свободно переправлялось через них.

6 октября Леонтьев стоял на речке Вороне, а на другой день достиг речки Осакаровки, где местами степь летом была выжжена татарами, но уже поднялась молодая трава, и армия в дровах, воде и корме для лошадей недостатка не имела. У реки Конские Воды русские напали на аулы ногайских татар, убили более тысячи человек, захватили более 2000 голов рогатого скота, 95 лошадей, 47 верблюдов. Миних писал: «Причем наше войско со всякою бодростию поступило, и никому пощады не было».

На этом успехи Леонтьева и ограничились. 13 октября начались

затяжные дожди, ночи стали холодными. В войсках начались болезни людей и падеж лошадей. Больных приходилось возить с собой, так как в степях не было городов, где бы можно было устроить госпитали и оставить людей там. Армия начала терпеть различные лишения, а ей предстояло сделать еще десять переходов до крымских оборонительных линий.

16 октября в урочище Горькие Воды Леонтьев собрал военный совет, на котором поставил вопрос: идти ли далее или возвращаться? Ответ был, что надо возвращаться, потому что уже пало около трех тысяч лошадей, захваченные татары и возвратившийся из Крыма посол сообщили, что далее леса и воды нет, до Перекопа еще десять дней пути, и в это время при такой погоде все лошади перемрут.

Леонтьев решил повернуть назад. Войска возвратились на Украину и к концу ноября разместились по зимним квартирам. Полки находились в очень плохом состоянии. В походе было потеряно около 9 тысяч человек и столько же лошадей. Подавляющее большинство потерь было небоевыми — болезни, голод и т. п. Генерал-лейтенант Леонтьев был предан военному суду, но сумел оправдаться. В принципе Леонтьев был прав, поскольку идея похода в Крым осенью принадлежала самому Миниху, а Леонтьев лишь выполнял приказ.

Наученный горьким опытом Миних, планируя кампанию 1736 г., первым делом вызвал к себе в ставку Царицынку запорожского кошевого атамана Милашевича и других «знатных казаков». Фельдмаршал спрашивал их о численности войска. Запорожцы отвечали, что войско их ежедневно прибывает и убывает, и поэтому о числе его подлинно показать никак нельзя; надеются, однако, собрать до 7 тысяч человек, хорошо вооруженных, но не все будут на конях. На вопрос, когда, по их мнению, удобнее идти в крымский поход, запорожцы отвечали: армия должна выступить в поход 10 апреля от реки Орели, потому что в это время в степи от недавних снегов и дождей воды достаточно, трава везде в полном росте и неприятелем сожжена быть не может. В Крыму нынешним летом был урожай, значит, и там армия в хлебе нуждаться не будет. Ногайцы против регулярного войска не устоят, и русская армия беспрепятственно войдет в Крым, перекопские укрепления остановить ее не смогут.

Еще до войны была создана база для действий против Азова. В 30 верстах от Азова на турецкой границе была выстроена крепость Св. Анны. Со второй половины 1735 г. в этой крепости началось сосредоточение русских войск и осадной артиллерии. В конце марта 1736 г. в крепость Св. Анны прибыл Миних.

17 марта Миних с войсками переправился через Дон и двинулся к

Азову. О сосредоточении русских войск на границе и готовящемся нападении на Азов турки знали, но начало операции «прошляпили». Генерал-майор Спарейтер с 600 пехотинцами и отрядом казаков внезапно для турок атаковал и захватил каланчи — два укрепления на обоих сторонах Дона выше Азова. Русские не потеряли ни одного человека. Видимо, турки просто бежали при виде противника.

Только после взятия каланчей в Азове поднялась тревога. Турки начали беспрерывно палить из пушек, оповещая окрестных жителей о начале боевых действий. Любопытно, что турецкое и татарское население не надеялось на стены Азова и предпочло бежать в степь.

24 марта тот же генерал Спарейтер штурмом взял форт Лютик недалеко от Азова. Русские потеряли одного офицера, трех солдат убитыми и 12 ранеными. В форте взято 20 чугунных и железных пушек, в плен попали командир форта и 50 янычар. Приблизительно столько же янычар было убито.

Крепость Азов была обложена со всех сторон. 27 марта Миних покинул осаждающих, временно оставив командовать русскими войсками генерала Левашова.

25 и 27 марта и 17 апреля осажденные предпринимали вылазки, успешно отраженные русскими. В этих боях особенно отличились донские казаки под командой атамана Краснощекова.

26 апреля под Азов прибыл граф Петр Петрович Ласси (1678–1751), произведенный в феврале того же года в фельдмаршалы. Торопясь прибыть в армию, граф отправился почти налегке, взяв с собой небольшой казацкий конвой, который шел на небольшом расстоянии от его почтовой кареты. От украинских линий до Изюма дорога идет по степи около 12 км. Тут на конвой напал отряд татар, бродивших по окрестности. Все казаки были рассеяны или взяты в плен. Фельдмаршал едва успел ускакать верхом, и его спасла жадность татар, которые бросились грабить его карету, иначе графу не избежать бы плена.

10 мая контр-адмирал П. П. Бредадь спустился по Дону под Азов с пятнадцатью галерами, двумя однопалубными судами и большим количеством других судов, везя с собой тяжелую артиллерию, которую сразу же стали выгружать. В тот же день в лагерь прибыли четыре пехотных и два драгунских полка.

Когда артиллерия была выгружена, фельдмаршал граф Ласси приказал Бредадю встать с флотом таким образом, чтобы он мог обстреливать город с моря, отрезать ему всякое сообщение и не допускать с этой стороны помощи. Это приказание было исполнено. Четыре бомбардирских судна

круглосуточно забрасывали крепость бомбами.

На помощь Азову пришел с моря турецкий флот под командованием капудан-паши Джианума-Кодиа, но он никак не мог подойти к крепости, так как из-за наносов песка и отмелей в устье Дона глубина была не более 1–1,2 метров. Позиция же русского флота была такова, что капудан-паша не в состоянии был послать помощь в Азов в шлюпках или других плоскодонных судах и поэтому был вынужден отойти, не сделав ничего. Это же обмеление устья Дона помешало русскому флоту действовать сильнее на Азовском море, куда могли пройти только большие лодки и мелкие плоскодонные суда.

С суши по Азову вели огонь 46 осадных орудий. 8 мая в большой турецкий склад пороха попала бомба. От взрыва в крепости было разрушено пять мечетей, более 100 домов, погибло 300 человек.

Крепость Азов находилась в кольце внешних укреплений — палисадов. Палисады имели деревянные стены и ров глубиной 3,5 метра, заполненный водой.

18 июня 1736 г. Ласси приказал полковнику Ломану с 300 гренадерами, 700 мушкетерами и 600 казаками взять палисад. После мощной артподготовки палисад был взят, и атакующие вышли непосредственно к городским стенам.

Русские непосредственно перед стенами Азова начали строить «бреш батарею». Но до штурма дело не дошло. 19 июня азовский паша предложил Ласси сдать город.

По условиям капитуляции, все мусульманское население Азова было отпущено в Турцию. Из Азова ушло 43 463 мужчин и 2233 женщин и детей. В городе была, освобождено 221 православных невольника. В виде трофея русским досталось 137 медных и 46 чугунных пушек, а также 11 медных и 4 чугунных мортиры. Осмотр Азова показал, что в стенах русские пушки так и не сделали ни одного пролома, зато мортиры поработали хорошо. По словам Манштейна, «внутренность города представляла одни груды камня вследствие сильного бомбардирования».

Крепость Азов была взята с ничтожными для русских потерями — убито около 200 человек, ранено 1500, в числе легко раненных был и сам Ласси.

После сдачи крепости фельдмаршал Ласси приказал привести ее в порядок, а сам стоял с армией поблизости до начала августа. Генерал Левашов был назначен губернатором, а генерал Бриньи-старший — комендантом Азова. Для гарнизона оставили 4 тысячи человек, а город был снабжен всем необходимым.

После всех этих распоряжений фельдмаршал Ласси получил от двора приказ идти со своими войсками в Крым для соединения с Минихом. Ласси мог вести с собой только 7 тысяч человек, и отправился с ними в поход.

Подойдя к реке Кальмиусу, авангард встретил трех казаков, объяснивших, что они принадлежат к корпусу генерала Шпигеля, который шел на Бахмут, но казаки сбились с пути и теперь ищут, как бы соединиться с ним. Фельдмаршал не поверил казакам, велел их задержать и продолжать идти. На другой день привели других казаков, которые повторили сказанное первыми и прибавили, что фельдмаршал Миних со своим корпусом выступил из Крыма и направился на Украину. Это известие заставило Ласси повернуть назад. В начале октября 1736 г. корпус Ласси прибыл в Изюм.

20 апреля 1736 г. Миних выступил из Царицынки с армией численностью около 54 тысяч человек. Войска были разделены на пять колонн. Генерал-майор Шпигель командовал первой колонной, составлявшей авангард. Принц Гессен-Гомбургский вел вторую колонну, генерал-лейтенант Измайлов — третью, генерал-лейтенант Леонтьев — четвертую и генерал-майор Тараканов — пятую.

Полкам раздали запас хлеба на два месяца, и офицерам приказано было взять с собой по крайней мере столько же. Фельдмаршал хотел бы снабдить войско и большим запасом провизии, так как ее было достаточно припасено за зиму, но не хватало подвод. Все-таки он не решался откладывать поход, а поручил генерал-майору князю Трубецкому позаботиться о доставке провизии в армию. Но, увы, князь Трубецкой действовал очень медленно, вполне возможно, что со злым умыслом. Отправленные им обозы не составляли и одной десятой от запланированного.

В армии Миниха были как запорожские, так и украинские (гетманские) казаки. О них Миних писал императрице: «В прежние времена гетманские казаки могли выставять в поле до 100 000 человек; в 1733 г. число служащих убавлено до 30 000 и в нынешнем году до 20 000, из которых теперь 16 000 человек наряжены в крымский поход; им велено в начале апреля быть у Царицынки в полном числе, но мы уже прошли 300 верст от Царицынки, а козаков гетманских при армии только 12 730 человек, и половина их на телегах едут, и отчасти плохолоудны, отчасти худоконны, большую часть их мы принуждены возить с собою, как мышей, которые напрасно только хлеб едят. Напротив того, запорожцы из того же народа, беглые из той же Украйны, на каждого человека по 2 и по 3 хороших лошади имеют, сами люди добрые и бодрые, хорошо

вооруженные; с 3 или 4 тысячами таких людей можно было бы разбить весь гетманский корпус».

Армия Миниха шла в Крым по пути Леонтьева, по правому берегу Днепра, на расстоянии 5–50 км от реки.

7 мая русские войска впервые увидели татар. Их было около ста. Казаки кинулись им навстречу, но никого не захватили. На другое утро более значительные неприятельский отряд подошел к правому крылу армии и удалился, даже не связываясь с казаками.

9 мая фельдмаршал велел выступить пяти отрядам, каждый из которых состоял из 400 драгун и 500 казаков. Так как местность представляла собой обширную равнину, то отрядам велено было идти интервалами, имея друг друга в виду, и присоединиться к тому отряду, который будет ближе к неприятелю. Всеми отрядами командовал генерал Шпигель. Не прошли они и восьми километров, как встретили отряд из 200 ногайских татар, которые, заметив русских, немедленно бежали. Казаки нагнали их, нескольких побили, двоих взяли в плен. Имея приказание придвинуться на самое близкое расстояние к неприятелю, Шпигель не успел пройти еще 8 км, как должен был быстро собрать все отряды. Навстречу ему шел корпус в 20 тысяч человек. Генерал только что успел образовать из драгун каре и спешить переднюю шеренгу, как неприятель окружил его со всех сторон. Татары с гиком напали на русских и засыпали их стрелами. Драгуны не смешались, стреляли не торопясь, только когда были уверены, что не промахнутся. Такой отпор так подействовал на татар, что они не смели подойти к каре ближе, чем на сто шагов. Окружив отряд, они сделали несколько ружейных выстрелов и пустили много стрел. Узнав об опасности, которой подвергался генерал Шпигель, Миних во главе трех тысяч драгун и двух тысяч казаков отправился с генералом Леонтьевым выручать его. За ним следовал полковник Девиц с 10 гренадерскими ротами и пикет от всей пехоты. Татары, завидев их, поспешно Удалились, оставив на месте 200 убитых. В этой атаке, продолжавшейся более шести часов, Шпигель потерял 50 человек убитыми и ранеными. Сам он и полковник Вейсбах были ранены стрелами.

Первое сражение сильно подняло боевой дух русского войска и, соответственно, вызвало страх у татар перед регулярными войсками. Во время сражения крымский хан со всей ордой численностью около 100 тысяч всадников стоял в 80 км. Узнав об исходе боя, хан ушел за Перекоп.

18 мая русская армия подошла к семикилометровой линии перекопских укреплений. Миних был неприятно удивлен: казаки ему сообщили, что «валы везде осыпались, так что местами верхом и в телегах

переехать можно». А на самом деле что ров оказался очень глубокий, склон крут, как каменная стена, бруствер по всему валу сделан новый и построены башни.

Тем не менее фельдмаршал решил штурмовать Перекоп. Но для начала Миних написал хану, что он послан императрицей для наказания татар за их частые набеги на Украину и намерен во исполнение данного ему приказания предать весь Крым разорению. Но если хан и его подданные намерены отдать себя под покровительство ее величества императрицы, впустить в Перекоп русский гарнизон и признать над собой владычество России, то он, фельдмаршал, немедленно вступит в переговоры и прекратит враждебные действия. Первым же условием Миних требовал сдачи Перекопа. В ответ на это письмо 20 мая хан поручил мурзе объяснить графу Миниху, что война не была объявлена и поэтому его удивляет это нападение в его собственном государстве, что крымские татары не вторгались насильственным образом в Россию, вероятно, то были ногайцы, народ хотя и пользующийся покровительством крымских татар, однако до того необузданный, что с ним и справиться никогда не могли. Россия могла бы ограничиться взысканием с них и наказать по своему усмотрению всех, кого бы только удалось захватить, как это и было сделано в прошлом году. А что он, сам хан, так связан константинопольским договором, что не может решиться на разрыв. Что же касается Перекопа, то он не волен над ним, потому что гарнизон, состоящий из турецкого войска, не согласится на сдачу. Впрочем, хан просил прекратить военные действия, предлагая вступить в переговоры, а закончил объявлением, что если на него нападут, то он будет защищаться всеми силами.

Миних понял, что против татар остается только употребить оружие. Он отпустил мурзу с ответом хану, что после его отказа от милости императрицы и от предлагаемых мер покорности он увидит опустошение страны и пылающие города, что, зная вероломство татар, он не может им верить, когда они предлагают переговоры. После отъезда мурзы армии было велено готовиться к наступлению.

С восходом солнца полки встали под ружье. В лагере оставлены были больные и по десять человек из каждой роты для охраны обозов. Армия, взяв направление направо, шла шестью колоннами.

Тысяче солдат было приказано провести демонстративную атаку перекопских позиций на правом фланге. Турки поддались на уловку Миниха и сосредоточили на этом участке значительные силы.

Наступление же основных сил стало для турок неожиданностью. На счастье русских, ров оказался сухим. Солдаты, спустившись туда, с

помощью пик и штыков, помогая друг другу, стали взбираться наверх. Между тем артиллерия не переставала громить бруствер. Увидев, что дело принимает серьезный оборот, татары не дождались появления русских на верху бруствера и обратились в бегство, бросив свой лагерь.

Русские быстро форсировали ров и бруствер, но башни перекопской линии продолжали стрельбу. Одну из башен штурмом взял капитан Петербургского гренадерского полка Кристоф Манштейн с 60 солдатами своей роты. Несмотря на огонь противника, гренадеры топорами прорубили дверь в башню и ворвались туда. Капитан предложил сдаться противнику. Турки согласились и стали быстро складывать оружие, неожиданно один из гренадеров ударил штыком янычара. Взмешенные этим поступком, турки снова взяли за сабли и стали защищаться. Они убили шестерых гренадеров и ранили 16, в том числе и капитана. За это все 160 янычар, охранявших башню, были заколоты. Гарнизоны остальных башен поступили умнее: все вовремя бежали вслед за татарами.

Штурм перекопских укреплений обошелся русским в одного убитого офицера и 30 солдат, ранены 1 офицер и 176 солдат.

Сама же перекопская крепость держалась до 22 мая, когда паша согласился сдаться с тем, чтобы туркам было позволено свободно покинуть крепость и уйти к крымскому хану. Первоначально Миних хотел, чтобы паша сдался, но после его отказа и еще нескольких переговоров ему дали обещание, что его проводят до первой приморской пристани, откуда он со своими людьми должен отплыть в Турцию. С паши взяли слово, что он в течение двух лет не будет участвовать в войне против России. Однако русские нарушили условия. По выходе коменданта с гарнизоном в 2554 человека из крепости с ним поступили как с военнопленным. На его претензии отвечали, что Порта и хан, в противоположность условию последнего трактата, задержали 200 человек русских купцов и поэтому, пока их не выпустят, пашу не освободят.

В крепости и башнях насчитали до 60 пушек, в том числе несколько с русским гербом, захваченных турками во время неудачного похода князя Голицына.

Миних приказал занять крепость 800 солдатам Белозерского полка, а их полковника Девица назначил комендантом крепости. Кроме того, Девицу было придано 600 казаков.

25 мая генерал-лейтенант Леонтьев с 10 тысячами солдат и 3 тысячами казаков был отправлен к турецкой крепости Кинбурн. 29 мая Кинбурн был захвачен без боя. Леонтьев подошел к Кинбурну и послал своего адъютанта Зоммера к коменданту с требованием сдаться. Комендант немедленно

вступил в переговоры и сдал крепость при условии, что ему позволят выйти с гарнизоном, состоящем из двух тысяч янычар, в Очаков. Таким образом, взятие города Кинбурн не стоило России ни одного человека, да и в продолжение всей этой экспедиции только 3 или 4 человека были убиты в стычке. В городе содержались в неволе 250 русских, которых освободили. Там же захвачено 49 орудий и 3 тысячи лошадей.

Казаки отняли у неприятеля 30 тысяч баранов и от 4 до 5 сотен рогатого скота, которые были скрыты им в лесу.

После взятия Кинбурна генерал Леонтьев спокойно стоял с войском в лагере под крепостью. Дела у него не было, потому что ни турки, ни татары не покушались перейти Днепр.

25 мая Миних созвал военный совет — что делать дальше. По мнению всех генералов, армии следовало стоять у Перекопа до самого конца похода и высылать отдельные отряды в неприятельский край для его опустошения. Но Миних, мечтавший не более и не менее как о завоевании Крыма, не согласился с этим мнением. Он доказывал, что предлагаемые действия ни к чему не приведут, а самое взятие Перекопа бесполезно, если из победы не будут извлечены выгоды. А отряжать людей небольшими партиями внутрь страны слишком опасно, так как если они зайдут далеко, то их легко будет разбить. Тогда генералы стали предлагать графу Миниху дожидаться по крайней мере первых обозов с припасами, так как в наличии оставалось на армию хлеба только на 12 дней. На это Миних возразил, что армия, находясь на неприятельской земле, должна стараться и снабжаться продовольствием за счет татар: «...цель похода, по мыслям двора, состоит именно в том, чтобы не давать вздохнуть этим разбойникам и разорять их край, если не удастся утвердиться в нем более прочным образом». А затем фельдмаршал приказал, чтобы армия готовилась в поход на другой день.

26 мая армия выступила из окрестностей Перекопа, направляясь к центру Крыма. Татары окружили армию, которая постоянно шла в каре. Они не переставали беспокоить ее, но только издали, а как только приближались на расстояние пушечного выстрела, то достаточно было нескольких ядер, чтобы их разогнать. 29 мая они могли бы сильно потрепать армию, если бы сумели воспользоваться случаем. Направляясь по дороге к Козлову, армия подошла к морскому проливу, называемому Балчик, через который надо было переправиться, а моста не было. Казаки отыскивали несколько мелких мест, и армия прошла их вброд. При этом в каре образовался интервал в полторы тысячи шагов. Человек двести татар ринулись в образовавшийся промежуток, и вместо того чтобы схватиться с войском, принялись расхищать обоз, а стоявшая на расстоянии пушечного

выстрела татарская армия только поглядывала на них. Русские успели тем временем сомкнуться. Много татар было побито, оставшимся удалось бежать, саблями расчищая себе дорогу.

30 мая армия стояла на месте. Узнав, что неприятель стоит в 12 верстах, Миних под вечер отправил всех гренадеров армии, 1500 драгун и 200 донских казаков и, поручив их начальству генерал-майора Гейна, приказал им идти всю ночь со всевозможными предосторожностями и стараться напасть на неприятеля на рассвете врасплох.

Однако по трусости или по глупости генерал-майор Гейн двигался очень медленно. Донские казаки, выступив вперед, на рассвете ударили на татарский лагерь, где почти все еще спали, и принялись колоть и рубить все, что попадалось под руку. Поднялась тревога, татары вскочили на лошадей и, увидев, что имеют дело только с казаками, в свою очередь ударили на них и принудили с большой потерей ретироваться. Они могли бы совсем уничтожить казачий отряд, если бы, завидев приближавшейся отряд генерала Гейна, сами не обратились в бегство, бросив свой лагерь. В татарском лагере русские нашли много фуража и несколько палаток.

Рано утром Миних выступил в поход. В оставленной неприятелем местности расположились лагерем. Потери были почти равные с обеих сторон — около 300 человек. У неприятеля было убито несколько знатных начальников.

По приказанию графа Миниха Гейн, за неисполнение данных приказаний, был арестован и отдан под военный суд, который приговорил его к лишению чинов и дворянства и к пожизненной службе рядовым в драгунах милиции.

5 июня русская армия подошла к городу Козлову (современная Евпатория). На следующий день все гренадеры армии, донские казаки и запорожцы под началом генерала Магнуса Бирона (брата фаворита) двинулись на город. Но до штурма дело не дошло. Ворота Козлова (или, как татары называли его, Гезлева) оказались открытыми. Город был подожжен противником. Население бежало по направлению к Бахчисараю, а турецкий гарнизон на тридцати судах был эвакуирован в Стамбул. В Козлове осталось лишь 40 армянских купцов.

Из военных трофеев в городе были захвачены 21 пушка и большие запасы свинца. Хлебом армия запаслась на 24 дня. Казаки в городе и окрестностях захватили до 10 тысяч баранов. Солдаты награбили в городе много медной и серебряной посуды, жемчуга, парчи и прочего добра.

Миних мыслил категориями европейской войны, где нормальным явлением было длительное снабжение армии за счет покоренной страны.

Взятие Козлова еще более укрепило Миниха в своем мнении. Он хвастливо писал Анне Иоанновне: «Ныне армия ни в чем недостатка не имеет и вся на коште неприятельском содержаться будет, что во время военных операций великим авантажем служит; по пословице, мы успели свою лошадь к неприятельским яслям привязать».

Из Козлова 11 июня Миних двинулся к Бахчисараю. При этом он постарался дезинформировать татар, пустив слух, будто он возвращается к Перекопу. Татары поверили, тем более что это вполне соответствовало их тактике — «набег — отход». Татары, верные своим традициям, начали осуществлять тактику выжженной земли, но совсем не в том направлении, куда шел Миних.

12 июня фельдмаршал отправил генерал-поручика Измайлова и генерал-майора Лесли с двумя драгунскими полками, четырьмя пехотными и с несколькими казаками для следования влево от армии, чтобы выбить неприятеля из нескольких селений. Однако татары довольно упорно отбивались, чего никак нельзя было ожидать. Наконец они были вынуждены бежать. Русские забрали много скота, который был отведен в армию и роздан солдатам. В этой схватке русские потеряли одного офицера и двух казаков, а ранеными — одного майора и двадцать человек солдат. От военнопленных узнали, что хан поджидает прибытия от 6 до 7 тысяч турок, которых капудан-паша вышлет ему с флота, вошедшего в Кафскую гавань из-за того, что он не мог ничего предпринять против русских под Азовом.

17 июня армия подошла к ущельям холмов, которые ограждали равнину под Бахчисараем. Неприятель расположился на высотах в очень выгодной позиции. Так как дорога, по которой надо было идти на Бахчисарай, была труднопроходима, к тому же поход этот надо было совершать скрытно от неприятеля, то Миних решился идти туда только с отборным войском, а обозы и больных оставить позади, под охраной четвертой части армии, вверив ее генерал-майору Шпигелю. Он выступил вечером. Выступление было совершено в таком порядке и в такой тишине, что неприятель не слышал, как русские обошли его лагерь, и очень удивился, когда на рассвете увидел их под Бахчисараем. Довольно большой отряд татар с некоторым числом янычар с яростью бросился на донских казаков и на расположенный поблизости Владимирский пехотный полк. Нападение было настолько сильным, что казаки подались назад, а у пехотного полка была отбита пушка. Когда же фельдмаршал выдвинул вперед пять других пехотных полков и несколько орудий под начальством генерал-майора Лесли, то неприятель недолго мог выдержать огонь и бежал, бросив захваченную им пушку.

17 июня под Бахчисараем русские потеряли убитыми и пленными 284 человека.

Татары бежали из Бахчисарая. Город почти полностью выгорел. По одним сведениям, его подожгли солдаты Миниха, а по другим — сами татары. Во всяком случае, красивейший ханский дворец сожгли русские.

19 июня армия удалилась от окрестностей Бахчисарая и расположилась лагерем на берегу реки Альмы, где к ней присоединился обоз.

23 июня фельдмаршал отправил генерал-поручика Измайлова и генерал-майора Магнуса Бирона с регулярным войском в 8 тысяч человек, 2 тысячами казаков и 10 орудиями для атаки города Акмечети, или Султансарая [\[22\]](#), местопребывания Калги-султана и знатнейших мурз. Они не нашли там почти никого, потому что за два дня перед тем жители бежали. Найденные припасы были свезены в лагерь, а город с его домами, которых насчитывалось до 1800, большей частью деревянными, сожжен. На обратном пути отряд был атакован неприятелем. С ним обошлись по обыкновению. У русских убито 4 солдата и 8 казаков и ранено несколько человек.

Турецкие войска сосредоточились в Кафе, а основные татарские силы ушли в горы. Небольшие же конные отряды татар по-прежнему окружали русскую армию.

Миних отдал приказ двигаться на Кафу, но выполнить его армия уже не могла. Треть армии была больна, а большинство оставшихся едва волочило ноги. К тому же установилась нестерпимая жара. Миних был вынужден повернуть армию к Перекопу. Это вызвало бешенство татар, поскольку они по приказу хана весь предполагаемый район движения русских на Кафу сделали выжженной землей.

7 июля 1736 г. русская армия вышла к Перекопу. Но у Перекопа армии делать было нечего. Запасы продовольствия и фуража таяли с каждым днем. Вокруг шныряла татарская конница, постоянно совершая нападения на фуражистов, утоняя лошадей и скот.

Запорожские и украинские казаки были отправлены домой сразу, А основная часть войска двинулась на Украину 18 июля. Укрепления Перекопа были в нескольких местах скрыты, а башни взорваны.

23 августа к Миниху присоединился генерал-лейтенант Леонтьев, покинувший разрушенный Кинбурн.

По приходе войска на Украину Миних сделал смотр войск. Выяснилось, что в походе была потеряна половина регулярных войск. Причем основная часть людей погибла из-за болезней и физической

усталости.

Миних воевал по-европейски, например, совершал марши в самое жаркое время суток, выступая в поход через 2–3 часа после восхода солнца, вместо того чтобы делать это за 3–4 часа до рассвета. Манштейн писал, что «зной до того изнурял людей, что многие из них падали мертвыми на ходу. В эту кампанию даже несколько офицеров умерли от голоду и лишений». Во всех же боях было убито и взято в плен не более двух тысяч человек, включая казаков.

Один только корпус генерал-поручика Леонтьева сохранился в целости, так как он спокойно простоял под Кинбурном по взятии этой крепости.

Всего кампания 1736 г. стоила России около 30 тысяч человек. На этом кампания 1736 г. была закончена, в конце года Миних уехал в Петербург оправдываться перед императрицей.

В начале 1737 г. в Вене было подписано соглашение о совместных действиях австрийцев и русских против турок.

План, разработанный Минихом, предусматривал нанесение главного удара по Очакову и отвлекающего — по Крыму.

Но прежде чем переходить к походам Миниха и Ласси, следует сказать о походе на кубанских татар.

В ноябре 1736 г. татарская орда Фетис-кули напала на орду калмыцкого хана Дундук-Омбо. Атаманы Краснощека и Ефремов с четырьмя тысячами донцов двинулись на помощь Дундук-Омбо. Казаки вместе с 20 тысячами калмыков широкой лавой прошли вдоль северного берега Кубани вплоть до Азовского моря. С 1 по 15 декабря 1736 г. вся степь, занятая татарскими кочевьями, была разорена. Дундук-Омбо занял главный город татарского хана Бахти Гирея, обнесенный стенами, Копыл, и за две недели разорили весь край. Все, что казаки не могли взять с собой, они жгли. Степь, покрытая сухой травой, была подожжена, и земля, по которой прошли калмыки и казаки, стала черной от пожаров. Все было разграблено и разорено. Казаками и калмыками было захвачено десять тысяч женщин и детей, двадцать тысяч лошадей и огромное количество рогатого скота. Татары в ужасе бежали за Кубань. Многие утонули, переплывая в зимнюю стужу реку. Край был совершенно разорен, и сделано это было конным отрядом всего за 14 дней!

70-тысячная армия Миниха зимой 1736/37 г. была сосредоточена в районе Киева. В феврале в Киев из Петербурга прибыл и сам Миних.

В начале апреля 1737 г. армия двинулась в поход. Пехоту посадили на суда и спускали по Днепру до Переволочной. В конце апреля войска

переправились через Днепр. Переправа была проведена в трех местах: дивизия генерал-аншефа Румянцева у Кременчуга, дивизия генерал-поручика Леонтьева у Орлика, а третья дивизия, принца Гессен-Гомбургского, у Переволочной. Последняя переправа происходила по плавучему мосту 980 метров длиной, для устройства которого потребовалось 128 судов.

24 мая все дивизии соединились в одном лагере на реке Омельник. Армия состояла из 63 батальонов пехоты, 2 эскадронов конной гвардии, одного эскадрона кирасирского полка графа Миниха, из 29 полков или 145 эскадронов драгун. Артиллерийский и инженерный корпуса состояли из 3 тысяч человек. Легкая кавалерия: 1500 гусар и до 13 тысяч казаков. Так что во всей армии насчитывалось от 60 до 70 тысяч человек. В артиллерийском обозе было: 62 тяжелых орудия 18- и 24-фунтового калибра, 11 мортир, 16 гаубиц, 175 полевых орудий 3- и 12-фунтового калибра и 392–6-фунтовые мортиры.

15 июня армия пришла к Бугу. 16 июня начали строить три моста. Из них один понтонный, а два других — с помощью бочек. На переправу армии потребовалось три дня. Турки к тому времени еще не собрались у Бендер (пункта соединения всех частей войска), да и не ожидали они такого быстрого появления русской армии. Так что переправа наших войск через Буг прошла благополучно и без помех.

Прежде чем армия отошла от Буга, к ней присоединились волонтерами несколько иностранных офицеров. Подошел также обоз из 28 тысяч телег с припасами, и были приведены две тысячи верблюдов, которых раздали по всем полкам, так что на каждую роту пришлось по два верблюда. На них навьючили палатки.

22 июня русская армия пришла к речке Сухая Чертала, что находилась в 4 км от Буга. В этот поход армия в первый раз шла в каре. Так как она была многочисленнее прошлогодней и ее обоз был гораздо больше, то ее разделили на три каре, шедших таким образом, чтобы они могли помогать друг другу.

30 июня армия Миниха находилась уже в 6 км от Очакова. В этом месте авангард ее был атакован пятью тысячами отборной турецкой конницы. После непродолжительного боя турки отошли. Наши потери составили 10 гусар и 15 казаков, турецкие — до 100 человек. К вечеру того же дня русские подошли к Очакову на пушечный выстрел. Турки подожгли предместья города.

Гарнизон Очакова насчитывал около 20 тысяч человек. Осадная артиллерия русских следовала на судах Днепровской флотилии и сильно

задерживалась. 1 июля на военном совете было решено атаковать Очаков, не ожидая осадной артиллерии, так как предвиделся подход турецких войск, собранных в районе Бендер.

Совет еще не кончился, как в десять часов утра из крепости вышло 15-тысячное неприятельское войско. Разделясь на два отряда, оно подошло в одно время к правому и левому флангам русской армии.

Наиболее сильный отряд турок находился справа, где стояли донские казаки, и туда был отправлен барон Лавендаль с пикетами армии и несколькими полевыми орудиями. Ожесточенный бой продолжался около двух часов. Неприятель лишился большого числа людей и вынужден был отступить. Потери убитыми с обеих сторон составили около 200 человек.

В последовавшую ночь русские выстроили пять редутов у крепости. Начался артобстрел крепости, где были отмечены сильные пожары.

3 июля перестрелки передовых постов переросли в генеральное сражение. Русские солдаты отогнали турок и дошли до глубокого рва, который не сумели перейти, не имея ни фашинов, ни штурмовых лестниц. Атакующие несли большие потери, кроме того, у них закончились боеприпасы. В рядах наших войск началось смятение. По некоторым данным, Миних бросил шпагу и закричал: «Все пропало». Но в это время в крепости взорвался главный пороховой погреб, вызвавший новый сильный очаг пожара. Воспользовавшись паникой турок, в Очаков со стороны моря ворвались казаки и гусары.

Сераскир (комендант крепости) приказал поднять на стенах белые флаги. Турецкий парламентар прибыл к фельдмаршалу и попросил перемирие на 24 часа. Миних отказался от перемирия и предложил сдать крепость, или он прикажет перебить всех без пощады. Турки согласились на безоговорочную капитуляцию. По турецким данным, 3 июля в Очакове погибло более 10 тысяч человек обою пола, как от русского огня, так от пожаров и взрывов боеприпасов. В плен было взято 4650 человек. Русские потеряли убитыми 8 штаб-офицеров, 39 обер-офицеров, 975 нижних чинов. Ранены были 5 генералов, два бригадира, 27 штаб-офицеров, 55 обер-офицеров и 2752 человека нижних чинов. Миних писал: «Очаковская крепость, будучи сильна сама собою и окрестностями, имея многочисленный гарнизон, 86 медных пушек и 7 мортир, снабженная провиантом и военными запасами с излишеством, имея также свободное сообщение с моря, где находилось 18 галер и немалое число прочих судов с пушками, ожидая на помощь из Бендер 30 000 войска, а в августе самого визиря с 200 000, могла бы обороняться три или четыре месяца более, чем Азов, и, однако, взята на третий день. Богу единому слава! Я считаю

Очаков наиважнейшим местом, какое Россия когда-либо завоевать могла и которое водою защищать можно: Очаков пересекает всякое сухопутное сообщение между турками и татарами, крымскими и буджакскими, и притом держит в узде диких запорожцев; из Очакова можно в два дня добрым ветром в Дунай, а в три или четыре в Константинополь поспеть, а из Азова нельзя. Поэтому слава и интерес ее величества требуют не медлить ни часу, чтоб такое важное место утвердить за собою».

Анна Иоанновна согласилась с мнением фельдмаршала. В Малороссию к князю Борятинскому были отправлены указы о посылке в Очаков плотников, каменщиков, других работников и различных материалов, а если кого и чего в Украине не достает, то разрешалось брать из ближайших губерний. Были отправлены указы в Киев и Брянск о поиске по Днепру и Десне готовых бревен и досок и немедленной их сплавке к Очакову.

5 июля Миних двинулся вверх по Бугу, оставив в Очакове двухтысячный гарнизон. Отойдя 60 км от Очакова, Миних остановился в ожидании подхода турецкой армии.

Лишь 16 июля головной отряд Брянской флотилии, состоявший из 17 дубель-шлюпок и 70 больших лодок, пришел в Очаков. На судах находилось много боеприпасов, продовольствия и строительных материалов.

Турецкая армия так и не подошла к Очакову, и Миних с основными силами в середине августа начал отход на Украину. Фельдмаршал разделил армию на несколько корпусов, но переправа их через Днепр планировалась в одном месте — по мосту у Переволочной. Там корпуса разделились, и каждый полк пошел своим путем на зимние квартиры. Фельдмаршал избрал для своей главной квартиры Полтаву.

В ходе похода Миниха в 1737 г. русская армия потеряла 11 тысяч человек регулярного войска и 5 тысяч казаков. Почти вдвое больше погибло солдат интендантской службы и крестьян, сопровождавших подводы. И на этот раз большая часть потерь личного состава пришлась не на боевые потери, а на болезни. Велики были потери в лошадях и волах. Одна артиллерия потеряла более 15 тысяч пар волов. Из-за нехватки лошадей и волов всю осадную и большую часть полевой артиллерии Миних вынужден был оставить в Очакове. Везти же пушки на судах против течения Днепра через пороги было нереально.

Миних оставил в Очакове генерала Штофельна с гарнизоном в 8000 человек. Кроме того, у Очакова стояли корабли Брянской (Днепровской) флотилии. Штофельн энергично восстанавливал укрепления Очакова.

Изнурительная работа, плохая пища, испарения более 40 тысяч трупов людей и скота вокруг крепости вызвали большую смертность от болезней. К октябрю умерло и заболело около 3 тысяч человек.

6 октября 1737 г. впервые у Очакова появились турецкие корабли, но, заметив движение на судах Брянской флотилии, через два часа ушли в море.

В октябре конный отряд неприятеля атаковал новый русский редут, расположенный вблизи лимана. Наконец 15 октября турки с суши обложили Очаков. Неприятельская армия состояла из 20 тысяч турок и 30 тысяч татар. Командовали ею Иентш-Али-паша и крымский хан Бегли Гирей.

17 октября 6 тысяч янычар пошли на приступ. Турки понесли большие потери от артиллерийского и ружейного огня. Дело решила контратака гарнизона. Турки были отброшены от крепости и потеряли свыше двух тысяч человек.

18 октября впервые заговорила турецкая осадная артиллерия, в составе которой были 18- и 24-фунтовые пушки.

В ночь с 19 на 20 октября осажденные сделали вылазку и захватили турецкий редут. Было убито 150 турок и заклепано 6 осадных орудий.

25 октября турки отправились на новый штурм. Как только рассвело, 6 тысяч турок с яростью бросились штурмовать редуты, устроенные у моря. После часового сражения они овладели ретраншементом, захватили редуты и проникли до Каланчи. Но успех был непродолжителен. Штофельн отправил из города тысячу человек под командованием бригадира Братке, которые и отбили турок со всех сторон. Их выгнали из ретраншемента и из редутов и преследовали вплоть до их лагеря. Смятение в турецкой армии было общее.

Часть турок бросилась бежать. Лишь применив оружие, турецким офицерам удалось восстановить порядок. Этот штурм стоил неприятелю до двух тысяч человек. У осажденных оказалось убитыми только 150 человек, и потеря была бы еще меньше, если бы тридцать человек сгоряча не вздумали, прогнав неприятеля, еще преследовать его, несмотря на запрещение офицеров. Как только турки несколько опомнились, они сейчас же всех перебили.

При отражении штурма большие потери противнику были нанесены легкими 6-фунтовыми мортирами Кегорна.

26 и 17 октября турки вели интенсивную бомбардировку Очакова, но потерь у русских практически не было. В Очакове почти не осталось жилых домов, так что гореть было нечему, а весь гарнизон был размещен в

редутах, на стенах крепости, а также в специальных укрытиях типа блиндажей («крытом пути»).

29 октября, за час до рассвета, неприятель взорвал мины, подложенные им против бастиона Левендаля. Но так как мины были установлены в небольших углублениях, то они не нанесли вреда ни палисадам, ни стоявшим позади них войскам. Спустя полтора часа турки, при содействии огня всей своей артиллерии, произвели ложную атаку на редут, устроенный на высоте со стороны лимана. После этого они внезапно повернули направо, к Измайловским воротам, и с этой стороны пошли на приступ со всей пехотой и пятью тысячами спагов, которые должны были спешиться. Атака турок была настолько яростной, что триста человек прорвались через палисад и проникли к Измайловским воротам. За ними несколько сот турок перешли через палисад, напротив Кристофельских ворот, и, продолжая атаку во рву, достигли Водяных ворот.

Однако гарнизон так стойко защищался, что неприятель скоро был отбит и отброшен до его собственного ретраншемента. Его потери составили до четырех тысяч человек. Способствовал поражению турок взрыв других мин, подожженных русскими во время штурма с большим успехом. Многие турки взлетели на воздух. Остальные, опасаясь той же участи, так трусили, что офицеры не могли помешать их отступлению и бегству. Во время штурма Штофельн командовал в стороне «крытого пути», а бригадир Братке и полковник Ведель находились вблизи Водяных ворот.

Во время этой осады, и особенно в последнем деле, оченьгодились русским пики. Когда неприятель, овладев рвом, атаковал Водяные ворота, то полковники Ведель и Ла-Тур сделали вылазку из других ворот, пошли колонной на неприятеля, и их люди в этом случае действовали только пиками, как единственным орудием, которым можно было обороняться от турецких сабель.

За весь день неприятель не сделал уже ни одного выстрела и возобновил огонь своих батарей, усилив его, только 30 октября. В середине дня турки принесли в апроши лестницы и фашины для нового приступа. Но спустя три часа после захода солнца неприятель вдруг прекратил пальбу, а потом во многих местах его лагеря осажденными были замечены огни. Из крепости в лагерь были направлены разведчики, но они там уже никого не застали, а с батареей исчезли пушки и мортиры.

На рассвете следующего дня Штофельн выслал сильный конный отряд к турецкому лагерю. Выяснилось, что неприятель поспешно бежал, оставив на месте большое количество бомб, гранат, фашин, лестниц, лопат и кирок.

Несколько запорожских казаков, выезжавших из своей станицы почти

под самые Бендеры, в тот же день прибыли в Очаков с известием, что турки в полдень переправились через речку Березовку, что в 15 км от Очакова. 1 ноября выяснилось, что турки ушли уже за 40 км.

В тот же день русские солдаты очистили ров и окрестности города от мертвых тел. После штурма 29 октября было найдено три тысячи неприятельских трупов. Вся осада стоила туркам более 20 тысяч войска, из которых половина умерла от болезней. Способствовали смертности людей и неудаче предприятия наступившие уже холода и непрерывные дожди.

После неудачи последнего штурма около 10 тысяч турок бежало из лагеря, несмотря на то, что несколько десятков дезертиров поймали и им отрубили головы. Оставшиеся явно были не настроены продолжать осаду. Сераскир понял, что продолжение осады грозит катастрофой, и предпочел организовать эвакуацию, благодаря чему туркам удалось увезти всю артиллерию.

Боевые и санитарные потери очаковского гарнизона составили две тысячи человек.

Фельдмаршал Миних был очень обеспокоен походом турок к Очакову. По его приказу к Очакову сухим путем двинулся генерал-поручик Леонтьев с 10 тысячами человек. Кроме того, несколько полков были посажены на суда для отправки вниз по Днепру. Последние переправились уже через пороги, как пришло известие, что турки удалились.

Императрица осталась весьма довольная действиями генерала Штофельна. Она не удовлетворялась производством его в генерал-поручики, а бригадира Братке — в генерал-майоры. Первому она пожаловала еще значительные поместья на Украине, а всему гарнизону выдала в награду жалованье за несколько месяцев.

Стоявший под Очаковым флот, в котором насчитывалось до 100 судов, большей частью двойные шлюпки, также немало способствовал снятию осады. Он не только не пустил турок блокировать крепость с моря, но и поддерживал огонь осажденных. Турецкий командир флота был обезглавлен за то, что он не выполнил приказа атаковать и разбить русский флот.

Глава 5

ЛАССИ ИДЕТ В КРЫМ

Пока армия под командованием фельдмаршала Миниха находилась в походе к Очакову, фельдмаршал Ласси с другой армией шел в Крым. Эта армия состояла из 13 драгунских полков, 20 пехотных и от 10 до 12 тысяч казаков и калмыков, что в итоге составляло до 40 тысяч человек.

3 мая 1737 г. армия Ласси выступила из Азова. Войска шли вдоль берега Азовского моря. Флотилия адмирала Бредаля шла параллельно с сухопутными силами. По пути Ласси приказал устроить несколько редутов для охраны коммуникации его армии с Азовом.

Крымский хан Фатих Гирей заранее узнал о походе Ласси и с 60 тысячами всадников встал южнее Перекопа, ожидая, что Ласси пойдет по пути Миниха. Хан был крайне удивлен, увидев, что русские на сей раз двинулись по Арабатской стрелке, то есть по пути, по которому еще никто никогда не входил в Крым. Фатих Гирей обрадовался, что Аллах лишил гяуров разума. Ведь на узкой косе даже небольшой отряд может остановить всю русскую армию. Немедленно на косу отправились значительные силы татар.

Но Ласси не думал входить в Крым по косе. К Арабату был отправлен лишь отвлекающий отряд в две тысячи человек с четырьмя пушками.

Фельдмаршал приказал исследовать глубину залива, отделяющего эту косу от остального Крыма. Там, где оказалось место, пригодное для его намерения, он велел сколотить плоты из всех порожних бочек армии и бревен-рогатов и таким образом переправился через залив с пехотой и обозом. Драгуны же, казаки и калмыки пустились кто вброд, кто вплавь.

Не только хан считал рискованным делом со стороны фельдмаршала пробираться по косе к Арабату, даже генералы русской армии были того же мнения. Все они, за исключением генерала Шпигеля, заявили к Ласси и сказали, что он слишком рискует войском и что все они могут погибнуть. Фельдмаршал возразил, что все военные предприятия сопряжены с опасностями, а настоящее, по его мнению, не представляет большего риска, чем другие. Впрочем, он просил их дать ему совет, как лучше поступить. Они отвечали, что надо вернуться. Ласси возразил: «Когда так, если господа генералы желают возвратиться, то я велю им выдать их паспорта». Призвав своего секретаря, Ласси велел ему изготовить паспорта и

немедленно вручить их генералам. Он приказал уже направить 200 драгун для конвоирования их на Украину, где они должны были дожидаться его возвращения. Только через три дня генералы смогли настолько смягчить фельдмаршала, что он простил им их дерзкое предложение отступить.

Хан, предполагавший ударить на русских на крайнем конце косы, против Арабата, сильно удивился, когда русская армия переправилась через морской залив и направлялась теперь прямо навстречу ему. Не став дожидаться русских, он удалился к горам, преследуемый по пятам казаками и калмыками. Известие об отступлении неприятеля заставило и фельдмаршала свернуть к горам с целью встретиться с ханом и, если представится удобным, дать ему сражение.

13 июля армия расположилась лагерем в 28 км от одного из лучших крымских городов, Карасубазара. Здесь ее атаковали отборные войска, которыми командовал лично хан. Первый натиск неприятеля был сначала очень сильный, но спустя час татары были отбиты и отогнаны в горы казаками и калмыками, которые преследовали их на протяжении 16 км. Армия осталась в прежнем лагере. Однако казаки и калмыки сделали набег по направлению к Карасубазару для разорения татарских жилищ. Они возвратились в тот же день с 600 пленными, хорошей добычей и большим количеством скота.

14 июля генерал-поручик Дуглас, командовавший авангардом в 6 тысяч человек, двинулся на город Карасубазар. Фельдмаршал следовал за ним с армией, оставив больных в лагере с прикрытием в 5 тысяч человек под командой бригадира Колокольцева.

Непосредственно перед Карасубазаром Дуглас встретился с 15-тысячным турецким отрядом. Ласси послал на помощь авангарду два полка драгун. После часового боя турки бежали.

Русские вошли в пустой Карасубазар. Все татарское население города бежало, осталось лишь несколько греческих и татарских семейств. Город, насчитывавший до 6 тысяч домов, из которых половина была каменными, был по приказу Ласси «разграблен и обращен в пепел».

Фельдмаршал приказал войскам разбить лагерь в двух километрах от Карасубазара. Дальше идти было некуда: впереди начинались горы с узкими тропами, а через 20–30 км — Черное море. В горы были отправлены мелкие отряды казаков и калмыков. Около тысячи селений они обратили в пепел, около тридцати тысяч быков и до ста тысяч баранов сделались добычей победителей.

16 июля Ласси собрал военный совет, на котором решено было идти назад из Крыма. Ласси мотивировал это тем, что план операции,

состоявший в наказании татар за набеги их на Россию, был выполнен. Ласси явно лукавил. Предпринять такой поход, чтобы сжечь один захудалый городишко, было по меньшей мере глупо. В 50 км от Карасубазара находилась Кафа, а в 130 км — Керчь. Захват этих городов имел бы важное политическое значение. Не говоря о том, что обладание Керчью сделало бы Азовское море русским озером. Видимо, Ласси думал не о турецких городах, а о том, как бы быстрее унести ноги.

16 августа русская армия начала отступление. В этот же день генерал Дуглас на реке Карасу был атакован значительными силами татар. Дело решили калмыки, которые ударили татар с тылу. После боя калмыки исчезли. Фельдмаршал встревожился, полагая, что калмыки, преследуя татар, зашли слишком далеко в горы, что они отрезаны от армии и, может быть, все перебиты. Спустя два дня калмыки возвратились в лагерь, ведя с собой более тысячи пленных, в том числе несколько мурз, которых они захватили во время самовольного набега в горы до самого Бахчисарая.

Тем временем казаки и калмыки разъезжали по окрестностям и жгли татарские села и деревни. Было сожжено около тысячи сел, так как в этой части Крыма население жило очень густо. Казаки и калмыки привели в лагерь до 30 тысяч волов и свыше 100 тысяч баранов. Неприятель, со своей стороны, тревожил армию во время ее похода, захватывал в плен фуражиров, которые отваживались выходить из ограды аванпостов, и сверх того отбил несколько сотен обозных лошадей.

По прибытии армии к реке Шунгар было велено построить мост. Он был готов на другой день, 23 июля, и в этот же день переправилась часть войска. Едва переправившиеся войска успели занять берег, как подошли татары. На сей раз вместе с ними было несколько тысяч турецких солдат, прибывших из Кафы. Атака татар и турок была отражена артиллерийским огнем. На месте боя насчитали более ста неприятельских трупов.

25 июля русские войска достигли Геничи, таким образом покинув Крым тем же путем, что и вошли. Затем около месяца войска отдыхали у реки Молочные Воды, где имелись обильные пастбища для лошадей.

Фатих Гирей и на сей раз попытался перехватить русских у Перекопа, куда он привел 40-тысячную орду. Узнав об уходе Ласси из Крыма, хан перешел Перекоп. Несколько дней Фатих Гирей стоял в степи и размышлял, стоит ли напасть на русских... Хан решил не рисковать и вернуться в Крым. Но это здравое решение не было оценено турецким султаном, который приказал свергнуть Фатих Гирея.

План кампании 1738 г. мало отличался от кампании 1737 г. Основной удар наносила армия Миниха, но на этот раз не по Очакову, а по Бендерам.

Армия Ласси наносила отвлекающий удар в Крыму с целью отвлечения орды Гирея и части турецких войск.

В начале мая 1738 г. двинулась 108-тысячная армия Миниха. К 19 июня армия достигла Буга. Первый серьезный бой произошел 1 июля у реки Кодима. Атака турок была отбита, на поле боя нашли около 200 неприятельских трупов. Тем не менее русская армия оказалась в сложной ситуации. Миних писал в донесении: «Здесь места для воинской операции такой большой армии очень трудны и неспособны, потому что в малых речках, впадающих в Днестр, для всей армии воды не довольно, высокие каменистые берега мешают приблизиться со скотом для водопоя, а по самому Днестру по причине каменистых берегов еще хуже, нет ни кормов в достаточном количестве, ни удобных дорог, но везде глухие и пустые горы и буераки, а какие деревни и были, то татары разоряют и разгоняют обывателей, и потому нельзя знать подлинно, где достать воды и фуражу и миновать трудные дефилеи. Хотя неприятель сильно и часто нас окружал и нападал, однако в армии в продолжение всей кампании не более 700 человек побито и 250 ранено».

8 июля русская армия была вновь атакована турками. Миних вывел армию из лагеря, в котором под командованием генерала Румянцева оставил лишь столько людей, сколько нужно было для охраны обоза. Он образовал только одну линию, правым флангом опиравшуюся на запорожский лагерь, а левым — на глубокую и очень крутую балку, находившуюся впереди лагеря. Эти меры не смутили неприятеля. Турки несколько раз атаковали то правый, то левый фланги, некоторые даже обошли линию и напали на лагерь.

Тем не менее турки были отбиты. К 4 часам они отступили со всех сторон, казалось даже, что турки окончательно уйдут с поля битвы. Но к 5 часам турки снова выстроились впереди леса и кинулись на русских с еще большей яростью. Их снова отбили, и они вынуждены были бежать, оставив на месте сражения более тысячи убитых. Этой победе много содействовал генерал Ульрих-Фридрих-Вольдемар Левендаль, расставив артиллерию на высоте у правого крыла, откуда он громил неприятеля с фланга.

Поражение турок было настолько серьезным, что они не беспокоили русскую армию в ее походе в течение нескольких дней.

Но ясно было, что поход не удался. Русская армия дошла до города Рашков на Днестре. На берегу реки собралась турецкая армия численностью до 60 тысяч человек с 60 пушками и 16 мортирами. Позже Миних жаловался на отсутствие удачного места для переправы через

Днестр, что берега «утесисты и круты», на конницу белгородского паши, которая беспокоила русских на левом фланге, и т. п. Для отступления поводы найдутся у любого полководца. И вот 30 июля русская армия начала отступление. Турки немедленно переправились через Днестр с белгородскими татарами. Но устроить генеральное сражение турки не решились, их армия шла параллельно с русской. Лишь отдельные отряды янычар и татар затевали стычки с русскими.

Миних утешал императрицу тем, что в этой неудаче явно видна рука Божья, потому что если бы армия перешла Днестр и двинулась к Бендерам, то должна была проходить страны, в которых свирепствовало моровое поветрие, тогда как теперь, через отступление, армия сохранена в целости. «Кто решается на дело, успех в котором невозможен, тот не имеет права надеяться на божескую помощь, — писал Миних 8 сентября, — провианта у армии только до октября месяца; здесь уже началась необыкновенная стужа, трава вянет, и нет надежды продержатъ лошадей и скот в поле долее 1 октября; люди прошлую замою покоя не имели и в продолжение всей кампании маршировали беспрестанно, а рекруты к армии приведены, когда уже полки из зимних квартир выступили, и многие померли, другие больны, остальные очень истомлены; в лошадях и скоте немалый урон; мундирные вещи по причине дурного прошлогоднего зимнего пути не все к армии привезены, и с собою ничего, кроме самого нужного, взять было нельзя; таким образом, армия должна немедленно обмундироваться в своих границах. Бомбы мы принуждены были зарыть и потопить, а тяжелые лафеты близ Днестра, где скот воды не имел и немалый упадок был, разбить, чтоб неприятелю не оставить; таким образом, осадная артиллерия в Киеве комплектована быть должна. Драгуны и солдаты бегут, и удержать их от побега можно только надеждою возвращения в отечество и покоя».

К концу сентября вся армия вступила на Украину и расположилась на зимние квартиры. Миних своей квартирой выбрал Киев.

Идя к Днестру, русская армия прошла по польской земле. Коронный великий гетман граф Потоцкий послал на это жалобу графу Миниху. Миних отвечал, что турки первыми вступили на территорию Польши и нарушили ее нейтралитет. Граф Потоцкий, недовольный этим возражением, жаловался петербургскому двору, но оттуда ему отвечали в том же смысле. Но еще сильнее раздалась жалоба, когда большая часть армии, возвращаясь с Днестра, снова прошла через Польшу. Сам король, несмотря на тайное соглашение с русской императрицей, был вынужден сделать представление через своего посла. Ему отвечали, что если неприятель прошел через Польшу, то нельзя жаловаться, если армия пошла этой же

дорогой, но если только где-либо были беспорядки и армия кому-либо причинила вред, то все будет возвращено до копейки.

В июне 1738 г. армия Ласси, сосредоточенная в районе реки Берда, двинулась вдоль берега Азовского моря к Перекопу. Татары решили, что Ласси будет штурмовать перекопские позиции. Но по суше к Перекопу фельдмаршал послал лишь отряд казаков и калмыков. Главные же силы русских 26 июня перешли Сиваш вброд, воспользовавшись тем, что ветер выгнал воду из Сиваша в Азовское море. Потонуло только несколько повозок в арьергарде, не успевших за остальными, так как вскоре после перехода армии море снова нахлынуло.

27 июня Ласси подошел с тыла к Перекопской крепости и потребовал у ее коменданта сдачи. Двухбунчужный паша заносчиво ответил, что он назначен комендантом для обороны крепости, а не для ее сдачи. В ответ русские начали бомбардировку крепости из пушек и мортир. Особенно удачно действовали последние, как сказано в журнале военных действий: «посещали крепость бомбами». От этих «посещений» гарнизон на следующий день капитулировал. Из крепости вышли паша и две тысячи янычар. После этого Ласси двинулся внутрь Крыма.

Генерал-майор Бриньи-младший вступил в крепость с двумя пехотными полками и принял над ней начальство. Он нашел тут до ста орудий, большей частью чугунных, достаточный запас пороха, но очень мало хлеба.

9 июля 20-тысячная конница татар внезапно атаковала шедшие в арьергарде отряды. Татары смяли казаков и обратили в бегство Азовский драгунский полк. Генерал-поручик Шпигель прибыл на место с четырьмя драгунскими полками и донскими казаками, чтобы удержать бегущих. Не успели они оправиться, как неприятель снова ударил на них с яростью. Бой был продолжительный и горячий. Фельдмаршал велел нескольким пехотным полкам, пришедшим уже в лагерь, выступить на помощь. Татары вынуждены были удалиться, оставив на поле боя более тысячи трупов. Со стороны русских потеряно от шестисот до семисот человек, включая и казаков. Генерал Шпигель был ранен ударом сабли в лицо.

Согласно данным ему инструкциям, граф Ласси должен был овладеть Кафой, самым укрепленным пунктом в Крыму, и морской гаванью, в которой турки держали часть своих кораблей. Однако татары по традиции придерживались тактики выжженной земли, и у русских возникли серьезные проблемы с продовольствием. Кроме того, шедший из Азова флот с провизией под командованием вице-адмирала Бредаля был встречен на пути такой сильной бурей, что одна половина судов разбилась, а другая

— рассеялась.

В итоге Ласси решил вернуться. По пути Ласси приказал взорвать укрепления Перекопской крепости. В районе Перекопа Ласси оставался до конца августа, а затем ушел на зимнюю квартиру на Украину.

1 марта 1739 г. Волынский, князь А. М. Черкасский и графы А. И. Остерман и Бухард Кристоф Миних подали императрице мнение о военных операциях будущей кампании: «При составлении плана будущей кампании надобно обратить особенное внимание на требование австрийского двора и на весь ход наших сношений с ним. Дела этого двора находятся теперь в таком слабом состоянии, что он туркам не может оказать надлежащего сопротивления, чем и заключение мира все более и более затрудняется... Поэтому мы думаем, что с главною армиею надобно идти прямо через Польшу к Хотину и действовать, смотря по неприятельским движениям: ибо одному корпусу идти через Польшу опасно, а сильной армии поляки побоятся и удержатся от конфедерации; с другою армиею, для диверсий, действовать против Крыма и Кубани». Императрица согласилась с этим, и Миних, очень довольный, отправился на Украину.

Зимой 1738/39 г. на Украину приходили татары, но были отбиты с большим уроном. Миргородский полковник Капнист, участвовавший в боях с татарами, уверен, что их было перебито и утонуло не менее четырех тысяч, в том числе 30 мурз.

Перед походом 1739 г. у Миниха возникли определенные сложности с запорожским войском. Орлик, живший в монастыре у Ясс, вновь стал засылать к казакам на Украину письма с призывами перейти в турецкое подданство: «Порта, милосердая над Войском Запорожским, несмотря на то что оно перед нею погрешило, велела меня обнадежить, что она примет Запорожское Войско под свою крепкую охрану, позволит ему всякие промыслы и подтвердит его вольности».

Миних решил действовать с запорожцами как с калмыками или ногайцами — взять заложников и подкупить хана. Он велел находиться при главной квартире пятистам «лучшим запорожцам». В Запорожскую Сечь было отправлено 6150 рублей. Причем велено было четыре тысячи рублей отдать публично всем казакам, а 2150 рублей — кошевому и старшине тайно разделить. Так и было сделано, но вот кошевой Тукала рапортует фельдмаршалу, что казаки, проведая о получении им и старшиной особой суммы, «напали на них нечаянно и жестоко избили с немалым ругательством и бесчестьем и пограбили не только вновь полученные деньги, но и те, которые у них прежде были». Потом пришел другой рапорт,

что Тукала лишен должности и, проболев несколько дней, умер, и на его место выбран Иван Фоминич. «Хотя таковые их, запорожских казаков, поступки, — писал Миних, — весьма непристойные и воле ее величества противны, однако при нынешних обстоятельствах ничем огорчать их нельзя, тем более что новый атаман человек добрый и к службе ревностный». Таким образом, запорожцы остались верны и России, и своим обычаям.

В апреле 1739 г. армия Миниха собралась в районе Киева. В ее составе насчитывалось 49 батальонов, включая три батальона пешей гвардии. Кавалерию составляли: три эскадрона конной гвардии, 100 драгунских эскадронов, 6 гусарских, 6 валахских и 4 грузинских. Кроме того, было набрано 13 тысяч казаков всех категорий. Артиллерию составляли 62 осадные пушки, 11 мортир, 16 гаубиц и 176 полевых орудий. Прислуги к ней приставлено 3 тысячи человек. Всего в армии состояло 60–65 тысяч человек.

Несмотря на постоянные жалобы поляков, Миних с санкции императрицы решился в этот раз провести свою армию через Польшу, что значительно сокращало путь к Днестру, представляя вместе с тем для войск такие удобства, которых они были лишены в предыдущие походы. Поэтому в этом году армия и страдала меньше, и больных было немного, по сравнению со всеми прежними годами.

28 мая армия вступила в Польшу вблизи Василькова, большой пограничной крепости. Польский великий гетман приказал шляхте сесть на коня, и это дворянское ополчение расположилось во многих местах для предотвращения беспорядков от казаков. Но, несмотря на все старания поляков, которые постоянно шли бок о бок с русскими при их переходах, они многого не могли предотвратить.

Для большего удобства русская армия шла несколькими колоннами и 30 июня пришла к Бугу, через который переправилась в трех местах: первая дивизия — у Константинова, вторая — у Летичева, а третья — у Мендзибожа. Пришло известие, что турецкий корпус в 60 тысяч человек перешел через Днестр и вступил в Польшу с намерением не допустить русских переправиться через Буг. Но так как русские опередили турок, они вернулись, опустошив несколько деревень.

С целью обмануть турок и заставить их совершать бесполезные переходы или же удерживать большую часть армии вблизи Бендер, велено было большому отряду казаков идти по направлению к Сороке и распускать по пути слух, будто за ними через несколько дней последует часть армии. Этот ложный слух заставил сераскира Вели-пашу две недели

простоять с главными силами у Бендер.

Казацкий отряд благополучно переправился вплавь через Днестр, не будучи замечен неприятельскими отрядами, углубился в край на 60 км, сжег несколько деревень и оба города — Сороку и Могилев. При возвращении в лагерь казаки привели пленных и более 400 лошадей, взятых по большей части на польской земле.

До 17 июля армия продолжала поход к Днестру, обошел Недоборческие горы и повернул затем вдоль по реке Збруч, к Хотину, как бы с намерением переправиться через Днестр в окрестностях этого города.

Большой неприятельский отряд двинулся к Збручу с целью помешать переправе, и без того затруднительной из-за крутых берегов реки. Но у фельдмаршала Миниха и не было намерения тут переправляться. Он хотел пройти к Днестру и прибыть туда не замеченным неприятелем. 18 июля он выступил с корпусом отборного войска в 20 тысяч человек, взяв с собой только полевую артиллерию. Обоза тоже не брали: каждый солдат нес с собой запас хлеба на шесть дней. Осадная артиллерия и обоз были оставлены в лагере под охраной генерала Румянцева.

За два дня корпус Миниха совершил переход в 80 км и к вечеру 19 июля подошел к Днестру вблизи польской деревни Синковцы. Первым делом солдаты начали строить мосты, и успели кончить их 20 июля в семь часов утра. По всей окрестности не было ни одного неприятельского солдата. Еще до вечера переправились на ту сторону Днестра вся пехота и полевая артиллерия. Казаки же и драгуны переправились накануне, отыскав брод.

Поджидая русских у Збруча, турки только 22 июля узнали о том, что русские уже перешли Днестр. Турки отступили к Хотину и перешли через Днестр ниже города. От Синковец до Хотина не более чем 24–28 км, но это расстояние покрыто непроходимыми горами, идущими от Днестра до Прута. Поэтому турки смогли преодолеть это расстояние и встретиться с русскими войсками только через три-четыре дня.

К 28 июля русская армия подошла к Днестру. Саперы навели понтонные мосты, и началась переправа. Она закончилась 4 августа из-за отставания обоза и осадной артиллерии, а также из-за мелких стычек с татарами и конными янычарами.

Форсировав Днестр, Миних двинулся к Черновцам. У Перекопских узин (южной части Хотинских гор) Миних оставил свой обоз под прикрытием 20-тысячного отряда. Основная же часть армии форсировала узкие горные проходы и вышла на равнину. Здесь армия перестроилась в три равносторонние каре и окружила себя рогатками. Турки не

препятствовали переходу русских через Хотинские горы, надеясь окружить и уничтожить их в выгодных для себя условиях.

Вслед за пехотой и конницей через узины прошел и обоз. 16 августа 58-тысячная русская армия, имея 150 орудий, подошла к Ставучанам, где располагалась 80-тысячная турецкая армия под командованием Вели-паши.

Командующий турецкими войсками приказал занять позицию между Недобаевцами и Ставучанами, а конницу направить в обход русских войск. Рассредоточивая свои войска, Вели-паша ослаблял свои силы.

Миних решил пробиваться в Хотин. 17 августа он направил на правый фланг 8-тысячный авангард генерал-поручика Карла Бирона с 34 орудиями, стремясь демонстративными действиями отвлечь внимание Вели-паши. Карл Бирон выполнил задачу. Переправившись через реку Шуланец, он направился к главным силам турок, а потом повернул назад и стал снова переправляться через реку. Отход отряда Бирона турецкое командование расценило как отступление всей русской армии, и Вели-паша даже послал в Хотин известие о поражении русских. В то время как отряд Бирона производил демонстративные действия, главные силы русской армии начали переправляться через реку Шуланец по 27 мостам. Переправу прикрывали две бригады полевой артиллерии, расположенные на одной из высот. Вслед за главными силами на левый берег реки переправился и отряд Бирона. На это потребовалось более четырех часов. За это время турки стянули свои силы к лагерю и вырыли окопы, чтобы преградить путь русской армии.

К 5 часам русские войска построились в боевой порядок и двинулись в обход Ставучанского лагеря противника. Миних не ставил перед собой задачу уничтожить турецкую армию, но Вели-паша думал иначе. Так как русские войска продвигались вперед, то он приказал коннице Генч-Али-паши атаковать русские войска. Русская пехота остановилась и закинула рогатки. Огнем пехоты и артиллерии атака противника была отражена.

Поражение конницы подорвало дух турецких войск, и они в беспорядке отступили. Русские войска без боя заняли укрепленные высоты, захватили обоз и всю артиллерию. Турки в этом бою потеряли только убитыми тысячу человек. Потери русских составили 13 убитых и 53 раненых. На следующий день русские войска вышли к Хотину, гарнизон которого бежал к Бендерам. 19 августа Хотин был взят. Комендантом крепости был назначен генерал Левендаль.

28 августа русская армия подошла к Яссам, где ее восторженно встречало молдавское население. Молдова перешла в подданство России и обязалась содержать 20-тысячную русскую армию. Миних приостановил

движение русских войск, хотя турки в это время бежали за Дунай.

В 1738 г. турки мало беспокоили очаковский гарнизон. Зато туда пришел куда более страшный враг — чума. Современник писал, что люди в Очакове и Кинбурне мерли как мухи. Несмотря на прибытие нескольких тысяч новобранцев с Украины, гарнизоны Очакова и Кинбурна таяли. Наконец в сентябре 1739 г. генерал Штофельн получил приказ оставить оба города. Штофельн немедленно покинул Очаков и в том же месяце привел остатки войск на Украину.

Весной 1723 г. Петр I приказал вице-адмиралу М. Х. Змаевичу построить в Таврове к навигации 1724 г. 60 судов. На этот раз решили не строить больших кораблей, а ограничиться мелкосидящими гребными судами. В 1723 г. было заложено 9 больших 44-пушечных прамов, 6 малых 8-пушечных прамов, 15 галер, 30 каек, 6 шлюпок и 23 бота.

Прамы представляли собой плоскодонные гребные суда с сильной артиллерией. Они имели очень малую скорость и предназначались для действий на мелководье.

Большие прамы были двухпалубными (двухдечными). При Петре I они вооружались 12-, 18- и 24-фунтовыми пушками. Согласно положению 1737 г., большие прамы должны были иметь 36-фунтовые пушки на нижнем деке и 18-фунтовые — на верхнем.

Кайки и дубель-шлюпки — легкие гребные суда, различавшиеся между собой конструкцией корпусов. На носу и корме каек и дубель-шлюпок было установлено по одной пушке среднего калибра (18-, 12-или 8-фунтовых), а по бортам — 6–10 фальконетов.

Летом 1724 г. отношения с Турцией улучшились, и строительство кораблей в Таврове было приостановлено. Все корабли были в высокой степени готовности и хорошо законсервированы — «на оные суда зделаны сараи и покрыты гонтами». На 1727 г. за судами присматривал капитан-лейтенант Россолиус, 22 морских служителя и 25 солдат. На берегу было складировано 8–24-фунтовых, 78–18-фунтовых, 14–12-фунтовых, 4–6-фунтовых, 43–3-фунтовых пушек, а также 31 малокалиберная пушка или фальконет.

Рядом в крепости Павловской от Азовского флота осталось 24–24-фунтовых, 203–18-фунтовых, 156–12-фунтовых, 13–10-фунтовых, 435–8-фунтовых пушек, а также 624 пушки мелкого калибра, и еще 36–18-фунтовых гаубиц.

Работы по воссозданию Донской флотилии начались осенью 1733 г. Командовать флотилией было приказано контр-адмиралу П. П. Бредалю. К июню 1735 г. в составе флотилии имелось 20 галер, 9 больших и 6 малых

прамов, 29 каек и других гребных судов.

В кампании 1735 г. Донская флотилия участия не принимала, да в этом и не было нужды.

9 мая 1736 г. к Азову подошла эскадра Бредаля. В течение восьми дней прамы и галеры выпустили по крепости 8714 снарядов. Потери флотилии составили 22 убитых и 77 раненых.

Под Азовом сложилась забавная ситуация. Турецкий флот паши Джиянум-Кодиа из-за мелководья не мог войти в устье Дона, а русские прамы по той же причине не могли выйти в Азовское море.

В связи с этим зимой 1736/37 г. на Дону было спешно построено около 500 неглубоко сидящих в воде казацких лодок и ботов. В каждой лодке могло поместиться до 40 солдат. Вооружение лодки состояло из двух 3-фунтовых пушек.

Весной 1737 г. флотилия Бредаля, состоявшая из казачьих лодок и ботов, перевезла 14 полков от Азова к реке Кальмиус (где сейчас расположен г. Мариуполь) и, следуя близ берега, поддерживала постоянные сообщения с шедшим к Крыму корпусом фельдмаршала Ласси. Во время пути флотилия доставляла в армию провиант и все необходимое, отвозила больных в Азов и способствовала переправе через реки и Генический пролив, наводя из своих лодок мосты. Ласси перешел в Крым по Арабатской косе и разорил всю местность до Карасубазара и реки Сальгира.

В продолжение этого похода лодкам Бредаля кроме значительной помощи, оказанной армии, пришлось отражать атаки сильного турецкого флота, состоящего из двух кораблей, 13 галер и 47 полугалер.

Первая встреча произошла 29 июня. Бредаль встал со своими судами на якорь под берегом и ожидал нападения. Поднявшаяся буря разбила до 170 русских лодок, с остальных были сняты орудия и установлены на берегу. На другой день турки приблизились на пушечный выстрел и были встречены огнем. После четырехчасового боя турки отступили, не нанеся флотилии никаких потерь. Накануне ими, однако, были взяты после сильного сопротивления четыре отставшие лодки.

Следующие столкновения произошли 29 и 30 июля, при возвращении Бредаля от Геничи и Федотовской косы. Бредаль прибег к тому же маневру, то есть опять свез пушки на берег и усилил ими батареи. 30 июля турки были отброшены и ушли из Азовского моря. Наши же лодки вернулись в Азов. Во время сражения у нас пробито 13 лодок, убито двое и ранено шесть человек.

Здесь следует упомянуть о незаслуженно забытом подвиге капитана 2-

го ранга Петра Дефремери. 10 июля его бот, находившийся в 25 км от Федотовской косы, встретился с турецким кораблем, сопровождаемым тридцатью гребными судами. Дефремери сумел дотянуть до берега, высадив команду, приказав ей спастись. Сам же капитан вместе с боцманом остался на боте. При приближении неприятельских галер Дефремери разрядил по ним все свои четыре пушки, поджег бочку с порохом и вместе с ботом взлетел на воздух.

Кампания 1738 г. оказалась для флотилии Бредаля еще менее удачной. 18 апреля флотилия вышла из Азова и 25 апреля вошла в реку Кальмиус. 9 мая флотилия подошла к Бердянской косе (району современного Бердянска).

7 июня у Федотовской косы Бредаль, плывший к Геничи, встретился с турецкой эскадрой. 9 июня флотилия была атакована 16-ю турецкими галерами. Турки дали залп из 53-х орудий, но их ядра не нанесли никакого ущерба русским. После чего турецкие галеры отошли на несколько верст.

Чтобы избежать сражения с превосходящими силами турок, Бредаль нашел узкое место на косе, шириной в 60 сажен (128 м) и велел прокопать ров через косу. 10–11 июня через этот ров было перетащено 144 лодки. Туркам стало известно о маневре Бредаля, и они морем обошли косу и подошли к флотилии с другой стороны. 11 июня завязалась перестрелка с турками. Велась она на предельной дальности, так как русские отвечали туркам только из самых больших имевшихся у них 8-фунтовых и 6-фунтовых пушек. Хотя с обеих сторон обошлось без потерь, турки ретировались. При этом одна из турецких галер села на мель, но русские не пытались ее захватить.

В ночь с 11 на 12 июня Бредаль получил приказ от генерал-фельдмаршала Ласси отправить к Геничи несколько лодок с казаками, а самому Бредалю с остальными лодками следовать обратно в Азов. Ласси без лишнего кокетства дал пояснение, что де если неприятель побьет флотилию Ласси, «то может из того бесславию быть, а ежели на одних только казаков нападение будет, то, яко они нерегулярные, такого бесславия быть не может».

С утра 12 июня началось перетаскивание лодок обратно. В тот день удалось перетащить 25 лодок. На следующий день был шторм, ров занесло песком, и перевод лодок стал невозможен. А 14 июня к нашим лодкам подошла турецкая эскадра и преградила путь в Азов. Поэтому Бредаль приказал 25 перетасканных лодок разрубить и уничтожить, а с оставшимися на другой стороне лодками идти в Геничи.

Лодки пошли к Геничи, но, не дойдя около 30 верст, были встречены

турецкой эскадрой капудана-паши.

Бредаль приказал разгрузить лодки, а их корабельные орудия установить на берегу. Три дня (16–18 июня) турки подходили к берегу и открывали пальбу по русским лодкам и личному составу, находящемуся на берегу. Им отвечали береговые батареи. Самое забавное, что у русских за три дня не было ни убитых, ни раненых, а ряд турецких кораблей, по донесению Бредалья, был поврежден.

К утру 19 июня русские в степи укрепили кругом свой лагерь, а лодки вытащили на мель так, чтобы они оказались вне зоны радиуса действия огня турецких кораблей. В тот же день Бредаль отправился в Азов, заявив: «Понеже в здоровье моем слаб нахожусь». Команду принял бригадир Лукин. Через месяц русские сожгли лодки, якоря зарыли в землю, а пушки сухим путем были доставлены в Азов.

На этом боевые действия на Азовском море закончились. Стоит лишь добавить, что у крепости Св. Анны (близ Азова) была основана верфь. Там в 1738 г. было заложено 20 галер, спущенных на воду в 1739 г. Однако в январе 1740 г. по указу Анны Иоанновны строительство судов для Донской флотилии свернули, а лес и прочее имущество убрали на хранение.

12 сентября 1739 г. Австрия в нарушение союзнических обязательств подписала с Турцией сепаратный мир.

На севере Швеция активно готовилась к войне. В 1738 г. шведское правительство направило морем в Турцию пушки, ружья и другое вооружение. Начались секретные переговоры между Стокгольмом и Стамбулом.

В дополнение к шведским войскам, постоянно находившимся в Финляндии, туда были посланы еще 10 тысяч солдат. В Южной Финляндии были устроены склады («магазины») оружия, боеприпасов, продовольствия. По мнению Кристофа Манштейна, это обстоятельство было отчасти поводом, для бездействия в 1739 г. армии фельдмаршала Ласси.

Из Стокгольма в Стамбул был послан майор Цинклер, чтобы доставить королю договор, ратифицированный султаном. Однако граф А. П. Бестужев (1683–1768), русский посол в Стамбуле, сообщил Миниху об этой секретной миссии. Миних отрядил группу захвата в составе капитана Кутлера, поручиков Лесавецкого и Веселовского и шести унтер-офицеров. Цинклер был перехвачен на территории Австрии в районе Бреславля и убит.

В такой ситуации русское правительство было вынуждено пойти на переговоры с Турцией в Белграде. Посредником на переговорах был

французский посол в Стамбуле маркиз де Вильнев. Естественно, что маркиз руководствовался интересами его величества Людовика XV, а не России.

29 сентября 1739 г. в Белграде был заключен мир с Турцией. Согласно его условиям, Азов остался за Россией, но укрепления его нужно было скрыть. Окрестности его должны были остаться пустыми и служить разделением между обеими империями, но Россия получила право построить крепость на Кубани. Таганрог не мог быть восстановлен, и Россия не могла иметь кораблей на Черном море, могла торговать на нем только посредством турецких судов. Большая и Малая Кабарды остались свободны и должны были отделять обе империи друг от друга.

Таким образом, Россия практически ничего не получила от войны, потратив огромные средства и потеряв свыше 100 тысяч человек.

Анна Иоанновна и ее окружение постарались сделать хорошую мину при плохой игре. Белградский мир был объявлен большим успехом России. По его поводу в Петербурге шли бесконечные иллюминированные балы и маскарады. В ночном небе Петергофа зажегся транспарант с огненными буквами «Возвращенное спокойствие». Понятно, что большинство присутствующих с усмешкой смотрело на чудо пиротехники. Наступило не спокойствие — период турецкой войны сменился предвоенным периодом.

Русские и советские историки подвергли суровой критике действия Миниха и Ласси. Их справедливо критиковали за создание огромных малоподвижных каре. От нападений конницы каре защищалось в основном ружейным огнем и рогатками. Штыковому бою не придавалось должного внимания. Армию сопровождали огромные обозы.

Миних зачастую воевал по западноевропейским шаблонам. Действительно, в Европе в XVIII веке войны часто выигрывались общими маневрами без решительных сражений. Вспомним ту же «картофельную войну» между Австрией и Пруссией. Для войн с турками и татарами такая тактика была неприемлема. Здесь нужны были быстрые и энергичные действия, навязывание противнику решительного сражения с целью физического уничтожения его живой силы.

Хватало у Миниха и других грехов. Но ряд историков, в том числе Л. Г. Бескровный, упрекает Миниха за то, что тот «упорно отказывался от ведения войны на балканском направлении и понял целесообразность этого только в 1739 году»^[23].

Такие утверждения говорят в первую очередь о безграмотности самих критиков. Пока Россия ногою твердой не стала у Черного моря, русским войскам нечего было делать на Балканах, за исключением разве что

отвлекающих ударов, Миних абсолютно правильно указал на Очаков как на ключ к обладанию Черным морем. Днепро-Бугский лиман был единственным местом, где можно было построить флот. Мы уже видели судостроительные работы на Азовском море и Дону — это было пустой тратой средств. Не вина Миниха, что русские войска ушли из Очакова. И чума не причина, а повод оставить Очаков. Нельзя удержать крепость, если от нее до зимних квартир армии в районе Киева — почти 500 верст по прямой и вдвое больше — по Днепру. Чтобы отстоять Очаков, нужно было вышибить из Крыма татар, или в худшем случае их усмирить. А затем в Диком поле построить Новую Россию. Но на это уже у Анны Иоанновны не было ни сил, ни даже желания.

Глава 6

КАК СТАМБУЛЬСКИЕ МЫШИ РАЗБУДИЛИ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО КОТА

В 1740–1768 гг. татары продолжали разбойничьи набеги на южные районы Российской империи. Как-то даже упоминать об этом глуповато, как если бы написать, что в 1740–1768 гг. волки продолжали ловить зайцев и задирали скот у крестьян. У волков в этом была физическая потребность, а у татар — способ производства. Масштабы набегов были обратно пропорциональны отпору русских войск. Так, во время войны России с Пруссией, воспользовавшись малочисленностью русских войск на юге страны, хан Крым Гирей (по прозвищу «Дели-хан» — «Шальной хан») совершил несколько больших набегов и увел в Крым многотысячный полон.

Турецкое правительство, с одной стороны, отмежевывалось от крымских разбоев и даже заявило, что не будет вмешиваться, если русские побьют татар. Но с другой стороны, как доходило до дела, Турция начинала угрожать России. России не позволялось даже строить крепости на своей собственной территории.

Все русско-турецкие конфликты XVI–XVIII веков так или иначе касались Польши.

Королевская власть в Польше с 1572 г. была не наследственной, а выборной. Формально участвовать в выборах могли все дворяне, но фактически дело решали несколько богатейших магнатов, частные армии которых были больше и сильнее, чем королевская. Естественно, что иностранные державы не были безучастны к «польским выборам». Пруссия, Саксония, Швеция, Австрия, Турция и Россия голосовали деньгами, а при необходимости — штыками и саблями.

Королевская власть в Польше была настолько слаба, что магнаты могли годами вести большие «частные войны». Польский же король при этом оставался нейтральным наблюдателем, а в отдельных случаях даже официально протестовал.

В такой ситуации участие России в выборах польского короля было жизненно важной необходимостью.

5 октября 1763 г. умер польский король Август III. Австрия предложила выбрать королем принца из саксонского дома. Екатерина II вместе с прусским королем Фридрихом II предложила кандидатуру Станислава Понятовского. Русский кандидат был получившим хорошее образование аристократом, неплохим дипломатом и, наконец, его предки были Пясты — потомки древнейшей польской королевской династии.

Россия не жалела огромных денег на подкуп магнатов. Кроме того, в Польшу без лишнего шума вошли русские войска. Когда австрийский посланник Лобкович начал было говорить о русских войсках, вступивших в Польшу, и требовать объяснений о поводах к таким действиям России, Екатерина II на докладе об этом написала: «При сочинении ответа князю Лобковичу не худо дать им приметить, что здесь весьма странным кажется, что при всяком случае нас в допрос ведут».

7 сентября 1764 г. Станислав Август Понятовский был официально выбран королем. Вскоре Екатерина II и Фридрих II потребовали от Польши уравнивать в правах католиков и диссидентов (так называли православных и протестантов). Екатерина заявила, что пока права диссидентов не будут гарантированы, русские войска останутся в Польше.

В конце концов сейм принял закон об уравнивании в правах диссидентов. Но он остался на бумаге. Польские магнаты плевать хотели на решение сейма, принятое под угрозой русских штыков.

Несколько католических епископов и магнатов составили 29 февраля 1768 г. в местечке Бар Каменецкий конфедерацию, то есть союз против решений сейма. (Устройство подобных конфедераций и ранее было нормой политической жизни Польши.) Конфедераты начали собирать войска и чинить расправы над православным духовенством и мирянами.

Ответом магнатам было народное восстание, во главе которого стали запорожец Максим Железняк и польский сотник Иван Гонта. Восстание охватило значительную часть Правобережной (польской) Украины.

Восстание гайдамаков было подавлено, но оно имело неожиданные последствия. Отряд гайдамаков под началом сотника Шило захватил местечко Балта на турецко-польской границе. Границей была мелкая речка Кодыма, которая отделяла Балту от турецкой деревни Галта. Шило погостил 4 дня в Балте, вырезал всех поляков и евреев и отправился восвояси. Однако евреи и турки из Галты ворвались в Балту и в отместку начали громить православное население. Услышав об этом, Шило вернулся и начал громить Галту. После двухдневной разборки турки и гайдамаки помирились и даже договорились вернуть все, что казаки награбили в Галте, а турки — в Балте. И самое интересное, что большую часть вернули.

Все это могло остаться забавным историческим анекдотом, если бы турецкое правительство не объявило бы гайдамаков регулярными русскими войсками и не потребовало бы очистить от русских войск Подолию, где они воевали с конфедератами.

Русский посол Обрезков запросил указаний из Петербурга. Никита Панин посоветовал Обрезкову «соединять в изъяснениях наших с турками ласку с твердостью». А в качестве главного аргумента в спорах с турками выслал 70 тысяч золотых для «подарков». Но все было напрасно. Мало того, султан сменил ряд миролюбиво настроенных высших чиновников. 25 августа 1768 г. был сменен великий визирь, а 14 сентября — рейс-эфенди (министр иностранных дел).

Одной из причин агрессивности султана было сильное французское влияние. Французы существенно помогли Турции с оружием. Мало того, они постарались уверить окружение султана в том, что Екатерина II желает вступить в брак со Станиславом Понятовским и объединить Польшу с Россией. Косвенным подтверждением этой фальшивки служила интимная связь Екатерины и Станислава до 1758 г., когда она была цесаревной, а он — послом. Разумеется, никаких реальных оснований сия фальшивка не имела. Екатерина как женщина уже давно не нуждалась в Понятовском, а Екатерину-императрицу такой брак привел бы к катастрофе.

25 сентября посол Обрезков был вызван к великому визирю. Обрезков был введен в палату, переполненную турецкими чиновниками. Посол начал свою речь с поздравления визиря. Но тот его остановил: «Вот до чего ты довел дело!» — и, дрожа от злости ^[24], начал читать длинный список прегрешений русских. Главным аргументом были действия гайдамаков в Балте, потопление нескольких барок на Днестре, убийство каких-то турок в Дубоссарах. На основании вышесказанного визирь потребовал, чтобы все русские войска покинули Польшу и чтобы Россия перестала защищать там диссидентов. При этом визирь потребовал от Обрезкова немедленно согласиться со всеми турецкими требованиями, «или хочешь увидеть войну?» Ложь визиря была весьма затейлива: гайдамаки — польские подданные, действовали с польской территории, не контролируемой русскими войсками, — при чем здесь Россия? Наконец, русские войска были единственным средством урезонить гайдамаков.

Обрезков резонно отвечал, что давать обязательства вне его компетенции, и попросил визиря письменно изложить все требования, которые будут немедленно отосланы в Петербург. В ответ по приказу визиря посол и 11 человек его свиты были арестованы, под улюлюканье толпы проведены через весь Стамбул и заключены в Семибашенный замок.

Это был турецкий способ объявление войны.

Екатерина и ее окружение всеми силами хотели оттянуть войну. Положение Екатерины на престоле было еще недостаточно прочно. Россия серьезно увязла в польских проблемах, на решение которых требовалось минимум несколько лет.

Тем не менее Екатерина была настроена оптимистично, сравнивала турок с мышами, разбудившими спящего кота, и пообещала «задать такого звону, какого от нас не ожидали».

Объявляя войну России, султан и его окружение надеялись на ее быстрое окончание. Турецкое командование решило сосредоточить на границе с Польшей главную армию в 400 тысяч человек, к которой ожидалось присоединение армии польских конфедератов. Главный удар предполагалось нанести из района Хотина на Варшаву, а затем действовать двумя группами на Киев и Смоленск. Главной армии должна была содействовать 80-тысячная армия из Крыма, получившая задачу сковать русские войска, расположенные на Украине, и, наконец, отвлекающий удар предусматривалось нанести силами 50-тысячной армии через Северный Кавказ на Астрахань. В этих целях турецкое командование наметило высадить десант в районе Азова, который должен был действовать совместно с закубанскими татарами и горцами.

Турецкий план войны имел ряд реальных оснований. Турки могли поставить под ружье более солдат, чем любое государство Европы. Формально в случае войны каждый правоверный, способный носить оружие, должен был встать под знамена султана. Турецкий воин был храбр, вынослив, неприхотлив в походе. Большую часть турецкого войска составляло конное ополчение. Пехота в основном состояла из янычар. Турецкая пехота была хорошо подготовлена для возведения укреплений. За короткий промежуток времени турки укрепляли лагерь, пехотные позиции, артиллерийские огневые позиции, отрывали окопы. Укрепившись, они неохотно покидали свою позицию, ограничиваясь контратаками.

Турецкая армия имела многочисленную артиллерию. Недостатком ее была большая разнотипность и разнокалиберность. Значительная часть полевых пушек не имела колесных лафетов, а была установлена на станках, стрелявших с грунта. Такие орудия перевозились на повозках или на выюках. Причем артиллерия выучилась не только на лошадей, но и на верблюдов.

Турция имела большой военный и транспортный флот и могла легко высадить десант в любой точке побережья Черного и Азовского морей. Турецкие армия и флот опирались на систему мощных крепостей на

Днестре и Днепро-Бугском лимане. В Крыму турки имели крепости Керчь и Кафу.

Несмотря на объявление войны, боевых действий в 1768 г. не было.

Кампанию 1769 г. начал хан Крым Гирей. 15 января 70 тысяч всадников перешли русскую границу и двинулись по Елизаветградской провинции. Далее хан собирался идти в Польшу, где его ожидали конфедераты. Несколько польских попов служили проводниками татар. Орда, подошедшая к Елизаветграду (с 1924 г. — Кировоград), была встречена огнем крепостных орудий. Крым Гирей не решился штурмовать крепость, а распустил орду на мелкие отряды. Татарские отряды рассеялись по русской и польской территории. Опустошив значительную часть территории и захватив много пленных (только под Елизаветградом увели свыше 1000 человек)^[25], татары отошли за Днестр. Сам же хан отправился к султану, взяв с собой несколько десятков наиболее красивых пленниц.

Татарский отряд, действовавший независимо от основных сил Крым Гирея, направился на восток и опустошил окрестности Бахмута, захватив свыше 800 человек^[26].

Первая армия под началом князя Голицына 15 апреля 1769 г. форсировала Днестр и двинулась к турецкой крепости Хотин. Гарнизон Хотина составлял около 30 тысяч человек. Голицын имел 80 тысяч человек, но не решился штурмовать Хотин. Стычку с турками 19 апреля Голицын представил как большой успех. А через два дня князь приказал отойти от Хотина и двигать назад в Россию. 24 апреля Первая армия перешла Днестр.

С известием о своих «победах» Голицын направил в Петербург корнета Миниха (внука фельдмаршала). Екатерина более двух часов беседовала с корнетом, который рассказал о безобразиях в армии и бездарности Голицына. Поначалу Екатерина не поверила корнету и даже написала Панину 3 мая, что Миних «взбалмошен и лжив». Но, узнав о возвращении Первой армии за Днестр, императрица отправила рескрипт Голицыну.

Однако первыми через Дунай переправились турки. Согласно реляции, 200 тысяч переправившихся турок были «прогнаны назад» генерал-майором князем Прозоровским. Думается, что в реляции была допущена небольшая ошибка — приписан ноль или два нуля к числу турок.

В первых числах июля Голицын второй раз переправился через Днестр и обложил Хотин.

22 июля на войско Голицына напал хан Крым Гирей с 40-тысячной

ордой, но «был отражен с большим уроном и поспешно отступил». Опять же возникает сомнение в достоверности реляции Голицына. Атаковать с 40 тысячами иррегулярной конницы без артиллерии вдвое большее регулярное войско может только сумасшедший. Да и как показывает история, при пятикратном превосходстве татары не нападали на регулярные войска. Наконец, при сражении 80 тысяч с 40 тысячами должны быть тысячи убитых, что, естественно, было бы отмечено в реляции. Поэтому мы не без оснований можем предположить, что это была обычная разведка боем, проведенная небольшим татарским отрядом, а то и просто налет на фуражиров или попытка отбить табун лошадей.

25 июля на Хотин двинулись турецкое войско и татарская орда под началом Али Молдаванджи-паши. 1 августа Голицын собрал военный совет и объявил, что у Али свыше 100 тысяч турок и татар. Что делать? Совет постановил опять драпать за Днестр.

Это вторичное возвращение из-за Днестра произвело сильное раздражение в Петербурге, тем более что весь июль получались от Голицына постоянные донесения об успехах.

Узнав о деяниях Голицына, прусский король Фридрих II долго хохотал, а потом воскликнул: «Вот она, драка кривых со слепыми!»

Между командирами Первой и Второй армий Голицыным и Румянцевым конфликт усилился — оба слали в Петербург доносы друг на друга. Терпение Екатерины лопнуло. 13 августа в Совете граф Чернышев объявил, что императрица «соизволила рассудить для некоторых обстоятельств генерала князя Голицына от армии сюда призвать; генералу графу Румянцеву принять он него команду, а генерала графа Панина (Петра Ивановича) назначить командиром над Второй армией». Близкие к Паниным люди были недовольны тем, что главнокомандующим Первой армией был назначен Румянцев, а не Петр Панин. Говорили, что последний был бы гораздо способнее для наступательного движения, для одушевления армии, тогда как Румянцев слишком методичен и в то же время так искусно владеет пером, что будет очень трудно высылать ему приказания: он всегда сумеет отписаться. Назначение Румянцева приписывали интригам женщин: матери его графини Румянцевой и сестры графини Брюс.

Тем не менее Голицын до своего отъезда из армии успел добиться и некоторых успехов. 29 августа Али Молдаванджи-паша, перейдя Днестр, напал на русское войско в Каменцах, но был разбит, потерпев большой урон. Русские перешли в наступление и 6 сентября нанесли туркам поражение на Днестре.

Противник спешно покинул Хотин и отошел к Яссам. Пустой Хотин

был занят русскими 10 сентября. 18 сентября Голицын оставил армию, над которой принял начальство Румянцев^[27].

26 сентября генерал-поручик Эльмпт вступил в Яссы и привел жителей к присяге императрице всероссийской. «Яссы взяты, — писала Екатерина Бибикову, — визирь ушел за Дунай, и только с ним тысяч до пяти; партия наша пошла в Бухарест; от Хотина до Ясс считается до 20 000 турецких мертвых лошадей, кои лежат по дороге. Новая молдаванская княгиня вам кланяется. Вся Молдавия учинила нам присягу, и скота всем досыта».

Новая молдаванская княгиня жаждала блистательных успехов, движения наступательного. Получивши известие о некотором успехе нового главнокомандующего Второй армией графа Петра Панина, она писала его брату графу Никите: «Я тем наипаче радуюсь, что все сие сделалось от храброго наступления». Голицын был отозван за медлительность, осторожность. Тем неприятнее было для Екатерины получать донесения от нового главнокомандующего Первой армии с жалобами на трудности. Екатерина всеми силами старалась подстрекать самолюбие Румянцева.

В начале октября генерал-поручик Эльмпт отошел к Хотину, оставив в Яссах небольшой отряд Прозоровского. С уходом главных сил корпуса Эльмпта возникла угроза возвращения турок.

Румянцев, прибывший в войска, указал Эльмпту на эту ошибку и попытался частично исправить ее посылкой в Молдавию передового корпуса Штофельна, на который была возложена задача очистить от противника территорию Молдавии и овладеть Браиловым и Галацем, что давало возможность разобщить силы турок и татар.

Однако Штофельн не выполнил указаний Румянцева. Заняв всю Молдавию, он выдвинул свои части к Галацу. Крепость была взята с ходу. Но затем, вместо того чтобы взять Браилов, он выслал в Валахию отряд Анрепа, который вскоре вступил в Бухарест, а затем двинулся к Журже. Здесь Анреп был разбит турками. Румянцев немедленно послал подкрепления Штофельну и снова указал на необходимость овладеть Браиловым, а не действовать вширь. Но было уже поздно. Турки сумели собрать силы и отразили попытку русских войск взять Браилов. После неудавшейся попытки снова взять Журжу Штофельн отвел передовой корпус в район Фокшаны — Бухарест. В целом, несмотря на отдельные неудачи, действия отряда Штофельна подготовили базу для последующих действий русской армии.

На этом кампания 1769 г. закончилась.

Несколько слов стоит сказать о действиях русских на Северном Кавказе. Боевые действия там начались нападением кубанских татар на калмыков в апреле 1769 г. Калмыкам удалось отбить нападение и нанести большой урон татарам.

Русско-турецкие войны 1769–1774 и 1787–1791 гг.

В ответ против кубанцев и кабардинцев, которые формально были подданными Порты, был двинут отряд под начальством генерал-майора Медема. К его отряду присоединилось большое число конным калмыков во главе с ханом Убаши. Медем взял крепость Копыл и вышел к реке Кубань.

В июле 1769 г. отряд Медема вместе с калмыками нанес «сплошное поражение неприятельным народцам на Кубани». О результатах поражения можно судить по тому, что победителям досталось 30 тысяч голов скота.

Современного читателя не должно удивлять, что в реляциях о победах над кочевниками на первом месте идут сведения о захваченном скоте. Если свидетельством эффективности операции против Швеции или Пруссии могут служить, к примеру, захваченные орудия, то для кочевников главное — скот. Потеря нескольких пушек для татарской орды не имела никакого значения, поскольку они все равно не умели их грамотно использовать, а захват скота противником мог вызвать в орде голод.

В августе 1769 г. значительная часть кабардинцев присягнула на верность России.

Летом 1769 г. отряд графа Тотлебена вышел из Моздока, перешел Кавказские горы долинами Терека и Арагвы и расположился на зимних квартирах в Имеретии.

Кампанию 1770 г. первыми начали турки. Их сильный отряд двинулся к Руцуку на Фокшаны, чтобы разрезать русские силы между двумя главными городами княжеств — Бухарестом и Яссами. Генерал-майор

Подгоричанин и Потемкин со сравнительно незначительными силами разбили неприятеля после упорного сражения.

Нападение неприятеля на Бухарест было отбито. Но Штофельн после удачной битвы с турками вынужден был отступить от Браилова, найдя укрепления его слишком сильными. При отступлении он выжег 260 селений, чтобы отнять у неприятеля возможность опять напасть на Фокшаны. Узнав, что опасность снова грозит Бухаресту от Журжи, Штофельн перешел сюда, поразил турок под Журжой, сжег этот город и 143 селения. Пространство по Дунаю на 250 верст от Прута до Ольты было совершенно опустошено опять с целью предохранить Бухарест от нового нападения.

В этих движениях прошли два первых месяца 1770 г. Румянцев все стоял в Подолии и писал императрице, что давно перешел бы в Молдавию, если бы там не было недостатка в провианте и фураже, которые надо было отправлять туда из Подолии.

23 апреля 1770 г. армия Румянцева выступила с зимних квартир к Хотину, где был устроен мост для переправы через Днестр. Из-за сильных дождей русское войско пришло к Хотину только 12 мая и 15 мая перешло Днестр. В русской армии насчитывалось около 39 тысяч человек (вместе с больными), тогда как турки выставили 200-тысячное войско. «Иду с армиею за Днестр, — писал Румянцев, — и походом моим прямым по сей стороне Прута стараюсь в неприятеля вложить больше мыслей, чем суть прямые мои силы, и прикрывать недостаток оных видом наступательных действий». Непроходимые от дождей дороги представляли страшные препятствия, так что Румянцев мог двинуться из-под Хотина только 25 мая. Поход был тяжелый. «Здесьний климат, — писал Румянцев, — попеременно то дождями обильными, то зноем чрезвычайным нас тяготит, ибо в ясные дни, коих и немного было, при самом почти солнечном восходе уже жар величайший наступает, которого на походе солдаты, паче из новобранных рекрут, снести не могут, а ночи, напротив, холодом не похожи на летние». Поход тяжкий, а впереди солдата ждала не славная смерть на поле битвы, а смерть в госпитале от чумы. Поэтому Румянцев решился идти по левой стороне Прута, безлюдными местами, где не было еще опасности от чумы.

В первых числах июля у местечка Рябая Могила Румянцев встретил 72-тысячное турецко-татарское войско при 44 орудиях. Армия Румянцева насчитывала 37,5 тысяч человек при 112 орудиях полевой и 142 орудиях полковой артиллерии.

Несмотря на численное превосходство противника, Румянцев решил атаковать и разгромить его, для чего силами дивизии Репнина (8 тысяч

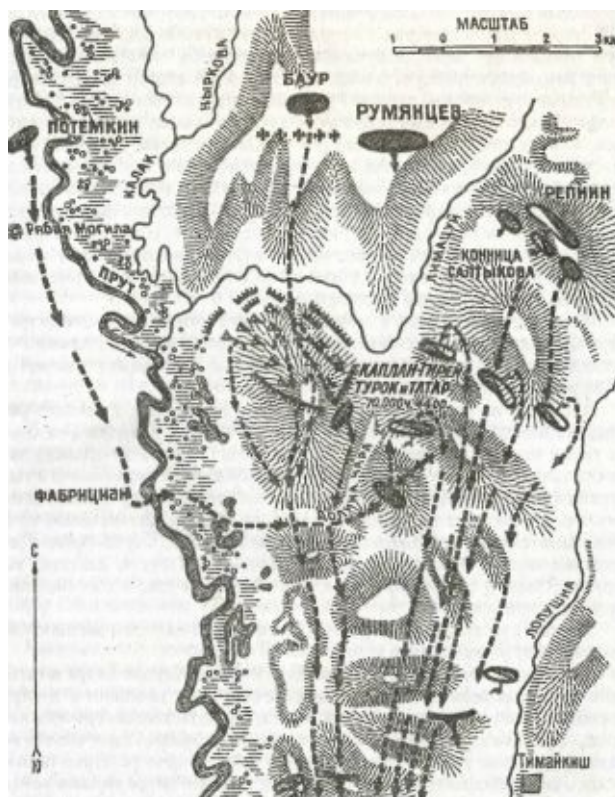
человек) и главными силами армии (23 тысячи человек) нанести главный удар по его правому флангу. Корпус Боура (около 4 тысяч человек) получил задачу наступать на левый фланг противника, отвлечь его силы от направления главного удара и затем совместно с главными силами атаковать укрепленные позиции. Отряд Павла Потемкина должен был переправиться через реку Прут и, двигаясь по правому берегу, снова форсировать ее и нанести удар в тыл неприятельской позиции.

16 июня русские войска продвинулись вперед на 9 км и расположились на виду у противника.

Атака была произведена на рассвете 17 июня. Корпус Боура и главные силы под прикрытием артиллерийского огня подошли к центру турецких позиций и атаковали высоту, где располагался лагерь противника. Турецкое командование, отвлеченное действиями этих частей, не заметило выхода на свой правый фланг корпуса Репнина. Турки попытались контратаковать войска Репнина и главные силы русских войск конницей, но эти атаки были отбиты огнем артиллерии. Русские каре повели атаку на основную вражескую позицию. Одновременно в тыл туркам стал действовать корпус Павла Потемкина. Противник не выдержал атаки с трех сторон. «Напоследок, ужаснувшись со всех сторон веденных на него движений, сорвал свой лагерь и обратился в бег».

Русским войскам удалось нанести противнику сравнительно небольшие потери — около 400 человек убитыми, но моральная победа была значительна.

Разбитое при Рябой Могиле турецко-татарское воинство остановилось на левом берегу реки Прут у речки Ларга. Главные силы турецкой армии находились еще за Дунаем, в районе Исакчи, когда верховный визирь выслал на помощь отступавшим 20-тысячный отряд турецких войск с тем, чтобы объединенными силами (общей численностью около 100 тысяч человек), разгромить армию Румянцева.

Сражение у Рябой Могилы 17 июня 1770 г.

После сражения у Рябой Могилы русские войска потеряли контакт с противником, и Румянцев приостановил движение главных сил до получения точных разведывательных данных, а 18 июня выслал три авангарда. По правому берегу двигались авангарды Григория Потемкина и Боура, а по левому — авангард Репнина.

21 июня Потемкин сообщил, что турецкие войска сосредотачиваются у Фальчи на реке Ларга. Предположив, что он имеет дело с главными силами противника, Румянцев немедленно двинулся им навстречу. И это было действительно так. По предварительным данным, войска Абды-паши и Абазы-паши насчитывали около 80 тысяч человек (15 тысяч турок и 65 тысяч татар).

Сосредоточение главных сил русских войск в районе реки Ларги осуществлялось со 2 по 4 июля. Абды-паша, пытаясь помешать этому, провел несколько конных атак 4 и 5 июля. Однако атаки не причинили особого вреда русским. К 5 июля сосредоточение закончилось. Всего у русских оказалось 38 тысяч штыков и сабель, 119 орудий полевой и 140 орудий полковой артиллерии.

Позиция противника на левом берегу речки Ларга напоминала позицию при Рябой Могиле. Это было возвышенное плато, примыкающее к реке Ларга, левый берег которой крутой. Находящиеся на нем

возвышенности господствуют над правым берегом. Позиция была хорошо защищена естественными препятствиями. С севера (с фронта) позицию прикрывала непроходимая вброд река Ларга, с запада — реки Балаше и Прут, с юга и юго-востока — река Бабикул. С северо-востока и востока позиция не имела естественных препятствий и была наиболее уязвимой.

Турки учли преимущества и недостатки позиции и укрепили ее четырьмя ретраншементами. Первый, наиболее уязвимый фланг, был укреплен сильным подковообразным ретраншементом с тем, чтобы, опираясь на него, не допустить обхода позиции справа. Все ретраншементы были заняты пехотой. Конница была сосредоточена за правым флангом.

Румянцев решил демонстративными действиями с фронта сковать основные силы противника и нанести удар по его правому флангу, вдоль хребта между реками Ларга и Бабикул. Для этого он разделил войска на три группы и поставил им следующие задачи: правой группе генерала Племянникова (6 тысяч человек, 25 орудий) наступать на левый фланг и центр неприятельской позиции, отвлечь силы противника с направления главного удара, а затем одновременно с основными силами атаковать его; левой группе, состоящей из отряда Боура (4 тысячи человек, 14 орудий) и отряда Репнина (11 тысяч человек, 30 орудий) наступать в трех каре и нанести удар по наиболее слабому правому флангу противника; главным силам под командованием Румянцева (19 тысяч человек, 50 орудий) наступать в одном каре вслед за войсками Боура и Репнина, усиливая группировку на направлении главного удара.

Полевая артиллерия была распределена побатарейно и действовала на флангах или фасах каре. Основная масса полковой артиллерии действовала со своими полками, а часть ее была сведена в батареи численностью от 2 до 10 орудий каждая. На флангах имелись батареи, состоявшие из пушек или единорогов, и не менее двух гаубиц. Напомним читателю, что батареи в то время назывались совокупность орудий, стоящих на одной позиции (от 2 до 100 и выше), а не артиллерийское подразделение. Артиллерия полка не делилась на подразделения, а полевая артиллерия делилась на артиллерийские полки, которые в свою очередь делились на роты.

Сражение при Ларге 8 июля 1770 г.

На военном совете Румянцев произнес знаменитую фразу: «Слава и достоинство наше не терпят, чтобы сносить присутствие неприятеля, стоящего в виду нас, не наступая на него».

Наступление русских началось перед рассветом 7 июля. Быстрое продвижение войск было обусловлено как боевой выучкой, так и отличной работой инженерных частей (особенно в районе наступления отряда Боура). Ночью саперы укрепили дороги в труднопроходимых участках местности и навели мосты через Ларгу.

Первые лучи солнца озарили уже построенные русские каре в непосредственной близости от неприятельского лагеря. Татарские пикеты с запозданием известили турецкое командование.

Турецкие батареи открыли интенсивный, но малоэффективный огонь по наступающим каре. Полевая и полковая артиллерия отрядов Репнина и Боура открыла ответный сильный огонь. «60 полковых орудий, — пишет Андрианов, — образовали в интервалах между каре 7 батарей и с дистанции 200–300 шагов открыли оживленный картечный огонь»^[28]. Однако каре остановились и дальше продвигаться не смогли. Тогда атаку ретраншемента Румянцев приказал подготовить артиллерийским огнем, для этого он усилил артиллерию отрядов Боура и Репнина 17-орудийной батареей генерала П. И. Меллисино. Бригада, находившаяся в составе артиллерии главных сил, была быстро выдвинута вперед, заняла огневую позицию, открыла меткий огонь по артиллерии противника и заставила ее

замолчать.

Каре Племянникова, медленно продвигаясь вперед, тоже подошло к укреплениям противники и завязало артиллерийскую перестрелку. Заняв огневую позицию у крутого оврага вблизи моста через реку Ларгу, артиллерия вела сильный огонь по левофланговому ретраншементу.

Пока на левом фланге велась артиллерийская перестрелка, противник решил ликвидировать нависшую угрозу разгрома своего правого фланга, для чего подготовил удар всей татарской конницы по левому флангу войск Репнина и Боура, а также по главным силам. Однако этот маневр был вовремя разгадан Румянцевым, который выдвинул против конницы пехотную бригаду Римского-Корсакова с артиллерийской батареей майора В. М. Внукова. Заняв огневую позицию левее русской конницы, батарея майора Внукова немедленно открыла огонь по татарской коннице и нанесла ей тяжелые потери.

Так как артиллерия правого фланга противника была подавлена и для войск Репнина и Боура создались благоприятные условия для атаки укреплений, Румянцев решил привлечь артиллерийскую бригаду Меллисино на наиболее угрожаемое направление — против татарской конницы. Бригаде Меллисино было приказано усилить огонь батареи майора Внукова и отразить атаки конницы.

Бригада быстро заняла новую огневую позицию вблизи батареи Внукова и, нанеся совместно с ней тяжелые потери татарской коннице, вынудила ее отступить и отказаться от атак левого фланга русских войск.

К этому времени войска Репнина овладели ретраншементом и артиллерией, занимавшей огневые позиции на правом фланге противника. Каре Боура значительно продвинулось вперед, а его артиллерия заняла удобную огневую позицию и начала обстрел укреплений противника с тыла.

Используя успех, достигнутый русскими войсками на левом фланге, отряд Племянникова, наступавший на правом фланге, решительно и успешно атаковал неприятельские укрепления.

Артиллерийский обстрел позиции с фланга и тыла и мощный удар пехоты сломили сопротивление противника, который обратился в паническое бегство. Для преследования противника была послана конница Салтыкова. Войска Боура преследовали другую группу противника до реки Прут, а артиллерийским огнем поражали турок и за рекой.

К 12 часам дня сражение закончилось. Преследование противника было плохо организовано, а скорей всего, его и не было. В результате Румянцев оправдывался, что де тяжелая конница погналась за татарами, но

догнать их не могла. Это понятно, тяжелая кавалерия вообще создана для иных целей. Непонятно, что делала легкая кавалерия? Грабила турецкий лагерь?

Согласно реляции Румянцева, после того, как неприятель был разбит и прогнан, «в добычу получено тридцать медных хороших пушек с лафетами и три такие же мортиры, с артиллерийскими запасами к ним, знамен досталось только восемь». Неприятель потерял убитыми в самом лагере до тысячи человек, кроме того, многие бросились в топи в тростниках, находящиеся на левом берегу Прута, где также были перебиты, но из-за недостатка времени не сосчитаны. В плен взято двадцать три человека, «поелику в первом жару не могли щадить».

У русских было убито только 29 человек и ранено 61.

В ответной реляции о сражении у Ларги Екатерина писала Румянцеву: «Вы займете в моем веке несумненно превосходное место предводителя разумного, искусного и усердного, за долг почитаю вам отдать сию справедливость и, дабы всем известен сделался мой образ мысли об вас и мое удовольствие об успехах ваших, посылаю к вам орден св. Георгия I класса. При сем прилагаю реестр тех деревень, кои немедленно Сенату указом повелено будет вам отдать вечно и потомственно».

Награды и повышения получили многие десятки офицеров и генералов. Среди них были и будущие звезды первой величины. Григорий Потемкин удостоился Георгия 3-й степени, капитан Михаил Кутузов был произведен в оберквартирмейстеры премьер-майорского ранга.

Оценивая сражение у Ларги, следует отметить, что его исход решил массированный огонь русской артиллерии. Из 119 орудий полевой артиллерии на направлении главного удара действовали 94 орудия. Для большей эффективности огня даже полковая артиллерия частично сводилась в батареи. На поле боя артиллерия эффективно маневрировала как огнем, так и колесами (особенно это касается артиллерийской бригады Меллисино).

Хорошо действовали пехотные каре. Конница действовала неважно, что дало повод известному советскому историку Л. Г. Бескровному заявить: «После этого сражения стало ясно, что тяжелая конница для данного театра просто непригодна»^[29].

Как видим, даже «мэтр» военной истории XVIII века не понимал разницы в функциях легкой и тяжелой кавалерии.

Разбитые у Ларги турецкие войска отошли к озеру Кагул, а татарская конница — за реку Сальчу по направлению к Килин-Измаилу.

Вскоре к Кагулу со стороны Исакчи подошла армия великого визиря

Халил-бей. В итоге у озера Кагул сосредоточилось около 150 тысяч турок при 150 полевых орудиях, а также около 80 тысяч татар Каплен Гирея.

Румянцев принял смелое и единственно разумное решение атаковать турок. Оставив обоз с боеприпасами и продовольствием на реке Сальчи под прикрытием 10-тысячного отряда генерала Волконского, Румянцев с оставшимися 27 тысячами человек при 149 полевых и 106 полковых орудиях подошел к турецкому лагерю.

Поле сражения было ограничено с севера Трояновым валом, с запада — непроходимой вброд рекой Кагул, а с востока — широкой лощиной. На линии Троянова вала ширина поля доходила до 8 км. К югу оно сужалось до 1–1,5 км, образуя мешок. С севера на юг поле сражения пересекалось четырьмя хребтами с проходящими между ними лощинами.

Позиция, выбранная Халил-беем, имела ряд преимуществ: она располагалась на командных высотах, все хребты и лощины являлись удобными для нанесения контратак сильной турецкой конницей и пехотой. Однако позиция имела и недостатки: будучи расположена на узком участке, она была тесной для многочисленной турецкой армии и, кроме того, уязвимой на правом фланге. Турки допустили ошибку в том, что не заняли Троянов вал, который нетрудно было бы укрепить и сделать неприступным. Этой ошибкой, как и уязвимостью правого фланга турецкой позиции, удачно воспользовался Румянцев.

В течение одной ночи турки укрепили свою позицию, построив четыре ряда окопов, расположенных ярусами по высотам хребтов, с пятью рвами впереди них. Многочисленная турецкая артиллерия была расположена в укреплениях, пехота — в окопах, а конница — в глубине лагеря.

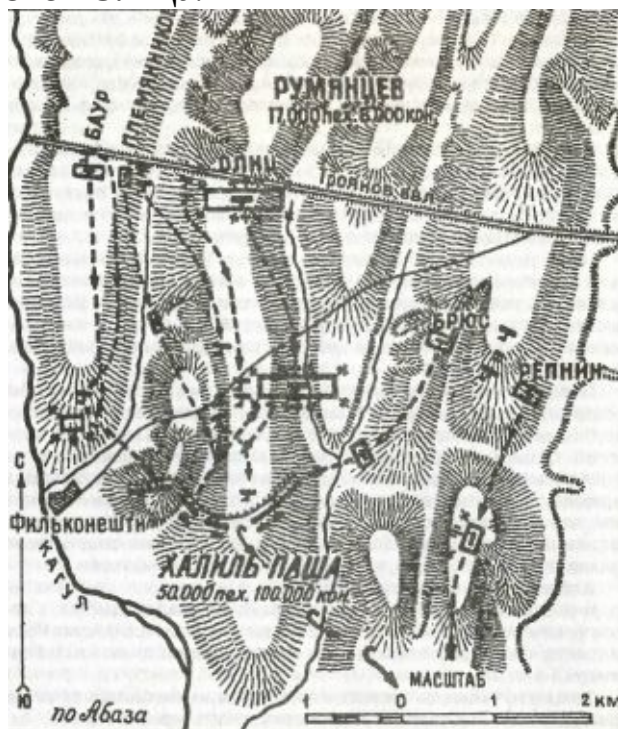
Замысел Румянцева состоял в том, чтобы, прикрываясь от татар, концентрическими ударами всех сил разгромить турецкую армию, нанеся главный удар по ее левому флангу.

В ночь на 21 июля Румянцев отдал диспозицию на боевое построение армии и определил задачи войск. Диспозицией предусматривалось построение войск в пяти каре, между которыми должна следовать артиллерия и конница; последнюю с фронта должна была прикрывать артиллерия.

Артиллерия, подойдя на дальность действительного артиллерийского огня, должна была занять огневые позиции на фасах и углах каре и своим огнем подготовить атаку пехоты.

Румянцев выделил незначительную часть сил — каре Брюсса (3 тысячи человек, 26 орудий) и Репнина (до 5 тысяч человек, 26 орудий) — для нанесения удара по правому флагу противника. Основные силы —

Дивизия Племянникова (4,5 тысячи человек, 26 орудий), дивизия Олица (7,5 тысяч человек, 45 орудий) — на главное направление для нанесения удара по левому флангу противника. Для удобства наблюдения за ходом сражения и управления войсками Румянцев следовал в центре боевого построения, с дивизией Олица.

Сражение при Кагуле 21 июля 1770 г.

Обращает на себя внимание решительное сосредоточение сил для нанесения удара полевому флангу и, соответственно с этим, распределение артиллерии. Из 149 орудий полевой артиллерии 97 орудий предназначались для действия на главном направлении. Правда, забегая вперед, необходимо отметить, что в ходе сражения была осуществлена перегруппировка сил. Обстановка сложилась так, что дивизия Олица наносила удар совместно с войсками левого фланга, в результате чего новая ударная группировка была создана в ходе сражения.

Наступление русских началось 21 июля в 1 час ночи. На рассвете, около 5 часов утра, войска перешли Троянов вал. Едва русские успели построиться в каре, как показалась многочисленная турецкая конница. Из орудий полевой артиллерии была создана большая батарея генерал-майора Меллисино, которая повела частый картечный огонь по турецкой кавалерии. Румянцев приказал из резервов создать импровизированные пехотные отряды (прообраз колонн Бонапарта), которые должны были отрезать отступление турецкой кавалерии. Артиллерийский огонь и угроза

окружения заставили турецкую конницу ретироваться, как говорилось в реляции, «во всю лошадиную прыть».

К 8 утра русские войска подошли к неприятельскому лагерю. Каре генерал-поручика Племянникова подошло вплотную к турецкому ретраншементу, и в этот момент 10 тысяч янычар толпой выскочили из лощины на левом фланге. В руках у них были только сабли. Янычары ворвались внутрь каре Племянникова, состоящего из четырех полков, и развалили его. Уцелевшие солдаты бежали к другим каре. А янычары напали на следующее каре, которым командовал Олиц.

Сам Румянцев с криком «Ребята, стой!» поскакал останавливать бегущих. Но, и как в сражении у Ларги, дело решила артиллерия. Бригада Меллисино «произвела жесточайший огонь» по янычарам. Первый гренадерский полк с несколькими орудиями был выведен из резерва и ударил в тыл янычарам. Бригада Меллисино и полковая артиллерия первого гренадерского полка блестяще выполнила возложенную на них задачу по поражению контратаки янычар. Особенно отличилась артиллерия гренадерского полка, состоявшая из двух полупудовых единорогов, двух 12-фунтовых пушек и двух секретных гаубиц, под руководством поручика А. О. Базина.

В то время как главные силы отражали контратаку янычар, а артиллерия уничтожала их ряды картечным огнем, каре Боура атаковало ретраншемент, опрокинуло турок и овладело большой батареей противника на его левом фланге. Затем было выдвинуто вперед несколько батарей, открывших фланговый огонь по противнику, и был выслан батальон егерей для участия в отражении контратаки янычар.

Неся огромные потери от картечи, янычары, зажатые с трех сторон, устремились обратно в укрепления лагеря.

После того как главная группировка нанесла тяжелое поражение противнику и вступила в его ретраншементы, каре Брюсса атаковало правый фланг турок, каре Репнина обошло этот фланг, артиллерия открыла огонь с тыла.

Охваченный паникой противник бросил орудия, а также все имущество лагеря, и обратился в бегство, настигаемый артиллерийским огнем. Для преследования турок в направлении Исакчи был выслан отряд Боура, а в направлении Измаила — войска Репнина.

Совершив форсированный марш, войска Боура 4 августа достигли Урочища Картал, напротив Исакчи. Здесь противник предпринял попытку переправиться на правый берег Дуная, но войска Боура, поддержанные огнем пяти батарей, с ходу атаковали скопление турок. Турецкая речная

флотилия открыла огонь по русским, прикрывая переправу своих войск, но огнем русской артиллерии часть судов была потоплена, а остальные отогнаны.

Потери турок на реке Кагул были огромны. За три дня боев убитых, раненых, пленных и потонувших насчитывалось более 20 тысяч человек. Русскими войсками было захвачено 164 орудия с боеприпасами (из них 26 на берегу Дуная), 60 знамен, много военного имущества и продовольствия. Потери русских убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили 921 человек, из них потери в личном составе артиллерии убитыми и ранеными — 45 человек.

За победу при Кагуле Румянцев получил чин фельдмаршала. Сам Румянцев в реляции хорошо сказал о роли артиллерии в сражении: «Действием превосходным нашей артиллерии брали мы верх над неприятельскою многочисленностью, осыпавшую нас ядрами и картечами без большого, однако, вреда и их батареи приводили в молчание». То же самое, но в иных выражениях говорили пленные турки: «Нет сил сбить русских, которые поражают нас огнем, как молнией». А один паша просил «показать ему пушку, которая стреляет без участия прислуги».

Пока мы говорили о боевых действиях Первой армии, а теперь обратимся ко Второй армии графа Панина. Его армия после перехода через Буг насчитывала 45 750 человек со 179 орудиями осадной, полевой и полковой артиллерии и 34–6-фунтовыми кегорновыми мортирками. В полевой артиллерии было: пушек 12- и 6-фунтовых — 35; единорогов полупудовых — 15, 8-фунтовых — 10. В полковой артиллерии: единорогов 12-фунтовых — 14, 8-фунтовых — 19, 3-фунтовых — 25; пушек 3-фунтовых — 21. Осадный парк состоял из 32 пушек и 8 мортир.

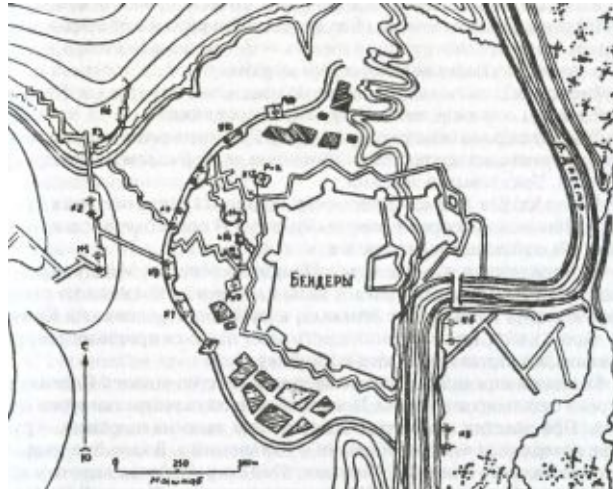
Основной целью наступления Второй армии была мощная турецкая крепость Бендеры, расположенная на высоком правом берегу Днестра в 80 км от его устья. В крепости находилось около 350 пушек и мортир.

15 июля состоялось сражение Второй армии с частями турецкого гарнизона. Турки отошли в крепость, но Панин запретил преследовать отступающих и идти на штурм. Ряд историков позже порицало его, но, судя по всему, такое решение было правильным. Неудачный штурм Екатерина простила бы Румянцеву, но никогда — Панину, которого она именovala «мой персональный враг».

Панин решил взять Бендеры правильной осадой. Для этого главные силы армии форсировали Днестр. Отряд под командованием генерала Каменского с 12 орудиями (четыре 12-фунтовых пушки, четыре полупудовых единорога и четыре 5-пудовых мортиры) оставался на левом

берегу Днестра с целью принять участие в осаде из-за Днестра. К осаде крепости было привлечено около 30 тысяч человек, 26 осадных пушек, 7–5-пудовых мортир, 30 полевых орудий и 30–6-фунтовых кегорновых мортирок.

Остальные силы прикрывали осаждающих от возможного нападения турок и татар.

Осада Бендер.

Осадные работы начались 18 июля, а к 20 июля на левом берегу Днестра в строю уже было шесть осадных батарей.

22 июля по единому сигналу все батареи открыли огонь по предместью и крепости. В ходе обстрела артиллерией было выпущено 499 снарядов, в результате чего противник понес потери, оставил предместье и ретраншемент и отошел в крепость. 23 июля русские войска заняли предместье и ретраншемент, который превратили во вторую параллель и поставили в ней еще две батареи.

На рассвете 15 сентября мощный взрыв потряс Бендеры. Русские войска пошли на штурм. Когда были захвачены стены крепости, началось сражение на узких и кривых улицах города. Уличные бои длились почти сутки, и лишь к 8 утра 16 сентября остатки гарнизона выкинули белый флаг. В плен было взято 11 794 человека (в том числе 5390 янычар), захвачено 348 орудий, 30 тысяч бомб, гранат и ядер^[30], 21 тысяча пудов сухарей и т. д. Противник потерял убитыми и ранеными около 5 тысяч человек. Потери в русской армии тоже были велики. Только за день штурма они составили 2561 человек Убитыми и ранеными, а всего, с учетом потерь за период осады, — 6235 человек.

За поздним временем года действия Второй армии в кампанию 1770 г. ограничились взятием Бендер. Зимой и русские генералы, и турецкие паши предпочитали не воевать — они ведь люди степенные, не чета казачьим

атаманам и татарским мурзам.

Рассказав о деятельности Второй армии, мы вернемся к Первой, которую мы оставили после Кагульского сражения.

После разгрома полевых армий турок Румянцев решил овладеть системой вражеских крепостей — Измаилом, Аккерманом, Силистрией, Журжей, Браиловым и другими.

После Кагула 20-тысячный турецкий конный отряд отступил к крепости Измаил. Для преследования турок на Измаил был послан отряд Репнина с 10 полевыми пушками.

26 июля четыре русские каре подошли к крепости. Между каре находились три гусарских полка и казаки. Турецкая конница не решилась вступить в бой у стен Измаила, а начала отступление на Килию по дороге вдоль Дуная. Репнин шесть верст пытался преследовать противника, но отстал и вернулся к Измаилу.

Репнин направил для взятия крепости генерал-майора Потемкина с тремя батальонами пехоты. После небольшой перестрелки турки сдались. При занятии крепости — слово штурм здесь не подходит, — русские потеряли 11 человек убитыми и 10 ранеными. В качестве трофеев в крепости взято 6 знамен, 37 пушек, 8760 ядер, 96 бочек пороха и др.

5 августа Репнин оставил Измаил и направился к Килии. В Измаиле же был оставлен небольшой гарнизон. Вскоре Румянцев прислал в Измаил инженера генерал-майора Голенищева-Кутузова и артиллериста генерал-майора Унгерна для укрепления и вооружения крепости. Забегая вперед, скажем, что в 1771 г. Измаил сделался главным пунктом формирования русской Дунайской флотилии и ее базой.

К 10 августа Репнин подошел к крепости Килия, где находился трехтысячный гарнизон под началом Муфтия-эфенди. Репнин послал в крепость парламентаря с предложением сдать крепость при условии свободного выхода турецкого гарнизона с личным оружием и имуществом. Муфтий-эфенди отказался. Турки открыли артиллерийский огонь и предприняли две «отчаянные» вылазки.

К 18 августа русские по ночам построили брешь-батарею в 80 шагах от крепостной стены. На рассвете 18 августа по стенам крепости был открыт огонь. К полудню батарея расстреляла весь завезенный туда боекомплект, но укрепления Килии пострадали мало, а турки интенсивно обстреливали батарею. Турецким ядром был убит командир батареи майор Внуков, герой Ларги и Кагула. В такой ситуации Репнин решил выиграть время до темноты, когда можно будет пополнить боекомплект на батарее, и послал парламентарей в крепость с предложением сдаться на прежних условиях.

На сей раз турки задумались, было объявлено перемирие. А 21 августа Килия сдалась. Гарнизон покинул крепость с личным оружием. В крепости же русские нашли 90 пушек и мортир, 10 тысяч ядер, 400 бочек пороху и много других трофеев. В ходе осады Килии русские потеряли около 200 человек убитыми и ранеными.

Для захвата крепости Аккерман из отряда Репнина был послан бригадир барон Игельстром с четырьмя пехотными полками, эскадронам гусар и 250 казаками.

13 сентября Игельстром начал осаду Аккермана. Крепость Аккерман по тому времени была одна из лучших в Бессарабии. Ее укрепления состояли из каменной стены, рва глубиной до 14 метров с каменным эскарпом и контрэскарпом. Крепостная стена была усилена небольшими бастионами. Внутри крепости была еще одна каменная стена, отделявшая крепость от замка.

Игельстром послал капитана Нолькина устроить небольшие укрепления в днестровском устье, чтобы отрезать осажденным сообщение с Очаковым. Под началом Нолькина было две роты пехоты, 70 казаков и два единорога. 15 сентября Нолькин отразил нападение тысячи крымских татар. В тот же день в устье Днестра вошло 20 турецких судов (видимо, транспортных). Попав под огонь единорогов, турецкие суда повернули обратно.

С 14 сентября крепость регулярно обстреливалась русской полевой артиллерией (осадной у Игельстрема не было). Русские начали минную войну и прорыли несколько подкопов к стенам крепости.

25 сентября Аккерман сдался. В крепости было найдено 65 пушек, 8 мортир и 3 гаубицы; 8 тысяч ядер, 2 тысячи бомб, тысяча пудов пороха. Потери русских за время осады составили 23 убитых и 109 раненых.

В Аккермане был оставлен русский гарнизон в составе пехотного полка и сотни казаков. Комендантом был назначен майор барон Ферзен.

Следующей крепостью, взятой Первой армией, стал Браилов. Еще в январе 1770 г. генерал Штофельн пытался взять Браилов. Русские сожгли предместья, но тогда взять крепость не смогли из-за сильного артиллерийского огня турок.

В сентябре 1770 г. Румянцев вновь попытался овладеть Браиловым. 21 сентября из Фокшан к Браилову был двинут отряд генерал-майора Глебова.

Укрепления Браилова оставляли желать лучшего, но крепость имела солидную артиллерию и 5-тысячный гарнизон. 26 сентября Глебов подошел к крепости и предложил коменданту сдаться. Комендант отказался, и русские приступили к осаде крепости. В ночь с 26 на 27

сентября были возведены две осадные батареи (но с полевыми орудиями), которые с наступлением дня открыли огонь по крепости. Турки произвели безуспешную вылазку с целью уничтожить батареи. В ночь на 17 октября была возведена третья осадная батарея.

13 октября к Браилову из Второй армии прибыли первые 10 осадных орудий. Однако Глебов не стал дожидаться результатов их действия и в ночь на 24 октября начал штурм крепости. Турки отчаянно сопротивлялись, и штурм был отбит с большими потерями для атакующих. Было убито 5 офицеров и 484 нижних чина, ранено 53 офицера и 1284 нижних чина. Через 2 часа после штурма напуганный потерями Глебов приказал оставить позиции и отступить к Максименам.

Тем не менее Румянцев не отказался от захвата Браилова и начал стягивать туда крупные силы. Турецкий гарнизон не стал дожидаться второй осады и 9 ноября покинул крепость, бросив там артиллерию и припасы. На следующий день Браилов был без боя взят отрядом полковника Леонтьева. В крепости было найдено 74 орудия, 5 тысяч ядер, 500 бомб, 1000 гранат и 4 тысячи пудов (65,5 тонны) пороха.

В 1770 г. до крепостей Журжа и Тульча у Румянцева просто не дошли руки. К их осаде русские приступили в кампанию следующего, 1771 г.

Глава 7

РУССКИЕ НА ДУНАЕ И В КРЫМУ

В 1770 г. левый берег Дуная от Килии до Виддина был очищен от неприятеля. За турками оставались здесь только две крепости — Журжу и Турно. В 1771 г. русская армия была расположена тремя отделами: правое крыло под начальством генерал-аншефа Петра Ивановича Олица оберегало страну между реками Серетом и Ольтой; левое крыло под начальством генерал-майора Вейсмана охраняло течение Дуная от Прута до Черного моря; наконец, центр, под начальством самого главнокомандующего, с главной квартирой в Максименах на Серете, мог двинуться на помощь правому или левому крылу, смотря по тому, откуда явится противник. Но турки не имели возможности явиться на левом берегу Дуная с сильным войском. Да если бы и была возможность, то воспоминание о Кагуле отнимало охоту у визиря предпринять наступление.

Сам же Румянцев переходить за Дунай явно не собирался. Для Екатерины и двора он находил тысячу предлогов, чтобы вести позиционную войну.

Чтобы укрепить свои позиции на правом фланге, Румянцев решил взять Журжу, последнюю турецкую крепость на левом берегу Дуная, базу для нападений на Валахию.

На Журжу двинулся отряд генерала Олица. 21 февраля 1771 г. состоялся штурм крепости. В ходе трехчасового боя русские захватили укрепления вокруг крепости, а турецкий гарнизон укрылся в центральной цитадели («замке»), расположенной на острове. Во время беспорядочного отступления потонуло до четырех тысяч турок. Русские потеряли убитыми 6 офицеров и 173 нижних чина и ранеными 26 офицеров и 794 нижних чинов.

В ночь на 22 февраля на берегах напротив замка началась постройка осадных батарей. С утра 24 февраля осадные батареи открыли по замку интенсивный огонь. Вскоре башни замка были обращены в развалины, в стенах пробиты бреши. Взрыв порохового погреба произвел большие разрушения и сильно деморализовал осажденных.

Турки вступили в переговоры и выторговали себе свободный выход из крепости. Олиц написал в донесении, что не желал «обременять войска конвоированием 3000 пленных». Трофеями победителей стали 20 знамен,

84 пушки и мортиры, а также большие запасы продовольствия. Генерал Олиц оставил в Журже гарнизон —

600 солдат под началом секунд-майора Гензеля, а сам с отрядом выступил в Бухарест.

Оставлять 600 солдат в разрушенном замке было верхом бездарности русского командования. Особенно если учесть, что в пяти верстах от Журжи выше по течению Дуная на противоположном берегу находилась сильная турецкая крепость Руцук с большим гарнизоном. Как и следовало ожидать, 25 мая турки на гребных судах вышли из Руцука и захватили остров напротив Журжи. После обстрела русскими острова турки покинули его и высадились в Слободзее, местечке на левом берегу Дуная в 3 км выше Журжи. На следующий день отряд турок двинулся из Слободзее к Журже и, подойдя на ружейный выстрел, открыл огонь из двух пушек. Гензель, имея 40 орудий, по непонятным причинам не отвечал, а повел солдат на вылазку. Турки вылазку отбили и окружили крепость.

Гензель вступил в переговоры с турками и выторговал гарнизону свободный выход из крепости. 29 мая русский гарнизон с развернутыми знаменами и личным оружием вышел из Журжи и двинулся к Бухаресту.

Румянцев был вне себя и приказал судить и расстрелять секунд-майора Гензеля, артиллерииста Колюбакина и инженера Ушакова. О том, кто оставил в разрушенном замке 600 солдат в виду Руцука, никто не вспомнил, не ставить же к стенке самого фельдмаршала. Сам по себе приговор не был чересчур жестоким. В ходе турецких походов Миниха расстрелы офицеров, глупость или халатность которых приводила к человеческим потерям, были обычным делом. Но тут был виноват не один Гензель. А матушка государыня имела чрезвычайно разветвленную сеть осведомителей, которые, несомненно, довели до нее суть дела. По сему поводу Екатерина написала Румянцеву: «В рескрипте к вам написано, чтобы вы поступали с журжинским комендантом и с ним бывшими по всей строгости законов; но сим имею вам сказать, что бы их смертью не казнили; а впрочем, накажите их так строго и с таким посрамлением, как вы заблагорассудите; они всего достойны, но в смерти их обществу нужды нет, ибо поносная жизнь гораздо более наказания чувствительной душе или душам, нежели смерть».

В начале августа 1771 г. Румянцев решил отбить у турок Журжу. 6 августа к крепости подошел отряд генерал-поручика Эссена. В ночь на 7 августа три колонны русских войск пошли на штурм Журжи. Однако турки открыли интенсивный огонь из пушек и ружей — падали целые шеренги русских солдат. Штурм был отбит с большими потерями: убитыми 17

офицеров и 497 нижних чинов, ранеными 81 офицер и 1714 нижних чинов. Почти все офицеры отряда вышли из строя, и Эссен вернулся в Бухарест.

В начале октября 1771 г. в Журже сконцентрировались большие силы турок. 19 октября 7–8 тысяч пехоты и 30–40 тысяч конницы под началом сераскира Эмир-Махмета двинулись на Бухарест. У местечка Вокарешты турки были встречены отрядом генерал-поручика Эссена в составе трех гренадерских батальонов, восьми пехотных, двух кавалерийских и трех казачьих полков. Эссен построил пехоту в четыре каре с конницей в интервалах между ними и контратаковал турок. В это время с тыла турок атаковали два кавалерийских полка генерал-майора Текелли, которых Румянцев выслал на помощь Эссену.

Одновременная атака отрядов Эссена и Текелли дезорганизовала турецкую пехоту. Но Эмир-Махмет не растерялся, а приказал частям своей конницы переправиться на левый берег реки Дембовица и взять Бухарест, оставленный без прикрытия. Маневр турецкой конницы был вовремя замечен бригадиром князем Долгоруковым, который немедленно выслал на левый берег Дембовицы отряд подполковника Кантемира. Позже Эссен направил туда же каре Гудовича с артиллерией. Турецкую конницу остановили картечью, а затем вогнали в реку.

Одновременно основные силы Эссена и отряд Текелли довершили разгром турецкой пехоты и части конницы, оставшейся с ней.

Русские потеряли в бою у Бухареста 55 человек убитыми и 199 человек ранеными. У турок убито около 2 тысяч человек, в плен взято 350 человек, захвачено 10 знамен и 14 пушек.

Преследуя отступающих турок, князь Долгоруков 24 октября подошел к крепости Журжа и после непродолжительного боя с ее гарнизоном овладел крепостью.

Более удачными в 1771 г. оказались действия левого фланга армии Румянцева. В марте генерал-майоры Вейсман и Озеров двинулись на крепость Тульчу.

В ходе захвата Тульчи было убито свыше 500 турок, заклепали 23 пушки и сожгли 8 речных судов. Затем русские покинули Тульчу и на лодках отправились в Измаил.

14 апреля Вейсман и Озеров на лодках отправились из Измаила к Исаки. В их отряде было 1400 гренадер, 200 мушкетеров и 40 артиллеристов при двух пушках. Грести против течения было трудно, и флотилия достигла района Исаки лишь к 4 часам утра 16 апреля. До турецкого лагеря было около версты. Вейсман разделил гренадер на две колонны по 700 человек и с двух сторон атаковал неприятеля. Турки

заметили русских, лишь когда те подошли к двум турецким батареям. В итоге восемь пушек были захвачены без потерь, а турецкая прислуга бежала. Затем последовал рукопашный бой с янычарами, засевшими в винограднике. Колонна Вейсмана, построившись в каре, с большим трудом отбила нападение конницы.

Вскоре город Исакчи оказался в руках русских, но цитадель (замок) взять не удалось из-за упорного сопротивления янычар. Город был подожжен. На пристани сгорело 44 малых судов.

В 5 часов дня русские сели на свои лодки и отправились назад к Измаилу. В донесении императрице Румянцев именовал операцию против Исакчи подвигом, поскольку город защищало 6 тысяч человек при 51 пушке. Потери русских составили 14 убитых и 89 раненых.

В том же году Вейсман еще раз напал на Исакчи. 23 октября отряд Вейсмана вышел из Бабадача. Турки не стали дожидаться русских и покинули Исакчи. Вейсман пытался окружить отступавших турок, но это ему не удалось. В ходе боя убито 128 турок и еще 15 взято в плен. Остальным удалось уйти. 25 октября Вейсман вступил в Исакчи и «обратил город в груды пепла». На следующий день Вейсман ушел к Тульче.

В августе 1771 г. Румянцев приказал сделать нападение на Гирсово — турецкую крепость на нижнем Дунае. 23 августа русские суда (лодки) отплыли из Ораша вверх по Дунаю. Командующий отрядом генерал-квартирмейстер Боур сделал ставку на внезапность нападения, но турки вовремя обнаружили его флотилию и открыли сильный артиллерийский огонь. Запорожские казаки даже захватили пристань, но под огнем турок вынуждены были отойти. В конце концов Боур приказал флотилии возвращаться.

Потерпев неудачу у Гирсово, Боур решил устроить набег («поиск», по тогдашней терминологии) на турецкий лагерь у Даян. В ночь на 3 сентября запорожцы под командой поручика Сихновского приплыли к неприятельскому лагерю и укрылись в камышах. На рассвете следующего дня они атаковали лагерь и выбили из него турок. Запорожцы потеряли 5 человек убитыми и 28 ранеными, а турки — более 100 человек убитыми.

24 октября подполковник Якубович с 250 человек регулярной пехоты, полком запорожцев и шестью запорожскими пушками двинулся на гребных судах к Гирсово. Якубович высадил десант, который сходу овладел 8-пушечной береговой батареей, а затем осадил крепость и открыл по ней стрельбу из пушек. То ли от огня запорожцев, то ли из-за небрежности турок в крепости произошел взрыв порохового погреба, в результате чего обрушилась часть крепостной стены. Турки в панике бежали из крепости.

В итоге русские взяли Гирсово, не потеряв ни одного человека убитым, а только 29 человек было ранено. Якубович приказал заклепать и утопить турецкие крепостные пушки. На пристани было захвачено множество турецких судов. Из них около 100 было сожжено, а самые лучшие (два галиота и 25 малых судов) уведено русскими.

20 декабря в поиск на турецкую крепость Мачин был отправлен отряд Милорадовича в составе Ярославского и Севского пехотных полков, а также 250 запорожских и 70 донских казаков.

В ночь на 21 декабря отряд переправился через Дунай и скрытно подошел на две версты к Мачину. На высотах у города был расположен лагерь турецких войск. На рассвете Милорадович атаковал лагерь. Скатывались с высот, занятых турками, были настолько круты, что пехота взбиралась на них с большим трудом. Тем не менее вслед за пехотой на высоты были втащены на руках и полковые орудия. Эти пушки были установлены на правом фланге турецкого ретраншемента и открыли огонь картечью по траншеям. Дело завершила штыковая атака. Турки были вынуждены очистить лагерь. Мачин противник не защищал, и русские без боя заняли его.

В бою за лагерь русские потеряли 7 человек убитыми и 25 ранеными. Потери турок оценивали в 450 человек убитыми. В лагере и городе было взято 14 пушек; кроме того, 5 пушек было взято на турецком судне.

С конца октября главные силы Первой армии Румянцева начали располагаться на зимних квартирах. Ставка фельдмаршала была перенесена в город Яссы.

В кампанию 1771 г. Румянцев фактически топтался на месте. Единственным достижением его было занятие нескольких малых турецких крепостей на Дунае. Кампания Первой армии в 1770 г. показала, что турки не способны противостоять русским в большом полевом сражении. Поэтому оптимальным вариантом для Первой армии был переход Дуная и полный разгром полевых турецких войск. При этом малые крепости турок с небольшими гарнизонами не могли играть существенной роли и, оказавшись в глубоком тылу русских, сами как спелые яблоки упали бы к ногам победителя. К этому, собственно, постоянно и подводила фельдмаршала Екатерина. Румянцев же придумывал тысячу отговорок, чтобы не переходить Дунай. А Екатерина не рискнула сместить кагульского героя.

Ссылки на то, что Румянцев-де жалел русских солдат и боялся больших потерь при форсировании Дуная, более чем несостоятельны. В ходе «стояния» в 1771 г. Первая армия понесла санитарные потери больше,

чем в самых кровопролитных сражениях с турками. Так, в январе 1771 г. умерло от болезней 461 человек, в июне — 538 человек, а затем рост числа заболеваний усилился, и в сентябре умерло свыше трех тысяч человек.

Румянцев мог закончить войну в 1771 г., но не сделал этого по каким-то причинам личного порядка.

Командующий Второй армией Петр Панин был обижен императрицей после взятия Бендер и подал в отставку, которая была принята незамедлительно. Но вот командиром Второй армии был назначен князь Василий Михайлович Долгоруков. Василий Михайлович происходил из знаменитого рода Рюриковичей, попавшего в опалу при Анне Иоановне. В 1735 г. 13-летний Василий был записан капралом в драгунский полк под именем Василия Михайлова — ему было строжайше запрещено именоваться князем Долгоруковым. В 1736 г. он первым оказался на валу Перекопа, за что был произведен Минихом в прапорщики. В 1740 г. он участвовал в войне со шведами и отличился при Виланоках. С воцарением Елизаветы Петровны опала с Долгоруковых была снята, и в течение шести лет Василий Михайлович получил шесть чинов. Василий Михайлович участвовал практически во всех сражениях семилетней войны и несколько раз был ранен. Императрица Екатерина II в день своей коронации 22 сентября 1762 г. произвела Василия Михайловича в генерал-аншефы.

Сейчас Василию Михайловичу во второй раз было приказано брать Перекоп. В начале 1771 г. Вторая армия была разделена на главный корпус Долгорукова (23 950 человек), Сивашский отряд князя Щербатова (3395 человек) и мелкие отряды для прикрытия коммуникаций (более 21 тысячи человек).

Сосредоточение войск на Днепровской линии закончилось к концу мая. 27 мая Сивашский отряд двинулся к Геническу, а главный корпус

9 июня начал движение к Перекопу. 12 июня он вышел к крепости Орь, а в это время Сивашский отряд начал погрузку на корабли Азовской флотилии вице-адмирала А.Н. Сенявина.

Укрепления Перекопа защищало 50 тысяч татар и 7 тысяч турок под начальством крымского хана Селима Гирея.

Разделив свой корпус на семь колонн, Долгоруков в ночь с 13 на 14 июня начал штурм Перекопской линии. Две колонны действовали в центре, одна — против левого фланга, а четыре — против правого фланга перекопских укреплений. Главные удары наносились по слабым участкам, в то время как на сильно укрепленных участках производились только демонстрации, отвлекающие противника от направления главного удара. К 15 июня Перекопская линия пала, а гарнизон крепости Орь капитулировал.

Так же успешно действовал Сивашский отряд, который высадился на косе 17 июня, а в ночь на 18 июня штурмом овладел крепостью Арабат. Действия войск прикрывалось с моря эскадрой Сенявина.

После разгрома татарских войск на Перекопе Селим Гирей бежал в Румелию, поручив защиту Крыма Ибрагиму-паше. Последний предлагал сначала защищаться в Карасу-базаре, но затем отошел к Кафе, надеясь на прибытие подкреплений из Константинополя.

29 июня основные силы Долгорукова подошли к Кафе и начали бомбардировку ее укреплений. Стоявшие на рейде турецкие корабли после обстрела русской артиллерией ушли в море.

Русские войска стремительно атаковали Кафу, и комендант отдал приказ сдать крепость. Турки под Кафой потеряли около 3500 человек. Считается, что турок и татар там было 95 тысяч, но, по мнению автора, эта цифра явно преувеличена. Тем не менее численность неприятеля существенно превышала число русских.

Узнав о взятии Кафы, турки, находившиеся в Керчи, поспешили отплыть на кораблях в Стамбул. Русские войска без боя заняли Керчь и Еникале.

22 июня отдельным отрядом генерала Брауна был взят Козлов. Вскоре русские войска заняли восточный и южный берега Крыма, включая Судак, Ялту, Балаклаву и Ахтиар.

Быстрое продвижение русских войск в Крыму в известной степени было обусловлено раздорами среди татар. Так, еще до начала похода Долгорукова едисанцы, бубжаки и джамбулуки (орды, кочевавшие в Северном Причерноморье) объявили себя сторонниками России. В худшем случае они держали нейтралитет. Естественно, что тут не обошлось без подкупа. Только едисанской орде Екатерина отстегнула 14 тысяч рублей, якобы за обиды, чинимые орде запорожцами.

В самом Крыму после бегства Селим Гирея царил безвластие. Несмотря на продолжение боевых действий, с конца июня крымская верхушка находилась в переписке со штабом Долгорукова. Фактически с конца июля большая часть крымских татар согласилась на перемирие.

Успехи Долгорукова, особенно на фоне бездействия Румянцева, крайне обрадовали Екатерину. В письме Долгорукову было сказано:

«Вчерашний день (17 июля) обрадована я была вашими вестниками, кои приехали друг за другом следующим порядком: на рассвете — конной гвардии секунд-ротмистр кн. Иван Одоевский со взятием Кафы, в полдень — гвардии подпоручик Щербинин с занятием Керчи и Еникале и перед захождением солнца — артиллерии поручик Семенов с ключами всех сих

мест и с вашими письмами. Признаюсь, что хотя Кафа и велик город, и путь морской, но Еникале и Керчь открывают вход г. Синявину водой в тот порт, и для того они много меня обрадовали. Благодарствую вам и за то, что вы не оставили мне дать знать, что уже подняли русский флаг на Черном море, где давно не казался, а ныне веет на тех судах, кои противу нас неприятель употребить хотел и трудами вашими от рук его исторгнуты».

Долгоруков получил Георгиевский орден первой степени, 60 тысяч рублей денег, табакерку с портретом императрицы, сын его произведен в полковники.

28 июля к Долгорукову прибыли два знатных татарина с вестью об избрании в Карасу-базаре нового хана — Сагиба Гирея. Посланные от имени всего общества ручались за верность избранных как не имеющих никакой привязанности к Порте, от которой вовсе отторглись, что подтвердили клятвой перед целым обществом, с Русскою же империей вступили в вечную дружбу и неразрывный союз под высочайшую протекцию и ручательство императрицы.

Долгоруков потребовал от нового хана немедленного освобождения русских и вообще христианских рабов. «Чтобы не возбудить негодования черни», татарские мурзы и духовенство решили платить владельцам за отпущенных рабов-христиан: за мужчину — 100 левков, за женщину — 150 левков. Как видим, даже «чернь» в Крыму была рабовладельцами. Вот классическое доказательство неприменимости марксистских теорий к крымским татарам.

Посредством такого выкупа в армию приведено было мужчин и женщин 1200 человек. Многие солдаты, особенно из поселенных гусарских и пикинерских полков, нашли среди них своих жен и детей. Но как только между рабами пронеслась весть, что их освобождают, те не стали дожидаться определенного для выкупа срока и бросились бежать к войску. Таких беглецов в августе месяце при армии было уже до 9 тысяч душ. По уговору с крымцами русский главнокомандующий велел поднять кресты на 12 греческих церквях в Кафе и снабдить их колоколами. Также по всем городам и селам начали восстанавливать греческие церкви.

Нетрудно догадаться, насколько «приятными» оказались сии «новшества» для татар. Немедленно же начались столкновения с новым ханом. Князь Долгоруков уведомил Сагиба Гирея, что в крымских крепостях останутся русские гарнизоны для защиты от турок, и что крымцы должны доставлять этим гарнизонам топливо. Хан отвечал, что Крым от Порты стал независим и, следовательно, должен сам себя защищать, да и в конце 1771 г. никакой опасности от турок нет, так как в

это время навигация на Черном море закончилась. А на будущий год, если будет грозить опасность, хан даст знать о ней главнокомандующему. Крымский народ и без того разорен и бесплатно не может давать русскому войску топливо. Долгоруков отвечал: «Хотя до апреля месяца никакой опасности с турецкой стороны ожидать нельзя, однако я гарнизоны вывести власти не имею, ибо оные введены в силу повеления моей государыни, а вашей великодушнейшей покровительницы и щедрейшей благодетельницы». Относительно отопления главнокомандующий распорядился, чтоб солдаты были размещены в христианских домах, где будут пользоваться теплом сообща с хозяевами. Где же нет христианских домов, то в пустых магометанских, и только в этом случае татары должны доставлять им топливо.

Русским поверенным в делах при хане был назначен канцелярии советник Веселицкий. Он должен был вручить Сагибу Гирею акт, в котором говорилось, что Крымская область учреждается вольною и ни от кого не зависимою, а так как это «сокровище получено единственно от человеколюбия и милосердия ее императорского величества Великой Екатерины», то Крымская область вступала в вечную дружбу и неразрывный союз с Русской империей под сильным покровительством и ручательством ее самодержицы. Хан обязывался не вступать с Портой ни в какие соглашения. Веселицкий должен был требовать подписания этого акта, и также требовать просительного письма к императрице, чтоб она приняла под свою власть города Керчь, Еникале и Кафу. Назначенные для переговоров с Веселицким мурзы отвечали на последнее требование: «Какая же будет свобода и независимость, когда в трех главных местах будет находиться русское войско? Народ наш всегда будет беспокоиться насчет следствий этой уступки, опасаясь такого же угнетения, какое мы терпели во время турецкого владычества в этих городах». Веселицкий объяснил, что это делается для их благоденствия, что от Порты надо всегда и всех опасаться, и они будут подвержены гибели из-за своей отдаленности от русских пределов. Спросил, могут ли они защищаться собственным войском. Татары все это выслушивали без возражений, но отвечали просьбой, нельзя ли их избавить от этой новости, как они выражались. Тогда Веселицкий объявил им, что если они этого требования не исполнят, то он не приступит ни к чему другому. Хан созвал всех старшин для совета об уступке Керчи, Еникале и Кафы. Совет продолжался пять дней подряд, и 7 ноября присланы были знатные люди к Веселицкому с объявлением, что духовенство находит эту уступку противной их вере, и так как русское правительство объявило, что оно не будет требовать ничего противного

мусульманской религии, то они на отдачу городов согласиться не могут. Веселицкий отвечал, что русским хорошо известно содержание Корана, и там не указано о невозможности уступки городов. Препирательства о трех городах продолжались, и формальная сторона дела так и не была решена в 1771 г. Фактически же эти города уже принадлежали России.

Успехи русского оружия заставили задуматься турецкие власти о бессмысленности дальнейшего ведения войны. Кроме того, султан надеялся на вступление Австрии в войну на стороне Турции. Но австрийскому двору явно не улыбалась война с объединенными силами России и Пруссии. Об этом недвусмысленно заявил австрийский дипломат Тугут, специально прибывший в Константинополь в начале 1772 г., чтобы склонить Порту к миру.

Огромное впечатление произвели на Порту события в Польше. Польские мятежники повсеместно терпели поражения от русских войск. Особый ужас наводили на поляков отряды Александра Васильевича Суворова. Уже в начале 1772 г. всем было очевидно, что раздел Польши между Россией, Пруссией и Австрией неминуем. (Хотя формально договор О разделе был подписан 5 августа 1772 г.) Султана и его окружение смутило страшное предположение, а вдруг те же три державы решат, подобно Польше, поделить и Оттоманскую империю.

В начале марта 1772 г. верховный визирь Мухаммед-паша предложил Румянцеву начать переговоры. Румянцев дал согласие и поставил условием прекращения военных действий до 1 июня с тем, чтобы положение войск на Балканах оставалось без изменений, а Дунай являлся линией разделения войск. Это перемирие должно распространиться также на Крым, Кавказ и Черное море. Переговоры о перемирии решено было проводить в Журже, для чего с русской стороны направлялся Симагин, а с турецкой — Абдул-Керим. Конвенция о перемирии была, однако, подписана только 14 мая. 25 мая Румянцев утвердил текст этой конвенций.

Переговоры о мире решено было вести на конгрессе в местечке Фокшаны, недалеко от Измаила. Россию на конгрессе представляли Григорий Орлов и освобожденный из Семибашенного замка русский посол Обрезков. В инструкции русским представителям было сказано: «Основания переговоров состоят в следующих трех статьях: 1) в уменьшении способности для Порты нападать вперед на Россию; 2) в доставлении себе справедливого удовлетворения за убытки, понесенные в войне, объявленной со стороны Турции без всякой законной причины; 3) в освобождении торговли и мореплавания. По первой статье наши требования состоят в том, чтоб 1) были уступлены нам обе Кабарды,

Большая и Малая; 2) оставлена была граница от Кабарды через кубанские степи до Азовского уезда на прежнем основании; 3) уступлен был нам город Азов с уездом; 4) чтоб все татарские орды, обитающие на Крымском полуострове и вне его, признаны были вольными и независимыми; 5) чтобы уступлены были грузинским владельцам все места, взятые русским оружием; чтоб как грузинцам, так и всем другим христианским народам, принимавшим участие в войне, была дана полная амнистия и впредь оказывалось большее покровительство христианским церквям в областях Порты.

Под второй статьей разумели мы требования денежного вознаграждения за военные убытки, но и это требование вы можете оставить вполне или отчасти для получения свободы татарам. Третьею статьею мы требуем свободной торговли и плавания по Черному морю, и от этого требования мы отступить не можем».

Инструкция была подписана 21 апреля, и 25 апреля Григорий Орлов выехал из Царского Села.

Однако турки по-прежнему тянули время. В итоге в январе 1773 г. переговоры в Бухаресте были прерваны. А в феврале 1773 г. императрица предложила Румянцеву начать боевые действия — форсировать Дунай, а затем занять Шумлу, где сконцентрировались турецкие войска. Но Румянцев принципиально не хотел переходить Дунай, а требовал все новых подкреплений.

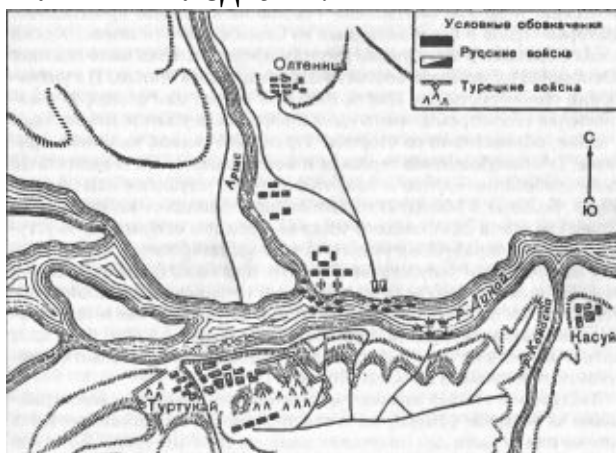
Пока Румянцев препирался с Петербургом, в апреле турки сами форсировали Дунай и нанесли потери дивизии Салтыкова. В конце концов Румянцеву пришлось послушаться Екатерину и начать подготовку к форсированию Дуная.

В начале мая в армии Румянцева произошло неprimетное событие: в Яссы прибыл для дальнейшего прохождения службы генерал-майор Александр Суворов. За ним уже числились десятки побед над польскими конфедератами. Но Румянцев и его окружение не принимали всерьез боевые действия в Польше.

Румянцев решил нанести главный удар в районе крепости Силистрия, для чего Григорию Потемкину предложено было начать переправу в районе Гирсово. В целях отвлечения противника от направления главного удара на Суворова была возложена задача произвести поиск в районе Туртукая.

В гарнизоне Туртукая было до 4 тысяч человек. По Дунаю крейсировала сильная турецкая флотилия. Отряд Суворова состоял из Астраханского пехотного полка, карабинерского полка, сотни казаков, четырех полковых и трех трофейных турецких пушек. Для переправы

русские располагали лишь 17 лодками.

Действия Суворова в «первом поиске» у Туртукай.

Напротив Туртукай в Дунай впадала речка Аржиж (она же в различных источниках — Аргис и Аржис), заросшая камышами. По ней могли выйти в Дунай лодки с десантом. Но турки учли это и расположили артиллерийскую батарею напротив устья Аржижи. Тогда Суворов предложил скрытно перевезти лодки на обывательских подводах.

Турки не догадались о намерении Суворова атаковать Туртукай, они просто решили ночью форсировать Дунай и немножко порезать русских.

В ночь на 9 мая тысяча конных турок вплавь переправилась на левый берег Дуная. Был Иванов день, и донские казаки изрядно перепились. В ночном бою Суворов буквально чудом остался жив. Утром было обнаружено 85 трупов турок.

Несмотря на потери, Суворов решил атаковать турок на следующую ночь. Расчет на внезапность нападения оказался верным. Турки, считавшие, что ночь после их набега на русский лагерь будет спокойной, даже убрали дозорное судно. Турки слишком поздно заметили лодки с десантом. Русские без потерь высадились в трех верстах ниже Туртукай и, построившись в две колонны, двинулись по берегу к Туртукаю.

В ходе упорного боя город был взят. Турки, потеряв около полутора тысяч человек, бежали. У русских было убито 24 человека и ранено 35 человек. Кстати, в ходе боя на турецкую сторону было переправлено всего 500 человек пехоты и 210 человек конницы без артиллерийских орудий.

Трофеями Суворова стали 6 знамен, 16 пушек, 19 речных торговых судов. Генерал-майор велел сжечь Туртукай, четыре легкие пушки были отправлены на русский берег Дуная, 16 тяжелых пушек было приказано утопить в реке, а затем всем переправиться обратно за Дунай.

Командующему армией Румянцеву Суворов вместо длинной реляции

отправил записку: «Слава Богу, слава вам! Туртукай взят, Суворов там!»

Поиск на Туртукай отвлек турок. Отряд Григория Потемкина форсировал Дунай у Гирсово и закрепился на правом берегу. Но тут Потемкин получил приказ Румянцева переправиться обратно.

7 июня русские переправились через Дунай у местечка Гуробалы. Затем наши войска обложили крепость Силистрию, где засел 15-тысячный турецкий гарнизон. После упорного боя 18 июня русские захватили ретраншемент в предместье Силистрии.

В это время к Силистрии подошла от Шумлы турецкая колонна Черкеса-паши и вступила в бой, но она была также разбита и в беспорядке отошла к Шумле. 29 июня Вейсман нанес у Кючук-Кайнарджи поражение корпусу Нумана-паши, двигавшемуся для деблокирования Силистрии.

В ночь на 20 июня Суворов вновь напал на Туркутай. К этому времени его отряд был усилен людьми и артиллерией. (Прибыло два

8-фунтовых единорога, две 3-фунтовые пушки и четыре 6-фунтовые мортиры Кегорна.) Всего в отряде Суворова находилось 1720 человек пехоты, 855 человек регулярной кавалерии, 790 казаков, 19 орудий, из которых 4 трофейных.

Турки назначили новым командиром в Туркутае Фейзуллу-Магомета, черкеса по национальности. Энергичный Фейзулла-Магомет приказал выстроить в нескольких верстах от сожженного Туркутая три лагеря: первый, обширный, был укреплен высоким валом и рвом; правее его, на горе за двумя глубокими оврагами, находилась хорошо защищенная ставка бея; у реки, в сторону Рущука, учрежден самый крупный лагерь, правда, не имевший сильных укреплений.

На сей раз Суворов построил батарею напротив места высадки и переправился под прикрытием артиллерийского огня. Вместе с десантом были переправлены два 3-фунтовых орудия, которые по прибытии немедленно открыли огонь картечью.

Потеряв до 800 человек убитыми, противник обратился в бегство. Победителям достались трофеи: 14 орудий, 25 лодок, 15 судов и много продовольствия. Все это было погружено на суда и переправлено на левый берег Дуная. В этом бою русские потеряли 6 человек убитыми и 96 ранеными.

И вдруг Румянцев отдает приказ всем войскам опять отходить за Дунай. С 20 по 25 июня наши войска покинули правый берег Дуная, за исключением Гирсово.

Екатерина вежливо упрекала Румянцева, но он требовал «то не удвоить, а утроить надобно армию; ибо толико числа требует твердая нога,

которой без того иметь там не можно...»

Защищать Гирсово Румянцев приказал Суворову, дав ему всего 4 тысячи штыков и сабель. 3 сентября 6-тысячный отряд турецкой конницы атаковал у Гирсово передовые посты русских. Затем подошли еще 4 тысячи пехоты. Суворов встретил атакующих турок сильным огнем артиллерии и контратакой пехоты и конницы с флангов. Турки потеряли до тысячи человек и бежали. Наши потери: 10 убитых и 167 раненых. Турки бросили на поле боя шесть пушек и одну мортиру.

Эта победа Суворова обеспечивала возможность нанести противнику контрудар. Румянцев, уступая настоятельным требованиям из Петербурга, принял решение овладеть в 1773 г. достаточно широким плацдармом, с которого можно было начинать активные действия в 1774 г. Однако Румянцев по-прежнему не хотел идти с армией за Дунай. Вместо этого он направил на правый берег только два крупных отряд. Отряд Унгерна должен был действовать до Бабадага, а затем на Карасу, а отряд Долгорукова — от Гирсово также на Карасу. Одновременно решено подвергнуть артиллерийскому обстрелу Силистрию. Войска Унгерна и Долгорукова соединились и повели наступление на Карасу. Турки отказались от обороны Карасу и бежали. 17 октября русские заняли этот важный пункт. Вслед за этим, после боя с войсками Черкес-паши, был взят и Базарджик.

Салтыков, переправившись у Руцук, захватил лагерь у Мартинешти. Потемкин также успешно форсировал Дунай у Гуробал и, подойдя к Силистрии, подверг ее артиллерийскому обстрелу. Дальнейшие действия Унгерна и Долгорукова сложились неудачно. После четырехдневных препирательств они разошлись. Унгерн направился к Варне, а Долгоруков — к Шумле. Попытка Унгерна взять Варну с ходу окончилась неудачно.

Узнав о неудаче Унгерна, Долгоруков остановил свое наступление на Шумлу. После этого русские войска отошли на зимние квартиры за Дунай.

Оценивая кампанию 1772–1773 гг., без преувеличения можно сказать, что это была пустая трата времени и огромных средств. 1772 год прошел в бестолковых переговорах. А между тем за этот год в Дунайской армии Румянцева от болезней умерло 20 тысяч солдат. Данные о санитарных потерях на 1773 год отсутствуют, но, надо полагать, что смертность среди солдат не уменьшилась.

В 1773 г. Румянцев прямо копировал кампанию Голицына в 1769 г. — «драку кривых со слепыми». Ряд подчиненных Румянцева действовал смело и решительно, это в первую очередь касается Суворова и Потемкина. Но их частные успехи не могли повлиять на ход кампании из-за

медлительности, а может, и трусости, главнокомандующего.

К началу кампании 1774 г. списочный состав румянцевской армии был около 77 тысяч человек, а фактически готовых к действию было не более 50 тысяч. Остальные были или в Польше, или в госпиталях. Противостоящая Румянцеву турецкая армия насчитывала около 100 тысяч человек.

Но, несмотря на двукратное превосходство, турецкое руководство предпочло начать переговоры. Османская империя была истощена пятилетней войной. Кроме того, в самом начале 1774 г. умер султан Мустафа III. На престол вступил его родной брат Абдул Гамид I, фактически передавший власть великому визирю Мухсун-заде, стороннику мира с Россией.

В начале марта Мухсун-заде обратился к Румянцеву с предложением «прекратить пролитие крови». Однако он не желал показывать слабость Турции и поэтому подчеркивал, что инициатива в данном случае исходит от прусского посла в Константинополе. Румянцев сообщил предложение визиря в Петербург и в ответ получил рескрипт, уполномочивший его начать переговоры на основе проекта, разработанного на конгрессе в Бухаресте.

В ответ на предложение Мухсун-заде Румянцев ответил, что он готов начать переговоры на основе проекта, разработанного в 1773 г. Визирь снова повторил высказанные еще на конгрессе возражения в отношении независимости Крыма, принадлежности Керчи и Еникале и плавания судов в Черном море. Однако Румянцев соглашался вести дальнейшие переговоры только на основе проекта 1773 г.

Но в апреле 1774 г. он получил новые указания из Петербурга, где Румянцеву разрешалось пойти на ряд уступок. Однако турки восприняли эти уступки как признак слабости России и резко подняли планку своих требований. Стало ясно, что решить спор могут только пушки.

В начале мая основные силы Румянцева двинулись к Дунаю. Форсировать Дунай Румянцев решил у местечка Гуробалы в 30 верстах от турецкой крепости Силистрия. В месте переправы были низкие берега и спокойное течение. Однако в Гуробалах турки устроили укрепленный лагерь.

Румянцев решил атаковать лагерь турок с тыла. Для этого он приказал генерал-майору Вейсману перейти с дивизией Дунай у Измаила и двигаться к городу Карасу. Вейсман выполнил приказ и у Карасу разбил 8-тысячный отряд турок. Затем Вейсман пошел на Гуробалы. Одновременно Потемкин форсировал Дунай у местечка Ликорешт и тоже двинулся на Гуробалы.

В итоге отряды Вейсмана и Потемкина синхронно атаковали гуробальский лагерь. Находившийся в лагере 10-тысячный корпус Осман-паши после короткого боя отступил. Переправа главных сил русской армии прошла беспрепятственно. 9 июня начали переправу первые полки, а 10 июня на той стороне Дуная была уже вся армия.

К тому времени на Шумлу в глубоком тылу турок наступали корпуса Суворова и Каменского (общей численностью 14 тысяч человек). Суворов форсировал Дунай у Гирсово, а Каменский — у Измаила. У деревни Юшемли корпуса соединились. Но тут Суворов и Каменский не смогли решить, кто будет командовать основными силами. Оба были генерал-поручиками, но Каменский этот чин получил на год раньше и по существующим правилам считался старшим. Но Суворову было 45 лет, а Каменскому — 36, а главное, Александр Васильевич не без основания считал Каменского самодуром и безграмотным полководцем. В итоге Суворов послал Каменского куда подальше и решил один атаковать 40-тысячный корпус рейс-эфенди Абдер-Резака.

Суворов построил свой корпус в четыре каре и двинулся на противника, лагерь которого был расположен у местечка Козлуджи. Войска же Каменского медленно следовали позади. В бою Суворов эффективно сочетал штыковой бой с артиллерийским огнем. 10 полковых орудий непрерывно вели огонь почти три часа. С запозданием в бой включился и корпус Каменского.

Турки не выдержали натиска русских и в беспорядке бежали по направлению к Шумле и Праводам. Суворов со своей кавалерией и частью пехоты всю ночь преследовал турок (чего, кстати, не делали Румянцев и многие другие генералы).

107 знамен и 29 пушек стали трофеями победителей. У турок было убито около 500 человек и 100 взято в плен, у нас убито 75 человек и ранено 134 человек.

Теперь вернемся к главным силам русской армии. Румянцев осадил Силистрию, где засел 15-тысячный турецкий гарнизон. Осман-паша с 30-тысячным корпусом занял позицию у крепости в пяти верстах ниже по течению Дуная. Но русским войскам удалось отогнать турок.

Румянцев овладел несколькими внешними укреплениями Силистрии и... снял осаду.

Несмотря на пассивность основных сил русской армии, ее отдельные отряды действовали чрезвычайно успешно. Так, отряд бригадира Заборовского за Балканами у деревни Чалык-Ковак разгромил 4-тысячный отряд Юшефа-паши.

21 июня Вейсман атаковал близ города Кючук-Кайнаржи 5-тысячный отряд турок. В ходе ожесточенного боя Вейсман был убит янычаром. Но его смерть не только не привела к расстройству рядов русских, а наоборот, ожесточила их. Турки были наголову разбиты, в отместку за любимого генерала солдаты не брали пленных. На поле боя насчитали свыше трех тысяч убитых турок. Наши потери — всего 15 убитых и 152 раненых.

Наконец-то турецкое руководство поняло, что остановить русских невозможно. И великий визирь Мухсун-заде обратился к Румянцеву с предложением заключить перемирие. Румянцев ответил: «О конгрессе, а еще менее о перемирии, я не могу и не хочу слышать. Ваше сиятельство знаете нашу последнюю волю, естьли хотите миру, то пришлите полномочных, о коих уже столь много толковано и было объяснено. А доколе сии главнейшие артикулы не утверждены будут, действия оружия никак не перестанут».

Только после этого Мухсун-заде направил в качестве полномочных представителей Нитанджи-Расми-Ахмет эфенди и рейс-эфенди Ибрагим-Мюниба. С русской стороны Румянцев назначил Н.В. Репнина, так как Обрезков не мог вовремя прибыть к месту переговоров в Кючук-Кайнарджи. Румянцев предъявил требование, чтобы переговоры и подписание мира были закончены к 10 июля 1774 г., и заявил турецким представителям, что он не прекратит наступление до тех пор, пока мирный договор не будет подписан. Румянцев не отступил от своих слов и продолжал активные действия вплоть до утверждения великим визирем мирного договора, подписанного 10 июля 1774 г.

Глава 8

ПОДПАЛИТЬ ОСМАНОВ С ЧЕТЫРЕХ КОНЦОВ

Идея «подпалить Оттоманскую империю с четырех концов» пришла в голову Екатерине еще в 1763 г. Сама ли она дошла до этого, или кто надоумил — выяснить вряд ли удастся. Во всяком случае, удачная и смелая идея. Ведь до Екатерины русский флот вел боевые действия лишь в нескольких километрах или десятках километров от своего побережья. С начала века по 1762 г. в Балтийский флот было вложено 100 миллионов рублей, но боеспособность его была крайне низка.

С началом царствования Екатерины на верфях Петербурга и Архангельска закладывается большое число кораблей и фрегатов. Забегая вперед, скажу, что все 20 кораблей, отправленных в Архипелаг в 1769–1774 гг., были заложены уже в царствование Екатерины. Корабли получают более мощные 36-фунтовые пушки. (При Петре максимальный калибр пушек был 30 фунтов.)

В 1763 г. по приказу императрицы Григорий Орлов отправил к «спартанскому» народу двух греков — Мануила Саро и артиллерийского офицера Папазули. Саро возвратился из своей поездки в мае 1765 г. и привез известие, что «спартанский народ христианского закона и греческого исповедания, и хотя живет в турецких владениях, но туркам не подчинен и их не боится, а даже воюет с ними. Живет в горах и в таких малодоступных местах, что турки и подступиться к нему не могут». Повсеместно как простые греки, так и их старшины выражали Саро и Папазули желание подняться против турок при первом появлении русских кораблей. Саро писал: «По моему усердию смею представить о том, чтоб отправить в Средиземное море против турок 10 российских военных кораблей и на них нагрузить пушек довольно число; завидевши их, греки бросились бы на соединение с русскими; у греков есть свои немалые суда, но их надобно снабдить пушками; сами же греки — народ смелый и храбрый».

Специально для плавания в Средиземном море был построен 34-пушечный фрегат «Надежда Благополучия». В августе 1764 г. фрегат под коммерческим флагом, но с пушками и военной командой отправился в Италию. Фрегат простоял полгода в Ливорно, а затем отправился домой и

12 сентября 1765 г. прибыл в Кронштадт. Поход был чисто разведывательным, хотя и туда, и обратно фрегат возил какие-то коммерческие грузы.

С началом войны с Турцией было решено отправить в Средиземное море эскадру в составе семи кораблей («Европа», «Святослав», «Св. Евстафий», «Три Иерарха», «Св. Иануарий» и «Три Святителя», из которых «Святослав» был 80-пушечный, а остальные — 66-пушечные). Кроме того, в составе эскадры был фрегат «Надежда Благополучия», 10-пушечный бомбардирский корабль «Гром», четыре пинка (в ряде документов они именовались транспортами) и два пакетбота (посыльных судна) — «Летучий» и «Почталион».

Эскадра получила название «обшивная», поскольку корпуса всех ее судов были обшиты снаружи дополнительным рядом дубовых досок с прокладкой из овечьей шерсти, чтобы подводную часть не источил морской червь, как это произошло с «Надеждой Благополучия». Естественно, что обшивка уменьшала скорость хода и увеличивала осадку судов.

По совету Мордвинова и общему мнению Адмиралтейств-коллегии Екатерина предложила командование эскадрой Г.А. Спиридову, тогда еще вице-адмиралу. Екатерина схитрила — присвоила Спиридову звание полного адмирала и назвала его первым флагманом флота.

В рескрипте, подписанном Екатериной и врученном Спиридову, говорилось: «...Провезти сухопутные войска с парком артиллерии и другими военными снарядами для содействия графу Орлову, образовать целый корпус из христиан к учинению Турции диверсии в чувствительнейшем месте; содействовать восставшим против Турции грекам и славянам, а также способствовать пресечению провоза в Турцию морем контрабанды». Ни слова о подчинении эскадры Орлову не было в этом многозначщем документе. Спиридов поверил и согласился.

17 июля 1769 г. Екатерина посетила корабли, стоявшие на кронштадтском рейде, вручила адмиралу орден, приказала выдать всем назначенным в экспедицию четырехмесячное жалованье «не в зачет» и потребовала немедленного выхода эскадры в плавание.

Делать было нечего, вечером следующего дня эскадра поставила паруса, вышла из Кронштадта и... стала у Красной Горки, откуда ее можно было увидеть из Кронштадта, но нельзя было увидеть из Петергофа в самую сильную подзорную трубу. И лишь 26 июля эскадра Спиридова по-настоящему ушла в плавание.

Это было фактически первое плавание русской эскадры в открытое море и океан. До этого русский флот действовал лишь у балтийских

берегов. Исключение представляли только переходы кораблей и фрегатов, построенных в Архангельске, в Кронштадт вокруг Скандинавии.

Многочисленные поломки судов и болезни команды задерживали продвижение эскадр. Лишь 18 ноября Спиридов на «Св. Евстафий» прибыл в порт Магон на Менорке (Балеарские острова). А 23 ноября в порт Магон на английской бригантине прибыл младший из братьев Орловых — Федор. Братья Алексей и Федор Орловы еще в начале войны приехали в Италию «на лечение». Федор вручил Спиридову новый рескрипт императрицы, согласно которому эскадра и адмирал были подчинены графу Алексею Орлову.

К середине декабря в порту Магон собралось семь русских судов — корабли «Св. Евстафий», «Три Иерарха», «Три Святителя», «Св. Иануарий»; фрегат «Надежда Благополучия»; пинки «Сатурн» и «Соломбала». 4 февраля 1770 г. эскадра Спиридова прибыла на Мальту.

Алексей Орлов решил высадить первый десант в греческом порту Витулло (он же в разных документах — Витило или Витула) на полуострове Майна. Жители этого полуострова (майноты) существовали главным образом грабежом и разбоем и никогда не признавали над собой власти турок.

18 февраля 1770 г. в Витулло с Мальты прибыла эскадра Спиридова, в составе которой были корабли «Св. Евстафий», «Св. Иануарий», «Три Святителя», пинк «Соломбала» и пакетбот «Летучий». В Витулло уже стояло купеческое судно под венецианским флагом, капитан которого был из славян. Граф Орлов нанял его в русскую службу и отправил в Витулло в ожидании прибытия флота. На судне было 20 пушек, и оно салютовало адмиральскому флагу по приходе его. Адмирал произвел капитана этого судна по имени Палекутин в лейтенанты, а судно, названное «Святым Николаем», на другой день подняло русский флаг.

В трюмах каждого русского корабля находилось по одной разобранной малой галере (в некоторых документах они назывались полугалерами). 19 февраля части галер были свезены с кораблей на берег, а уже 23 февраля все три галеры были собраны, оконпачены и спущены в воду. Галера корабля «Св. Евстафий» названа «Касатка», и командиром ее назначен Кумман. Галера корабля «Св. Иануарий» названа «Ласточкой», и командиром ее назначен шкипер этого корабля Лукавич. Галера корабля «Три Святителя» названа «Жаворонком», а командиром назначен Николетти. На каждую галеру дано по 20 человек команды.

25 февраля прибыла греческая полакра под названием «Генрик-Каррон» под командой Александра Алексиано. Она была нанята в нашу

службу и в тот же день подняла русский флаг. На ней было установлено 12 пушек.

Во время пребывания флота в порту Витулло несколько больших партий греков под командой русских офицеров были отправлены в разные части Мореи, чтобы овладеть городами и главнейшими укреплениями.

Первая партия, названная Восточным легионом, состояла под начальством пехотного капитана Баркова. Барков имел под своей командой поручика Псаро, природного грека, одного сержанта и двенадцать русских солдат с небольшим числом майнотов. Он получил от графа Федора Орлова приказание идти в Пассаво и там собрать майнотов и других греков, которыми нужно было пополнить этот легион. Через три дня, по прибытии его в Пассаво, то есть 21 февраля, к нему присоединились семь майнотских и греческих капитанов, партии которых усилили отряд Баркова до 1200 человек. 26 февраля капитан Барков пошел прямо на Миситру (древнюю Спарту).

27 февраля Барков подошел к Миситре, рядом с которой находился укрепленный лагерь с тремя тысячами турецких солдат. Подходя к лагерю турок, капитан Барков разделил свой легион на две части. Поручик Псаро с одной из этих частей, состоящей из шести русских солдат и 500 майнотов, получил приказание сделать форсированный переход и, скрываясь за высотами, обойти правый фланг неприятеля и атаковать его с тыла, в то время как капитан Барков с остальной частью легиона будет медленно продвигаться вперед к фронту турецкого лагеря. Поручик Псаро совершил этот обход так быстро и удачно, что успел уже атаковать правый фланг неприятеля и его тыл, тогда как капитан Барков только еще готовился начать свое нападение с фронта. Это привело турок в такое замешательство, что они начали отступать на всех пунктах и наконец бросились в предместья Миситры. Сильно преследуемые, они заперлись в крепости, которая осталась, таким образом, в блокаде. В этом деле турки потеряли около 100 человек убитыми. Со стороны же русских было до 30 убитых и 11 раненых майнотов.

После девятидневной блокады вода, проведенная в крепость простым водопроводом, была отрезана, и турки принуждены были сдаться. При этом турки перебили свыше тысячи пленных.

Барков со своим войском двинулся к городу Трополица, где было около шести тысяч вооруженных турок. По прибытии к городу он немедленно потребовал, чтоб губернатор Селим-паша сдался. Однако турки узнали о событиях в Миситре и пошли в яростное контрнаступление. Русско-греческий отряд был разбит, а капитан Барков получил две тяжелые раны.

Долгоруков овладел всей Аркадией, но из-за поражений Баркова был отозван обратно на побережье и послан к крепости Наварин.

Порт Витулло имел опасную и неудобную гавань, открытую западным и юго-западным ветрам. Поэтому адмирал Спиридов решил захватить крепость и порт Корон. Берегом к Корону был отправлен большой отряд майнотов. 27 февраля русская эскадра покинула Витулло и 28-го бросила якорь в четырех милях к северу от Корона.

1 марта десантный отряд и часть матросов были высажены на берег, и началась осада крепости. В ночь с 1 на 2 марта русские построили осадную батарею, но взять Корон не удалось.

Затем 10 апреля 1770 г. крепость Наварин сдалась бригадиру Ивану Абрамовичу Ганнибалу, кстати, сыну «арапа царя Петра» и двоюродному деду Александра Пушкина.

Между тем еще 9 октября 1769 г. из Кронштадта вышла 2-я Архипелагская эскадра под командованием контр-адмирала Эльфинстона. Первоначально в ее состав вошли 66-пушечные корабли «Не тронь меня», «Саратов» и «Тверь», а также 32-пушечные фрегаты «Надежда» и «Африка».

Подобно 1-й эскадре, 2-я эскадра также не смогла добраться до места без потерь. Так, совсем новый корабль «Тверь» (спущен в 1765 г.) 13 октября во время шторма на Балтике получил повреждения грот-мачты и, отделившись от эскадры, отправился обратно.

Зато в Англии эскадра Эльфинстона пополнилась кораблем «Святослав», который из-за повреждений покинул 1-ю эскадру и 27 декабря 1769 г. прибыл в Портсмут. В ходе ремонта на «Святославе» для улучшения мореходности был снят верхний дек, и он из 80-пушечного стал 72-пушечным.

В начале мая 1770 г. Эльфинстон подошел к берегам Мореи и, не дождавшись указаний ни от Алексея Орлова, ни от Спиридова, высадил десантные войска в Колокифской бухте в порту Рупино и приказал им продвигаться к Миситре. Сам же Эльфинстон, услышав о близости турецкого флота, отправился отыскивать его и действительно 16 мая увидел турецкие корабли у острова Специи. Не обращая внимания на то, что турецкий флот, состоявший из 10 кораблей, 5 фрегатов и 7 мелких судов, был втрое сильнее его эскадры, Эльфинстон, заботившийся только о своей собственной славе, не дождавшись соединения со Спиридовым, опрометчиво бросился на турок. Турецкий адмирал, полагавший, что перед ним только авангард русского флота, за которым следуют главные силы, поспешил укрыться под стенами крепости Наполи-ди-Романия. Эскадра

Эльфинстона преследовала турецкие корабли и даже вошла в зону огня турецких береговых батарей. После трехчасовой перестрелки на больших дистанциях Эльфинстон отошел. Наши корабли получили незначительные повреждения, 10 человек было убито и ранено.

Продержавшись пять дней у входа в Навплийский залив и получив сведения, что эскадра Спиридова находится в Колокифской бухте, Эльфинстон пошел навстречу адмиралу и соединился с ним у острова Цериго.

После ухода эскадры Эльфинстона турецкий флот поспешил выйти из Навплийского залива, и наши соединенные эскадры настигли его уже у острова Бельпуло, где Эльфинстон со своих кораблей, несмотря на дальность расстояния, открыл по неприятелю безвредный огонь. Преследуемые в продолжении двух дней турки наконец скрылись из виду между островами Зея и Фермо, а наш флот зашел в залив Рафти, чтобы пополнить запасы пресной воды, и отряд под начальством Эльфинстона успел овладеть у Негропонта 4-пушечной неприятельской батареей.

В начале июня 1770 г. турки собрали в греческих водах довольно мощный флот: шестнадцать кораблей (один — 100-пушечный, один — 96-пушечный, четыре — 84-пушечных, два 74-пушечных, восемь — 60-пушечных), две 50-пушечные каравеллы, шесть 40-пушечных фрегатов, до шестидесяти бригантин, шебек, галер, полугалер и других судов. На борту их находилось 15 тысяч человек и 1430 орудий.

В русской эскадре насчитывалось: девять кораблей, три фрегата, одно бомбардирское судно, три пинка, один пакетбот (второй пакетбот — «Летучий» — разбился у берегов Мореи), тринадцать зафрахтованных и призовых судов, 6500 человек и 608 орудий.

Вечером 23 июня русская эскадра вошла в Хиосский пролив, где стоял на якорях турецкий флот. Увидев силы неприятеля, растерявшийся Орлов поехал на «Св. Евстафия» к Спиридову с традиционным русским вопросом — «Что делать?» Адмирал предложил решительно атаковать противника тремя колоннами.

К рассвету 25 июня суда объединенной эскадры заняли места, отведенные им в колоннах.

В начале восьмого часа на мачтовых фалах «Трех иерархов» взвился сигнал: «Гнать на неприятеля!»

За передовым кораблем «Европа» (капитан Клокачев) шел Спиридов на корабле «Св. Евстафий». «Европа», подойдя к ближайшим кораблям неприятельской линии, привела к ветру на левый галс и открыла огонь. Но вскоре, по настоянию лоцмана, объявившего, что курс ведет на камни,

Клокачев должен был поворотить на правый галс и выйти из линии. Тогда на «Св. Евстафии» сосредоточились выстрелы трех турецких кораблей, из которых самый большой и ближайший был корабль главнокомандующего «Реал-Мустафа». Вслед за «Св. Евстафием» последовательно вступили в бой и другие корабли эскадры Спиридова. Находившиеся же в арьергарде три корабля Эльфинстона успели подойти только к концу сражения.

Ветер совсем стих. В самом жарком огне был «Св. Евстафий», подошедший к турецкому флагманскому кораблю на ружейный выстрел и все более и более сближавшийся с неприятелем. Спиридов с обнаженной шпагой ходил по юту. Поставленным тут же музыкантам приказано было «играть до последнего». Сражающиеся корабли сблизились. На «Св. Евстафии» перебитый такелаж и рангоут, поврежденные паруса и множество убитых и раненых не представляли возможности отойти от противника, с которым перестреливались уже из ружей и пистолетов. Наконец корабли свалились, и начался отчаянный рукопашный бой, во время которого загорелся турецкий корабль, и его грот-мачта, охваченная огнем, упала поперек «Св. Евстафия». Искры посыпались в открытую крюйт-камеру, и «Св. Евстафий», а вслед за ним и флагманский турецкий корабль, взлетели на воздух.

Еще до взрыва адмирал Спиридов и граф Федор Орлов на шлюпке перебрались на корабль «Три Святителя». Это решение адмирала было, безусловно, правильным, — командующий эскадрой не мог оставаться на аварийном корабле.

Из всего экипажа «Св. Евстафия» спаслось кроме Круза не более шестидесяти человек. Погибло около шестисот сорока.

Увидев гибель «Реал-Мустафы», турецкие корабли нарушили строй и в полном беспорядке ушли в Чесменскую бухту.

На следующий день (25 июня) корабли «Святослав» и «Три Иерарха», а также пакетбот «Почталион», вели перестрелку с турками у входа в бухту. Стрельба велась с больших дистанций и не причинила особого вреда ни одной из сторон.

Тем временем Алексей Орлов собрал военный совет, на котором было решено использовать против турок брандеры. В брандеры решили обратить четыре греческих торговых судна. Снаряжение этих судов зажигательными веществами было поручено бригадиру Ганнибалу.

Командирами брандеров решено было назначить «охотников» (добровольцев) из артиллерийских офицеров. Среди таковых были отобраны капитан-лейтенант Дугдэль, лейтенанты Ильин и Мекензи, мичман Гагарин.

Атаку турецких кораблей в Чесменской бухте должны были произвести корабли «Европа», «Ростислав», «Не тронь меня», «Саратов»; фрегаты «Надежда Благополучия», «Африка» и бомбардирский корабль «Гром».

Воспользовавшись полнолунием, русские корабли начали атаку в полночь с 15 на 16 июня. Первые полчаса вела огонь одна «Европа», но к часу ночи огонь открыли все русские корабли.

Где-то в половине второго ночи выстрелом из мортиры был подожжен первый турецкий корабль. Грейг писал: «В это время каркас, брошенный с бомбардирского корабля, упал в рубашку грот-марселя одного из турецких кораблей; так как грот-марсель был совершенно сух и сделан из бумажной парусины, то он мгновенно загорелся и распространил пожар по мачте и по такелажу; грот-стенга скоро перегорела и упала на палубу, отчего весь корабль тотчас же был объят пламенем».

В этот момент с «Ростислава» было запущено две ракеты — сигнал брандерам начинать атаку. Первым двинулся брандер капитан-лейтенанта Дугдэля. Но он не успел пройти и половину расстояния, разделявшего русские корабли и противника, как был перехвачен двумя турецкими галерами. Дугдэль приказал экипажу прыгать в лодку, шедшую на буксире за брандером, а сам поджег его. Брандер был мгновенно объят пламенем. Но турецкие галеры быстро отошли от него.

Вторым предпринял атаку брандер под командованием лейтенанта Мекензи. Ему удалось достичь первой линии неприятельских судов, но его из-за неудачного маневра прижало к борту уже горевшего турецкого корабля, на который попали пылавшие обломки рангоута соседнего судна. И все же команда брандера успела покинуть его и благополучно возвратиться к месту якорной стоянки судов объединенной эскадры.

Где-то в 1 час 35 минут — 1 час 50 минут ночи в атаку вышел третий брандер под командованием лейтенанта Ильина. Неудача, постигшая Дугдэли и Макензи, так подействовала на Грейга, что он не удержался и крикнул Ильину, когда тот вел свой брандер мимо «Ростислава»: «Не под каким видом не зажигайте, пока не сцепитесь с неприятелем!» Лейтенант Ильин блистательно выполнил эту задачу: он подошел к головному турецкому кораблю борт о борт, схватился с ним, зажег брандер и, отъехав на шлюпке, еще остановился посмотреть, каково будет действие.

Справедливости ради следует сказать, что к началу атаки третьего брандера уже горела половина турецкого флота. Огонь с такелажа, рангоута и парусов корабля, подожженного «Громом», попал на соседние два корабля, а те, в свою очередь, распространили пожар далее.

Четвертый брандер мичмана Гагарина сцепился с уже горевшим турецким кораблем. Вскоре корабль, зажженный Ильиным, взорвался, разметав пылающие обломки на палубы стоявших рядом кораблей.

К трем часам ночи пожар на турецких кораблях сделался всеобщим. Турки прекратили всякое сопротивление даже на тех кораблях, которые еще не загорелись. Грейг писал: «Легче вообразить, чем описать, ужас, остоленение и замешательство, овладевшие неприятелем: целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду, поверхность бухты была покрыта множеством спасавшихся людей, но немного из них спаслось». Огонь с наших судов в это время по приказанию Грейга был прекращен.

В 4 часа Грейг, видя, что два наветренных турецких корабля, фланкировавшие линию турецких кораблей с севера, целы, отрядил присланные с эскадры гребные суда для вывода их из бухты. Уже оба корабля были на буксирах шлюпок, но на один из них попали обломки взорвавшегося корабля, бывшего рядом. Этот корабль сам загорелся, был брошен и затем взорвался. Другой же корабль (60-пушечный «Родос») был выведен из бухты и доставлен победителю. Кроме того, гребные суда успели вывести пять больших турецких галер.

К утру у турок сгорело четырнадцать кораблей, шесть фрегатов и до пятидесяти малых судов.

Потери русских были весьма малы: на корабле «Европа» было 3 убитых и 6 раненых, в корпусе 14 пробоин, из них 7 подводных; на корабле «Не тронь меня» 3 раненых; на корабле «Ростислав» не было ни убитых, ни раненых, но перебито несколько рангоутов, парусов, снастей, да одно 18-дюймовое каменное ядро пробило обшивку; на других судах потерь не было.

Екатерина была в восторге от чesменской победы. Она писала Румянцеву: «Ничего знаменитее, кажется, в той стороне быть не может. Дивен Бог в чудесах своих!» Граф Алексей Орлов получил орден Св. Георгия 1-й степени и титул Чесменского; адмирал Спиридов — орден Св. апостола Андрея Первозванного; капитан-командор С.К. Грейг — орден Св. Георгия 2-й степени.

После Чесмы турки были в панике. Известный французский инженер барон Тотт, направленный королем в Турцию специально для укрепления Дарданелл, писал, что тамошние батареи были в ужасном состоянии, и русский флот легко мог пройти пролив и подойти к Стамбулу.

Позже русские, а затем советские историки подвергли сомнению данные Тотта. Как писал С.М. Соловьев, Тотту «было поручено укрепить Дарданеллы и, следовательно, было выгодно представить прежние

оборонительные средства в самом жалком виде». Но, увы, Тотт оказался прав.

Русская эскадра могла легко прорваться к Константинополю. Другой вопрос, что у Орлова не было сухопутных войск для захвата Стамбула. В лучшем случае русский десант смог бы захватить укрепления Дарданелл, и то при отсутствии у турок сильного командующего. Решить однозначно вопрос целесообразности прорыва русской эскадры к Константинополю нельзя. Слишком многое зависело от погоды, морального духа и т. п. По мнению же автора, вероятность успеха составляла не менее 80 %, а в самом худшем случае русской эскадре грозила потеря одного-двух кораблей и нескольких мелких судов.

Но, увы, Алексей Орлов решил не рисковать, а лишь ограничиться блокадой Дарданелл. Контр-адмирал Эльфинстон был сторонником прорыва, но Орлов оказался непоколебим. Тогда Эльфинстон с эскадрой, преследуя турок, вошел в пролив, стал на якорь посреди него и демонстративно под огнем батарей с обоих берегов приказал играть музыкантам и бить в литавры и барабаны. Сам же адмирал сел с офицерами пить чай на палубе. При этом русские корабли не отвечали туркам ни единым выстрелом. В Константинополе эта демонстрация произвела удручающее впечатление. Зато Орлов пришел в ярость и вместо приказа о штурме Дарданелл написал Екатерине донос на Эльфинстона. Императрица была вынуждена согласиться с братом фаворита, и Эльфинстон был не только убран из Архипелага, но и вообще изгнан из России.

Для блокады Дарданелл и вообще для длительных действий в Архипелаге русской эскадре была необходима по крайней мере одна надежная база. Не обладая значительными сухопутными силами, и с учетом ненадежности греческих повстанцев нечего было и думать о создании базы на материковой части Греции. Поэтому было решено создать такую базу на острове вблизи Дарданелл. Орлов решил занять порт Мудро на острове Лемнос в 70 км от входа в Дарданеллы. Оставив Эльфинстона с тремя кораблями, двумя фрегатами и пинком при блокаде пролива, Орлов с эскадрой Спиридова приступил к осаде главной крепости острова Лемнос. Турки энергично сопротивлялись осаждающим, и Орлов вызвал к Лемносу Эльфинстона. При подходе к Лемносу флагманский корабль Эльфинстона «Святослав» налетел на риф. Шесть суток, днем и ночью, экипаж «Святослава» с помощью пришедших к месту аварии других судов пытался спасти свой корабль, но безуспешно. Его пришлось разоружить и сжечь, чтобы он не достался противнику.

Виновником аварии «Святослава» был английский лоцман Гордон. Но Орлов со Спиридовым пожелали все свалить на Эльфинстона. Кроме того, Эльфинстона обвинили в том, что он-де ослабил блокаду Дарданелл, благодаря чему «турки успели перевезти на Лемнос значительные силы, заставившие Орлова прекратить осаду крепости и удалиться с Лемноса». На самом деле граф столь же бездарно вел осаду Мудро, как ранее — Корона и Модона.

В конце концов на военном совете было решено устроить базу в порту Ауза на небольшом острове Парос. Такой выбор имел много преимуществ, но и много неудобств. Парос был расположен в центре Эгейского моря, но зато до Дарданелл от него было более 350 км.

Парос и окружающие острова в радиусе 150–200 км были легко заняты русскими. Через несколько недель Ауза стал обычным российским городом. С моря порт защищали мощные береговые батареи.

Остров Парос.

В городе было построено адмиралтейство, продовольственные магазины, прядильни, пекарни, лазареты и т. д. На Паросе были расквартированы лейб-гвардейский Преображенский и пехотный Шлиссельбургский полки. Жители нескольких малых островов от Тассо до Кандии приняли русское подданство.

Между тем Екатерина на помощь Орлову посылала все новые и новые подкрепления. 30 июня 1770 г. из Ревеля вышла 3-я Архипелагская эскадра под командованием контр-адмирала И.Н. Арфа. В составе ее было два

новых 66-пушечных корабля — «Всеволод» и «Св. Георгий Победоносец» — и 54-пушечный корабль «Азия». Из-за ряда задержек корабли пришли в Аузу лишь 6 марта следующего года. На действия в Архипелаге уходили огромные средства. Лишь в 1769 г. и 1770 г. было затрачено 1,9 млн рублей.

8 мая 1772 г. из Ревеля вышла 4-я Архипелагская эскадра под командованием контр-адмирала В.Я. Чичагова. В ее составе был 80-пушечный корабль «Чесма» и два 66-пушечных корабля — «Граф Орлов» и «Победа». 15 августа 1772 г. Чичагов привел эскадру в Ливорно, где передал командование капитану 1-го ранга М.Т. Коняеву, а сам вернулся в Россию. 4-я эскадра прибыла к берегам Греции 25 сентября 1772 г.

21 октября 1773 г. из Кронштадта вышла 5-я Архипелагская эскадра под командованием контр-адмирала С.К. Грейга. В ее составе были 74-пушечный корабль «Св. Великомученик Исидор», три 66-пушечных корабля — «Дмитрий Донской», «Мироносец», «Александр Невский» и два 32-пушечных фрегата — «Павел» и «Наталия». 5-я эскадра опоздала. Она прибыла в Аузу только 6 сентября 1774 г., уже после заключения мира с Турцией.

Зато трофейный корабль «Родос» вместо использования по назначению в Архипелаге Алексей Орлов решил отправить в Кронштадт. Матушке-императрице захотелось похвалиться трофеем. 22 октября 1770 г. «Родос» вышел из Аузы в порт Магон, но попал в шторм. Корабль был выброшен на мель у бухты Безанто. Через два дня «Родос» пришлось сжечь, чтобы он не достался туркам.

Мелкие суда строились в адмиралтействе в порту Ауза. Древесину для строительства кораблей доставляли с поросшего лесом острова Тассо.

Десять турецких портовых судов, захваченных в Архипелаге в 1770–1771 гг., были переделаны в Аузе во фрегаты, они получили названия «Архипелаг», «Делос», «Зея», «Мило», «Накция», «Тино», «Андро», «Микона», «Миневра» и «Санторин».

Таким образом, летом 1771 г. численность Архипелагского флота доходила до 50 вымпелов, в числе которых было 10 кораблей, 2 бомбардирских корабля, около 20 фрегатов разной величины, имевших от 16 до 24 пушек, 4 пинка, 1 пакетбот и 11 поляк и шебек, имевших от 12 до 20 пушек и фальконетов калибром от 0,5 до 14 фунтов. В числе капитанов судов были славяне и греки, из которых наиболее выдавались своими успехами братья Иван и Марк Войновичи, греки Алексиано, Ризо, Псаро и другие.

Кроме того, в боевых действиях участвовали и «некомбатанты» — греческие малые суда, не подчиненные русским адмиралам.

Блокада Константинополя была достаточно эффективной, но, увы, не 100-процентной. Блокада — слово слишком корректное, а фактически имело место пиратство. Ибо русские и греки топили или захватывали любые суда, заплывшие в Эгейское море, а зачастую — и в Восточное Средиземноморье. И если русские всегда сохраняли жизнь экипажам захваченных судов, то о греках этого сказать нельзя. Матушка-императрица сквозь пальцы смотрела на все нарушения морского права. Так называемое «общественное мнение» Европы много возмущалось по сему поводу, но дальше лая из европейской подворотни дело не шло. Ведь на престоле в России сидела Екатерина Великая, готовая в любой момент «задать жару» любой европейской шавке.

Русский флот в Аузе стал в большей части содержаться и финансироваться за счет трофейных грузов. Многие греческие и славянские капитаны сколотили огромные состояния.

В 1771 г. русская эскадра из 15 судов под командованием самого Алексея Орлова произвела нападение на остров Мителин. При этом на острове были уничтожены турецкие верфи. Отрядами генеральс-адъютанта Ризо и лейтенанта Псаро, посланными к берегам Сирии, освобожден от турецкой осады город Сидон, находившийся во владении египетского паши. Причем захвачено 10 судов и получена контрибуция, равная годовой подати, платимой городом султану. Но самым значительным делом этого года было уничтожение близ Лепантского залива в двух сражениях капитаном Коняевым и Марком Войновичем восьми турецких фрегатов и восьми малых судов, входивших в состав эскадры, готовившейся к нападению на порт Аузу. В русский отряд входили три корабля, два фрегата и три малых судна.

Самым южным пунктом, до которого в этом году доходили наши крейсера, были устья Нила, где у крепости Дамьетты лейтенантом Алексиано сожжены два турецких судна.

В 1773 г. русские вновь овладели Бейрутом, захватили бывшие в городе две полугалеры, пушки, все оружие, а затем передали город племени друзов, получив от их князя 300 тысяч пиастров.

После заключения мира Архипелагский флот несколькими отрядами вернулся в Россию. Первой пошла обратно 5-я эскадра, пришедшая последней и пробывшая в Аузе чуть более месяца. 17 октября

1774 г. корабли 4-й эскадры под командованием С.К. Грейга двинулись домой. Но по пути эскадра провела спецоперацию, не особенно украшающую русский флот, но крайне нужную императрице. 12 февраля

1775 г. во время стоянки в Ливорно Алексей Орлов обманом завлек на

корабль «Исидор» претендентку на русский престол княжну Тараканову. В тот же день Орлов съехал на берег, а «княжна» была арестована. 24 мая 1775 г. эскадра Грейга прибыла в Кронштадт, откуда Тараканова была отправлена в Петропавловскую крепость.

Всего в 1775 г. на Балтику вернулось 13 кораблей, 7 фрегатов, 2 бомбардирских корабля и несколько мелких судов. Боевые потери за 1770–1774 гг. составили только один корабль — «Св. Евстафий». Три корабля — «Родос», «Азия» (в феврале 1773 г погиб в шторм у острова Микона со всем экипажем в 439 человек) и «Святослав» — погибли в результате навигационных аварий. Корабли «Св. Иануарий», «Три Святителя», «Не тронь меня», фрегаты «Надежда Благополучия» и «Делос», бомбардирский корабль «Гром» и ряд других судов были признаны слишком ветхими для похода вокруг Европы и их сдали на лом.

В 1775 г. несколько небольших судов Архипелагской эскадры, включая фрегат «Архипелаг» и пакетбот «Почталион», прошли под торговым флагом Проливы, а затем вошли в состав боевых кораблей на Черном море. Согласно мирному договору, турки были обязаны пропускать русские торговые суда, а внешне эти суда были весьма похожи на купеческие.

Уходя из порта Ауза, русские взорвали или сожгли все укрепления, верфи, казармы и другие постройки. Значительное число греков и славян, принявших русское подданство, эмигрировали в Россию. Оставшимся, согласно Кючук-Кайнарджийскому миру, была гарантирована амнистия.

Бесспорно, Кючук-Кайнарджийский мир был следствием истощения сил обеих сторон. Хотя, разумеется, положение воюющих сторон было неравным. Передовые русские отряды были в 250 км от Константинополя. Ресурсы Османской империи были истощены, а в России, как справедливо писала Екатерина, были области, где и не слышали о войне. Но и у России к лету 1774 г. были большие проблемы. Польские дела не были окончательно урегулированы, и никто не представлял, сколько сил и средств потребуется от России. А главное, в России свирепствовала пугачевщина. Советские историки в восстании Пугачева акцентировали упор на классовой борьбе крестьянства и помещиков. Это, безусловно, правильно. Но нельзя сбрасывать со счетов и то, что, честно говоря, в России не было законной власти. Де-факто матушка Екатерина сделала для России не меньше, чем Петр Великий, и при этом обошлась без свирепого террора Петра. Но де-юре на престоле сидела немецкая принцесса, убившая своего мужа — законного русского императора Петра III. Это не могло не сказываться на поведении всех сословий русского общества — дворян, купцов, духовенства и крестьян. Не даром почти везде духовенство

встречало Пугачева колокольным звоном. Дворянство, по понятным причинам, неохотно шло к Пугачеву, но зато с 1762 по 1774 г. было несколько дворянских заговоров с целью свержения Екатерины. Другой вопрос, что императрица подавляла их без казней (за исключением Мировича). Она тихо отправляла заговорщиков кого на Камчатку, кого в фамильную деревню, а кому затыкала рот деньгами и поместьями. Итак, у Екатерины было не меньше оснований мириться, чем у Абдул-Хамида.

Кайнарджийский договор включал в себя двадцать восемь открытых и две секретные статьи (артикула).

Крымское ханство становилось полностью политически независимым. В артикуле 3 говорилось: «Все татарские народы: крымские, буджатские, кубанские, едисанцы, жамбуйлуки и едичкулы без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана чингисского поколения, всем татарским обществом избранного и возведенного, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчета ни в чем никакой посторонней державе, и для того ни российский двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться как в избрание и в возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом».

Однако турецкий султан оставался духовным главой крымских татар.

К России отошли ключевые крепости Керчь, Еникале, Кинбурн и Азов. Россия получила всю территорию между Бугом и Днепром, Большую и Малую Кабарду. В договор было включено условие, в силу которого Россия приобрела «право заступничества за христиан в Молдавии и Валахии».

Россия получила возможность держать военный флот на Черном море. До марта 1774 г. Екатерина требовала права свободного прохода русским военным судам через Проливы, но турки решительно возражали, и в договоре проход через Проливы был разрешен лишь невооруженным торговым судам небольшого тоннажа.

Султан признал императорскую (падишахскую) титулатуру русских царей.

В секретный протокол был включен пункт о выплате Турцией России контрибуции в 4,5 миллиона рублей. Этот пункт носил скорее престижный характер, а контрибуция была символической. Только за один 1771 г. Россия потратила на войну 25 миллионов рублей. Между прочим, в 1773 г. Обрезков требовал у турок контрибуцию в 40 миллионов рублей.

Ряд отечественных историков, в том числе В. Шеремет, трактуют

Кайнарджийский договор как «самый обширный и детализированный их всех русско-турецких договоров», и т. п.

Автор же склонен считать этот договор наспех состряпанным перемирием. Договор не только не решал ни один вопрос. Состояние отношений между Турцией и Россией оставались метастабильными, то есть любая мелочь могла вызвать лавину взаимных претензий и, соответственно, войну.

Выполнение многих артикулов договора было нереальным. России разрешалось иметь флот, но ему негде было базироваться (мы уже говорили о невозможности базирования больших кораблей в Азове и Таганроге).

Строгое и точное выполнение обеими сторонами артикула 3 по Крыму неизбежно вызвало бы возвращение Крыма под влияние Порты, то есть — к довоенной ситуации.

Вновь после заключения мира начался предвоенный период.

Глава 9

АБДУЛ-ГАМИД ОБЪЯВЛЯЕТ НОВЫЙ ДЖИХАД

Кайнарджийский договор 1774 г. привел Крым в метастабильное положение. Формально Крымское ханство было объявлено независимым. Но турецкий султан по-прежнему был духовным главой татар. Крымский хан, вступающий на престол, должен был быть утвержден султаном. Профиль султана по-прежнему чеканился на крымских монетах. За него продолжали молиться во всех мечетях.

С другой стороны, в нескольких районах Крыма остались русские войска, а из Петербурга в Крым не пересыхал золотой ручеек, заканчивавшийся в бездонных кошельках татарских мурз. Естественно, что в Крыму образовались две враждующие между собой партии: русская, стоявшая за дружбу с Петербургом, и турецкая, призывавшая татар вернуться в подданство Турции.

В начале 1774 г. хан Сагиб Гирей был низложен сторонниками турецкой партии. Его брат Девлет Гирей, утвержденный султаном новым крымским ханом, в июле 1774 г. высадился с турецким десантом в Алуште. Однако продвинуться туркам в глубь полуострова не удалось.

23 июля 1774 г. трехтысячный русский отряд выбил турецкий десант, укрепившийся в Алуште и у деревни Шумы. В этом бою получил ранение в глаз командир гренадерского батальона Михаил Илларионович Кутузов.

Тем не менее Девлет Гирею удалось еще несколько месяцев удержаться на ханском престоле. В ответ на проiski турок с ноября 1776 г. в Крым постепенно стал втягиваться корпус генерал-поручика А.А. Прозоровского. Среди прочих войск в декабре в Крым вступила Московская дивизия под началом генерал-поручика Суворова, специально вызванного Потемкиным из Москвы. 17 января 1777 г. Прозоровский заболел, и командование 20-тысячным корпусом в Крыму принял Суворов.

Тем временем Румянцев вызвал из Абхазии Шагин Гирея (брата крымского хана Девлет Гирея). С помощью русских Шагин Гирей стал ханом кубанских татар и объявил себя независимым от власти крымского хана. Ему удалось разделаться с конкурентами, но править ханством он оказался не в состоянии. Единственным выходом было отречение, и в феврале 1783 г. Шагин Гирей отрекся от ханского престола.

В апреле 1783 г. Екатерина издала манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под российскую державу». Этот манифест окончательно покончил с татарскими набегами на Русь. Екатерина Великая блестяще закончила дело Дмитрия Донского, Ивана III и Ивана Грозного. Екатерина писала, что по приобретении Крыма «исчезает страх от татар, которых Бахмут, Украина и Елисаветград поныне еще помнят».

Тем не менее еще в начале XX века старики на юге Украины ругались: «Чтоб тебя крымская сабля посекала».

Весной 1783 г. по приказу Григория Потемкина началось укрепление Кинбурна, войска Суворова заняли Таманский полуостров и Кубань. В Крым был введен корпус генерала де Бальмена. У южного побережья полуострова крейсировали корабли Азовской флотилии.

В апреле 1783 г. капитан 2-го ранга И.М. Берснев на фрегате «Осторожный» осмотрел Ахтиарскую бухту и предложил создать там военно-морскую базу. 2 мая 1783 г. в Ахтиарскую бухту вошли пять фрегатов и восемь малых судов Азовской флотилии под командованием вице-адмирала Клокачева.

Сразу же на берегах Ахтиарской бухты началось строительство офицерских домов, казарм для матросов и солдат. В августе была освящена первая небольшая каменная церковь.

Было создано несколько новых береговых батарей, а построенные в 1778 г. Суворовым редуты были значительно усилены.

10 февраля 1784 г. последовал рескрипт Екатерины II: «Нашему Генерал-фельдмаршалу, военной коллегии президенту, Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Потемкину... с распространением границ Империи Всероссийской необходимо... и обеспечение оных, назнача по удобствам новые крепости... Крепость большую Севастополь, где ныне Ахтиар и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение...»

Григорий Потемкин в порядке командующему русскими войсками в Крыму генералу де Бальмену от 4 июля 1783 г. указал: «Воля ее императорского величества есть, чтобы все войска, пребывающие в Крымском полуострове, обращались с жителями дружелюбно, не чиня отнюдь обид, чему подавать пример имеют начальники и полковые командиры».

Потемкин пригласил на полуостров иностранцев — специалистов по садоводству, шелководству, лесному хозяйству, виноградарству.

Увеличилась добыча соли. За 1784 г. ее было продано более двух миллионов пудов.

В Крыму Потемкин создал «свободную экономическую зону». По Указу Екатерины II от 13 августа 1785 г. все крымские порты были освобождены от уплаты таможенных пошлин сроком на пять лет, а таможенная стража была переведена на Перекоп.

Екатерина запретила обращать простых татар в крепостных крестьян. Русские не вытесняли татар с их земель, а просто селились рядом на пустовавших землях. Все рабы-христиане были освобождены, а земли, возделанные самими татарами, занимали ничтожную часть Крыма. На конец 1783 г. в Крыму имелось 1474 поселения. Население обоего пола составляло всего 60 тысяч человек.

Итак, татары в Крыму получили те же права, что и остальные жители империи, но были избавлены от рекрутских наборов и ряда других тягот. Никто не покушался на их веру, на их скот, на их земли. Но у них отняли самое главное их право — грабить соседей и торговать рабами. Этого они никогда не простят русским.

Екатерина понимала, что присоединение Крыма к России может привести к войне с Турцией, и была готова к этому, но тем не менее постаралась сделать все, чтобы избежать конфликта. На несколько недель Крым был отрезан от всего мира, и ни Турция, ни Европа не знали, что там происходит.

А затем Порты была поставлена перед свершившимся фактом. Султан и его окружение были поражены тем, что присоединение Крыма и Кубани прошло не только быстро, но и мирно. Да и все формальности были соблюдены — хан добровольно отрекся в пользу России, а население добровольно присягнуло Екатерине. Турецкая армия не была готова к войне. Сыграли свою роль и огромные взятки, розданные пашам послом в Турции Я.Н. Булгаковым. Результатом вышесказанного стал акт о Крыме, подписанный в Константинополе в конце декабря 1783 г., о котором Булгаков писал Екатерине: «Артикулы о татарах навеки уничтожены, и последние наши распри с Портою кончены». А в январе 1784 г. в Константинополе был обнародован сенед — султанский указ, — гласивший, что Османская империя принимает и признает вхождение Крыма в состав Российской империи.

Огромная Дикая степь, на которой могла уместиться Франция с разными там Бельгиями, Голландиями и Даниями, избавленная от татарских набегов, начала быстро благоустраиваться, и уже через десяток лет превратилась в цветущую Новороссийскую губернию.

А между тем турки, подстрекаемые Францией, лихорадочно готовились к войне.

5 августа 1787 г. великий визирь Юсуф-Коджа вызвал к себе русского посла Булгакова и предъявил ему ультиматум: вернуть Турции Крым; аннулировать все прежние русско-турецкие договоры; отказаться от покровительства Грузии.

Посол не успел передать ультиматум в Петербург. 12 августа 1787 г. султан Абдул Гамид I объявил войну России. И не просто войну, а общемусульманский джихад. Ведь турецкие султаны по-прежнему считали себя халифами — повелителями всех правоверных. Все мусульмане Северного Кавказа, Закавказья, Прикубанья и Крыма должны были поднять оружие против неверных. Призыв халифа к войне отправили даже в далекую Бухару.

Известие о войне дошло до Петербурга лишь 29 августа, когда на юге уже шли боевые действия. 7 сентября 1787 г. Екатерина издала манифест, где говорилось: «Оттоманская Порта, утвердивши торжественными договорами перед лицом света вечный мир с Россией, опять вероломно нарушила всю святость онаго... Мы полагаем в том Нашу твердую надежду на правосудие и помощь Господню, и на мужество полководцев и храбрость войск наших, что пойдут следами своих недавних побед, коих свет хранит память, а неприятель носит свежие раны».

Планы турок предусматривали высадить десант в Крыму и совместно с восставшими татарами выбросить русских с полуострова. Параллельно турки должны были разгромить русских в Днепро-Бугском лимане и уничтожить Херсон. На втором этапе войны предусматривалось вторжение русско-турецких сил на Украину со стороны Молдавии и Крыма.

Северный Кавказ считался второстепенным театром военных действий. Там с самого начала также предусматривались наступательные действия, но с ограниченными целями. Планируя наступательные действия, турецкие власти не забывали и об укреплении крепостей. С помощью французских инженеров, которые в то время считались лучшими в мире, турки очень сильно укрепили Очаков и дунайские крепости (в первую очередь Измаил и Шумлу).

В августе 1787 г. Екатерина не имела окончательного и тщательно проработанного плана войны.

Еще до войны адмирал С.К. Грейг предложил повторить Архипелагскую экспедицию и послать эскадру с сильным десантом в Средиземное море. Этим планом предусматривалось форсирование Дарданелл, бомбардировка эскадрой Константинополя и высадка там 10-

тысячного десанта. При достаточно мощной эскадре и энергичном адмирале русские вполне могли прорваться через укрепления Дарданелл и сжечь Константинополь. В таком случае была большая вероятность того, что султан согласится на мир. А если нет? 10-тысячный десант мог быть позже уничтожен турками. Поэтому Потемкин энергично выступил против плана Грейга. «Отправление флота в Архипелаг, — писал Потемкин, — последует не ради завоеваний на сухом берегу, но для разделения морских турецких сил. Удержав их флот присутствием нашего, все мы будем иметь свободу на Черном море. А если бы что турки туда и отделили, то уже будет по нашим силам. Когда же нет нужды делать десантов, то не нужно и число столь неудобное сухопутных войск, какое адм. Грейг полагает... Главный вид для флота Вашего Величества притеснять сообщение по морю туркам с их островами и Египтом и через то лишить их помощи в съестных припасах». Естественно, что у Григория Александровича было субъективное отношение к плану адмирала. Ведь в этом случае слава победителя принадлежала бы целиком Грейгу.

В итоге план Грейга в целом принят не был. Тем не менее к походу в Архипелаг готовилась эскадра в составе 17 кораблей, 8 фрегатов, множества малых и транспортных судов и десантом в 10–12 тысяч человек.

В инструкции, врученной Грейгу, указывалось: «Место сборное всего Удобнейше нам представляется остров Негропонт... предмет стараний ваших (является) набор греческих войск, дабы еще вяще силы наши, руководству вашему вверенные, приумножить. С вами отпускается полное число оружия, на 6 тыс. пехоты, на 1 тыс. драгунского и на 2 тыс. с лишком конницы... Желательно поэтому было бы, чтоб с славянами, албанцами, корсиканцами и греками всего до 10 тыс. набрать было можно, ибо на то число, как вам известно, денежные и прочие наши расходы учинены... всем славянским и греческим народам надлежит внушать, что нет отнюдь намерения нашего присвоить их под обладание наше, а все желания наши к тому устремлены, дабы доставить им свободу полную в исполнении веры их и отправлении публичных обрядов оной и восстановить гражданскую их вольность и безопасность, для чего не должно приводить к присяге на подданство нам...»

14 марта 1788 г. последовал указ о назначении адмирала С.К. Грейга главнокомандующим морскими и сухопутными силами на Средиземном море и об отправке его с вверенной ему эскадрой из Кронштадта. Одновременно было дано приказание генерал-поручику И.А. Заборовскому готовиться к выступлению в Италию с сухопутными войсками, чтобы там поступить под начальство Грейга.

Забегая вперед, скажу, что в бытность Заборовского в Италии он в начале 1789 г. получил прошение от лейтенанта Наполине Буона-Парте. Корсиканец просил его принять на службу в русскую армию в чине майора. Принять его майором Заборовский не имел права, а на меньшее честолюбивый Наполине никак не соглашался. А жаль, России могла бы приобрести блестящего генерала.

Первый отряд Архипелагской эскадры в составе трех 100-пушечных кораблей («Иоанн Креститель», «Три Иерарха» и «Саратов») в сопровождении фрегата и транспортов под флагом вице-адмирала Фондезина вышел 5 июня 1788 г. из Кронштадта. Вскоре в Копенгаген из Архангельска пришел отряд контр-адмирала Повалишина в составе пяти кораблей и двух фрегатов. Но дальше им двинуться не удалось, так как Швеция начала военные действия против России.

В сентябре 1788 г. русские корабли вышли из Копенгагена для блокады Карлскроны. Соответственно, была отменена и отправка сухопутных войск в Италию.

Потемкин до войны также не сумел доработать план войны. Он предлагал первоначально взять Очаков, овладеть побережьем между Бугом и Днестром, а затем начать наступление на Балканы.

В ходе войны началось формирование двух армий. Екатеринославская армия (75–80 тысяч человек при 200 орудиях полевой и 108 орудиях полковой артиллерии) под командованием Потемкина предназначалась для действий на Балканах. Украинская армия (35–40 тысяч человек при 96 орудиях полевой артиллерии) под командованием Румянцева предназначалась для связи с австрийской армией и обороны Украины. Для обороны Крыма и действий на Кубани был сформирован особый Крымский и Кубанский корпус численностью в 25–30 тысяч человек. Русским войскам должна была содействовать австрийская армия, которая, по согласованию с Потемкиным, предназначалась для ведения наступательных действий в Валахии вдоль реки Прут. Суворову поручалось, пока шло формирование войск, организовать оборону Крыма и Херсон-Кинбурнского района.

К началу войны русский флот на Черном море состоял из 5 кораблей, 19 фрегатов, бомбардирского корабля и нескольких десятков мелких судов. Флот был разделен на две приблизительно равные части — Севастопольскую эскадру и Лиманскую флотилию. Кроме того, несколько малых судов стояло в Таганроге и Керчи. Севастопольская эскадра должна была защищать Крым, а Лиманская флотилия — Херсон.

21 августа 1787 г. 40-пушечный фрегат «Скорый» и 12-пушечный бот

«Битюг» стояли в Лимане у Кинбурнской косы. Со стороны Очакова к ним подошли 10 гребных канонерских лодок и бомбардирский корабль. В 3 часа пополудни турки внезапно открыли огонь из пушек и мортир. Перестрелка длилась до 6 часов (то есть 3 часа). Фрегат сделал 587 выстрелов. Затем фрегат и бот обрубали якорные канаты и под парусами начали уходить. Когда русские корабли проходили около Очакова, то турецкие батареи открыли огонь, но безуспешно. К ночи фрегат и бот дошли до Глубокой Пристани (базе нашего флота). На «Скором» было убито 3 матроса и один ранен. При ремонте из корпуса фрегата были извлечены 26-фунтовые и 30-фунтовые турецкие ядра.

Турецкое командование считало, что без захвата Кинбурна невозможно продвижение к Глубокой Пристани и Херсону. Крепость находилась напротив турецкой крепости Очаков на длинной косе, в двух верстах от ее начала. Берег Днепра от Кинбурна до Херсона был защищен пятью редутами, двумя ретраншементами и крепостью у Глубокой Пристани.

В Кинбурнской крепости имелось 19 медных и 300 чугунных орудий. Однако огневая мощь крепости была невысока, так как орудия были распределены по всему периметру крепостных укреплений. Калибр большинства орудий был мал, значительная часть их была неисправна.

12 сентября одиннадцать канонерских шлюпок и бомбардирский корабль отделились от турецкого флота, стоящего под Очаковом, и, подойдя к Кинбурнской косе, открыли огонь по береговым укреплениям, в результате чего было повреждено несколько строений, убито пять и ранено десять человек.

Ответным огнем крепостной артиллерии несколько турецких судов получили повреждения, и противник был вынужден отойти.

15 сентября 38 неприятельских судов приблизились к Кинбурну со стороны Очакова и начали обстрел крепости. Два русских фрегата и четыре галеры под командованием капитана 2-го ранга Оболянинова стояли недалеко в Лимане и спокойно наблюдали за баталией. Тогда капитан галеры «Десна» Джулиано Ломбард (уроженец Мальты) по собственной инициативе атаковал противника. Турки приняли галеру Ломбарда за брандер и поспешно стали отходить к Очакову.

Турецкие нападения 12 и 15 сентября были разведкой боем, а захват Кинбурна был намечен турками на 1 октября. К этому времени у Очакова находилось три 60-пушечных корабля, четыре 34-пушечных фрегата, четыре бомбардирских судна, четырнадцать канонерских лодок, вооруженных одной-двумя пушками, и двадцать три транспортных судна. Всего на кораблях турок имелось около 400 орудий.

Суворов в районе Кинбурна имел 4 тысячи человек при 28 полковых и 10 полевых орудиях, не считая крепостной артиллерии Кинбурна.

Сражение у крепости Кинбурн.

Рано утром 1 октября турецкая эскадра под прикрытием артиллерийского огня начала высадку двух десантов. Основной десант численностью 5300 человек был высажен на оконечности косы в двух верстах от крепости Кинбурн, а вспомогательный — в глубине Лимана у деревни Биенка в 15–20 верстах от Кинбурна. Суворов приказал не мешать высадке турок у Кинбурга: «Пусть все вылезут». А сам пошел к обеду в гарнизонную церковь. Турки спокойно высадились на косе и принялись рыть окопы. К середине дня коса шириной в среднем 100–120 метров была поперек перекопана пятнадцатью траншеями. Турецкая же эскадра выстроилась в линию вдоль всей косы.

К трем часам пополудни турки подошли к крепости на дистанцию менее версты. В этот момент Суворов вывел из крепости 1500 солдат Орловского и Шлиссельбургского полков. В ходе непродолжительного боя турки были выбиты из десяти траншей. Однако фланговый огонь турецких кораблей нанес тяжелые потери русским. Сам Суворов был ранен картечью. Русские были вынуждены отступить к крепости.

В этот момент турецкие суда были атакованы галерой «Десна», единственным русским судном, бывшим в районе Кинбурна. Артиллерийским огнем «Десны» и крепостных орудий было потоплено два турецких гребных судна.

Суворов получил подкрепление и, несмотря на рану, вновь повел солдат в атаку. Казаки в конном строю двинулись вдоль косы по мелководью Черного моря и ударили в тыл туркам. Тем не менее турки упорно сопротивлялись, понимая, что отступить им некуда. Под Суворовым была убита одна и ранена другая лошадь, но он оставался в гуще боя. Русские полковые пушки почти в упор били врага картечью. В реляции Суворова особенно отмечалось действие полковой артиллерии Шлиссельбургского полка под командованием капитана Михаила Борисова — «турок картечами нещётно перестреляно». «Ротмистр Шуханов с легкоконными вел свои атаки по кучам неприятельских трупов...» К ночи турки были окончательно разбиты. Около 600 человек из них удалось снять гребным судам и переправить в Очаков. Еще несколько сот спрятались ночью в камышах на оконечности косы — с ними утром покончили казаки.

В сражении на косе русские потеряли убитыми двух офицеров и 136 нижних чинов, ранены 17 офицеров и 300 нижних чинов.

Среди убитых янычар были найдены два переодетых француза. По этому случаю Екатерина написала Потемкину: «Буде из французов попадет кто в полон, то прошу отправить к Кашкину в Сибирь в северную, дабы у них отбить охоту ездить учить и наставить турков».

Решительность действий Суворова резко контрастировала с пассивностью адмирала Мордвинова, командовавшего Лиманской флотилией. По огневой мощи его флотилия была того же порядка, что и турецкая Очаковская эскадра. Но адмирал отчаянно трусил, несмотря на многочисленные понукания Потемкина. В конце концов Мордвинов решился в ночь с 3 на 4 октября атаковать турок... одной плавбатареей и двумя галерами. В итоге утром 4 октября плавбатарея № 2 под командой капитана 2-го ранга Веревкина оказалась окруженной турецкой эскадрой. Плавбатарея храбро отбивалась от неприятеля, но тут ее подвела собственная артиллерия. На левом борту одна за другой разорвались две пушки, убив и ранив около 30 человек прислуги. Позже Веревкин с горечью напишет о качестве своих орудий: «Что же принадлежит до артиллерии, то я удивляюсь, коим образом она принята с заводов, и кажется, что она без пробы принята, в рассуждении, что при разрыве пушки оказался чугун как с грязью дресва; что же принадлежит до единорогов, которыми я оборонялся... только стволы короткие, так что при

каждом выстреле единорог опрокидывался через задние колеса...»

Тем не менее плавбатарея прошла вдоль линии турецких кораблей и вышла из Лимана в Черное море. Два турецких фрегата и четыре галеры устремились в погоню за тихоходной и неповоротливой плавбатареей. После нового боя плавбатарея была вынуждена выброситься на берег, где была захвачена турецкой конницей.

5 октября Мордвинов атаковал турецкую эскадру уже восемью судами. После артиллерийской дуэли, не принесшей потерь ни одной стороне, турецкая эскадра отошла от Очакова. Судя по всему, турки испугались атаки фрегатов и ушли в Черное море верст на 15 от входа в Лиман. В середине же октября турецкая эскадра ушла зимовать в Константинополь. На этом кампания 1787 г. в Лимане была закончена.

Осенью 1787 г. татарско-турецкие отряды перешли Кубань, но были разбиты генералом Теккели.

Оценивая кампанию 1787 г., можно без преувеличения сказать, что обе стороны вели боевые действия равно бестолково, и как не вспомнить фразу Фридриха II о драке кривых со слепыми. Единственным светлым пятном стала победа Суворова у Кинбурна. Но, увы, это был лишь тактический успех.

31 августа 1787 г. Севастопольская эскадра под командованием контр-адмирала Марка Войновича вышла в море. Войнович был категорически против похода, но вынужден был подчиниться безапелляционному приказу Потемкина: «Где завидите флот турецкий, атакуйте его во что бы то ни стало, хотя бы всем нам пропасть!»

Эскадра направилась к Варне, где, по имевшимся сведениям, находилась турецкая эскадра. 9 сентября у мыса Калиакрия эскадру встретил жестокий шторм, длившийся пять суток. Русские корабли были весьма плохо построены. Так, через несколько часов после начала шторма флагманский корабль «Слава Екатерины» потерял все три мачты и бушприт. Детали набора корпуса выходили из своих гнезд, из раздавшихся пазов обшивки бортов и настила палуб выпадала конопатка, и вода потоками лилась внутрь. Вода в трюме поднялась на три метра и, несмотря на пущенные в ход все помпы, ведра, ушаты, не убывала. Он непрерывного продольного и поперечного движения элементов набора внутри корпусов ломались и разваливались легкие переборки кают и кубриков. Обломки дерева, сорвавшиеся с креплений предметы судового оборудования, бочки с провизией носились от борта к борту, круша все вокруг и травмируя людей. Хаос, царивший внутри корабля, усугубляла темнота, лишь кое-где нарушаемая неверным светом сальных свечей.

На корабле было поставлено «фальшивое вооружение» (парусное), и он едва дошел 21 сентября до Севастополя.

Корабль «Святой Павел», которым командовал Ф.Ф. Ушаков, потерял грот-мачту и бизань-мачту, и его штормом пронесло через все море от Болгарии до Абхазии. Благодаря энергичным действиям Ушакова корабль удалось спасти. Вода была откачена из трюмов. 21 сентября «Св. Павел» вошел в Севастополь с одной фок-мачтой.

Фрегат «Крым» (до 1783 г. «Десятый»), построенный еще в 1779 г., пропал без вести со всем экипажем.

Но больше всех не повезло 66-пушечному кораблю «Мария Магдалина». На нем были сломаны все мачты, бушприт и поврежден руль. Корабль занесло к входу в Босфор. По другой версии, командир корабля капитан 1-го ранга Бенжамин Тиздель пытался зайти в Варну и бросить там якорь, чтобы спасти людей, но этого сделать не удалось. Тогда он решил выбросить корабль на берег, но пленный турецкий матрос сообщил, что берег в этом месте очень крут и каменист, и спастись никому не удастся. Пленному турку удалось уговорить командира уйти от этого места и войти в течение константинопольского канала. Когда же на рассвете все увидели маяк в его устье, то с гневом набросились на пленного матроса с вопросом: «Куда ты нас привел?» Но было уже поздно. Вскоре корабль был окружен турецкими судами. Тиздель попытался взорвать «Марию Магдалину», но этому воспротивилась команда. На «Магдалине» сдалось 396 человек.

Турки взяли «Марию Магдалину» на буксир и провели по Босфору, вызвав ликование у мусульманского населения Стамбула. «Магдалина» была переименована в «Худа Верды», что означает «Данный Богом». Французскому корабельному мастеру Лероа приказано было в течение месяца отремонтировать и ввести в строй корабль.

Узнав о буре, разрушившей Севастопольскую эскадру, Потемкин буквально впал в истерику. «Я стал несчастлив, — писал он Екатерине, — флот Севастопольский разбит... корабли и фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки!» Потемкин предлагал сдать Крым туркам, самому уйти в монастырь, а командование армией передать Румянцеву. Екатерина пристыдила фаворита: «Что это значит? Без сомнения, у тебя явилась эта мысль сгоряча, когда ты думал, что весь флот погиб. Но что же станется с остальной частью флота после эвакуации? И как начинать войну после эвакуации?.. Лучше было бы атаковать Очаков или Бендеры, обратив таким образом оборону в наступление — что ты сам признал более подходящим для нас. Притом же не на одних нас дул ветер, я думаю. Не робейте! Мужайтесь!..»

Но на всякий случай императрица повелела переименовать флагманский корабль «Слава Екатерины» в «Преображение Господне». Не дай бог, сдаст Войнович его туркам, и вся Европа надорвется от хохота.

Глава 10

ГРОМ ПОБЕДЫ

В январе 1788 г. Австрия объявила войну Турции. Однако большая часть австрийской армии была разбросана по огромной дуге от Днестра до Адриатики с целью защиты границ империи. Активные действия против турок должна была предпринять лишь армия принца Саксен-Кобурга. Ее ближайшей целью было взятие крепости Хотин. Таким образом, вступление Австрии в войну практически не сказалось на ситуации в Лимане, да и вообще на Черном море.

23 апреля 1788 г. из Босфора вышла турецкая эскадра под командованием Эски-Гассана. Она состояла из двенадцати кораблей, тринадцати фрегатов, двух бомбардирских кораблей, двух галер, десяти бомбардирских и канонерских шлюпок и шести брандеров. На кораблях находилось более 20 тысяч человек, из которых турок было меньше трети. Одних греков было не менее четырех тысяч. Присутствовало и несколько сотен англичан, как офицеров, так и матросов (канониров). Но, отойдя от берега на 60 миль, турецкий флот попал в шторм и вернулся обратно.

Лишь 20 мая турецкий флот пришел к Очакову. Из Кинбурна к Глубокой Пристани с донесением о появлении вражеского флота было послано небольшое гребное судно — дубель-шлюпка № 2 под командованием капитана 2-го ранга Сакена. 30 турецких гребных судов перехватили дубель-шлюпку. Четыре турецкие галеры попытались взять ее на abordаж. Но капитан Сакен предпочел смерть сдаче и взорвал свое судно.

К этому времени Лиманская флотилия была усилена в судовом, а главное, в кадровом составе. Трусоватый граф Мордвинов был отправлен в адмиралтейство в Херсон. Непосредственное же начальство над флотилией поручено было двум замечательным иностранцам: принцу Нассау-Зигену и шотландцу Полю Джонсу, принятым в русскую службу с чинами контр-адмиралов.

В Лимане Поль Джонс командует корабельной (то есть парусной) эскадрой из 14 парусных судов (2 корабля, 4 фрегата и 8 мелких судов, а Нассау-Зиген — гребной флотилией, состоявшей из 51 вымпела (7 галер, 7 дубель-шлюпок, 7 плавбатарей, 22 военных лодок, 7 палубных ботов и одного брандера).

Кроме того, в составе Черноморского флота было около 20 крейсерских судов. Большинство русских и советских историков предпочитало не расшифровывать тип этих судов, да и читателям все было ясно — парусные крейсера. На самом деле это были каперские суда.

Между 1774 и 1778 г. в Северном Причерноморье осели десятки тысяч греков. Многие из них стали судовладельцами. Греки хорошо помнили об огромной добыче, захваченной греческими каперами в Архипелаге в ходе прошедшей, войны. Да многие из них и сами грабили турецкие суда. Сразу же после начала войны с Турцией к Потемкину стали обращаться греческие шкиперы, предлагая свои услуги в качестве корсаров. Если в странах Европы владелец корабля просил каперское свидетельство, то он тем самым брал на себя обязательство вооружить корабль и набрать экипаж за свой счет. На Черном море это было невозможно — греки были не очень богаты, и, кроме того, в России частные лица не имели право владеть пушками. 28 октября

1787 г. Потемкин разрешил контр-адмиралу Мордвинову выдавать каперские патенты, а также пушки и припасы на корсарские суда. Первым корсаром, нанявшим матросов в Таганроге и вооружившим яхту «Пчела», был капитан Спиро Рицардопуло, служивший в следующем году в эскадре Поля Джонса. Патент ему был выдан Мордвиновым 2 октября 1787 г.

Уже через несколько дней каперы принялись за дело. В ночь с 10 на 11 октября 1787 г. капитаны Спиро Рицардопуло и Ламбро Качиони на лодках подкрались к Очакову и захватили турецкое торговое судно.

К 21 октября 1787 г. корсарских судов было уже двадцать одно, причем, как это следует из документов того времени, они не только получали от регулярного флота вооружение и припасы, но и жалованье.

После 1788 г. шестнадцать крейсерских судов были официально зачислены в состав русского флота, а их капитанам были присвоены офицерские чины. Крейсерские суда обычно имели на вооружении 10–16 пушек малого калибра. Например, «Панагия ди Дуцено» имела 10–4-фунтовых пушек и 4–3-фунтовых фальконета; «Полоцк» имел 14–6-фунтовых пушек; «Принцесса Елена» — 14 пушек; «Принц Александр» — 14 пушек и т. д. Тем не менее столь слабо вооруженные суда успешно действовали по всему Черному морю.

1 мая 1788 г. три корсарских корабля (командиры Галани Батиста, Дмитрий Куц и Дмитрий Кундури) в 15 верстах против Килийского гирла Дуная атаковали два купеческих корабля. На помощь купцам пришли две турецкие галеры. В ходе боя туркам удалось отбить один приз, но второй корсары увели в Севастополь. Одновременно пять крейсерских судов

действовало у берегов Анталии, но турки уже боялись выходить в море, и корсары захватили только одно судно.

Крейсерские суда занимались не только перехватом, но и участвовали в боевых операциях регулярных сил. Летом 1788 г. в парусной эскадре Поля Джонса состояли крейсерские суда «Св. Анна», «Пчела», «Богоматерь Турлени», «Маилет», «Князь Потемкин Таврический» (так Ламбро Качиони назвал свой приз, льстя главнокомандующему).

Теперь вернемся к турецкой эскадре, которая с 20 мая по 6 июня 1788 г. стала в бездействии у Очакова.

Утром 7 июня корабли Поля Джонса и гребные суда Нассау-Зигена атаковали турецкую эскадру. В ходе боя русской артиллерией были уничтожены три турецких судна. Турки отступили, но преследовать их русские не стали. Как писал Нассау-Заген Потемкину: «...к несчастью, ветер был противный и наши корабли не могли ее атаковать, и мы вынуждены были возвратиться, занять свое положение возле парусной эскадры». Автору сдается, что принц лукавит. Почему это его гребные суда, которые он в письме именует кораблями, не могли идти против ветра на веслах, да еще по течению? Но светлейший князь проглотил пилюлю. Все-таки три гребных турецких посудины потопили, и то, как говорится, «хоть шерсти клок». Потери русских в этом бою составили всего 4 убитых и 13 раненых.

16 июня в час пополудни турецкая эскадра решила атаковать корабли русских. Вскоре флагманский 64-пушечный корабль сел на мель. Турецкие корабли окружили его. День прошел в перестрелке на больших дистанциях, как обычно, безвредной для обеих сторон. Тем временем баталия началась между двумя знаменитыми адмиралами. Принц Нассау-Зиген хотел атаковать всеми силами севший на мель флагман, а Поль Джонс отказывался принять в этом участие, справедливо полагая, что его корабли тоже могут сесть на мель. Сия баталия продолжалась несколько часов и кончилась лишь, когда туркам удалось снять с мели капудан-пашу.

Рано утром 17 июня к флотилии Нассау-Зигена присоединились 22 канонерские лодки с 18-фунтовыми пушками, пришедшие из Кременчуга. Вскоре русские парусные и гребные суда атаковали турецкую эскадру. Турецкому флагману фатально не везло — он опять сел на мель. Но на сей раз он был подожжен брандкугелем и сгорел. Между прочим, пират Поль Джонс приказал спустить шлюпки и организовать спасение турок на горящем корабле, за что позже подвергся насмешкам «благороднейшего» принца.

Сражение продолжалось четыре с половиной часа, после чего часть

турецких судов отошла к стенам Очакова, а большая часть двинулась к морю. При отходе турки попали под ураганный огонь батарей с Кинбурнской косы.

Всего русскими было уничтожено три 64-пушечных корабля, два 40-пушечных и три 32-пушечных фрегата, одна 30-пушечная шебека и одна 14-пушечная бригантина. Один 64-пушечный турецкий корабль был взят в плен. Вскоре его отремонтировали в Херсоне. 22 октября 1788 г. он был введен в строй под названием «Леонтий Мученик».

В ходе двухдневного сражения было убито и утонуло около 6 тысяч турок, 1673 турка взято в плен. Наши потери: убитых 2 офицера и 16 нижних чинов, раненых 10 офицеров и 57 нижних чинов.

После сражения двенадцать турецких судов оказались под защитой орудий Очакова. 1 июля флотилия Нассау-Зигена подошла к Очакову и, несмотря на сильный огонь крепостной артиллерии, атаковала турецкие суда. Одиннадцать из них было сожжено или утоплено, а большая 50-весельная галера «Макропля» была взята в плен. На ней нашли одну 36-фунтовую и четыре 12-фунтовых пушки. По приказу Потемкина она была переделана в Херсоне в 36-пушечный фрегат «Св. Марк». На ней установили два 1-пудовых единорога, двадцать две 12-фунтовые пушки и двенадцать 6- и 8-фунтовых пушек.

18 июня из Севастополя вышла эскадра контр-адмирала М.И. Войновича. В ее составе было два 66-пушечных корабля, десять больших фрегатов (50-пушечный «Св. Георгий Победоносец», 40–44-пушечные «Берислав», «Стрела», «Кинбурн», «Фанагория», «Таганрог», «Легкий», «Перун», «Победа» и «Скорый») и двадцать четыре малых судна, из которых семнадцать было крейсерских. Войнович нес свой флаг на корабле «Преображение Господне», а авангардом командовал бригадир Федор Федорович Ушаков на корабле «Св. Павел».

Войнович имел категоричный приказ Потемкина отвлечь турецкий флот от Очакова и навязать ему генеральную баталию.

Вечером 29 июня эскадра Войновича у острова Тендра встретила турецкой эскадрой. У турок было семнадцать кораблей, восемь фрегатов, три бомбардирских корабля и двадцать одна шебека.

Несмотря на свое подавляющее превосходство в силах, капудан-паша проявлял нерешительность. Войнович тоже опасался боя, и в то же время не смел уклониться от него, чтобы не навлечь на себя гнев Потемкина. В результате такой нерешительности противники, обнаружившие друг друга еще 29 июня, в течение трех дней ограничивались маневрированием с целью выигрыша ветра.

Граф Войнович изрядно трусил. В 1770 г. он поступил на русскую службу и, командуя полакрой «Ауза», храбро грабил турецких купцов в Архипелаге. В 1780 г. Войнович был назначен командующим Каспийской флотилией, но персы быстро сбили с него спесь. На Черном же море его нерешительность бесила Потемкина.

На рассвете 3 июля оба флота подошли к устью Дуная и встали в виду острова Фидониси. Ветер дул с севера. Неприятель находился на ветре.

В 6 часов утра контр-адмирал Войнович построил свой флот левым галсом к неприятелю. В 2 часа пополудни Гассан-паша, выстроив свои корабли в две плотные колонны, начал сближаться с русским флотом.

Подойдя к каждому из своих кораблей и отдав словесные приказы, капудан-паша направил главные силы на концевые корабли Севастопольской эскадры. Можно было ожидать, что русский арьергард будет сильно потрепан до того, как корабли центра и авангарда успеют прийти к нему на помощь. Чтобы сорвать замыслы противника, Ушаков решает осуществить охват вражеской эскадры силами своего авангарда (корабль «Св. Павел», фрегаты «Берислав», «Стрела» и «Кинбурн»). Увлекая за кораблями своего авангарда другие русские корабли, Ушаков рассчитывал обойти противника и «бить его с ветру», либо по крайней мере отвлечь часть турецких сил от русского арьергарда и облегчить таким образом его положение. В отчете о бое он писал, что капудан-паша отказался от сосредоточенной атаки по арьергарду и «пошел порядочно растягивать свою линию против всего нашего флота». Осуществляя такой маневр охвата, флагманский корабль Ушакова «Св. Павел» и шедшие перед ним два фрегата довольно сильно оторвались от остальных кораблей («ибо бывший за мною фрегат тяжел в ходу», — писал Ушаков). В результате авангард, оказавшийся значительно ближе к туркам, чем кордебаталия и арьергард, выдержал на своих плечах главную тяжесть боя. Капудан-паша направил против «Св. Павла» три корабля (в том числе один 80-пушечный), а с тремя другими «бросился с чрезвычайной скоростью... атаковать передовые мои фрегаты», как писал Ушаков о начале решающего этапа этого боя. Чтобы не дать возможности капудану-паше обойти или абординировать фрегаты и чтобы отрезать от турецкого флагмана его передовые корабли, Ушаков приказал поставить на «Св. Павле» все паруса и пошел на сближение с противником.

Ушакова не смущало, что при этом он все больше отрывается от следовавших за ним кораблей, нарушая правила линейной тактики. «Намерение мое пошло удачно», — писал Ушаков. Передовые турецкие корабли, чтобы не оказаться отрезанными, «с великой торопливостью и без

разрешения командующего стали уходить на ветер». За ними устремился и корабль капудана-паши, преследуемый огнем «Св. Павла» и фрегатов.

Итак, после трехчасового боя турецкая эскадра Эски-Гассана ушла в Варну. Часть ее кораблей и судов была изрядно повреждена, а, по неподтвержденным данным, одна шебека затонула. Обе стороны объявили о своей победе. Фактически же это была перестрелка с ничейным результатом. В рапорте Войновичу Ушаков потратил много слов, говоря о повреждениях турецких кораблей, и даже «потопил» один турецкий корабль. Что же касается флагманского корабля капудана-паши, то «„Св. Павел“ сделал отменную и весьма действительную помощь помянутым фрегатам сбить с немалым повреждением капудан-пашинский корабль». Затем «Берислав» и «Стрела» «долгое время имели весьма храброе и неустрашимое сражение с капудан-пашинским кораблем, который, как уже означено, с помощью корабля „Святой Павел“ сбит с своего места с немалым повреждением. Фрегат „Кинбурн“ также имел действительное и храброе сражение с проходящими от середины линии мимо его кораблями, и как в поданном от командующего оным фрегатом капитана 2 ранга Кумани рапорте значит бросанием от него брандкугеля проходящий мимо него вице-адмиральский корабль двоекратно загорелся, но, видно, вскорости потушен». Таким образом, столько били бедного флагмана, что он своим ходом до Варны дошел. Несколько проясняет ситуацию конец рапорта Ушакова, где говорится о потерях русского авангарда. «Святой Павел» — ранено 4 человека; «Берислав» — ранен 1 человек; «Стрела» — ни убитых, ни раненых нет; «Кинбурн» — ранен 1 человек. Итого за три часа столь жаркого боя ни одного убитого и 6 раненых нижних чинов. Повреждения судов авангарда также невелики. Самое большое повреждение получил «Берислав»: «...в корпусе фрегата отменно большим каменным ядром (100-фунтовым. — А.Ш.) пробило против форштевня борт и весьма разбита первая в носу под палубою бимса и духовая у крьюйт-камеры труба».

Отмечая преувеличения в рапорте Ушакова Войновичу, следует отдать должное и маневрам бригадира, который впервые у Фидониси отошел от канонов линейной тактики Госта.

«Разбитая при Фидонисии» эскадра Эски-Гассана 29 июля 1788 г. объявилась у Очакова в числе пятнадцати кораблей, десяти фрегатов и сорока пяти гребных судов. Лиманская флотилия не рискнула остановить турок.

4 ноября Эски-Гассан ушел зимовать в теплые края. Перспектива вмерзать в лед у Очакова ему явно не импонировала. Кстати, часть русских

кораблей рискнула остаться у Очакова зимой 1788/89 г., что привело к печальным последствиям — 42-пушечный фрегат «Херсон» (с 1788 г. — «Василий Великий») был раздавлен льдами и погиб, а 40-пушечный фрегат «Скорый» (с 1788 г. — «Федот Мученик») 20 марта 1789 г. в ледоход был унесен льдами и сильно поврежден.

Пока мы говорили только о боевых действиях в Лимане и на Черном море. А что же делали основные сухопутные силы — Екатеринославская и Украинская армии? Да попросту бездействовали целый год! Потемкин побоялся начинать осаду Очакова осенью 1787 г. и зимой 1787/88 г., что привело к бездействию Екатеринославской армии. Что же касается Украинской армии, то Потемкин умышленно не давал ей начинать боевые действия. Фаворит явно предпочел бы разгром Украинской армии блестящей победе Румянцева над турками.

Как уже говорилось, между войнами турки под руководством французских инженеров капитально перестроили Очаковскую крепость. С началом войны со стороны суши были возведены многочисленные земляные укрепления полевого типа. Очаковский гарнизон был доведен до 20 тысяч человек. На валах и крепостной стене было установлено около 300 крепостных пушек, а в ретраншементе — до 30 полевых орудий.

К середине мая 1788 г. 50 тысяч человек из Екатеринославской армии, предназначенные для осады Очакова, были сосредоточены у Ольвиополя (сейчас город Первомайск). 25 мая войска переправились через реку Буг и медленно продвигались к Очакову, пройдя расстояние 200 км за 33 дня.

Суворов предложил взять Очаков штурмом в тесном взаимодействии с Лиманской флотилией. Однако Потемкин медлил с принятием решения, затем окончательно принял план ведения «формальной осады», по всем правилам построенной атаки методом параллелей и артиллерийского обстрела. Основная идея плана заключалась в том, чтобы сначала устроить отдельные батареи обложения в виде редутов с целью обеспечить фланги осадной армии. Затем овладеть садами, передвинуть вперед батареи, соединить их траншеей и начать методический артиллерийский обстрел крепости, вынудив ее сдаться.

12 июля началось строительство осадных батарей у Очакова.

27 июня небольшой турецкий отряд пошел на вылазку. Генерал-аншеф Суворов лично повел в атаку два гренадерских батальона, построив их в каре. Атака была успешной, турки побежали. Русские захватили несколько земляных укреплений перед крепостью. Суворов на плечах отступающих ворваться в крепость. Но Потемкин не только не послал к Суворову подкреплений, но трижды приказывал ему отступить. Между тем силы

турок росли.

Наблюдавший издали за боем Потемкин был в ярости. Принц де Линь предлагал немедленно штурмовать оставшиеся почти без защиты укрепления. Австрийский принц явно видел, как большинство значков турецких отрядов уже переместилось к своему правому флангу и обнажило левый. Фельдмаршал был непреклонен. Бледный, плачущий Потемкин шептал: «Суворов хочет все себе заgrabить!»

Тяжело раненый Суворов был вынужден сдать командование генерал-поручику Бибкову, который приказал трубить отбой. В ходе этого боя русские потеряли 154 человека убитыми и 211 ранеными.

Потемкин сделал Суворову жестокий выговор: «Солдаты не так дешевы, чтобы ими жертвовать по пустякам. Ни за что погублено столько драгоценного народа, что Очаков того не стоит...» Суворов отвечал: «Невинность не требует оправдания. Всякий имеет свою систему, и я по службе имею свою. Мне не переродиться, да и поздно!»

За глаза же Суворов не стесняясь острил перед генералами: «Я на камушке сижу, на Очаков я гляжу». Естественно, доброжелатели немедленно доводили эти остроты до светлейшего. Не менее язвительно высказывался и Румянцев: «Очаков — не Троя, чтоб его десять лет осаждать». Фраза Румянцева охотно цитировалась как в Царском Селе, так и в ставке Потемкина.

Принц Нассау-Зиген писал в Петербург французскому послу Сегюру: «Очаков можно было взять в апреле... но все упущено». Письмо это, как, впрочем, и другие письма особ такого ранга, было перлюстрировано в Петербурге в «черном кабинете». Копия письма была представлена Екатерине, которая начертала на ней: «Это правда».

Потемкин оправдывал бездействие боязнью больших потерь при штурме и наличием турецкого флота в Лимане. И то и другое было ложью. Светлейший не мог не знать, что санитарные потери Миниха были во много раз больше боевых, он не мог не видеть сотни больных в лагере осаждающих, большинство из которых было обречено на смерть. Что же касается турецкого флота, то его артиллерия не могла воспрепятствовать даже атаке Очакова со стороны Лимана, — вспомним Кинбурн. А при атаке Очакова с суши она вообще была бесполезной. Мало того, турки прекрасно знали, что при удачном штурме в городе начнется резня, и шансы сдать у простых солдат и населения невелики. Поэтому, когда у берега стоит эскадра, то при первом же появлении противника на стенах крепости у осажденных возникает мысль бежать. А когда спасения нет, и храбрый, и трус будет драться на смерть до последнего.

Началась «формальная осада». Войска отрывали параллели и закладывали батареи. Так, 14 августа на левом фланге в полутора километрах от ретраншемента была заложена батарея на 20 орудий, а 15 августа — на 10 орудий. В течение августа было оборудовано 14 батарей. Артиллерийские батареи все ближе подводились к крепости и из них вели огонь по ретраншементу и крепости. Например, 18 августа, отражая вылазку противника и ведя огонь по крепости, артиллерия выпустила 1870 ядер, 865 бомб, 77 гранат, 71 картечь и 76 зажигательных снарядов. В донесении Потемкин писал, что «турки, не взирая на выгоду места, везде бежать принуждены... Между тем от жестокого действия батарей город во многих местах зажжен и пожар продолжался до самого утра...»

В течение сентября было оборудовано и вооружено еще 10 батарей, а всего с августа по ноябрь было оборудовано и вооружено 30 артиллерийских батарей, на которых было размещено 317 орудий полевой и осадной артиллерии.

Сила огня русских батарей постоянно росла. Так, только 9 октября по крепости было выпущено 2867 ядер, 1444 бомбы, 115 гранат, 71 зажигательный снаряд, 38 картечей.

Однако крепость не сдавалась. Упорная оборона, многочисленные вылазки гарнизона наносили большие потери русской армии, а заявления Потемкина «не хочу брать штурмом Очаков» и незачем «терять даром людей» оказались несостоятельными, так как осада дала совершенно противоположный результат.

В ночь на 11 ноября две тысячи турок сделали вылазку на брешь-батарею левого крыла. В ходе вылазки погиб генерал-майор С.П. Максимов, три офицера и несколько десятков солдат. Утром нашли 70 турецких трупов, но это мало утешило светлейшего — было ясно, что противник и не думает о сдаче.

Штурм Очакова 6 декабря 1788 г.

Теперь Потемкин был вынужден согласиться на штурм. Зимовать под стенами Очакова — это потерять большую часть осадного корпуса от холода и болезней. Потемкин писал Екатерине: «...не осталось иного средства по взятию города кроме генерального приступа».

Все приготовления были закончены в ночь с 5 на 6 декабря. В 7 часов утра 6 декабря при 23-градусном морозе войска пошли на штурм Очакова. Генерал-майор Пален захватил турецкие земляные укрепления между Очаковым и замком Гассан-паши. Затем он послал полковника Ф. Мекноба к замку Гассан-паши, а полковника Платова — вдоль окопа. Войска Платова стремительно ударили в штыки и копья и заняли окоп. Мекноб

ворвался в замок, около трехсот остававшихся там турок были вынуждены сложить оружие.

Данные о потерях турок существенно расходятся в разных источниках. Во всяком случае, в плен было взято около четырех тысяч турок. Надо полагать, остальная часть гарнизона и большая часть населения города были вырезаны при штурме.

Трофеями русских стали 310 орудий и 180 знамен. Потери русских убитыми и ранеными, по одним данным — 147 офицеров и 2720 нижних чинов, по другим — более 4800 человек.

Хотя крепость была взята в целом согласно намеченному плану, штурм велся крайне безграмотно, что и привело к большим потерям. В частности, мало использовалась полковая артиллерия, которая могла сопровождать наступающих колесами и в нужный момент поддерживать их огнем, что особенно было важно в бою между земляными укреплениями и крепостной стеной. Мало того, Потемкин додумался приказать 300 артиллеристам майора К.И. Меллера бросить орудия и лезть на стены, подобно пехотинцам.

Очаков настолько был ненавистен Потемкину, что тот велел разрушить город и крепость до основания. В виде исключения был оставлен замок Гассан-паши. Уничтожение Очакова Потемкин объяснил императрице как «истребление предмета раздора, который при заключении мира мог бы произвести вредное замедление в переговорах». Естественно, это была пустая отговорка. К 1789 г. уже обнаружилась слабость Турции, и понятно, что об оставлении Турции района Очакова и речи не могло идти. После разрушения Очакова защита входа в Лиман осуществлялась крепостью Кинбурн, и лишь в войну 1877–1878 гг. в Очакове были построены береговые батареи.

В заключение упомяну о передвижениях Украинской армии Румянцева. В июле 1788 г. Украинская армия у Хотина, Могилева и Кислицы перешла Днестр. Корпус Салтыкова был оставлен под Хотинем, а главные силы двинулись через Бельцы к Яссам. Румянцев все время стремился к тому, чтобы сковать турецкие силы и не допустить их удара во фланг и тыл Екатеринославской армии, действовавшей под Очаковом. Летом 1788 г. поступили сведения о появлении у Ясс турецких войск численностью в 40–60 тысяч и о сосредоточении 100-тысячной армии противника у Измаила. Но это была дезинформация турок, их силы там были в 2–3 раза меньше. И Украинская армия двинулась в наступление к низовьям реки Прут.

Турецкие войска сделали попытку прорваться через Яссы для

деблокады Хотина, но были отбиты. После этого они в августе 1788 г. сосредоточились у Рябой Могилы. Румянцев принял решение маневром заставить турецкие войска принять бой. В октябре Украинская армия перешла в наступление у Рябой Могилы. Но турки, не приняв боя, как и предполагал Румянцев, отошли к Фокшанам. Таким образом, русские войска очистили значительную часть Молдавии от войск противника. Отход турецких войск к югу привел также к капитуляции крепости Хотин. В ноябре Украинская армия расположилась между Днестром и Серетом, имея главную квартиру в Яссах.

Итак, обе русские армии расположились на зимних квартирах — кампания 1788 г. закончилась.

Кампания 1789 г. началась, как говорится, с кадровых перемен. 7 апреля 1789 г. в Стамбуле почил султан Абдул Гамид I, а на престол вступил его племянник — Селим III. Новый султан обнародовал фирман, в котором пообещал, что «он или лишится своего трона, или отомстит России за Очаков». В подтверждение своих слов Селим III приказал существенно усилить Черноморскую эскадру и армию на Дунае.

Фельдмаршал Потемкин с конца декабря 1788 г. до конца апреля 1789 г. находился в Петербурге. Потемкину удалось добиться от Екатерины отстранения Румянцева от командования Украинской армией и слияния обеих армий в одну. Командование объединенной армией, естественно, отдавалось Потемкину. В апреле 1789 г. Румянцев получил императорский рескрипт, где говорилось об объединении армий. Самому же фельдмаршалу приписывалось прибыть в Петербург для «употребления к служению в другом месте». Румянцев демонстративно отказался ехать в Петербург ко двору императрицы, а уехал в свое имение под Киевом, где и пробыл до смерти Потемкина.

Суворов залечивал очаковскую рану на Украине и в начале 1789 г. приехал в Петербург формально на свидание с дочерью, учившейся в Смольном институте. Там Суворов не преминул заявить на приеме императрице: «Матушка, — с жалобным видом заявил он, — я прописной!» «Как это?» — спросила императрица. «Меня нигде не поместили с прочими генералами и ни одного капральства не дали в команду».

25 апреля Суворов получил высочайшее повеление ехать в Молдавию в Украинскую армию.

Получив под свое начало объединенную армию, Потемкин первым делом... разделил ее на две части. Первая часть состояла под непосредственным командованием Потемкина, а вторая часть (бывшая

Украинская армия) — под командованием князя Н.В. Репнина.

Потемкин разработал на 1789 г. план, по которому войска первой части должны были овладеть Бессарабией и затем, «чтобы привлечь их (турок) к одной точке, положено сделать оказательство к Бендерам или сблизиться к Дунаю при Измаиле, важнейшей опоры турков в сей части Дуная».

Войска второй части предназначались для содействия главным силам и для связи с австрийской армией.

Таврический корпус Каховского был сосредоточен в Крыму, а 4-я дивизия Ферзена оставалась для охраны Херсон-Кинбурнского района.

Австрийцы наметили на 1789 год свой план. Их усилия теперь были сосредоточены на Сербии и Кроатии. Для взаимодействия с русскими войсками в Молдавии они выделили корпус (18 тысяч человек) под командованием принца Кобургского. Со своей стороны, Потемкин возложил аналогичную задачу на 3-ю дивизию Суворова.

3-я дивизия состояла из пяти пехотных и восьми кавалерийских полков (всего около 10 тысяч человек) с 24 орудиями полевой артиллерии, которые обслуживались двумя ротами бомбардиров. Дивизия дислоцировалась в местечке Бырлад, между реками Прут и Серет.

Турецкое командование решило уделить главное внимание обороне Бессарабии и Молдавии. Верховный визирь Юзуф-паша принял на 1789 г. следующий план действий: сосредоточить в районе нижнего течения Дуная 150-тысячную армию, нанести отвлекающий удар вспомогательной 30-тысячной армией от Измаила, а главными силами совершить обходной маневр, разобщить войска союзников и затем разбить основные силы русских войск. Против австрийских войск в Сербии была выставлена отдельная армия. Визирь полагал, что удар по войскам принца Кобургского и разобщение связи между союзниками может вывести Австрию из войны.

В середине июля принц Кобургский получил сведения о плане турок. Он немедленно послал Суворову письмо, в котором сообщал, что у него нет возможности своими силами противостоять вражескому наступлению и поддерживать связь с левым крылом русской армии. Принц просил Суворова оказать ему помощь, «дабы неприятеля, столь накопившегося, опровергнуть в дерзком его намерении и устоять в своих пунктах...»

Суворов решил идти на соединение с войсками принца Кобургского. 16 июля в 6 часов вечера дивизия Суворова выступила из Бырлад, оставив на месте четыре батальона мушкетеров и три эскадрона карабинеров.

Всего в поход двинулось около семи тысяч человек и шестнадцать полевых орудий. За 26 часов войска Суворова прошли 40 верст и расположились рядом с лагерем австрийцев. Принц Кобургский поверил

такому быстрому прибытию русских войск, лишь когда увидел их собственными глазами в Аджуде. Наутро он прибыл в лагерь Суворова для выработки совместного плана боевых действий. Однако генерал-аншеф приказал ответить принцу: «Суворов пьян». В середине дня принцу Кобургскому отказали во встрече, поскольку генерал-аншеф молится. Вечерний ответ совпал с утренним: «Суворов опять напился и лег спать».

Зато в полночь принц получил от Суворова письмо, которое по существу являлось приказом: «Войска достаточно отдохнули и мы завтра в 3 часа утра выступим двумя колоннами: австрийцы в правой, русские в левой пойдем прямо на неприятеля, не задерживаясь долго разыскиванием в кустах по сторонам, для того чтоб успеть вовремя подойти к р. Путне, рано перейти через нее и атаковать неприятеля. Говорят, что неверных только 50 000, а другие — и того менее, — жаль что они не все вместе, разом бы их разбили».

Обстановка не позволяла вести переписку или переговоры, и принцу пришлось подчиниться и выполнить план Суворова.

19 июля в 3 часа семь тысяч русских и восемнадцать тысяч австрийских войск выступили двумя колоннами, при этом в качестве авангарда левой (русской) колонны шел австрийский отряд полковника Кара-чая для того, чтобы скрыть от противника наличие здесь русских войск. Уничтожив небольшое турецкое прикрытие на реке Путна, войска форсировали ее и утром 20 июля двинулись к Фокшанам.

Турки оборонялись в трех укрепленных лагерях: первый располагался перед рекой Путна; второй — за рекой; третий — у Фокшан. Обнаружив движение русско-австрийских войск, построенных в боевой порядок, турки предприняли против них многочисленные атаки небольшими конными отрядами, удары которых успешно отражала легкая конница.

Турки бежали, и к ночи все союзные войска были сосредоточены на левом берегу реки Путна, а на правый берег был переправлен небольшой отряд для занятия второго, оставленного турками, лагеря.

Артиллерийская поддержка обеспечила закрепление отряда на правом берегу и в значительной мере способствовала устройству моста через реку, и к рассвету 21 июля русские были уже на правом берегу Путны. Вскоре за ними переправились и австрийские войска.

В ходе девятичасового сражения союзники продвинулись на расстояние до 15 верст. Потери турок составили более 1500 человек. Было захвачено 12 пушек (по другим источникам — 10). Русские потеряли убитыми 15 человек, ранеными 69, в числе которых был начальник артиллерии подполковник Воейков. Потери австрийцев убитыми и

ранеными составили 200 человек.

После сражения Суворов с дивизией возвратился в Бырлад. На ходу Суворов написал письмо князю Репнину, где постарался убедить его воспользоваться плодами фокшанской победы и двинуться против армии великого визиря, стоявшей на Нижнем Дунае между Исаки и Измаилом.

Князь терпеть не мог Суворова и за глаза называл его «натуралистом» и баловнем счастья. Узнав о фокшанской виктории, он поторопился послать поздравление принцу Кобургскому, всецело приписывая ему честь победы, чем вызвал справедливое неудовольствие Потемкина. «Разве так было? — корил Репнина светлейший. — А иначе не нужно их так подымать, и без того они довольно горды».

За фокшанскую победу Суворов был награжден бриллиантовым крестом и звездой к ордену Андрея Первозванного, который получил за Кинбурн. А император Иосиф прислал ему богатую табакерку, украшенную алмазами. Принцу Кобургскому австрийский император пожаловал орден Марии-Терезии. Но результат победоносного боя оказался незначительным. Успех не был развит, и турки скоро оправились от поражения.

Потемкин продолжал медленно двигаться со своим войском от Ольвиополя к Днестру. Он получил ложные сведения, что великий визирь идет на Молдавию, и повелел Репнину начать наступательные действия.

20 августа 30-тысячный корпус Репнина нанес поражение на реке Сальче отряду сераскира Гассана-паши, который ушел в Измаил. Ранним утром 22 августа Репнин подошел к Измаилу. Внезапно из крепости вылетела турецкая конница, однако казачья лава опрокинула турок и загнала обратно.

Репнин приказал разместить всю полковую артиллерию (58 орудий) на семи батареях, расположенных на позициях в 200–250 саженях (430–530 м) от крепости. Несмотря на сильный ответный огонь турок, нашим батареям удалось зажечь предместье, и через три часа пожар охватил город. К вечеру 22 августа удалось пробить брешь в стене, и русские войска ожидали приказа идти на штурм. Но в последний момент по непонятным причинам Репнин не только отказался от штурма, но и вообще снял осаду Измаила. В реляции Потемкину Репнин оправдывался, что «штурмующая крепость, баз знатной потери успеха уповать не можно».

Действия Гассана-паши у Измаила были отвлекающими. И они достигли цели. Пока Репнин вояжировал к Измаилу и обратно, великий визирь со 100-тысячной армией решил нанести главный удар в стык между австрийскими и русскими войсками, разбить войска принца Кобургского и Суворова, а затем двинуться через Фальчи — Кишинев против главных сил

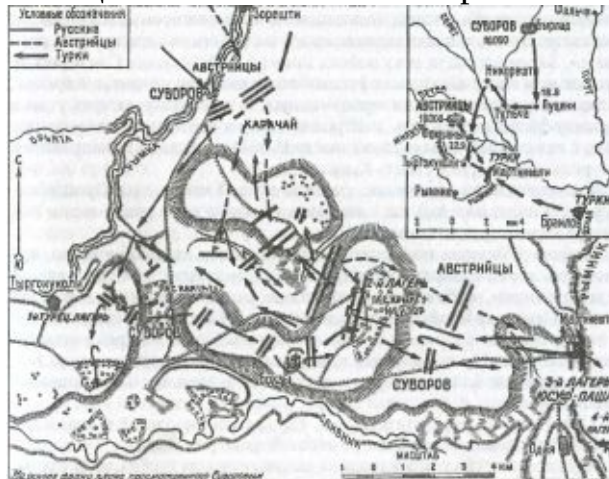
русской армии, которые в это время сосредоточились к Днестру и начали движение на Каушаны в обход Бендер.

В это время австрийские войска принца Кобургского находились у Фокшан. Оттуда принц прислал Суворову сообщение о начавшейся переправе турок у Браилова и просил оказать ему помощь. В ночь на 8 сентября Суворов выступил через Текучи к Фокшанам, где австрийцы должны были навести понтонный мост через реку Серет. Но этот мост был наведен не в указанном месте, а выше Фокшан на 14 км. Русские войска должны были сделать еще 28–30 верст в обход для соединения с корпусом Кобургского. Дивизия Суворова преодолела расстояние в 70 км, форсировав две реки, за два дня. Утром 10 сентября дивизия Суворова соединилась у Фокшан с корпусом принца Кобургского. Австрийский корпус состоял из 18 тысяч человек при 73 орудиях. Дивизия Суворова состояла из 7042 человек при 20 полевых орудиях. Таким образом, союзная армия имела 25 тысяч человек при 103 полевых и полковых орудиях.

Турецкая армия, сосредоточенная на высотах между реками Рым-ник и Рымна, насчитывала, по данным австрийцев, 100 тысяч человек. Принц Кобургский, видя столь большое численное превосходство противника, предлагал выждать. Суворов требовал немедленно наступать. Он справедливо считал, что если турки в данный момент еще не наступают, значит, они не готовы. Верховный визирь действительно ожидал подхода резервов, но главное, что его беспокоило, это полученные сведения о появлении русских войск Репнина у нижнего течения Дуная. Ожидая более подробных сведений о действиях русских в целях выяснения их намерения, визирь задерживал наступление. Суворов предъявил принцу Кобургскому ультиматум: если принц откажется, он будет атаковать турок только силами своей дивизии. Тогда принц Кобургский вынужден был согласиться с предложением Суворова атаковать немедленно.

Для уточнения установки и разработки конкретного плана сражения Суворов провел рекогносцировку у Рымны. Полученные данные дали полное представление об обстановке. Турки стояли несколькими лагерями на возвышенности между реками Рымник и Рымна. Первый небольшой лагерь находился у деревни Тырго-Кукули, второй — у леса Крынгу-Мейлор и деревни Бокза, третий — у деревни Мартинешти на реке Рымник, четвертый — у деревни Одоя за рекой Рымник. На реке Рымник у деревни Мартинешти у турок был наведен мост. В инженерном отношении позиция была подготовлена слабо. Окопы турки отрыли только на главной позиции: у леса Крынгу-Мейлор (неполного профиля) и у деревни Бокза (полного). Такое расположение было удобным для снабжения войск

провиантом и фуражом. Оно также свидетельствовало, что визирь не ожидал нападения противника. Он знал, что австрийцы на это не пойдут, а русские войска, по его сведениям, были далеко. Но в случае нападения союзных войск эта позиция все же позволяла организовать оборону.

Сражение при Рымнике 11 сентября 1789 г.

Места для переправы через реку Рымну были найдены у деревни Черешти и севернее Тирго-Кукули у села Богач. На основе полученных данных Суворов разработал диспозицию. По плану Суворова, войска союзников должны были разделиться на две колонны, переправиться через Рымну, а затем начать наступление. Дивизия Суворова должна была нанести удар по лагерю у Тирго-Кукули, а корпус австрийцев — по главному лагерю у Крынгу-Мейлора. Дивизия Суворова должна была присоединиться к австрийцам после поражения турок у Тирго-Кукули и дальше уже действовать сообща. Суворов писал: «Начинать малым лагерем, потом на большой... Построясь орденом баталии, вмиг перешед Рымну, идти храбро, атаковать при Тирго-Кукули, или всех встречающихся варваров лагеря. Один за другим... Поспешность, терпение, строй, храбрость, сильная дальняя погоня».

В ночь на 11 сентября войска союзников, переправившиеся через реку Милков, начали наступление.

Обе колонны подошли к реке Рымна у деревни Черешти и сосредоточились на месте переправы у леса Богач. Переправу через Рымну начали в тот же день, 11 сентября. Войска Суворова «крутизну берегов Рымны исправили поспешно шанцовым инструментом; шли вброд на две части: пехота вправо, кавалерия влево. Кончили переправу на рассвете». Затем перешли реку войска принца Кобургского. Связь между русскими и австрийскими войсками поддерживала конница Карачая. Пока австрийские войска продвигались к турецкому лагерю у леса Крынгу-Мейлор, Суворов,

построив пехоту в две линии батальонных каре с кавалерией позади, тоже построенной в две линии, направился к турецкому лагерю у Тырго-Кукули.

Русские войска начали наступление около 6 часов утра. Пройдя кукурузное поле, они вышли к глубокому оврагу, находившемуся в полутора километрах от лагеря турок.

Войска Суворова подошли к деревне Бокза, подавили огонь артиллерии и овладели окопами турок. Они оказались на одной линии с австрийцами, отбивавшими яростные атаки турецкой кавалерии. Теперь Суворову необходимо было совершить маневр — соединиться с австрийскими войсками и совместными усилиями опрокинуть турецкие войска. Проведя «марш параллельной вдоль черты принца Кобурга», русские войска вышли к лесу Крынгу-Мейлор и соединились с австрийцами.

Перед атакой турецкого лагеря, где находилось до 15 тысяч янычар, войска союзников перестроились. Кавалерия вошла в интервалы между каре, а артиллерия начала сильный огонь по турецким орудиям. Суворов решил силами конницы произвести атаку недостроенного турецкого ретраншемента. Когда «сия пространная страшная линия, мещущая непрерывно с ее крыл из кареев крестные смертоносные перуны, приближившись к их пунктам сажень до 400, пустилась быстро в атаку», из интервалов вырвалась вперед конница, преодолев окопы, стала рубить турецкую пехоту. Вслед за ней ворвалась пехота союзников и штыковой атакой опрокинула турок. Поражение войск противника было довершено действиями егерей, которые стали прочесывать Крынгу-Мейлорский лес. Турки в беспорядке бежали к переправе у Мартинешта.

Визирь пытался организовать оборону этой переправы, но не смог остановить бегущие, охваченные паникой войска. Бегущие турки загромождали мост, конница пустилась вплавь. Переправа затруднялась тем, что после прошедших ливней в Рымнике сильно поднялся уровень воды. «Великий визирь с передовыми переехал мост на правый берег и его поднял. Турецкая конница от трепета бросилась вплавь и тысячами тонула. Оставшая на левом берегу конница и пехота рассеялись во все стороны без остатку», — писал Суворов. Турки бросили лагерь визиря у деревни Одоя и бежали к Браилову и Руццуку. У реки Бузео их догнала русская конница и нанесла новое поражение. Турки потеряли 5 тысяч убитыми на поле боя и 2 тысячи во время преследования. Около 3 тысяч турок утонуло при переправе через реки Рымник и Бузео. У Браилова и Мачина оказалось только 15 тысяч турок, которых направили в Шумлу. Остальные войска рассеялись. Победителями были захвачены трофеи: 100 знамен, 80 орудий с

ящиками и аммуничными фурами, а также много разного военного имущества. Русские потеряли 46 человек убитыми и 133 ранеными. Австрийцы потеряли несколько больше.

Последствия рымнинской победы не замедлили сказаться на последующем ходе кампании. Армия Потемкина подошла к Бендерам, но теперь, в отличие от кампании 1770 г., крепость капитулировала еще до начала осадных работ. Русским сдалось в плен 16 тысяч турок при 300 орудиях.

14 сентября без боя была взята небольшая турецкая крепость Аджибей, на месте которой через несколько лет будет основана Одесса. 30 сентября 1789 г. авангард армии Потемкина под командованием полковника Пистова взял без боя крепость Аккерман. В крепости на валах стояло 52 пушки, и еще 37 пушек было захвачено на малых судах, находившихся у крепости. По условиям капитуляции, турецкий гарнизон был выпущен в Измаил. Кроме того, армия Потемкина заняла Кишинев, Каушаны и Паланку.

Страх и ужас, наведенные Суворовым на турок, позволили австрийскому фельдмаршалу Лаудону изгнать турок из Банната и в конце сентября овладеть Белградом. Принц Кобургский занял Валахию и вступил в Бухарест.

Увы, и русский, и австрийский фельдмаршалы действовали на Уровне Шуры Балаганова, который, имея в кармане 30 тысяч, полез за чужим кошельком. Все эти территориальные приобретения не стоили очень многого, зато Россия лишилась возможности выиграть войну в кампанию 1789 г. Кстати, тот же Аккерман пришлось вернуть туркам по Ясскому миру В 1811 г. Кутузов скажет по аналогичному поводу: «... легко города брать, трудно кампанию выиграть». А Суворов в 1789 г. мог легко выиграть кампанию, если бы ему дали командование хотя бы над одной русской армией. После победы у Рымника у турок не было крупных боеспособных частей не то что до Дуная, а до самого Стамбула. У «генерала-метеора» могло быть только две остановки: в месте турецкой капитуляции или у Мраморного моря. На пути к победе Родины встало самолюбие Потемкина и осторожность Екатерины, неохотно шедшей на большие кадровые перемены. Нас со школьной скамьи учили оценивать исторические личности по схеме: плохой — хороший. Это было и при царях, и при коммунистах, и при демократах. Личность Потемкина не укладывается в прокрустово ложе примитивных схем. Он был гениальным государственным деятелем, организатором, строителем, дипломатом, но никудышным полководцем. Говоря о чрезмерном самолюбии Потемкина и

его ревности к чужой славе, не стоит забывать и об избытке честолюбия и сварливости Суворова. Чего стоит тот факт, что после отставки Румянцева Суворов посылал одинаковые рапорты как командующему армией Потемкину, так и в имение Вишенки Румянцеву, как будто тот по-прежнему командовал армией. А ведь Румянцев в свое время терпеть не мог Суворова, а последний писал кляузы Потемкину на Румянцева. Сейчас же генерал-аншеф забыл все обиды и строчил рапорты в пику Потемкину.

Личные амбиции двух военачальников, плюс осторожность и недальновидность императрицы лишили Россию блистательной победы в войне.

Глава 11

ФЛИБУСТЬЕРЫ БЕЛОГО^[31] И ЧЕРНОГО МОРЯ

Начнем с того, что активных боевых действий Черноморский флот в кампанию 1789 г. не вел. Тем не менее война шла как на Черном море, так и в Восточном Средиземноморье, а вели ее корсары. Корсаров современники называли каперами, в официальных русских документах — «крейсерскими судами», а турки и многие европейцы — пиратами. Последнее название недалеко от истины. Корсары под русским флагом не очень отличались, к примеру, от пиратов Карибского моря. При этом считаю, что России стыдиться корсаров нечего. Все морские державы использовали корсаров (пиратов) в своих целях столетиями. Причем пальму первенства в столь деликатном деле держали англичане. Английские короли и королевы не стеснялись вводить самых кровавых пиратов в палату лордов. Предки многих современных аристократических фамилий Великобритании сделали свое состояние на пиратстве. Так что сейчас нам надо стыдиться не Екатерины Великой и ее каперов, а наших придурков политиков и адмиралов, не организовавших флотилии каперов в ходе Крымской войны, войны 1877–1878 гг. и Русско-японской войны 1904–1905 гг. Всевозможные же конвенции о запрещении пиратства и т. п. писались англичанами и американцами лишь для того, чтобы выбить мощное оружие из рук противника. Что творили сами основоположники демократии, можно прочесть в книге американского адмирала Локвуда «Топи их всех». Именно такой приказ был отдан в декабре 1941 г. американским летчикам и подводникам. И они топили суда всех национальностей, включая торговые, пассажирские, госпитальные, рыболовецкие, на всей акватории Тихого океана. Часто американцы развлекались, бросая глубинные бомбы в барахтающихся в море людей с потопленных судов. В итоге было потоплено несколько сотен нейтральных судов, включая несколько десятков советских.

В начале войны в 1787 г. на Черном море десятки греческих судовладельцев стали корсарами. В официальных документах русского Адмиралтейства корсарские суда стыдливо называли крейсерскими судами. Первое время ими командовали исключительно греки, но с сентября 1788 г.

в их экспедициях принимают участие и русские офицеры. Первым был генеральс-адъютант штаба Потемкина, будущий знаменитый флотоводец Д.Н. Сенявин. 16 сентября он вышел из Севастополя, командуя отрядом из четырех корсарских кораблей. Три недели отряд крейсировал в районе Синоп — Керасу.

19 сентября у Синопа отряд Сенявина встретил пять турецких судов. Сенявин устремился за самым крупным, но судно имело хороший ход и легко уходило от погони. Его перехватили корабли капитана Ганале и прапорщика Марингопуло, взявши турка в два огня. Турки отчаянно сопротивлялись, они отразили две попытки абордажа. Отстреливаясь, они стали отходить к Синопу, но наскочили на риф. Корсары набросились на добычу, но тут открыли огонь пушки с береговой батареи. Корсарам пришлось отойти, оставив приз на камнях. Но из других кораблей один был захвачен прапорщиком Скандараки, остальные бежали под покровом наступившей темноты.

Затем отряд Сенявина двинулся на восток к порту Вонне, где стояли восемь военных транспортов. 20 сентября, на пути к Вонне, корсары захватили судно со смолой и пенькой. Приз сожгли, а его команде удалось бежать на шлюпках на берег. На следующий день заметили четыре мелексы^[32], послали к ним баркасы, удалось захватить два судна. Груз оказался копеечным — пенька да сушеные фрукты. Мелексы вместе с грузом сожгли. 22 сентября отряд Сенявина на подходе к Вонне сжег еще одну мелексу, в это время с берега открыла огонь турецкая пушка. Ее быстро сбили, высадились на берег и уничтожили «магазин» (склад). При этом «много турок побито картечами», но военных транспортов в порту не оказалось. Это был первый случай русского десанта в глубине турецкой территории после казачьих походов.

Отряд Сенявина двинулся вдоль берега на восток. На пути лежал порт Геренсида (нынешний Гиресун), его прикрывал с берега небольшой островок, а за ним на якорях стояли четыре турецких парусника. Корсары вошли в гавань и бросили якоря. С наступлением темноты, в 11 часов вечера, корсары спустили баркасы и подошли к берегу. Но турки их заметили и открыли сильный ружейный и артиллерийский огонь (в порту оказалась трехорудийная батарея). Высадить десант не удалось, и баркасы вынуждены были вернуться к кораблям. Утром корабли подняли паруса и двинулись к батарее. Стали на якоря, завели шпринты^[33] и открыли огонь. Батарею вскоре уничтожили. Тогда снова спустили баркасы и отправились к турецким судам, стоявшим на мелководье. Одно судно было удачно

абордировано, на три других abordаж не удался, экипажам удалось отбиться. Тогда корсары обстреляли эти суда из пушек и потопили. Корсары перегрузили с захваченного судна провиант и 300 пудов пороха (около 5 тонн) на свои корабли, турецкое же судно сожгли. Русские в этом сражении понесли потери — 9 человек убитыми и 13 человек ранеными. Генеральс-адъютант Сенявин поздравил отличившихся, в этом бою командиров четырех судов его отряда — капитана (армейского) Ганале, мичмана Аркулова и прапорщиков Марингопуло и Николая Вальяно.

Весь этот день и ночь отряд Сенявина провел у вражеского побережья, а 26 сентября вышел в море и взял курс на Севастополь. 29 сентября на рассвете отряд взял большое турецкое судно с ценным грузом — солью. Судно решили доставить в Севастополь, для чего послали на борт призовую партию в 12 человек. Но 3 октября во время сильного шторма турецкий корабль был сильно поврежден, и его пришлось затопить. Отряд Сенявина «привез довольно взятого богатства и шестого числа прибыл в Севастопольскую гавань благополучно». В начале октября Потемкин выдал ордер контр-адмиралу М.И. Войновичу, где был определен порядок вознаграждения корсаров: «Призы должны принадлежать тем, кто их взял, а то что есть годное, за то по регламенту буду платить».

В мае 1789 г. 24 крейсерских судна конвоировали караван русских торговых судов из Севастополя в Очаков. Соприкосновений с турками конвой не имел.

10 июня 1789 г. Потемкин писал Екатерине: «...крейсера наши плавают у Дуная и больше ста судов транспортных держат в реке. Столица турецкая от недостатка хлеба была бы в крайности, если бы французы не усердствовали им возить на своих судах... Турецкие транспорты не смеют казаться».

21 апреля 1789 г. корсары под командованием майора Чапано напали на Констанцу. Под прикрытием огня кораблей был высажен десант численностью в 622 человека. Прорвав оборону турок, корсары ворвались в город и подожгли его. Четыре с половиной часа греки грабили город, а затем возвратились на свои суда.

Между прочим, турки также использовали корсаров. По-видимому, экипажи их состояли из греков и разного сброда с Ближнего Востока. Так, в сентябре 1789 г. в Евпаторийский залив вошли и встали на якорь четыре турецких корабля и 13 крейсерских судов. Данных о результатах деятельности турецких корсаров найти не удалось. Да им особенно и нечем было поживиться в Северном Причерноморье. Торговые суда под русским флагом почти не ходили, а Севастополь, Керчь и Кинбурн были не по зубам

не только корсарам, но и турецкому флоту.

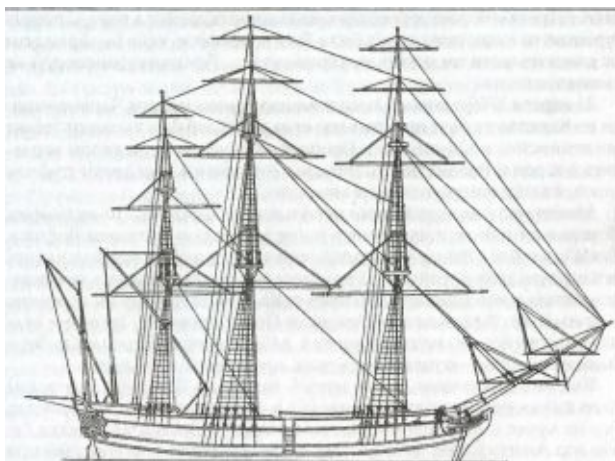
Как уже говорилось, из-за начала войны со Швецией Екатерина была вынуждена отказаться от посылки русской эскадры в Архипелаг. Тем не менее в Восточном Средиземноморье появляются десятки судов под Андреевским флагом. Это были греческие корсары. Чем для них было корсарство — борьбой за освобождение угнетенной турками Эллады или сверхприбыльным коммерческим предприятием? Скорее всего, и то и другое. Хотя я думаю, что коммерции было куда больше, чем патриотизма.

Уже известный нам пират Ламбро Качиони по каким-то причинам оставляет свой «крейсер» «Князь Потемкин Таврический». Надо полагать, призов на Черном море было маловато, да и груз копеечный — лес, пшеница.

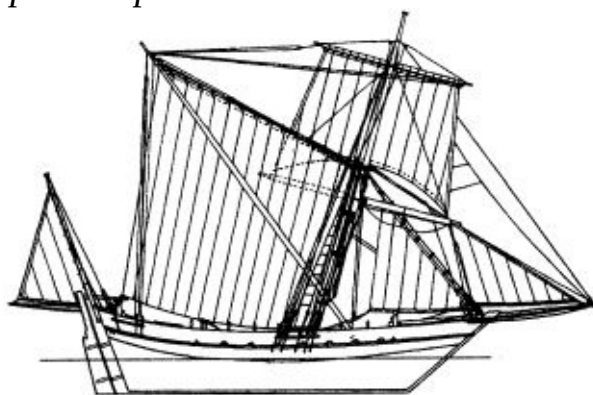
В 1788 г. майор русской службы Качиони на собственные средства снарядил в Триесте 28-пушечный фрегат «Миневра Севера» (названный так в честь русской императрицы) и пошел гулять по Адриатике и Эгейскому морю. Первые два захваченных крупных корабля Качиони назвал «Великий князь Константин» и «Великий князь Александр». Пират, а политес хорошо знал! Нет бы назвать корабль «Цесаревич Павел»! Позже к своей пиратской флотилии Качиони присоединил еще два захваченных судна.

В 1788 г. в Сиракузах на деньги русского правительства была создана еще одна каперская эскадра под командованием старого мальтийского пирата Лоренцо Гильгельмо, которому Екатерина присвоила чин капитана 2-го ранга.

В марте 1789 г. эскадры Качиони и Гильгельмо появились у входа в Дарданеллы. Корсарские суда наносили большой вред неприятелю. Нападая на суда, идущие в Константинополь, корсары сильно затрудняли доставку в столицу продовольствия и заставляли население чувствовать тяжесть войны. Корсары разоряли прибрежные селения, а один раз Ламбро Качиони взял даже маленькую крепость Кастель-Россо. Захватывая и истребляя купеческие суда, корсары при удобном случае решались вступать в бой даже с военными турецкими судами. Так, например, эскадра Гильгельмо, насчитывающая девять судов, между островами Зея и Сира вступила в бой с турецким отрядом, состоящим из трех кораблей, двух полугалер и пяти кирлангичей. В результате турки отступили.

Фрегат «Миневра Севера».

Соколова — любимая добыча средиземноморских корсаров.

Разоряя прибрежные селения, корсары заставляли турецкое правительство держать большие отряды сухопутных войск и военных судов для охраны своих берегов, тем самым отвлекая их от Дуная и Черного моря.

23 июня 1789 г. турецкая эскадра в районе острова Тино обнаружила флотилию Лоренцо Гильгельмо, шедшую ей навстречу. Флотилия состояла из трех фрегатов и нескольких малых судов. Имея попутный ветер, турецкие корабли двинулись на русскую флотилию. Передовым фрегатом — «Слава» командовал Гильгельмо, вторым фрегатом — «Парфетта Аллеанца» командовал капитан-поручик Георгий Войнович, третьим фрегатом — «Изобилие» командовал капитан-поручик Стефан Телефнеский. Малыми судами командовал лейтенант Самуил Шаплетт, который держался в стороне от главных сил. Наступивший штиль помешал начать сражение. Бой начался лишь на следующее Утро. После довольно длительной артиллерийской дуэли турки отошли. Ни одна сторона не имела потерь в судах, но моральная победа корсаров была неоспорима.

Аналогичное сражение произошло у острова Тино 25 июня. На сей Раз

флотилия Качиони атаковала турецкую эскадру. Бой длился четыре часа. Турки опять отошли без потерь в судах. У корсаров был один убитый и несколько человек раненых.

3 августа Качиони встретился с многократно превосходящими силами — алжирским флотом. После многочасового боя, потеряв два судна, Качиони был вынужден отойти. На острове Зея Качиони разорил турецкие укрепления. 29 августа Качиони укрылся на острове Цериго, где и оставался до конца 1789 г.

Чтобы не возвращаться к событиям в Архипелаге в следующей главе, упомянем о дальнейшей судьбе российских корсаров.

В марте 1790 г. эскадра Качиони прибыла в Левант (нынешняя Сирия). Качиони набрал команды из «вольных левантийцев» и албанцев. Теперь его эскадра состояла из девяти судов: флагманского фрегата «Миневра Севера» (28 пушек, 130 человек экипажа), фрегата «Ахиллес» (капитан Левтераски, 28 пушек), трех больших полакр («Лабелла Виенна», капитан Паскали, 26 пушек, 80 человек экипажа; «Виктория», капитан Димитрани Декатрия, 22 пушки, 80 человек экипажа; «Принчипе Паоло», капитан Каци Канакария, 22 пушки, 60 человек экипажа) и четырех кирлангичей (два 22-пушечных, один 14-пушечный и один 8-пушечный). Всего личный состав эскадры — около 600 человек.

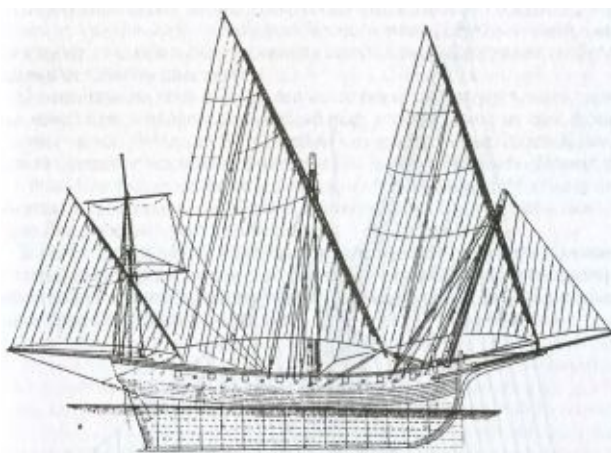
В середине апреля Качиони вновь занял остров Зея, который избрал местом базирования своей эскадры. Выбор острова не был случаен. Там имелась удобная гавань, у входа в которую Качиони построил два форта на месте разрушенных им же в августе 1789 г. укреплений.

Базируясь на Зее, Качиони было удобно перехватывать у Дарданелл суда, идущие в Константинополь. Качиони обложил данью несколько островов в Архипелаге. Формально это были налоги в «государеву казну»; понятно, что до Петербурга они не доходили.

Естественно, что подобная деятельность Качиони не могла не вызвать гнева султана, по велению которого против корсара была выслана эскадра.

1 мая местные греки сообщили Качиони, что неподалеку видели турецкую эскадру, состоящую из восьми судов. Не поверив грекам, Качиони 5 мая вывел свою флотилию в море и подошел к острову Андруцо для поиска неприятеля. Из-за штиля корабли Качиони смогли удалиться от острова всего лишь на 40 миль, где 6 мая они обнаружили турецкую эскадру, состоящую не из восьми, а из 19 судов, включая корабль под предводительством Мустафы-паши. Также в эскадру входили: четыре 40-пушечные каравеллы, десять 18–22-пушечных легких фрегатов, три кирлангича и одна большая чайка.

Бой 6 мая произошел по той же схеме, что и предыдущие сражения турок с корсарами. Турки обладали громадным перевесом в личном составе и артиллерии, но боялись корсаров, а те, в свою очередь, очень хотели, но не имели физической возможности побить неверных. В итоге артиллерийская дуэль велась до поздней ночи. До абордажа не дошло, потерь в судах не было, повреждения судов и потери в личном составе незначительные.

Шебека.

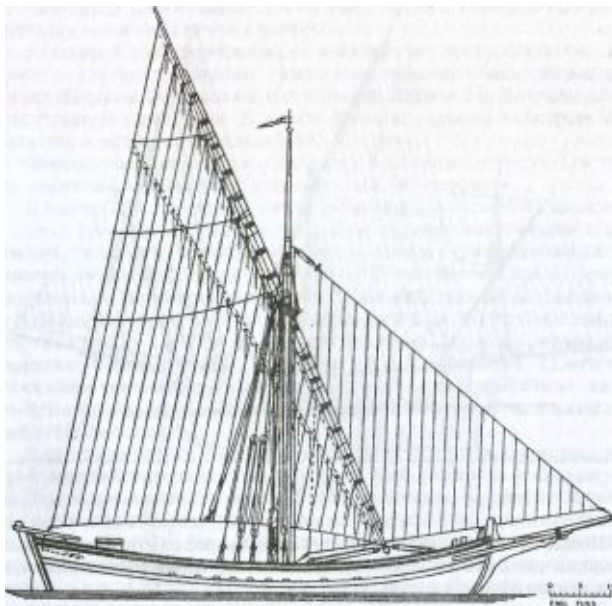
Ночью на военном совете несколько офицеров тщетно уговаривали Качиони уйти. Но тот посчитал турок «совершенно оробевшими», а оппонентов обвинил в трусости.

Рано утром 7 мая неприятельский флот находился под ветром и старался избежать сражения. Качиони начал преследование турецкой эскадры. К большому удивлению корсаров, на горизонте показалась алжирская эскадра Сеит-Али. В ее составе был один двухдечный корабль, три 30-пушечных фрегата, пять 18-пушечных шебек, одна большая 20-пушечная тартана и две тунисские 12-пушечные шебеки.

Алжирские суда, имея попутный ветер, быстро приближались, и вскоре их флагманский корабль с тремя самыми большими шебеками напал на «Миневру Севера». Две шебеки попытались взять «Миневру» на абордаж. Но высадить удалось всего 12 человек, которые вскоре были убиты. Отказавшись от абордажа, турецкие суда усилили артиллерийский огонь по флагману корсаров. В конце концов Качиони сел на лодку и попросту удрал с корабля. Команда фрегата держалась до наступления темноты. Ночью к «Миневре Севера» подошли греческие гребные суда. Экипаж был эвакуирован, а фрегат сожжен.

Полакры «Лабелла Виенна», «Виктория» и «Принчипе Паоло» были взяты алжирцами на абордаж, а их экипажи вырезаны.

Фрегат «Ахиллес» несколько часов вел бой с двумя фрегатами и тартаной. Алжирцы приготовились пойти на абордаж. Тогда капитан Левтераски пошел на хитрость. Он приказал поднять на шесте несколько бочонков. Турки решили, что там порох, а корсары хотят взорвать их при абордаже. Алжирские суда кинулись в разные стороны. Это позволило «Ахиллесу» дойти до острова Андро, где экипаж высадился на берег, а фрегат был затоплен.

Тартана

8-пушечный кирлангич капитана Стратти сдался в плен вместе с экипажем. Всего в бою 7 мая корсары потеряли 400 человек из 600.

После боя алжирская эскадра пришла к островам Зея и Андра, где соединилась с турецкой эскадрой, не участвовавшей в сражении. Однако 380 албанцев, оставленных там Качиони для охраны острова Зея, были ночью эвакуированы на другие острова. Турки по своему обыкновению устроили расправу над мирными жителями.

Качиони с тремя уцелевшими кирлангичами и одной полакрой, не участвовавшей в сражении, укрылся на острове Цериго.

Екатерина щедро наградила корсара. Качиони был произведен в подполковники, а затем — в полковники и награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Поражение Качиони не прекратило деятельности корсаров в Архипелаге. Ко времени заключения Ясского мира (1791) Качиони имел эскадру из 11 судов и базу в гавани Порто-Квальо, окруженную береговыми батареями корсаров.

С окончанием войны Качиони не оставил своего промысла, причем

имел неосторожность сжечь вблизи города Навплия два французских судна. Франция потребовала его наказать, на Порто-Квальо напала турецкая эскадра и французский фрегат «Модест». Несмотря на отчаянное сопротивление корсаров, их береговые батареи были подавлены, а суда захвачены. Однако Качиони и тут сумел удрать. Вскоре через Венецию он приехал в Россию.

В 1796 г. Павел решил навести порядок и «переименовал» Качиони из полковников в капитаны 1-го ранга. Затем он был назначен командиром вновь сформированного греческого батальона. В 1805 г. старый пират тихо скончался в Балаклаве.

Глава 12

КАМПАНИИ 1890 И 1791 ГОДОВ

14 марта 1790 г. орденом Потемкина Федор Федорович Ушаков был назначен командующим Черноморским флотом.

Войновича Потемкин отправил на Каспий, «как хорошо знающего тамошние места», видимо, намекая на его персидский плен.

Первым делом новый командующий решил заняться каперством. Видно, ему не давали покоя лавры Сенявина и Качиони. 16 мая 1790 г. из Севастополя к анатолийскому побережью^[34] вышла эскадра Ушакова в составе трех 50-пушечных кораблей (на самом деле это были 46-пушечные фрегаты, названные кораблями на страх басурманам и своим на утешение), четырех фрегатов и 12 крейсерских судов.

21 мая эскадра подошла к Синопу. Крейсерские суда были посланы к порту на разведку, где они захватили два купеческих судна. На рассвете следующего дня эскадра Ушакова вошла в Синопскую бухту, в глубине которой стояли на якоре два фрегата, шхуна, кирлангича, полугалеры, три лансона и чектырма. Ушаков не рискнул атаковать сии корабли, находившиеся под защитой береговых батарей. Вместо этого русские корабли и фрегаты два дня обстреливали город и вызвали тем сильные пожары. Крейсерские суда между тем обошли близлежащие районы, захватили восемь судов и потопили еще четыре. Почти все купцы были гружены пшеницей. Взято в плен 148 турок, освобождено 53 раба, в большинстве своем христиан.

24 мая эскадра Ушакова покинула Синопскую бухту и двинулась вдоль берега к порту Самсун, потопив по пути еще двух купцов.

На следующий день эскадра вошла в Самсун. Бухта была пуста. Постреляв немного по городу, эскадра удалилась.

Из Самсуна Ушаков двинулся к Анапе для взаимодействия с корпусом генерал-поручика Ю.Б. Бибикова, осаждавшим город.

10 февраля 1790 г. корпус Бибикова перешел по льду реку Кубань и двинулся к Анапе. В составе корпуса было 17 609 человек и 16 орудий. Провиант Бибиков взял только на две недели, понадеявшись закупить его у горцев. Вместо продажи провианта горцы начали партизанскую войну против Бибикова.

24 марта корпус подошел к крепости Анапа, гарнизон которой

составлял 15 тысяч человек. Тем не менее Бибилов приказал идти на штурм, не обеспечив войска даже штурмовыми лестницами. Турки отбили атаку с большими потерями для русских.

Русские войска оказались без провизии. В корпусе было много больных, с тыла на русских нападали горцы. В такой ситуации 15 апреля Бибилов решил возвратиться. 4 мая на плотках через разлившуюся Кубань переправилось лишь 5407 человек.

Ушаков ничего не знал о приключениях Бибилова. И только подойдя 29 мая близко к берегу, увидел, что русских у крепости нет.

На рейде Анапы стояли турецкие корабль, фрегат, два гребных судна и пять купцов. Турецкие корабли отошли ближе к крепости. Ушаков опять не решился атаковать корабли противника в зоне действия крепостных орудий. При царе, при коммунистах и сейчас, при демократах, не прекращаются славословия в адрес Ушакова. Так, демократический историк В. Овчинников пишет: «Произведя по ним несколько залпов, контр-адмирал Ушаков прекратил огонь. Невозможность ближе подойти к неприятелю и отсутствие бомбардирских судов и брандеров в составе российской эскадры не позволили ей добиться желаемой цели — уничтожить неприятельские суда на анапском рейде. Первого июня Ушаков отошел от Анапы и 5 июня благополучно прибыл в Севастополь»^[35]. Оказывается, уничтожить вражеские корабли 50-пушечным фрегатом нельзя. Нужны бомбардирские корабли, а что касается брандеров, то, видимо, автор не представляет, что это такое. За пару часов в брандеры можно было обратить взятые в плен купеческие суда, или даже собственные «крейсерские» суда. А в принципе, в них и нужды не было.

В аналогичной ситуации Нельсон в Абукире и Копенгагене, Нахимов в Синопе и другие решительные флотоводцы действовали одинаково — входили на рейд, расстреливали эскадру противника, а затем занимались береговыми батареями. А Федор Федорович был, безусловно, талантливый адмирал, но, мягко выражаясь, чрезмерно осторожный.

В конце мая турецкая эскадра появилась у Ялты, но вскоре ушла. 24 июня Ушаков получил приказ Потемкина выйти с Севастопольской эскадрой в море, найти турок и дать им решительную баталию.

2 июля эскадра Ушакова вышла из Севастополя и направилась к Керченскому проливу ловить турок. А турки тем временем курсировали между Феодосией и Анапой.

7 июля эскадра Ушакова встала на якорь у Керченского пролива. В ее составе был 80-пушечный корабль «Рождество Христово»; четыре 66-пушечных корабля — «Преображение Господне», «Св. Павел», «Св.

Владимир» и «Мария Магдалина» (новая); три 50-пушечных фрегата — «Св. Георгий Победоносец», «Апостол Андрей» и «Александр Невский»; восемь 40–46-пушечных фрегатов и семнадцать малых кораблей, из которых тринадцать было «крейсерских».

8 июля в 8 часов 30 минут утра была замечена турецкая эскадра, шедшая со стороны Анапы. В эскадре капудана-паши Гуссейна насчитывалось 10 кораблей, 8 фрегатов и 36 малых судов.

При виде турок Ушаков немедленно снялся с якоря и выстроил корабли в линейном порядке, причем ему пришлось поставить в линию и фрегаты, чтобы турки не смогли охватить ее с флангов. Малые суда русских выстроились в три кильватерные колонны за линией кораблей и фрегатов.

Гуссейн выслал вперед бомбардирские суда, которые открыли огонь с дальней дистанции. Под прикрытием бомбардирских судов начала выстраиваться турецкая эскадра — на ветер от нашей и параллельно ей. Эти маневры заняли несколько часов, и только в полдень турки стали спускаться на нашу эскадру, чтобы сблизиться с ней на пушечный выстрел. Их фрегаты составляли резерв в виде второй наветренной линии, а еще больше на ветре держались мелкие суда.

Турки вступили в бой по общепринятому образцу, спускаясь всей линией на всю линию русского флота. Но, как это имело место всегда при таком способе нападения, они подвергались продолжительному обстрелу (здесь оказались кстати в русской линии и фрегаты), и арьергард их отстал. Ушаков немедленно воспользовался этим, вывел из линии шесть наиболее слабых фрегатов и послал их для подкрепления авангарда, где шел самый горячий бой и где турки делали попытки обойти нашу линию. Остальные корабли и фрегаты сомкнулись. Таким образом, турецкий авангард и часть центра оказались под сосредоточенным огнем всей русской эскадры. Около 3 часов дня ветер изменился и позволил русским кораблям подойти еще ближе, что было им сравнительно выгодно вследствие меньшего калибра артиллерии на фрегатах. Турецкая линия окончательно смешалась: одни корабли поворачивали оверштаг, другие — через фордевинд, и последние дефилировали совсем близко от русской линии, идя с ней противоположным курсом. В этой свалке очень пострадал корабль капудана-паши, а три турецких корабля (из них один вице-адмиральский) из-за повреждения рангоута свалились вообще за нашу линию. Сбитый вице-адмиральский флаг упал в воду и был подобран шлюпками с одного из русских кораблей. Одно из малых турецких судов, сопровождавшее корабль капудана-паши, было потоплено. Так как турки теперь всей своей массой уходили под ветер и наш авангард оставался без противника, то

Ушаков повернул на правый галс и дал сигнал всем окружающим кораблям вступить ему в кильватер, не соблюдая порядка номеров, а авангарду — повернуть всем вдруг оверштаг и пристроиться в хвост линии. Это дало возможность быстро устроить линию баталии на новом галсе, а движения флагманского корабля, ставшего головным, показывали примером, чего адмирал хочет от других кораблей. Но турки уже не хотели вступать в бой. В 5 часов вечера Гуссейн подал пример, спустившись на фордевинд, а за ним побежал врассыпную и весь турецкий флот. Ушаков тоже приказал спуститься и бросился в погоню, но здесь сказалось плохое качество кораблей наспех созданного Черноморского флота. И обводы их были хуже турецких, которые к тому же были все обшиты медью, тогда как у нас не было ни одного такого корабля, и парусность меньше (из-за меньшей осадки русских кораблей, которые приходилось пока строить на речных верфях). Турки легко уходили от Ушакова и в исходе 8-го часа скрылись в темноте, а ночью они, вероятно, повернули, так что к утру 9 июля на горизонте не было видно ни одного паруса.

Для исправления повреждений Ушаков встал на якорь сначала в Феодосии, а затем направился в Севастополь.

Наши потери составляли убитыми 2 офицера и 27 нижних чинов и ранеными 4 офицера и 64 нижних чина.

Турки не имели потерь в судовом составе, что же касается личного состава, то тут никаких данных нет, но они существенно превосходили потери русских.

Это было первое сражение, где Ушаков командовал всей русской эскадрой. И тут он отошел от ряда рутинных приемов морского боя. Он не побоялся в начале боя расчлнить свой строй, когда это потребовалось для сосредоточения сил в главном месте боя — в авангарде. Он также не задумался и прорезать турецкую линию, когда это позволила перемена ветра, и встал во главе флота, разрешая своим кораблям не соблюдать порядка номеров в то время, когда считалось незыблемым правилом — начальнику или находиться в середине кардебаталии (центра), или наблюдать за боем и управлять им со стороны, имея свой фланг на фронте. Перемешивать же и разбивать свой строй считалось в то время преступлением. Наконец, он в заключительный период боя (5 часов вечера) сделал попытку сосредоточить силы против неприятельского арьергарда, что явилось, вопреки рутине, естественным преимуществом занявшего наветренное положение.

Князь Потемкин не преминул разрекламировать керченское сражение перед императрицей: «...бой был жесток и для нас славен тем паче, что и

жарко, и порядочно контр-адмирал Ушаков атаковал неприятеля вдвое себя сильнее, у которого были учителя (иностранные инструкторы. — А.Ш.). Как и прежде доносил: разбил сильно и гнал до самой ночи; три корабля у них столь повреждены, что в нынешнюю кампанию, не думаю, быть им в море, а паче адмиральский, которого флаг шлюбкою с корабля „Георгия“ взят. Контр-адмирал и кавалер Ушаков отличных достоинств. Знающ, как Гоу, и храбр, как Родней. Я уверен, что из него выйдет великий морской предводитель. Не оставьте, матушка, его».

Екатерина в том же духе отвечала светлейшему; «Победу Черноморского флота над Турецким мы праздновали вчера молебствием в городе у Казанской, и я была так весела, как давно не помню. Контрадмиралу Ушакову великое спасибо прошу от меня сказать и всем его подчиненным». Хотя сама прекрасно понимала, что результат сражения был ничейный, или, как говорят в спорте, Ушаков выиграл по очкам. Соответственно, была невелика и награда императрицы Ушакову — орден Святого Владимира 2-й степени.

В Стамбуле было торжественно объявлено о победе Гуссейна над Ушак-пашой и потоплении четырех русских фрегатов. Опровергнуть официальную версию было некому, так как эскадра Гуссейна после боя Ушла в Варну.

Гуссейн и сам не считал себя побитым. 6 августа 29 турецких судов появились около Балаклавы. 10 августа они были уже на траверзе Георгиевского монастыря у Севастополя. А Ушаков спокойно наблюдал в подзорную трубу неприятельскую эскадру и ничего не делал. Была же идеальная ситуация для сражения. В бою у Севастополя могли принять участие и все малые гребные и старые суда, например, 40-пушечные фрегаты «Лука Евангелист», «Осторожный», «Поспешный» и «Матвей Евангелист». Они имели мощную артиллерию, но из-за ветхости корпусов их не отпускали в дальние плавания — в шторм их могла постигнуть участь однотипного фрегата «Крым». При неудачном исходе боя можно было быстро уйти под защиту береговых батарей. Но, увы, русская эскадра так и не подняла якорей. А о причине этого можно лишь только гадать. Не принимать же всерьез версию В. Овчинникова: «Федор Федорович немедленно распорядился о приготовлении флота. Однако выходить немедленно в море не было резона. Завязав бой с частью турецкого флота, он тем самым неминуемо бы подверг Севастополь опасности нападения другой части флота Гуссейна. Федор Федорович ждал случая для генерального сражения»^[36]. Если бы Гуссейн сошел с ума и влез в Севастопольскую бухту, он в течение нескольких часов был бы расстрелян

береговыми батареями. Вспомним, как турки еще в 1788 г. ретировались из Ахтиарской бухты, увидев полевые пушки Суворова. А в 1790 г. Севастополь прикрывали многочисленные береговые батареи, часть из которых имела каменные казематы.

Наиболее разумное предположение, что адмирал не успел получить ордер Потемкина с категорическим приказом идти и бить турок.

17 августа турецкая эскадра в составе 45 судов подошла к Днепро-Бугскому лиману и встала на якорь в 20 верстах от берега между Тендрой и Гиджибеем. Об этом немедленно доложили светлейшему, и тот послал грозный ордер Ушакову.

25 августа эскадра Ушакова покинула Севастополь и двинулась к Очакову. В ее составе было 5 кораблей^[37], 11 фрегатов, 17 крейсерских судов, бомбардирский корабль и два брандера.

Утром 28 августа русская эскадра появилась у острова Тендра, где стояли на якорях 14 турецких кораблей, 8 фрегатов и 23 малых судна. Между Гаджибеем и островом Ада находилась Лиманская гребная флотилия генерал-майора де Рибаса. Однако сия флотилия в сражении участия не приняла «за противным ветром и великом волнении». Думается, что волновалось не столько море, сколько сам генерал-майор.

Ушаков двинулся на турок, построив корабли и фрегаты в три колонны, а малые суда — в четыре колонны по пять судов в каждой. Гуссейн-паша выстроил свои корабли в линию, позади которой находилось 8 фрегатов, а за фрегатами — малые суда.

В 3 часа пополудни русская эскадра открыла огонь. Через два часа передовые турецкие корабли сделали поворот и начали уходить. Построение турецкой, а затем и русской эскадр нарушилось. Началась попросту свалка. В таком положении противников застала ночь, когда большинство судов обеих эскадр встало на якорь. Утром капитан фрегата «Амвросий Медноланский» М.Н. Нелединский с удивлением обнаружил, что он стоит посреди турецкой эскадры. Находчивый капитан приказал не поднимать Андреевский флаг (а может, поднял турецкий?!). По приказу Гуссейна-паши «Амвросий» поднял якорь и пошел вместе с турецкой эскадрой, постепенно отставая.

Кроме лжетурка «Амвросия» от эскадры отстали сильно поврежденные корабли: 78-пушечный «Мелеки Бахра» («Царь морей») и 74-пушечный «Капудание» (на нем был второй флагман турок Саит-бей). Отставая, турки были окружены русскими кораблями и фрегатами. Кара-Али, командир «Мелеки Бахра», был убит русским ядром, а экипаж корабля спустил флаг. Корабль был отведен в Херсон на ремонт, где «Царь морей»

превратился в «Иоанна Предтечу». При этом число орудий было уменьшено до 66. 29 ноября 1790 г. отремонтированный «Предтеча» прибыл в Севастополь и вошел в эскадру Ушакова.

«Капудание» был настигнут кораблем авангарда «Преображение Господне» и фрегатами «Апостол Андрей» и «Святой Георгий Победоносец». Позже подошли и другие русские суда. «Капудание» вел с ними упорный бой не менее четырех часов. В 2 часа дня к «Капудание» на 30 сажень (64 метра) подошел флагманский корабль Ушакова «Рождество Христово» и открыл огонь. К 3 часам турецкий корабль был полностью разбит и горел, и только тогда на нем спустили флаг.

Русские шлюпки пристали к «Капудание», чтобы захватить его. Но им удалось лишь снять нескольких пленных, среди которых был и раненый Саит-бей. Затем турецкий корабль взорвался.

В это время к эскадре Ушакова присоединилась Лиманская флотилия де Рибаса. По неясным причинам Ушаков не решился преследовать основные силы турецкого флота. По словам того же Овчинникова: «Усиливавшийся ветер и повреждения в рангоуте и такелаже не позволили Ушакову продолжить преследование противника, под всеми парусами уходящего в море. Российский командующий отдал приказ прекратить погоню»^[38]. Туркам уходить ветер не мешал, и у них на всех судах, кроме «Капудание» и «Мелеки Бахра», рангоут и такелаж в полном порядке, а вот у победителя Ушакова на всех без исключения судах рангоут разбит!? Нет, привил-таки Марк Войнович знаменитому флотоводцу принцип: «Тише едешь, дальше будешь».

Так и случилось. Потемкин ордером по Черноморскому флоту торжественно объявил: «Знаменитая победа, одержанная Черноморскими Не Императорского Величества силами под предводительством контрадмирала Ушакова в 29 день минувшего августа над флотом турецким, который совершенно разбит». И царице светлейший отписал: «Вот, императрица, Бог даровал победу и другую над флотом турецким, где он совершенно разбит». Екатерина наградила Ушакова орденом Святого Георгия 2-й степени и дала 500 душ в Белоруссии.

Султан Селим III также объявил капудана-пашу Гуссейна победителем. Гуссейн был объявлен Гази, то есть великим. Ему была пожалована соболья шуба и бриллиантовое перо на тюрбан. Тринадцати его капитанам «были пожалованы золотые перья на тюрбаны». Двум английским «советникам» выдали по пять мешков пиастров на нос.

В кампанию 1790 г. на суше первой боевые действия начала австрийская армия принца Кобургского. Весной австрийцы овладели

турецкой крепостью Орсово, а затем осадили крепость Журжу (Журжево). Однако удачная вылазка турок 18 июня заставила австрийцев снять осаду Журжи.

13 июня австрийцам удалось одержать победу над турками у Калефата, но на этом успехи «цесарцев» закончились. Принц Кобург получил известие, что турки собираются наступать от Журжи к Бухаресту. И Кобург традиционно написал Суворову с просьбой о помощи. 13 июля Суворов выступил из Гирлешти и 31 июля прибыл в Ауфмац, где расположился лагерем в трех часах езды от Бухареста.

Но в этот момент ситуация коренным образом изменилась — Австрия начала сепаратные переговоры с Турцией, и было заключено перемирие. Суворов мог быть окружен превосходящими силами турок. В связи с этим Потемкин приказал корпусу немедленно возвращаться назад. 2 августа он писал Екатерине: «Генерала графа Суворова я отправил в подкрепление австрийцев к Букарешту, но теперь необходимо его оттуда взять должно, ибо что копилось противу союзников, обратится уже на него одного, и он, будучи отрезан брайловским и силистрийским неприятелем, не в состоянии возвратиться без большой потери». 4 августа корпус Суворова начал отступление. По указанию Потемкина он расположился у Фурчени.

Река Серет стала демаркационной линией между австрийскими и русскими войсками. Согласно соглашению с Турцией, австрийцы не должны были пропускать русские войска в Валахию. Теперь русская армия могла действовать на ограниченном участке, а именно в низовьях Дуная, где господствовала крепость Измаил.

В 1789 г. на Дунае вторично (после 1772 г.) создается русская военная флотилия. В этом году из Днепра на Дунай прибыл отряд судов под командованием капитана 1-го ранга Ахматова.

2 октября 1790 г. Потемкин приказал гребной Лиманской флотилии генерал-майора де Рибаса войти в Дунай. На переходе моря ее должна была прикрывать Севастопольская эскадра Ушакова. Флотилия де Рибаса состояла из 33 судов (22 лансонов^[39], 6 дубель-шлюпок, двух катеров, двух шхун и одного мелкого судна), 48 казацких лодок и нескольких транспортов.

15 октября эскадра Ушакова в составе 18 кораблей и фрегатов, а также 20 крейсерских судов, вышла из Севастополя. Но выход запоздал — эскадра подошла к флотилии де Рибаса близ устья Дуная. Таким образом, Гуссейн-паша имел реальный шанс уничтожить флотилию де Рибаса на переходе морем.

19 октября флотилия де Рибаса напала на турецкие суда в Сулинском

устье (гирле) Дуная. В ходе двухдневного боя одно большое гребное судно турок было взорвано, захвачено 7 купеческих судов. На берег было высажено 600 гренадер, которые взяли штурмом две турецкие батареи.

Отряд капитана Ахматова атаковал крепость и порт Тульчу. Несколько гребных судов противника было потоплено, а четыре взято в плен. 7 ноября Тульча была взята.

13 ноября русские суда под командованием капитан-лейтенанта Литке подошли к Исакчи. Крепость была взята, сожжено 32 турецких гребных судна.

19 ноября отряды де Рибаса и Ахматова подошли к крепости Измаил, где стояли корабли турецкой флотилии. Русские пустили на турок шесть брандеров, но не учли характера течения реки — брандеры были унесены в сторону от турецких судов. Тогда суда Ахматова подошли к туркам на пистолетный выстрел и открыли огонь. Вскоре 7 турецких судов было потоплено, а одно взорвано. Отряд Литке сжег 4 турецких лансона и 17 купеческих судов. В бою активное участие принимали черноморские (запорожские) казаки полковника Головатого. Потери русской флотилии составили три разбитых запорожских судна, 87 убитых и 239 раненых.

Всего с 19 октября по 19 ноября русская Дунайская флотилия захватила 77 различных судов, уничтожила 210 судов; захвачено 464 пушки и 580 пудов (9,5 тонны) пороха.

21–22 ноября к Измаилу подошла 31-тысячная русская армия. Командовать ею собирался сам Потемкин, но позже раздумал и остался в Яссах. Командовали же армией два не подчиненных друг другу генерал-поручика — Н.В. Гудович и П.С. Потемкин (двоюродный брат фаворита). Командующий речной флотилией генерал-майор де Рибас был младше их по чину, но подчиняться генерал-поручикам не имел ни малейшего желания.

Измаил же являлся одной из самых сильных крепостей Турции. Со времени войны 1768–1774 гг. турки под руководством французского инженера Де-Лафит-Клове и немца Рихтера превратили Измаил в грозную твердыню. Крепость была расположена на склоне высот, покатых к Дунаю. Широкая лощина, простиравшаяся с севера на юг, разделяла Измаил на две части, из которых большая, западная, называлась старой, а восточная — новой крепостью. Крепостная ограда бастионного начертания достигала 6 верст длины и имела форму прямоугольного треугольника, прямым углом обращенного к северу, а основанием — к Дунаю. Главный вал достигал 8,5 метра высоты и был обнесен рвом глубиной до 11 метров и шириной до 13 метров. Ров местами был заполнен водой. В ограде было четверо ворот: на

западной стороне — Царьградские (Бросские) и Хотинские, на северо-восточной — Бендерские, на восточной — Килийские. Ворота оборонялись 260 орудиями, из которых 85 пушек и 15 мортир находились на речной стороне. Городские строения внутри ограды были приведены в оборонительное состояние. Было заготовлено большое количество огнестрельных и продовольственных запасов. Гарнизон крепости состоял из 35 тысяч человек. Командовал гарнизоном Айдозли-Махмет-паша.

Русские войска обложили Измаил и бомбардировали крепость. Сераскиру было послано предложение сдать Измаил, на что был получен издевательский ответ. Генерал-поручики созвали военный совет, на котором было постановлено осаду снять и отходить на зимние квартиры. Части генерал-поручиков начали медленно отходить, а флотилия де Рибаса осталась у Измаила.

Еще не зная о постановлении, военного совета, Потемкин решил назначить командующим осадной артиллерией генерал-аншефа Суворова. Суворов был наделен весьма широкими полномочиями. 29 ноября Потемкин писал Суворову: «...предоставляю вашему сиятельству поступить тут по лучшему вашему усмотрению продолжением ли предприятий на Измаил или оставлением онаго».

2 декабря Суворов прибыл к Измаилу. Вместе с ним из его дивизии прибыли фанагорийский полк и 150 мушкетеров апшеронского полка. К 7 декабря под Измаилом было сосредоточено до 31 тысячи войск и 40 орудий полевой артиллерии. Около 70 орудий было в отряде генерал-майора де Рибаса, расположенного на острове Чатал напротив Измаила, и 500 орудий — на судах. Орудия отряда де Рибаса не уходили на зимние квартиры, а оставались на прежних семи огневых позициях. С этих же позиций артиллерия де Рибаса обстреливала город и крепость Измаил в период подготовки к штурму и в ходе штурма. Кроме того, по распоряжению Суворова 6 декабря была заложена еще одна батарея на 10 орудий. Таким образом, на острове Чатал было восемь батарей.

Свои войска Суворов расположил полукружьем в двух верстах от крепости. Их фланги упирались в реку, где флотилия де Рибаса и отряд на Чатале довершили обложение. Несколько дней подряд производились рекогносцировки. Одновременно заготавливались лестницы и фашины. Чтобы дать понять туркам, что русские собираются вести правильную осаду, в ночь с 6 на 7 декабря на обоих флангах были заложены батареи на 10 орудий каждая, две — с западной стороны в 340 м от крепости, и две — с восточной стороны, в 230 м от ограды. Для обучения войск производству штурма в стороне был вырыт ров и насыпаны валы, подобные

измаильским. В ночь на 8 и 9 декабря Суворов лично показывал войскам приемы эскалады и учил действовать штыком, причем фашины представляли турок.

7 декабря в 2 часа дня Суворов послал коменданту Измаила записку: «Сераскиру, старшинам и всему обществу: Я с войсками сюда прибыл. 24 ч. на размышление для сдачи и воля; первые мои выстрелы уже неволя; штурм — смерть. Чего оставляю вам на рассмотрение». На другой день пришел ответ от сераскира, который просил разрешения послать двух человек к визирю за повелением и предлагал заключить перемирие на 10 дней 9 декабря. Суворов ответил, что он на просьбу сераскира согласиться не может и дает срок до утра 10 декабря. В назначенный срок ответа не последовало, и участь Измаила была решена. Штурм был назначен на 11 декабря.

Накануне штурма, в ночь на 10 декабря, Суворов отдал войскам приказ, который воодушевил их и вселил в них веру в предстоящую победу: «Храбрые воины! Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что ничто не может противиться силе оружия российского. Нам предлежит не сражение, которое бы в воле вашей отложить, но непременно взятие места знаменитого, которое решит судьбу кампании, и которое почитают гордые турки неприступным. Два раза осаждала Измаил русская армия и два раза отступала; нам остается, в третий раз, или победить, или умереть со славою». Приказ Суворова произвел на солдат сильное впечатление.

Подготовка штурма началась артиллерийским огнем. С утра 10 декабря около 600 орудий открыли мощный артиллерийский огонь по крепости и вели его до глубокой ночи. Турки отвечали из крепости огнем 250 орудий, но безрезультатно. Действия русской артиллерии были очень эффективными. Достаточно сказать, что к вечеру артиллерия крепости была совершенно подавлена и прекратила огонь. «...По восхождении солнца, с флотилии, с острова и с четырех батарей, на обеих крылах в берегу Дуная устроенных, открылась по крепости канонада и продолжалась непрерывно до самых пор, как войски на приступ приняли путь свой. В тот день из крепости сначала ответствовано пушечною пальбою живо, но к полудни пальба умаялась, а к ночи вовсе пресеклась и через всю ночь было молчание...» В 3 часа дня 11 декабря взвилась первая сигнальная ракета, по которой войска построились в колонны и двинулись к назначенным местам, а в 5 часов 30 минут по сигналу третьей ракеты все колонны пошли на штурм.

Турки подпустили русских на дистанцию картечного выстрела и

открыли огонь. 1-я и 2-я колонны Львова и Ласси успешно атаковали Бросские ворота и редут Табие. Под огнем противника войска овладели валом и штыками проложили дорогу к Хотинским воротам, через которые в крепость вошли конница и полевая артиллерия. 3-я колонна Мекноба остановилась, так как на данном участке подготовленные к штурму лестницы оказались недостаточно длинными и их пришлось связывать по две. С огромными усилиями войскам удалось взобраться на вал, где они встретили упорное сопротивление. Положение спас резерв, который позволил опрокинуть турок с крепостного вала в город.

4-я колонна Орлова и 5-я Платова достигли успеха после жестокой схватки с турецкой пехотой, внезапно сделавшей вылазку и ударившей в хвост 4-й колонне. Суворов немедленно выслал резерв и вынудил турок отойти в крепость. Первой взойшла на вал 5-я колонна, а за ней — 4-я.

В наиболее трудном положении оказалась 6-я колонна Кутузова, которая атаковала новую крепость. Войска этой колонны, достигшие вала, подверглись контратаке со стороны турецкой пехоты. Однако все контратаки были отражены, войска овладели Килийскими воротами, что позволило усилить наступавшую артиллерию. При этом «достойный и храбрый генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов мужеством своим был примером подчиненным».

1-я, 2-я и 6-я колонны, «исполняя мужественно, храбро и с удивительною быстротою по данной диспозиции первое стремление, положили основание победы».

Больших успехов добились 7-я, 8-я и 9-я колонны Маркова, Чепиги и Арсеньева. Между семью и восемью часами вечера они высадились у измаильских укреплений на Дунае. 7-я и 8-я колонны быстро захватили действовавшие против них батареи на укреплениях. Труднее пришлось 9-й колонне, которая должна была вести штурм под огнем с редута Гоби. После упорного боя 7-я и 8-я колонны соединились с 1-й и 2-й колоннами и ворвались в город.

Содержание второго этапа составляла борьба внутри крепости. К 11 часам русские войска захватили Бросские, Хотинские и Бендерские ворота, через которые Суворов двинул в бой резервы. Многочисленный турецкий гарнизон продолжал сопротивляться. Хотя турки не имели возможности маневрировать и без поддержки артиллерии их борьба была малоэффективна, все же они упорно дрались за каждую улицу и каждый дом. Турки «дорого продавали свою жизнь, никто не просил пощады, самые женщины бросались зверски с кинжалами на солдат. Остервенение жителей умножало свирепость войск, ни пол, ни возраст, ни звание не были

пощажены; кровь лилась повсюду — закроем завесой зрелище ужасов». Когда так пишут в документах, нетрудно догадаться, что на самом деле население было просто вырезано.

Известным новшеством было применение русскими полевых орудий в уличных боях. Так, например, комендант крепости Айдозли-Махмет-паша засел в ханском дворце с тысячью янычар. Русские вели безрезультатные атаки более двух часов. Наконец были наведены орудия майора Островского, огнем которых разрушили ворота. Фанагорийские гренадеры пошли на штурм, перекололи всех находившихся внутри дворца. Артиллерией были разбиты армянский монастырь и ряд других зданий внутри крепости.

К 4 часам дня город был окончательно взят. 26 тысяч турок и татар (военнослужащих) было убито, а 9 тысяч взято в плен. Потери же гражданских лиц в те времена афишировать было не модно. В крепости было взято 245 орудий, из них 9 мортир. Кроме того, на берегу было захвачено 20 орудий и 8 лансонов.

Потери русских составили 1879 человек убитыми и 3214 ранеными. По тем временам это были огромные потери, но игра стоила свеч. В Стамбуле началась паника. Султан во всем обвинил великого визиря Шериф-Гассана-пашу. Голова несчастного визиря была выставлена у ворот султанского дворца.

Взятие Измаила потрясло Оттоманскую империю. Казалось, что теперь Суворову было достаточно форсировать Дунай, и его никто и ничто не смогло бы остановить до самого Константинополя. Но, увы, все дело испортили совершенно неприличные дразги.

Потемкин приготовил в Яссах торжественную встречу покорителю Измаила. Но Суворов приехал инкогнито и отправился к потемкинскому дворцу. При встрече Потемкин с Суворовым даже поцеловались. «Чем могу я наградить вас за ваши заслуги, граф Александр Васильевич?» — спросил Потемкин, радуясь встрече. Но тут у Суворова разыгралось самолюбие. Он давно мечтал о фельдмаршальском жезле и независимости от светлейшего. «Нет, ваша светлость, — раздраженно ответил Суворов, — я не купец и не торговаться с вами приехал. Меня наградить, кроме бога и всемилостивейшей государыни, никто не может!» Потемкин изменился в лице. Он повернулся и молча вошел в залу. Суворов — за ним. Генерал-аншеф подал строевой рапорт. Оба походили по зале, не в состоянии выжать из себя ни слова, раскланялись и разошлись. Больше они уже никогда не встретятся.

Екатерина безоговорочно приняла сторону Потемкина в конфликте с

Суворовым. Генерал-аншеф был срочно отозван в Петербург. Там императрица весьма скромно наградила Суворова. Он был произведен в подполковники Преображенского полка. Назначение, безусловно, почетное, полковником была сама императрица, но подполковников уже было десять, что, естественно, не радовало Суворова. А ведь в принципе Суворова по-другому царица и не могла наградить. Следующий чин после генерал-аншефа был генерал-фельдмаршал, то есть тогда Суворов автоматически становился равным Потемкину.

Вскоре Екатерина отправила Суворова с глаз долой в Финляндию инспектировать тамошние крепости на случай новой войны со шведами.

Однако и Потемкин через пару недель бросает армию и едет в Петербург. Светлейшему доложили, что новый фаворит Екатерины двадцатитрехлетний Платон Зубов постепенно сосредоточил в своих руках огромную власть. Шестидесятилетняя царица уже 10 с лишним лет, как отказалась от услуг мужчин зрелого возраста и перешла на двадцатилетних молодцев-гвардейцев. Первоначально Потемкин спокойно смотрел на это и даже участвовал в подборе кандидатов на эту «государственную должность». Но Зубова тиснули в постель к императрице без ведома светлейшего, За Платоном Зубовым стояла многочисленная жадная свора родственников, вокруг которых начали собираться враги Потемкина.

Генерал-фельдмаршал почуял смертельную опасность, но он еще храбрился и говорил приближенным, отправляясь в столицу: «Я нездоров и еду в Петербург зубы дергать». Но, увы, все «зубы» остались на своих местах, а светлейшему не солоно хлебавши пришлось возвратиться из Петербурга в Яссы.

Во время своего отсутствия Потемкин оставил командовать армией князя Николая Васильевича Репнина. Под командованием Репнина русские войска победили турок у крепости Мачин на Дунае.

По официальной версии Репнину стало известно, что у Мачина находятся в укрепленном лагере 30 тысяч турок, и туда же собирается идти сам великий визирь с 80-тысячной армией. С 23 по 28 июня русская армия (30 тысяч человек, 78 орудий) переправилась через Дунай выше Галаца. Переправу обеспечивали суда Дунайской флотилии.

Переправившись через Дунай, Репнин прошел полуостров Кунцефан и вышел на правый фланг турецкого лагеря у Мачина. Построенный им боевой порядок предусматривал следующее распределение войск: на правом фланге действовали войска Голицына и Волконского, на левом — Кутузова (Бугский корпус и казаки). Пехота была построена в одну линию каре, за которой располагалась кавалерия.

Сражение произошло на сильно пересеченной местности. При наступлении пришлось форсировать реку Катечер. Войска правого фланга имели задачу наносить удар в лоб. Главную задачу решали войска левого фланга, которым командовал Кутузов. Войска быстро переправились по вооруженной плотине через реку Катечер и поднялись на холмы. Кутузов остановил движение каре, чтобы огнем артиллерии освободить от турок высоты, «бывшие противу левого фланга, не оставляя отнюдь сего сильного неприятеля за спиною». Попытки турок совершить обход и нанести удар во фланг конницей были отражены, и пехотные каре снова двинулись в наступление. Появление русских войск в тылу вызвало смятение в турецких войсках. В панике они отступили. Кутузов отправил для преследования легкую конницу. Турки потеряли более 4 тысяч человек убитыми и 35 орудий.

Во время сражения Дунайская флотилия де Рибаса вела бой с тридцатью турецкими гребными судами. Турки бежали, потеряв шесть судов.

Князь Репнин широко разрекламировал свой успех. Он донес императрице, что разбил 80-тысячное турецкое войско во главе с великим визирем.

Екатерина сделала вид, что поверила, но в высшем свете посмеивались над хвастливым князем. Суворов, сидя в Финляндии, в полном объеме получал информацию с Дуная. По поводу Мачина Суворов сочинил даже стихи, где утверждал, что турок было только 15 тысяч:

«Герой ударил в них, в фагот свой возопил!

Здесь сам визирь и с ним сто тысяч привиденьев».

Косвенным подтверждением правоты Суворова служат потери Репнина у Мачина — 147 убитых и 415 раненых. И это после боя с 80 тысячами турок?!

Несколько слов стоит сказать о боевых действиях на Кавказском театре. Генерал-поручик Гудович покинул позиции под Измаилом незадолго до прибытия туда Суворова. 23 января 1791 г. Гудович был назначен командующим Кубанским и Кавказским корпусами.

29 мая сводный корпус Гудовича численностью 12 тысяч штыков и сабель переправился через Кубань по понтонному мосту и двинулся к крепости Анапа. 9 июня русские стали лагерем в четырех верстах от Анапы на реке Бугуре.

Гарнизон и артиллерия крепости были существенно усилены со времен Бибикова. Там находилось 10 тысяч турок и 15 тысяч горцев и татар. На валах стояли 95 крепостных орудий.

13 июня Гудович заложил первую осадную батарею на 10 орудий. К 18 июня были возведены еще четыре осадные батареи с 32 орудиями. Бомбардировкой в Анапе были произведены большие разрушения и приведена к молчанию крепостная артиллерия. Тем не менее крепость не сдавалась, и Гудович решился на штурм.

21 июня после вечерней зари войска, разделенные на четыре колонны, скрытно подошли к осадным батареям. Ровно в полночь осадная артиллерия открыла частый огонь по крепости, а войска подошли к валам на 250 сажень (около 530 метров). За полчаса до рассвета русские пошли на штурм. Вскоре были захвачены ворота крепости. Их открыли, и в Анапу ворвались казаки. Упорство осажденных было сломлено. Сдались 13 532 человека, включая коменданта и шейха Мансура. Около 150 турок успели сесть на суда и отплыть в море. Потери русских составили 940 человек убитыми и 1995 человек ранеными.

Через два дня после штурма в виду Анапы показалась большая турецкая эскадра. Но, увидев русский флаг над крепостью, турки удалились.

По приказанию Гудовича анапские укрепления были взорваны и скрыты, а город сожжен. В таком виде Анапа была возвращена туркам по Ясскому договору.

26 октября 1790 г. у Константинополя бросила якоря алжирская эскадра Сеит-Али. В качестве трофеев Сеит-Али привел в столицу семь судов, отбитых у Ламбро Качиони. В торжественной обстановке было повешено 180 сподвижников Качиони. Султан Селим III щедро наградил Сеит-Али и других алжирских капитанов. Сеит-Али был назначен вторым флагманом турецкого флота.

Успехи русских на Дунае заставили султана отправить эскадру Сеит-Али к устью Дуная в начале января 1791 г. Однако эскадра Ушакова в это время тихо зимовала в Севастополе, а войти в Дунай корабли Сеит-Али физически не могли. В результате 27 февраля эскадра вернулась в Константинополь.

19 мая турецкий флот вышел в море, но из-за сильного шторма вынужден был вернуться в Босфор.

В начале июня турецкий флот вновь вышел в море. Гуссейн и Сеит-Али прошли от Констанцы к устью Дуная, оттуда — к острову Березань, а затем начали крейсировать у южного берега Крыма.

Затем, как мы уже знаем, турецкая эскадра пошла к Анапе, но, узнав, что она взята русскими, ушла восвояси. А все это время Федор Федорович почему-то оставался в Севастополе. Ведь опоздай на три дня Гудович со

штурмом, у Анапы была бы трагедия почище, чем у Бибикова.

А ведь еще 11 мая Потемкин послал ордер Ушакову: «Я сим предписываю вам тотчас выступить по прошествии весенних штормов. Испрося помощь Божию, направляйте плавание к Румелийским берегам и если где найдете неприятеля, атакуйте его с Богом! Я вам поручаю искать неприятеля, где он в Черном море случится, и господствовать там так, чтобы наши берега были ему неприкосновенны». Однако пока ордер шел, пока его прочитали, пока раскачались... и лишь 10 июля Ушаков вышел в море. Слов нет — турецкий флот в виду Севастополя, а выходить в море — не повод, надо ждать ордера Потемкина.

Да и тут Ушаков вышел не в море, а из гавани, и встал на якорь, поскольку 12 июля «Ушаков обнаружил флот Гуссейна, который вновь подошел к Севастополю на расстояние пяти миль»^[40]. Два дня эскадры стояли друг против друга, но не начинали сражения. Тот же Овчинников пишет: «...через два дня разошлись. Гуссейн пошел в сторону Варны, а Ушаков вернулся в Севастополь, чтобы пополнить запасы и вновь выйти в море для решающего сражения». Ну и ну! Гуссейн гуляет полтора месяца по Черному морю, и запасов у него хоть отбавляй, а Федор Федорович два дня постоял в пяти милях от родного Севастополя, и уже все запасы исчерпал.

Надо полагать, все было наоборот. Федор Федорович ушел в Севастополь, а Гуссейн с горя двинулся в Варну «пополнять запасы».

29 июля контр-адмирал Ушаков «пополнил запасы» и двинулся к румелийским берегам^[41]. В составе эскадры Ушакова были 7 кораблей, 11 фрегатов, 2 бомбардирских корабля, 17 крейсерских судов и один брандер. В числе кораблей были: 80-пушечный «Рождество Христово» (флагман), остальные 66-пушечные — «Преображение Господне», «Св. Павел», «Св. Владимир», «Мария Магдалина», «Леонтий Мученик» и «Иоанн Предтеча» (последние два — бывшие турецкие корабли).

Из одиннадцати фрегатов девять, вооруженных от 50 до 44 пушками, числились кораблями — «Св. Георгий Победоносец», «Апостол Андрей», «Александр Невский», «Св. Николай», «Навархия», «Федор Стратилат», «Царь Константин», «Иоанн Богослов» и «Петр Апостол». Лишь после войны, в 1793 г., их вернули в класс фрегатов, — кстати, в те времена их иногда называли линейными фрегатами. Кроме того, в эскадре состояли и два фрегата: 40-пушечный «Преподобный Нестор» и 36-пушечный «Св. Марк» (бывшая турецкая галера).

31 июля на подходе к мысу Калиакрия Ушаков обнаружил стоявшую

под берегом турецкую эскадру. Эскадра состояла из 18 кораблей, 17 фрегатов и 43 малых судов. На берегу турки устроили батарею. Но Ушаков прошел между турецкой эскадрой и берегом, не обращая внимания на огонь батареи, и выиграл у турок ветер.

Турки отмечали праздник Курбан-байрам, и появление противника привело их в замешательство. Турки в спешке поднимали якоря, а то и просто рубили якорные канаты и ставили паруса. Два турецких корабля столкнулись. С одного упала бизань-мачта, а на другом переломился бушприт. Корабль без бушприта ушел в сторону Варны, а второй остался при эскадре. Командование, вопреки субординации, взял на себя Сеит-Али. Его корабль стал головным. Сблизившись с «Рождеством Христовым» на полкабельтова, Сеит-Али начал артиллерийскую дуэль. Старому пирату не повезло — ядром разбило фор-стенгю, и кусок ее попал в голову Сеит-Али. Эскадра кейзер-флага Ушакова — «Александр Невский», «Иоанн Предтеча» и «Федор Стратилат» — попыталась окружить корабль Сеит-Али, но два алжирских корабля кинулись защищать своего адмирала. Началась попросту свалка. Далее все было, как и в предыдущих баталиях: турки начали уходить, а на кораблях Ушакова, как обычно, был слишком сильно поврежден рангоут, чтобы их преследовать. Как писал сам Федор Федорович: «... прибавляя сколько можно парусов, старался его нагнать, но северный ветер, усиливаясь час от часу, сделался весьма крепкий, и развело великое волнение, при котором имел я на флоте также повреждения: в стеньгах, реях и парусах и на корабле „Александр“ от подводных прострелов пушечных великую и опасную течь, притом не имея в той стороне безопасного убежища к исправлению, с крайним сожалением сию погоню принужденно оставил и, подошед со флотом в закрытие под берега мыса Эмене, не в дальнем расстоянии остановился на якорях, где все повреждения флота исправлены».

В бою русские потеряли 17 человек убитыми и 28 ранеными. Судовых потерь обе эскадры не имели.

После сражения Ушаков отправил фрегат «Св. Марк» и крейсерские суда пограбить купцов. Как писал Ушаков: «...при румельских берегах, а особо при Эмене, Мисемрии, Фаросе и Сизополе, многие суда, в том числе некоторые транспортные, с хлебом, везомым в армию, загнали на берега и выстрелами при оных затопили; людей, бежавших с них, при сопротивлении во множестве побили и потопили и 4 малые судна, взяв в плен, привели ко флоту, а как оные оказались взять с собою не способны, то также затоплены; плененных людей на оных взято 14 человек; а прочие все на барказах бежали и в погоне за ними побиты и потоплены. 2-го числа

сего месяца шедшая от стороны Варны большая турецкая шебека под военным флагом, хорошо вооруженная, крейсерскими ж судами и „Макроплею“, не могучи уйтить, загнана на каменный подводный риф мыса Эмене».

Победа при Калиакрии и разгром неприятельского флота были шумно отпразднованы в Петербурге и Стамбуле.

Уже в июле 1791 г. турки были вынуждены пойти на переговоры с русскими. Они начались в местечке Чистово, и за отсутствием Потемкина их вел Репнин. Князь торопился и из-за честолюбивых побуждений шел туркам на уступки. Приехавший Потемкин дал Репнину нагоняй и перевел переговоры в Яссы. Но светлейшему не удалось подписать мира. Он тяжело заболел и, предчувствуя кончину, приказал отвезти себя в Николаев, где хотел умереть и быть похороненным. 5 октября 1791 г. в 38 верстах от Ясс князь Потемкин-Таврический скончался.

Суворов, узнав о смерти Потемкина, сказал: «Великий человек и человек великий: велик умом и велик ростом». Румянцев заплакал и сказал удивленным домочадцам: «Что на меня так смотрите? Потемкин был моим соперником, худого сделал немало, и все ж Россия лишилась в нем великого мужа». Они были великими людьми, великими в своих деяниях, в соперничестве и в благородстве.

Заканчивал переговоры с Турцией уже граф Безбородко. 29 декабря 1791 г. в Яссах был заключен мирный договор с Оттоманской империей.

Договор подтверждал Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., Акт 1783 г. о присоединении Крыма и Кубани к России и все другие предшествующие русско-турецкие соглашения. Новая граница между договаривающимися сторонами устанавливалась на юго-западе по Днестру. В соответствии с договором правительство Турции отказывалось от претензий на Грузию; обязалось не предпринимать каких-либо враждебных действий в отношении грузинских и кубанских земель; в целях обеспечения интересов русской торговли в Алжире, Тунисе и Триполи вознаграждать русских купцов за все убытки, которые могут быть причинены им корсарами — подданными Порты.

Как и Кючук-Кайнарджийский мир, Ясский мирный договор не удовлетворял ни Россию, ни Турцию. Окружение султана не могло примириться ни с потерей Крыма и Очакова, ни с русским флотом на Черном море. Россия ногою твердою встала у Черного моря, но так и не получила права свободного выхода из него. Для нашего флота Черное море стало озером. А в любой момент из Босфора могла выйти турецкая или иная неприятельская эскадра, напасть на русские города на побережье и

высадить десант.

Не были довольны миром и народы, жившие у берегов Черного моря. Крымские татары мечтали вырезать на полуострове гяуров и вновь начать грабежи русских и украинских земель. Горцы на Кавказе также хотели избавиться от русских, а греки и славяне, населявшие Балканский полуостров, в свою очередь, мечтали избавиться от турок и обращали взоры на Россию.

Ясский мир, подобно Кючук-Кайнарджийскому, должен был стать лишь передышкой между войнами. Однако ход событий изменили большие перемены в Париже и Петербурге.

Тут следует сделать маленькое отступление. Видимо, у читателя возник естественный вопрос — почему в отношениях России и Турции в XVIII веке автор упоминает только о войнах. А что, в промежутках между ними не было взаимовыгодной торговли, культурного обмена?

Да, сразу после окончания войны через Проливы в обоих направлениях шел поток товаров, на порядок превышавший товарооборот в самые благоприятные времена XVII века. Ширились культурные связи.

Но все сие касается не турок, а турецкоподданных греков. Те на 95 % монополизировали торговлю с Россией.

Но вот ассоциировать греческих купцов и судовладельцев с Османской империей перо не поднимается (точнее, пальцы к клавиатуре). Те же мирные «турецкоподданные» при всяком удобном случае обращали свои суденышки в грозные корсарские суда и топили и резали всех встреченных басурман.

Весь же культурный обмен России касался лишь греков и славян. Русские иерархи и паломники постоянно посещали греческие и палестинские монастыри. В Грецию и на Балканы доставлялось множество русских книг, как церковных, так и светских, а обратно, учиться в Москву и Санкт-Петербург, ехали сотни греческих и славянских юношей.

Увы, турки не желали ни читать наши книги, ни учиться. А турецких религиозных эмиссаров, проникавших в русские области, населенные мусульманами, как правило, рассматривали как шпионов и бунтовщиков.

Глава 13

РОССИЯ И ТУРЦИЯ ВОЮЮТ С ФРАНЦИЕЙ

В апреле 1796 г. французская армия под командованием 27-летнего генерала Бонапарта вторглась в Италию. Австрия посылала одну за другой лучшие армии под командованием лучших своих полководцев, но они вдребезги были разбиты Бонапартом. В мае 1797 г. французы заняли Венецию. По приказу Бонапарта на венецианские корабли был посажен французский десант, который в июне 1797 г. занял Ионические острова, принадлежащие Венеции. Эти острова — Корфу, Цериго, Санта-Мавра и другие — находятся вблизи берегов Греции и имеют стратегическое положение в Центральном и Восточном Средиземноморье.

Весной 1798 г. в Тулоне началось сосредоточение кораблей и транспортов. Туда же был стянут 38-тысячный десантный корпус под командованием самого Бонапарта. Вся Европа затаила дыхание. Газеты распространяли самые противоречивые сведения о планах Бонапарта — от высадки в Англии до захвата Константинополя. На берегах Невы испугались, что злодей Буонапарте не иначе как замыслил отнять Крым. 23 апреля 1798 г. Павел I срочно посылает приказ Ушакову выйти с эскадрой в море и занять позицию между Ахтиаром и Одессой, «наблюдая все движения со стороны Порты и французов».

19 мая французский флот вышел из Тулона. 23 мая французы подошли к Мальте, которая принадлежала ордену Мальтийских рыцарей. Мальта сдалась без боя, а рыцарям пришлось убраться с острова подобру, поздорову. 20 июня 1792 г. французская армия высадилась в Египте. Бонапарт легко победил турок и занял Египет, но 20–21 июля адмирал Нельсон в Абукирской бухте разгромил французский флот. Армия Бонапарта оказалась отрезанной от Франции.

Изгнанные с Мальты рыцари обратились за помощью к Павлу I и предложили ему стать Великим магистром Ордена. Павел радостно согласился, не думая о комизме ситуации — ему, главе православной церкви, предложили стать магистром католического Ордена. 10 сентября 1798 г. Павел издал манифест о принятии Мальтийского ордена в «свое Высочайшее управление». В этот же день эскадра Ушакова соединилась с турецкой эскадрой в Дарданеллах, и они вместе двинулись против

французов.

Бонапарт турок напугал еще больше, чем русских. Хотя Египет и управлялся полунезависимыми от Стамбула мамелюкскими беями, и Бонапарт неоднократно заявлял, что воюет не с турками, а с мамелюками, все равно султан Селим III считал высадку французов нападением на Османскую империю. Мало того, иностранные дипломаты, скорее всего русские, довели до султана «секретную» информацию о планах Бонапартия, который решил не много не мало, как разорить Мекку и Медину, а в Иерусалиме восстановить еврейское государство. И как этому не поверить, когда французы на Ниле и двигаются в Сирию? Тут уж не до воспоминаний об Очакове и Крыме.

Султан Селим III повелел заключить союз с Россией, а французского посла, как положено, заточили в Семибашенный замок.

7 августа 1798 г. Павел I послал указ адмиралу Ушакову следовать с эскадрой в Константинополь, а оттуда — в Средиземное море.

12 августа 1798 г. из Ахтиарского порта вышли шесть кораблей, семь фрегатов и три авизо. На борту кораблей было 792 пушки и 7406 «морских служителей». Попутный ветер надувал паруса, гордо реяли Андреевские флаги, эскадра знаменитого «Ушак-паши» шла к Босфору. Все, начиная от вице-адмирала до юнги, были уверены в успехе. Никому и в голову не приходило, что именно в этот день началась шестнадцатилетняя кровопролитная война с Францией. Впереди будет и «солнце Аустерлица», и горящая Москва, и казаки на Елисейских Полях.

25 августа русская эскадра прошла Босфор и встала на якорь в Буюк-Дере напротив дома русского посла. Интересно, что население радостно встречало своих «заклятых врагов». Адмирал Ушаков доносил Павлу: «Блистательная Порта и весь народ Константинополя прибытием вспомогательной эскадры бесподобно обрадованы, учтивость, ласковость и доброжелательство во всех случаях совершенны».

Даже Селим III не удержался и инкогнито на лодке объехал русские корабли.

От имени султана Ушакову была вручена табакерка, украшенная алмазами. Вместе с ней была передана декларация Турции: «О свободном плавании русских военных и торговых судов через проливы, о взаимной выдаче дезертиров и содействии санитарным мерам во избежание распространения заразных болезней».

23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г. по новому стилю) в Константинополе был заключен Союзный оборонительный договор между Империей Всероссийской и Османской Портой. Договор подтверждал

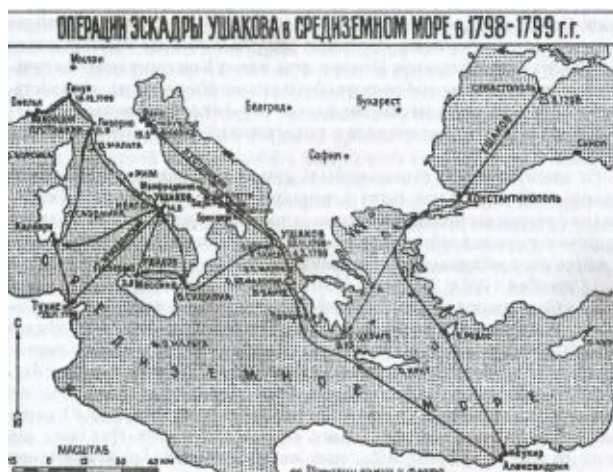
Ясский договор 1791 г. («от слова до слова»). Россия и Турция гарантировали друг другу территориальную неприкосновенность по состоянию на 1 января 1798 г. В секретных статьях договора говорилось, что Россия обещала Турции военную помощь, определенную в 12 кораблей и 75–80 тысяч солдат. Турция обязалась открыть Проливы для русского военного флота. «Для всех же других наций без исключения вход в Черное море будет закрыт». Таким образом, договор сделал Черное море закрытым русско-турецким бассейном. В то же время было зафиксировано право России как черноморской державы быть одним из гарантов судоходного режима Босфора и Дарданелл.

Как говорится, история не терпит сослагательного наклонения, но если бы Турция неукоснительно соблюдала этот договор, то в книге о русско-турецких войнах можно было бы поставить точку. Ведь заключили же в 1809 г. Швеция с Россией мир и до сих пор ни разу не воевали. Хотя на Швецию постоянно давила Европа, чтобы заставить воевать с русскими. В 1812 г. этого требовал Наполеон I, в 1855 г. — Наполеон III и лорд Пальмерстон, в 1914 г. — Вильгельм II, а в 1941 г. — Гитлер. Но Швеция оказалась невосприимчива к давлению Европы. К сожалению, Турция повела себя иначе. Но мы забежали вперед.

А пока русская эскадра под грохот салюта покидала Константинополь. На берегу толпился народ. На веранде дворца стоял сам Селим III.

8 сентября 1798 г. русская эскадра вошла в Дарданеллы. При выходе из Дарданелл эскадра Ушакова соединилась с турецкой эскадрой, которая состояла из четырех кораблей, шести фрегатов, четырех корветов и четырнадцати канонерских лодок. Командовал эскадрой вице-адмирал Кадыр-бей.

28 октября русские корабли подошли к острову Цериги, а через три дня боев французский гарнизон капитулировал. В течение последующих 35 дней от французов были освобождены острова Занте, Кефалония и Санта-Мавра. Мощная же крепость на острове Корфу оказалась более крепким орешком. Ее осада длилась до 22 февраля 1799 г.

Операции эскадры Ушакова в Средиземном море в 1798–1799 гг.

Наконец французский гарнизон капитулировал. В плен было взято 2931 француз, 635 пушек и мортир, корабль, три фрегата и шесть малых судов. По этому поводу Суворов воскликнул: «Зачем не был я при Корфу хотя бы мичманом?!»

Вопрос о дальнейшей судьбе Ионических островов обсуждался Россией и Турцией еще до взятия Корфу. Турки предлагали передать их Неаполитанскому королевству или создать там княжество, зависимое от Турции. Павел же предложил учредить на островах... республику! Конечно, по современным понятиям, конституция этой республики была не совсем демократической. Так, выборы в Большой Совет проходили по куриям, отдельно для каждого сословия. Но тем не менее факт остается фактом, Павел I стал первым русским царем, учредившим республику.

Неаполитанский король Фердинанд IV, ободренный действиями Ушакова и Нельсона, в ноябре 1798 г. решил напасть на французов в Центральной Италии. Однако 7 тысяч французов быстро разгромили 50 тысяч неаполитанцев. В Неаполе была провозглашена республика, а Фердинанд IV бежал на корабле Нельсона в Сицилию. Англичане и Фердинанд IV срочно обратились к Павлу I за помощью. Русские корабли высадили несколько небольших десантов в Италии, которые совместно с неаполитанскими роялистами изгнали французов и восстановили королевскую власть. Отряды русских солдат и матросов торжественно были встречены населением Неаполя и Рима.

В Неаполе королевская чета праздновала победу. Торжествовало и семейство Нельсона — Гамильтонов. В проигрыше оказалась лишь Россия. Англичане присвоили себе Мальту. Австрийцы захватили всю Северную Италию и предложили армии Суворова уйти в Швейцарию. Так блестящие тактические победы Ушакова и Суворова обернулись большим

стратегическим поражением России. Павел был вне себя от гнева и приказал вывести из Европы все сухопутные и морские силы.

К этому времени на помощь эскадре Ушакова с Балтики пришла эскадра контр-адмирала П.К. Карцева, в составе которой были 74-пушечный корабль «Исидор», 66-пушечные корабли «Азия» и «Победа» и 38-пушечный фрегат «Поспешный». 22 августа 1799 г. эскадра Карцева соединилась с кораблями Ушакова в Палермо.

Основная часть эскадры Ушакова покинула Корфу 6 июля 1800 г. В начале августа русские корабли прибыли в Константинополь, а оттуда проследовали в Севастополь и Феодосию. Интересно, что вместе с кораблями Черноморского флота Проливы прошли и корабли эскадры Карцева, которые формально числились в составе Балтийского флота. В Черноморский флот их перечислили лишь в 1801 г. Это был первый в истории случай, когда корабли Балтийского флота под Андреевским флагом прошли Проливы. Турки, естественно, знали, что это за корабли, но пропустили их без вопросов.

На Корфу Ушаков оставил небольшой гарнизон. Кроме того, два батальона русских гренадеров под командованием генерал-майора Бороздина по указу Павла I были посланы в Неаполь для «составления гвардии при особе короля неаполитанского». Осталось на Средиземном море и несколько судов ушаковской эскадры.

Снабжение русских сухопутных и морских сил на Средиземном море в 1800–1806 гг. происходило в основном через Проливы. Причем там в обоих направлениях свободно проходили русские военные суда всех классов.

В декабре 1804 г. в Стамбуле начались переговоры между русским послом А.Я. Италинским и турецкими министрами о подписании нового союзного договора. На них вопрос о Проливах занимал центральное место.

Новый русско-турецкий союзный договор был подписан 23 сентября 1805 г. Он состоял из 15 явных и 10 секретных статей, которые полностью регулировали сложные отношения между Россией и Турцией. В целом соглашение было направлено против Франции. В статьях 1, 2 и 6 говорилось о взаимопомощи в случае войны с Наполеоном. Турция подтверждала свое обязательство пропускать русские военные корабли через Проливы. Также было подтверждено право России покровительствовать христианскому населению Османской империи. Ряд статей непосредственно касался положения балканских народов (секретная статья 8 «о греках»). Султан соглашался с предложением оккупации русскими войсками Ионических островов (секретная статья 4). Особое значение имела секретная статья 7: «Обе высокие договаривающиеся

стороны соглашались считать Черное море как бы закрытым и не допускать появления никакого военного или вооруженного судна какой бы то ни было державы... При этом разумеется, что свободный проход через Константинопольский канал не перестанет быть открытым для военных судов и транспортов Е.В. Императора Всероссийского, которым Блистательная Порты, насколько от нее будет зависеть, во всяком случае, окажет всякую помощь и предоставит всякое облегчение». В этом договоре вопрос о режиме Проливов решался непосредственно черноморскими державами. Черное море фактически провозглашалось внутренним русско-турецким бассейном. По соглашению Россия становилась одним из гарантов режима Проливов и подключалась к их обороне.

В конце 1803 г. Россия начала наращивать сухопутные силы на Ионических островах. Если в середине 1803 г. там было всего 1,2 тысячи человек сухопутных войск, то через полтора года их численность возросла до 8 тысяч. Большая часть войск перевозилась на боевых кораблях из Одессы через Проливы.

13 октября 1804 г. вышла из Кронштадта эскадра капитана-командора А.С. Грейга в составе 74-пушечного корабля «Св. Елена», 66-пушечного корабля «Ретвизан»^[42] и двух фрегатов. По прибытии на Корфу (11 января 1805 г.) Грейг принял командование над находившимися на Адриатике русскими кораблями.

18 сентября 1805 г. из Кронштадта на Средиземное море была отправлена еще более мощная эскадра вице-адмирала Д.Н. Сенявина. В ее состав входили 80-пушечный корабль «Уриил», 74-пушечные корабли «Москва», «Св. Петр», «Ярослав» и «Селафаил», а также 22-пушечный фрегат «Кильдюин». В Англии Сенявин закупил бриги «Феникс» и «Аргус». 18 января 1806 г. эскадра Сенявина прибыла на Корфу, где вице-адмирал принял командование русским флотом на Средиземном море у капитана-командора Грейга. Всего под началом Сенявина оказалось 9 кораблей (не считая корабля «Михаил», обращенного в 1805 г. в транспорт), 5 фрегатов, 11 бригов и других малых судов и 12 канонерских лодок. Русские сухопутные войска на Ионических островах насчитывали 10,2 тысячи человек, не считая двух тысяч добровольцев из албанцев и греков. Основной базой русских стал остров Корфу, где было даже основано адмиралтейство. Однако строить большие суда на Корфу возможности не было. Адмиралтейство ограничивалось ремонтом кораблей и постройкой малых судов. В связи с этим в 1806 г. Сенявиным было закуплено несколько боевых и коммерческих судов. Причем последние также были обращены в боевые суда. Среди них были корветы «Дерзкий» (28 пушек),

«Версона» (22 пушки), «Павел» (18 пушек) и «Альциное» (18 пушек); брига «Богоявленск» (16 пушек), «Курьер», «Орел» (16 пушек) и др.

Отправляя эскадру Сенявина, Александр I строил грандиозные планы действий на Средиземном море. Увы, молодой царь и его не менее молодые советники князь П.П. Долгоруков, князь В.П. Кочубей, Адам Чаторыйский и другие смотрели на мир легко и просто. У них все было гладко на бумаге, а говорить же об оврагах считалось неприличным.

После убийства Павла перед новым императором Александром I возникла дилемма — союз с Наполеоном или участие в очередной антифранцузской коалиции. Заметим, что нейтралитет в 1800–1805 гг., по мнению англичан, означал союз с Францией. Только за то, что Дания объявила нейтралитет, Нельсон сжег ее флот и бомбардировал Копенгаген. Александр I предпочел вступить в коалицию с Англией и Австрией. Дореволюционные историки объясняли это приверженностью царя к священным правам легитимизма и т. п., советские историки — заинтересованностью дворянства в торговле с Англией. Хотя уж в чем дворяне, и особенно их жены и дочери, были заинтересованы, так это во французских товарах. На самом деле решающими оказались два субъективных фактора — влияние «немецкой» партии и честолюбие молодого царя. Матерью Александра была вюртембергская принцесса София Доротея, а женой — Луиза Баденская, при переходе в православие получившие имена Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна. Вместе с ними в Россию наехала толпа родственников и придворных. Я уже не говорю о «гатчинских» немцах, которым Павел доверил самые ответственные посты в государстве. Вся эта компания настойчиво требовала от Александра вмешательства в германские дела — у кого были там корыстные интересы, а у кого на родине от Наполеона пострадали родственники. Сам Александр был крайне честолюбив и жаждал воинской славы, надеясь, что она покроет позор отцеубийства. Александр решил лично предводительствовать войсками, двинувшимися в Германию.

На Средиземноморском театре у союзников по коалиции были идеальные условия для борьбы с Францией. Морские и сухопутные силы Англии, России, Австрии, Турции и Неаполитанского королевства имели многократный перевес над противником. Все стратегические пункты Средиземного моря — Гибралтар, Мальта, Дарданеллы и др. — были в руках союзников. Они контролировали все африканское побережье от Сирии до Триеста, и также Южную Италию.

Поначалу все шло хорошо. В октябре 1805 г. адмирал Нельсон у мыса Трафальгард, вблизи Кадикса, разгромил объединенный франко-испанский

флот. Но 20 ноября (2 декабря)^[43] 1805 г. в Аустерлицком сражении Наполеон вдребезги разбил русско-австрийскую армию. Александр I и австрийский император Франц бежали с поля боя. Оба императора были страшно испуганы. 14 (26) декабря 1805 г. Австрия подписала Пресбургский мир с Францией. Австрия уступала часть своей территории Баварии, Вюртембергу и Бадену (немецким союзникам Наполеона), Франция же получала Венецианскую область, почти всю Истрию, Далмацию и Которскую бухту.

В тот же день, 14 (26) декабря, Наполеон отдал приказ генералу Сен-Сиру взять Неаполь. Войскам зачитали приказ императора: «Солдаты!.. Неаполитанская династия перестала существовать. Ее существование несовместимо со спокойствием Европы и честью моей короны... Опрокиньте в море... эти дряхлые батальоны морских тиранов». В свое время А.З. Манфред обратил внимание на странное сочетание слов «честь моей короны» и «тираны». В этом и был весь Наполеон. Недаром его называли императором революции.

«Морские тираны», то есть неаполитанский король Фердинанд IV с королевой Каролиной, в очередной раз драпанули в Сицилию. А Жозеф Бонапарт (Джузеппе Буона-Парте) стал неаполитанским королем.

Так Аустерлицкое сражение кардинально изменило положение русской армии и флота на Средиземном море. До этого они были окружены союзниками, а теперь Средиземное море фактически стало французским озером. Союзниками России остались только острова Мальта и Сицилия, формально союзницей оставалась и Турция.

24 ноября 1805 г., то есть через четыре дня после Аустерлица, царь с перепугу приказал вернуть из Средиземного моря в Россию большую часть находившихся там войск, оставив на Корфу лишь незначительные силы. А 14 декабря Александр I подписал приказ о возвращении в черноморские порты всех находившихся в Средиземном море русских военных кораблей и транспортов. Но к началу 1806 г. страх царя постепенно проходит, и уже 3 февраля на Корфу уходит новый рескрипт, отменяющий выход войск и флота. Сеньявину ставится задача, «чтобы насколько возможно препятствовать осуществлению французских расчетов на Оттоманскую империю».

Которская область и Рагузинская республика.

Сенявин действует решительно. В феврале 1806 г. к порту Котор отправлены 66-пушечный корабль «Азия», 48-пушечный фрегат «Михаил» и шхуна «Экспедицион» с десантом. Командир отряда русских кораблей капитан 1-го ранга Г.Г. Белле 19 февраля предъявил австрийцам требование передать крепости Которского района «представителям бокезского народа».

Австрийцы были вынуждены уступить, и русский десант без боя овладел Котором. Там же была захвачена французская шебека «Азард».

В июне 1806 г. русские войска попытались взять Дубровин, занятый французами, но были вынуждены отойти.

Аустерлиц пораил султана Селима III не меньше, чем императоров Александра и Франца. Получив известие о сражении, Селим написал великому визирю: «Мой визирь, как я вам говорил устно, пусть реисулькюттаб^[44] дает понять Фонтону, что мы признаем Наполеона императором. Как можно возражать против императорского знания Бонапарта, победившего столько стран и разгромившего двух императоров. Когда французская нация и император наши друзья, нет смысла не признавать этого факта. Так говорит народ, и в словах его правда».

В январе 1806 г. султан Селим III признал императорский титул Наполеона и даже присвоил ему титул падишаха. В апреле 1806 г. великий визирь попросил русского посла А.Я. Италинского сократить число проходящих через Проливы русских кораблей. А осенью 1806 г. Проливы были вообще закрыты для русских военных кораблей, на проход же торговых судов были наложены серьезные ограничения.

Ужесточение позиции Турции по отношению к России было напрямую связано с новыми победами Наполеона. 2 октября 1806 г. прусская армия была наголову разбита в двух сражениях, происшедших в один день — при Иене и Ауэрштеде. Вскоре Наполеон занял Берлин и Варшаву. Французская армия оказалась уже у русской границы. В Константинополь прибыл новый французский посол генерал Ф. Себастиани, в задачу которого входило

добиться союза с Турцией против России. Для этого он использовал все средства, и в частности говорил о возможности восстановления Османской империи в границах до подписания Кючук-Кайнарджийского договора. Иными словами, он прельщал султана возможностью возвратить Крым и Очаков.

По договоренности с Россией султан имел право смещать господарей (правителей) Молдовы и Валахии только по суду с участием русских представителей. Осенью 1806 г. Селим III нарушил договор и сместил господарей Ипсиланти и Мурузи.

Россия была вынуждена принять ответные меры. Говоря «вынуждена», я имею в виду не миролюбие Александра, а то, что у России руки были связаны войной с Наполеоном на территории Польши и Восточной Пруссии.

24 сентября 1806 г. Александр I приказал передать 18 тысяч червонцев и оружие вождю сербских повстанцев Кара-Георгию. А 4 октября Александр I предписал командующему Молдавской армией генералу от кавалерии И.И. Михельсону занять Молдову и Валахию, что и было выполнено в ноябре 1806 г.

18 декабря 1806 г. султан Селим III издал фирман о войне с Россией. В фирмане на Россию возлагалась ответственность за захват «мусульманских земель Крыма и Гюрджистана (Грузии)», вмешательство во внутренние дела Османской империи, то есть в управление Ионическими островами и Дунайскими княжествами. Одновременно султан призвал всех правоверных к джихаду — священной войне против России.

Глава 14

КАК СЕНЯВИН РАЗГРОМИЛ ТУРЕЦКИЙ ФЛОТ, А АЛЕКСАНДР I ПОГУБИЛ ЕГО ЭСКАДРУ

В связи с ухудшением отношений с Турцией в помощь Сеньявину летом 1806 г. на Балтике была сформирована эскадра кораблей под начальством капитана-командора И. Л. Игнатьева.

19 августа 1806 г. эскадра вышла из Кронштадта. В ее составе были: 80-пушечный корабль «Рафаил», 74-пушечные корабли «Сильный» и «Твердый», 66-пушечные «Мощный» и «Скорый», фрегат «Легкий» (38 пушек), шлюп «Шпицберген» (32 пушки), корвет «Флора» (22 пушки) и катер «Стрела». 21 декабря 1806 г. эскадра Игнатьева без потерь пришла на Корфу.

С прибытием эскадры Игнатьева численность русских сухопутных войск на Ионических островах возросла до 13 тысяч человек. Кроме того, имелось около 3 тысяч «туземцев» — албанцев, черногорцев, бокезцев. Большинство их отличалось личной храбростью, но с трудом привыкало к дисциплине и предпочитало воевать исключительной в родных местах.

Как уже говорилось, с началом войны с Турцией русские на Ионических островах оказались фактически блокированными. Обеспечение из России стало возможно доставлять лишь кружным путем вокруг Европы. При этом на русские суда постоянно нападали французы и североафриканские вассалы турецкого султана. В феврале 1807 г. Сеньявин узнал, что тунисский бей захватил четыре русских торговых судна. В итоге русская армия и флот остались без материального снабжения, без провизии и без денег. Население Ионических островов было слишком немногочисленно и бедно, чтобы прокормить русских. Да и особенно давить на них было нельзя — народ там хоть и бедный, но воинственный и поголовно вооруженный. Тут Сеньявин и вспомнил подвиги Григория Орлова и Ламбро Качиони, а может, и не вспомнил, а сам догадался, где достать денег. Почти все побережье Средиземного моря стало враждебно русским. Но противостоять русскому флоту было попросту некому. Турецкий флот забился в Проливы. У австрийцев флота практически не было. Неаполитанские корабли частично ушли в Сицилию, а частично

отсиживались в базах. Французский флот был изрядно потрепан Нельсоном.

Зато почти каждое торговое судно, встречаемое русским кораблем в Средиземном море, оказывалось вражеским и, соответственно, объявлялось призом. По указанию Сенявина все захваченные суда противника, а также военная контрабанда, захваченная на нейтральных судах, пробиравшихся во вражеские порты, поступали в продажу. Три восьмых от вырученной суммы распределялись между офицерами и матросами корабля, взявшего призовое судно, а остальные пять восьмых делились между всеми кораблями эскадры. При этом деньги по определенной норме полагалось получать всему личному составу боевых кораблей. Русская армия и флот в Средиземном море встали на самообеспечение. Так, один фрегат «Венус», крейсировавший в мае 1806 г. между Венецией и Триестом, приобрел призов более чем на 100 тысяч рублей. Общие же размеры призовой суммы, предназначенной к распределению между составом эскадры в 1806–1807 гг., были не менее полутора миллионов рублей.

Идя на обострение отношений с Турцией в конце 1806 г., русское правительство не имело подготовленного и утвержденного плана войны против нового противника. В высших военных и политических сферах обсуждалось предложение поднять восстание в Греции и наступать на Константинополь через Албанию. Обсуждался также план изоляции Османской империи от владений Наполеона путем создания с помощью сербов, герцеговинцев и черногорцев барьера в северной части Балканского полуострова. Были и другие предложения. Но ни одно из них не было окончательно принято. Лишь в начале января 1807 г. утвердили разработанный управляющим морским министерством П. В. Чичаговым план войны с Турцией. В общих чертах он сводился к следующему:

1. Прорыв Черноморского флота в Босфор и высадка здесь 15–20 тысяч десанта.

2. Прорыв Средиземноморской русской эскадры совместно с английскими кораблями сквозь Дарданеллы.

3. Отвлечение сил противника от Константинополя действиями Дунайской армии.

Первый пункт плана Чичагова был абсолютно нереалистичен. После смерти Екатерины Черноморскому флоту не уделялось должного внимания, он ослаб количественно и качественно. Руководили Черноморским флотом бездарные иностранцы, безразличные к интересам Русского государства. С 1800 г. главным командиром Черноморского флота был немец Виллим Фондезин, а в 1802 г. его сменил французский эмигрант маркиз де

Траверсе.

21 января 1807 г. Траверсе получил приказ о подготовке десанта в Босфор и сразу же отрапортовал в Петербург Чичагову, что флот к концу марта будет вполне готов к выполнению поставленной задачи, а транспортные суда смогут принять 17 тысяч человек десанта. Но, разобравшись в ситуации, маркиз схватился за голову. В рапорте от 12 февраля он уже поет другую песню: мол, полки, назначенные для высадки в районе Константинополя, не укомплектованы, а из наличного состава весьма значительную часть составляют необученные новобранцы, что опытных штаб- и обер-офицеров также нет и поэтому предпринимать экспедицию в Босфор не представляется возможным. Как видим, маркиз был хитер и свалил все на не подчиненные ему сухопутные войска. Все сказанное было правдой, то Траверсе забыл сказать об отсутствии необходимого числа исправных транспортных судов. Не хватало и боевых кораблей. По штатам Черноморский флот должен был иметь 21 корабль, а фактически в 1807 г. их было всего шесть.

Однако главной причиной срыва десанта был сам бездарный и трусливый маркиз. Будь на его месте Ламбро Качиони, Поль Джонс или Алексашка Меншиков, несмотря на все трудности, русский десант был бы в Царьграде.

Итак, Босфорская операция была отменена на стадии планирования.

Выполняя второй пункт плана Чичагова, Сенявин 10 февраля 1807 г. повел эскадру к Дарданеллам. В ее составе было 10 кораблей, фрегат и шлюп. На корабли было посажено 1700 русских солдат и легион албанских стрелков (270 человек).

В Которской бухте были оставлены три корабля, фрегат и несколько легких судов, которые должны были поддерживать сухопутные войска, оборонявшие Которскую область.

У Корфу был оставлен один корабль, один фрегат и легкие суда, которые должны были оборонять Ионические острова и не допустить высадку десанта противника.

Еще в декабре 1806 г. Сенявин вступил в переписку с английским адмиралом Коллингвудом о совместной операции по прорыву дарданелльских укреплений. Естественно, сразу же возник вопрос — кто главней? Англичане хотели прибрать к рукам турецкий флот и установить контроль над Проливами. Соответственно, они хотели полностью руководить операцией и соглашались взять под свое командование лишь часть русских кораблей. Сенявин же сам хотел командовать объединенным флотом. В конце концов Коллингвуд решил обойтись без русского флота и

отдал приказ эскадре Дукворта прорываться в Дарданеллы еще до подхода Сенявина.

7 февраля 1807 г. английская эскадра вошла в Дарданеллы, а через 10 дней вышла, как говорится, «несолоно хлебавши». Дукворт не рискнул сразу после прорыва бомбардировать Стамбул, а на обратном пути понес большие потери от огня дарданелльских фортов.

Сенявин предложил Дукворту повторить вторжение в Проливы, но на сей раз объединенными силами. Сенявин соглашался, что Стамбулом нельзя овладеть без большой десантной операции, но он утверждал, что «не совсем невозможно» сжечь Стамбул и оттоманский флот. Дукворт отказался. Тогда Сенявин попросил хотя бы несколько британских кораблей, но тоже получил отказ.

В этой ситуации Сенявину ничего не оставалось, как блокировать Дарданеллы. Воспользовавшись этим, Дукворт отправил часть своих кораблей к берегам Испании, а большую часть эскадры — в Египет.

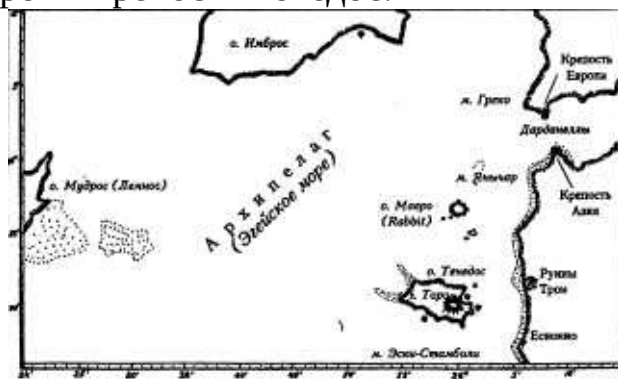
Для осуществления блокады Дарданелл русская эскадра нуждалась в удобной базе. Поэтому немедленно после ухода эскадры Дукворта Сенявин начал боевые действия по овладению островом Тенедос, который находился в 12 милях от дарданелльского устья и в трех милях от Анатолийского побережья. Участвовавший в кампании офицер Панфидин писал, что с Тенедоса просматривался Дарданелльский пролив, и всякое движение в нем сразу могло быть обнаружено. А сам Сенявин называл Тенедос «самым удобным пристанищем кораблям и прочим судам нашим».

На Тенедосе было удобнее, чем где-либо в другом пункте вблизи Дарданелл, снабжаться пресной водой. Остров Тенедос протянулся с запада на восток на 9,5 км, а с севера на юг — на 6,5 км. В северо-восточной его части была расположена крепость с предместьем и малая крепостца (форт Табия). Остров имел равнинный ландшафт, изобиловал виноградниками, а вокруг крепости возвышались три господствовавшие над ней горы. Численность гарнизона составляла 1400–1550 человек. В крепости и крепостце имелось 79 медных и чугунных пушек.

К этому времени к эскадре Сенявина присоединилось до 20 корсарских греческих судов. Такие суда были вооружены 10–26 пушками калибра от 3-х до 12 фунтов.

8 марта 1807 г. в 7 часов утра на острове был высажен русский десант — два батальона Козловского полка (900 человек), морская рота (600 человек), отряд албанских стрелков (160 человек) и несколько полевых пушек. Высадка осуществлялась с греческих судов, а корабль «Мощный» и фрегат «Венус» поддерживали десант огнем. Корабль «Рафаил»

обстреливал форт Табию. К середине дня десантники овладели фортом Табия и загнали турок в крепость Тенедос.

Восточное Средиземноморье у входа в Дарданеллы.

На следующий день русские приступили к сооружению четырех 4-пушечных осадных батарей и перерезали снабжающий крепость водопровод.

Утром 10 марта к Сенявину прибыл парламентар, заявивший, что комендант готов сдать крепость при условии свободного выхода из нее гарнизона. На следующий день гарнизон и все турецкое население острова были перевезены на судах на анатолийский берег. Над крепостью взвился русский флаг.

В боях турки потеряли около 200 человек убитыми и более 150 ранеными. Русские потеряли 4 человека убитыми и 86 ранеными. «Рафаил» получил 20 пробоин, из которых две — ниже ватерлинии.

Из 79 захваченный на острове пушек три четверти оказались негодными, да и остальные, как было сказано в заключении комиссии по принятию трофейного оружия, «употреблять можно по нужде». Большинство ядер тоже оказались проржавелыми и «кособоковыми». 300 захваченных ружей и 300 сабель также годились только на лом. Но все же победителям досталось несколько тысяч пригодных к употреблению ядер (в том числе 350 каменных и 380 бомб) и более ста пудов сухого пороха.

Блокадные действия русской эскадры в районе Дарданелл начались еще до боя за Тенедос. 5 марта Сенявин предписал кораблям «Скорому» и «Селафаилу» «наблюдать, чтобы никакое судно не могло пройти в Дарданеллы или оттуда в Архипелаг без осмотра». Блокадный дозор был установлен у маленького островка Мавро примерно в пяти милях от входа в Дарданеллы. В марте и апреле дозор состоял из двух кораблей или одного корабля и фрегата и сменялся через 11–16 дней. В приказах командирам блокадного дозора Сенявин рекомендовал «бывать... чаще под парусами», чтобы в случае нужды не надо было тратить время на съемку с якоря.

Главные силы стояли в проливе между Тенедосом и анатолийским берегом и в любой момент готовы были поднять паруса.

Таким образом, проход турецких судов через Дарданеллы стал невозможен. Турки попытались выйти из положения, направляя купеческие суда в Саросский залив. На северном берегу залива суда разгружались, а далее товары гужевым транспортом доставлялись в Стамбул. Транспортировка грузов таким способом было трудоемким и дорогим удовольствием. Тем не менее Сенявин вскоре перекрыл и этот канал снабжения Константинополя, послав в Саросский залив греческих корсаров и русский фрегат.

В июне были случаи, когда турецкие лодки и легкие суда проскальзывали из Дарданелл к острову Имброс. Чтобы исключить это, Сенявин усилил блокадный дозор третьим кораблем, определив его позицию «у оконечности мыса европейского матерого берега».

Столь эффективная блокада посадила население Константинополя на голодный паек. Среди обывателей росло недовольство. Турецкое командование решило любой ценой разблокировать Дарданеллы. В первую очередь решено было изгнать русских с острова Тенедос. Турки сосредоточили на азиатском побережье напротив острова войска, которые по численности значительно превосходили русский гарнизон. Собрали они и гребные суда, на которых можно было бы перебросить войска на Тенедос. Но пока русская эскадра оставалась у острова, нечего было и мечтать о десанте. Чтобы заставить русскую эскадру уйти от Тенедоса, турецкий флот должен был сделать вылазку в Эгейском море.

Хорошо наладив разведку и получая информацию о положении в неприятельской столице и о приготовлениях противника, Сенявин сумел разгадать его замыслы. Стремясь вызвать турок на бой, Сенявин приказал 17 марта Грейгу с кораблем «Ретвизан», фрегатом «Венус» и одним греческим судном отделиться от эскадры и отправиться к Салоникам. В письменной инструкции Сенявин поставил задачу взыскания контрибуции «с сего богатого селения». Но П. Свиньин, участвовавший в походе к Салоникам и отлично осведомленный о замыслах Сенявина, пишет, что «главную целию было обмануть турок и показать себя беспечными и силы свои ослабленными».

17 апреля турецкая эскадра из Мраморного моря перешла в Дарданелльский пролив. Узнав об этом, Сенявин приказал Грейгу отправиться с кораблями «Ретвизан», «Рафаил», «Св. Елена» и «Селафаил» к острову Лесбос и крейсировать между этим островом и Хиосом до 1 мая. Побочной целью этого крейсерства была борьба на сообщениях, которые

вели к одному из важнейших турецких портов Смирне (Измир). Главной же целью было разделением сил «поощрить турок выйти из Дарданелл». В приказе Грейгу говорилось, «что турки, увидевши здесь наши силы посильные себе, может статься, предпримут выйти из Дарданелл». Сенявин добавлял, что в случае выхода противника он намеревается идти на соединение с Грейгом и дать противнику возможность беспрепятственно спуститься к Тенедосу. Командующий был уверен в стойкости своего тенедосского гарнизона и не сомневался в том, что туркам не удастся его одолеть до тех пор, пока оба отряда русских кораблей не успеют соединиться и атаковать турецкий флот.

Производившееся с демонстрационными целями разделение сил не дало полностью ожидаемых результатов: отряд Грейга, выполнив задание, успел возвратиться к Тенедосу, а турецкие корабли все еще стояли под защитой дарданелльских батарей, не решаясь выйти в Эгейское море.

Турки вышли из Дарданелл лишь 7 мая в 6 ч. 30 мин. Увидев турок, Сенявин собрал военный совет, на котором было решено отойти к острову Имброс. В рапорте Александру I Сенявин писал, что, предпринимая этот маневр, он «имел в предмете... дать неприятелю более способу устремиться на остров и тем самым отвести его далее от пролива». Сенявин хотел воспользоваться обычными в этом районе в это время года северными ветрами, чтобы, обойдя остров Имброс, «выйти у неприятеля на ветер, отрезать его от пролива и атаковать».

Воспользовавшись уходом русской эскадры, турки 8 мая дважды высаживали десант на Тенедос, но оба раза были сброшены в море его гарнизоном.

Сенявину не удалось обогнуть остров Имброс и отрезать турецкий флот от Дарданелл. Сначала штиль, а затем противные ветры задержали русскую эскадру у западных берегов Имброса на двое суток. А так как на большой срок опасно было оставлять гарнизон Тенедоса без поддержки флота, Сенявин решил вернуться. Утром 10 мая эскадра уже возвратилась и стала на якорь у Тенедоса.

С утра дул легкий северо-западный ветер, и турецкая эскадра занимала по отношению к русской наветренное положение. По словам Сенявина, ветер был «самый удобный атаковать туркам нас, буде бы они были к тому расположены». Но командующий турецкий флотом Сеит-Али не был расположен атаковать русскую эскадру. Тогда Сенявин сам атаковал турок, как только выиграл ветер. Когда около 13 часов задул свежий юго-западный ветер, он подал сигнал «приготовиться к походу как возможно скорее». Последовавший затем (около 14 часов) сигнал «построиться в линию

баталии» был выполнен очень быстро: уже через полчаса вся эскадра была под парусами в порядке баталии и следовала к турецкому флоту.

Увидев, что русская эскадра вступила под паруса, турецкие корабли поторопились сняться с якоря, чтобы укрыться в Дарданеллах. На «Твердом» был поднят сигнал: нести все возможные паруса и атаковать неприятеля. Однако ветер стих, и эскадра задержалась, а ее боевой порядок расстроился. Лишь около 18 часов задул западный ветер, позволивший русским вновь устремиться на противника. Западный ветер был использован и турками, возобновившими отход в Дарданеллы.

В 18 ч. 15 мин. русские корабли «Ретвизан» и «Рафаил» открыли огонь. Вскоре и русские, и турки нарушили строй, и вместо дуэли по регламенту Госта началась свалка. Корабли противников сходились столь близко, что даже задевали рангоутами друг за друга. Но абордажа боялись обе стороны, и до рукопашной дело не дошло.

Около 8 часов вечера стемнело, и сражение стало стихать. Часть русских кораблей вперемешку с турецкими относилось к фортам Дарданелл. Артиллерия фортов открыла огонь по русским кораблям. Больше всех досталось «Твердому», оказавшемуся на расстоянии 200 м от берега.

Утром 11 мая русские корабли попытались захватить турецкий корабль, севший на мель у азиатского берега при входе в Дарданеллы. Атака русских была отбита артиллерийским огнем турецких кораблей и фортов.

В Дарданелльском сражении обе стороны не выполнили своих задач. Туркам не удалось снять блокаду, а русским — уничтожить турецкий флот.

На русской эскадре был убит капитан-командор И. А. Игнатьев и 26 матросов, ранено 6 офицеров и 50 матросов. Причем 12 человек было ранено при разрыве пушки на «Ретвизане». Большую часть повреждений русским кораблям причинила крепостная артиллерия. Так, на «Рафаиле» и на «Ярославе» мраморными ядрами были пробиты оба борта. «Твердый» имел наибольшее количество повреждений: 10 пробоин в корпусе и 47 в парусах.

Русские историки считают Дарданелльское сражение победой русского флота. Однако обстоятельства дела и ничтожные потери русских свидетельствуют, мягко говоря, о пассивности и нерешительности Сенявина, Грейга и других русских командиров, позволившим уйти всем кораблям турецкого флота.

В итоге было много пальбы и мало толку. Русская эскадра 10 и 11 мая истратила пороха 1366 пудов (почти 22,4 тонны), ядер 16 149 (в том числе 36- и 30-фунтовых — 3328).

Турецкий адмирал Сеит-Али был недоволен исходом боя и приказал удавить вице-адмирала и двух командиров кораблей.

Начало 1807 г. ознаменовалось кровопролитным сражением у Прейсиш-Эйлау. И русские, и французы объявили о своей победе. Тем не менее французы наступали, и, забегая вперед, скажем, что 14 июля 1807 г. русская армия была наголову разбита при Фридланде.

Но еще до Фридланда Александр I считал слишком опасным для России вести сразу две войны. Поэтому он решил предложить туркам мир и направил для переговоров с ними на эскадру Сенявина чиновника министерства иностранных дел французского эмигранта Поццо-ди-Борго.

Однако переговоры затянулись по целому ряду причин, в том числе из-за переворота в Стамбуле, в результате которого Селим III был свергнут с престола, а позже задушен в тюрьме. На престоле оказался его юный кузен Мустафа IV, окружение которого жаждало продолжения войны.

Утром 10 июня из Дарданелл вышла турецкая эскадра в составе 8 кораблей, 5 фрегатов, 2 корветов и 2 бригов. Из-за непрекращающихся северных ветров русская эскадра в эти дни не имела возможности «приблизиться хотя мало к неприятелю» и вынуждена была оставаться у острова Тенедос. Лишь к вечеру 12 июня ветер «несколько поблагоприятствовал», и Сенявин «вступил под паруса с эскадрою в десяти кораблях, одном фрегате, одном шлюпе и двух корсарских судах». Покинув Тенедос, русская эскадра пошла не прямо на противника, а стала огибать Имброс с запада, проходя между этим островом и островом Самофраки.

15 июня Сеит-Али подошел к Тенедосу и, обнаружив, что там остался лишь бриг «Богоявленск» и два небольших судна, устремился к острову. При приближении турецкой эскадры к Тенедосу турецкие войска начали переправляться с азиатского берега на остров. После обстрела крепости и берега турецкой корабельной артиллерией высадка десантных войск пошла более интенсивно, и 16 июня на острове было сосредоточено более 7 тысяч турок. Русский гарнизон Тенедоса численностью 600 человек атаковал турок в момент высадки, а артиллерия крепости и «Богоявленска» вела огонь по его кораблям.

17 июня утром русская эскадра вышла с севера к Дарданеллам и обнаружила турецкий флот, стоявший в этот момент на якоре между Тенедосом и азиатским берегом. Эскадре было приказано спускаться на неприятеля. Но турки не решились принять бой и стали уходить. Намерение их, пишет Сенявин Александру I, заключалось в том, чтобы, «избегая сражения, стараться отвлечь меня от острова Тенедос, дабы через то получить более удобства сделать со стороны азиатского берега

вспоможение высаженному вчерашнего дня в большом количестве десанту».

17 июня русские суда перебросили на остров подкрепление и боеприпасы. Русские гребные суда частично отогнали, а частично уничтожили турецкие десантные суда.

18 июня Сенявин выделил фрегат «Венус», шлюп «Шпицберген» и два корсарских судна для охраны Тенедоса, а с остальными судами двинулся к турецкой эскадре.

Чтобы не дать противнику ускользнуть в Дарданеллы, Сенявин сначала направился к острову Имброс, лежащему между проливом и Лемносом, а затем стал спускаться к Лемносу. Вечером 18 июня он находился в 6 милях к северу от этого острова и надеялся на рассвете найти и атаковать противника.

Утром 19 июня началось Афонское сражение. В состав русской эскадры входили корабли: 80-пушечные «Уриил» и «Рафаил»; 74-пушечные «Селафаил», «Ярослав», «Твердый», «Сильный» и «Св. Елена»; 66-пушечные «Скорый», «Ретвизан» и «Мощный».

Турецкая эскадра состояла из кораблей: 120-пушечного «Мессу-дие» («Величество султана») — флагмана капудана-паши Сеита-Али; 84-пушечных «Анкай-Бахри» («Величество моря») — под флагом вице-адмирала Шеремет-Бея, «Таусу-Бахри» («Морская птица») — под брейд-вымпелом командора Гуссейн-Бея, «Тевфик-Нюма» («Указатель счастливого пути»), «Килит-Бахри» («Морской ключ»); 80-пушечного «Седэль-Бахри» («Оплот моря») — под флагом капитан-бея Бекир-Бея; 74-пушечных «Сайади-Бахри» («Морской рыбац»), «Мем-Банк-Нюсарет» («Счастливый»), «Хибет-Ендас» («Неустрашимый»). Фрегатов: 50-пушечных «Мескензи-Газа» («Марсово поле»), «Бендриза-Фет» («Победитель»), «Фуки-Зефир» («Моряк»), «Нессим-Фети» («Легкий ветерок»); 40-пушечного «Искендерие» («Александрия») и 32-пушечного «Метелино». Корветов: 28-пушечных «Рехберн-Алим» и «Денювет» («Воин»). Бригов: 18-пушечных «Аламит Порсет» («Приятный вестник») и «Меланкай».

По подсчетам О. Щербачева^[45], всего на турецких кораблях было 1138 пушек, а на русских — 728 пушек. По другим данным^[46], у турок было 1196 пушек, а у русских — 754 пушки.

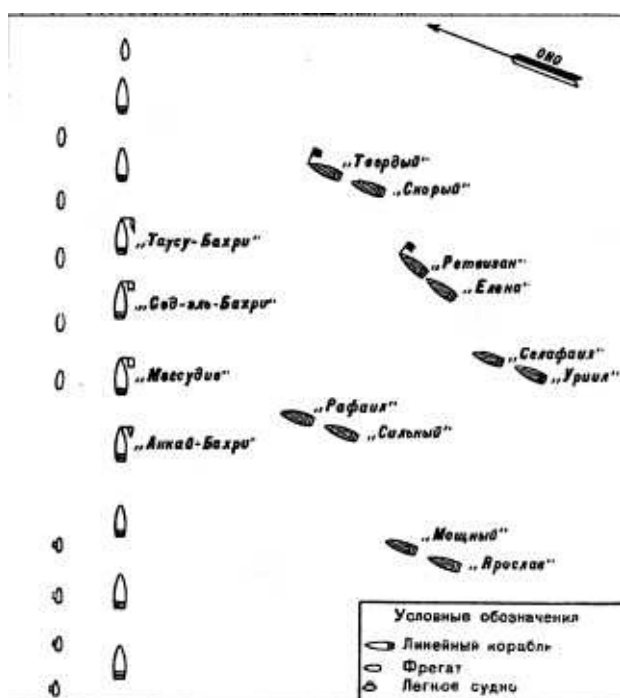
Перед боем Сенявин отдал приказ по эскадре: «Обстоятельства обязывают нас дать решительное сражение, но покуда флагманы неприятеля не будут разбиты сильно, до тех пор ожидать должно сражения

самого упорного, почему сделать нападение следующим образом: по числу неприятельских адмиралов, чтобы каждого атаковать двумя нашими, назначаются корабли: „Рафаил“ с „Сильным“, „Селафаил“ с „Уриилом“ и „Мощный“ с „Ярославом“».

Турецкие корабли выстроились в линию. За ними была вторая линия, состоявшая из фрегатов, корветов и малых судов.

Русские корабли в 7 ч. 30 мин. парами двинулись к линии неприятельских кораблей.

Через час в центре турецкой линии уже была свалка кораблей. «Мессудие» попытался взять на абордаж «Рафаил». Командир «Рафаила» капитан 1-го ранга Лукин был убит турецким ядром. «Рафаил» прорезал линию турецких кораблей и оказался между неприятельскими кораблями и фрегатами.

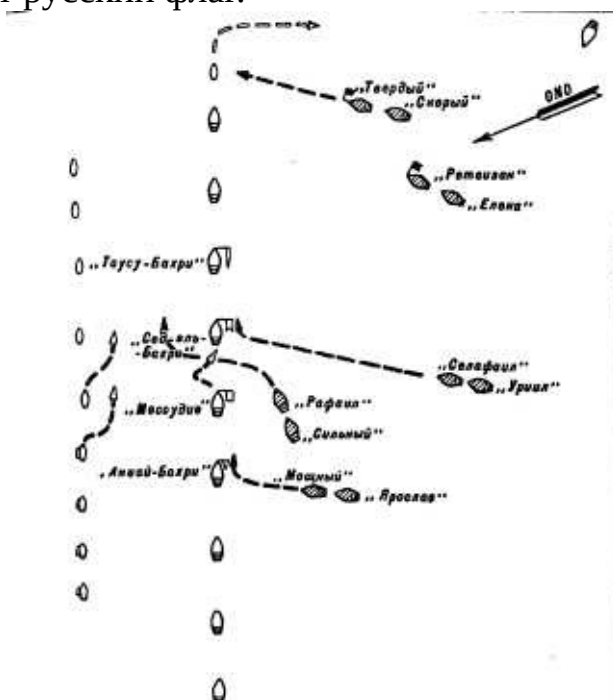

Афонское сражение (7 ч. 30 мин.)

К 9 часам русским кораблям, за исключением «Рафаила», удалось построиться в линию и вести артиллерийскую дуэль с турецкими кораблями.

Около 10 часов турецкие корабли начали отход к мысу Афон. Сильно поврежденный корабль «Сед-эль-Бахри» был к 17 ч. 45 мин. окружен русскими кораблями и взят в плен. Командир «Селафаила» капитан 2-го ранга Рожнов послал на «Сед-эль-Бахри» лейтенанта Титова с командой «для занятия караула и управления кораблем». Адмирал Бекир-Бей, командир корабля и другие турецкие офицеры вместе с корабельными

флагами были перевезены на «Селафаил». А на рассвете на захваченном корабле был поднят русский флаг.

Афонское сражение (8 ч. 30 мин. — 9 ч. 00 мин.)

При захвате «Сед-эль-Бахри» выяснилось, что у турок матросами на кораблях служат военнопленные. Там оказалось 11 русских матросов с корвета «Флора», разбившегося в начале 1807 г. у албанских берегов, а также 7 английских матросов.

20 июня рано утром корабль и два фрегата, которые накануне шли с кораблем Бекир-Бей, были обнаружены в створе мыса Афон. Сенявин послал им вдогонку отряд из трех кораблей под командованием Грейга. Видя безвыходность своего положения и возможность пленения, турки посадили корабль и фрегаты на мель у островка Николас и, переправив личный состав на берег, взорвали их.

21 июня утром отряд Грейга вернулся, и Сенявин поспешил к Тенедосу, «дабы скорее подать нужную помощь оставленному в крепости нашему гарнизону». Решение адмирала было более чем спорно. Ведь имелась реальная возможность уничтожить всю турецкую эскадру. Турецкие корабли потеряли строй и шли к Дарданеллам поодиночке. За это Сенявин подвергся резкой критике Чичагова, Поццо-ди-Борго и многих офицеров эскадры.

В полдень 24 июня русская эскадра подошла к Тенедосу. К этому времени турки почти полностью заняли остров. Русские удерживали лишь крепость Тенедос. 25 июня русские корабли окружили остров, и Сенявин

предложил турецкому десанту без боя вернуться на материк. На следующий день турки приняли предложение, и остров был освобожден.

Сейчас сложно судить, продержались бы защитники Тенедоса еще пару дней, или бы турки захватили окончательно остров. А скорее всего, турки, узнав о гибели своего флота, просто бежали бы сами с Тенедоса, не дожидаясь подхода русской эскадры. В любом случае, потеря Тенедоса не стоил уничтожения турецкого флота.

Потери русских в Афонском сражении составили 78 человек убитыми и 169 человек ранеными. Русские корабли выпустили 14 801 ядро, из них 68-фунтовых — 47 штук, 36- и 30-фунтовых — 5718 штук. Израсходовали 2360,5 пуда (38,7 тонн) порошу. В Афонском сражении пушки зачастую заряжали сразу двумя ядрами с целью нанесения большего ущерба неприятелю при стрельбе на близких расстояниях. Было израсходовано 119 брандкугелей, но сильных пожаров вызвать не удалось.

После Афонского сражения англичане предложили Сенявину начать совместную операцию в Проливах. Однако через три недели после Афона произошло Фридландское сражение, а еще через 11 дней (25 июня 1807 г.) Александр I и Наполеон подписали Тильзитский мир. Обстановка написания этого мирного договора и значение его для России в целом выходят за рамки нашей работы, поэтому мы остановимся лишь на аспектах договора, касающихся русско-турецких отношений.

Тильзитский договор состоял из собственно договора и секретных статей. Любопытно, что секретные статьи полностью так и не были раскрыты, и я вынужден опираться на русский перевод того, что было рассекречено французским министерством иностранных дел.

В статье 22 договора было сказано: «Русские войска удалятся из провинций Молдавии и Валахии, но войска Его Высочества (султана. — А.Ш.) не вправе будут занять их до обмена ратификаций будущего окончательного мирного договора между Россией и Османской Портой».

Статья 23 предусматривала посредничество Наполеона в русско-турецких мирных переговорах.

Статья 24 в какой-то мере дезавуирует статью 22 и ряд других. В ней говорится, что сроки вывода войск, «равно как и способы выполнения других статей, входящих в настоящий договор, будут установлены особым договором».

Согласно секретным статьям, русские должны были передать французам район Котора. Ионические острова должны перейти «в полную собственность и державное обладание» Наполеона. Александр I «обязуется признать Е. В. Короля Неаполитанского Жозефа-Наполеона Королем

Сицилии непосредственно после того, как Король Фердинанд IV получит в вознаграждение Балеарские острова или остров Кандию, или что-либо иное такого же значения». То есть Александр I признавал оккупацию Наполеоном Южной Италии, заранее одобряя вторжение французов в Сицилию.

В итоге Россия была принуждена заключить унижительный договор с Турцией. Русская армия и флот должны были отдать свои базы на Ионических островах французам и убраться из Средиземного моря. Население Ионических островов, принявшее русское подданство, вероломно выдавалось французам. Вот во что обошлось вмешательство Александра в германские дела.

Победители турок при Афоне не только должны были все бросить и уйти. Тильзит сделал последних союзников Сенявина — Англию и Фердинанда IV — врагами.

Ни Александр I, ни его приближенные в Петербурге даже не пытались понять ситуацию на Средиземном море. 28 июня царь подписал указ Сенявину: судам, числящимся в Балтийском флоте, идти в Кронштадт, а судам, числящимся в Черноморском флоте, идти в Севастополь. Причем указ, благодаря петербургским бюрократам, дошел до Сенявина аж 23 августа. Царь и не думал о штормах и бурях в Средиземном море и Атлантике в осенний и зимний период.

К этому времени русский флот на Средиземном море был разделен на две эскадры. Большая эскадра непосредственно под командованием Сенявина находилась в Эгейском море, а эскадра капитана-командора И. А. Баратынского вела боевые действия против французов в Адриатике. В ее составе были корабли «Св. Петр», «Москва», трофейный корабль «Сед-эль-Бахри», фрегат «Михаил» и ряд малых судов.

19 сентября 1807 г. Сенявин вышел из Корфу и направился к Гибралтарскому проливу. Вместе с ним шло 9 кораблей («Рафаил», «Мощный», «Сильный», «Скорый», «Селафаил», «Ретвизан», «Св. Елена», «Твердый», «Ярослав») и фрегат «Кильдюин». Сенявин планировал пройти из Корфу до Копенгагена (свыше 3000 миль) без захода в порты, что до него не делала ни одна русская эскадра. Но после прохода Гибралтара русская эскадра встретила с сильным противным ветром, не прекращавшимся в течение 20 суток. Из-за повреждений кораблей эскадра была вынуждена 30 октября 1807 г. зайти в Лиссабон. Португальская королева приветливо и доброжелательно встретила русских и обещала помочь в ремонте. Но в это время наполеоновские войска вторглись в Португалию. 18 ноября войска генерала Жюно заняли Лиссабон.

Между тем в октябре 1807 г. Александр I объявил войну Англии. 11 августа 1807 г. фрегат «Спешный», командир которого не был в курсе внешнеполитических зигзагов царя, прибыл в Англию. На его борту были деньги для эскадры Сенявина: в бочонках хранилось 601 167 испанских пиастров и 140 197 гульденов. Англичане задержали отправку фрегата, а затем захватили его вместе с грузом. Командир «Спешного» капитан-лейтенант Ховрин с горя лишился рассудка.

Поначалу Александр I по просьбе Наполеона подчинил русскую эскадру в Лиссабоне русскому послу в Париже Толстому. А 1 марта 1808 г. и вовсе подчинил Сенявина Наполеону. Этот указ был вручен Сенявину 8 апреля 1808 г. К этому времени англичане начали теснить французов на Пиренейском полуострове. Генерал Жюно несколько раз предлагал Сенявину принять участие в боевых действиях против англичан, но каждый раз получал вежливый отказ.

9 сентября 1808 г. Жюно потерпел поражение в битве у Веми-Эйро и капитулировал. По условиям капитуляции остатки войск Жюно на английских транспортах были перевезены во Францию. Там же было сказано, что порт Лиссабон остается нейтральным для русской эскадры. Но командуя английской эскадрой, блокировавшей Лиссабон, адмирал Коттон, отказался признать условия капитуляции и потребовал сдачи русских кораблей. Заметим, что англичане всегда соблюдали лишь те договоры и соглашения, которые устраивали их: вспомним поведение Нельсона в Неаполе.

Русские корабли стояли на реке Тахо в Лиссабоне. Англичане захватили оба ее берега. В море русских ждали 15 английских кораблей и 10 фрегатов. Сенявин мог выйти лишь на семи кораблях и одном фрегате, так как корабли «Рафаил» и «Ярослав» имели течь и могли потонуть, едва только показавшись в море.

В такой ситуации Сенявин 25 августа 1808 г. подписал договор о передаче русских кораблей на хранение английскому правительству. Под конвоем английской эскадры семь русских кораблей и фрегат «Кильдюин» 15 сентября 1808 г. были доставлены в Портсмут. «Рафаил» и «Ярослав» «за ветхостью» были оставлены в Лиссабоне, где их захватили англичане.

Экипажи кораблей, пришедших в Портсмут, в 1809 г. были отправлены в Ригу на английских транспортах. Сами же корабли остались в Англии. Лишь в 1813 г. в Россию вернулись «Мощный» и «Скорый».

Остальные корабли были негодны к переходу в Россию, они так и остались в Англии.

Не лучше сложилась судьба и остальных кораблей русского

Средиземноморского флота. По царскому указу эскадра капитана-командора Салтанова, состоявшая из судов Черноморского флота, должна была идти в Севастополь. В ее составе было пять кораблей, четыре фрегата, четыре корвета, четыре брига и двадцать призовых судов. Но турки отказались пропустить их через Проливы.

Корабли «Москва» и «Св. Петр» 2 октября 1807 г. вышли из Корфу и двинулись к Гибралтару в надежде прорваться в Россию. Но 9 октября между Сицилией и Сардинией они попали в сильнейший шторм и из-за повреждений были вынуждены зайти в порт Ферайо на острове Эльба. Французы не пустили их дальше. В начале 1808 г. оба корабля перешли в Тулон, где и простояли 22 месяца под русским флагом. 27 сентября 1809 г. поступило высочайшее повеление продать корабли Франции.

Фрегат «Венус» был в декабре 1807 г. блокирован англичанами в Палермо, и его командир выбрал меньшее зло — сдал корабль правительству Фердинанда IV.

Фрегат «Григорий Великия Армении» и старый корабль «Св. Михаил» за ветхостью были в 1809 г. проданы в Корфу.

А остальные корабли и суда Средиземноморского флота собрались в Триесте, где в сентябре 1809 г. были сданы французам. Среди них были корабли «Азия», «Уриил», «Св. Параскева», «Сед-эль-Бахри» (бывший турецкий); фрегаты «Легкий» и «Михаил»; корветы «Дерзкий», «Версона» и «Павел»; бриги «Феникс», «Богоявленск» и другие суда.

Глава 15

КАК КУТУЗОВ МЕЖДУ УТЕХАМИ ПОГУБИЛ ТУРОК

Как уже говорилось, Черноморский флот должен был провести Босфорскую операцию, но она была прекращена на стадии планирования.

К началу боевых действий в составе действующих кораблей Черноморского флота было шесть кораблей: 110-пушечные «Ягудиил» и «Ратный»; 74-пушечные «Исидор» и «Правый»; 66-пушечные «Варахаил» и «Победа»; четыре фрегата: «Поспешный» (36-пушечный), «Назарет» (44-пушечный), «Крепкий» (54-пушечный) и «Воин» (32-пушечный), и десять малых судов. 74-пушечный корабль «Мария Магдалина» и 20-пушечный фрегат «Николай Беломорский» были вооружены, но использовались как брандвахты.

В начале января 1807 г. из Севастополя были высланы два отряда судов. Первый отряд обстрелял Трапезунд и потопил два купеческих судна, а второй крейсировал между Варной и Босфором.

8 апреля 1807 г. эскадра контр-адмирала С. А. Пустошкина вышла из Севастополя к Анапе. В ее составе были все шесть кораблей Черноморского флота. Однако из-за повреждений во время шторма эскадра 13 апреля вернулась в Севастополь. Корабли «Победа» и «Правый» встали на ремонт и остались в Севастополе, а остальная эскадра 21 апреля вновь двинулась к Анапе.

27 апреля русская эскадра в составе четырех кораблей, четырех фрегатов, двух бригав, четырех канонерских лодок и одного брандера подошла к Анапе. После двухдневной бомбардировки был высажен десант, который овладел крепостью. В Анапе было захвачено 98 орудий и два малых судна. Анапу решено было разрушить.

По возвращении в Севастополь Пустошкин с эскадрой, количество судов в которой было увеличено (4 корабля, 5 фрегатов, 5 канонерских лодок, 2 бомбардирские лодки, 6 малых судов и 8 транспортов) был отправлен в Трапезунд с целью овладеть городом.

31 мая 1807 г. русская эскадра подошла к Трапезунду. Пустошкин приказал бомбардировать соседний с Трапезундом городок Платану. Там русские захватили одно купеческое судно, и одно потопили. Однако попытка высадить десант не удалась. Стоянка у Платаны оказалась

неудачной, а погода штормовой. В итоге в середине июля Пустошкин с эскадрой вернулся в Севастополь, чем и навлек на себя «особенное неудовольствие» начальства.

С весны 1808 г. Черноморский флот под началом контр-адмирала Трескина находился в постоянной готовности к выходу в море. В боевом составе флота произошли изменения. Летом 1807 г. из Херсона в Севастополь перешел новопостроенный 36-пушечный фрегат «Лилия», а летом следующего года — 74-пушечный фрегат «Анапа». Фрегат же «Поспешный» был переведен из корабельной эскадры в севастопольскую брандвахту. Корабль «Исидор», спущенный в 1795 г., остался в боевом составе, но после 1807 г. в море не выходил.

В связи с перемирием весь 1808 год эскадра простояла в Севастополе. Лишь малые суда высылались в море в крейсерство к сулинским гирлам Дуная. Во время перемирия крепость Анапа была вновь занята турками. В начале июня 1809 г. отряд судов под командой капитан-лейтенанта Перхурова был направлен к Анапе. В его составе были: корабль «Победа», два фрегата, бомбардирское судно, транспорт и требака (гребное судно). На судах было 1150 человек десанта. 15 июня крепость была занята без сопротивления. В Анапе остались русский гарнизон и бомбардирское судно. После занятия Анапы «Победа» и «Лилия» 23 июня вернулись в Севастополь, а оставшиеся суда еще некоторое время крейсировали у восточного берега Черного моря, блокируя Суджук-Кале.

В связи с занятием наличными сухопутными войсками прибрежных городов Кюстенжи и Мангалии к румелийскому берегу были посланы три фрегата и бриг под начальством капитан-лейтенанта Стули, которому предписывалось «прикрывать берега, занятые нашими войсками, наносить по всей возможности вред неприятелям, истреблять их суда и распространять страх на них около самой Варны». Но, к сожалению, энергичная деятельность ограничилась только предписанием. Увидев турецкую эскадру, состоящую из 33 судов (1 корабль, 2 фрегата, 1 корвет и 29 малых судов), Стули отправил в Севастополь бриг с донесением о появлении турок, а сам продолжал держаться около Варны, где встретил неприятельский отряд из пяти кораблей, в числе которых было два 100-пушечных. Но турки почему-то на наши суда не обратили внимания и к вечеру скрылись из виду.

Один только 36-пушечный фрегат «Назарет», входивший в отряд Стули, не разобрав сделанного начальником отряда сигнала о повороте, отделился от отряда и с рассветом 4 октября оказался среди неприятельских судов. Два корабля, 100-пушечный и двухдечный, пройдя с

подветренной стороны фрегата, сделали по нему несколько выстрелов, но, не продолжая боя, дали ему возможность удалиться. В донесении командира «Назарета» лейтенанта Ланге этот случай представлен таким подвигом, каким впоследствии прославился бриг «Меркурий». На самом же деле раскрытые следствием подробности этого случая доказали растерянность командира и готовность его сдаться противнику, отсутствие на фрегате должной дисциплины, ссоры и интриги, бывшие между Ланге, начальником отряда Стули, и также между офицерами фрегата. После разбора дела генерал-аудиториат присудил командира и четырех офицеров разжаловать в матросы, но впоследствии офицеры были помилованы, и разжалован только один командир.

Отряд из Севастополя, прибывший на помощь Стули, не решился атаковать в Варне превосходящую его по силам турецкую эскадру. Дело затянулось. Из Севастополя был послан к Варне еще отряд, который, не найдя ни турок, ни первого отряда, возвратился в Севастополь.

В 1809 г. из Херсона в Севастополь перешли новопостроенные корабли: 110-пушечный «Полтава» и 74-пушечный «Мария».

В конце 1809 г. у большого начальства вновь появилась мысль о высадке десанта в Босфор в начале 1810 г. Но дальше болтовни и пустой переписки дело не пошло. Мало того, в начале 1810 г. в верхах возникли слухи о возможном проходе британского флота через Проливы, что вызвало у начальства «неспокойное состояние духа». Откуда взялся слух, установить не удалось, но турки вовсе не собирались пропускать англичан.

Действия русских войск против турок на Кавказе не имели принципиального значения в ходе войны, поэтому скажу о них лишь несколько слов. В начале 1810 г. Тормасову удалось уговорить владетельного князя Абхазии Келеш-бея Шервашидзе принять подданство России. Однако его сын Арслан-бей подбил часть абхазов на мятеж, убил своего отца и овладел крепостью Сухум. Второй сын, Сефер-бей, остался верен России и выступил против брата.

На подавление восстания 19 июня 1810 г. из Севастополя вышел отряд кораблей под началом капитан-лейтенанта Додта. После двухдневной бомбардировки крепость была разрушена и занята русским десантом. В ходе кровопролитного боя в городе и крепости русские потеряли убитыми и ранеными 109 человек. В крепости было взято 62 пушки и более тысячи пудов пороха. Затем отряд кораблей Додта двинулся к укреплению Суджук-Кале и овладел им. 5 августа 1810 г. отряд вернулся в Севастополь. Таким образом, турки были вытеснены со всего побережья Черного моря от Керченского пролива до Поти.

Покончив с турками и их союзниками в Западном Закавказье, Тормасов целиком переключился на операции против персов.

В ноябре 1806 г. русская армия перешла Днестр, в течение двух месяцев овладела важнейшими турецкими крепостями Яссы, Бендеры, Аккерман, Килия, Галац, Бухарест и вышла к Дунаю.

В руках турецкой армии на левом берегу Дуная оставались лишь три сильные крепости — Измаил, Браилов и Журжа.

Однако сражение при Фридланде и ставший его следствием Тильзитский мир коренным образом изменили ситуацию на Балканах. Россия обязалась вывести войска из Молдовы и Валахии и возвратить Турции «военную добычу». 12 августа 1807 г. в Злободцах русские и турки подписали перемирие. Боевые действия прекратились, и русская армия начала отход. Однако «византиец»^[47] Александр I отказался утвердить это перемирие, поскольку оно-де «оскорбительно для чести русского оружия», и в связи с нападением иррегулярных отрядов турок на русские войска. По приказу царя Молдавская армия вернулась на прежние позиции, но боевых действий не начинала. Турки сочли за лучшее тоже не начинать драки. В итоге мирное противостояние двух армий на Дунае длилось почти два года, до марта 1809 г.

Наполеон понял, что в вопросе с Молдовой и Валахией Александр I перехитрил его, но особенно огорчаться не стал. Его главной целью было удержать Россию от вмешательства в европейские и особенно в германские дела. А Турцию император использовал как разменную монету в переговорах с царем. Бесспорно, Наполеон был гениальным стратегом, но тут на него нашло какое-то затмение, и в турецких делах он торговался с Россией как лавочник. Наполеон признавал: «Это дело меня очень интересует, оно требует больших соображений, к нему нужно подходить очень осторожно».

Минимальной платой за невмешательство России в европейские дела могли быть только Проливы, но их-то и не хотел отдавать Наполеон. В 1807–1809 гг. Наполеон предлагал Александру несколько вариантов раздела Османской империи, но ни один из них не гарантировал передачу Проливной зоны России. Максимум, на что готов был пойти Наполеон (да и то на словах), это передать России Босфор, а Франции — Дарданеллы. В марте 1808 г. французский посол в Петербурге Армен де Коленкур заявил Н. П. Румянцеву: «Ключ от Черного и Мраморного моря! Это слишком много для одного выхода, граф: иметь и один из них было бы уже слишком хорошо. Мне кажется, можно было бы предложить, чтобы у каждого был свой ключ».

С другой стороны, Александр I и его немецкая родня не желали отказываться от вмешательства в германские дела. Война между Россией и Францией стала лишь вопросом времени.

Но пока на встрече Наполеона с Александром I в Эрфурте видимость союза была соблюдена. Наполеон согласился на присоединение к России Дунайских княжеств.

В самой же Турции в 1808 г. произошел новый государственный переворот. Несколько крупных чиновников во главе с пашой Руцук Мустафой Байрактаром составили заговор с целью смещения султана Мустафы IV и восстановления власти Селима III. Узнав об этом, Мустафа IV приказал задушить Селима III и его малолетнего брата Махмуда. Селим был убит, а Махмуд спасся, спрятавшись в топке бани. Но вскоре заговорщики захватили султанский дворец и свергли Мустафу. Но престол вступил Махмуд II. К началу 1809 г. Турция заключила союз с Англией.

В конце 1808 г. Александр I и его окружение пришли к выводу, что настал удобный момент покончить с нестабильностью на Дунае. Русским войскам было приказано овладеть турецкими крепостями на Дунае, форсировать его, выйти на Балканы и принудить турок к миру.

К этому времени И. И. Михельсон скончался в Бухаресте, а на его место в 1808 г. был назначен генерал-фельдмаршал князь А. А. Прозоровский. Мотивы назначения 76-летнего старца на место 68-летнего усопшего понять трудно. Лев Толстой едко описывает засилье геронтократии в верхах русской армии. Вот как дипломат Билибин описывает выбор в 1807 г. командования Западной русской армией: «Так как оказалось, что успехи Аустерлица могли бы быть решительнее, если бы главнокомандующий был бы не так молод, то делается обзор осьмидесятилетних генералов, и между Прозоровским и Каменским выбирают последнего»^[48]. Впрочем, можно допустить, что Александр I после Аустерлица не желал иметь рядом молодого генерала, увенчанного лаврами победителя. Конечно, Россия — не Франция, но вдруг молодец прельстится карьерой Бонапарта? Да и многие молодые генералы были замешаны в заговоре 11 марта и тем неприятны Александру.

В итоге одного старца отправили командовать Западной армией, а другого — Молдавской. Но на всякий случай в помощь Прозоровскому направили М. И. Кутузова.

28 марта 1809 г. корпус Кутузова выступил из Фокшан к турецкой крепости Браилов. 8 апреля корпус прибыл к Браилову. Произведя рекогносцировку крепости, Кутузов пришел к заключению, что имеющихся

сил и средств недостаточно для ее штурма^[49]. Кутузов сообщил об этом Прозоровскому. Однако последний не изменил своего решения и вопреки настояниям Кутузова приказал взять крепость штурмом.

Зная, что Кутузов не согласен с его решением, Прозоровский прибыл к главному корпусу и взял на себя командование войсками.

9 апреля 1809 г. русская армия приступила к осаде Браилова, начав инженерные работы, в ходе которых строились редуты и оборудовались артиллерийские батареи.

17 апреля началась интенсивная бомбардировка Браилова. Прозоровский назначил штурм крепости на 3 часа ночи с 19 на 20 апреля.

Всего для штурма было выделено 8 тысяч человек, что было явно недостаточно, если учесть, что гарнизон крепости составлял 12 тысяч человек.

Однако с самого начала операция пошла не по плану. Сигнальная ракета по ошибке была запущена не в 3 часа ночи, а на 4 часа раньше (в 23 часа 19 апреля). Штурм не удался. Русские понесли очень большие потери — 2229 человек убитыми и 2250 человек ранеными. Узнав о неудаче, Прозоровский впал в истерику, рыдал, рвал на себе волосы. Кутузов, как мог, успокаивал его: «Не такие беды бывали со мной. Я проиграл Аустерлицкое сражение, решившее участь Европы, и то не плакал». Тем не менее ответственность за неудачный штурм Браилова Прозоровский возложил на Кутузова и добился его отстранения от командования корпусом. В июле 1809 г. М. И. Кутузов был назначен литовским генерал-губернатором.

7 мая Прозоровский снял осаду с Браилова и два месяца бездействовал, спокойно наблюдая, как турки расправляются с его союзниками сербами. Лишь в конце июля фельдмаршал решил переправиться за Дунай.

Генерал А. А. Засс овладел Исакчей, а 2 августа — Тульчей. В тот же день (2 августа) генерал М. И. Платов занял Бабадах.

9 августа в лагере за Дунаем Прозоровский умер. Вместо него командующим армией был назначен генерал от инфантерии князь П. И. Багратион.

Первой операцией русских войск при новом главнокомандующем стала осада крепости Мачин. 14 августа отряд генерал-лейтенанта Е. И. Маркова подошел к Мачину. В отряде состояло 5 тысяч человек, 20 батарейных и 6 конных пушек, 2 мортиры и одно осадное орудие.

Крепость Мачин была окружена четырехугольным ретраншементом, на углах которого находились четыре бастиона. Впереди ретраншемента

проходил ров глубиной 4 метра. Внутри крепости находилась цитадель. Крепость защищал гарнизон, состоящий из 600 человек при

13 орудиях, установленных в бастионах и на ретраншементе.

Утром 16 августа была начата бомбардировка крепости. На следующий день к Мачину подошли суда русской Дунайской флотилии, пушки которой открыли огонь по крепости.

Вечером 17 августа гарнизон Мачина капитулировал. Русские захватили 338 пленных, 13 орудий, 1500 ядер и 250 пудов (4,1 тонны) пороха.

22 августа войска генерала Платова после двухдневной бомбардировки овладели крепостью Гирсово. Сразу же после занятия Гирсово русские начали строить понтонный мост через Дунай.

В конце августа русские войска численностью 5 тысяч человек при 40 орудиях под командованием генерала Засса подошли к крепости Измаил. В крепости был 4,5-тысячный гарнизон и 221 орудие. Кроме того, у стен крепости стояли турецкие гребные суда с 36 орудиями.

31 августа русская осадная батарея начала обстрел крепости. С 5 сентября в обстреле Измаила принимали участие и суда русской Дунайской флотилии, которые подошли к крепости с обеих сторон (по течению и против течения). Бомбардировка с небольшими перерывами продолжалась до 13 сентября, когда комендант Челиби-паша предложил начать переговоры о сдаче.

14 сентября русские войска вошли в Измаил. По условиям капитуляции его гарнизону было разрешено возвратиться в Турцию.

В крепости русские захватили 221 орудие, 9 судов, вооруженных 36 пушками, 5551 пуд (около 91 тонны) пороха и много снарядов.

Всего за время осады русская артиллерия сделала 857 выстрелов.

4 сентября Багратион разбил под Россеватом 12-тысячный турецкий корпус. 11 сентября Багратион осадил турецкую крепость Силистрию. В начале октября Багратион получил сведения, что к Силистрии якобы движется сам великий визирь с большим войском. В связи с этим

14 октября Багратион снял осаду с Силистрии и отвел войска на левый берег Дуная.

Отступление Багратиона дало повод Александру I снять его с должности командующего армией. Основной же причиной отставки был конфликт Багратиона со своими корпусными командирами А. Ф. Ланжероном и М. А. Милорадовичем.

Французский эмигрант граф Ланжерон был природным интриганом. Под Аустерлицем он интриговал против всех, от Пфуля до Кутузова. К

русским генералам он вообще относился с презрением. Милорадович отличался личной храбростью, но был глуповат, ежедневно в Бухаресте организовывал грандиозные попойки с дамами. Багратиону в январе 1810 г. удалось добиться отзыва Милорадовича. Но месяц спустя и сам Багратион был уволен «в отпуск» на два месяца.

Четвертым по счету командующим Молдавской армией стал генерал от инфантерии Н. М. Каменский, сын фельдмаршала М. Ф. Каменского.

Кампанию 1810 г. Каменский закончил отступлением с Дуная в глубь Валахии. 4 февраля Каменский заболел лихорадкой и слег в постель. Его обязанности стал временно исполнять граф Ланжерон. 16 апреля Каменский выехал в Одессу, где и умер 4 мая 1811 г. 35 лет от роду.

Пятым главнокомандующим армии назначается Михаил Илларионович Кутузов. 7 апреля 1811 г. он прибыл в Бухарест и принял командование армией. Обстановка на театре военных действий накануне приезда Кутузова была крайне неблагоприятной. Из-за угрозы нападения Наполеона половина войск (пять дивизий) Молдавской армии перебрасывалась к западной границе. В распоряжении Кутузова оставалось всего четыре дивизии, несколько казачьих полков и Дунайская флотилия. Всего 70 батальонов, 80 эскадронов, 14 казачьих полков, 4 роты пионеров, 2 понтонные роты, 5 рот осадной, 5 рот батарейной и 4 роты конной артиллерии. Общая численность войск составляла 46 тысяч человек с 218 орудиями (132 пеших, 48 конных и 38 осадных).

Эта немногочисленная армия к тому же была разбросана по Дунаю на тысячекилометровом фронте от Черного моря до крепости Видин. Кроме того, часть русской армии была занята обороной Никополя, Рущука и Силистрии. Естественно, что при таком расположении армии нельзя было успешно обороняться, и тем более наступать.

Кутузову противостояло 70 тысяч турок под командованием великого визиря Ахмеда-паши. Первоначальный план турецкого командования заключался в том, чтобы, нанеся главный удар из Софии через Видин и вспомогательный из Шумлы через Разград на Руцук, выйти к Дунаю, а в дальнейшем, развивая наступление на Бухарест, занять Валахию, Молдову и Бессарабию.

Кутузов решает перейти к обороне, собрать все силы в кулак и ждать наступления Ахмеда-паши. С этой целью по его приказанию были срыты укрепления Никополя и Силистрии, и основные силы армии сосредоточены между Бухарестом и Рущук. В крепостях Килия, Браилов и Измаил оставлены отдельные сравнительно малочисленные отряды пехоты с артиллерией. В Рущук оставлено 12 батальонов пехоты, в районе Журжи

— 3 батальона пехоты и батальон улан, а в 25 км от Журжи сосредоточен резерв армии — корпус генерал-лейтенанта Ланжерона, который можно было использовать для обороны центра или правого фланга фронта.

В начале июня 1811 г. турецкая армия под командованием Ахмеда-паши оставила Шумлу и, не встретив сопротивления со стороны русских войск, подошла к деревне Писанцы в 15 км от Рущука, где встала лагерем. Этим создавалась угроза захвата крепости Руцук, выхода турецкой армии к Дунаю и переправы ее на левый берег.

Своевременно узнав о намерениях турецкого командования, Кутузов 19 июня скрытно переправил главные силы армии на правый берег Дуная и занял позицию в 4 км южнее Рущука. В составе главных сил было 32 батальона, 40 эскадронов и 3 казачьих полка, что составляло немногим более 15 тысяч человек со 114 орудиями. В турецкой армии насчитывалось около 60 тысяч человек и 78 орудий.

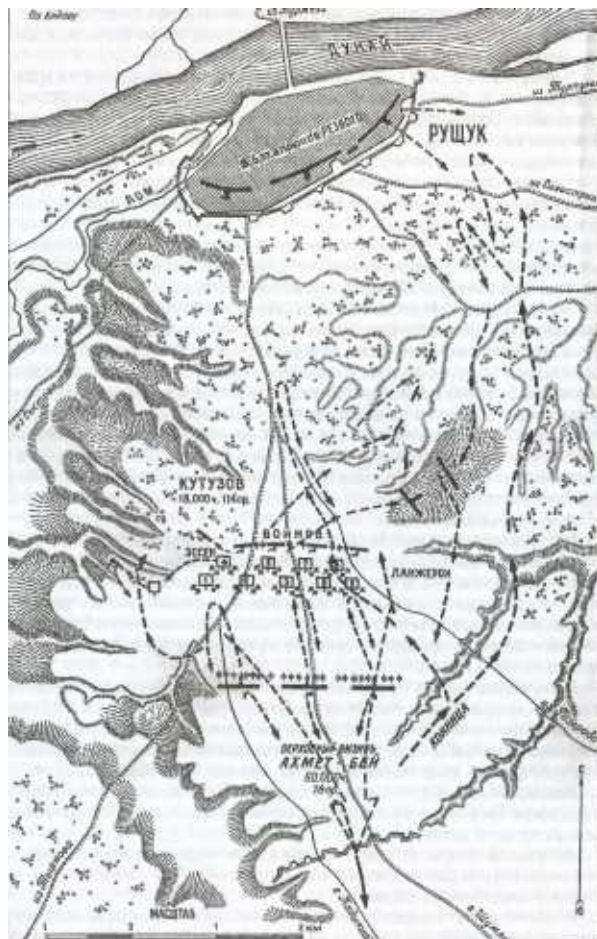
Утром 22 июня 1811 г. свыше 70 орудий противника открыли интенсивный огонь по всему фронту русской армии. Вскоре турецкая конница стремительно атаковала центр и оба фланга русских войск. Однако сильным артиллерийским и ружейным огнем эта атака была отбита. Несмотря на первую неудачу, турецкое командование повторило атаку, направляя на этот раз главный удар на правый фланг русских войск. На правом фланге завязалась ожесточенная борьба. Турецкие войска, используя сильно иссеченный рельеф местности, во что бы то ни стало пытались выйти в тыл русских войск и отрезать пехоту от кавалерии. Русская пехота, построенная в каре, во взаимодействии с артиллерией стойко отражала все атаки.

Кутузов приказал регулярной кавалерии и казакам контратаковать турок на правом фланге. Турецкие войска отошли и укрепились за ретраншементом. Но затем 10-тысячный кавалерийский отряд турок атаковал русский левый фланг. Коннице противника все же удалось прорваться между крайними каре обеих линий и опрокинуть стоявшие за пехотой кавалерийские полки белорусских гусар и кинбурнских драгун.

Прорвавшись в тыл русской армии, турецкая конница допустила ошибку, разделившись на две части. Один отряд помчался к Рущуку, стремясь захватить крепость и переправу Через Дунай, а другой начал охватывать левый фланг русских. Устремившаяся к Рущуку конница была встречена шестью батальонами пехоты и отброшена. Против конницы, пытавшейся охватить левый фланг русских, была двинута русская кавалерия, которая также отогнала турок. Вскоре наши войска по всей линии перешли в наступление, а турки отошли в свой Укрепленный лагерь.

В ходе 12-часового боя русские потеряли около 500 человек, а турки — якобы 4000 человек. Тем не менее после боя Кутузов отвел войска к Рущуку.

27 июня, то есть через 5 дней после столь «блистательной победы», Кутузов покидает Рушук и переправляет войска назад, на левый берег Дуная. Жители Рущука были выведены из города, цитадель взорвана, дома сожжены.

Рушукское сражение.

Рушук был занят турками. Великий визирь провел там два месяца, ожидая, пока Измаил-бей покончит с русским отрядом в Видине и вторгнется в Малую Валахию. Но, не дождавшись этого, в ночь на 28 августа турецкие войска переправились через Дунай в 4 км западнее Рущука. Чтобы ввести русские войска в заблуждение, демонстрация переправы была проведена в районе Слободзеи. Но русские войска и не пытались противодействовать неприятелю. Кутузов писал генералу Зассу: «Пусть переправляются, только перешло бы их на наш берег поболее... я оставляю ему (верховному визирю) переправиться на сую сторону хотя и в большем числе, и в полевом сражении, конечно, разобью его».

К 1 сентября турецкое командование сосредоточило на левом берегу Дуная до 40 тысяч пехоты и конницы при 56 орудиях. Остальные 20 тысяч человек при 22 орудиях находились на правом берегу Дуная в главном лагере. Переправившаяся пехота возвела ретраншемент, отрыла окопы и впереди их построила два редута.

К этому времени численность русских войск достигла 37 тысяч человек при 133 орудиях. Для воспрепятствования движения турецких военных кораблей по Дунаю Кутузов приказал поставить на реке по обе стороны турецкого лагеря 14 кораблей Дунайской флотилии.

План Кутузова заключался в том, чтобы главными силами сковать войска противника на левом берегу Дуная, а частью сил, скрытно переправившихся на правый берег реки, внезапно атаковать противника с тыла и разгромить его.

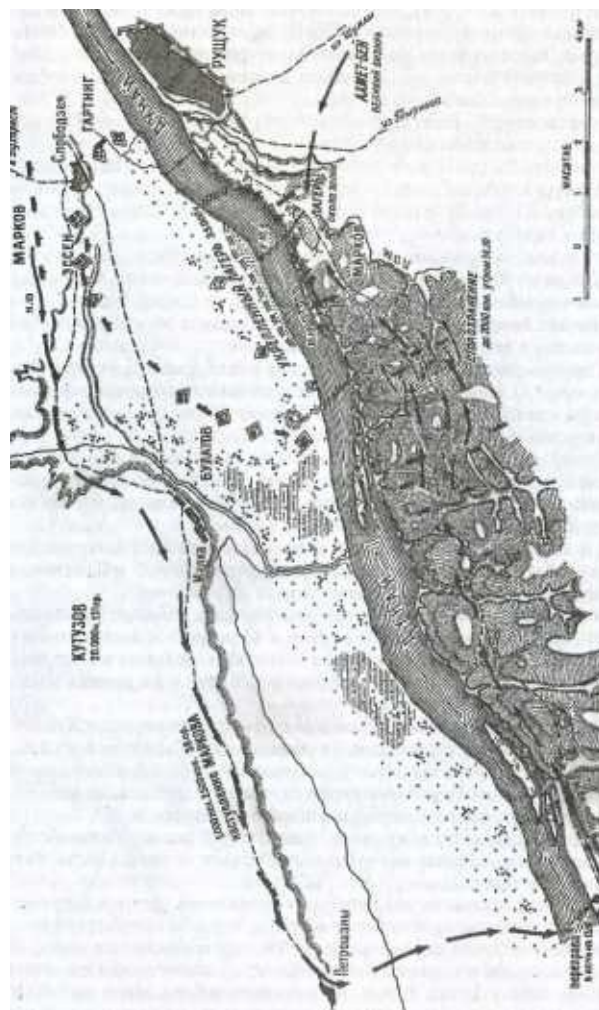
Для выполнения задуманного плана было решено подтянуть Дунайскую флотилию из Лом-Паланки и подготовить плоты и паромы у пункта переправы, в 4,5 км южнее деревни Петрошани.

Вечером 29 сентября корпус генерала Маркова в составе 18 батальонов, 10 эскадронов, 2 казачьих полков и 47 орудий скрытно покинул место своего расположения и к утру 30 сентября подошел к Петрошанам, а к 17 часам 1 октября закончил переправу и расположился на ночь в 5 км от турецкого лагеря.

Рано утром 2 октября войска корпуса Макарова перешли в наступление и вскоре, опрокинув отряды прикрытия численностью до 2 тысяч человек, на их плечах ворвались в главный лагерь турецкой армии. Удар оказался настолько неожиданным, что турецкие войска не смогли организовать сопротивление и в панике разбежались.

Генерал Марков сразу же после захвата лагеря распорядился выставить вдоль берега Дуная все имеющиеся орудия — свои и только что захваченные турецкие.

Во второй половине дня 2 октября артиллерия корпуса Маркова, включая и трофейную, а также артиллерия кораблей Дунайской флотилии, начали бомбардировку острова Голь, расположенного напротив турецкого лагеря и занятого противником, и самого турецкого лагеря на левом берегу Дуная. В ночь на 3 октября войска Маркова заняли остров, захватив там два турецких орудия, и установили на нем две Двухорудийные артиллерийские батареи.

Конец Руцукской операции Кутузова. Разгром турок с Слободзеи.

Основная группировка турецких войск, численностью около 40 тысяч человек при 56 орудиях, оказалась полностью окруженной нашими войсками. Начался непрерывный обстрел турок всей русской артиллерией, включая и артиллерию кораблей Дунайской флотилии. Бомбардировка продолжалась до 12 октября.

В окруженной турецкой армии начался голод, ежедневные артобстрелы подрывали боевой дух войск.

19 октября 1811 г. в Журже начались мирные переговоры. Россию представлял известный дипломат А. Я. Италинский, Турцию — кая-бей (заместитель великого визиря) Галиб-эфенди и урду-кадиса (главный судья) Селим-эфенди. Обратим внимание на дату начала переговоров. Турецкие войска окружены на левом берегу Дуная у Руцука и еще продолжают сопротивляться. К этому времени великий визирь и большая часть армии успели прорваться к своим на правый берег Дуная.

Наконец Кутузов и Гилиб-эфенди договорились об условиях

капитуляции турецких войск. 25 октября 12 тысяч турок сдались в плен и были распределены русскими на постой в близлежащих деревнях. Две тысячи раненых и больных были перевезены на судах речной флотилии к туркам в Руцук. В турецком лагере насчитали 2 тысячи людских и 8 тысяч конских трупов.

По техническим соображениям (наступление зимы и т. д.) Кутузов предложил перенести переговоры в Бухарест. Но, увы, переезд не ускорил заключение мира. Война с Турцией была вопиющей глупостью Александра I. Программой минимум для царя были Валахия и Молдова, программой максимум — Царьград. В январе 1811 г. Александр I писал Каменскому: «Мир же заключать, довольствуясь иною границей, нежели Дунай, я не нахожу ни нужды, ни приличия».

Но реализовать даже программу минимум можно было, лишь договорившись с Наполеоном. Для этого следовало честно выполнять взятые в Тильзите обязательства, ни под каким видом не лезть опять в германские дела, а взамен требовать у Наполеона компенсации в Турции. Но лукавый «византиец» решил и рыбку съесть, и в германские дела влезть. В результате в Молдавскую армию не только не шли подкрепления, а наоборот, лучшие части забирались на запад. Мы уже знаем, как Александр I устроил чехарду с командирами — их с начала войны сменилось шесть, да еще в перерывах между назначениями несколько генералов временно исполняли обязанности главнокомандующего. Мало того, Александр I задержал командующих мелкими придирками, им без царя и плюнуть нельзя было. Так, например, летом 1811 г. на Дунае были очень холодные ночи, много солдат простудилось. Ясно, надо одеться потеплее, например, поменять летние штаны на суконные зимние. Чей это вопрос? Очевидно, ротного командира, ну, в крайнем случае, командира полка. Так нет! Кутузову лично пришлось обращаться к царю, чтобы солдатам штаны сменить. Пока шел запрос, пока Александр I думал над столь важной проблемой, пока шло обратно высочайшее повеление, пришла осень.

Понятно, что вопрос о передаче России Дунайских княжеств на переговорах даже не ставился. Это вызвало гнев Александра. Виноватым, как и под Аустерлицем, был объявлен Кутузов. За разгром турецкой армии под Руцуком Кутузову положен был чин генерал-фельдмаршала. Тем более что Александр I и его отец, в отличие от Екатерины Великой, раздавали это звание направо и налево. Но 29 октября 1811 г. Александр I пожаловал Кутузову графский титул. Кутузов был очень обижен. По Петербургу ходили сплетни о времяпровождении Кутузова в Бухаресте. Он-де

постоянно бывает в театре, на балах, вокруг него собираются молодые и симпатичные дамы. Говорили, что 66-летний командующий соблазнил жену валахского боярина Гуниани, которой было всего 14 лет. Многие были правдой, но при всем при том Кутузов блестяще выполнял все служебные обязанности — от заботы о быте солдат до тонкостей переговоров с Турцией.

5 мая были подписаны предварительные условия мирного договора. А на следующий день в Бухарест явился новый главнокомандующий армией адмирал А. В. Чичагов. Тот самый адмирал, который через полтора года упустит Наполеона на Березине, за что будет увековечен басней Крылова.

16 мая Турция ратифицировала Бухарестский договор. По этому договору, содержащему 16 открытых и 2 секретные статьи, в состав России включалось междуречье Прута и Днестра, то есть Бессарабия с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия и Измаил. Теперь граница с Турцией устанавливалась по реке Прут до соединения ее с Дунаем, а далее по Килийскому руслу Дуная до Черного моря. Россия возвращала Турции все земли и крепости, завоеванные ею в Азии, но удерживала за собой, как добровольно присоединившиеся, все области Закавказья до Арпачая, Аджарских гор и Черного моря. Турция получала обратно только Анапу. По секретной статье, Россия могла пользоваться участком морского побережья Кавказа протяженностью 30–40 верст. Ей предоставлялось также право торгового судоходства по всему течению Дуная, а военного — до устья Прута. Для народов Молдовы и Валахии сохранялись привилегии, установленные Ясским мирным договором 1791 г. Сербии предоставлялась широкая автономия в делах внутреннего управления, причем Россия имела право контролировать исполнение этой статьи договора.

Наибольшая важность Бухарестского договора была в том, что он обеспечивал нейтралитет Турции в войне с Наполеоном, до начала которой оставалось менее месяца.

Глава 16

НАВАРИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

В 1819–1820 гг. началось восстание в Греции. По приказу султана Махмуда II турки начали массовые репрессии против мирного греческого населения. Так, в Кандии на острове Крит янычары убили митрополита и пять епископов прямо в алтаре кафедрального собора. Султан лично приказал повесить Константинопольского патриарха на воротах собственного дворца. Только за то, что греческое корсарское судно захватило турецкое военное судно у острова Хиос, турки частично перебили, а частично продали в рабство все христианское население острова (около 100 тысяч человек). Справедливости ради надо сказать, что и греческие повстанцы на суше, а корсары на море тоже не очень церемонились с турками.

Война греков с турками ударила по России. После 1812 г. начался бурный рост экономики юга России. Царским указом от 16 апреля 1817 г. Одесса получила статус «порто-франко», или, как говорят сейчас, свободной экономической зоны. Это способствовало превращению Одессы в крупный международный торговый центр. В Одессу ежегодно приходило 500–600 торговых судов. Однако из этого числа не более 10–15 судов были построены в России. Большая часть торговых судов, посещавших Одессу, Таганрог, Мариуполь и другие русские порты, принадлежала грекам, большинство которых было подданными Порты, а часть — подданными России. Теперь же турки перехватывали и грабили греческие суда, не особенно разбирая, какое подданство имели их хозяева.

Из-за войны и нехватки продовольствия в Константинополе султан наложил эмбарго на провоз хлеба и ряд иных товаров через Проливы. У нарушителей эмбарго хлеб изымался силой и продавался в Константинополе по твердым ценам. Русский посланник в Константинополе Г. А. Строганов неоднократно заявлял Порте протесты против ее неправомерных действий. Он писал: «Права русских подданных и торговли явно нарушены, наш флаг подвергается оскорблениям в Проливах, а наши матросы — ранам и убийствам... Вход в Дарданеллы воспрещается всем судам, нагруженным хлебом. Сделано распоряжение об общем осмотре судов вопреки смыслу трактатов и несмотря на законные ограничения, потребованные в моих нотах».

В июле 1821 г. в знак протеста Строганов со всем персоналом посольства покинул Стамбул. В России дворянство, духовенство и купечество были едины в желании помочь греческим патриотам. Но Александр I с подачи австрийского канцлера Меттерниха уклонился от поддержки Греции. Как писал современник, князь Петр Долгоруков: «Грекам отказано было во всякой поддержке по той будто бы причине, что они нарушили обязанность подданных, восстав против своего законного (!!!) государя, султана турецкого!!! Христиане преданы были на жертву оттоманам, и русский царь поступил, как мог только поступить шах персидский или какой-нибудь другой поклонника Магомета».

Однако новый русский царь Николай I решил проводить самостоятельную политику и не ориентироваться на систему союзов, столь близкую сердцу его брата. Одним из результатов изменения внешней политики России стало подписание в апреле 1826 г. англо-русского Петербургского протокола. Согласно этому документу, Греция получала право независимого существования, но была обязана платить Турции определенную дань и находиться под ее верховной властью. Турецкие земли в Морее (Пелопоннес) и на островах отходили к грекам за известный выкуп. Порта принимала участие в выборе правительственных лиц в Греции, но они должны были быть непременно из греков. Грекам предоставлялась полная свобода торговли и религии.

Австрия, Пруссия и Франция приглашались присоединиться к Петербургскому протоколу. Франция, связанная с Грецией торговыми сношениями, приняла это приглашение, а Австрия и Пруссия отнеслись к нему отрицательно, считая, что оно усилит позиции России на Балканах.

24 июня 1827 г. Россия, Англия и Франция на основе Петербургского протокола подписали в Лондоне конвенцию об образовании автономного греческого государства. Стороны обязались предложить Порте свое посредничество в целях примирения с греками на следующих условиях: греки будут находиться в зависимости от султана и платить ему ежегодную подать; управление будут осуществлять местные власти, но в их назначении известное участие будет принимать Порта; для отделения греческой национальности от турецкой и предотвращения столкновений между ними греки получают право выкупать всю турецкую собственность, находившуюся на их территории.

Параллельно с дипломатическими усилиями русское правительство еще в 1826 г. начало готовить на Балтике эскадру для посылки в Средиземное море. В состав эскадры вошло девять кораблей, восемь фрегатов и три корвета. 2 июня 1827 г. сам Николай I устроил на

Кронштадтском рейде торжественный смотр уходящим кораблям. 10 июня эскадра вышла в море под командованием адмирала Д. Н. Сенявина. 28 июля эскадра пришла в Портсмут. Однако из-за интриг К. В. Нессельроде дальше пошел только отряд кораблей контр-адмирала Л. П. Гейдена в составе четырех кораблей (84-пушечный «Гангут», 74-пушечные «Азов», «Иезикиль» и «Александр Невский»), четырех фрегатов (44-пушечные «Константин» и «Проворный», 36-пушечные «Кастор» и «Елена») и 24-пушечного корвета.

8 августа 1827 г. отряд контр-адмирала Л. П. Гейдена вышел из Портсмута, а остальная часть эскадры под командованием Сенявина вернулась в Кронштадт. К отряду Гейдена должен был присоединиться 44-пушечный фрегат «Вестовой», но он 3 июля 1827 г. погиб, сев на камни в Финском заливе.

1 октября 1827 г. эскадра у острова Занте (Ионические острова) соединилась с английской и французской эскадрами. Эскадры английского вице-адмирала Кодрингтона и французского вице-адмирала де Риньи с 11 сентября крейсировали вблизи Наваринской бухты, где стоял турецко-египетский флот.

По прибытии к Наварину командующий русской эскадрой контр-адмирал Гейден и его начальник штаба капитан 1-го ранга М. П. Лазарев предложили союзникам применить решительные меры против турок и египтян, если последние не прекратят своих зверств в Греции. По настоянию командования русской эскадры командующему турецко-египетскими войсками и флотом в Греции Ибрагиму был вручен подписанный тремя адмиралами ультиматум с требованием прекратить военные действия против греков.

Ибрагим оставил ультиматум без ответа. Тогда под нажимом Гейдена и Лазарева Кодрингтон и де Риньи согласились войти в Наваринскую бухту, чтобы своим присутствием предотвратить действия турецко-египетского флота против греков. Союзные адмиралы дали взаимное обещание уничтожить турецко-египетский флот, если он сделает хотя бы один выстрел по союзной эскадре.

Сражение при Наварине 8 октября 1827 г.

8 октября в 12 часов дня союзные эскадры начали втягиваться в Наваринскую бухту. В составе русской эскадры было четыре уже упомянутых корабля и четыре фрегата.

Английская эскадра состояла из трех линейных кораблей (флагманский 84-пушечный «Азия», 74-пушечные «Генуя» и «Альбион»), трех фрегатов (50-пушечный «Глазгов», 48-пушечный «Комбриэн», 44-пушечный «Дартмут»), одного 28-пушечного шлюпа «Тальбот», четырех бригов (18-пушечный «Роз», 16-пушечные «Москито», «Бриси», «Феломель») и одного 12-пушечного катера «Гид». Всего англичане имели на кораблях 472 пушки.

Французская эскадра включала в свой состав три корабля (74-пушечные «Сципион», «Тридент», «Бреславль»), два фрегата (флагманский 64-пушечный «Сирена», 44-пушечный «Армада»), один 18-пушечный бриг «Алцион» и одну 14-пушечную шхуну «Дефна». Всего на французской эскадре было 362 пушки.

Таким образом, объединенная англо-франко-русская эскадра насчитывала десять кораблей, девять фрегатов, пять бригов, одну шхуну и один катер с общим вооружением в 1300 орудий. Численность экипажей составляла 17 500 человек.

Турецко-египетский флот состоял из 5 кораблей (564 пушки), 15 фрегатов (735 пушек), 26 корветов (598 пушек), 11 бригав (209 пушек) и 5 брандеров. Всего на 62 турецких судах было 21 960 человек и 2106 пушек.

Турецко-египетский флот стоял в Наваринской бухте на якоре. Он занимал позицию в сомкнутом строю в виде сжатого полумесяца. Уязвимые места боевого порядка турецко-египетского флота были надежно обеспечены, так как его фланги находились под защитой батарей

Наваринской крепости и острова Сфактерия. Корабли и фрегаты составляли первую линию, корветы и бриги — вторую и третью линии. Брандеры располагались на флангах. Транспорты и купеческие суда стояли близ восточного берега Мореи.

Наваринская крепость защищала вход в бухту и оба фланга турецкое египетского флота. Батареи острова Сфактерия, располагавшиеся против Наваринской крепости, также защищали вход в бухту и оба фланга своего флота. Расположение турецко-египетского флота в три линии не позволило Ибрагиму использовать свое численное превосходство над союзниками в артиллерии, так как стрельба судов второй и третьей линии затруднялась впередистоящими судами.

Командующий союзной эскадрой вице-адмирал Кодрингтон, решив войти в Наваринскую бухту, отдал приказ, в котором указывались лишь места постановки на якорь кораблей в бухте. Согласно этому приказу, три французских корабля и один фрегат, а также три английских корабля занимали позицию напротив семи левофланговых судов противника. Два фрегата англичан и один фрегат французов становились против трех крайних правофланговых судов неприятеля. Другие англо-французские суда направлялись для действий против неприятельских брандеров. Четыре русских корабля и четыре фрегата должны были занять позицию напротив почти всего неприятельского центра и его правого фланга. Восьми русским судам противостояли одиннадцать турецко-египетских судов первой линии и не менее сорока судов второй и третьей линий, тогда как против десяти англо-французских судов стояли десять турецко-египетских судов первой линии и около двадцати судов второй и третьей линий. Турецко-египетские суда, занимавшие правый фланг своей линии, могли подвергать русские корабли перекрестному огню, наиболее опасному для парусных судов, тогда как позиция англо-французских судов исключала возможность для турок и египтян вести по ним такую стрельбу.

Всячески желая избежать боя, Кодрингтон писал в своем приказе: «Ни из одной пушки не должно быть выпалено с соединенного флота прежде сделанного на то сигнала».

При входе корабля «Азов» в Наваринскую бухту турецкие батареи крепости Наварин и острова Сфактерия открыли по нему огонь. Почти одновременно турки убили двух английских парламентаров, посланных на их корабли. Несмотря на интенсивный обстрел, «Азов», а за ним и остальные суда русской эскадры, следовавшие к назначенным местам, не открывали огня, пока не стали на якорь по диспозиции.

Став на якорь, союзная эскадра открыла огонь. Наваринский бой

продолжался свыше четырех часов. Основную роль в бою сыграли русские и английские корабли. Французский же контр-адмирал де Риньи с самого начала сражения потерял управление над своей эскадрой. Французский корабль «Сципион» вообще не принимал участия в бою. Еще в период тактического развертывания он завяз своим бушпритом в вантах вражеского брандера и не смог самостоятельно освободиться. С началом боя турки подожгли свой брандер, огонь перебросился на «Сципион», но пожар удалось ликвидировать. Гребные суда фрегата «Дартмут», бриги «Роз» и «Феломель» отбуксировали турецкий брандер от «Сципиона». Вскоре брандер был потоплен.

Другой французский корабль, «Бреславль», долгое время стоял посредине турецко-египетского полумесяца, не принимая никакого участия в бою. Лишь в конце боя он поднял паруса и пошел к «Азову». Достигнув интервала между «Азовом» и «Альбионом», «Бреславль» встал на якорь и открыл огонь, который вел до конца боя.

Третий французский корабль, «Тридент», не смог занять своего места по диспозиции.

Флагманский корабль Кодрингтона «Азия» вел бой сразу с двумя турецкими кораблями. На нем было выведено из строя несколько орудий и сбита бизань-мачта. Русский корабль «Азов» поддерживал огнем «Азию». От огня этих кораблей взлетел на воздух флагманский корабль второго турецкого адмирала, Мохарем-бея. Позже «Азов» повредил 80-пушечный турецкий корабль, который был вынужден выброситься на мель, и утопил два фрегата и корвет. После боя в корпусе «Азова» насчитали 153 пробоины, из которых 7 было подводных. Надо сказать, что на «Азове» был отменный офицерский состав. Командовал кораблем капитан 1-го ранга М. П. Лазарев. Под его началом был лейтенант Нахимов, мичман Корнилов и гардемарин Истомин, будущие знаменитые адмиралы.

Отличились и другие русские корабли. Так, «Гангут» потопил два фрегата, «Александр Невский» захватил турецкий фрегат (к сожалению, на следующий день он затонул).

С наступлением ночи Наваринская бухта осветилась заревом пожаров: турки и египтяне жгли и взрывали свои разбитые суда, чтобы они не достались союзникам.

В ходе Наваринского боя противник потерял больше шестидесяти судов, в том числе 3 корабля, 9 фрегатов, 24 корвета, 14 бригов, 10 брандеров и несколько транспортов. Остальные турецкие и египетские суда имели тяжелые повреждения. Противник потерял около 7 тысяч человек.

Союзники не потеряли ни одного корабля. Однако ряд кораблей имел

тяжелые повреждения. Сравнительно небольшими были потери союзников и в личном составе. Русская эскадра имела 59 убитых и 139 раненых, английская — 79 убитых и 205 раненых, французская — 43 убитых и 141 раненых.

После Наваринского боя русская эскадра двинулась к Мальте и 27 октября прибыла в порт Ла-Валетта. На Мальте был произведен ремонт части русских кораблей.

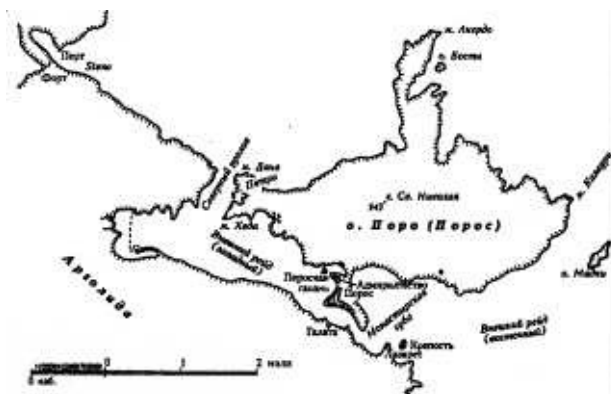
23 марта 1828 г. в Ла-Валетте состоялась торжественная церемония вручения кормового Георгиевского флага и вымпела кораблю «Азов». Контр-адмирал Гейден был произведен в вице-адмиралы, а капитан 1-го ранга Лазарев — в контр-адмиралы.

Корабль «Гангут» в Наваринском сражении получил 51 пробоину в корпусе и был сильно поврежден. «Во избежание чрезвычайных затрат на исправление за границей» 9 мая 1828 г. «Гангут» был отправлен в Россию. Вместе с ним ушел фрегат «Проворный», который 11 октября 1827 г. столкнулся с кораблем «Александр Невский» и сильно повредил корму.

20 декабря 1827 г. султан Махмуд II обратился к своим подданным с воззванием, в котором говорилось, что именно Россия виновата в трудностях, постигших Османскую империю, ибо Россия организовала восстание в Греции. Все мусульмане Османской империи призывались быть готовыми к джихаду — священной войне с неверными, но с кем именно, — не уточнялось.

Россия же тянула с ответными мерами. Дело объяснялось тем, что еще не закончилась война с Персией. Но 10 февраля 1828 г. Персия была вынуждена подписать Туркманчайский трактат о мире. Теперь у России были развязаны руки, и 14 апреля 1828 г. Николай I опубликовал манифест о войне с Турцией.

К этому времени эскадра вице-адмирала Гейдена все еще находилась на Мальте. В конфликте России с Турцией Англия держала нейтралитет, причем крайне благожелательный к туркам. Поэтому дальнейшее пребывание русской эскадры на Мальте стало невозможным.

Остров Порос (Порос).

Поначалу Гейден и Лазарев выбрали местом базирования эскадры остров Парос, где, как мы помним, еще Орлов «учинил русскую губернию». Контр-адмирал лично осмотрел Парос и обсудил вопрос с греческим президентом Каподистрией. В итоге вместо Пароса был выбран остров Порос (Порос).

Остров Парос находится в самом центре Эгейского моря и почти равноудален от материковой Греции и Малой Азии, то есть в стратегическом плане он более выгоден как для контроля дальних походов к Константинополю, так и более безопасен от десантов турок, поскольку во времена Орлова вся материковая Греция контролировалась османами.

Теперь же на материке была дружественная греческая армия, но рядом находились пока нейтральные английская и французская эскадры. Остров же Порос площадью 33 кв. км находится в заливе Сироникос между Аттиной и Пелопоннесским полуостровом. Порт Пирей находился в 40 км, так что в случае чего греческому правительству можно легко помочь справиться с «врагом внутренним». А нападут с моря англичане — легко драпануть на Пелопоннес: ширина пролива, отделяющего остров от материка, около 300 метров.

Окончательно Гейден убедился в правильности выбора Пороса 17 мая, когда туда корвет «Гремящий» привез из Анконы депешу министра иностранных дел Нессельроде от 21 марта 1828 г., в которой прямо говорилось, что в предстоящей войне с Турцией России, «быть может, придется иметь дело с коалиций».

В былые времена, и даже в 1827 г., остров Порос служил прибежищем греческих корсаров или пиратов — пусть каждый сам выбирает им название. Очевидец Кадьян так описал остров: «Порос есть один из лучших и превосходнейших портов Архипелага, мореходец всегда найдет в нем верное и совершенно безопасное пристанище. Серповидные берега Арголитиды (историческая область Греции на северо-западе Пелопоннеса) и

острова Порос, древле Серерия именующегося... образуют рейд его в виде длинного бассейна или озера и защищают от всех ветров и волнения, коего здесь никакие аквилоны производить не могут. Глубина оного умеренная, а грунт ил, свежей воды здесь довольно, но сие я разумею только в отношении портов Архипелага, потому что здесь берут оную из ручейков, вытекающих из гор и болот морейских... Лесу здесь нет, дрова, в коих жители по счастливому климату имеют мало нужды, добывают в горах, вырывая большей частью из земли корни прежде срубленных деревьев. Скота, живности, зелени и фруктов всегда достаточное количество сыскать можно».

Однако русские моряки, долго находившиеся на Поросе, убедились, что климат там не такой уж и «счастливый», особенно в летний зной и при безветрии. В такую жару продовольствие быстро портилось. Вода оказалась мало пригодной для питья, дров же едва хватало для приготовления пищи.

В восточном углу рейда, где часть острова, «загибаясь к Зюйду, отделяется от берегов Мореи узким каналом, не ограждающая с сей стороны оный, находится город Порос, расположенный по кособоку, внутрь порта обращенный, около коего становятся на якорь купеческие суда»^[50].

Итак, база для эскадры была найдена.

21 апреля корабль «Иезикиль» и фрегат «Кастор» у берегов Греции захватили 20-пушечный египетский корвет «Шарк Йилдызы» («Восточная Звезда»). На Паросе его перевооружили четырьмя 12-фунтовыми пушками и шестнадцатью 18-фунтовыми карронадами, и он под названием «Наварин» вошел в состав русского флота. Первым командиром корвета стал капитан-лейтенант Павел Степанович Нахимов (1802–1855).

К началу войны в эскадре Гейдена оставалось лишь три 74-пушечных корабля и три фрегата. На помощь им с Балтики в начале 1828 г. было послано четыре брига. А в июне 1828 г. в Средиземное море была отправлена эскадра контр-адмирала П. И. Рикорда. В ее составе было четыре корабля (74-пушечные «Фершампенуаз», «Князь Владимир», «Царь Константин» и 64-пушечный «Эммануил») и четыре фрегата («Мария», «Ольга», «Александр» и «Княгиня Лович»). Все фрегаты были 44-пушечного ранга, но фактически несли по 54 пушки. Кроме того, в эскадре Рикорда было три брига.

6 сентября 1828 г. к Мальте под флагом Рикорда подошли четыре корабля и три фрегата. Один фрегат и бригаи пришли сюда позднее. 27 сентября на Мальту из греческих вод прибыла эскадра Гейдена.

11 октября Гейден отправил в Архипелаг корабли «Фершампенуаз» и

«Эммануил» и фрегаты «Мария» и «Ольга» под командованием Рикорда. 2 ноября Рикорд установил блокаду Дарданелл.

Центральная и южная часть Архипелага и остров Крит.

Русские корабли, блокировавшие Дарданеллы, обычно держались на линии между островом Тенедос и азиатским берегом у входа в Дарданеллы, где проходили суда в Константинополь и обратно. Базировались русские корабли на островах Тенедос, Тассо и Маври.

Блокировать Дарданеллы в зимнее время было очень сложно, так как в это время здесь постоянно дуют сильные ветры, часто бывают шторма. Но русские моряки, несмотря на огромные трудности, блестяще справились с возложенной на них задачей, совершенно лишив Константинополь снабжения из стран Средиземноморья..

Одновременно с блокадой Дарданелл Гейден и Лазарев предприняли блокаду острова Крит, где египтяне устроили главную базу для снабжения своих войск, ведших борьбу в Греции. 28 января 1829 г. корабль «Царь Константин» захватил у берегов Крита два египетских судна — 26-пушечный корвет «Львица» и 14-пушечный бриг «Кандия».

Интересно, что англичане отказались признать законность русской блокады Крита. Английское правительство предписало своим купеческим судам не обращать внимания на блокаду Крита и следовать туда, если будет в этом необходимость. Но Гейден и Лазарев проявили решительность и отвергли домогательства англичан.

С Балтики эскадра Грейга периодически получала небольшие подкрепления. Так, в конце 1828 г. оттуда пришел корабль «Великий князь Михаил» (он был 74-пушечного ранга, но фактически нес 86 орудий). Вместе с другими кораблями «Великий князь Константин» с февраля по сентябрь 1829 г. блокировал Дарданеллы.

13 октября 1829 г. на Парос с Балтики прибыл 44/54-пушечный [\[51\]](#) фрегат «Елизавета», в трюмах которого были полевые пушки на случай

десантных операций.

До окончания боевых действий ни одно турецкое судно не прорвалось через Дарданеллы. К 1 марта 1829 г. только в одной Смирне стояло до 150 купеческих судов с хлебом из Египта, не решавшихся идти к Дарданеллам.

7 августа 1829 г. русские войска взяли Адрианополь. В связи с этим эскадра Гейдена поступила в подчинение главнокомандующего русскими сухопутными войсками генерала графа И. И. Дибича (1785–1831).

25 августа 1829 г. русские войска подошли к крепости Энос на берегу Эгейского моря, куда прибыла и Средиземноморская эскадра Гейдена. Крепость, атакованная с суши и с моря, 26 августа была вынуждена сдаться. В тот же день она была занята русскими войсками.

Эскадра Гейдена готовилась к прорыву в Дарданеллы. Но приказа на прорыв не последовало — 2 сентября 1829 г. в Адрианополе был подписан мир.

В 1830–1831 гг. русские корабли несколькими отрядами были отправлены из Средиземного моря на Балтику. Корабль «Эммануил» в 1830 г. был продан Греции. Фрегат «Княгиня Лович» остался в Греции, а летом 1830 г. перешел в Константинополь в распоряжение русского посла. В 1831–1832 гг. фрегат участвовал в гражданской войне в Греции на стороне правительства. В июне 1833 г. «Княгиня Лович» вновь вошла в Дарданеллы, чтобы присоединиться к эскадре вице-адмирала Лазарева, стоявшей у Буюк-Дере.

Глава 17

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ЧЕРНОМ МОРЕ, БАЛКАНАХ И КАВКАЗЕ

Основная задача, поставленная Черноморскому флоту перед началом войны, заключалась в содействии сухопутным войскам, которые должны были наступать на Балканах. Второстепенные задачи были: поддержка сухопутных войск на Кавказе и борьба с турецким судоходством. Выход турецкого флота для генеральной баталии с русским флотом считался маловероятным.

Боевые действия Черноморского флота начались с выполнения второстепенной задачи — атаки крепости Анапа. С 1791 г. русские войска неоднократно брали эту крепость, но затем по мирным договорам она вновь отходила к туркам.

2 мая 1828 г. эскадра под командованием вице-адмирала Грейга подошла к Анапе. В ее составе были корабли «Норд-Адлер», «Пимен», «Пармен», «Иоанн Златоуст» и «Пантелеймон», четыре фрегата, два бомбардирских судна, 11 малых боевых судов и 10 транспортов.

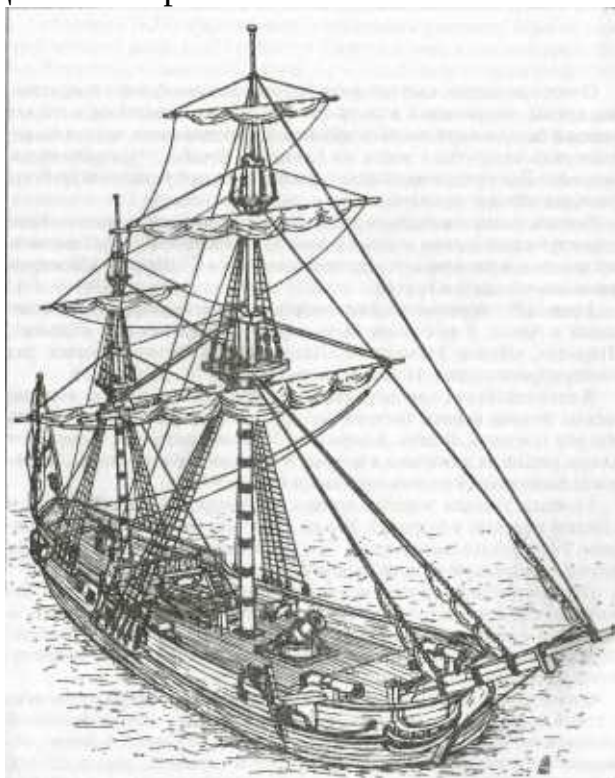
В двух верстах от крепости был высажен десант в составе двух пехотных полков и роты батарейных орудий. Русские корабли начали обстрел крепости. В день делалось до 3 тысяч выстрелов. Комендант Анапы решил не дожидаться штурма и 12 июля капитулировал. В крепости было взято 4 тысячи пленных и 83 орудия.

13 июля русская эскадра пришла в болгарский порт Коварну, а 22 июля перешла к крепости Варна. В составе эскадры было 7 кораблей, 3 фрегата и 6 малых судов. При осаде Варны Черноморский флот оказал неоценимую помощь сухопутным войскам.

Отряд кораблей под командованием капитана 1-го ранга И. С. Скаловского с 21 апреля по 6 мая 1829 г. крейсировал в районе Сизополь — Эрегли. В составе отряда находилось три корабля, два фрегата и бриг. Отрядом был уничтожен 60-пушечный турецкий корабль и 16 транспортных судов.

В начале мая 1829 г. турецкая эскадра вышла из Босфора для поиска русской эскадры. 11 мая русский фрегат «Рафаил», осуществлявший крейсерство у анатолийского побережья в районе Синоп — Батум, обнаружил турецкую эскадру в составе шести кораблей, двух фрегатов,

пяти корветов и двух бригов. Дальнейшая история противоречива и запутанна. В официальных документах сказано, что «Рафаил» не смог уйти от турок «ввиду маловетрия». Как будто на турецких кораблях были паровые машины. Ведь фрегат и под парусами, и при буксировке собственными гребными судами быстроходнее тяжелого и широкого корабля. А уж от корветов и бригов можно было бы как-нибудь отбиться, благо на «Рафаиле» стояло восемь 36-фунтовых, двадцать шесть 24-фунтовых и десять 8-фунтовых пушек. С таким вооружением впору податься и с двухдечным кораблем.

Двухмачтовый бомбардирский корабль (рис. А. Е. Лютова).

Но по каким-то до конца не выясненным обстоятельствам «Рафаил» уходить не стал, а сдался без сопротивления туркам. Когда после войны экипаж фрегата вернулся в Россию, все офицеры были преданы суду, и всей компанией, кроме одного мичмана, были разжалованы в матросы. Кроме того, Стройникову — командиру фрегата — Николай I запретил жениться, «дабы не иметь в России потомства труса и изменника», чем еще раз подчеркнул дикую азиатскую сущность русского самодержавия. Тот же Николай I повесил пять декабристов и свыше ста отправил в Сибирь. В Европе за военный мятеж в то время могли казнить не 5, а 50 офицеров, но никто не мог помешать женам осужденных ехать к местам заточения своих мужей. А Николай I лично давал разрешение каждой жене декабриста на

поездку в Сибирь. При этом император в письменном виде указывал, можно ли с собой взять горничную или нет, что можно взять из верхней одежды, а что из нижнего белья, и т. д.

В России давно стало традицией в случае какого-либо поражения или безобразия искать героя. И тут долго ждать не пришлось. 14 мая недалеко от Босфора находившиеся в крейсерстве фрегат «Штандарт», вооруженный 60 орудиями, и бриг «Меркурий», вооруженный двадцатью тремя 24-фунтовыми карронадами, встретили турецкую эскадру из шести кораблей, двух фрегатов, двух корветов и четырех малых судов. «Штандарт» сумел уйти от турок. Но бриг «Меркурий» был настигнут двумя турецкими кораблями — 110-пушечным «Селиме» и 74-пушечным «Реал-Бей». По официальной версии, с 13 ч. 30 мин. до 17 ч. 30 мин. бриг вел артиллерийскую дуэль с двумя кораблями. При этом-де корабль «Селиме» был сильно поврежден и выведен из строя. После этого «Меркурий» благополучно ушел. На бриге было 4 человека убито, 8 ранено, а в корпусе судна было обнаружено 22 пробоины.

Командир «Меркурия» капитан-лейтенант А. И. Казарский был произведен в капитаны 2-го ранга, награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и «пожалован флигель-адъютантом» его величества. В 1834 г. в Севастополе Казарскому был поставлен памятник. Все остальные офицеры брига были произведены в следующий чин и награждены орденами, в их дворянские гербы по указанию Николая I был внесен пистолет, как эмблема решительности скорее взорвать свой корабль, нежели сдать его неприятелю. Сам бриг «Меркурий» получил Георгиевский флаг.

Что же произошло на самом деле — можно только гадать. В любом случае, четырехчасовая артиллерийская дуэль и вывод из строя турецкого корабля исключаются полностью. Бриг имел только карронады, то есть орудия ближнего боя. Их предельная дальность составляла 600 м, а эффективная дальность стрельбы — 100–300 м. А предельная дальность длинных пушек калибра 24–36 фунтов была 3–4 км. Именно такие пушки составляли большинство вооружения на турецких кораблях. Таким образом, если бы дистанция боя была 1–2 км, то ни одно ядро с «Меркурия» не долетело бы до турок, а турецкая артиллерия за полчаса разнесла бы «Меркурий» в щепки.

Однако, судя по потерям «Меркурия» в личном составе и повреждениям корпуса, обстрел его производился с большей дистанции и в сравнительно короткое время. Видимо, ветер стих, и бриг попросту ушел от противника на веслах. (На всех бригах имелись штатные весла.) А небольшие размеры «Меркурия» (длина 30,1 м, ширина 9,25 м) вполне

позволяли сделать это. Упоминания о безветрии и использовании весел в реляции были, но они довольно бессвязны. Так, в начале боя говорилось, что бриг шел на веслах, а дальше про весла более не упоминалось.

9 июля русская эскадра бомбардировала турецкую крепость Мессемврия. Через 2 дня крепость сдалась. В Мессемврии был найден почти достроенный 24-пушечный корвет. Русские спустили его на воду, и после достройки он вошел в состав Черноморского флота под названием «Ольга». Позже его переименовали в «Мессемврию».

Русская 2-я армия под командованием генерал-фельдмаршала П. Х. Витгенштейна (1768–1842) перед войной состояла из 3-го, 6-го и 7-го пехотных корпусов, 4-го резервного кавалерийского корпуса, 2-й и 3-й пионерных бригад и ряда мелких частей и подразделений обслуживания. С началом военных действий армия была усилена двумя осадными артиллерийскими парками. При таком составе силы 2-й армии определялись в 75 141 человек пехоты, 29 497 человек конницы, 396 орудий полевой и 44 орудия осадной артиллерии.

Основными образцами ручного оружия, с которым армия вступила в войну, были пехотное ружье образца 1808 г. и пистолет образца 1809 г. Ружья были гладкоствольные, с кремневым замком, заряжаемые с дула и обеспечивали действительность огня на 200–300 шагов (142–213 м) при скорострельности до одного выстрела в минуту.

Полевая артиллерия имела на вооружении 6- и 12-фунтовые пушки и четверть- и полупудовые единороги. Осадная артиллерия имела 12-фунтовые пушки большой пропорции, 18- и 24-фунтовые пушки, пудовые единороги и полу-, двух- и пятипудовые мортиры.

Впервые русская армия должна была встретиться с новой турецкой армией «низам-джедид» («новый порядок»). Летом 1826 г. султан Махмуд II спровоцировал бунт янычар, а затем свирепо подавил его. Несколько тысяч янычар было убито, янычарские войска были упразднены. Специальным фирманом было запрещено даже упоминать о янычарах.

Новая армия была создана по образцу и подобию западноевропейских армий. Комплектование ее осуществлялось на основе воинской повинности. Однако несение воинской службы в мирное время было негативно встречено мусульманским населением Турции. Тем не менее к началу войны Махмуду II удалось создать новую армию численностью до 80 тысяч человек.

В части управления армией к началу 1828 г. определенной системы еще создано не было. Вся полнота гражданской и военной власти была сосредоточена в руках султана. Главнокомандование всеми вооруженными

силами страны осуществлял верховный визирь. В подчинении султана и визиря находились сераскиры и паши, каждый из которых стоял во главе отряда или корпуса.

В апреле 1828 г. действующая русская армия собралась в Бессарабии, за исключением IV кавалерийского корпуса, следовавшего из Курской губернии и ожидавшегося в конце мая. Для усиления армии в марте был объявлен поход Гвардейскому корпусу, но раньше августа он на Дунай прийти не мог. Находивший при армии Николай I повелел действовать безотлагательно. VI корпус должен был занять Дунайские княжества, VII — овладеть Браиловым, а III (самый сильный из всех, и при котором находилась Главная квартира) должен был перейти Нижний Дунай.

26 апреля VI корпус генерала Рота, перейдя Прут у Скулян, стремительным маршем, делая в сутки 60-верстные переходы, двинулся на Бухарест, который занял 30 апреля. В пять дней были оккупированы Молдова и Валахия, и 9 мая наш авангард взял Кайову.

III пехотный корпус переправился через Дунай у местечка Сатуново. Место переправы выбрали весьма неудобное. Левый берег реки был сильно заболочен, а правый господствовал над левым. Для подхода к реке требовалось построить гать протяженностью более 5 км.

Избрав такое неудобное место, русское командование рассчитывало на внезапность. Однако противник по подготовительным работам своевременно определил место переправы и принял меры по укреплению правого берега реки. По скатам прибрежных высот турецкие войска создали оборонительную позицию. Правый фланг ее прикрывали засеки и болото, а также 9-орудийная батарея, расположенная в редуте.

Всего на турецкой позиции находилось до 8 тысяч человек при поддержке 30 орудий.

Прежде чем навести понтонный мост, русским войскам надо было форсировать Дунай, очистить правый берег от противника и устроить предмостное укрепление. Для форсирования реки были выделены 9-я пехотная дивизия, 3-е отделение Дунайской флотилии в составе шести канонерских лодок и четырех малых лодок и 3-я егерская бригада.

Для обеспечения форсирования реки на левом берегу в ночь с 24 на 25 мая под руководством генерал-майора Зварковского была устроена 15-орудийная батарея № 1. Корабли Дунайской флотилии выстроились полукругом, примыкая к левому флангу этой батареи.

В ночь на 27 мая четыре казака переправились через Дунай и разведали удобные пункты высадки десанта.

В 3 часа ночи 27 мая батарея № 1 и корабли Дунайской флотилии

открыли сильный огонь по батареям и укреплениям противника. Это послужило сигналом для начала форсирования. Десант (3-я егерская бригада) разместился в лодках и под прикрытием артиллерийского огня батареи № 1 и кораблей, скрываясь за канонерскими лодками, начал форсирование реки.

Большую помощь при переправе русской армии оказали «неверные запорожцы», проживавшие на берегах Дуная еще со времен разгрома Екатериной II Запорожской Сечи. В середине мая кошевой атаман со старшинами и тысячью казаков перешли на сторону русских. Николай I пожаловал атаману медаль со своим изображением.

В ходе переправы запорожцы на сорока своих лодках быстро перевезли через реку три роты 2-го батальона 17-го егерского полка, а затем еще два батальона 3-й егерской бригады.

Вскоре защитники турецкого редута не выдержали огня 24-фунтовых пушек наших канонерских лодок и оставили редут, взорвав при отступлении пороховой погреб.

К 11 часам утра русские войска овладели всей турецкой позицией на правом берегу Дуная. К 3 часам дня вся 9-я пехотная дивизия на лодках переправилась через Дунай и закрепились на бывших турецких позициях.

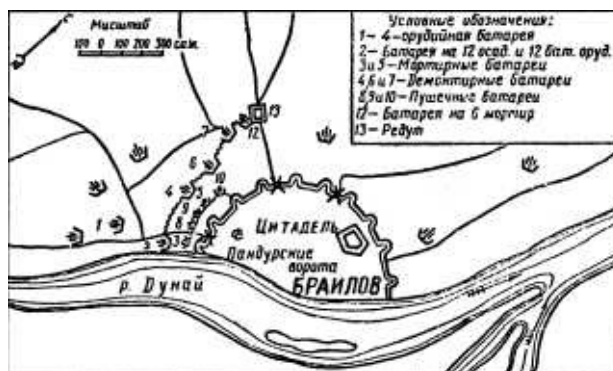
После этого понтонные подразделения приступили к наведению понтонного моста, который был готов к двум часам ночи.

В то время как 3-й пехотный корпус форсировал Дунай, 7-й пехотный корпус приступил к осаде крепости Браилов.

7 июня крепость Браилов капитулировала. Там было взято 278 орудий, большой пороховой погреб и значительные запасы продовольствия. 12 турецких судов стали трофеями русской Дунайской флотилии.

За день до капитуляции Браилова сдалась крепость Мачин, а падение Браилова повлекло за собой падение крепостей Кюстенджи, Гирсово и Тульчи, которые сдались почти без сопротивления. В этих крепостях было взято 230 орудий, 16 тысяч пудов (262 тонны) пороха и большое количество снарядов.

После взятия Браилова для продвижения русских войск через Балканы необходимо было овладеть двумя крепостями — Шумлой и Варной, которые прикрывали кратчайшие пути на Константинополь. Однако сил и средств во 2-й армии для одновременной осады двух крепостей не было. Поэтому русское командование решило сосредоточить на театре военных действий Гвардейский и 2-й пехотные корпуса. Эти корпуса могли подойти только к концу августа 1828 г.

Осада Браилова в мае 1828 г.

Гарнизон Шумлы составлял 40 тысяч человек, а силы русских, осаждавших ее в конце июля, не превышали 35 тысяч человек. Из-за плохого снабжения и неблагоприятных климатических условий к началу августа положение осаждающих ухудшилось. Русских косили лихорадка и тиф. Турки дважды, 14 и 25 августа, организовывали вылазки из Шумлы, но оба раза были отбиты. П. Х. Витгенштейн хотел было снять осаду, но Николай I не разрешил отступать. В конце концов осада Шумлы перешла в блокаду.

Варна была одной из самых сильных турецких крепостей. Крепость имела главную ограду бастионного типа с расположенными на ней 14 бастионами. Каждый бастион был вооружен 11 орудиями. Приморский 1-й бастион имел 17 орудий, из них 11 было обращено к морю.

В конце июля русские войска обложили Варну, а в ночь с 1 на 2 августа начали постройку осадных батарей. Одновременно с сухопутными войсками к Варне подошла эскадра Черноморского флота. Русские корабли высадили десант в районе Варны, при этом на берег было свезено и несколько корабельных орудий. Эскадра наглухо заблокировала Варну с моря. Ежедневно от флота выделялся один корабль и два бомбардирских судна для обстрела 1-го и 2-го бастионов. Огонь корабельной артиллерии не умолкал ни днем ни ночью и вызвал в городе большие пожары.

В конце августа из России прибыл Гвардейский корпус. В его составе было 64 орудия. Артиллерия корпуса прошла расстояние от Петербурга до Варны за три месяца. Хорошая организация марша обеспечила полную боеспособность орудий. С прибытием Гвардейского корпуса численность русских войск под Варной возросла до 32 тысяч человек, 118 полевых и 52 морских орудий.

Ожесточенные бомбардировки с суши и моря привели к капитуляции Варны 29 сентября. При этом отличилась первая русская ракетная рота под командованием подполковника В. М. Внукова. Рота состояла из 6

офицеров, 17 фейерверкеров и 300 рядовых (в том числе 60 нестроевых). На вооружении роты состояло: шесть шеститрубных станков для 20-фунтовых ракет.

Успех под Варной резко контрастировал с неудачей русской армии под Силистрией. Крепость была осаждена II корпусом, но взять ее без осадной артиллерии оказалось невозможно. Риторический вопрос: а каким местом думали наши генералы, планируя ее осаду? Когда же в конце октября прибыла осадная артиллерия, оказалось, что у нее не хватает снарядов... Осаду Силистрии 27 октября пришлось снять.

Еще раньше, 3 октября, пришлось отступить от крепости Шумла. Отход этот едва не превратился в катастрофу благодаря неотступному преследованию турецкой конницы, с которой наша безлошадная кавалерия совершенно не могла совладать. Наш III корпус после тяжелого боя был вынужден бросить все свои обозы.

Кампания 1828 г. была проведена в высшей степени бездарно. Начата она была заведомо недостаточными силами и по переходе Дуная свелась к одновременной осаде трех крепостей, непроизводительной трате времени и разброске сил. Из этих трех осад лишь одна была доведена до конца, две другие закончились чуть ли не катастрофой. Присутствие в армии Николая I и его непрофессиональные, мягко говоря, приказания дезорганизовали армию. Главнокомандующий армией Витгенштейн был практически лишен власти и, как остроумно заметил историк А. А. Керсновский, «низведен до положения лица, официально ответственного за все неудачи».

9 февраля 1829 г. на место Витгенштейна был назначен генерал от инфантерии граф И. И. Дибич. Приняв армию, Дибич деятельно стал приводить ее в порядок и устраивать ее тыл. Прежде всего он вошел в соглашение с флотом, посредством которого должно было вестись довольствие армии. Высаженный десант занял на болгарском побережье Сизополь, где и была устроена главная база. Попытки турок отобрать Сизополь были отражены.

По указанию Дибича вся артиллерия была полностью обеспечена лошадьми. Осадные роты приведены в порядок, причем две из них укомплектованы трофейными турецкими орудиями. Общее количество осадных орудий с 44 было доведено до 88.

Кампанию 1829 г. Дибич начал с осады турецкой крепости Силистрия. Гарнизон Силистрии состоял из 15 тысяч человек при 253 орудиях.

Осадные работы у Силистрии начались в ночь на 8 мая. 13 мая осадные орудия открыли огонь по крепости.

В середине мая 40-тысячная турецкая армия под командованием Рашида-паши выступила из Шумлы и направилась к городку Праводы с целью разбить русский отряд генерала Рота, овладеть Праводами и тем самым закрыть русской армии дорогу на Балканы. Генерал Дибич, узнав о движении турецкой армии, решил оставить часть сил для продолжения осады Силистрии, а с 18-тысячным отрядом оказать помощь отряду генерала Рота. При этом ставилась цель отразить турецкие войска от крепости Шумла и вынудить их принять бой в полевых условиях, чего давно искало русское командование. 30 мая в бою у деревни Кулевча Дибич разгромил армию Рашида-паши. У русских было 29 тысяч штыков и сабель при 152 орудиях, у турок — 40 тысяч человек и 56 орудий. Упорный бой длился пять часов, причем вначале турки отразили наши авангарды. У нас убыло 2 генерала, 60 офицеров, 2248 нижних чинов. У турок убито 5 тысяч человек, взято в плен 2 тысячи человек с 6 знаменами и 50 орудиями.

19 июня комендант Силистрии решил не дожидаться штурма и сдал крепость. Русским досталось 9300 пленных, 253 орудия в крепости и 31 пушка на гребных судах.

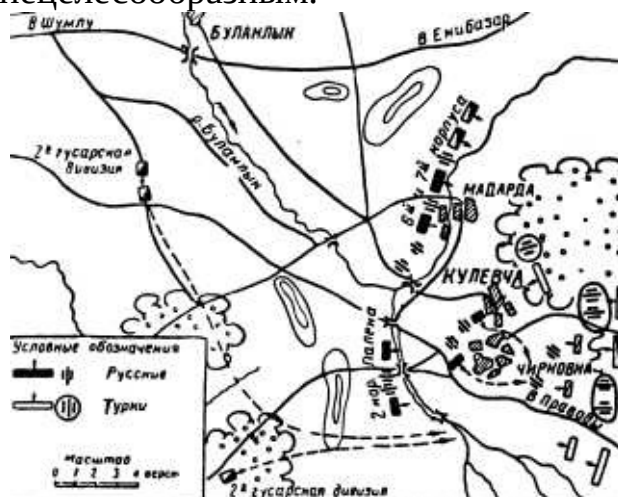
После сдачи Силистрии Дибич начал подготовку к форсированию Балкан. Для этой цели было собрано 52 батальона пехоты, 24 эскадрона регулярной конницы, 8 казачьих полков и 148 орудий — всего около 37 тысяч человек.

Поход на Балканы начался 1–3 июля. 10 июля наша армия перевалила через главный Балканский хребет в его восточной оконечности. VI корпус генерала Рота, опрокинув турецкие отряд в ряде столкновений, 12 июля овладел Бургасом — важнейшей гаванью западного побережья Черного моря. За 11 дней русские войска прошли с боями 150 верст по малопроходимым горным кручам и тропинкам, перевалив за Балканы, овладев рядом важных стратегических пунктов и захватив в ряде боев 3 тысячи пленных и 50 орудий. Но сильная жара и плохая питьевая вода вызвали вспышку болезней. Состав русской армии с каждым днем таял. По пути в нескольких небольших сражениях у Халилм, Вливны, Айдоса и других местечек русские войска разбили по частям турецкую армию, общая численность которой составляла 50 тысяч человек.

Перед войной Отдельному Кавказскому корпусу были поставлены две основные задачи — отвлечь часть турецких сил с Балканского полуострова и поддерживать порядок в Закавказье.

В составе Отдельного Кавказского корпуса было около 40 тысяч человек. Командовал корпусом генерал-адъютант И. Ф. Паскевич-Эриванский. Большую часть войск пришлось выделить для поддержания

порядка в Закавказье. Для решения же первой задачи считалось Достаточным «покорить» два пашалыка (области) — Карский и Ахалцыхский. Дальнейшее продвижение войск в глубь азиатских владений Турции считалось нецелесообразным.

Бой под Кулевчей 30 мая 1829 г.

Русские войска подошли к стратегически важной крепости Карс. Постройка первой осадной батареи была закончена к утру 21 июня. С рассветом четыре ее орудия открыли огонь по крепости. В ночь на 23 июня была начата постройка еще трех батарей. Рано утром 23 июня 38 русских орудий открыли непрерывный огонь по крепости. Через 2 часа 5 тысяч солдат пошли на штурм. К 8 часам утра крепость пала. Остатки ее гарнизона во главе с комендантом крепости Эмином-пашой заперлись в цитадели, но и они через два часа сдались. Однако когда русские открыли огонь, турки бросились бежать из крепости.

Затем последовал еще ряд успехов русских. Замешательство среди турок было так велико, что 27 июня почти без боя сдалась мощная крепость Эрзерум, где в плен был взят сам сераскир и четыре пашы, до 15 тысяч человек и 150 орудий. Со взятием Эрзерума, собственно, и закончилась кампания 1829 г.

Заканчивая рассказ о кампании 1829 г., остается добавить, что с 13 июня по 14 июля в войсках Кавказского корпуса находился А. С. Пушкин. Он стал свидетелем взятия Эрзерума, которое позже описал в «Путешествии в Арзерум».

После падения Адрианополя казачьи разъезды стали видны с городских стен Константинополя. На улицах города был зачитан султанский фирман о мобилизации правоверных мужского пола. Султан Махмуд II заявил, что он будет лично командовать войсками, защищающими столицу. Готовясь сделать это, султан появился перед

народом, по чьему-то опрометчивому совету, не верхом на коне, подобно защитникам родины прошлых времен, а в экипаже, «неслыханной и некрасивой новинке», что лишь вызвало озлобление горожан. Началось бегство состоятельных людей из Константинополя. Не добытые Махмудом янычары составили заговор по свержению султана.

Под Константинополем стояла 20-тысячная русская армия, рядом с Босфором крейсировал Черноморский флот, а вблизи Дарданелл — эскадра Гейдена. В такой ситуации, близкой к идеальной, генерал Дибич настаивал на захвате Константинополя. Этого требовали не только интересы России, но и чувство самосохранения. Армия Дибича, дислоцированная в районе Адрианополя, быстро таяла от болезней, в первую очередь от дизентерии и чумы.

Но, увы, в Петербурге думали иначе. Канцлер (он же министр иностранных дел) Карл Васильевич Нессельроде не имел собственной внешнеполитической программы, а предпочитал ориентироваться на Вену. Нетрудно догадаться, как в Вене отнеслись к занятию русскими Стамбула. Николай I колебался — с одной стороны, он мечтал видеть русский флаг над Босфором, а с другой стороны, он был слишком привержен идеям Священного союза. В конце концов царь сформировал из малокомпетентных бюрократов «Особый комитет по Восточному вопросу». Комитет принял резолюцию, составленную Д. В. Дашковым: «Россия должна желать сохранения Османской империи, поскольку она не могла бы найти более удобного соседства, поскольку разрушение Османской империи поставило бы Россию в затруднительное положение, не говоря уже о пагубных последствиях которые оно могло бы иметь для общего мира и порядка в Европе».

Эта резолюция означала фактическую капитуляцию России. Вне всякого сомнения, Европа не одобрила бы захват Проливов Россией. Но кто в 1829 г. мог воевать с ней? Франция и Австрия были на пороге революции. Англия держала в Эгейском море эскадру, но не имела сухопутных сил для противодействия русской армии. В 1829 г. Англия была лишена даже своего политического инструмента — демонстрационного появления своего флота в нужном месте и в нужное время. «Просвещенные мореплаватели» в 1829 г. не могли сделать того, что они сделали в 1854 и 1878 гг., то есть войти в Мраморное море. У входа в Дарданеллы стояла эскадра Гейдена, которую, правда, можно было уничтожить, что автоматически означало войну с Россией. Эта эскадра могла или не пропустить англичан в Дарданеллы, или, наоборот, пропустить, а затем заблокировать дорогу обратно.

Но, увы, Николай I струсил, и 2 сентября 1829 г. в Адрианополе был подписан мир между Россией и Турцией, который по названию места его подписания стали называть Адрианопольским. Приобретения России по Адрианопольскому миру были ничтожны. В Европе Россия приобрела все острова, находящиеся в устье Дуная, при этом правый берег реки оставался по-прежнему у турок. На Кавказе Россия получила Анапу, Ахалцых и Ахалкалаки.

Седьмая статья Адрианопольского мира гарантировала свободный проход русских торговых судов через Проливы в мирное время. Режим Проливов в военное время не оговаривался. Как Бухарестский 1812 г., так и Адрианопольский договор, не касались прохода русских военных судов через Проливы. Напомним, что свободное право прохода русских военных судов в мирное время было закреплено в русско-турецких договорах 1799 и 1805 гг... А Бухарестский и Адрианопольский договоры содержали двусмысленность, они не подтверждали и не отвергали статьи договоров 1799 и 1805 гг., касающиеся данного вопроса. Эта неопределенность давала формальную зацепку России, но была гораздо выгоднее Турции, которая могла считать статьи договора 1829 г. исчерпывающими и все вопросы, выходящие за рамки статей, решать по своему усмотрению.

Суть Адрианопольского договора была в том, что Россия очень мало приобретала, а Турция очень много теряла. Так, от Турции были отторгнуты Греция, Сербия и Дунайские княжества.

После смерти Екатерины Великой так и повелось, что в результате русско-турецких войн Россия выигрывает копейки, Турция много теряет, а выигрывает Европа, то есть Англия, Франция, Австрия и т. д.

Глава 18

АДМИРАЛ ЛАЗАРЕВ СПАСАЕТ МАХМУДА II

Как уже говорилось, Египет в XVIII веке стал полунезависимой частью Османской империи. В 1805 г. наместником турецкого султана стал Мегмет-Али. Умный и честолюбивый правитель, он создал собственные армию и флот, покорил мятежные племена в Египте, упорядочил финансы и стал грозным и неограниченным властителем Египта. Мегмет-Али оказал большую помощь султану в борьбе с восставшими греками в начале 20-х гг. В награду за это он был пожалован пашалыком (властителем) Крита. Но Мегмет-Али сильно обиделся на Махмуда II: он ожидал в награду как минимум Сирию.

В октябре 1831 г. Мегмет-Али, используя в качестве предлога личную ссору с пашой Акры, двинул свои войска в Сирию. Командующим был назначен сын египетского властителя Ибрагим. В его подчинении находилось 30 тысяч человек при 50 полевых орудиях и 19 мортирах. Армия Ибрагима почти без боя овладела Газой и Иерусалимом, а затем осадила Акру. С моря Акра была блокирована большой египетской эскадрой. Взамен кораблей, погибших в Наваринском сражении 1827 г., Мегмет-Али построил новый, куда более мощный, флот.

Махмуд II объявил Мегмета-Али мятежником, отрешил его от должности, и назначил на его место Гуссейна-пашу. Султан приказал Гуссейну-паше собрать войско и двинуться на Ибрагима. Но пока Гуссейн-паша собирал свою армию, Ибрагим одержал ряд побед. В мае 1832 г. он штурмом взял Акру, а в июне вступил в Дамаск. Продолжая наступление на север, Ибрагим занял Гомес, а затем Алеппо. В июле 1832 г. у Бейлана египтяне наголову разбили турецкую армию и захватили всю ее артиллерию. Два дня спустя Ибрагим вступил в Антиохию. Теперь вся Сирия оказалась в его руках. Затем Ибрагим вторгся в Аданский округ, перешел горы Тавра и в ноябре овладел самым сердцем Малой Азии — Конией. В декабре под Конией на Ибрагима напал великий визирь Рашид-паша с 60-тысячной армией. Бой закончился поражением турок, а сам великий визирь попал в плен. Ибрагим двинулся на Константинополь.

Султан Махмуд II находился в отчаянном положении. У него не было ни сил, ни средств для защиты столицы, поэтому пришлось просить

помощи за границей. Первым делом Махмуд II обратился к правительству Англии, в чем его поддержал британский посол Стретфорд Капинг. Но министр иностранных дел лорд Пальмерстон^[52] в силу ряда внутривосточных причин отказал султану. Что же касается Франции, то она безоговорочно поддерживала египтян. Таким образом, у Махмуда не оказалось выбора, и он обратился к своим старым врагам — русским.

В октябре 1832 г. по указанию царя начальник Главного морского штаба А. С. Меншиков (1787–1869) предписал главному командиру Черноморского флота адмиралу Грейгу подготовить эскадру для похода в Константинополь. На Грейга возлагалось и командование эскадрой.

7 ноября Грейг доложил Меншикову, что годных для похода кораблей очень мало и что он «по состоянию здоровья» не может возглавить эскадру. 15 ноября Меншиков в категорической форме предписал Грейгу незамедлительно вооружить флот, поскольку «...обстоятельства, могущие возникнуть от успехов египтян, могут... понудить в течение еще зимы к высылке в море наших эскадр». Этим же предписанием контр-адмирал Лазарев назначался командующим готовящейся для похода в Константинополь эскадры.

24 ноября 1832 г. русскому посланнику в Константинополе А. П. Бутеневу было отправлено царское повеление, в котором указывалось, что если султан попросит помощи со стороны России, то Бутеневу предоставляется право требовать от адмирала Грейга немедленной посылки в Константинополь Черноморской эскадры.

Египетские войска приближались к Константинополю. 21 января 1833 г. турецкое правительство обратилось к русскому посланнику Бутеневу с просьбой поспешить с присылкой эскадры. Турки также просили доставить на эскадре в Константинополь три — пять тысяч солдат.

1 февраля 1833 г. контр-адмирал Лазарев получил письмо от Бутенева с требованием как можно скорее прибыть с эскадрой в Константинополь. На следующее утро он с четырьмя кораблями («Анапа», 84/108-пушечный; «Память Евстафия», 84/108-пушечный; «Екатерина II», 84/96-пушечный; «Чесма», 84/92-пушечный), тремя 60-пушечными фрегатами («Эривань», «Архипелаг», «Варна»), корветом и бригом вышел в море. Сухопутные части Лазарев с собой не взял, так как их в то время не было в Севастополе.

Из-за противных ветров Лазарев подошел к устью Босфора только 8 февраля. С турецких крепостей эскадре предложили не входить в Босфор до получения разрешения от султана. Но контр-адмирал Лазарев пренебрег этим требованием, и в тот же день русские корабли встали на якорь в заливе Буюк-Дере недалеко от английской и французской миссий.

Немедленно к Лазареву прибыли представители Махмуда II и попросили увести эскадру в Сизополь, где и оставаться в полной готовности оказать султану помощь. Турки пытались уверить Лазарева в том, что между Махмудом и Мегметом-Али ведутся мирные переговоры, и присутствие русской эскадры в Босфоре может вызвать новое наступление египетского паши на Константинополь.

Посланники турецкого султана ввали, и Лазарев прекрасно это понимал. Дело было вовсе не в угрозе срыва мирных переговоров с Мегметом-Али. Посол Франции в Константинополе приложил много усилий, чтобы Порты отказалась от помощи русского флота. В результате такого давления турецкое правительство даже предложило Бутеневу вывести эскадру «в угоду французскому посланнику». Эту фразу в письме к Нессельроде посол жирно подчеркнул. Из-за жесткой позиции русского посла турки отступили и более к этому вопросу не возвращались.

Между тем Мегмет-Али организовал мятеж в Смирне против султана, в результате чего египетские войска заняли город. Султан опять изменил тон и потребовал от контр-адмирала Лазарева ускорить доставку сухопутных войск.

24 марта 1833 г. в Константинополь пришла вторая эскадра Черноморского флота под командованием контр-адмирала М. Н. Кумани. В ее составе были корабли «Адрианополи» (84/108-пушечный), «Пар-мен» (74/89-пушечный), «Императрица Мария» (84/96-пушечный), 60-пушечный фрегат «Тенедос» и девять транспортных судов с десантом.

2 апреля в Буюк-Дере бросила якорь третья эскадра Черноморского флота, которой командовал контр-адмирал И. И. Стожевский. В ее составе были корабли «Париж» (110-пушечный), «Пимен» (74-пушечный), «Иоанн Златоуст» (74-пушечный), два бомбардирских судна и десять транспортных судов с десантом. Всего вторая и третья эскадры доставили 10 тысяч десантников. Кроме того, в Эгейском море крейсировали 44/54-пушечные фрегаты «Княгиня Лович» и «Анна», которые оставались там с 1829 г.

Итого у Константинополя сосредоточилось десять новых кораблей и четыре фрегата, которые по своей огневой мощи не уступали кораблям.

31 марта 1833 г. военный министр Чернышев предписал командующему десантными войсками генерал-лейтенанту Муравьеву в случае движения египетской армии к Константинополю занять два укрепленных пункта в проливе, защищающих с европейского и азиатского берегов вход в Черное море. Эти пункты надлежало укрепить, оставив в них по 1000 человек. Остальную часть десантного отряда предполагалось использовать для обороны Константинополя совместно с турецкими

войсками. Далее Чернышев сообщал, что Бутеневу дано право при угрозе выхода египетских войск к Дарданеллам потребовать от командира расположенного в Молдове армейского корпуса генерала графа П. Д. Киселева, чтобы он занял укрепленные замки на обоих берегах Дарданелл и тем закрыл его для плавания неприятельских кораблей. Эскадре Лазарева предписывалось в этом случае идти к Дарданеллам и способствовать их удержанию.

В марте лейтенант Путятин получил от Лазарева предписание идти на фрегате «Эривань» в Дарданеллы. На фрегате находились полковник Дюгамель и инженерные офицеры, которые должны были проинспектировать состояние крепостей и укреплений пролива. Посланцы имели приказ «приступить к подробному осмотру вышесказанного пролива, стараясь по возможности исправить бывшую досель карту Дарданелл».

Русский посол Бутенев заявил турецкому правительству, что русские войска и флот не оставят Босфора до тех пор, пока египетские войска не очистят Анатолию. Присутствие русских войск и флота в Константинополе, их готовность защитить Турцию заставили египетского пашу прекратить военные действия и возобновить мирные переговоры.

Перед англо-французской дипломатией встали очень сложные противоречивые задачи: удалить русских из Константинополя, спасти Турцию от полного разгрома войсками Мегмета-Али и в то же время удовлетворить притязания египетского паши. Англичанам и французам удалось выполнить только последнюю задачу. Они заставили Мегмета-Али пойти на мир с султаном. Мирный договор, заключенный 24 апреля 1833 г. в Кутайе, был очень выгоден для Мегмета-Али, так как ему была отдана вся Сирия. Специальным фирманом Махмуд II признал Мегмета-Али пашалыком Египта, Крита, Сирии, Дамаска, Триполи, Алеппо и Аданы. Он пожизненно сохранял за собой эти пашалыки без гарантий наследования их Ибрагимом или другими приемниками.

Параллельно с переговорами с Мегметом-Али султан вел переговоры со специальным посланником русского императора А. Ф. Орловым. Эти переговоры закончились подписанием 26 июня 1833 г. Ункяр-Искелесийского договора. Он носил оборонительный характер и был заключен на 8 лет. По его условиям Россия обязывалась в случае необходимости прийти на помощь Турции «сухим путем и морем». Наиболее важное для России условие содержалось в «отдельной и секретной статье», где говорилось о том, что российская сторона, «желая освободить Ближательную Порту Оттоманскую от тягости и неудобств,

которые произошли бы для нее от доставления существенной помощи», будет удовлетворена выполнением лишь одного обязательства со стороны Турции. По условиям секретной статьи, она должна будет ограничить свои действия в пользу императорского русского двора закрытием Дарданелльского пролива, то есть «не позволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом».

Ункяр-Искелесийский договор был, безусловно, дипломатической победой России. Однако вопрос о свободном проходе Проливов русскими военными кораблями опять остался открытым.

28 июня, то есть через два дня после подписания договора, Черноморский флот под командованием вице-адмирала Лазарева (ему за Босфорскую операцию был присвоен очередной чин), приняв на борт десантные войска, покинул Босфор. Вместе с Черноморским флотом ушли из проливов фрегаты «Княгиня Лович» и «Анна».

Глава 19

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

В конце 40-х гг. XIX века резко обострилось соперничество православной и католической церквей в Палестине. Внешне это было похоже на обычные дразги, которые постоянно происходят между религиозными объединениями и внутри их. Вот, например, кто должен владеть ключами от Вифлеемской пещеры, кто должен ремонтировать купол храма Гроба Господня, можно ли поместить в церковь Рождества Христова серебряную звезду с гербом Франции и т. д. Во всех странах такие споры решаются на уровне городских властей. В Палестине было все иначе. За православными стояла Россия, а за католиками — вся Европа во главе с Францией. Хозяином же Палестины являлся турецкий султан. Среди его подданных было около 10 миллионов православных и всего несколько тысяч католиков. Поэтому вполне логично было бы преобладание православного духовенства в Палестине. Тем более что до захвата мусульманами Палестины в VII веке все христианские святыни были под контролем Византийской империи, а не Рима.

Правительству Франции было глубоко наплевать и на звезду, и на обвалившийся купол, но нужен был повод для вмешательства в дела Сирии. В 1830–1847 гг. Франция захватила Алжир, который был вассалом турецкого султана, после чего жадные взгляды французских буржуа устремились к Восточному Средиземноморью.

22 марта 1853 г. французский министр иностранных дел вручил новому посланнику в Турции де Лакуру инструкцию. В ней говорилось: «Если русский флот в Севастополе предпримет передвижение, или в Дунайские княжества войдут русские войска, или даже будет осуществлено приближение русских кораблей к турецкому побережью Черного моря, то любое из этих предположений было бы достаточно для объявления войны России». Таким образом, французское правительство ни много ни мало требовало запретить плавать в Черном море русским военным кораблям.

Агрессивность Наполеона III вызвала восторг в Лондоне. Англия получила возможность в очередной раз вести чужими руками большую европейскую войну. В 1799–1815 гг. «владычица морей» усмирила Наполеона I с помощью России, причем сделала это исключительно в интересах Англии. Что же касается Палестины и Сирии, то это была лишь

приманка для недалекого императора — отдавать их Франции англичане не собирались.

Еще 21 октября (2 ноября) 1849 г. английская эскадра адмирала Парнера вошла в Дарданелльский пролив и встала на якорь за внешними турецкими фортами. Русский посол Брунов немедленно посетил британского министра иностранных дел Генри Джона Пальмерстона и потребовал объяснений. Пальмерстон начал выкручиваться и ссылаться на «плохие погодные условия», которые-де заставили эскадру Паркера укрыться в проливе. На это Брунов резонно возразил: «На что имеет право адмирал Паркер, на то имеет право также адмирал Лазарев. Если первый законно может войти в Дарданелльский пролив, то последний может пройти через Босфор». Угроза подействовала, и Пальмерстон в конце концов признал маневры английского флота «ошибочными», пообещал, что «этого больше не случится», и объявил о недопустимости вольного толкования принципа закрытия Проливов. В тот момент англичане не имели чужого пушечного мяса для войны с Россией, и эскадра Паркера быстро убралась из Дарданелл.

16 февраля 1853 г. в Константинополь на пароходо-фрегате «Громоносец» прибыл чрезвычайный царский посол князь А. С. Меншиков. 24 февраля Меншиков был принят султаном Абдул-Мехадом. Во время аудиенции он вручил султану собственноручное письмо Николая I. Целью приезда Меншикова было заключение конвенции о статусе православной церкви в Палестине и Сирии, кроме того, он был уполномочен царем предложить Турции заключить оборонительный договор против Франции. Турецкие власти лавировали и тянули время. 17 мая 1853 г. Меншиков предъявил Турции ультиматум с требованием заключения конвенции о наблюдении и контроле иммунитета греческой церкви и, таким образом, провозглашения права России вмешиваться в любые вопросы, связанные с религиозной и административной регламентацией положения православного населения. Вопрос о статусе Проливов русской стороной не поднимался. 2 июня 1853 г. Меншиков, не дождавшись ответа на ультиматум, покинул Константинополь.

Теперь Николаю I, чтобы не потерять лицо, оставалось лишь применить силу. Царь планировал решить «восточный вопрос» *tete-a-tete* с Турцией, в крайнем случае рассматривалось вступление в войну Франции. По мнению царя и его министра иностранных дел, Англия должна была соблюдать строгий нейтралитет, а Австрия и Пруссия — благожелательный России нейтралитет. Особенно Николай I рассчитывал на австрийского императора Франца Иосифа I, которого он буквально спас от революции в

1849 г. Ни Александр I, ни Николай I не понимали, что никакие договоры с европейскими государствами, никакие благодеяния никогда не заставят европейских правителей полюбить Россию. Наша страна всегда была и будет бельмом на глазу у сильных мира сего в Старом и Новом Свете. А повод для конфронтации всегда найдется: в XIX веке Россию обвиняли в том, что она слишком монархическая и реакционная, в XX веке, наоборот, — слишком социалистическая и революционная. Россия виновата уже тем, что она слишком большая и сильная, и мешает разбойничать англоязычным странам.

В конце декабря 1852 г. Николай I набрасывает план операции: «Могущий быть в скором времени разрыв с Турцией приводит меня к следующим соображениям:

- 1) Какую цель назначить нашим военным действиям.
- 2) Какими способами вероятнее можем мы достичь нашей цели.

На первый вопрос отвечаю: чем разительнее, неожиданнее и решительнее нанесем удар, тем скорее положим конец борьбе. Но всякая медленность, нерешимость даст туркам время опомниться, подготовиться к обороне, и вероятно французы успеют вмешаться в дело или флотом, или даже войсками, а всего вероятнее присылкой офицеров, в коих турки нуждаются. Итак, быстрые приготовления, возможная тайна и решимость в действиях необходимы для успеха.

На второй вопрос думаю, что сильная экспедиция с помощью флота прямо в Босфор и Царьград может всё решить весьма скоро».

Дальше следовал расчет экспедиции: 13-я пехотная дивизия в составе 12 батальонов при 32 орудиях должна сосредоточиться в Севастополе, 14-я пехотная дивизия в таком же составе — в Одессе. Обе дивизии в один день садятся на суда десантных отрядов Черноморского флота, которые соединяются у Босфора, и захватывают Царьград, после чего, естественно, турецкое «правительство будет просить примирения или, в противном случае, будет стягивать свои силы у Галлиполи или Эноса в ожидании помощи от французов... Здесь рождается другой вопрос: можем ли мы оставаться в Царьграде при появлении европейского враждебного флота у Дарданелл и в особенности, ежели на флоте сем прибудут и десантные войска? Конечно, предупредить сие появление можно и должно быстрым занятием Дарданелл».

В феврале 1853 г. начальник штаба Черноморского флота и портов В. А. Корнилов представил в Военное министерство полный расчет перевозки намеченного Николаем I отряда.

19 марта 1853 г. Корнилов представил управляющему Морским

министерством великому князю Константину Николаевичу докладную записку: «...по личному моему мнению: 1) турецкий флот в руках турок к плаванию в море едва ли способен, но может быть ими употреблен, в числе 5 линейных кораблей и 7 фрегатов, к защите Босфора в виде плавучих батарей, особенно при содействии имеемых у них больших пароходов. 2) Укрепления Босфора, хотя и получили против 1833 года некоторые улучшения, но при благоприятных обстоятельствах для Черноморского флота из линейных кораблей, фрегатов и больших военных пароходов покуда легко проходимы; и 3) заняв Дарданелльские укрепления посредством высадки на выгодном пункте, например, в Ялова-Лимане или против греческой деревни Майдос, и имея дивизию на полуострове Геллеспонте, флот Черноморский отстоит пролив против какого угодно неприятельского флота». Успех нападения Корнилов обуславливал соблюдением полной тайны: «И тот и другой случай покушения на Константинополь посредством Черноморского флота и высадки десанта в Босфоре никак не должно предпринимать иначе, как при соблюдении самой глубокой тайны, и потому я бы полагал, дабы усыпить турок, такое действие провозглашать невозможным, а обратить общее внимание на Варну или Бургас».

Был ли реален план захвата Босфора в 1853 г.? Безусловно, да. По мнению автора, вероятность захвата Босфора составляла не менее 95 % (разумеется, при условии внезапности), а Дарданелл — не менее 50 %.

Ну а вдруг неудача? Все равно, хуже не было бы. Ну, потеряли бы мы несколько тысяч солдат убитыми и несколько кораблей потопленными. Так все равно флот пришлось топить в Севастополе, а людские потери в Дунайских княжествах превысили все максимально возможные потери при неудачной высадке десанта.

Даже если бы удалось захватить только Босфор, а союзники опередили бы нас и захватили Дарданеллы, операцию можно было бы считать успешной. Ведь речь шла не о выходе Черноморского флота в Эгейское море, а исключительно об обороне. Как уже говорилось, время для войны с Турцией было выбрано Николаем I исключительно удачно. Но в Босфоре русские могли бы успешно отбиваться от всей Европы долгие годы. Защитить Босфор было бы во много раз легче, чем Севастополь. Ахиллесовой пятой Севастополя было снабжение. Причем, особые трудности вызывала транспортировка орудий, боеприпасов и продовольствия через Крым. Снабжение же армии и флота в Босфоре могло весьма легко осуществляться через Одессу, Херсон, Николаев, Таганрог и другие русские порты. А значительную часть нужд армии можно было

удовлетворить за счет трофеев. В Константинополе было всё. Пушки и порох можно было взять в Арсеналах, камень для укреплений — разобрать дома и старые крепости. Не стоит забывать, что 30–40 % населения Константинополя составляли христиане. Из десятков тысяч греков, армян, славян и т. д. можно было составить вспомогательные войска. Даже если предположить, что боевая ценность их невелика, то в любом случае они были бы неоценимы при строительстве укреплений, дорог, усмирения мусульманского населения (как делали это греки, мы уже знаем). И все это не прожектёрство, а реальность. Так делалось во времена графа Алексея Орлова. Русская армия и флот в Архипелаге постоянно жили за счет турок, и вроде неплохо жили. При защите Босфора русское командование могло держать все свои силы в одном районе, не разбрасывая войска и артиллерию по всему побережью от Одессы до Новороссийска.

Но, увы, Нессельроде и ряд престарелых сановников уговорили царя отказаться от десанта в Босфор. Основной довод — русское «авось». Авось Европа нам спустит шалости в Дунайских княжествах, а за Проливы еще накажут.

В результате Николай I 8 июня 1853 г. подписал Манифест о введении войск на территорию Дунайских княжеств.

Кампания 1854 г. началась с переправы 14 марта русских войск через Дунай одновременно в трех местах: Браилове, Галаце и Измаиле. Вскоре были захвачены турецкие крепости Исакчи, Тульча и Мачин.

4 мая русские войска подступили к турецкой крепости Силистрия, а через четыре дня начались осадные работы. Крепость первоначально защищало 12 тысяч турок, позже ее гарнизон был доведен до 20 тысяч. Горчаков же собрал под Силистрией до 5 дивизий и 254 орудия. На 9 июня был назначен штурм крепости, но за два часа до штурма прибыл фельдъегерь и привез приказ Паскевича отступить за Дунай.

Турецкая эскадра в Синопе была блокирована русской эскадрой вице-адмирала П. С. Нахимова. Утром 17 ноября эскадра Нахимова в составе кораблей «Великий князь Константин», «Париж», «Три Святителя», «Императрица Мария», «Ростислав», «Чесма» и фрегатов «Кулевчи» и «Кагул» двинулась к входу в Синопскую бухту.

В 12 ч. 30 мин. турецкие корабли и береговые батареи открыли огонь по русской эскадре. Русские корабли встали на якорь в 320–380 м от вражеских кораблей и открыли огонь. Флагманский корабль «Императрица Мария» встал в 320 м от вражеского флагмана «Ауни-Аллах». Всего через полчаса боя турецкий адмирал приказал расклепать якорные цепи, и турецкий корабль выбросился на берег, где команда разбежалась. К 16 часам бой закончился. Корвет «Гюли-Сефид» взорвался на мине, а остальные турецкие суда выбросились на берег и горели. Бежать удалось лишь пароходу «Таиф», которым командовал Слэйд-Мушавер-паша. Парусные фрегаты «Кагул» и «Кулевчи» погнались за «Таифом», но догнать его не смогли. В нескольких милях от Синопа «Таиф» был встречен эскадрой Корнилова в составе пароходо-фрегатов «Одесса», «Крым» и «Херсонес», которые шли на помощь Нахимову. Слэиду удалось выжать из машины в 450 номинальных лошадиных сил 10-узловой ход, а русские пароходо-фрегаты не могли дать больше, чем 8,5 узлов. В результате англичанину удалось проскочить в Константинополь. Второй турецкий пароход — «Эрекли» — был сожжен в Синопской бухте.

К 18 часам в Синопскую бухту прибыли пароходы Корнилова. Корнилов попытался найти хоть одно турецкое судно, которое можно было бы отбуксировать в Севастополь в качестве трофея. Более-менее целым оказался фрегат «Дамиад», выброшенный на мель у турецкой батареи № 6. Пароход «Одесса» снял «Дамиад» с мели, но осмотр показал, что фрегат так разбит артиллерийским огнем, что о буксировке в Севастополь нельзя и думать. Поэтому его на следующий день сожгли. Кстати, на «Дамиаде» найдено около 100 турецких матросов. Командир и офицеры фрегата в ходе боя захватили все уцелевшие гребные суда и бежали.

К концу боя, то есть к 16 часам, все береговые батареи турок были подавлены. При обстреле береговых батарей часть русских бомб залетела в город Синоп и подожгла его. Другой причиной пожаров в городе официальные русские источники называют горящие обломки от взорвавшихся турецких судов. Заметим, однако, что «вчистую» сгорела турецкая часть города, христианская же часть, заселенная в основном греками, осталась совершенно невредима.

Среди сожженных в Синопе турецких судов был и фрегат «Фазли-

Аллах», бывший русский фрегат «Рафаил», взятый в плен турками в 1829 г. 4 июня 1829 г. Николай I высочайше повелел «предать огню фрегат „Рафаил“, как недостойный носить русский флаг, когда возвращен будет в наши руки». Через 24 года Нахимов выполнил это высочайшее повеление.

В ходе Синопского боя русские потеряли 37 человек убитыми и 233 ранеными, причем среди убитых не было ни одного офицера. Всего русские корабли сделали 18 063 выстрела. Общий вес снарядов составил 19 871 пуд, то есть 325,5 тонн.

Оценивая Синопское сражение, вице-адмирал Корнилов писал: «Битва славная, выше Чесмы и Наварина... Ура, Нахимов! М. П. Лазарев радуется своему ученику».

Высадка союзников в Крыму, оборона Севастополя, равно как и боевые действия на Балтике, в Белом море и на Тихом океане в 1854–1855 гг., выходят за рамки нашего повествования, поскольку проходили практически без участия турок. Они, как и разбой крымских татар, нашли отражения в других моих книгах^[53].

Для нас представляют интерес лишь боевые действия на Кавказе. К осени 1853 г. в составе Отдельного Кавказского корпуса насчитывалось 128 батальонов пехоты, 11 эскадронов кавалерии, 52 полка казаков и конной милиции, 23 батареи (232 орудия). Но подавляющее большинство этих войск сражалось с восставшими племенами горцев, поэтому на турецкой границе находилось только 19,5 батальонов пехоты, 2 дивизиона драгун и небольшое число иррегулярной конницы. Поэтому Николай I был вынужден перебросить из Севастополя на турецкую границу 13-ю пехотную дивизию с ее артиллерией. По прибытии 13-й дивизии на границе с Турцией был сформирован Действующий корпус под командованием генерал-лейтенанта князя Василия Осиповича Бебутова. Корпус был разделен на отряды: в Гурии — 6 батальонов, 2 сотни казаков, 34,5 сотни милиции, 12 орудий; в Ахалцыхском уезде — 8 батальонов, 3 сотни казаков, 3 сотни милиции, 8 орудий; в Ахалкалакском отряде — 4,5 батальона, 2 сотни милиции, 4 орудия; в Александропольском отряде — 11,75 батальона, 10 эскадронов, 5 сотен милиции, 48 орудий; в Эриванском уезде — 3,5 батальона, 14 сотен милиции, 8 орудий. Всего в составе Действующего корпуса было 33 батальона, 10 эскадронов, 26 сотен казаков, 54 сотни милиции, 80 орудий. По ходу дела роль Бебутова свелась только к командованию Александропольским отрядом.

Боевые действия на Кавказском театре начались с захвата турками в ночь на 16 октября 1853 г. поста св. Николая.

Первое серьезное сражение произошло у Ахалцыха. В этом бою

русские потеряли 58 человек убитыми и 303 ранеными. Турки потеряли 1500 убитыми и до 2000 ранеными. Русские захватили 11 турецких пушек и 90 выюков с боеприпасами.

Командующий турецкими силами Абди-паша решил, что кампания 1853 г. закончена, и рано утром 19 ноября уехал в Карс, приказав Ахмету-паше начать перевод войск от Баш-Кадыкляра поближе к Карсу. Вскоре после отъезда Абди-паши турки узнали, что отряд князя Бебутова перешел реку Карс-чай и двинулся к Баш-Кадыкляру. Вопреки приказу Абди-паши Ахмет-паша решил принять бой. В отряде Бебутова насчитывалось 11 тысяч человек при 33 пушках, у турок же было 36 тысяч человек при 46 пушках.

К 3 часам дня отряд князя Бебутова занял брошенный турецкий лагерь. Нашими трофеями стал турецкий обоз, 24 орудия. Среди них была так называемая «кровавая» 3-фунтовая пушка, при защите которой было якобы убито 1500 турок. Наши потери составили 317 человек убитыми и более 900 ранеными. Турки потеряли в этом бою убитыми и ранеными около 6 тысяч человек.

Вот теперь кампания 1853 г. на Кавказе была закончена. Войска Бебутова отошли на зимние квартиры.

1 марта 1854 г. Николай I высочайшим повелением уволил 72-летнего светлейшего князя Воронцова в отпуск поправлять расшатавшееся здоровье, а временное командование войсками Отдельного Кавказского корпуса возложил на генерала Реада.

Весна 1854 г. у русских прошла в переписке по поводу основного нашего вопроса — что делать? Бебутов послал Реаду план наступательной кампании, Реад, подумав немного, этот план переадресовал военному министру, тот думал дольше и... послал план царю. Царь собственноручно начертал: «Прекрасно, предварило мое собственное желание». Далее бумаги пошли обратно по той же цепочке. Турки сначала не проявляли желания воевать. Так прошли первые пять месяцев 1854 г.

В начале лета 1854 г. главные силы турецкой армии на Кавказе под командованием Мустафы-Зерифа-паши в составе 60 тысяч человек с 84 полевыми орудиями встали лагерем под стенами Карса.

В районе деревень Кюрюк-Дара и Палдырван, обеспечивая русскую границу с Турцией, находился русский отряд под командованием князя Бебутова в составе 18 батальонов пехоты, 26 эскадронов кавалерии и 26 сотен иррегулярной конницы. Всего в отряде Бебутова насчитывалось 18 тысяч человек, 44 пеших, 20 конных орудий и 16 ракетных станков, состоявших на вооружении двух конно-ракетных команд. Этот отряд стоял

у Кюрюк-Дара два месяца и фактически бездействовал.

Первым боевые действия начал Гурийский отряд князя Андронникова. Первое сражение состоялось 27 мая. У селения Негоети передовые силы Гурийского отряда встретились с турецким отрядом Гассана-паши численностью до 12 тысяч человек. Турки отступили, оставив на поле боя до тысячи трупов и две пушки. Потери русских составили 29 человек убитыми и 217 ранеными.

19 июля Эриванский отряд без боя занял Баязет, двухтысячный гарнизон которого отступил к озеру Ван. В крепости было найдено

3 пушки, а также большие запасы продовольствия. Занятие Баязета дало русским контроль над торговым путем из Трапезунда и Эрзерума в Тавриз. Это был единственный путь торговли Англии с Персией. Вскоре казаки перехватили между Баязетом и Диадином караван в 2325 лошадей и верблюдов, ценность которого определялась в 8 млн пиастров (более миллиона рублей серебром), а затем еще один караван в 4 тысячи выюков.

В конце 1854 г. как в русской, так и в турецкой армии произошла смена главнокомандующих. Бездарного Реада царь послал на «исправление» в Севастополь, а взамен его поставил генерал-адъютанта Н. Н. Муравьева.

Из-за дождей и ряда других причин серьезные боевые действия на Кавказе в кампанию 1855 г. начались лишь 24 мая, когда Муравьев выступил с главными силами из Александрополя (третий год начиналась кампания таким образом). К вечеру 28 мая у селения Агджа-Кала он соединился с отрядом Ковалевского. До Карса оставалось 24 версты.

4 июня русские передовые части уже хорошо видели укрепления Карса невооруженным глазом.

Но брать Карс Муравьев не решился. Идти на штурм нельзя — а вдруг будут большие потери. Вести правильную осаду — мал осадный парк. В итоге Муравьев решил блокировать Карс. 12 июня русские войска перешли к селению Каны-Кёв в 12 верстах от Карса и в 4 верстах от Эрзерумской дороги.

Однако, несмотря на блокаду Карса, турки не только снабжали крепость продовольствием и боеприпасами, но и перебрасывали туда подкрепления. Гарнизон Карса был доведен до 26 тысяч человек. На строительстве его укреплений турки под надзором англичан трудились день и ночь.

В начале сентября 1855 г. Муравьев получил почти одновременно известия о падении Севастополя и о том, что Омер-паша с 40-тысячным корпусом идет от Батума к Карсу. Волей-неволей Муравьеву пришлось начать штурм крепости, не дожидаясь Омера-паши.

На рассвете 17 сентября русские двинулись на штурм Карса. Муравьев неправильно выбрал направление главного удара, не смог организовать взаимодействие между наступающими колоннами, плохо была использована артиллерия. В результате 6-часового боя атака русских была отбита. Русские потеряли 7,5 тысяч человек, из них 2350 убитыми. Потери турок составили 1400 человек убитыми и ранеными.

Штурм Карса 17 сентября 1855 г.

Что же касается Омера-паши, то он действительно высадился в Батуме 2 сентября. Вместе с ним из Крыма было переброшено 20 тысяч турок при 37 орудиях. Там Омер-паша стал собирать турецкие части и добровольцев из горцев. К октябрю их число достигло 40 тысяч.

21 сентября Омер-паша вошел с войсками в Сухум. Правитель Абхазии Михаил Шервашидзе перешел на его сторону. Против Омера-паши был двинут из Мингрелии отряд генерал-лейтенанта князя Багратион-Мухранского (16 тысяч человек при 28 орудиях). Этому отряду удалось отвлечь на себя внимание Омера-паши. А в ноябре начались проливные дожди (район Батума — это субтропики), дороги сделались непроходимыми, а реки и ручьи вышли из берегов.

А тем временем Муравьев усилил блокаду Карса, и там начался голод, людей стала косить холера. В лагере под Карсом русские начали быстро строить теплые землянки для личного состава и крытые конюшни для лошадей. Лагерь стал походить на город, даже кто-то придумал ему

название — Владикарс. Голод, холера, постройка Владикарса и отсутствие войск Омера-паши подорвали моральный дух англо-турецкого командования, и 12 ноября начались переговоры о сдаче крепости. Защитники Карса поставили лишь два условия: разрешить старшим офицерам в плену носить сабли и отпустить восвояси польских и венгерских повстанцев, служивших в турецкой армии, так как в Российской империи их ждало судебное преследование. Муравьев принял оба условия, и 16 ноября Карс капитулировал. В 2 часа дня из ворот крепости выехал престарелый Вазиф-Магомет-паша с двумя англичанами — генералом Вильямсом и полковником Леком. Всего сдалось 672 офицера и 8 тысяч солдат. Кроме того, в госпиталях Карса находилось не менее 2 тысяч человек. Несколько тысяч курдов дезертировало из Карса в ходе осады. В крепости русские нашли 136 орудия и 20 тысяч пудов (327,6 тонн) пороха.

Падение Карса открыло русским путь к Эрзеруму, но приход зимы воспрепятствовал наступлению. Муравьев оставил в Карсе бригаду пехоты, в Ардагане — три сотни казаков и ракетную команду, и отвел войска на зимние квартиры.

13 февраля 1856 г. в Париже открылся мирный конгресс. 18 марта, после 17 заседаний конгресса, в Париже был подписан мирный договор, главные постановления которого заключались в следующем. Восстанавливается довоенный территориальный «status quo». Султан издает фирман, подтверждающий права и преимущества его христианских подданных и сообщает его для сведения державам. Последние не имеют право вмешиваться в отношения султана к его подданным и во внутреннее управление Османской империей. В мирное время Турция закрывает Проливы для всех военных судов, независимо от их принадлежности, за исключением стационаров в Стамбуле. Черное море объявляется нейтральным и открытым для торговых судов всех наций. Россия и Турция обязуются не иметь на его берегах военно-морских арсеналов. Им разрешается держать на Черном море для береговой службы не более 10 легких военных судов каждой. Дунай и его устья объявлены открытыми для речных судов всех наций, причем регулирование судоходства по Дунаю передано в ведение международной концессии. Сербия, Молдова и Валахия остались в вассальной зависимости от Турции и сохранили все имеющиеся у них права по самоуправлению. Россия отказывается от части своей береговой полосы у устья Дуная, которая переходит к Молдове. Граница России и Турции в Азии восстанавливается в том виде, в котором она существовала до войны. Россия обязуется не укреплять Аландские острова и не держать на них военных сухопутных и морских сил.

Отдельная русско-турецкая конвенция конкретизировала типы судов на Черном море. Каждая из черноморских держав могла иметь для береговой службы по 6 паровых судов длиной до 50 м по ватерлинии и водоизмещением до 800 тонн и по 4 легких паровых или парусных судна водоизмещением до 200 тонн.

Самым важным следствием Парижского мира стало падение влияния России в Западной и Центральной Европе. Запрещение же иметь военные корабли на Черном море и арсеналы на его берегах было оскорбительно для великой державы и делало ее беззащитной с юга.

Однако на самом деле все было не так страшно. Во-первых, ситуация в 1856 г. коренным образом отличалась от ситуации 1815 г., когда Александр I решил навечно зафиксировать «status quo» в Европе. Наполеон III, наоборот, стремился к капитальному переделу границ в Европе, что автоматически развязывало руки России.

Во-вторых, технический прогресс практически сводил к нулю военные ограничения Парижского мира. К примеру, никто не запрещал России строить на Черном море большие быстроходные грузовые и пассажирские пароходы, создавать развитую железнодорожную сеть в Крыму и в районе Одессы, и т. д. Другой вопрос, что Россия использовала лишь незначительную часть таких возможностей.

Глава 20

ОТ ПЛЕВНЫ ДО АДРИАНОПОЛЯ

Летом 1875 г. в Южной Герцеговине вспыхнуло антитурецкое восстание. Крестьяне, подавляющее большинство которых было христианами, платили огромные налоги турецкому государству. В 1874 г. натуральный налог официально считался 12,5 % со сбора урожая, а с учетом злоупотреблений (с отступными и т. д.) — до 40 %.

Ближайшим поводом к восстанию послужили притеснения христианского населения турецкими сборщиками податей, вызвавшие кровавые схватки между христианами и мусульманами. В дело вмешались оттоманские войска, встретившие неожиданное сопротивление. Все мужское население округов Невесинского, Билекского и Гачковского ополчилось, оставило свои дома и удалилось в горы. Старики, женщины и дети, чтобы избежать поголовной резни, искали убежища в соседних Черногории и Далмации. Усилия турецких властей подавить восстание в зародыше оказались безуспешными. Из Южной Герцеговины оно скоро перешло в Северную, а оттуда и в Боснию, христианские жители которой бежали в пограничные австрийские области, а те, что остались дома, также вступили с мусульманами в отчаянную борьбу. Кровь лилась рекой в ежедневных столкновениях восставших с турецкими войсками и с местными мусульманскими жителями. С обеих сторон появилось необычайное ожесточение. Не было пощады никому. Борьба велась не на жизнь, а на смерть.

Повстанцы имели поддержку в сопредельных с восставшими областями странах — в Черногории и Сербии. Черногорцы не только давали приют семьям инсургентов, но и снабжали их продовольствием, оружием, порохом и другими припасами и даже сами нередко принимали участие в их боевых стычках с турками. Сербия начала поспешно вооружаться. Из всех славянских земель, не исключая и Россию, посылались герцеговинцам и боснякам щедрые денежные пособия от обществ и частных лиц, сочувствовавших делу их освобождения.

В Болгарии положение христиан было еще более тяжелым, чем в Боснии и Герцеговине. В середине 60-х гг. XIX века турецкое правительство поселило в Болгарии 100 тысяч «черкесов» — горцев-мусульман, эмигрировавших с Кавказа. Подавляющее большинство этих

«джигитов» не хотело заниматься физическим трудом, а предпочитало грабить болгарское население. Естественно, что болгары последовали за жителями Герцеговины и тоже подняли восстание. Однако туркам удалось подавить его. Причем «черкесы» и башибузуки^[54] вырезали в Болгарии свыше 30 тысяч мирных жителей.

Таким образом, просвещенная Европа получила традиционный повод вмешательства в балканские дела — защита мирного населения. Разумеется, демагогическая болтовня была лишь дымовой завесой для прикрытия корыстных целей. Англия стремилась установить свое господство в Египте и Константинополе, но при этом не допустить усиления России.

Несколько упрощая проблему, можно сказать, что политика Австро-Венгрии на Балканах имела программу минимум и программу максимум. Программа минимум состояла в том, чтобы в ходе конфликта на Балканах не допустить территориального расширения Сербии и Черногории. В Вене считали, что само по себе существование этих государств несет угрозу «лоскутной империи», поработившей миллионы славян. Надо ли говорить, что Австро-Венгрия была настроена категорически против любого продвижения России к Проливам.

Программа максимум предусматривала присоединение к Австро-Венгерской империи Боснии и Герцеговины. И, конечно, в Вене не отказывались от традиционной мечты — контроля за устьем Дуная. Императору Францу-Иосифу очень хотелось хоть чем-нибудь компенсировать себя за потери, понесенные в Италии и Германии. Поэтому он с большим сочувствием прислушивался к голосу сторонников захвата Боснии и Герцеговины. Тем не менее в Вене хорошо помнили 1859 и 1866 годы и не торопились лезть в драку, прекрасно понимая, чем может кончиться война один на один с Россией.

Франция и Германия были практически лишены возможности участвовать в силовом разрешении Балканского кризиса. Франция лихорадочно перевооружалась и готовилась к реваншу. Националистическая пропаганда сделала возвращение Эльзаса и Лотарингии целью всей нации. В ответ Бисмарк грозил окончательно сокрушить французскую военную мощь.

Как видим, к 1877 г. в мире сложилась чрезвычайно благоприятная обстановка для активных действий России на Балканах, включая захват Константинополя. Перед российской дипломатией стояла сложная, но вполне достижимая задача, состоявшая из двух частей.

Во-первых, найти достойные компенсации Австро-Венгрии и

Германии в качестве платы за нейтралитет при захвате Россией Пропов. Австрии можно было предложить Боснию, Герцеговину, ну а в крайнем случае — свободный выход к Эгейскому морю через Салоники. Кстати, Австро-Венгрия и так захватила Боснию и Герцеговину, а Россия получила кукиш с маслом. Маленькая Греция и так была настроена крайне агрессивно по отношению к своему большому, но больному соседу. Достаточно было пообещать ей Крит и ряд островов Эгейского моря, чтобы Турция получила второй фронт на юге, а русские корабли — базы в Эгейском море.

Балканские государства в 1877–1878 гг.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Планы сторон.

Германии же на определенных условиях можно было гарантировать неприкосновенность Эльзаса и Лотарингии. С одной стороны, уже в 1877 г. было очевидно, что Франция никогда не смирится с потерей Эльзаса и Лотарингии и рано или поздно нападет на Германию, втянув в войну Россию. Русская гарантия на Эльзас и Лотарингию уничтожала бочку с порохом в центре Европы. Усиление же в этом случае Германии и охлаждение отношений с Францией были ничтожным фактором по сравнению с решением вековой задачи России. Захват Проливов существенно увеличивал военный потенциал России, который бы с лихвой компенсировал потерю столь опасного и сомнительного союзника, как Франция.

Второй же задачей русской дипломатии была жесткая политика в отношениях с Англией, вплоть до разрыва дипломатических отношений и начала войны. Но такая позиция не исключала и компенсации Англии, например, передачу ей Кипра и Египта, которые ею также были захвачены в конце концов.

Выживший из ума канцлер Горчаков и не дюже разбиравшийся в политике Александр II поступили с точностью до наоборот. Они оба трепетали перед Англией и по-детски надеялись, что если они будут действовать осторожно и с оглядкой на лондонскую воспитательницу, то им удастся дорваться до сладкого. В отношении же компенсаций Австро-Венгрии и Германии Горчаков был категорически против. Старая «собака на сене» хотела обмануть Вену и Берлин, а на самом деле привела страну к поражению.

12 апреля 1877 г. последовал Высочайший манифест о войне с Турцией.

Согласно плану, разработанному еще до войны, после форсирования Дуная русская армия должна была стремительно идти в Южную Болгарию и далее на Константинополь.

Однако, форсировав Дунай, русские генералы испугались собственного успеха и решили подождать, оглядеться, а пока взять турецкие крепости Руцук и Никополь, то есть заняться тем, что губило успехи русских войск в прошлых кампаниях на Балканах. Турецкие крепости на Дунае были построены с единственной целью — воспрепятствовать форсированию реки русскими. Теперь же они потеряли всякое значение. При необходимости блокировать крепости могли небольшие русские отряды, регулярные войска Румынии и болгарские дружины.

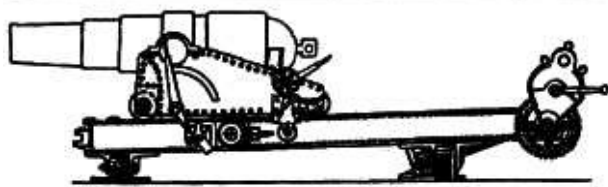
Тем не менее главные силы русских были по приказу Николая

Николаевича разделены. 12-й и 13-й корпуса под начальством цесаревича составили Рушукский отряд, расположенный между реками Янтрой и Ломом, для обеспечения левого фланга армии. 9-й корпус приступил к осаде Никополя. Остальные войска сосредотачивались вокруг главной квартиры, перенесенной 25 июня в Царевицы. Передовой отряд, под начальством генерала И. В. Гурко (1828–1901), был двинут в направлении к Тырнову и Балканам. Великий князь Алексей Александрович назначен главным начальником собранных на Дунае морских частей, а великий князь Владимир Александрович — командующим 12-м корпусом.

26 июня генерал-лейтенант Криднер получил приказ Николая Николаевича взять Никополь. В составе IX корпуса было две пехотные дивизии, три кавалерийских полка, Кавказская казачья бригада и 92 полевых орудия. Кроме того, для осады Никополя корпусу дополнительно придали 30 полевых и 33 осадных орудия.

Гарнизон крепости Никополь насчитывал около 8 тысяч человек. Артиллерия крепости состояла из 113 полевых и крепостных орудий, из которых 11 орудий было новых стальных фирмы Круппа, а остальные орудия — устаревших систем.

В 4 часа утра 3 июля началась бомбардировка крепости. Днем русские выбили турок из нескольких редутов, окружавших крепость. На рассвете 4 июля должен был начаться штурм цитадели, но над Никополем был поднят белый флаг. В плен сдалось около 7 тысяч турок. Среди пленных было два генерала и 105 офицеров. Потери русских убитыми и ранеными при осаде Никополя составили: 1 генерал, 31 офицер и 1279 нижних чинов.

9-дюймовая дульнозарядная пушка Армстронга, бывшая на вооружении турецкого флота в 1877–1878 гг.

Общий ход военных действий на Балканах.

После взятия Никополя генерал-лейтенанту Криденеру логично было двинуться на никем не защищаемую Плевну. Плевна была узлом дорог, ведущих к Софии, к Ловче, к Шипкинскому перевалу и т. д. 5 июля разъезды 9-й кавалерийской дивизии донесли о движении к Плевне больших сил неприятеля. Это были войска Османа-паши, срочно переброшенные из Западной Болгарии. Первоначально у Османа-паши было 17 тысяч человек при 30 полевых орудиях.

Начальник штаба действующей армии генерал Непокойчицкий еще 4 июля послал Криденеру телеграмму: «...двинуть тотчас для занятия Плевны казачью бригаду, два полка пехоты с артиллериею». 5 июля генерал Криденер получил телеграмму от главнокомандующего, в которой он требовал немедленно занять Плевну и «прикрыться в Плевно от возможного наступления войск из Виддина». Наконец, 6 июля Непокойчицкий шлет еще одну телеграмму, в которой говорится: «Если не можете выступить тотчас в Плевно со всеми войсками, то пошлите туда немедленно казачью бригаду Тутолмина и часть пехоты».

Турецкие войска Османа-паши, совершая ежедневно 33-километровый переход, за 6 суток преодолели 200-километровый путь, заняли Плевну, тогда как генерал Криденер не сумел преодолеть расстояние в 40 км. Выделенные наконец генералом Криденером части подошли к Плевне, но были встречены огнем конной разведки, в то время как войска

Османа-паши расположились на окружающих Плевну возвышенностях и приступили к оборудованию на них позиций.

Когда-то Плевна имела небольшую крепость, но она была разрушена еще в 1810 г. отрядом графа Воронцова. До июля 1877 г. город укреплений не имел. Однако с севера, востока и юга Плевна прикрывалась господствующими высотами. Осман-паша возвел вокруг Плевны полевые укрепления, удачно использовав рельеф местности.

Для овладения Плевной Криденер послал отряд генерал-лейтенанта Шильдер-Шульднера, который лишь к концу дня 7 июля подошел к укреплениям турок. В отряде было 8600 штыков и сабель при 46 полевых орудиях.

Первая атака Плевны 8 июля 1877 г.

Вторая атака Плевны 18 июля 1877 г.

8 июля Шильдер-Шульднер атаковал турок, но вынужден был отойти. В бою 8 июля, получившем название «Первая Плевна», русские потеряли убитыми и ранеными 75 офицеров и 2326 нижних чинов. По русским

данным, потери турок были менее двух тысяч человек.

Наличие в Плевне войск Османа-паши на удалении всего лишь двух переходов от единственной переправы у Систово взволновало великого князя Николая Николаевича, так как это угрожало всей русской армии и особенно войскам, выдвинутым за Балканы, и естественно, его штаб-квартире. Поэтому было принято решение разгромить войска Османа-паши (силы которого значительно преувеличивались) и овладеть Плевной.

К середине июля русское командование сосредоточило под Плевной 26 тысяч штыков и сабель, 160 пеших и 24 конных полевых пушек. При этом следует отметить, что русские генералы не догадались окружить Плевну. К Осману-паше свободно подходили подкрепления, подвозились боеприпасы и продовольствие. К середине июля силы Османа-паши в Плевне увеличились до 22 тысяч человек с 58 орудиями. Как видим, русские войска не имели перевеса в численности, а почти тройной перевес в артиллерии не мог быть решающим, так как тогдашняя полевая артиллерия была бессильна при действии даже по грамотно сделанным земляным укреплениям полевого типа. Кроме того, артиллерийские начальники под Плевной не рисковали посылать пушки в первые ряды атакующих и в упор расстреливать защитников редутов, как это было у Карса.

Тем не менее 18 июля Криденер начал второй штурм Плевны. Штурм кончился катастрофой — было убито и ранено 168 офицеров и 7167 нижних чинов, в то время как потери турок не превосходили 1200 человек. В ходе штурма Криденер отдавал бестолковые приказы, артиллерия в целом действовала вяло и за весь бой израсходовала 4073 снаряда.

После «Второй Плевны» в русском тылу началась паника. В Систово приняли подходящих казаков за турок и уже собрались им сдаваться. Великий князь Николай Николаевич обратился к румынскому королю Карлу со слезной просьбой о помощи. Кстати, румыны и до этого предлагали свои войска, но канцлер Горчаков категорически не соглашался на переход румынами Дуная из-за каких-то хитрых политических интриг.

Турецкие паши имели возможность наголову разгромить русскую армию и выбросить остатки за Дунай. Но они тоже не любили рисковать, и тоже интриговали друг против друга. На несколько недель на театре боевых действий установилась позиционная война (при отсутствии сплошного фронта).

19 июля Александр II, испуганный «Второй Плевной», издает Высочайшее повеление о мобилизации Гвардейского, Гренадерского корпусов, 24-й, 26-й пехотных и 1-й кавалерийской дивизии, всего 110 тысяч человек и 440 орудий, которые, однако, не могли прибыть ранее

сентября — октября. Кроме того, велено двинуть на театр войны уже мобилизованные 2-ю, 3-ю пехотные дивизии и 3-ю стрелковую бригаду, но и эти части не могли прибыть ранее середины августа.

До прибытия подкреплений было решено ограничиться обороной на всем театре войны.

К 25 августа к Плевне были стянуты значительные силы русских и румын — 75 500 штыков, 8600 сабель и 424 орудия, из которых более 20 были осадными. Силы турок составляли 29 400 штыков, 1500 сабель и 70 полевых орудий. 30 августа состоялся третий штурм Плевны. Дата штурма была приурочена ко дню тезоименитства царя. Наблюдать за штурмом прибыли лично Александр II и великий князь Николай Николаевич.

Генералы не позаботились о массировании артиллерийского огня, мортир под Плевной было единицы, в результате огонь противника подавлен не был и войска понесли огромные потери. Штурм был отбит. Русские потеряли убитыми и ранеными двух генералов, 295 офицеров и 12 471 нижних чинов, их союзники румыны потеряли около трех тысяч человек. Турки потеряли тоже три тысячи человек.

Третья атака Плевны 30 августа 1877 г.

«Третья Плевна» произвела ошеломляющее впечатление на армию и на всю страну. 1 сентября Александр II созвал в местечке Порадиме военный совет. На совете главнокомандующий великий князь Николай Николаевич предложил немедленно уходить за Дунай. В этом его фактически поддержали генералы Зотов и Массальский, но военный министр Милютин и генерал Левицкий категорически выступили против отступления. После долгого размышления Александр II согласился с мнением Милютина и Левицкого. Было решено вновь перейти к обороне,

до прибытия новых подкреплений.

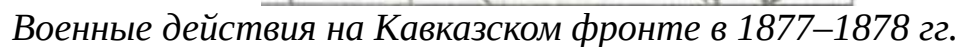
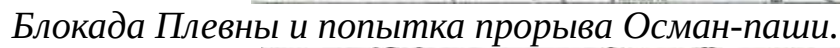
Тем не менее Осман-паша сознавал свое рискованное положение в импровизированном плевненском лагере и просил разрешения отступить, пока его там не блокировали. Ему, однако, было предписано оставаться в Плевне. Из гарнизонов Западной Болгарии была сформирована в Софийском районе армия Шефкета-паши, которую предполагалось направить к Осману. 8 сентября Шевкет-паша двинул в Плевну дивизию Ахмета-Хивзи (10 тысяч штыков при 12 орудиях) с громадным продовольственным транспортом. Сбор этого транспорта прошел незамеченным, а когда вереницы этих обозов потянулись мимо массы нашей конницы (6 тысяч сабель, 40 орудий), бездарный и робкий ее начальник генерал Крылов не решился их атаковать. Ободренный этим, Шевкет-паша 23 сентября двинул еще один транспорт, с которым отправился и сам, причем от Телиша всю охрану составлял всего один кавалерийский полк! Крылов пропустил транспорт и самого Шевкета-пашу, проехавшего со слабым конвоем обратно из Плевны в Софию. Попустительством Крылова армия Османа-паши была снабжена продовольствием на два месяца!

15 сентября под Плевну прибыл генерал Тотлебен, вызванный царской телеграммой из Петербурга. Объехав позиции, Тотлебен категорически высказался против нового штурма Плевны. Вместо этого он предложил наглухо заблокировать город и уморить турок голодом. (С чего следовало сразу начинать!)

К началу октября Плевна была полностью заблокирована. К середине октября под Плевной русские сосредоточили 170 тысяч человек против 47 тысяч у Османа-паши.

Для дублирования Плевны турки создали 35-тысячную, так называемую «Софийскую армию» во главе с Мехмедом-Али. Мехмед-Али медленно двинулся к Плевне, но 10–11 ноября его части были отброшены у Новагана западным отрядом Гурко. (У Гурко было тоже 35 тысяч человек.) Гурко хотел преследовать и добить Мехмеда-Али, но великий князь Николай Николаевич запретил это. Обжегшись на молоке у Плевны, великий князь теперь дул на воду.

К середине ноября в блокированной Плевне боеприпасы и продовольствие оказались на исходе. В ночь на 28 ноября Осман-паша оставил Плевну и пошел на прорыв. 3-я Гренадерская дивизия, энергично поддерживаемая нашей артиллерией, остановила турок. К середине дня к месту боя подошли основные силы русских. Раненый Осман-паша отдал приказ о сдаче. Всего сдалось в плен 10 пашей, 2128 офицеров, 41 200

генералы. Соответственно, обе стороны ставили перед собой ограниченные задачи.

Для русской армии конечной целью боевых действий на Кавказе было взятие крепостей Карс и Эрзерум.

Задачей турецкой армии было проникновение на Кавказ с целью поднять мятеж горных мусульманских племен, неприязненно относившихся к России.

12 апреля 1877 г., в день объявления войны, русские войска, действуя тремя отрядами, перешли границу. Турки, недооценивавшие русские силы и считавшие их слишком малочисленными для наступательной кампании, были застигнуты врасплох. Оставив в Карсе 10-тысячный гарнизон, Мухтар-паша поспешил с небольшим отрядами прикрыть Эрзерум. Отойдя за Соганлугский хребет, он собрал на позиции у Зевина всего 4,5 тысячи штыков и 6 орудий. Другой отряд в 7 тысяч штыков и 21 орудие прикрывал Эрзерум в Алашкертской долине.

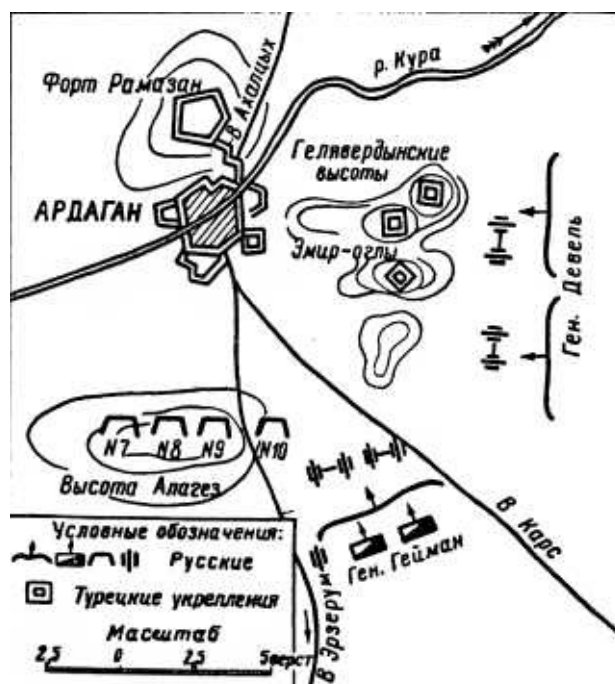
Отряд Лорис-Меликова подошел к крепости Карс. Алахцихский отряд генерала Девеля 16 апреля подошел к крепости Ардаган и осадил ее. Ардаган являлся важным узлом дорог, прикрывающим коммуникации из Карса на Батум и из Ахалциха и Ахалкалаки на Эрзерум.

4 мая 1877 г. в 8 часов утра, после отклонения ультиматума о сдаче крепости, русские осадные батареи по сигналу ракетой начали бомбардировку укреплений Ардагана.

К вечеру 5 мая крепость Ардаган была взята штурмом. Все турецкие орудия стали нашими трофеями. Было убито около двух тысяч турок, причем большинство — артиллерийским огнем. Взято 300 пленных. Остальные турки бежали. Причем, несколько десятков человек утонуло в Куре при переправе.

Генерал Лорис-Меликов по-прежнему осаждал Карс. Тем временем Мухтар-паша, первоначально имевший 5 тысяч солдат, собрал иррегулярное войнство в 25 тысяч и начал активные действия против войск, осаждавших Карс. 28 июня Лорис-Меликов снял осаду Карса и отошел к русской границе.

Эриванский отряд генерал Тергукасова 12 апреля перешел границу и 17 мая занял без боя крепость Баязет, гарнизон которой разбежался. Далее отряд Тергукасова некоторое время бездействовал. Тем временем ванский паша Файк собрал 11 тысяч регулярных войск и курдов и начал теснить Тергукасова. 5 июня турки и курды в тылу Эриванского отряда осадил крепость Баязет. Русский гарнизон Баязета состоял из 34 офицеров и 1587 нижних чинов. Комендантом крепости был подполковник Пацевич.

Штурм Ардагана 4 мая 1877 г.

8 июня турки после артобстрела пошли на штурм крепости. Подполковник Пацевич решил сдать крепость и приказал поднять белый флаг. Однако кто-то из офицеров выстрелил в спину коменданта и смертельно ранил его. Командование немедленно принял капитан Штоквич. По туркам был открыт огонь, штурм отбит с большими потерями для турок.

Лишь на 24-й день осады крепость Баязет была деблокирована русскими войсками. За время осады в крепости погибло 7 офицеров и 310 нижних чинов.

В двухдневном кровопролитном сражении 2–3 октября 1877 г. на Аладжинских позициях турки потерпели полное поражение. Они потеряли 22 тысяч человек — 15 тысяч убитых, раненых и разбежавшихся и 7 тысяч пленных, в том числе 7 пашей, с 35 орудиями. У русских погибло 56 офицеров и 1385 нижних чинов.

9 октября отряд генерала Лазарева подошел к Карсу. К октябрю 1877 г. Карс был сильнейшей крепостью в азиатской Турции. Крепость имела четыре группы укреплений с высотой валов до 6 метров и толщиной до 10 метров с каменными стенами, казармами и пороховыми погребами. Крепостная артиллерия состояла из 192 нарезных и 111 гладкоствольных орудий.

К началу осады гарнизон Карса составлял около 25 тысяч человек. Комендантом крепости был Гуссейн-Хами-паша.

Русские войска, обложившие Карс, имели 28 тысяч штыков и сабель. В составе полевой артиллерии было пушек образца 1867 г.: 56 девятифунтовых, 82 —четырефунтовые и 8 трехфунтовых.

С 13 по 20 октября к крепости Карс подошел осадный артиллерийский парк, в составе которого было: пять 6-дюймовых пушек весом в 190 пудов (их тогда называли дальнобойными), 24 медные 24-фунтовые пушки обр. 1867 г., 28 стальных 9-фунтовых пушек и шесть 6-дюймовых мортир.

С 30 октября началась интенсивная бомбардировка турецких укреплений. В 9 часов вечера 5 ноября начался штурм крепости. В нескольких местах штурмовые колонны сопровождались 3-фунтовыми горными пушками. К 8 часам утра 6 ноября уцелевшие при штурме турки капитулировали. Удалось бежать только небольшой группе всадников и коменданту крепости Гуссейну-Хами-паше.

Всего при штурме Карса было взято в плен 18 тысяч турецких солдат и офицеров, в том числе начальник артиллерии крепости Гуссейн-бей. Кроме того, турецкий гарнизон потерял убитыми и ранеными около 7 тысяч человек.

Потери войск русского корпуса составили: 1 генерал, 17 офицеров, 470 нижних чинов убитыми, ранены 1 генерал, 58 офицеров и 1726 нижних чинов.

Штурм Карса стал последним крупным сражением на Кавказском театре военных действий.

подлежало 310 млн рублей. Вопрос о Проливах в Сан-Стефано не ставили.

Сан-Стефанский мир не понравился Европе, и русская дипломатия имела глупость согласиться на пересмотр его на Берлинском конгрессе. Конгресс открылся 13 июня 1878 г. в Берлине. Участвовали в нем только Германия, Россия, Англия, Австро-Венгрия, Франция, Италия и Турция. Представители Балканских государств были допущены в Берлин, но они не являлись участниками конгресса. Делегации великих держав возглавлялись министрами иностранных дел или же премьерами — Бисмарком, Горчаковым, Биконсфилдом, Андраши, Ваддингтоном и Корти. Согласно принятым решениям, приобретения России сводились к Карсу, Ардагану и Батуму. Баязетский округ и Армения до Саганлуга возвращались Турции. Территория Болгарского княжества урезывалась вдвое. Особенно неприятно для Болгарии было то, что ее лишили выхода в Эгейское море.

Зато существенные территориальные приращения получили не-воевавшие страны. Австро-Венгрия получила в управление Боснию и Герцеговину. Англия — турецкий остров Кипр. Кипр имеет стратегическое значение в восточной части Средиземного моря. В течение почти 100 лет он использовался англичанами в агрессивных целях. Несколько английских баз и поныне остаются на острове.

Так закончилась Русско-турецкая война 1877–1878 гг., стоившая столько крови и страданий русскому народу.

Глава 21

ТАЙНА «ОСОБОГО ЗАПАСА»

Берлинский конгресс не принес стабильности на Ближнем Востоке. В Турции по-прежнему волновались христиане, Британия захватила Кипр и всерьез рассматривала планы превращения Константинополя в «свободный порт под английской защитой».

Вследствие этого уже в сентябре 1879 г. в Ливадии состоялось совещание ряда высших сановников под председательством Александра II. Одним из вопросов, рассмотренных на совещании, было обсуждение возможной судьбы Проливов в случае распада Османской империи. Как писал участник совещания Сабуров, Россия не могла допустить двух вещей: расширения Австро-Венгрии на Балканах и «постоянной оккупации Проливов Англией». Была намечена задача — «овладение Проливами в случае, если обстоятельства приведут к уничтожению турецкого господства в Европе». Союзником России предполагалась Германия, которой взамен Россия могла гарантировать сохранение в ее составе Эльзаса и Лотарингии.

Тревога русского правительства не была напрасной. В сентябре 1882 г. английская армия высадилась в Египте, который уже давно управлялся потомками Мегмета-Али, но формально был частью Турецкой империи. Египетская армия была разбита в битве при Телль-Эль-Кедире. Вскоре оккупанты заняли Кипр. В связи с захватом Египта англичанами русский посол в Константинополе А. И. Нелидов в декабре 1882 г. предоставил Александру III записку «О занятии Проливов». В записке говорилось о нестабильности в Оттоманской империи, вероятности ее полного распада и захвата Проливов англичанами. Нелидов предлагал, в зависимости от обстановки, три варианта занятия Проливов: 1) открытой силой во время русско-турецкой войны; 2) неожиданным нападением при внутренних сложностях с Турцией или внешней опасности; 3) мирным путем с помощью союза с Портой.

Продвижение России в Туркестан и присоединение к ней в 1884 г. Мервского оазиса сильно беспокоило Англию, усмотревшую в этом угрозу своим колониям в Азии, особенно в Индии. Англичане начали подстрекать афганские племена к нападению на русских. Однако 18 марта 1885 г. генерал Комаров наголову разгромил афганцев на реке Кушка. В ответ Англия стала угрожать России войной и потребовала

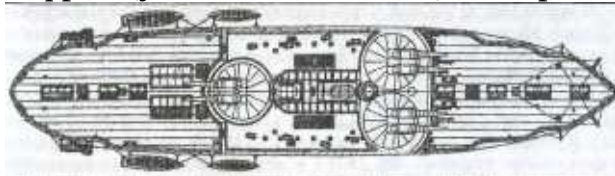
международного разбирательства русско-афганского конфликта. Александр III категорически отказал Англии. С марта по сентябрь

1885 г. России и Англия были на грани войны. Английские адмиралы планировали провести эскадру кораблей через Проливы в Черное море. В планы англичан входили обстрелы и высадка десанта в районе Одессы и на Кавказском побережье. Россия в ответ усилила береговые крепости в Очакове, Севастополе, Керчи и Батуме. Но до войны дело не дошло, поскольку воевать с Россией никто из стран континентальной Европы не захотел, а сами англичане с сильнейшим противником в одиночку не воевали.

Тем не менее правящие круги России осознали, что с появлением броненосцев и больших транспортных пароходов резко возросла угроза нашим южным границам. В конце 70-х — начале 80-х гг. XIX века разрабатываются планы захвата Константинополя с моря, поскольку война 1877–1879 гг. показала, каких людских потерь и сколько времени стоит продвижение армии к Проливам сухим путем.

В 1883 г. в Николаеве и Севастополе закладываются три однотипных броненосца — «Екатерина II», «Чесма» и «Синоп». Это были первые крупные военные суда, заложенные на Черном море после Парижского мира. И это при том, что ограничения Парижского мира на строительство кораблей были отменены еще в 1870 г. Несколько позже, в 1891 г., заложили близкий к ним по типу броненосец «Георгий Победоносец».

Все эти броненосцы отличало необычное расположение артиллерии. Шесть 305-мм пушек были расположены в трех барбетных установках, две на носу и одна на корме. Броненосцы всех стран были спроектированы так, чтобы обеспечить максимальную мощь огня на борт. Кстати, корабли даже характеризовались весом бортового залпа (точнее, весом снарядов). У русских же броненосцев типа «Екатерина II» на борт могли стрелять только четыре из шести 305-мм орудий. Зато вперед могли вести огонь четыре 305-мм пушки. Дело в том, что эти броненосцы были специально спроектированы для встречного боя в Проливах. Во встречном бою огневая мощь «Екатерины II» была по меньшей мере в два раза больше, чем у любого английского, французского или немецкого броненосца.

Расположение барбетных установок на броненосце «Синоп».

Водоизмещение этих четырех броненосцев было около 11 тысяч тонн,

скорость хода 15 узлов. «Екатерина II» и «Синоп» имели на вооружении шесть 305-мм орудий длиной 30 калибров, а «Чесма» и «Георгий Победоносец» — шесть 305-мм орудий длиной в 35 калибров с лучшей баллистикой. Артиллерия среднего калибра состояла из семи 152/35-мм пушек. Артиллерия малого калибра состояла из двух 2,5-дюймовых десантных пушек Барановского и 12–20 37-мм и 47-мм пушек Гочкиса. Броненосец «Екатерина II» вошел в строй в 1888 г., «Синоп» и «Чесма» — в 1889 г., а «Георгий Победоносец» — в 1893 г.

Остальные же броненосцы, поступившие на Черноморский флот в конце XIX века, представляли собой совершенно разнотипные конструкции. В 1889 г. был заложен и в 1892 г. вошел в строй так называемый «малый» броненосец «Двенадцать Апостолов». Водоизмещение его было 8433 тонны, скорость хода на пробе — 15,7 узлов. Вооружение его состояло из четырех 305/30-мм пушек в двух барбетных установках и четырех 152/35-мм пушек в бортовых казематах. Малокалиберная артиллерия представлена двумя пушками Барановского и 26–37-мм и 47-мм пушками Гочкиса.

В 1891 г. был заложен и в 1895 г. вошел в строй броненосец «Три Святителя» водоизмещением 13 318 тонн со скоростью хода 16 узлов. Главный калибр был представлен четырьмя новыми мощными 305/40-мм пушками в двух башенных установках, а средний калибр — новыми патронными пушками Кене: 8–152/45-мм и 4–120/45-мм. Постановка на броненосец разнокалиберных орудий была явной глупостью наших адмиралов, которую исправили в 1912 г., когда 120-мм пушки были убраны и заменены 152-мм. Артиллерия малого калибра была приблизительно та же, что и на предшествующих броненосцах. Орудиям малого калибра мы уделяем мало внимания из-за того, что эффективность их была невелика, и к 1914 г. от пушек Барановского и Гочкиса во флоте почти избавились. «Почти» — потому, что часть 47-мм пушек Гочкиса была переделана в зенитные. Число и тип малокалиберных орудий менялось от кампании к кампании.

В 1895 г. был заложен и в 1899 г. вошел в строй броненосец «Ростислав» водоизмещением 10 140 тонн и со скоростью 15,4 узла. Вооружение броненосца состояло из четырех 254/45-мм орудий, помещенных в двух башнях, и восьми 152/45-мм пушек Кане в четырех башнях, расположенных побортно. Артиллерия малого калибра состояла из стандартного набора: двух пушек Барановского и 26–37-мм и 47-мм пушек Гочкиса. В 1910 г. все орудия малого калибра убрали, установив взамен четыре 75/50-мм пушки Кане.

В марте 1882 г. в строй Черноморского флота был введен крейсер «Память Меркурия», переоборудованный из парохода Добровольного флота «Ярославль». Пароход «Ярославль» был построен во Франции как коммерческое судно, что дало возможность провести его через Проливы на Черноморский флот. Водоизмещение крейсера составляло 3050 тонн, скорость хода 14–16 узлов (в зависимости от загрузки). Крейсер был вооружен шестью 152/28-мм пушками, четырьмя 9-фунтовыми пушками обр. 1877 г. и шестью малокалиберными пушками. Кроме того, имелось четыре поворотных однотрубных торпедных аппарата. В перегруз крейсер мог брать до 180 мин заграждения.

Аналогично в 1891 г. в Швеции были построены два транспорта — «Буг» и «Дунай». В декабре того же года «Буг» прибыл в Севастополь, а в апреле 1892 г. пришел и «Дунай». Здесь оба транспорта были переделаны в минные заградители или, по тогдашней терминологии, в минные транспорты. Полное проектное водоизмещение «Буга» и «Дуная» было 1360 тонн, скорость хода 13–14 узлов. Вооружение состояло из 10–47-мм и 4–37-мм пушек Гочкиса. Запас мин заграждения — 425 штук.

С 1889 г. по 1893 г. вступило в строй Черноморского флота три минных крейсера — «Капитан Сакен», «Казарский» и «Гридень». Водоизмещения «Капитана Сакена» — 742 тонны, остальных — 400 тонн; скорость 21–22 узла. Вооружение: шесть 47-мм и три 37-мм пушки Гочкиса, а также два торпедных аппарата.

С 1880 г. по 1896 г. вошли в строй 22 малых миноносца водоизмещением от 50 до 120 тонн, вооруженные двумя 37-мм пушками и двумя-тремя торпедными аппаратами.

В 1886–1889 гг. было построено шесть канонерских лодок — «Кубанец», «Терец», «Уралец», «Запорожец», «Черноморец» и «Донец» (по наименованиям казачьих войск). Их водоизмещение — 1224 тонны, скорость — 13–14 узлов. Первоначально вооружение состояло из двух 203/35-мм и одной 152/35-мм пушек, а также двух торпедных аппаратов. Позже часть канонерских лодок получила более современное вооружение: две 152/45-мм и одну 120/45-мм пушки Кане. В 1905 г. был перевооружен «Уралец», в 1911 г. — «Кубанец», в 1912 г. — «Донец» и в 1916 г. — «Терец». «Запорожец» и «Черноморец» были исключены из состава флота в 1911 г., а «Уралец» погиб в 1913 г. в результате навигационной аварии.

Таким образом, к концу века Черноморский флот по огневой мощи многократно превосходил турецкий флот. А корабельный состав флота показывал, что флот готовится к решительным наступательным задачам — высадке десанта и встречному бою в Проливах. Тем не менее вероятный

противник — британская Средиземноморская эскадра — превосходил Черноморский флот по числу броненосцев. Так, в 1896 г. британская эскадра на Мальте состояла из 11 броненосцев. В их числе были: новые барбетные «Рамиллиес» и «Ривендж», их башенный аналог «Худ» (все водоизмещением по 14 150 тонн, скорость хода 15,5 узлов, вооружение: 4–343-мм и 10–152-мм орудий); малый броненосец «Барфлер» (водоизмещение 10 500 тонн, скорость 17 узлов, вооружение: 4–254-мм и 10–120-мм орудий); башенные «Найл» и «Трафальгар» (оба имели водоизмещение 12 590 тонн, скорость 15 узлов, вооружение: 4–343-мм и 6–120-мм орудий); пять барбетных типа «Адмирал» («Коллингвуд» водоизмещением 9500 тонн, скорость 15 узлов, вооружение: 4–305-мм и 6–152-мм орудия; остальные имели водоизмещение по 10 600 тонн, скорость 15,7 узлов, вооружение: 4–343-мм и 6–152-мм орудий).

Чтобы компенсировать превосходство англичан в броненосцах, русское командование планировало внезапный захват Босфора, а если повезет, и Дарданелл. Затем следовало заграждение Проливов минами и установка на берегах тяжелых артиллерийских орудий.

Специально для этого был учрежден так называемый «особый запас». Он создавался в условиях полной секретности, и даже в закрытых документах для высших офицеров его назначение по возможности не раскрывалось. Первоначально в составе «особого запаса» были тяжелые береговые орудия (штатные для береговых крепостей) и некоторое количество полевых орудий. Так, в 1894 г. только в Одессе в «особом запасе» состояло:

11-дюймовых (280-мм) береговых пушек	5
9-дюймовых (229-мм) береговых пушек	10
6-дюймовых (152-мм) пушек весом в 190 пудов	7
107-мм батарейных пушек	20
9-дюймовых (229-мм) береговых мортир	36
Итого	78 орудий

Весной 1895 г. решили исключить из «особого запаса» 11-дюймовые и 9-дюймовые береговые пушки, а иметь следующие число орудий меньших калибров:

9-дюймовых (229-мм) береговых мортир	36
9-дюймовых (229-мм) легких мортир	20
6-дюймовых (152/45-мм) пушек Кане	10
6-дюймовых (152-мм) пушек весом в 190 пудов	20
6-дюймовых (152-мм) пушек весом в 120 пудов	20

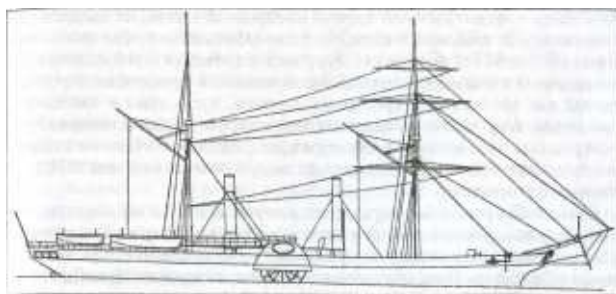
57-мм береговых пушек Норденфельда 10

Итого 116 пушек и мортир и 24 пулемета Максима

В 1896 г. на изготовление недостающих сорока четырех 9-дюймовых мортир, шести 6-дюймовых пушек Кане, четырех 57-мм пушек Норденфельда и 24 пулеметов Максима для «особого запаса» было отпущено сверх кредита 2 193 500 рублей. Вместо тяжелых 11-дюймовых пушек и 9-дюймовых береговых мортир, сборка и установка которых требовала больших временных затрат, в «особый запас» в середине 1890-х гг. стали поступать 9-дюймовые легкие мортиры. Такую мортиру можно было перевозить на двух повозках по десять лошадей каждая и установить на деревянном основании за несколько часов. Но длина канала 9-дюймовой легкой мортиры была всего 6 калибров, а дальность стрельбы — 3 км (для сравнения, дальность стрельбы гранатой 87-мм полевой пушки обр. 1877 г. была 6,4 км). Тяжелое орудие с дальностью стрельбы 3 км не было пригодно ни для осадной, ни для крепостной артиллерии. Единственное место, где имело смысл применять такие орудия, — узкий пролив, где их 140-килограммовые снаряды, снаряженные 16,2 кг пироксилина, легко могли пробить палубы новейших английских броненосцев: 76-мм «Ройял Оука» или 65-мм «Центуриона».

Проводилась и другая «подготовительная работа». В середине 1881 г. капитан 2-го ранга Степан Осипович Макаров был отозван с Каспия, где он командовал флотилией, обеспечивавшей боевые действия в Закаспийском крае.

Макарову было тогда 32 года, служебная карьера шла блестяще, за успехи в Русско-турецкой войне в сентябре 1877 г. он был произведен в капитан-лейтенанты, а в январе 1878 г. уже стал капитаном 2-го ранга. Степан Осипович ехал в Петербург с надеждой начать проектирование миноносца нового типа, о котором давно мечтал, но в октябре 1881 г. его определили командиром стационара «Тамань» в Константинополь. «Тамань» — маленький колесный пароходик постройки 1849 г., вооружение его состояло из двух малокалиберных 4-фунтовых пушек. Офицер уже успел флотилией покомандовать, а ему под начало какую-то лайбу! Что это — опала?

Пароход Черноморского флота «Тамань».

Советский биограф Макарова С. Н. Семенов писал: «По-видимому, в Петербурге не случайно избрали на этот пост боевого командира, столь досадившего туркам во время минувшей войны. В дипломатии ведь все имеет свое значение: и марка вина, наливаемого камер-лакеем в бокал, и марш, которым встречают именитого гостя, и множество иных мелочей, порой самых курьезных. В переводе с дипломатического языка на военный назначение Макарова расшифровывалось так: русским стационаром в турецкой столице командует офицер, топивший ваши суда, помните об этом и имейте в виду..» ^[55] Увы, С. Н. Семенов не знал, что Макаров был хорошо известен лишь в России. Туркам о нем абсолютно ничего не было известно, равно как и о потоплении в 1878 г. торпедой 100-тонного посыльного судна «Интибах» — единственной жертвы макаровских минных катеров. Да и вообще, в Османской империи было официально объявлено, что войну 1877–1878 гг. выиграла... Турция. А с точки зрения дипломатии, командиром стационара должен быть лощеный аристократ с родословной как минимум до крестовых походов, пусть даже и никудышный моряк. А тут послали боцманского сына, получившего дворянство с очередным чином. Так что «в переводе с дипломатического языка» на общебывательский это означало одно — очередной ляп МИДа и Морского ведомства.

Степан Осипович был чужд светскому обществу и не пользовался успехом у дам. Даже с женой у него отношения быстро разладились, и Капитолина Николаевна не придумала ничего лучшего, как завести роман с Зиновием Рожественским — будущим «героем» Цусимы.

Чем же занялся Макаров в Стамбуле? Предоставим слово другому его советскому биографу. Б. Г. Островскому: «Должность командира стационара не требовала особого напряжения и считалась в те времена скорее почетной. У Макарова появилась, таким образом, возможность отдохнуть от вечно напряженной обстановки, обычной на военном корабле.

Но бездеятельности Макаров не любил, и желания отдохнуть, ничего не делая, у него никогда не было. Лучшим отдыхом для него было

чередование одного занятия с другим...

...И вскоре здесь, в Константинополе, он нашел себе занятие по душе.

Пребывание в Босфоре явилось крупным событием в жизни Макарова как ученого. Здесь он стал гидрологом, занявшись научно-исследовательской работой по изучению течений в проливе, и вскоре представил вполне точную и весьма поучительную картину того, что происходит в Босфоре, во всех его слоях.

В глубокой древности существовало поверье, что в Босфорском проливе, соединяющем Черное море с Мраморным, существует двойственное течение: на поверхности вода идет из Черного моря в Мраморное, на глубине же — в противоположном направлении. Что дало повод сделать подобное предположение — неизвестно, но одно несомненно, что поверье это возникло много столетий тому назад. Еще итальянский ученый Луиджи-Фернандо Марсильи (1658–1730) в последней четверти XVII века, будучи в Константинополе, заинтересовался этим странным явлением и стал расспрашивать местных рыбаков. Они подтвердили, что в проливе действительно существуют взаимно противоположные течения, но доказать этого не могли. Удостовериться в существовании верхнего течения было, разумеется, нетрудно, но как узнать, что течение существует и на глубине? Вот вопрос, оставшийся неразрешенным как для Марсильи, так и для многих других ученых.

Как-то в разговоре с советником русского посольства в Константинополе Макаров узнал о загадочных течениях и, заинтересовавшись этим явлением, взялся за разрешение не решенной Марсильи задачи.

Он расспросил местных жителей, а затем и командиров иностранных стационаров, стоявших рядом с „Таманью“ на Константинопольском рейде. Местные жители заявили, что ничего не знают, а командиры судов считали рассказы о нижнем течении Босфора легендами и сказками.

Раздобыв сочинение Марсильи, написанное на латинском языке и изданное в 1681 г. в Риме, Макаров стал изучать его...

...Макаров решил выяснить этот вопрос во что бы то ни стало. Если, рассуждал он, удастся экспериментально доказать, что нижнее течение действительно существует, останется только разобраться в его причинах. Но как это сделать, как произвести эксперимент под водой? Способ, придуманный Макаровым, был столь же остроумен, сколь и прост. Макаров вышел на четырехвесельной шлюпке на середину фарватера и опустил на глубину пятиведерный бочонок, наполненный водой, с привязанным к нему балластом. Расчеты Макарова оправдались. Опущенный на глубину

бочонок стал буксировать шлюпку против довольно сильного поверхностного течения.

Наличие подводного течения в Босфоре было, таким образом, установлено экспериментально.

„Когда я убедился, что нижнее течение существует, — писал Макаров, — захотелось определить точно границу между ним и верхним течением. Когда сделалось очевидным, что граница эта идет по длине Босфора не горизонтально, а с некоторым наклоном к Черному морю, захотелось выяснить этот наклон, наконец, захотелось выяснить подмеченные колебания границы между течениями в зависимости от времени года и дня, от направления ветра и проч. Было интересно определить относительную скорость течения на разных глубинах и распределение воды по удельному весу“.

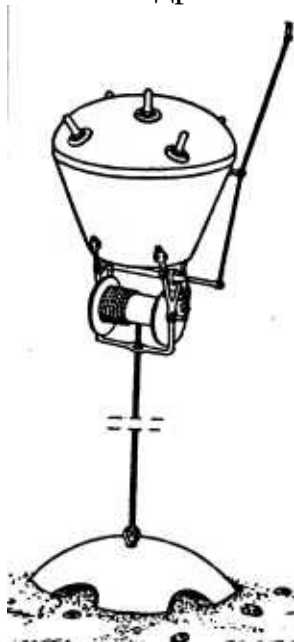
Не удовлетворившись первым успехом, Макаров подробнейшим образом не только разработал теорию обмена вод между двумя морями, то есть дал исчерпывающее объяснение сложному явлению, но и выяснил, как и в каких приблизительно размерах происходит обмен вод между этими морями, исследовал удельный вес и температуру воды в разных слоях верхнего и нижнего течения и, наконец, определил с большой точностью границу между течениями и наклон этой границы вдоль пролива.

Макаров провел это исследование по собственной инициативе, не имея даже опытных помощников. Необходимых приборов у него также не было, и часть приборов он приобрел на свои деньги, а часть изготовил сам в мастерской на пароходе. Для определения скорости течения на глубине он изобрел простой, но достаточно точный прибор, названный им флюктометром. Все приборы тщательно исследовались и проверялись.

Самым серьезным препятствием в работе Макарова было то, что по турецким портовым правилам, стоянка судов на фарватере не разрешалась. Макарову же как раз на фарватере и необходимо было производить наблюдения. Чтобы не вызывать подозрения турок, проявлявших особую бдительность в отношении русских кораблей, Макаров производил промеры и наблюдения на разных глубинах или в сумерки или пользуясь прогулками и поездками русского посланника по рейду. Такая работа урывками представляла много неудобств, и Макаров старался использовать малейшую возможность, чтобы работать на самом фарватере. Однажды английский пароход, придя на рейд и не найдя свободной бочки, около которой становятся корабли, отдал якорь у той самой бочки, у которой стоял русский стационар „Тамань“. Как командир военного корабля, Макаров мог, конечно, не допустить этого. Но он решил схитрить. Приказав

немедленно развести пары, он отошел от англичанина и стал на самой середине фарватера. Турки всполошились, но Макаров заявил, что нет таких правил, чтобы у одной бочки становились два корабля, и поэтому он вынужден был сойти с места. Пока шли переговоры и для „Тамани“ подыскивали другой мертвый якорь, прошло пять дней. За это время Макаров произвел, стоя на фарватере, много серийных наблюдений над течениями, температурой и соленостью воды на разных глубинах.

Результатом босфорских исследований Макарова явилась его работа „Об обмене вод Черного и Средиземного морей“. Напечатанное в „Записках Академии наук“, это исследование было в 1885 году удостоено премии, присуждавшейся Академией наук^[56]. Итак, бескорыстный капитан «Тамани» от скуки занялся гидрологией. Какая идиллия!

Сфероконическая мина Герца

Перенесемся на 122 года назад, в теплую ночь 29 мая 1882 г. в проливе Босфор. Там на середине фарватера Макаров на «Тамани» проводит важные научные опыты. Вот моряки с борта парохода с помощью небольшого кранового устройства, стараясь не шуметь, спускают за борт какую-то здоровенную грушу.

Ба! Да это же сфероконическая мина Герца обр. 1876 г.! С ноября 1876 г. по июль 1878 г. Морское и Военное ведомства получили из Германии, соответственно, 2100 и 1935 таких мин. Они хорошо себя зарекомендовали в ходе боевых действий на Дунае. 30-кг пироксилиновый заряд мины мог пустить на дно любой турецкий броненосец.

Так что, наш brave капитан стал террористом? Нет, ни в коем случае.

В mine вместо пироксилина — босфорский песок, да и турецкие броненосцы с 1878 г. больше не ходили по Босфору. Просто идут плановые учения по постановке минного заграждения в проливе.

Еще 17 октября 1881 г. управляющий Морским министерством контр-адмирал А.А. Пещуров отправил секретную депешу русскому посланнику в Турции Е.П. Новикову, в которой сообщал о возложенном на Макарова поручении по сбору сведений, «относящихся как до турецкого флота, так и вообще представляющих интерес в стратегическом отношении», и просил оказать капитану 2-го ранга содействие.

Сам же Макаров 22 октября 1881 г. получил секретное предписание Пещурова: «Собрать гидрографические, метеорологические и топографические данные о берегах Босфора и выяснить: а) возможен ли десант на эти берега, в каких местах и в каких силах...» Четвертый пункт предписания гласил: «Изучить условия заграждения Босфора минами в различных местах. Составить план таких заграждений и перечислить необходимые для того материальные средства».

2 (14) ноября 1881 г. Макаров на «Тамани» прибыл в Стамбул. За полтора месяца он изучил течения в Дарданеллах и в Мраморном море, а затем и в Босфоре. 24 декабря Макаров пишет Пещурову: «Нужно ли мне говорить Вашему Превосходительству, какое важное значение все это имеет по отношению к минному заграждению».

Тогда же выяснилась и неточность русских карт Мраморного моря и Босфора, составленных в 1848 г. «Случайно» выяснилось, что офицеры старой калоши оказались прекрасными картографами, которые произвели корректировку старых карт Проливов и Мраморного моря с помощью новейших британских и французских карт, а также по результатам проведенных ими самими съемок.

С письмом от 22 января 1882 г. Макаров выслал в Петербург добытые им «негласно» карты Константинопольского порта и европейского берега Черного моря у входа в Босфор.

За деятельностью Макарова внимательно следили в Петербурге. На Новый 1882 год Александр III сделал ему подарок — произвел в капитаны 1-го ранга.

В апреле 1882 г. Макаров писал новому управляющему Морским министерством вице-адмиралу И.А. Шестакову о том, как, отправляя его в Константинополь, Пещуров обещал, «что когда потребуются для испытания сфероконические мины (Герца), то они будут высланы». И вот теперь Макаров ждал эти мины и предложил план их доставки в Константинополь. Сначала мины доставляются из минной части в Морской

музей, оттуда в ящиках под видом инструментов для ремонтных работ на пароходе переправляются в Одессу, грузятся там на суда РОПиТа и привозятся в Константинополь. На это Шестаков заметил: «Что-то слишком хитро. Нельзя ли придумать проще?»

В итоге наши умельцы нашли способ, о котором даже Морское ведомство не проинформировали. И вот 29 мая 1882 г. была произведена первая учебная минная постановка в Босфоре.

В депеше от 1 августа 1882 г. Макаров доносил управляющему: «Постановка мин в Босфоре вполне удалась. Мину несколько раз ставили и убирали на глубине до 30 сажен и на фарватере». (30 сажен — это 64 м, то есть предел глубины постановки для мин Герца.) Выяснилось, что отклонение минрепов мин от вертикали из-за течений в проливе было незначительным, и особых проблем при массовой постановке мин быть не должно.

В ходе учебных постановок Макаров изобрел и изготовил автоматическую вьюшку, то есть прибор, основанный на гидростатическом принципе. Благодаря ему мина с якорем, сброшенная в воду, автоматически ставилась на заданное ей заранее углубление.

По ночам Макаров ставил мины, а в светлое время суток занялся туризмом. Вместе с нашим военным агентом (так тогда именовали военных атташе) в Греции, Генерального штаба подполковником А.П. Протопоповым он осматривал с борта «Тамани», а также с кайков и небольшой яхты, береговые укрепления Босфора и в результате составил их план и определил сектора обстрела батарей.

3 сентября 1882 г. «Тамань» вместе со своим беспокойным командиром покинула залив Золотой Рог и направилась в Николаев. Через 18 дней Степан Осипович уже был в Петербурге. Вот запись в дневнике управляющего министерством от 23 сентября: «Длинный доклад о Константинополе флигель-адъютанта Макарова. Очевидно занимался делом и замечал, что умел. Велел все соединить и представить».

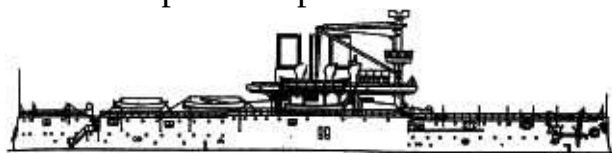
Во исполнение этого приказа Макаров составил объемную секретную записку от 3 мая 1883 г. с описанием Босфора и плана десантной операции. В записке говорилось: «Константинополь может быть захвачен быстрой высадкой наших войск или в самом Босфоре, или на черноморском берегу к востоку и западу от входа в пролив».

В середине 1890-х гг. вокруг Проливов вновь создалась взрывоопасная ситуация. 15 августа 1895 г. премьер-министр лорд Р. Солсбери, выступая в английском парламенте, обрушился на султана Абул Гамида II с обвинениями в геноциде армян. Он заявил, что независимость Турции

покоится на желании европейских держав сохранить эту независимость, но политика Порты по отношению к армянам может побудить Европу отказать султану в поддержке существования турецкого государства.

1 ноября 1895 г. министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Голуховский поддержал Англию и предложил европейским державам ввести в проливы эскадры, «невзирая на протест и сопротивление оттоманского правительства».

А. Нелидов, русский посол в Константинополе, 3 сентября 1896 г. телеграфировал в Петербург: «Я не могу не обратить самым настойчивым образом внимание императорского правительства на огромную опасность, которую представила бы для нас европейская акция на Босфоре, которая навсегда заперла бы нас в Черном море».

Броненосец «Георгий Победоносец»

Аналитики русского Генерального штаба и Министерства иностранных дел, основываясь на поступавшей к ним конфиденциальной информации, загодя определили нарастание британской угрозы Босфору. Еще за месяц до выступления лорда Солсбери, о котором мы уже упоминали, 6 июля 1895 г. в Петербурге было собрано «Особое совещание» в составе министров: военного, морского, иностранных дел, русского посла в Турции Нелидова, а также высших военных чинов. В постановлении совещания упомянуто о «полной военной готовности захвата Константинополя». Далее сказано: «Взяв Босфор, Россия выполнит одну из своих исторических задач, станет хозяином Балканского полуострова, будет держать под постоянным ударом Англию, и ей нечего будет бояться со стороны Черного моря. Затем все свои военные силы она сможет тогда сосредоточить на западной границе и на Дальнем Востоке, чтобы утвердить свое господство над Тихим океаном».

5 декабря 1896 г. на совещании министров под председательством Николая II было рассмотрено решение о высадке в Босфоре. В совещании принимал участие посол Нелидов, горячо отстаивавший план вторжения. В соответствии с решением совещания Нелидов должен был дать из Стамбула условную телеграмму, которая послужила бы сигналом к отправке десанта. Командовать операцией назначили вице-адмирала Н.В. Копытова. В операции должны были принимать участие эскадренные броненосцы «Синоп», «Чесма», «Екатерина II», «Двенадцать Апостолов»,

«Георгий Победоносец» и «Три Святителя», крейсер «Память Меркурия», канонерская лодка «Терец», минные заградители «Буг» и «Дунай», минные крейсеры «Гридень» и «Казарский», а также 10 миноносцев и 30 малых миноносок.

Командиром сводного десантного корпуса был назначен генерал-лейтенант В. фон Шток. Численность войск «первого рейса» возросла по сравнению с прежним планом. В их составе теперь числилось 33 750 человек с 64 полевыми и 48 тяжелыми орудиями (из «особого запаса»). Вроде бы учли все, даже «3 версты железной дороги» собирались перевезти...

В целях дезинформации операция была замаскирована под большие учения, включавшие переброску войск на Кавказ.

Эскадра на пути к Кавказу должна была неожиданно повернуть на Босфор. Предусматривалось введение информационной блокады: «В назначенный момент внезапно прерываются все телеграфные провода Черноморского побережья с Европой». Эскадра же в ночное время форсирует Босфор и, пройдя до Буюк-Дере, становится на якорь (в тылу турецких береговых батарей). В это время посол Нелидов представит турецким властям ультиматум: немедленно передать России районы на обоих берегах Босфора под угрозой применения силы. Сопротивление турецких войск предполагалось подавить быстро. После чего русское командование должно было за 72 часа после начала высадки укрепить вход в пролив со стороны Мраморного моря. На берегах Босфора устанавливались тяжелые орудия «особого запаса», а «Буг» и «Дунай» выставляли поперек пролива заграждения в три ряда мин (всего 825 штук). Тут-то и пригодились бы сведения о течениях и глубинах, доставленные Макаровым. Кроме того, планировалось на обоих берегах пролива скрытно установить торпедные аппараты. 72 часа брались не с потолка — это был наиболее ранний срок прибытия английской Средиземноморской эскадры, базировавшейся на Мальте.

При таких условиях у британской эскадры практически не было шансов форсировать Босфор. Что же касается Дарданелл, то тут вопрос спорный — все зависело от быстроты продвижения русских и степени сопротивления турок. Естественно, Англия могла существенно усилить свою Средиземноморскую эскадру и послать в Турцию две-три пехотные дивизии. Но для этого потребовалось бы уже несколько недель или месяцев. И британцы к тому времени могли встретить на берегах Босфора не только второй эшелон русских войск, но и отобилизованные войска из внутренних военных округов, а кроме 9-дюймовых мортир — десятки 11-

дюймовых береговых пушек и 11-дюймовых мортир, снятых с береговых батарей Севастополя, Очакова, Керчи и Батума.

В случае расширения конфликта до глобальных масштабов русский Генштаб прорабатывал даже удар русских войск из Средней Азии в направлении Индии...

В общем, шансов на успех хватало. Тем не менее в последний момент вторжение было отменено. Почему?

Думается, решающую роль здесь сыграл субъективный фактор — непостоянство характера Николая II. По этому поводу министр иностранных дел В. Ламздорф записал в своем дневнике: «Молодой государь меняет точки зрения с ужасающей быстротой».

Противники десанта, конечно, приводили царю и объективные факторы. В частности, рассматривался вариант, при котором английский десант успевал захватить пролив Дарданеллы, пока русские занимали Босфор. Теоретически в этом случае русский флот запирался бы в Черном море. Но это только теоретически. Англия хотела захватить Дарданеллы, но только вместе с Босфором. Тогда английский флот мог бы угрожать русским берегам, как во время Крымской войны, а английская база в Босфоре была бы отделена от сухопутных сил русской армии Черным морем и британскими броненосцами. База в Дарданеллах рядом с русскими базами в Босфоре таила для англичан больше опасностей, чем выгод. Весь английский флот не смог бы помешать России скрытно перебросить за несколько дней крупные силы пехоты и артиллерии и захватить английскую базу с суши. Англичане пуще всего боялись прямого соприкосновения с русской пехотой, как в Центральной Азии, так и в других местах.

Вторым аргументом против десанта была возможная международная изоляция России. Действительно, Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия не желали, чтобы Константинополь стал русским губернским городом. Другой вопрос, кто бы пошел воевать за Проливы? Ведь на дворе был не 1853-й, а 1896 год. Между Россией и Францией действовал союзный договор 1893 г., а взоры всех французов были прикованы к отнятым немцами в 1871 г. Эльзасу и Лотарингии. По той же причине Германия не могла послать войска в Проливы, чтобы одновременно не услышать «Марсельезу» на Рейне и «Соловья-пташечку» на Одере. А в войне против России без поддержки Германии Австро-Венгерская «лоскутная» империя не продержалась бы и пары месяцев.

К сожалению, внешняя политика Николая II и в дальнейшем была столь же непоследовательна, как и во времена кризиса 1896–1897 гг. Николай II не отказался от планов захвата Босфора. Строительство на

Черном море продолжалось, «особый запас» не только не расформировывался, а наоборот — усиливался. Но одновременно царь приказал начать строительство огромной военно-морской базы и крепости в Либаве в 70 верстах от германской границы. Затраты на Либаву превзошли расходы на содержание «особого запаса» и на строительство Порт-Артура. Постройка Либавской крепости сильно разозлила Германию. После же Русско-японской войны крепость пришлось демонтировать.

Поле боя Русско-японской войны 1904–1905 гг. стали Манчжурия и Корея. Местные войска и население не участвовали в войне, и ее исход на первом этапе зависел от того, кто быстрее и больше доставит войск на этот обширный театр военных действий. С одной стороны, Николай II тормозил наращивание сил на Дальнем Востоке, запретил проведение частичной мобилизации, а с другой, провоцировал Японию проникновением в Корею и оскорбительными высказываниями в адрес Страны восходящего солнца.

Катастрофа на Дальнем Востоке не сбила спесь с самоуверенного Николая. Теперь он начал интенсивно готовиться к войне с Германией в союзе с Англией и Францией. Вооруженный конфликт между Россией и Германией равно не был выгоден ни одной из сторон. Кайзер не был Гитлером и не мечтал об уничтожении или порабощении славянской расы. Наоборот, захват Привисленского края Германией привел бы к ополчанию Германии. Зато противоречия между Францией и Германией были непримиримы. Было ясно, что вопрос об Эльзасе и Лотарингии может быть разрешен только после большой войны. Англия же видела в быстро растущей германской промышленности своего конкурента. Германия мечтала о захвате английских колоний. Британское адмиралтейство, построив «Дредноут» — первый в мире линкор с 10 орудиями главного калибра и паротурбинным двигателем, — нанесло страшнейший удар по военно-морской мощи... Великобритании. С появлением дредноута все существовавшие линкоры (броненосцы) с четырьмя орудиями главного калибра и поршневыми паровыми машинами разом устарели. Теперь Англия и Германия могли начать с нуля. Темпы роста германского флота превышали темпы роста британского флота. Правящие круги Англии прекрасно понимали, что через несколько лет британскому владычеству на морях придет конец. В этом случае потеря колоний империей, «в которой никогда не заходит солнце», становилась неизбежной.

И, как всегда бывало в аналогичных случаях, Англия и Франция начали искать дураков, готовых проливать кровь за их интересы. И тут, естественно, взгляды англичан и французов обратились к России. Причем особого успеха в оболванивании российской верхушки достигли французы.

В ход пошли большие займы, подкуп должностных лиц и широкое проникновение в Россию французского капитала. Командующий российским военно-морским флотом генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович и начальник артиллерии великий князь Сергей Михайлович большую часть своего рабочего времени проводили во Франции со своими метрессами-балеринами — француженкой Балеттой и полькой Матильдой Кшесинской. Не последнюю роль сыграла и французская ложа Великий Восток, наладившая связь с русскими «вольными каменщиками». В итоге Николай и его окружение оказались в фарватере французской политики.

Между тем единственной угрозой безопасности России в то время было продвижение Германии и Австро-Венгрии к Проливам. Немцы постоянно усиливали свое влияние в турецких вооруженных силах. 6 августа 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала бывшие турецкие владения Боснию и Герцеговину. При этом австрийцы ловко обманули Николая, пообещав взамен Боснии и Герцеговины содействовать изменению статуса Проливов в нужном для России направлении.

Как уже неоднократно говорилось, обеспечить безопасность юга Российской империи можно было, лишь взяв Проливы под контроль русских вооруженных сил. Последний раз сделать это в мирное время можно было в 1897 г. В начале XX века в связи с резким усилением военной мощи Германии о захвате Константинополя в мирное время нельзя было и мечтать. Захват Проливов мог произойти лишь в случае большой войны в Европе, но без участия России, или по крайней мере при ее пассивном участии в войне.

Война Германии и Австро-Венгрии против Англии и Франции была неизбежна, в крайнем случае она могла начаться не в августе 1914 г., а позже — в 1915 г. «Просвещенные мореплаватели» никогда не дали бы закончить немцам сверхдредноуты типа «Баден» с 38-см артиллерией и линейные крейсера типа «Макензин» («Mackensen») с 35-см артиллерией.

Начало войны 1914 г. ознаменовалось серией дипломатических интриг и обманов. К примеру, Англия делала вид, что желает остаться нейтральной, а сама объявила войну Германии. Италия, согласно заключенным с Австро-Венгрией и Германией договорам, должна была выступить на их стороне, а осталась нейтральной, и т.п.

Россия могла поступить так же как Италия, и в последний момент заявить о своем нейтралитете. А дальше, согласно китайской поговорке, сидеть на горе и смотреть, как тигры дерутся в долине, когда же противники обессилят друг друга, «в целях своей безопасности» занять

Проливы.

Был и другой путь. Русские цари Николай I, Александр II и Александр III с 1826 г. по 1896 г. непрерывно строили три линии крепостей на западной границе. Первая линия проходила по территории Польши: Ивангород — Новогеоргиевск; вторая линия: Рига — Ковно — Гродно — Брест; третья линия: Двинск — Бобруйск — Киев. Эти крепости можно было связать сплошными укрепленными районами. Крепости могли быть усилены орудиями из береговых крепостей. Сотни пушек и мортир калибра 280, 254, 229, 203 и 152 мм безнадежно устарели для действий по кораблям, но могли еще десятилетиями успешно использоваться в качестве крепостных орудий. Кроме того, в 1907–1910 гг. на лом было разобрано несколько броненосцев и крейсеров, орудия которых также могли быть использованы в сухопутных крепостях. Увы, орудия из береговых крепостей и корабельные пушки были отправлены в крепости на западной границе лишь в конце 1914 — начале 1915 г., когда русские крепости стали капитулировать перед немцами одна за другой.

Николай II, в отличие от своих предшественников, запустил до предела западные крепости России. В 1907–1911 гг. он вместе с Сухомлиновым решил их вообще разоружить, что и было наполовину сделано. А перед самой войной в разоруженные крепости начали вновь ставить орудия. Если бы Николай II продолжал укреплять западные границы, то в 1914–1918 гг. русская армия вполне могла отсидеться за тремя линиями обороны. (Вспомним Верден в 1916 г.) При этом значительная часть русских войск могла быть использована в Проливах. Увы, Николай II был уверен, что полевые войска разгромят немцев, и через 2–3 месяца русская армия будет в Берлине. А далее наивный Никола-ша думал, что союзнички за труды преподнесут ему Константинополь на «тарелочке с голубой каемочкой».

Глава 22

БОРЬБА ЗА КАВКАЗ И ЧЕРНОЕ МОРЕ В 1914–1915 ГГ.

28 июня 1914 г. в Сараево гимназист Гаврила Принцип выпустил из револьвера семь пуль в наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу. Поначалу сей теракт не вызвал особого интереса ни в мире, ни в самой Австро-Венгерской империи. Помните, у Швейка: «Семь пульек, как в Сараево». С родственниками императора Франца Иосифа I постоянно что-то приключалось. Его сын Рудольф застрелился или был застрелен в собственном замке, брат Максимилиан поехал в Мексику, чтобы стать местным императором, но его расстреляли туземцы. Жену Франца Елизавету проткнул напильником итальянский анархист Люкени.

Почти семь недель после убийства Фердинанда не только обыватели, но и большинство политиков Европы было уверено, что никакой войны не будет.

Прозорливей всех оказались «младотурки», находившиеся у власти в Стамбуле. Учув запах жареного, турецкие руководители заматались по Европе. В конце июня Энвер-паша отправился в Берлин, а Джемаль-паша — в Париж. Вопрос у пашей был один — сколько дадут за участие Турции в войне? Программа минимум — греческие острова в Эгейском море и часть Болгарии. В программе максимум упоминался и Кавказ. Для начала Каре, Ардаган, Батум и далее... везде. Вариант, что туркам за вступление в войну могут дать по шее, и причем очень больно, паши просто не рассматривали.

В Париже Джемаль-пашу встретили торжественно. Дали орден Почетного легиона, а ни Фракии, ни Имброса, ни Хиоса, ни Лемноса, ни даже Лесбоса не дали. По сему поводу Джемаль-паша убыл в Стамбул чрезвычайно расстроенным.

Зато Энверу-паше в Берлине крайне повезло — немцы предложили подписать секретную конвенцию. Первый пункт ее был чисто пацифистский — Германия и Турция обязывались держать нейтралитет «в австро-сербском конфликте». Вторая статья все ставила на свои места. В случае вмешательства в конфликт России и появления тем самым у Германии необходимости выполнить свой союзный долг перед Австро-

Венгрией таковая необходимость приобрела бы равным образом силу и для Турции.

Русская карикатура 1914 г.

Подготовка к подписанию конвенции затянулась. И лишь в 16 часов 2 августа великий визирь принц Сайд Халим и германский посол Вагенгейм подписали в Стамбуле текст конвенции. Первый пункт конвенции уже потерял смысл, поскольку 1 августа Германия объявила войну России.

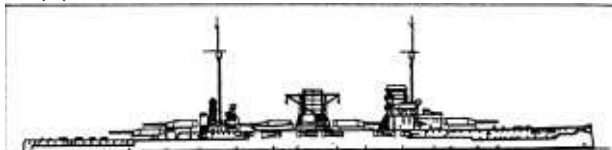
3 августа в Стамбуле была опубликована декларация о нейтралитете Турции. Одновременно турки начали мобилизацию. Маяки в Проливах были погашены, бакены сняты. К ноябрю было мобилизовано более одного миллиона человек.

Турецкое правительство делало все, чтобы замаскировать свою подготовку к войне. Так, страны Антанты целую неделю не знали о турецко-германской конвенции. Главнейший зачинщик войны военный министр Энвер-паша 5 августа предложил военному агенту (атташе) России генерал-майору М.Н. Леонтьеву начать переговоры о русско-турецком военном союзе.

А утром 6 августа тот же Энвер-паша на заседании кабинета министров заявил, что пропустит германские корабли в Проливы, а далее предложил определить размеры турецкой доли в будущей контрибуции. Вечером того же дня Энвер-паша в германском посольстве требовал от Вагенгейма территорий на Кавказе. Что касается прохода германских кораблей через Проливы, то Вагенгейм получил согласие от Энвера еще раньше, чем об этом узнали турецкие министры.

Речь шла о линейном крейсере «Гебен» и легком крейсере «Бреслау». Водоизмещение «Гебена» составляло 25 400 тонн, скорость хода 28 узлов, вооружение: десять 280/50-мм, двенадцать 150/45-мм и двенадцать 88/45-мм пушек и четыре торпедных аппарата. Водоизмещение «Бреслау» 5600 тонн, скорость хода 28 узлов, вооружение: двенадцать 105/45-мм пушек и два торпедных аппарата. Эти корабли были отправлены в Средиземное

море еще в ноябре 1912 г. Начиная с 23 октября 1913 г. «дивизией Средиземного моря» командовал контрадмирал Сушон. К концу июля 1914 г. оба крейсера находились в австрийских портах: «Гебен» — в Поле, а «Бреслау» — в Дураццо.

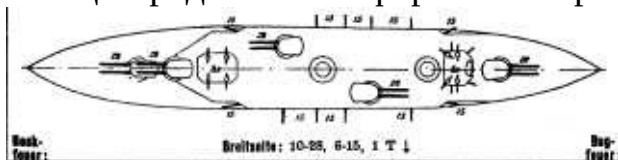

Крейсер «Гебен». Вид сбоку

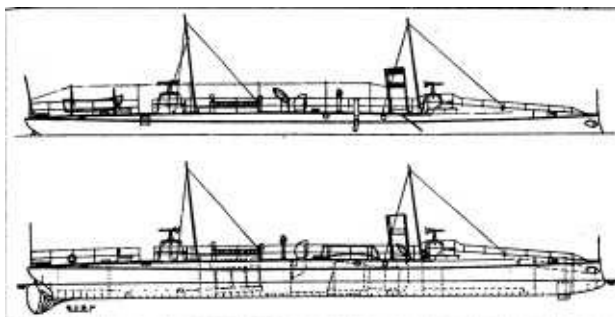
Чудом избежав английских и французских эскадр, германский контр-адмирал Сушон сумел 10 августа прорваться к Дарданеллам. До сих пор историки спорят, имело ли тут место ротозейство, или это злой умысел британских адмиралов.

Турецкие лидеры Джемаль-паша и Энвер-паша объявили о покупке «Гебена» и «Бреслау». Причем якобы сделка была совершена еще до войны. Естественно, эта продажа была фикцией. На крейсерах были подняты турецкие флаги, немецкие офицеры сменили форменные фуражки на фески. Разумеется, крейсера были переименованы. «Гебен» стал «Грозным султаном Селимом» («Явуз Султан Селим»), а «Бреслау» — «Мидилли». В 1920-х гг. кемалисты еще раз переименовали «Гебен» в «Явуз», то есть просто «Грозный». Немецкий контр-адмирал Сушон был назначен командующим всем турецким флотом.

Первым делом Сушон затребовал из Германии сотни офицеров и квалифицированных специалистов из унтер-офицеров и старшин — артиллеристов, минеров, дальномерщиков и других. Их распределили по наиболее боеспособным кораблям и фортам в Босфоре и Дарданеллах. Фортами в Проливах стали командовать два немецких адмирала и 10 старших офицеров. Взяв в свои руки мощную радиостанцию Окмейдан (вблизи Константинополя), немцы восстановили независимую от корабельных радиостанций радиосвязь с фортами в Проливах и Германией.

Крейсер «Гебен». Вид сверху

Турецкие малые миноносцы

Немцы интенсивно готовили турецкий флот к нападению на Россию. Но нельзя возлагать ответственность за вероломное нападение лишь на немецких «советников». Еще в начале 1914 г в Морском штабе Османской империи разрабатывались варианты внезапного нападения на русский флот. Конкретно, фрегат-капитан Али Риза-бей предложил устроить атаку миноносцев на Севастополь, так же, как японцы атаковали русскую эскадру в Порт-Артуре. После же уничтожения или повреждения русских броненосцев в Севастополе лихие вояки планировали высадить десант в районе Одессы. Таким образом, если Сушону и К° приходилось давить на седобородых чиновников во главе с великим визирем, подталкивая их к войне, то наглых молодцов из Морского штаба, типа Али Риза-бея или Рыза Шанир-бея, наоборот, приходилось окорачивать. Немцы объясняли последним, что морской десант в Одессе — это бред; минная атака на Севастополь будет самоубийством, зато можно использовать миноносцы в Одессе.

А далее случилось необъяснимое. Русская разведка знала о подготовке нападения на Севастополь и другие черноморские порты.

27 октября в 20 ч. 35 мин. в Севастополь радировал русский почтовый пароход «Королева Ольга», обнаруживший «Гебен», «Бреслау», «Гамидие» и миноносцы выходящими из Босфора.

28 октября в 10 ч. 20 мин. в Севастополе получили радиogramму с парохода «Александр Михайлович»: «Видим „Гебен“ с двумя миноносцами». В 13 ч. 30 мин. флаг-капитан по оперативной части штаба командующего флотом капитан 1-го ранга Кетлинский запросил по радио пароход «Александр Михайлович»: «Уверены ли, что видели „Гебен“?» В 16 часов был получен ответ: «„Гебена“ прекрасно знаю».

Я умышленно донимаю читателя перечислением предупреждений адмиралу Эбергарду. А что поделывает наш командующий? В 14 часов

28 октября он приказывает немедленно изготовиться к походу... минному заградителю «Прут». Заградитель должен был идти в Ялту за батальоном солдат 62-й пехотной дивизии, которая отправлялась на фронт.

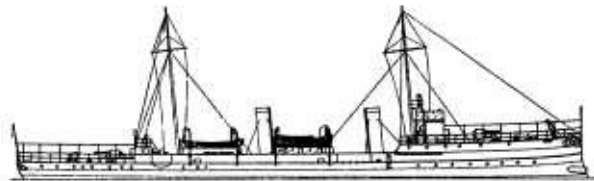
Ну, как говорится, чтобы побыстрее и экзотичнее. Каково солдатам плыть на судне, в трюмах которого находилось 750 мин, причем мин лучших образцов? Все остальные заградители Черноморского флота — «Ксения», «Алексей», «Георгий» и «Константин» — вместе имели на себе запас около 800 мин. Таким образом, «Прут» один заключал в себе 50 % «заградительных возможностей Черноморского флота». Первой операцией, которую должен был осуществить флот при наличии уже угрожающих симптомов, была постановка минного заграждения, как это и предусматривалось планом кампании. Поэтому даже отсутствие «Прута», не говоря уже о риске его потери, ослабляло осуществление первых мер предосторожности.

От Ялты до Севастополя 80 км, сейчас рейсовый автобус идет около полутора часов (сам ездил). Пешим порядком батальон дошел бы за 36 часов. Можно было мобилизовать ялтинских извозчиков и частные экипажи — погуляли бы курортницы денек пешком, и доставить батальон за 6 часов.

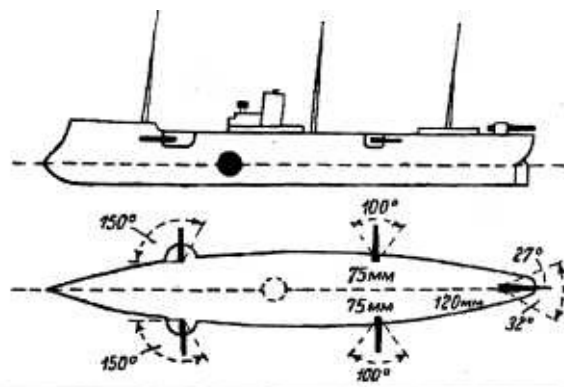
В 17 ч. 28 октября «Прут» вышел в Ялту. Перед Севастополем имелось несколько минных полей, поставленных минными заградителями крепости (то есть Военного ведомства). Эти мины переводились в боевое положение включением электрических цепей на берегу. При размыкании цепей мины становились безопасными для кораблей. В связи с выходом «Прута» цепи разомкнули, а вновь замыкать не стали, ведь «Прут» должен был вернуться через несколько часов.

29 октября в 4 часа 15 мин. утра судами флота была принята открытая радиограмма из Одессы от дежурного парохода РОПИТа: «Турецкий миноносец взорвал „Донец“, ходит в Одесском порту и взрывает суда». Получив это извещение, командующий флотом дал радиограмму: «Война началась». Тем Эбергард и ограничился. Никаких распоряжений о возможности похода не делается, не делается никаких распоряжений и по крепости. Минное заграждение по-прежнему остается разомкнутым.

В 5 ч. 30 мин. на наблюдательном посту на мысе Сарыч заметили прожектор в море. В 5 ч. 58 мин. пост Лукулл донес, что в виду поста, по направлению к Севастополю, идет двухтрубное двухмачтовое судно.

Турецкий минный крейсер

Место попадания торпеды в канонерскую лодку «Донец»

В 6 ч. 12 мин. тот же пост дополнительно сообщил, что замеченное судно имеет башенные установки крупного калибра. Около судна — два миноносца, которые кружатся в районе Лукулла. Три минуты спустя (6 ч. 15 мин.) начальник партии траления донес, что видит «Гебен» в 35 кабельтовых (около 6,5 км) от себя и одновременно с этим, не ожидая приказаний, поворачивает с партией, на траверзе Херсонесского монастыря, в Севастополь.

В 6 ч. 28 мин. береговые батареи Севастопольской крепости по собственной инициативе первыми открыли огонь по «Гебену». Через 2 минуты крейсер открыл ответный огонь по береговым батареям с дистанции 7800 м. Затем «Гебен» перенес огонь на суда, стоящие в порту, на арсенал и военный порт (12 000 м), ведя огонь залпами артиллерии крупного и среднего калибра. Всего было выпущено 47 снарядов 280-мм и 12 снарядов 150-мм. «Гебен» следовал зигзагообразным курсом. После десятого залпа он получил три попадания снарядами крупного калибра около кормовой дымовой трубы. Однако, несмотря на множество осколков, повреждения на верхней палубе оказались незначительными. Один из осколков перебил трубку в одном из котлов, и тот выбыл из строя. Считая, что стрельба по береговым целям, вследствие плохой видимости, будет иметь незначительные результаты, и принимая во внимание сильный огонь береговых батарей, направленный и на эскадренные миноносцы (падения ложились большей частью перелетами, при которых можно лишь удивляться ничтожному количеству попаданий), «Гебен» отвернул и отошел 22-узловым ходом.

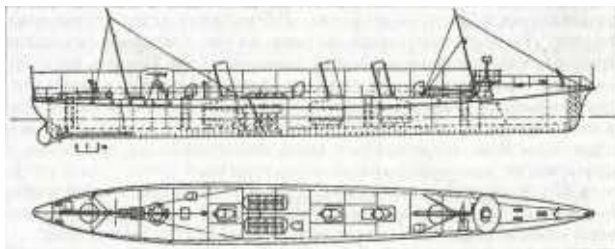
Снаряды «Гебена» легли большей частью на севастопольский рейд, причем осколки разрывающихся снарядов попадали на корабли, в том числе и на заградители. Один из снарядов попал в морской госпиталь, убив и ранив несколько больных. Два снаряда попали в береговые батареи, не причинив им вреда.

В записях минных станций отмечено, что за время с 6 ч. 35 мин. до 6 ч. 40 мин. «Гебен» маневрировал на крепостном заграждении, так как станции определенно отметили в этот период ряд замыканий на двух магистралях, что совпадает с прослеженным путем следования «Гебена», то есть минные заграждения были приведены в боевое положение буквально через несколько секунд после того, как по ним прошли «Гебен» с миноносцами. Подрыв «Гебена» даже на одной mine неизбежно привел бы к его расстрелу береговыми батареями. Севастопольская крепость одна, без флота, сумела бы уничтожить противника, если бы не преступные действия адмирала Эбергарда.

А флот в Севастополе стоял в полном бездействии. Лишь с устаревшего броненосца «Георгий Победоносец», служившего брандвахтой, сделали три выстрела из 152/45-мм орудий.

После обстрела Севастополя «Гебен» потопил минный заградитель «Прут». В Одессе турецкие эсминцы торпедировали канонерскую лодку «Донец». На рассвете 29 октября крейсер «Бреслау» и минный крейсер «Берк-и-Сатвет» обстреляли с дистанции 4 км торговый порт Новороссийск. Среди объектов бомбардировки были радиостанция, жилые дома и нефтехранилище.

Легкий крейсер «Гамидие» (под командованием немецких офицеров) в 6 ч. 30 мин. утра 29 октября подошел к торговому порту Феодосия и в течение часа обстреливал город, выпустив 150 снарядов. Целями бомбардировки были портовые краны, вокзал, водопроводная башня и склады. Обратно «Гамидие» шел вдоль крымского берега и попутно утопил пароход «Шура» водоизмещением 1223 т и парусник в 300 т. Их команды были взяты на борт крейсера. 31 октября в полдень «Гамидие» вошел в Босфор.

Легкий крейсер «Гамидие»

11 ноября 1914 г. султанским фирманом была объявлена война России, Англии и Франции. К тому времени 70-летний султан Мехмед V был лишь номинальным правителем. «А нам действительно нужна война?» — растерянно спросил султан у Энвера-паши. Тот ответил: «Аллах велик. Мудрость Всемогущего безгранична».

Главной задачей германско-турецкого флота в течение всей войны была оборона Проливов (Дарданелл от союзников, а Босфора — от русских).

Второй по важности задачей было обеспечение коммуникаций на Черном море. Железных дорог и шоссе в азиатской части Турции было крайне мало, поэтому роль морских перевозок было трудно переоценить. Наиболее важными коммуникациями были перевозка угля из порта Зунгулдак в Стамбул и перевозка войск и боеприпасов на Кавказский фронт. Меньшее значение имели перевозки грузов из портов Румынии и Болгарии в Стамбул.

Угольный район азиатского побережья, включавший в себя Зунгулдак, Козлу, Эрегли, Килимли, Парфени и другие пункты, издавна снабжал Константинополь и прилегающие к нему местности углем. Зунгулдакский уголь был невысокого качества и уступал английскому углю, но экспорт последнего был прекращен после начала войны. Единственный путь доставки угля из района Зунгулдака был морской, поскольку Стамбул и Зунгулдакский район не были связаны ни железной, ни шоссеиной дорогой. Естественно, что русский флот пытался пресечь или по крайней мере уменьшить перевозки угля из Зунгулдака.

4 ноября 1914 г. русская эскадра вышла в море. Уже в море корабли разделились. Четыре новых эсминца — «Дерзкий», «Гневный», «Пронзительный» и «Беспокойный» — пошли к Босфору ставить мины, а остальные корабли двинулись к Зунгулдаку.

Эсминцы приняли в перегруз по 60 мин. В ночь с 5 на 6 ноября мины были выставлены у Босфора в 12 милях (22,2 км) от берега. В случае встречи с сильнейшим неприятелем эсминцы должны были отойти под прикрытие эскадры, находившейся в море. В целом постановка была выполнена хорошо, но ввиду неточности счисления и отсутствия промера мины были поставлены на больших глубинах, и многие из них под воздействием давления воды взорвались. За время постановки на эсминцах было насчитано более 50 взрывов. Таким образом, поставленное заграждение было в большей части уничтожено в момент постановки.

Основная часть эскадры, в составе которой были броненосцы «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Три Святителя», «Ростислав», крейсера «Кагул», «Память Меркурия», «Алмаз» и девять эскадренных миноносцев, направилась сперва к европейским берегам, откуда спустилась к Босфору с целью прикрыть операцию постановки мин. По ее выполнении флот лег курсом на Зунгулдак с расчетом подойти к Угольному району с рассветом 6 ноября.

В 7 ч. 30 мин. 6 ноября русские корабли увидели берег в районе Зунгулдака. От эскадры отделились и пошли к порту броненосец «Ростислав», крейсер «Кагул» и шесть эсминцев.

В 8 ч. 20 мин., подойдя на дистанцию 75 кабельтовых (13,9 км), «Ростислав» открыл огонь из 254-мм пушек. В 8 ч. 50 мин. стрельба была окончена. Было выпущено 26 снарядов, к этому времени дистанция до порта составляла 59 кабельтовых (10,9 км). На берегу было замечено несколько пожаров.

«Кагул» подошел к берегу на дистанцию 42 кабельтовых (7,8 км) и в 9 ч. 5 мин. открыл огонь из 152-мм пушек по элеватору, а затем — по гавани. После первых 15 залпов всю гавань заволокло дымом, поэтому стрельбу пришлось перенести на заводские постройки.

Всего было сделано 30 залпов и израсходовано 230 снарядов калибра 152 мм. В 9 ч. 30 мин. крейсер окончил стрельбу и присоединился к флоту. Во время бомбардировки под берегом, в районе Зунгулдака, были замечены два парохода, один из которых был уничтожен эсминцами, а другой расстрелян «Кагулом» на обратном пути к эскадре.

К 11 часам, по присоединении «Кагула» и эсминцев, эскадра, построившись в походный порядок, двинулась обратно в Севастополь. Но тут крейсер «Память Меркурия» увидел слева в море силуэты трех пароходов. Это оказались три больших турецких транспорта — «Безми Ален», «Митхад-Паша» и «Бахри Ахмет», шедшие в Трапезунд с войсками для турецкой армии, действовавшей на Кавказе. Огнем эскадры все три транспорта около 11 ч. 30 мин. были потоплены, причем эсминцами спасена часть команды и перевозившихся войск.

Эти транспорты, выйдя ночью из Босфдра, следовали без конвоя вдоль азиатского побережья и, обнаружив русскую эскадру, намеревались, пользуясь мглой, обойти ее, но были замечены.

Покончив с транспортами, эскадра взяла курс на Севастополь и, выдержав на обратном пути сильный шторм, 7 ноября вернулась в базу.

Обстрел Зунгулдака был малоэффективен из-за очень плохой видимости, но уничтожение транспортов с войсками было серьезной неудачей турок.

Турки пытались прикрыть перевозку войск всеми боеспособными кораблями. 5 ноября вышли в море крейсера «Бреслау» и «Гамидие» для непосредственного прикрытия транспортов. Сам контр-адмирал Сушон на «Гебене» в сопровождении минного крейсера «Берк-и-Сатвет» вышел 6 ноября в 3 ч. 35 мин. из Босфора с целью войти в боевое соприкосновение с русскими и произвести демонстрацию у Севастополя, которая должна была

отвлечь внимание русских от турецких транспортов.

Однако из войсковых транспортов до места дошел лишь пароход «Ак-Денис», доставивший три тысячи солдат в порт Трапезунд.

6 ноября в 9 ч. 20 мин. «Гебен» взял курс на Ялту, на южную оконечность Крыма, но в 9 ч. 30 мин. получил радиogramму из Стамбула, гласившую, что в 8 часов были замечены 10 русских военных кораблей у Зунгулдака. Сушон сразу же отправился на поиски русской эскадры, но ее не нашел и рванулся к Босфору. Германо-турецкое командование решило, что русские после Зунгулдака пойдут обстреливать укрепления Босфора. К выходу из Босфора были подтянуты два старых броненосца, «Хайреддин-Барбаросса» и «Торгут-Рейс», которые вместе с «Гебеном» должны были дать генеральное сражение русской эскадре. Но, как мы уже знаем, ждали они напрасно, русские броненосцы уже стояли в Севастополе.

В отместку за обстрел русскими Зунгулдака Сушон приказал «Бреслау» обстрелять порт Потти. 7 ноября в 7 ч. 20 мин. «Бреслау» с дистанции 2–2,5 км (по немецким данным), а вероятнее, с 4,5–5,5 км (по русским данным), выпустил по Потти 81–105-мм снаряд. Особых разрушений в порту не было. С берега ему ответила полевая батарея. Попаданий в крейсер не было, но в 8 часов он прекратил огонь и ушел полным ходом.

В ответ на бомбардировку Потти русская эскадра в том же составе (5 броненосцев, 2 крейсера и 12 эсминцев) утром 17 ноября обстреляла Трапезунд. Собственно, обстрел был проведен «Ростиславом» и «Памятью Меркурия», а остальные корабли прикрывали их.

Контр-адмирал Сушон решил перехватить русских. 17 ноября в 15 ч. 30 мин. «Гебен» и «Бреслау» вышли из Босфора. На следующий день в 11 ч. 40 мин. у берегов Крыма в районе мыса Сарыч крейсер «Алмаз» обнаружил дымы вражеских кораблей, а радиостанции эскадры перехватили переговоры «Гебена» и «Бреслау».

Вскоре противники в тумане заметили друг друга. В 12 ч. 20 мин. с дистанции 40 кабельтовых (7,4 км) «Гебен» и флагманский корабль Эбергарда «Евстафий» почти одновременно открыли огонь. В течение 10 минут боя русские корабли сделали 30 выстрелов из 305-мм орудий, из которых в «Гебен» попало только три. Кроме того, было сделано несколько десятков выстрелов из 152- и 203-мм орудий, из которых 11 попали в цель. Почти все попадания принадлежали «Евстафию». Дело в том, что все пять русских броненосцев должны были стрелять централизованно, причем управление централизованным огнем находилось на «Иоанне Златоусте», шедшем за «Евстафием». Но по приказанию Эбергарда стрельба была

начата «Евстафием» самостоятельно. Ряд историков считает это ошибкой, спасшей «Гебен» от гибели. Другие, наоборот, утверждают, что это было правильным решением, так как «Иоанн Златоуст» постоянно передавал по радио неверную дистанцию до «Гебена» — 60 кабельтовых, то есть ошибался на 20 кабельтовых. На «Гебене» было убито, 105 человек и ранено около 50 человек. 305-мм снаряд попал в каземат 152-мм орудий и вызвал там пожар. Заряды, находившиеся в каземате, не взорвались, так как находились в гильзах. У немцев все орудия имели гильзовое зарядание, а не картузное, как у русских и англичан. Латунные гильзы спасли несколько германских кораблей в ходе Ютландского боя.

«Гебен» успел выпустить девятнадцать 280-мм снарядов, 150-мм пушки использовать ему не удалось.

«Евстафий» получил четыре попадания 280-мм снарядами. Первым была пробита средняя дымовая труба и взрывом снесена бортовая радиосеть. Вторым и третьим, попавшими одновременно, были достигнуты попадания в батарейную палубу с пробитием 127-мм брони и повреждением внутренних помещений и оборудования и в правый носовой 152-мм каземат на стыке двух броневых 152-мм плит. Четвертый снаряд при разрыве у борта об воду осколками изрешетил небронированный борт в носовой части вблизи ватерлинии. Потери: убито 5 офицеров и 29 человек команды, ранено 24 человека команды.

Остальные русские корабли и немецкий крейсер «Бреслау» повреждений не имели.

После 10-минутной дуэли «Гебен» и «Бреслау» начали отход и скрылись в густом тумане.

20 ноября крейсер «Гамидие» в 6 часов утра открыл огонь по городу Туапсе с дистанции 8–11 кабельтовых (15–20 км). В течение часа он выпустил 80 снарядов по нефтяным цистернам, но пожара не последовало. Кроме того, была обстреляна радиостанция.

18 ноября минные заградители «Ксения» и «Константин» выставили заграждения у портов Трапезунд, Платана, Уние и Самсун. Это затруднило и задержало выгрузку транспортов с грузом для Кавказской армии.

В конце ноября погиб со всем экипажем минный заградитель «Нилуфер». Около Килии, севернее входа в Босфор, были прибиты его обломки, флаг и трупы двух германских матросов. По-видимому, «Нилуфер» или подорвался на русской мине, или стал жертвой собственных мин.

Германский генерал Лиман фон Зандерс, командовавший сухопутными силами в Проливах, потребовал проведения высадки турецких войск в

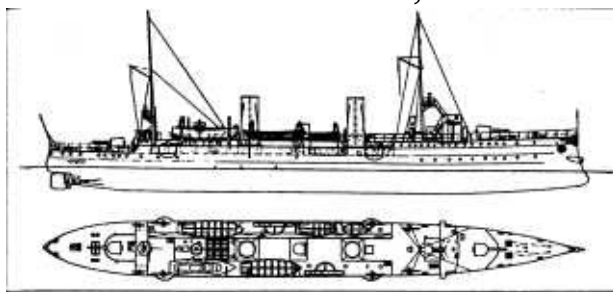
районе Анкермана. Контр-адмирал Сушон был категорически против десанта. В конце концов намечаемая большая десантная операция вылилась в авантюру — высадку на русское побережье 24 турецких кавалеристов, одетых в русскую униформу, и при этом часть из них умела говорить по-русски. Целью высадки являлось разрушение железной дороги Бендеры — Рени и уничтожение соседних деревень. По выполнении задачи отряду надлежало прорваться в Румынию.

В ночь с 6 на 7 Декабря с турецкого парохода было высажено 24 десантника. Пароход конвоировал крейсер «Бреслау». Высадка прошла успешно, а пароход благополучно вернулся в Босфор. Однако диверсанты были вскоре обнаружены русскими и в полном составе сдались в плен.

«Бреслау» же пошел к берегам Крыма и безрезультатно обстрелял тральщики, проводившие контрольное траление. Крейсер был атакован русским самолетом. Однако его бомбы упали далеко от борта корабля. Это была первая атака самолетом корабля на Черном море/

6 декабря «Гебен» в сопровождении минных крейсеров «Берк-и-Сатвет» и «Пейк-и-Шевкет» вышел в море для обеспечения переброски сухопутных войск на четырех транспортах, следовавших под конвоем «Меджидие». Перевозились два батальона, две горные батареи, сто кавалеристов, верблюды и снаряжение. Энвер-паша с генералом Бронзарттом следовал на «Гебене», чтобы присоединиться к Третьей армии у Трапезунда.

Конвой прошел благополучно, но из-за русских минных заграждений у Трапезунда войска высаживались восточнее, в Ризе.

Минный крейсер «Пейк-И-Шевкет»

10 декабря после высадки транспорты вышли в море под конвоем «Меджидие» и «Берк-и - Сатвета», а «Гебен» и «Пейк-и-Шевкет» направились к Батуму с целью его обстрела. Верхушки гор были ярко освещены солнцем, а само побережье покрыто туманом. В 12 часов русская радиостанция открыто сообщила: «„Гебен“ у Батума». Из-за плохой видимости под берегом «Гебену» пришлось подойти на 81 кабельтов (15 км). Он выпустил пятнадцать 280-мм снарядов. Стрельба велась с 13 ч. 39

мин. до 13 ч. 48 мин., то есть всего 9 минут. После этого «Гебен» развернулся и полным ходом ушел в море. Снаряды «Гебена» легли совершенно бессистемно — с большими недолетами от береговой батареи Бурун-Табае, в городе, на приморском бульваре и в гавани. Бомбардировка никаких существенных результатов не имела: было повреждено несколько частных домов, осколком пробит борт одного из пароходов, убит один человек и ранено четыре.

Береговые батареи ответили, но попаданий в «Гебен» не было. Перед войной большая часть береговых орудий Михайловской крепости была демонтирована. Как морское, так и сухопутное русское командование придавало большое значение Батуму и собиралось создать там первоклассную береговую оборону. В 1910–1913 гг. там планировалось построить мощные береговые батареи. Они должны были состоять из четырех 356/52-мм двухорудийных башенных установок и шести 152/52-мм двухорудийных башенных установок. Заметим, что береговых установок такой мощности к 1914 г. не было ни в одной стране мира. В 1914 г. в связи с более высокой готовностью 305-мм установок было решено 356-мм башни заменить на 305-мм двухорудийные башенные установки.

Но, увы, к ноябрю 1914 г. под башенные установки в Батуме только начали рыть котлованы. Тогда из Кронштадта в Батум были срочно направлены две 254/45-мм открытые установки с углом возвышения 30°. Во время обстрела «Гебена» эти орудия только устанавливались и не могли вести огонь. К 27 декабря оба орудия были готовы к стрельбе. А к лету 1915 г. в Батуме было установлено еще два 254/45-мм орудия.

Последней операцией в кампанию 1914 г. стала попытка закупорки порта Зунгулдак. Первые же бомбардировки Зунгулдака показали, что, несмотря на разрушения, нанесенные русской эскадрой, добыча и транспортировка угля продолжались. Одновременно выяснилось, что имеющийся в Зунгулдакской гавани прочный мол благодаря своей высоте скрывает стоящие в гавани пароходы настолько, что поверх стенки мола видны обычно только мачты и часть трубы. Таким образом, пароходы были защищены от огня кораблей, особенно эсминцев и крейсеров, которые, обстреливая Зунгулдак и не подходя под действительный обстрел батарей, не могли причинить пароходам существенных повреждений. Показания пленных, подтверждая это, указывали еще и на то, что, мол служит прикрытием как для мелких пароходов, занимающихся буксировкой шаланд, так и для каботажных судов, прячущихся под его прикрытием при появлении русских кораблей.

Это навело командование на мысль предпринять операцию закупорки гавани Зунгулдака затоплением при входе и внутри ее нескольких старых пароходов, нагруженных каменным балластом. Для этой цели были отобраны наиболее изношенные пароходы, имевшиеся в распоряжении Черноморского флота — «Олег», «Исток», «Атос» и «Эрна».

20 декабря русская эскадра вышла из Севастополя. Для прикрытия операции против Зунгулдака отряд минных заградителей («Алексей», «Ксения», «Георгий» и «Константин») выставил в ночь с 21 на 22 декабря у входа в Босфор большое минное заграждение в 600 мин. Непосредственное прикрытие минных заградителей осуществлялось 3-м дивизионом эсминцев. Дальнее охранение минных заградителей осуществляла вся эскадра. Только после ухода минных заградителей в Севастополь эскадра двинулась к Зунгулдаку.

23 декабря в 14 ч. 30 мин. от эскадры отделился отряд кораблей и судов, предназначенных для заграждения порта Зунгулдак. Главным шел «Ростислав», затем — пароходы, «Алмаз» и эсминцы. Так как в скором времени пароход «Эрна» получил повреждение машины, то «Ростислав» взял его на буксир, из-за чего отряд двигался 5,5-узловым ходом. Ввиду свежей погоды начальник отряд разрешил эсминцам держаться по способности, сохраняя строй.

Ночью на пароходе «Эрна» справились с повреждением машины, и он двинулся самостоятельно. 24 декабря к 3 ч. 50 мин. «Ростислав» потерял из виду суда своего отряда, зато обнаружил прожектор неизвестного корабля. Одновременно по радио сообщили, что в море близко работает неприятельская станция, причем уверенно называли «Бреслау».

Это действительно был «Бреслау». 24 декабря в 3 часа ночи он заметил судно, шедшее без огней. Осветив его прожектором, «Бреслау» опознал в нем русский пароход и обстрелял его с дистанции 7 кабельтовых (около 1300 м). Пароход получил несколько попаданий и начал тонуть. Но тут «Бреслау» заметил, что пароход сопровождается каким-то военным двухтрубным кораблем и эскадренными миноносцами. «Бреслау» немедленно отвернул полным ходом на восток.

С рассветом «Ростиславу» удалось собрать весь свой отряд, за исключением парохода «Атос». Ночной атаке «Бреслау» подвергся пароход «Олег». Он получил несколько попаданий и подводных пробоин, но сохранил ход.

А тем временем (в 6 ч. 50 мин.) заблудившийся «Атос» был атакован «Бреслау». После первых выстрелов крейсера команда «Атоса» села в шлюпки и была подобрана немцами. В плен было взято два офицера и 31

матрос. Ранее «Атос» был германским торговым судном, захваченным русскими в начале войны.

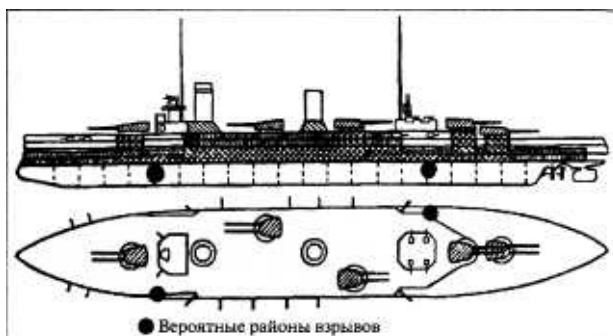
Между тем к 10 ч. 40 мин. 24 декабря «Ростислав», «Алмаз», три парохода и эскадренные миноносцы подошли к Зунгулдаку. Остальная эскадра держалась мористее. Адмирал Эбергард послал миноносец на поиски «Атоса». Вместо «Атоса» миноносец обнаружил «Бреслау», но доложил, что это «Гебен».

Эбергард испугался еще больше и приказал «Ростиславу» и «Алмазу» бросить пароходы и идти на соединение с эскадрой. Бедолаге было мало 16–305-мм, 8–203-мм и 54–152-мм орудий своих четырех броненосцев против 10–280-мм и 10–150-мм орудий «Гебена». Подавай ему еще на всякий случай четыре 254-мм и восемь 152-мм пушек «Ростислава».

Попытка же деблокировать порт без огневой поддержки «Ростислава» и «Алмаза» была бессмысленной. Турецкие береговые батареи заранее бы расстреляли три парохода. Поэтому к 13 часам все пароходы были затоплены в открытом море, а эскадра пошла в Севастополь. «Бреслау» пытался сопровождать русскую эскадру и во второй половине дня 24 декабря и рано утром 25 декабря имел две стычки с русскими турбинными миноносцами, вооруженными 102/60-мм пушками. Стрельба велась с дистанции 65 кабельтовых (12 км) и 55 кабельтовых (10,2 км). Обе стороны попаданий не имели.

«Гебен» же действительно был в море. С 21 по 26 декабря и Сушон был в курсе передвижений русского флота, но после боя с «Евстафием» у адмирала пропало всякое желание встречаться со старыми русскими броненосцами.

26 декабря «Гебен» возвратился в Босфор. Во время последней операции на нем находился генерал-адъютант султана генерал-фельдмаршал фон дер Гольц. В 13 ч. 35 мин. на виду у босфорских дозорных кораблей, на расстоянии одной мили от входного буя, на «Гебене» почувствовали сильное сотрясение в носовой части с правого борта, а через две минуты — второе сотрясение в средней части корабля, с левого борта: флагманский корабль подорвался на минах. Несмотря на то, что крейсер принял около 600 тонн воды, он продолжал путь в Константинополь даже без крена. Как и другие германские корабли, «Гебен» имел лучшую в мире систему непотопляемости.

Повреждение крейсера «Гебен» на русских минах 26 декабря 1914 г.

Это были мины, выставленные отрядом заградителей в ночь на 25 декабря. К удивлению немцев, русские поставили мины на глубине в 180 метров, что, по мнению германских минеров, считалось невозможным.

Для ремонта «Гебена» в Стамбуле не оказалось подходящего дока, и для исправления повреждений пришлось изготовить специальные кессоны.

Так закончился первый год войны на Черном море.

Немцы с успехом использовали свой единственный козырь — линейный крейсер «Гебен». Он безнаказанно действовал по всей акватории Черного моря, в частности, обстреливал даже Батум. Если бы на момент обстрела Батума русская эскадра начала разводить пары в Севастополе, то она, включая тихоходные старые броненосцы, оказалась бы у Босфора ранее, чем туда бы пришел полным ходом «Гебен».

Но адмирал Эбергард постоянно опаздывал, за что получил в офицерских кругах прозвище «Гебенгард».

В феврале 1915 г. англо-французская эскадра попыталась форсировать Дарданеллы. В ее составе был дредноут «Куин Элизабет», линейный крейсер «Инфлексибл», 13 английских и 4 французских броненосца, а также десятки крейсеров, эсминцев и других кораблей.

Операция союзников сразу пошла не по плану. Подавить дарданелльские форты с больших дистанций не удалось, а близко подходить союзные линкоры боялись. В конце концов союзникам удалось высадить в Дарданеллах десант в 68 тысяч человек, которые, закрепившись на небольшом плацдарме у берега, повели позиционную войну с турками.

Русское командование в целях ослабления германско-турецкого давления на союзников в Дарданеллах решило провести демонстрацию у Босфора.

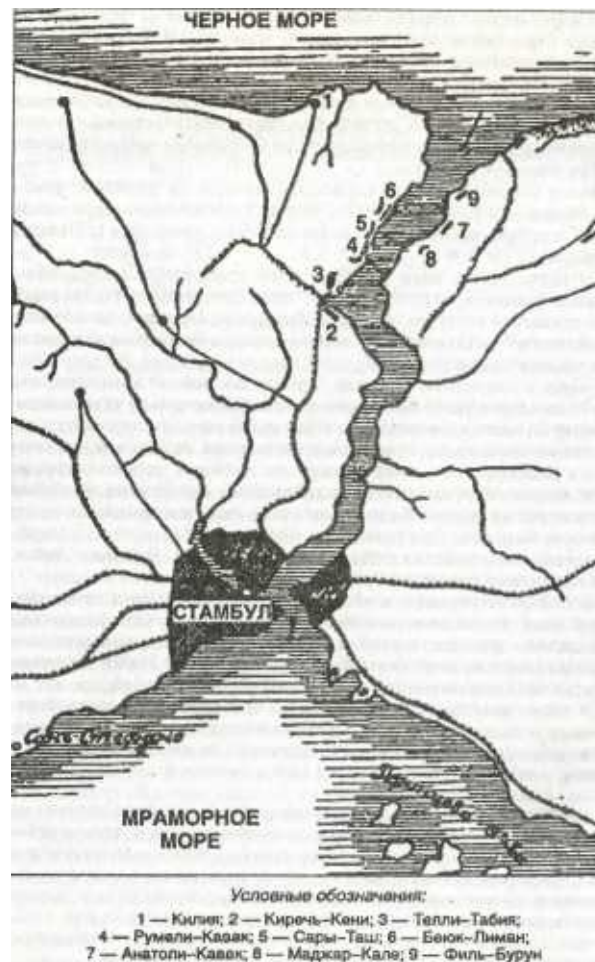
5 марта первый лорд английского адмиралтейства Черчилль сообщил главкомверху великому князю Николаю Николаевичу, что «великобританское правительство самым серьезным образом надеется, что, когда наступит момент прорыва английского флота в Мраморное море, русский флот,

одновременно с началом атаки Дарданелл союзниками, начнет систематическую, с дальнего расстояния, бомбардировку внешних фортов Босфора, чему придаётся первостепенное значение».

Было установлено, что командующие обоими флотами, адмирал Эбергард и адмирал Карден, войдут в постоянную связь между собой и согласуют свои действия в зависимости от хода событий у Дарданелл.

27 марта 1915 г. флот в составе пяти броненосцев («Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Три Святителя», «Ростислав»), трех крейсеров («Кагул», «Память Меркурия», «Алмаз»), одного авиатранспорта^[57] («Николай I»), минной бригады (9 эсминцев) и шести тральщиков^[58] вышел из Севастополя курсом на Босфор. В 6 часов утра 28 марта, с открытием турецких берегов, по сигналу командующего (флаг на «Евстафии») броненосцы «Три Святителя» и «Ростислав», крейсер «Алмаз», авиатранспорт «Николай I», предшествуемые тральщиками и охраняемые эсминцами, отделились от флота и направились к Босфору. Флот, имея в дозоре два крейсера, остался в море на ходу, держась против пролива на расстоянии 12–15 миль. Основная часть кораблей должна была держаться на глубинах свыше 200 м, где не могло быть мин. При появлении «Гебена» бомбардирующие корабли должны были отойти к оставшимся броненосцам. Русские не знали, что «Гебен» еще находится в ремонте.

В 7 часов «Николай I» и «Алмаз», застопорив машины, стали спускать свои гидросамолеты в 10 милях от Босфора. Оба броненосца продолжали двигаться к проливу. В 7 ч. 20 мин., когда тральщики подошли к берегу на расстояние 80 кабельтовых (около 15 км), береговые батареи открыли огонь, но совершенно неэффективный, так как не было видно даже падений снарядов. К 7 ч. 30 мин., когда часть гидросамолетов была спущена и готовилась к полету, было получено приказание командующего флотом: «Не увлекаться бомбометанием, главная задача — разведка».

Пролив Босфор и береговые батареи

Поднявшиеся самолеты были сразу же обстреляны с батарей шрапнелью и ружейным огнем, но безрезультатно. Вскоре первый из вылетевших самолетов донёс, что в устье пролива замечены два небольших миноносца и несколько дальше — минный заградитель.

С приближением броненосцев на указанную дистанцию под азиатским берегом в районе мыса Эльмас был замечен большой четырех-мачтовый однотрубный пароход, видимо, груженный, который пытался прорваться в Босфор, идя полным ходом. Из пролива в это время ему навстречу, сигналив прожекторами, вышли два миноносца. Пользуясь отличной видимостью, броненосец «Три Святителя» немедленно открыл огонь с дистанции 65 кабельтовых (12 км), причем с третьего выстрела было получено первое попадание, а затем, когда пароход повернул к берегу, стремясь уйти под защиту батарей Эльмаса, новое попадание в корму вызвало пожар. Было видно, как команда спускает шлюпки и оставляет горящее судно, вскоре приткнувшееся к отмели. Часа полтора спустя на судне произошел сильный взрыв, окутавший его облаком дыма.

Миноносцы были отогнаны двумя залпами «Ростислава», после чего ушли в Босфор. Русский самолет сбросил бомбу на эсминец «Самсун», упавшую в воду в 50 метрах за кормой.

Покончив с парходом, «Три Святителя» в 10 ч. 30 мин., идя 6-узловым ходом за тральщиками, открыл огонь по азиатским батареям сначала в районе мыса Эльмас, а затем по укреплениям в районе Анатоли-Фенер. Следом шел «Ростислав» и повторял стрельбу по тем же батареям вслед за окончанием стрельбы головного корабля.

Обстрел азиатских укреплений продолжался до 11 ч. 50 мин. По Эльмасу было выпущено 6–305-мм фугасных снарядов, 50–152-мм («Три Святителя») и 10–254-мм («Ростислав») снарядов. По наблюдениям с судов и самолетов, снаряды ложились хорошо, но степень разрушения определить было невозможно, так как точного прицельного огня из-за легкой дымки на берегу вести было нельзя, и обстрел велся по площадям. Батареи не отвечали из-за их малой дальности стрельбы.

К этому времени летчики выяснили, что вплоть до Золотого Рога в проливе больших судов нет. По наблюдениям летчиков, было несколько прямых попаданий в батареи, причем в одном случае был вызван взрыв, давший характерный столб дыма, окутавший на время одну из батарей.

В 11 часов, повернув на обратный галс, броненосцы с той же дистанции обстреляли батареи европейского берега в районе Панас-Бурну, выпустив 19–305-мм и 5–254-мм снарядов. Пересекая линию пролива, броненосцы отчетливо видели ряд ближайших внутренних батарей, где не было мглы. Но они не могли их обстрелять, так как угол возвышения башенных орудий обоих кораблей был мал.

К 12 ч. 30 мин. корабли закончили обстрел и по сигналу командующего пошли на присоединение к своим силам. С их подходом на флагманском корабле был поднят сигнал: «Поздравляю флот с историческим днем первой бомбардировки укреплений Босфора».

Построившись в походный порядок, флот отошел на север. Корабли весь день и ночь провели в море, чтобы с рассветом снова подойти к Босфору и повторить бомбардировку.

На следующий день, 29 марта, флот снова подошел на видимость Босфора. Погодные условия были те же, но мгла стала еще гуще и очертания берегов были едва различимы.

Тем же кораблям и авиатранспорту было приказано повторить бомбардировку. На этот раз задание было несколько иное, и по семафору было передано на бомбардирующие корабли: «Сегодня план маневрирования тот же, расход снарядов тот же. „Ростиславу“ —

вчерашняя батарея на мысе Пайрас, „Трем Святителям“ — две батареи новых пушек южнее Румели-Фенер. Если по вас будут стрелять батареи, то разрешается выбить и другие цели».

Одновременно на авиатранспорт «Николай I» было передано и новое задание для летчиков: «Задача на сегодня: обязательная часть — 1) держать Босфор под непрерывным наблюдением, 2) корректировать стрельбу; часть желательная — проверить глубже место „Гебена“. Летать только на абсолютно исправных аппаратах и брать на себя только выполнимые задачи».

В 7 ч. 10 мин. оба броненосца, предшествоваемые тральщиками и охраняемые эсминцами, направились по назначению.

В 8 ч. 10 мин. «Николай I» спустил первый самолет, вылетевший по назначению.

Однако выполнить бомбардировку не удалось. По мере приближения отряда к Босфору стало ясно, что обстрел состояться не может, так как мгла перешла в густой туман, который к 9 часам настолько усилился, что головной эсминец, шедший впереди тральщиков на расстоянии 17 кабельтовых (3150 м), едва был виден. Подойдя на 70 кабельтовых (13 км) к проливу, начальник отряда убедился, что бомбардировка невозможна, и повернул к эскадре, сообщив Эбергарду по радио о невозможности вести прицельный огонь.

Продержавшись до вечера перед Босфором в ожидании противника, флот отошел в море, направившись вдоль азиатского побережья.

30 марта русская эскадра в очередной раз провела обстрел побережья угольного района Эрегли — Зунгулдак. Гидросамолеты с «Николая I» и «Алмаза» бомбили угольные копи.

Турецкая разведка донесла в Стамбул, что в Одессе собрано 20 пароходов, на которые грузятся войска. Это была уже описанная демонстрация 5-го кавказского корпуса. Адмирал Сушон решил уничтожить эти транспорты.

1 апреля вышли из Босфора и пошли к Одессе крейсера «Меджидие» и «Гамидие», эсминцы «Муавенет», «Ядигар», «Ташоз» и «Самсун». Командовал отрядом немец — командир «Меджидие» капитан Бюксель. К 18 ч. 30 мин. 2 апреля отряд был в виду острова Фидониси. В тот же день поздно вечером (в 23 часа) эсминцы поставили тралы, за которыми пошли крейсера. Головными шли «Ташоз» и «Самсун» с тралом, за ними на расстоянии 500–600 м «Муавенет» и «Ядигар» с тралом, за ними в 400–500 м «Меджидие», и, наконец, в 700–800 м «Гамидие». Скорость хода отряда не превышала 9 узлов. Крейсера находились точно за тральщиками, как

вдруг в 6 ч. 40 мин. «Меджидие» подорвался на mine (в 15 милях от Одесского маяка). Взрыв произошел с левого борта в районе носовой кочегарки. Вес взрывчатого вещества русской мины составлял 115 кг. Глубина равнялась 15 метрам (7 сажен). На крейсере застопорили машины, и для спасения личного состава крейсер по инерции выбросился на мелководье, имея руль право-на-борту.

Из-за того что на небольшой глубине корабль не мог окончательно затонуть, были приняты меры к уменьшению его боеспособности. По данным Г. Лорея, затворы орудий были выброшены за борт, а радиостанция уничтожена. Эсминцы сняли команду крейсера, и в 7 ч. 20 мин. «Ядигар» по приказанию командующего отрядом выпустил торпеду для окончательного уничтожения крейсера. Торпеда попала в кормовой погреб, корабль выпрямился, а затем погрузился так, что остались торчать только трубы, мачты и верхние мостики.

Адмирал Сушон приказал отменить нападение на Одессу и отряду кораблей возвратиться домой. Обратный путь прошел без приключений, и рано утром 4 апреля отряд вошел в Босфор. А в это время русские тральщики уже вытравливали мины вокруг затонувшего «Меджидие». Орудия с крейсера были сняты и отправлены на сухопутный фронт. Судя по всему, Лорей врет, что орудия были приведены в негодность. Во всяком случае, автор нашел в Военно-историческом архиве отчет об отстреле двух 152-мм пушек с «Меджидие» на одесском полигоне в 1915 г.

17 апреля были начаты работы по подъему «Меджидие», а 31 апреля он был окончательно поднят и отбуксирован в Одессу. После ремонта, 16 октября 1915 г., «Меджидие» под названием «Прут» был включен в состав Черноморского флота. Он получил новое вооружение — десять 130/55-мм пушек. Однако чрезвычайно запущенное состояние котлов ограничило дальнейшую деятельность «Прута» тремя походами.

Чтобы отвлечь внимание русских от нападения на Одессу, Сушон решил показать «Гебен» и «Бреслау» утром 3 апреля у мыса Херсон, но чуть не наварлся в районе Севастополя на русскую эскадру и начал уходить.

3 апреля в 8 ч. 15 мин. «Гебен» и «Бреслау» обнаружили русские пароходы «Восточная Звезда» и «Провидент» с грузом сахара. После снятия команды оба парохода были затоплены. Затем крейсера снова взяли курс на Босфор. В 11 ч. 10 мин. с «Гебена» увидели эскадру русских кораблей, впереди которой шел «Кагул» и восемь эсминцев. Следует отметить, что «Гебен» не прошел до конца ремонт, и его максимальный ход не превышал 20 узлов.

В 13 ч. 30 мин. «Евстафий» и «Иоанн Златоуст» открыли огонь по «Бреслау» с дистанции 82–93 кабельтовых (15,2–17,2 км), но, сделав около 10 выстрелов, прекратили огонь. Несколько осколков упало на палубу «Бреслау». Около 15 часов русские броненосцы скрылись из виду, остались только крейсера. Видимость, как почти всегда в Черном море, была очень хорошая, дымки отдельных кораблей были видны на 30 миль. Между 17 и 18 часами появилось несколько русских эсминцев, которые вышли влево, чтобы занять благоприятную позицию для атаки. В 20 ч. 41 мин. эсминцы пошли в атаку на «Бреслау», который с дистанции 19–22 кабельтовых (3519–4074 м) еще при хорошей видимости открыл по ним огонь. Один из снарядов нанес незначительные повреждения эсминцу «Пронзительный». Потерь в личном составе не было. Но и торпеды, выпущенные эсминцами, прошли мимо. Всю ночь «Гебен» и «Бреслау» полным ходом шли к Босфору и рано утром 4 апреля были уже в проливе.

«Гебен» вновь встал на ремонт. А русский флот 15 апреля вновь обстрелял Зунгулдак и Эрегли.

1 мая русский флот в составе броненосцев «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Три Святителя», «Ростислав»; бригады крейсеров «Кагул», «Память Меркурия», «Алмаз»; авиатранспорта «Николай I»; минной бригады (9 эсминцев) и четырех заградителей («Ксения», «Алексей», «Константин», «Георгий») в качестве морских тральщиков вышел из Севастополя для бомбардировки Босфора.

В 5 ч. 15 мин. 2 мая флот подошел на видимость Босфора. Погода стояла ясная, море было спокойное, видимость хорошая, пролив совершенно чист.

В 7 часов по. сигналу командующего флотом авиатранспорт «Николай I» приступил к спуску гидросамолетов. Так как целью самолетов была только разведка, а не бомбардировка, то самолеты спускались по одному и отправлялись на разведку поочередно.

Кроме одного парохода, полным ходом уходившего в глубь Босфора, никаких других судов в проливе не было. В 7 ч. 15 мин. командующий сигналом приказал назначенным для бомбардировки броненосцам «Три Святителя» и «Пантелеймон» с тральщиками идти по назначению.

Отделившись от флота, оба корабля направились к Босфору, но вынуждены были из-за опоздания подачи тралов задержаться, и только в 8 ч. 40 мин., вступив в кильватер тральщикам, дали ход. К этому времени вернувшийся с разведки самолет сообщил, что пролив вплоть до Золотого Рога чист от больших судов, но что около Румели-Фенер замечены подводная лодка и два тральщика, и что в проливе находятся два

миноносца, укрывшиеся под берегом.

В 9 ч. 47 мин., пройдя на расстояние 58 кабельтовых (10,7 км) к мысу Эльмас, корабли открыли огонь, обстреливая на 6-узловом ходу последовательно батареи, расположенные в районе Эльмаса, Фенераки, Каридже, Беюк-Лимана и Килии. «Пантелеймон», обладавший более дальнобойной артиллерией, обстрелял районы Филь-Бурун, батареи верхнего и нижнего Анатоли-Кавака. Перенесся затем огонь в сторону европейского берега, корабли обстреляли батареи Килии с расстояния 54–63 кабельтовых (10–11,7 км).

В 10 ч. 40 мин. у Килии, приблизительно на середине между берегом и кораблями, был замечен движущийся по направлению к кораблям бурун, который был признан за след перископа подводной лодки. Сразу с кораблей был открыт огонь 152-мм артиллерией, причем после первых накрытий бурун исчез. Однако ряд офицеров считал, что бурун принадлежал стае дельфинов.

Закончив обстрел Килии, корабли легли на обратный галс, чтобы повторить обстрел. На этом галсе, как только корабли вошли в зону пролива, внутренние батареи открыли огонь, причем с батареи Маджар-Кале, расположенной на азиатском берегу, стреляли мортиры, а с батареей в районе Румели-Кавака — пушки. Батареи клали свои снаряды с недолетами до 15–20 кабельтовых (2,8–3,7 км). В результате обстрела нашей корабельной артиллерией в районе мыса Эльмас за фортом Рива произошел сильный взрыв, вызвавший большой пожар.

В 11 ч. 45 мин. корабли легли на соединение с флотом. «Пантелеймон», идя концевым, до 12 ч. 2 мин. продолжал обстрел из кормовой башни.

Вся бомбардировка продолжалась 2 ч. 15 мин. Судами было израсходовано: 56–305-мм снарядов и 195–152-мм снарядов («Три Святителя»); 110–305-мм снарядов и 333–152-мм снаряда («Пантелеймон»).

Во время бомбардировки в воздухе попеременно находилось пять наших самолетов, один из которых из-за неисправности мотора совершил вынужденную посадку на воду поблизости от пролива и был отведен к «Николаю I» спущенным с него паровым катером. Воздушная разведка продолжалась до возвращения бомбардировавших кораблей к флоту, и никаких данных о передвижениях крупных кораблей не дала.

В 13 ч. 35 мин. «Три Святителя» и «Пантелеймон» присоединились к основным силам флота. Эсминцы были снабжены углем, а затем флот отошел в море, где продержался всю ночь.

Одновременно с бомбардировкой Босфора командующий флотом на рассвете 2 мая послал «Кагул» и «Память Меркурия» в Угольный район с задачей обойти побережье и уничтожить все находящиеся в пунктах угольных погрузок суда. Обойдя весь заданный район, крейсера обнаружили в Козлу один стоящий под самым берегом трехмачтовый небольшой однотрубный пароход, который и был уничтожен артиллерийским огнем. Ни в Зунгулдаке, ни в Килимли судов обнаружено не было.

На обратном пути к Босфору крейсерами был утоплен парусный барк. В 21 час 31 мин. оба крейсера вернулись к флоту, заняв свои места в дозоре.

Проведя ночь в море, флот с рассветом снова подошел к Босфору для повторения бомбардировки.

Летчики доложили об обнаружении подводных лодок. Кроме того, с кораблей были замечены подозрительные буруны, которых ранее никогда не видели. В такой ситуации командующий флотом признал рискованным отделять для бомбардировки «Пантелеймон», так как в случае удачной атаки на него 1-я бригада броненосцев (наиболее сильная) теряла одну треть своей силы и в случае боя с «Гебеном» оказывалась в неблагоприятных условиях, особенно если бы ей приходилось прикрывать подбитый «Пантелеймон». Поэтому его заменили «Ростиславом».

Чтобы дать бомбардирующим броненосцам большую свободу маневрирования в случае атаки подводных лодок, было решено проводить ими бомбардировку отдельно, а не в сопровождении тральщиков, ограничивающих ход броненосцев 6–7 узлами. Броненосцы должны были двигаться по заранее протраленным районам. Поэтому тральщики и эсминцы были заранее посланы к Босфору, где их задачей было обследовать и приготовить три маневренных площади у европейского побережья пролива, в районах Кара-Бурну и Чаталджи.

В 7 часов с авиатранспорта был спущен первый самолет, который через 40 минут вернулся и сообщил, что пролив чист от судов.

К 9 часам зыбь усилилась, и весь пролив заволокло густым туманом. В 9 ч. 25 мин. «Николай I» прекратил спуск самолетов, так как зыбь усилилась и один из самолетов получил уже из-за этого повреждения. Другой самолет, вернувшийся из разведки, сообщил, что в районе Босфора стоит густой туман высотой до 200 м, мешающий самолетам ориентироваться во время полета.

В 11 часов начальник минной бригады, руководивший работой тральщиков, сообщил, что первые две площади протралены, и прислал к

флоту эсминец «Зоркий» для проводки «Трех Святителей» и «Ростислава» к району начала бомбардировки.

В 11 ч. 10 мин. оба корабля отделились от флота и направились по назначению. Перед броненосцами стояла задача обстрелять приморский фронт района Кара-Бурну и укрепления на правом фланге Чаталджинских позиций. Обстрел этого района должен был убедить неприятеля в намерении русского командования высадить десант на европейском берегу.

В 12 ч. 45 мин. полеты самолетов возобновились. Самолетам было приказано наблюдать за Босфором или оставаться в районе операции, в зависимости от условий погоды.

Разведка с воздуха показала, что Босфор пока чист от неприятельских кораблей. Не было обнаружено никаких кораблей и в районе Кара-Бурну.

В 14 ч. 40 мин. корабли подошли к протраленным районам и начали бомбардировку.

В 16 ч. 10 мин. бомбардировка была закончена, и корабли к 18 часам присоединились к флоту.

Всего «Три Святителя» выпустил 132–152-мм снаряда, а «Ростислав» 39–254-мм снарядов. Стрельба велась с дистанции 55 кабельтовых (10,2 км), вне дальности огня турецких береговых батарей, которые, естественно, молчали.

Отойдя на ночь в море, флот к утру снова подошел к европейскому берегу, на этот раз в районе Иниады.

В 6 ч. 20 мин. «Ростислав» пошел по протраленному заранее пространству к бухте Иниады. С дистанции 35 кабельтовых (около 6,5 км) по указанию крейсера «Память Меркурия» «Ростислав» обстрелял почту и телеграф, но никаких военных объектов не обнаружил, тем более что вся прилегающая к бухте местность была покрыта густым лесом.

Выполнив задание, корабли отошли к флоту. 5 мая флот благополучно вернулся в Севастополь. .

Лорей писал, что бомбардировки русским флотом Босфора не причинили вреда турецким береговым батареям. Отечественные историки не приводят никаких конкретных данных о причиненном туркам ущербе. Поэтому обстрел Босфора был пустой тратой дорогостоящих снарядов крупного калибра. В 1915 г. Главное Артиллерийское управление издало приказ, где говорилось: «...стрельба без четко поставленной цели является преступной тратой снарядов». Но Эбергард и К^о не подчинены Главному Артиллерийскому управлению, так почему бы не поугадать басурман, да еще, глядишь, и крестик получить.

Рано утром 10 мая русская эскадра вновь подошла к Босфору. В 5 ч. 40

мин. русские корабли были обнаружены турецким дозорным миноносцем «Нумуне». В 6 ч. 40 мин. на разведку Босфора вылетел русский гидросамолет. В 7 ч. 10 мин. русские тральщики приступили к тралению. За ними двинулись броненосцы «Пантелеймон» и «Три Святителя», предназначенные для обстрела береговых укреплений. Миноносец «Нумуне» пытался обстрелять тральщики, но был отогнан огнем броненосцев.

В это время «Гебен» находился в Черном море между Босфором и Эрегли. Получив радиограмму с «Нумуне», «Гебен» быстро двинулся в Босфор.

В 6 ч. 45 мин. крейсер «Кагул» обнаружил «Гебен». В 7 ч. 05 мин. адмирал Эбергард приказал «Пантелеймону» и «Трем Святителям» прервать операцию и возвратиться к основным силам.

В 7 ч. 50 мин. «Гебен» с дистанции 87,4 кабельтовых (16,2 км) открыл огонь по русской эскадре. В 7 ч. 54 мин. «Евстафий» открыл ответный огонь. Через 15 минут открыл огонь «Пантелеймон», который еще не успел соединиться с эскадрой. «Гебен» получил два попадания 305-мм снарядами. Один снаряд попал в бак и проник в жилую палубу, но пожара не вызвал. Второй снаряд попал ниже ватерлинии, разорвался, вероятно, у нижней кромки брони, причинил повреждения в бортовом коридоре и вывел из строя второе 150-мм орудие левого борта. Один из 152-мм снарядов попал в ящик для уборки противоторпедных сетей, и сеть свесилась за борт. Потерь в личном составе не было. Тем не менее «Гебен» дал полный ход и стал уходить. В 8 ч. 12 мин. стрельба прекратилась. Попаданий в русские корабли не было. Но из-за большой разницы в скорости (до 10 узлов) русские броненосцы не смогли преследовать «Гебен», ушедший в свою нору — Босфор. В 14 ч. 50 мин. того же дня, 10 мая, русская эскадра двинулась обратно в Севастополь. Обстрел укреплений Босфора был сорван, зато адмирал Сушон еще раз убедился, чем грозит «Гебену» встреча с русскими броненосцами.

В 1915 г. на Черном море началась и подводная война. К началу войны германо-турецкие силы не имели подводных лодок в зоне Проливов. Русские же располагали четырьмя подводными лодками — «Карась», «Карп», «Лосось» и «Судак». Кроме того, осенью 1914 г. из Владивостока в Севастополь по железной дороге были переброшены подводные лодки «Налим» и «Скат». Но все они были устаревшими малыми подводными лодками прибрежного действия.

Немцы направляли свои подводные лодки в Средиземное море двумя путями — вокруг Европы через Гибралтарский пролив и в разобранном

виде по железной дороге в австрийскую военно-морскую базу Пола, где они собирались и спускались на воду. Первой подводной лодкой, отправленной на Восточный театр военных действий, была UB-8. Ее отправили по железной дороге 20 марта 1915 г., в Полу она прибыла 25 марта и сразу же была собрана. После нескольких пробных походов UB-8 второго мая морем направилась в Турцию. После серии приключений 8 июня подводная лодка UB-8 вошла в Дарданеллы.

Подводная лодка U-21 25 апреля 1915 г. вышла из Вильгельмсгафена (Германия). В территориальных водах Испании лодка была дозаправлена топливом с германского парохода, что являлось грубым нарушением международного права. 13 мая U-21 зашла в австрийскую базу, где за неделю была отремонтирована и вновь вышла в море. 24 мая U-21 уже была в Эгейском море. Как уже говорилось, U-21 потопила английские броненосцы «Трайомф» и «Маджестик». 5 июня подводная лодка U-21 прибыла в Стамбул для поднятия морального духа турок.

11 мая 1915 г. из Полы, куда она прибыла по железной дороге, вышла третья германская подводная лодка — UB-7. 21 июня она также пришла в Стамбул.

Первой германской подводной лодкой, вышедшей в Черное море, стала UB-7. С 5 по 22 июля 1915 г. она безрезультатно крейсировала вдоль болгарского и румынского побережья.

В 1915 г. получил пополнение и русский подводный флот. 26 февраля были введены в строй подводные лодки «Нерпа» и «Тюлень», в марте — «Морж», в июне — подводный минный заградитель «Краб». 23 августа вошла в строй подводная лодка «Нарвал», а 9 сентября — «Кит».

В конце мая — начале июня 1915 г. крейсер «Бреслау» обеспечивал проход транспортов в порт Зунгулдак. В ночь с 10 на 11 июня «Бреслау» имел бой с эсминцами «Гневным» и «Дерзким», которые вечером 10 июня обстреляли Зунгулдак. Бой происходил на дистанции 10–12 кабельтовых (1,9–2,2 км). От нескольких выпущенных эсминцами торпед «Бреслау» уклонился, зато получил три попадания снарядами. Потери составили 7 человек убитыми и 15 ранеными. Боеспособность «Бреслау» не пострадала, поврежденная радиостанция была быстро исправлена. Снаряд с «Бреслау» перебил на «Гневном» главный паровой трубопровод, и эсминец на несколько часов лишился хода. По исправлении повреждений оба эсминца благополучно вернулись в Севастополь.

А через три дня новая пара эсминцев потопила у Зунгулдака четыре угольных транспорта и два буксира.

В середине июля русский флот должен был провести важную

операцию — проводку первого русского дредноута «Императрица Мария» из Николаева в Севастополь.

Для обеспечения операции 14 июля к Босфору подошли сразу четыре русские подводные лодки — «Морж», «Нерпа», «Тюлень» и «Краб». У маяка Анатоли-Фенер «Краб», находясь в подводном положении, выставил 58 мин. На следующий день по выставленным минам немцы поняли, что заграждение поставлено подводной лодкой. Район был протрален, но, по отечественным данным (Н.А. Залесский и другие), на минах «Краба» подорвалась канонерская лодка «Иса Рейс». По турецким же данным, «Иса Рейс» подорвалась у Босфора 11 июля. Лодка была отбуксирована в Стамбул, где и ржавела до 1924 г.

18 июля 1915 г. в 20 км от турецкого берега близ Босфора на русской mine подорвался крейсер «Бреслау». Мина взорвалась под четвертой кочегаркой правого борта, которая сразу же заполнилась водой. Крейсер принял 642 тонны воды, но это не отразилось на его плавучести. При взрыве было убито 8 человек. Крейсер направился к берегу малым ходом, чтобы пристать к мелководу. Навстречу ему вышли канонерские лодки, чтобы провести его с тралом.

Исправление повреждений крейсера «Бреслау» было сильно осложнено недостаточностью оборудования порта ремонтными средствами, недостатком материалов и низкой квалификацией рабочих. В результате «Бреслау» находился в ремонте 7 месяцев и вышел в море только 27 февраля 1916 г.

Для прикрытия перехода «Императрицы Марии» в море вышли все пять броненосцев. Сам дредноут шел в сопровождении крейсера «Память Меркурия», авиатранспорта «Александр I», восьми эсминцев и посыльного судна «Ласточка». 14 июля «Императрица Мария» была торжественно встречена в Севастополе.

Ввод в строй дредноута означал принципиальное изменение тактики русского флота. Теперь крупные русские корабли могли, не боясь «Гебена», действовать двумя отрядами. В одном была «Императрица Мария», а в другом — три броненосца: «Евстафий», «Иоанн Златоуст» и «Пантелеймон».

10 августа два русских крейсера и пять эскадренных миноносцев в очередной раз обстреляли Зунгулдак. В тот же день у Зунгулдака подводная лодка «Тюлень» потопила торпедой, выпущенной из подводного положения, транспорт с углем. В это же время «Гебен» вывел из Босфора встречный конвой из четырех парусных угольных транспортов и повел их в Зунгулдак. Вечером 11 августа подводная лодка «Морж» у Босфора в

подводном положении выпустила торпеду в «Гебен» с дистанции 16 кабельтовых (около 3 км), но промазала. «Гебену» удалось удачно провести конвой в оба конца.

В ночь с 4 на 5 сентября из Зунгулдака вышел отряд угольных транспортов в сопровождении крейсера «Гамидие» и эсминцев «Нумуне» и «Муавенет». В 6 ч. 30 мин. показались русские эсминцы «Пронзительный» и «Быстрый». Транспорты получили приказание продолжать путь под берегом, а крейсер и оба эсминца в 6 ч. 40 мин. приняли бой. Дистанция в 66–76 кабельтовых (12,2–14 км) не позволила турецким эсминцам принять участие в стрельбе. Русские стреляли превосходно, большей частью залпами в быстрой последовательности. Они держались на большой дистанции и, когда «Гамидие» поворачивал на них, отходили. Лорей пишет, что «Гамидие» мог использовать только два своих 150-мм орудия. Совершенно непонятно, почему немцы не могли использовать и шесть 120/50-мм орудий, которые были на крейсере в 1915 г. Дальность стрельбы их достаточно велика. По словам Лорея, огонь «Гамидие» не мог выдержать сравнения с огнем русских, тем более что оба орудия вскоре выбыли из строя: носовое — после первого выстрела, кормовое — после 33-го. Повреждения не могли быть исправлены корабельными средствами. «Гамидие», маневрируя, уклонялся от попаданий. Так как артиллерия его была выведена из строя, он был вынужден вызвать на помощь «Гебен», который находился в полной готовности и в 9 часов вышел из Босфора. «Гамидие» держался возможно ближе к транспортам, чтобы довести их до Босфора. В это время показался перископ русской подводной лодки «Нерпа». Попытка протаранить «Нерпу» не удалась. Бой отвлекал турецкие эсминцы и «Гамидие» все дальше от транспортов. По-видимому, русские к этому и стремились. В 9 ч. 23 мин. они неожиданно повернули на восток и полным ходом пошли на транспорты. Транспорты при приближении «Пронзительного» и «Быстрого» поспешили выброситься на берег и были уничтожены огнем русским эсминцев. В итоге турки потеряли 10 780 тонн угля. Затем «Пронзительный» и «Быстрый» ушли в Севастополь. «Гебен» появился после их ухода. На обратном пути 6 сентября «Гебен» был атакован подводной лодкой «Нерпа», но неудачно.

5 сентября 1915 г. из Босфора вышла подводная лодка UB-8, на которую в Стамбуле было установлено 37-мм орудие. Из этого орудия ей было расстреляно три русских парусника. 11 сентября в 5 часов она обстреляла из пушки баракы у мыса Чауда близ Феодосии, где помещалась торпедная пристрелочная станция Морского ведомства. Учитывая калибр пушки, обстрел имел лишь моральный эффект. Уничтожив еще один

парусник, UB-8 16 сентября вошла в Босфор.

6 сентября подводная лодка UB-7 под командованием лейтенанта Вейнера вышла в море с целью крейсерства в районе между Сулинским гирлом и Одессой. В этом районе не было замечено движения судов. С 11 по 15 сентября UB-7 держалась у Одессы.

15 сентября в 8 ч. 32 мин. в 5,75 милях от Одессы подводная лодка UB-7 потопила торпедный пароход «Патагония» водоизмещением 6011 тонн. Английский пароход «Патагония» был застигнут войной в Черном море. Его купило русское правительство, и под названием «Транспорт № 46» пароход был включен в состав транспортной флотилии Черного моря. Пароход «Патагония» затонул кормой вниз, а нос остался на плаву. Русским позже удалось поднять пароход, но в шторм он переломился и окончательно затонул.

20 сентября UB-7 благополучно вошла в Босфор.

Немецким и австрийским дипломатам удалось уговорить правительство болгарского царя Фердинанда выступить против Антанты. 21 сентября болгары начали мобилизацию, а 5 октября Болгария вступила в войну. В болгарской армии имелось около полумиллиона солдат, но флот Болгарии был ничтожен. Он состоял из одного учебного судна и шести миноносцев водоизмещением по 100 тонн. Для войны на море имели значение лишь болгарские порты.

Чтобы поддержать моральный дух болгар, 15 октября «Гебен» зашел в Варну на несколько часов и оперативно убыл обратно.

3 октября из Босфора вышла подводная лодка UB-14. Она зашла в Зунгулдак и оттуда проследовала к берегам Крыма, где 7 октября потопила русский пароход «Катя» с грузом сахара. На следующий день UB-14 был потоплен большой пароход русского Добровольного общества «Апшерон», шедший из Новороссийска в Севастополь с грузом нефти (1000 тонн). Он сделал выстрел из установленного на нем 37-мм орудия и только после этого застопорил машины. Пароход был потоплен открытием кингстонов. После этого UB-14 отошла, но успела заметить на месте потопления парохода шесть эсминцев. 19 октября подводная лодка UB-14 вернулась в Босфор.

20 октября русские броненосцы под прикрытием дредноута «Императрица Мария» произвели обстрел Варны. При этом гидросамолеты с «Алмаза» и «Николая I» бомбили город. Германские подводные лодки UB-7 и UB-8 пытались атаковать русские броненосцы. UB-7 с дистанции 5 кабельтовых (926 м) выпустила торпеду по броненосцу «Пантелеймон», но торпеда прошла мимо. «Пантелеймон» обстрелял обе лодки 152-мм

ныряющими снарядами^[59]. Видимо, разрывы ныряющих снарядов заставили UB-7 отказаться от атаки. После атаки подводной лодки броненосец прекратил стрельбу и ушел в море.

Подводная лодка UB-8, которой требовался серьезный ремонт, вернулась 12 ноября в Стамбул. Подводная лодка UB-7 оставалась в Варне до 19 декабря. Крейсерство к устью Дуная, совершенное ею за это время, оказалось безрезультатным: движения торговых судов замечено не было.

Для борьбы с русскими торговыми судами в северо-восточную часть Черного моря была выслана подводная лодка UC-13. Она не имела торпедного вооружения и для выполнения возложенной на нее задачи была вооружена одним английским 57-мм орудием. После кратковременного пребывания в Евксинограде UC-13 направилась к Синопу. 18 ноября она пришла в Синоп. Население, до этого никогда не видевшее подводной лодки, радостно приветствовало ее, а выполненный в гавани маневр погружения привел местных обывателей в экстаз. 19 ноября UC-13 снова вышла в море и направилась к Туапсе. 22 ноября под берегом с помощью подрывных патронов она уничтожила русский трехмачтовый парусник «Украина» водоизмещением 150 тонн с грузом цемента. Второй парусник с грузом дров был подожжен. Команды парусников спаслись на своих шлюпках. Вскоре после этого показался нефтеналивной пароход № 57 водоизмещением 1200 тонн, шедший под флагом русского Добровольного флота. Увидев подводную лодку, пароход сейчас же повернул к берегу. UC-13 не могла воспрепятствовать этому из-за неисправности орудия. Исправив орудие, лодка открыла огонь. Тогда пароход на полном ходу выскочил на пляж. Команда благополучно покинула его. Постоянные осечки орудия на UC-13 не дали возможности уничтожить пароход. Неисправность орудия и недостаток смазочного масла заставили командира отправиться в обратный путь.

23 ноября в 12 ч. 30 мин. UC-13 зашла в гавань Сочи. Здесь находилось несколько парусников. Несмотря на энергичный обстрел с берега из винтовок, пулеметов и малокалиберных орудий, подводная лодка уничтожила подрывными патронами два парусных судна. Затем UC-13 вышла в море в надводном положении, не получив никаких повреждений. Отвечать на огонь она не могла из-за неисправности орудия.

При переменной погоде и свежем ветре 25 ноября подводная лодка UC-13 вошла в Зунгулдак. Отсюда она 27 ноября снова вышла в море. В ночь с 28 на 29 ноября был сильный шторм. В 4 ч. 05 мин. 29 ноября UC-13 была выброшена на отмель у устья реки Мелен на азиатском берегу приблизительно в 100 км от Босфора. Экипаж благополучно перебрался на

берег. Чтобы лодку не заметили русские корабли, турки закрыли ее со стороны моря брезентом, покрашенным под цвет песка и придавшим ей вид небольшого холма. Часть оборудования с лодки была снята. За этим оборудованием из Босфора 9 декабря были высланы две малые канонерские лодки — «Таш-Койпрю» и «Иесгар». Канонерские лодки в темноте не нашли места аварии UC-13 и вернулись на рассвете к острову Кефкен, чтобы укрыться за ним в течение дня. Здесь канонерские лодки были застигнуты тремя русскими эсминцами, утром обстрелявшими Кефкен. Эсминцы открыли огонь с дистанции, превышающей дальность стрельбы орудий канонерских лодок. С первого же залпа канонерки были накрыты и вскоре загорелись и затонули. Экипажи укрылись на острове Кефкен. Три человека было убито, двое тяжело ранено. Эсминцы ушли вдоль берега на восток, не обнаружив места аварии подводной лодки UC-13.

Русское командование узнало об аварии UC-13 30 декабря из показаний пленных с угольных пароходов. 31 декабря несшие блокаду Угольного района эсминцы нашли лодку в указанном месте и уничтожили ее артогнем. Причем по присутствию на лодке людей можно было судить, что турки еще надеялись стащить ее на воду.

К концу 1915 г. угольный голод в Проливах принял угрожающий характер. Нехватка угля была так велика, что его не хватало даже для выходов миноносцев в Мраморное море для конвоирования транспортов и борьбы с английскими подводными лодками. Было ограничено движение поездов. О походах больших кораблей в Черное море нечего было и думать.

В отличие от всех предшествующих русско-турецких войн, в 1914–1917 гг. русская армия не имела соприкосновений с турецкой в Европе, и единственный сухопутный фронт проходил на Кавказе.

Турецкие сухопутные силы к моменту объявления войны состояли из 40 пехотных действующих дивизий («низама») и 57 резервных пехотных дивизий («редифа»). Кроме того, было и ополчение («мустахфиз»), служившее главным образом для восполнения потерь в действующей армии. Конницы было до 40 полков «низама» и 24 полка иррегулярных.

Дивизии сводились в корпуса, в основном по три корпуса в каждой. Корпуса сводились в армии.

Первая, вторая и пятая армии, всего 266 батальонов, были сосредоточены в районе Константинополя на обоих берегах Проливов, между Адрианополем, Константинополем, Эрегли, Смирной и Дарданеллами.

Третья армия, 190 батальонов, сосредотачивалась против Кавказа и

северной части Персии от берега Черного моря до Моссула, имея почти все свои силы на левом фланге против русского Кавказского фронта.

Месопотамская армия, 24 батальона, была сосредоточена между Багдадом и Персидским заливом.

Аравийская армия, 34 батальона, располагалась по восточному берегу Красного моря, от Медины до Адена.

Четвертая армия, 23 батальона, развернулась по берегу Средиземного моря, в Палестине и Сирии.

Войскам Кавказской армии ставились задачи: удержать железную дорогу Баку — Владикавказ и Военно-грузинскую шоссеиную дорогу Тифлис — Владикавказ; оборонять важнейший промышленный центр — Баку — и не допустить появления турецких сил на Кавказе. Для выполнения поставленных задач русские силы должны были вторгнуться в Западную Армению, разбить передовые части турок и активно обороняться на занятых приграничных горных рубежах.

Армия занимала фронт протяженностью 720 км — от Черного моря до озера Урмия. Так как по условиям театра войска могли действовать лишь на отдельных изолированных друг от друга направлениях, то русские силы были сосредоточены в четырех группах — на трапезундском, ольтынском, эрзерумским и эриванском операционных направлениях. Каждая группа состояла из двух-трех отрядов разной численности. Главный удар русское командование решило нанести на эрзерумском направлении, так как по условиям местности занятие русскими Эрзерума открывало доступ через Эрзинджан в Анатолию.

Кроме того, это направление было лучше обеспечено дорогами и допускало использование крупных сил. Действия на главном направлении обеспечивались наступлением части сил на ольтынском и кагызманском направлениях.

Турки также решили действовать наступательно, нанося главный удар на карском направлении и второстепенный — на батумском.

Операции на Кавказском фронте в 1914 г. начались встречными сражениями на эрзерумском направлении (Кеприкейская операция). Перейдя границу 2 ноября, Сарыкамышский отряд Кавказской армии уже 7 ноября захватил Кеприкейскую позицию, расположенную в 50 км от Эрзерума, а также ряд других важных пунктов.

Со стороны Эрзерума наступали турецкие войска. Русские упорно сопротивлялись, но под угрозой обхода правого фланга немного отошли на рубеж Али-Килиса — Ардос — Хоросан. 14 ноября снова завязалось крупное сражение, в ходе которого русские вынудили турков с 19 ноября

перейти к обороне. Третья турецкая армия стала закрепляться перед Сарыкамышским отрядом. Началось осеннее бездорожье на равнинах и местами в горах. Это крайне затрудняло активные боевые действия. Тем не менее русские войска 21 ноября перешли в общее наступление, нанесли турецким войскам тяжелые потери и отбросили их. В связи с приходом зимы дальнейшее наступление не могло дать ощутимых результатов, и командование русской Кавказской армии решило остановиться и перейти к обороне на рубеже Маслахат — Азанкей — Юзверан — Арди. В ходе Кеприкейской операции турецкие войска потеряли 15 тысяч человек (в том числе 3 тысячи дезертиров). Потери русских не превышали 6 тысяч человек.

На других направления действия русских войск были также успешными. На кагызманском, эриванском и азербайджанском направлениях русские заняли труднодоступные естественные рубежи, преграждавшие наступления турок.

В районе Батума для русской армии сложилась неблагоприятная обстановка. Подтянув к ноябрю к району Хопы большие силы, турки 16 ноября несколькими группами перешли в наступление по направлению к границе. Из них правая группа атаковала Артвин, а три остальные, выдвинув заслон против отряда (около 1 тысячи человек), занимавшего Лиман, двинулись через границу по трем почти параллельным ущельям, угрожая занять коммуникационную линию Артвин — Борчха — Марадида и зайти в тыл Батуму. Комендант Михайловской крепости двинул против турок почти все наличные силы. Турок удалось было остановить, но внезапно с тыла и флангов на русских напали восставшие аджарцы. Русское командование растерялось и приказало отступить к Батуму. Турки заняли Артвин, Борчху, а со стороны моря подошли к реке Чорох.

Подтянув резервы, в конце ноября 1914 г. русские перешли на контрнаступление и при поддержке огня корабельной артиллерии отбросили турок.

К середине декабря Третья турецкая армия включала: до 121 батальона, около 22 эскадронов, 263 орудия, плюс курдские отряды.

22 декабря турки начали наступление на Сарыкамыш. Руководить наступлением прибыл в Эрзерум сам Энвер-паша. К 25 декабря турки с севера обошли русские войска и пошли к Сарыкамышу. Бой завязался на улицах города. В Сарыкамыш срочно прибыло и русское начальство — генералы А.З. Мышлаевский и Н.Н. Юденич.

Русским удалось оперативно снять с других участков войска и перебросить их к Сарыкамышу. Кроме того, из Тифлиса подошла

Сибирская казачья бригада. В результате IX и X корпуса турок оказались в окружении.

Остатки IX корпуса сдались 4 января 1915 г. у Сарыкамыша, а остаткам X корпуса удалось уйти по горным тропам.

В ходе Сарыкамышской операции турки потеряли около 90 тысяч человек (в том числе 30 тысяч замерзшими) и 60 орудий. Кавказская армия тоже понесла большие потери. Из строя выбыло более 20 тысяч человек.

В первых числах января 1915 г. русские войска начали наступление на Эрзерум. Одновременно часть войск была направлена на зачистку Аджарии от протурецких повстанцев.

С началом войны турецко-курдские отряды вторглись в персидский Азербайджан. Им удалось занять город Тавриз. В дальнейшем турки намеревались пересечь русскую границу и двинуться на Баку. Но русские войска вступили на территорию Персии и 30 января 1915 г. выбили турок из Тавриза.

В январе—марте 1915 г. батумская группировка русских войск продолжала наступление против I турецкого корпуса и овладела городом Хопа.

Но наиболее кровопролитные сражения происходили севернее озера Ван. В мае—июне Кавказская армия продвинулась на 80–100 км и овладела населенными пунктами Дутак, Малазгирт, Ван, Урмия.

Кавказская армия имела реальные шансы разгромить турецкие войска и начать решительное наступление в глубь неприятельской территории. Однако Николай II и его окружение не только не посылали подкреплений в Кавказскую армию, но и наоборот, периодически забирали из нее наиболее боеспособные части, заменяя их второочередными формированиями. Кавказская армия была строго лимитирована в снарядах. К началу кампании 1915 г. на артиллерийских складах имелся запас снарядов и патронов, исходя из нормы: 50 легких, 75 горных и 50 гаубичных снарядов на орудие, по 50 патронов на винтовку.

Все это дало возможность туркам 9 июля перейти в контрнаступление и взять города Каракалысы и Мелазгирт. Положение русских сделалось угрожающим для всего Кавказского фронта.

Генерал Юденич срочно создал ударную группировку силой в 24 батальона и 31 конную сотню и 1 августа ударил в левый фланг турок. Турецкие войска отступили, и к концу августа фронт стабилизировался на линии Бюлюк — Баши — Эрджиш (на озере Ван).

В завершение рассказа о кампании 1915 г. необходимо сказать и о кадровых изменениях, происшедших в августе 1915 г. как в Кавказской

армии, так и в России в целом. 23 августа Николай II сместил с поста главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (младшего) и назначил его наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказской армией.

Николай II сам стал главнокомандующим русской армией и флотом. В бытность наследником Николай командовал гвардейским батальоном. Но еще тогда современники говорили, что его военные знания остались на уровне гвардейского поручика. Естественно, что за царя руководство войной вел начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев.

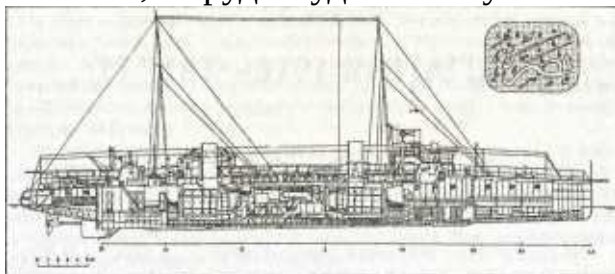
Глава 23

КАМПАНИЯ 1916–1917 ГГ.

1916 год начался с эвакуации союзных войск из Дарданелл. В Мраморном море снова зажглись маяки, оживилось судоходство, которому больше не угрожали английские подводные лодки. 17 января 1916 г. через Балканы в Стамбул прибыл первый поезд прямого сообщения Берлин — Стамбул. Все это подняло настроение как правителей, так и населения Стамбула.

Но из Угольного района каждый день приходили известия о появлении русских эсминцев. Они атаковывали и уничтожали буксиры и парусники. Постоянно приходилось откладывать переходы пароходов из Зунгулдака и обратно, хотя уголь был крайне необходим. Из-за того, что в районе Зунгулдака постоянно крейсировали русские эсминцы, было решено отправить «Гебен» для обеспечения прохода порожнего транспорта в Угольный район. 7 января 1916 г. угольный транспорт «Кармен», имея на борту одного унтер-офицера и трех матросов с «Бреслау», вышел из Босфора под конвоем эсминцев, которые сопровождали его до 6 часов вечера. Далее ночью он должен был следовать самостоятельно. «Гебен» вышел из Босфора 7 января в 17 ч. 40 мин. и в 8 часов утра 8 января уже находился перед Зунгулдаком. Здесь на «Гебен» по радио сообщили, что этой ночью транспорт «Кармен» был атакован тремя русскими эсминцами и потоплен. Части экипажа удалось достичь берега и спастись. «Гебен» повернул назад и в 8 ч. 23 мин. увидел два русских эсминца. «Гебен» пустился в погоню. Русские эсминцы отходили на северо-запад. В 9 ч. 15 мин. на «Гебене» заметили на горизонте густой дым. Это шел дредноут «Императрица Мария» в сопровождении эскадренных миноносцев «Пронзительный» и «Пылкий». В 9 ч. 40 мин. дредноут открыл огонь. «Гебен» начал отвечать. Дредноут «Императрица Мария» лег на контркурс. Когда «Гебен» перешел за траверз дредноута, последний в 9 ч. 44 мин. повернул вслед за «Гебеном». В 10 ч. 10 мин. он прекратил стрельбу и скрылся на северо-запад. Бой начался с дистанции 110 кабельтовых (20 км). Залпы русского дредноута ложились кучно, в непосредственной близости от «Гебена», и многочисленные осколки попадали на палубу. Ими был пробит флаг на гафеле. Последние всплески ложились на расстоянии 8–11 кабельтовых (1,5–2 км) от «Гебена». «Императрица Мария» сделала около

150 выстрелов, причем наибольшая дистанция стрельбы составляла 125 кабельтовых (23 150 м). «Гебен» произвел пять выстрелов и уже в 9 ч. 44 мин. прекратил огонь из-за слишком большой дистанции. Сознавая артиллерийское превосходство «Императрицы Марии», «Гебен» стремился уйти из сферы ее огня. Но русский дредноут развил такую большую скорость, что обросшему ракушками «Гебену», к тому же имевшему расшатанные гребные валы, с трудом удавалось увеличивать дистанцию.

Турецкий миноносец «Басра»

У входа в Босфор «Гебен» поднял на борт гидросамолет, который из-за неисправности руля не мог передвигаться. 8 января в 15 часов «Гебен» вошел в Босфор, имея в качестве противолодочного охранения миноносцы «Муавенет», «Нумуне» и «Басра».

В конце 1915 г. закончилась боевая подготовка второго русского дредноута «Императрица Екатерина Великая». (До 14 июня 1915 г. его называли «Екатерина II», а с 16 апреля 1917 г. — «Свободная Россия». Мы же для краткости будем называть его «Екатериной II».) В связи с этим главные силы Черноморского флота были разделены на три маневренные группы:

Первая: дредноут «Императрица Мария», крейсер «Кагул» и группа старых угольных эскадренных миноносцев (турбинные нефтяные эсминцы несли блокадную службу).

Вторая: дредноут «Екатерина II», крейсер «Память Меркурия» и группа старых эсминцев.

Третья: броненосцы «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», крейсер «Алмаз» и группа старых эсминцев.

Эти группы поочередно выходили в море, где в зависимости от запасов топлива крейсировали в течение 5–6 суток в районе между меридианами мысов Кефкен — Керемпе, вне видимости берегов и на расстоянии от них в 40–60 миль.

Одновременно для несения блокадной службы в непосредственной близости берегов в районе Кефкен — Эрегли — Зунгулдак — Амастро — Керемпе выделялась очередная пара турбинных эсминцев, в задачу которых

входило: днем — осмотр побережья Угольного района, а ночью — крейсерство на вероятных путях угольных пароходов.

Идя экономическим ходом в 3–5 милях от берега, эсминцы выполняли свою задачу, держа связь с маневренной группой, чтобы последняя могла все время находиться на одном меридиане с эсминцами и в любой момент, в случае встречи с более сильным противником, дать им возможность отойти в кратчайшем направлении под ее прикрытием.

Согласование движения блокадных эсминцев и прикрытия устанавливалось планом операции, составленным начальником данной маневренной группы. Так как топлива как у нефтяных, так и у угольных эсминцев хватало только на 50–60 часов (900–1000 миль хода с 15-узловой скоростью), то есть только на половину времени пребывания маневренной группы, обычно назначалось по две смены блокадных и охранных эсминцев. Смена эсминцев происходила в море, причем сменяющая группа, вступая в выполнение своей задачи, продолжала действия предыдущей в соответствии с общим планом операции.

Таким образом, главной задачей маневренных групп былокрытие блокирующих эсминцев на случай появления «Гебена» или других неприятельских судов. Для непосредственного наблюдения за Босфором в районе последнего постоянно находилась одна из подводных лодок, которая в случае выхода неприятеля из пролива сообщала об этом по радио начальнику маневренной группы.

Постоянное пребывание в море одной трети действующего флота, равной по силе «Гебену», позволяло черноморскому командованию вкрапливать в эту систематическую блокаду отдельные операции, которые, по мнению командования, могли в той или иной мере способствовать скорейшему разрешению основной задачи — прекращению угольного снабжения противника.

Необходимость таких операций подсказывалась главным образом тем, что систематическая блокада эсминцами все же не достигала цели. Пускаясь на все уловки, теряя большое число пароходов, турки все же ухитрялись прорывать блокаду, и блокирующие миноносцы время от времени все же находили в гавани Зунгулдака суда, грузившиеся углем.

Убедившись, что бомбардировки с моря не приводят к необходимой цели, командование решило предпринять операцию воздушного налета на Зунгулдак, пользуясь для этой цели имеющимися в составе флота двумя авиатранспортами.

5 февраля 1916 г. в 6 часов утра из Севастополя для несения блокадной службы в Угольный район вышли эсминцы «Поспешный» и «Громкий». В

13 часов от командира «Поспешного» было получено радио, что у Зунгулдака «ветер зюд-ост один балл, легкая зыбь стихает». Тогда маневренная группа в составе судов «Императрица Мария», «Кагул», двух угольных миноносцев, а также авиатранспортов «Александр I» и «Николай I», в 14 часов вышла в море.

На следующий день, 6 февраля, в 9 часов утра маневренная группа соединилась с «Поспешным» и «Громким», приступившим к охранению дредноута и авиатранспортов.

В 10 ч. 20 мин. на расстоянии 15 миль от Зунгулдака авиатранспорты застопорили машины и приступили к спуску самолетов. К 11 часам все самолеты были спущены и вылетели для бомбардировки парохода.

Авиатранспорты отошли к северу, оставив оба эсминца для оказания помощи поврежденным гидросамолетам в районе Зунгулдака. Из 14 самолетов приняли участие в операции 11, так как три из-за неисправности моторов не смогли долететь до Зунгулдака и сели на воду.

Все самолеты были вооружены двумя 30-килограммовыми, несколькими 4-килограммовыми бомбами и сигнальными дымками. Густые кучевые облака закрывали Зунгулдак и мешали летчикам находить цели и пристреливаться. Небольшие «окна» в облаках лишь на короткий момент позволяли летчикам сориентироваться, и это сильно сказалось на результатах бомбардировки. Попытки снизиться и держаться ниже облаков на высоте менее 500 метров пресеклись энергичным шрапнельным огнем неприятельских батарей, причем около самолетов рвалось одновременно по несколько шрапнелей, что говорило о наличии кроме высоко стоящих на возвышенностях батарей, стрелявших под большим углом возвышения, еще и специальных зенитных орудий.

Так как цель почти все время была закрыта облаками, часть летчиков была вынуждена отказаться от бомбардировки парохода и сбросить бомбы на случайные, увиденные в «окна» цели — угольные сооружения, подъездные пути, батареи. Такая рассредоточенная бомбежка дала ничтожные результаты.

Из донесений летчиков следует, что условия полета позволили только пяти самолетам бомбардировать пароход, а из сброшенных бомб лишь одна предположительно попала в пароход, а остальные легли на различном расстоянии от него.

Действительно, стоявший за молом пароход «Ирмингард» получил одно попадание бомбой и затонул, но к 25 февраля был поднят, отремонтирован и вступил в строй. Одна бомба попала в группу парусников, один из которых загорелся. Все остальные бомбы были

сброшены на берегу. Один из летчиков вообще не сбросил ни одной бомбы, так как не видел целей из-за облаков. Только три летчика из одиннадцати видели попадания своих бомб.

Бомбардировка продолжалась около часа, причем первые гидросамолеты вернулись, сбросив свои бомбы, уже через 20 минут после вылета.

В 11 ч. 10 мин. авиатранспорты заметили возвращение своих самолетов, повернули к Зунгулдаку и приступили к их подъему.

В 11 ч. 16 мин. «Александр I» во время подъема первого гидросамолета был атакован незаметно подошедшей подводной лодкой UB-7, выпустившей торпеду под углом 45° к носу, и это дало возможность авиатранспорту дать вовремя ход, положив руль лево на борт. Торпеда шла в середину судна, туда, где расположено котельное отделение. «Александр I» дал ход настолько своевременно, что торпеда прошла всего лишь в 5 метрах от кормы и, слегка отклоненная струей от винтов, уткнулась в находившийся рядом гидросамолет лейтенанта Эссена, который едва ее не задержал. По-видимому, отработав уже весь свой ход, торпеда, протаранившись некоторое время на воде, затонула.

По предполагаемому местонахождению подводной лодки был открыт артиллерийский огонь ныряющими снарядами. Но точного местонахождения лодки никто не видел. И лишь некоторое время спустя, когда авиатранспорт стал уходить на север, один из гидросамолетов, вторично поднявшись в воздух, заметил лодку и указал на ее местонахождение дымками. Лодка шла контркурсом по правому траверзу авиатранспорта, перископ был над водой. Должно быть, она хотела повторить атаку. Но «Александр I» открыл артиллерийский огонь. Два близких попадания ныряющими снарядами заставили лодку уйти под воду и больше не появиться до конца операции. По свидетельству одного из летчиков, было одно попадание в перископ.

Одновременно всем самолетам и обоим эсминцам было приказано начать поиски подводной лодки, во время которых оба авиатранспорта отошли в море и двигались там с переменными курсами.

40 минут поисков не дали результатов. Тогда авиатранспорты стали принимать свои гидросамолеты на борт. К 13 часам 30 минутам была поднята последняя машина, прибуксированная эсминцем «Громкий». На следующий день, 7 февраля, к 13 часам авиатранспорты прибыли в Севастополь. Эсминцы же, несшие блокаду, вернулись в свой район.

30 января 1916 г. для совместных действий с Приморским отрядом генерала Ляхова были отправлены в Батум броненосец «Ростислав»,

канонерская лодка «Кубанец», эскадренные миноносцы «Лейтенант Пущин» и «Живой», которые вместе с находящимися в Батуме канонерской лодкой «Донец», и эскадренными миноносцами «Строгий» и «Стремительный» образовали Батумский отряд. Начальником отряда был назначен командир Батумского военного порта капитан 1-го ранга М.М. Римский-Корсаков.

Задача кораблей отряда заключалась в том, чтобы, расположившись на фланге турецких позиций, привести к молчанию две береговые турецкие батареи, обстрелять продольным огнем неприятельские позиции и склоны гор, уничтожить оборонительные сооружения и в дальнейшем поддерживать наступление войск отряда, обстреливая различные цели по указаниям с берега.

5 февраля отряд в составе «Ростислава», «Кубанца», «Донца», «Живого», «Стремительного» и «Лейтенанта Пущина» бомбардировал турецкие позиции у реки Архаве. 5 февраля с 8 часов утра до 16 часов «Ростислав» выпустил девяносто четыре 254-мм, триста три 152-мм и двадцать девять 75-мм снарядов. «Кубанец» выпустил шестьдесят восемь 152-мм и двадцать один 120-мм снарядов. «Донец» — семнадцать 152-мм и двадцать шесть 120-мм снарядов. После обработки позиции турок огнем корабельной артиллерии сухопутные войска пошли в наступление и овладели передовыми позициями турок.

С наступлением темноты «Ростислав» ушел в море, а канонерские лодки и эскадренные миноносцы ушли в Батум.

6 февраля к 8 часам утра для продолжения операции к реке Архаве подошли броненосец «Ростислав» и эсминцы, а несколько позже — обе канонерские лодка.

Вслед за «Ростиславом» к 8 ч. 30 мин. все корабли заняли свои места по прежней диспозиции. Эсминец «Живой» был выдвинут в море на 30 миль в качестве дозорного судна. Эсминцы «Стремительный» и «Лейтенант Пущин» остались вместо него для охраны «Ростислава». «Строгий» был снова послан для наблюдения за дорогами в районе Сумли, Вице и Атина.

«Ростислав» открыл интенсивный огонь по турецким позициям. Причем целеуказание осуществлялось с берега с помощью сигнальной мачты. Было подавлено несколько турецких батарей. Артиллерийским огнем с кораблей были разрушены сильные неприятельские позиции с многоярусными окопами, склоны гор изрыты снарядами, и наступление наших войск прошло с небольшими потерями. Когда результаты корабельного артогня были очевидны и войска перешли в наступление, с сигнальной мачты было передано приказание генерала Ляхова:

«Обстрелять район Сумли, Вице», куда были посланы канонерская лодка «Кубанец» и эсmineц «Строгий». Обстреляв район Сумли и выпустив несколько снарядов по ущелью Сумли, «Кубанец» прошел до Вице, обстреливая здания. В результате в некоторых зданиях были отмечены взрывы и пожары. Эсmineц «Строгий» также обстреливал Вице. На пути к Вице «Строгий», осматривая дороги вдоль берега, у мыса Кеммер, подойдя внезапно к долине Буюк-Дере, обнаружил на дороге неприятельский отряд численностью около 200 человек. Эсmineц сразу же открыл огонь по колонне с дистанции 12 кабельтовых (2222 м), и первый же снаряд разорвался в середине колонны. На месте взрыва осталось много трупов, оставшиеся в живых разбежались и попрятались в кустах по краю дороги. Обстреляв кусты, эсmineц продолжил движение на запад. Далее эсmineц обнаружил и обстрелял еще одну группу численностью до 30 человек.

К заходу солнца все корабли, участвовавшие в операции, вернулись в Батум, в том числе и «Ростислав». «Строгий» был оставлен на ночь для крейсерства у неприятельских берегов.

В течение дня большими судами было израсходовано следующее количество снарядов: «Ростислав»: 85–152-мм и 344–75-мм снарядов; «Кубанец»: 114–152-мм и 73–120-мм снарядов.

7 февраля, в 10-м часу утра, отряд в составе броненосца «Ростислав», канонерской лодки «Кубанец» и эсминцев снова подошел к Архаве. Канонерская лодка «Кубанец» и эсmineц «Строгий» были посланы для осмотра и обстрела района Вице — Атина. По приказанию, переданному с сигнального поста, «Ростислав» направился к Вице для обстрела долины и склонов гор, так как турки отступили туда. Эсминцы «Лейтенант Пущин» и «Стремительный» были оставлены для охраны кораблей. Эсmineц «Живой» был выдвинут для несения дозора в море на 15 миль. Обстреляв ущелье и склоны гор в районе Вице, «Ростислав» со «Стремительным» направились в Батум. Для наблюдения у Вице были оставлены эсминцы «Лейтенант Пущин» и «Живой». Канонерская лодка «Кубанец» дошла до Атина, обстреляла местность вокруг нее, повернула обратно и вместе с эсминцем «Строгий» вернулась в Батум к заходу солнца. На ночь у неприятельских берегов был оставлен «Живой».

В течение дня большие суда израсходовали: «Ростислав»: 19–152-мм и 31–75-мм снаряд; «Кубанец»: 96–152-мм и 38–120-мм снарядов.

На этом операция у реки Архаве закончилась. 8 февраля передовые части войск продвинулись до Вице, где турки окопались. Таким образом, при содействии флота в течение трех дней (5,6 и 7 февраля) турки не только были выбиты из хорошо укрепленных позиций с многоярусными окопами и

галереями, но и отброшены к следующей долине на два десятка километров.

Потери турок за операцию у реки Архаве составили около 500 человек. Потери Приморского отряда убитыми и ранеными — 160 человек. На кораблях никаких потерь и повреждений не было.

С занятием Архаве и продвижением фронта к Вице в операциях флота произошел естественный перерыв с 7 по 14 февраля. Войска отряда, продвинувшись до реки Абу-Вице-Дереси, закрепились на ее правом берегу. Турки занимали более выгодную позицию на левом берегу реки. Они держали под огнем все течение реки, так что переход реки и наступление в лоб было невозможно без больших потерь с нашей стороны.

Не желая давать туркам время хорошо укрепиться, генерал Ляхов решил, дав своему отряду некоторое время для отдыха, начать наступление, которое должен был поддерживать огонь корабельной артиллерии.

15 февраля в 7 часов утра отряд в составе броненосца «Ростислав», эсминцев «Лейтенант Пущин», «Жаркий» и «Строгий» вышел в море. Вслед за ним вышли канонерки «Донец» и «Кубанец» в сопровождении эсминца «Стремительный».

В начале 10-го часа «Ростислав» с эсминцами подошел к турецким позициям у реки Абу-Вице-Дереси и, предшествуемый тралами, поданными с эсминцев, занял позицию для обстрела. Проведя броненосец, эсминцы еще протралили район на северо-запад от корабля и заняли свои места в охране. Через 30 минут подошли канонерки и заняли свои места по диспозиции: «Ростислав» — напротив реки Абу-Вице-Дереси; канонерские лодки — между ним и берегом; эсминцы — держась на ходу мористее.

Так как расположение неприятеля по склонам было известно лишь в общих чертах, «Ростислав» начал пристрелку из 152-мм орудий по предполагаемому месторасположению неприятельской батареи и замеченным очертаниям окопов, корректируя стрельбу по указаниям с берега, передаваемым по радиотелеграфу. Корректировка шла хорошо, без промедлений и недоразумений.

В 11-м часу канонерке «Кубанец» было приказано обстрелять обнаруженные вдоль левого берега реки неприятельские проволочные заграждения, а канонерке «Донец» — замеченные по склону ближайшей горы турецкие окопы. Одновременно было приказано открыть огонь по неприятельским окопам эсминцам «Лейтенант Пущин» и «Жаркий». Эсминцы «Строгий» и «Стремительный» оставались в охране. Через полчаса, когда все цели были хорошо обстреляны, «Лейтенанту Пущину» и «Жаркому» было приказано прекратить огонь и занять свое место в охране.

В 10-м часу канонерке «Кубанец» было приказано обстрелять ущелье, находящееся непосредственно за селением Вице, что и было выполнено.

В 16-м часу неприятельская батарея, вероятно, только что выехавшая на позицию, открыла огонь по броненосцу «Ростислав». Несколько снарядов дали небольшие перелеты, и батарея прекратила огонь.

Около 17 часов обстрел был прекращен, и отряд вернулся в Батум. «Ростислав» же, продолжив некоторое время огонь, отошел в море.

Несмотря на интенсивный огонь корабельной артиллерии, генерал Ляхов не рискнул начать наступление. Это вызвало раздражение командования флотом, потратившего около 900 снарядов на «огневую» рекогносцировку для выявления сил и средств противника.

Отсутствие комбинированного удара с моря и с суши не замедлило сказаться: ночью турки перешли в контрнаступление и потеснили на некоторых участках войска Приморского отряда. Ляхов распорядился срочно прислать корабли для поддержки. С рассветом, дав радио «Ростиславу» идти к Вице, начальник отряда, выслав вперед эсминцы и обе канлодки, полным ходом направился туда же.

В 9 ч. 10 мин. «Ростислав» открыл огонь шрапнелью по турецким войскам из 152-мм и 75-мм орудий. В 11 часов был открыт огонь со всех кораблей по склонам гор, на которых были замечены турецкие окопы. При перенесении огня на новые позиции турок кораблям приходилось самим выбирать места для обстрела, так как указания с берега давались редко и неточно.

Чтобы лучше рассмотреть окопы, зайти им во фланг и помочь войскам пулеметным огнем, «Ростислав» подошел на расстояние 2–3 кабельтовых (370–555 м) от берега, откуда тут же был открыт по нему ружейный огонь. С этой новой позиции наводчикам стал хорошо виден наиболее сильный турецкий участок окопов, находившийся на склоне крутого холма, откуда все время велся пулеметный и ружейный огонь по войскам, залегшим внизу в долине реки. Продолжая оставаться под ружейным обстрелом, «Ростислав» открыл интенсивный огонь по всему участку из 152-мм и 75-мм орудий. Но, несмотря на страшные разрушения и большие потери в людях, турки упорно удерживали эту позицию, постоянно посылая подкрепления и не прекращая вести огонь. Чтобы все же сокрушить эту позицию, «Ростислав» сделал четыре выстрела из 254-мм орудия, что произвело ошеломляющий эффект. Окопы сразу смолкли. В оптические приборы были видны сильные разрушения. Когда туда пришли русские солдаты, они увидели, что окопы были буквально завалены трупами, причем некоторые из них даже застряли на деревьях.

К утру 17 февраля район был очищен от турок, и войска весь день продолжали наступление, практически не встречая сопротивления, так что поддержка корабельной артиллерии была не нужна.

16 февраля «Ростислав» израсходовал: пять 254-мм снарядов, 224–152-мм, 181–75-мм снарядов и 1350–7,62-мм пулеметных патронов. Канонерская лодка «Кубанец» израсходовала: 75–152-мм, 15–120-мм, 137–47-мм снарядов и две тысячи 7,62-мм пулеметных патронов. Канонерская лодка «Донец» израсходовала: 72–152-мм, 27–120-мм, 109–75-мм снарядов.

Впервые с начала февраля на кораблях появились потери — ружейным огнем турок было ранено четыре матроса.

В середине февраля генерал Ляхов предложил командованию флота высадить тактический десант в тылу противника. Для перевозки десанта были назначены два тральщика типа «Эльпидифор» и один транспорт. Особенностью этой операции было первое применение «Эльпидифоров» для десантных целей. До этого имеющиеся в распоряжении Батумского отряда тральщики этого типа применялись для траления подступов к берегу при подходах боевых кораблей для обстрела позиций и служили для транспортных целей, перевоза снабжение из Батума к фронту, а также изредка принимая участие в обстреле береговых целей.

Суда типа «Эльпидифор» представляли собой тип каботажного судна торгового флота, целые флотилии которых в виде траулеров и транспортов служили для морских промыслов и прибрежных транспортных перевозок. В России этот тип судна особенно привился на черноморских речных лиманах и в Азовском море в качестве паровой хлебной шаланды (местный термин) для подвоза зерна с рек, через мелководные бары, для перегрузки его на морские транспорты. В периоды прекращения хлебной кампании эти суда занимались каботажом по побережью Черного и Азовского морей, доставляя грузы как к железнодорожным пунктам, так и в мелкие порты. Их отличительным внешним признаком было расположение машины в кормовой части судна, а вся передняя часть, приблизительно на две трети длины, была занята вместительными трюмами (2–3 трюма). Поэтому судно такого типа без груза имело осадку носа от 0 до 0,6–0,9 м, а кормы 1,5–2,4 м. Эта особенность, то есть нулевая осадка носа, позволила «Эльпидифорам» работать без пристаней, прямо подходя к берегу, почти выскакивая на него и подавая груз на сушу, чем операция выгрузки упрощалась до минимума. Это было неоценимое преимущество «Эльпидифоров» как в мирное, так и в военное время. В военное время эта способность выбрасываться на берег даже на прибое была необходима при десантных операциях, срочных доставках грузов и т.д. Для скорейшего

отхода от берега и для того, чтобы волна не поставила судно лагом, с кормы отдавался якорь, с помощью которого судно затем сходило в воду. Как только судно притыкалось к берегу, с носа с помощью судовой стрелы или брашпиля спускались специальные сходни, по которым сходил десант и подавался наиболее портативный груз. Более тяжелый груз подавался из трюмов с помощью стрел. Таким образом, время, затраченное на выгрузку, сводилось к минимуму.

«Эльпидифоры» могли принять на борт груз до 1300 тонн и от 500 до 1000 человек десанта. Это делало их незаменимыми при больших десантных операциях в качестве разгрузочного судна, подававшего людей и грузы с больших кораблей на берег. До применения «Эльпидифоров» использовались специальные десантные баржи и боты, буксируемые катерами илидвигающиеся с помощью весел. Это делало выгрузку десанта длительной и опасной, особенно во время зыби или прибоя. А «Эльпидифор» шел к берегу самостоятельно, вылезал на него носом и начинал разгрузку. Причем лошади выводились прямо на мелководе, достигая берега самостоятельно, а грузы или подавались через носовые сходни, или выгружались на легкие временные пристани.

В первый же день десантной операции, одновременно с наступлением левого фланга Приморского отряда в нагорной части фронта, кораблям отряда «Ростиславу», «Кубанцу», «Завидному», «Жаркому», «Заветному» и «Строгому» приказано было обстрелять неприятельские позиции в береговом районе.

4 марта в 6 часов утра эти корабли вышли в море и, соединившись со «Стремительным», находившимся ночью в крейсерстве, направились к неприятельским позициям.

В 10-м часу броненосец «Ростислав», имея впереди себя две пары тралов, приблизился к неприятельским позициям у реки Буюк-Дере. Вскоре туда же подошла канонерская лодка «Кубанец». Закончив траление, эсминцы вступили в охрану больших судов.

В 10 часов «Ростислав» начал обстрел неприятельских позиций по указаниям с берега. Корректировка стрельбы производилась с помощью береговой радиостанции. Неприятельская батарея открыла по «Ростиславу» огонь. Несколько снарядов легли довольно близко от корабля, но попаданий не было. Вскоре огонь батареи прекратился, в течение дня она еще несколько раз открывала огонь по броненосцу.

Канонерской лодке «Кубанец» было дано задание разрушить артиллерийским огнем несколько домов на берегу, где планировалось ночью высадить десант.

Обстрел неприятельских позиций с моря производился целый день. К заходу солнца «Ростислав» ушел в море, канонерка «Кубанец» и эсминец «Стремительный» встали на якорь в Хопе, а эминцы «Заветный» и «Завидный» остались для крейсерства в районе Ризе — Атин.

Вечером в Батуме была произведена посадка десанта на суда. На «Эльпидифор № 18» был принят батальон пехоты (1150 человек); на «Эльпидифор № 65» — батальон пехоты (815 человек), на транспорт — взвод артиллерии и два взвода пулеметной команды (150 человек и 104 лошади).

5 марта в 5 ч. 45 мин. «Эльпидифор № 18» подошел к берегу, опустил сходни и начал высадку десанта. Несмотря на то что высадка производилась в 3–4 милях от неприятельских позиций на реке Буюк-Дере, приближения судов с них замечено не было. Так что первые 20–25 минут высадка производилась без единого выстрела, и лишь затем раздались отдаленные единичные ружейные выстрелы. Прикрывавшему «Эльпидифор № 18» эсминцу «Жаркому» даже не было нужды открывать огонь.

«Эльпидифор № 65», подведенный к месту высадки эсминцем «Строгий» на несколько минут позже, произвел высадку за 12 минут незамеченным для неприятеля, и лишь потом был обстрелян пулеметным огнем с берега. «Эльпидифор № 65» тотчас отошел от берега и открыл огонь. На «Строгом» тоже открыли огонь, и неприятельский пулемет вскоре умолк. Потерь на наших судах не было.

С рассветом к месту высадки подошел транспорт, встал на якорь и начал производить высадку с помощью ботов. Одновременно для прикрытия подошли эминцы «Стремительный», «Заветный», «Завидный»; броненосец «Ростислав» и канонерская лодка «Кубанец». Вскоре к месту высадки были приведены две роты пленных, часть которых была отправлена на транспорт, а через некоторое время к месту высадки уже прибыл берегом с передовых позиций генерал Ляхов, проехав через фронт брошенной турецкой позиции.

После высадки десанта в тыл неприятельских позиций турки бежали в горы, бросив свою очень сильную позицию.

Таким образом, с рассветом Приморскому отряду оставалось только преследовать отступающих. Вся прибрежная полоса была очищена от турок. Ляхов решил использовать это и сделать бросок к следующему рубежу у Мепаври, чтобы не дать неприятелю времени там укрепиться. Так как передвижение войск по берегу было затруднено сильно пересеченным рельефом местности и не давало возможности перебросить десант к

Мепаври за день (20 км по прямой), было решено повторить десантную операцию морем.

К вечеру того же дня была получена разведывательная информация о приближении со стороны Трапезунда к Мепаври подкрепления, поэтому Ляхов приказал произвести высадку десанта у Мепаври в ту же ночь. Для перевозки десанта было привлечено еще два «Эльпидифора». Прикрывали операцию эсминцы «Жаркий» и «Строгий» и броненосец «Ростислав».

В тот же вечер десант в Атине был посажен на суда и, прикрываемый эсминцами, подошел к Мепаври. Турки заметили подход судов и открыли ружейный огонь. Но десант успешно был высажен и сразу же овладел назначенными возвышенностями и гребнями. Для поддержки действий десанта с эсминцев и «Эльпидифоров» был открыт интенсивный огонь, который, не нанося особого ущерба неприятелю, все же произвел необходимый моральный эффект. Русский десант, понеся незначительные потери, захватил пленных и одно орудие. Турки отошли в горы. С подходом главных сил десантный отряд, поддерживаемый артогнем с «Ростислава» и других кораблей, к утру занял высоты к западу от Мепаври и продолжил наступление на Ризе.

Чтобы захватить плацдарм к западу от Ризе, генерал Ляхов приказал произвести новую переброску десанта морем. Один батальон был посажен на «Эльпидифоры» и под прикрытием «Кубанца» и трех эсминцев доставлен в район впереди Ризе. Высадка произошла без всякого сопротивления турок.

В тот же день оставленный противником Ризе был занят главными силами Приморского отряда. Занятие Ризе обеспечило большие преимущества русской армии. На всем побережье, начиная от Батума, только в Ризе имелись относительно сносные условия для стоянки и разгрузки судов. Ризе был плохим портом, но все-таки портом.

От Батума до Ризе практически не было дорог. Значительная часть грузов доставлялась сухим путем из Батума в Ризе во вьюках. Еще с момента занятия Архавы большинство снабжения шло морем на транспортах и «Эльпидифорах». Однако выгрузка предметов снабжения армии на необорудованное побережье была крайне сложна в хорошую погоду и практически невозможна зимой. Кроме того, от Ризе до Трапезунда шла хорошая шоссейная дорога.

Еще до занятия Ризе командование Кавказской армией и флотское начальство разработало план большой десантной операции по овладению Трапезундом. Однако 29 января 1916 г. Ставка запретила проводить крупные десантные операции на Черном море. Поэтому командование

Кавказской армией решило ограничиться переброской двух пластунских бригад (всего 12 тысяч человек) из Новороссийска в Ризе.

Прикрытие перевозки осуществлялось дредноутами «Императрица Мария» и «Екатерина II», крейсерами «Память Меркурия» и «Кагул», а также шестью эскадренными миноносцами. Непосредственная охрана транспортов возлагалась на крейсера «Прут» и «Алмаз», авиатранспорты «Александр I» и «Николай I» и эскадренные миноносцы.

Посадка войск в Новороссийске была начата 3 апреля, а на следующий день транспорты вышли в море. 6 апреля в 7 часов утра началась разгрузка транспортов в Ризе. На море был штиль, и это очень способствовало разгрузке, и в первую очередь лошадей, которые выгружались на мелководье и добирались до берега вплавь. К 17 часам выгрузка была успешно завершена, и транспорты еще засветло покинули рейд.

Для защиты залива порта Ризе от проникновения германских подводных лодок была поставлена противолодочная сеть. Кроме того, за сетью были развернуты две противолодочные завесы: внутренняя — из тральщиков, и внешняя — из миноносцев.

Эти предосторожности не были излишними. 30 марта германская подводная лодка U-33 потопила торпедой русское госпитальное судно «Португаль» водоизмещением 5358 тонн. «Португаль» (транспорт № 51) был переоборудован в госпитальное судно и нес на себе все положенные знаки госпитального судна. Он шел из Батума в район Офа (западнее Ризе), чтобы забрать раненых с сухопутного фронта. В этом районе не было причалов, поэтому «Португаль» вел на буксире три десантных бота и один паровой катер, с помощью которых предполагалось производить эвакуацию раненых.

30 марта в 8 часов утра «Португаль», находясь в районе мыса Фиджи у Сюрмене в 5–7 милях от берега, вынужден был застопорить машину, чтобы отлить набравшуюся в один из ботов воду. В это время была замечена германская подводная лодка U-33, которая двигалась от носа судна к правому траверзу. Периодически показывая свой перископ, она подошла к «Португалю» и с дистанции 6 кабельтовых (1111 м) выпустила торпеду из носового торпедного аппарата, но промазала. Вторая торпеда, выпущенная на дистанции 3 кабельтовых (556 м) из кормового аппарата, попала прямо в середину судна. Торпеда попала между машинным и кочегарным отделением.

После взрыва торпеды внутри судна произошел взрыв котлов, и «Португаль», переломившись посередине, быстро пошел ко дну с высоко поднятыми носом и кормой.

От момента взрыва до полного погружения судна прошло не более одной минуты, спустить шлюпки не успели, и спасение экипажа происходило в индивидуальном порядке.

Оказавшиеся поблизости эсминцы «Стремительный» и «Строгий» приступили к спасению людей. Всего было спасено 6 человек командного состава, 18 человек команды и 72 человека персонала Красного Креста, то есть 96 человек. Погибло 96 человек, в основном из медицинского персонала.

В ответ на это грубое нарушение всех международных конвенций русское правительство сделало заявление. Турки дали опровержение, заявляя, что «Португаль» якобы перевозил войска. Вместо словоблудия Николай II мог бы в ответ начать операции против германских судов, перевозивших железную руду в шведских территориальных водах. Тут он ничем не рисковал: Швеция в 1916 г. ни при каких обстоятельствах не вступила бы в войну.

Немцы тоже подбрасывали подкрепление морем на Кавказский фронт, но не на транспортах, а уже на крейсерах. Так, 3 апреля «Бреслау» прорвался в Трапезунд, где выгрузил 2 офицеров, 105 солдат, 794 ящика патронов, 4 пушки и 5 тысяч винтовок. «Бреслау» разгрузился всего за один час, отправился в бухту Сюрмене и там около часа обстреливал русские позиции. Кроме того, снарядами крейсера был подожжен малый танкер водоизмещением 700–800 тонн. «Бреслау» прикрывала подводная лодка U-33. Она же добила из своего 88/30-мм орудия танкер.

Далее «Бреслау» двинулся к Новороссийску, возможно, с целью перехвата русских войсковых транспортов. На рассвете 4 апреля в 4 часа 30 мин. «Бреслау» был замечен на дредноуте «Екатерина II», который шел в сопровождении крейсера «Кагул» и эсминцев. «Бреслау» сразу развил полный ход и начал уходить. Около 5 часов утра дредноут «Екатерина II» открыл огонь с дистанции 92 кабельтовых (17 км). Стрельба продолжалась до 5 ч. 15 мин. и была прекращена на дистанции 142 кабельтовых (более 26 км). Русский дредноут стрелял чрезвычайно метко. Третьим залпом он накрыл крейсер: один всплеск поднялся под носом слева, другой — за кормой справа. Сотрясение, испытанное крейсером, было не меньше, чем при минном взрыве. Осколки снаряда, разорвавшегося под носом корабля, пробили борт и нанесли легкие повреждения в нескольких помещениях, пустых во время боя. После этого залпа «Бреслау» пошел зигзагообразным курсом и избежал дальнейших попаданий. Поддерживая полный ход, «Бреслау» в 10 часов утра скрылся из виду.

Рано утром 4 апреля подводная лодка U-33 вошла в бухту Сюрмене. В

7 ч. 30 мин. она увидела два транспорта, шедшие с востока под охраной нескольких эсминцев.

Командир лодки приготовился к торпедной стрельбе. Однако эсминец «Строгий», конвоировавший транспорты, попытался протаранить лодку. У лодки был погнут перископ, повреждена рубка и нарушена водонепроницаемость. Командир U-33 приказал срочно уходить. 7 апреля лодка прибыла в Босфор. U-33 была буквально на волосок от гибели. На «Строгий» только что погрузили глубинные бомбы, но минный состав еще не был натренирован по их сбросу. Поэтому в момент прохода над лодкой матросы не успели сбросить бомбы.

Как уже говорилось, германские подводные лодки постоянно развлекались потоплением мирных парусников у русских берегов. Та же UB-7 между Одессой и Варной потопила два парусника. Затем командир UB-7 попросил разрешения у командования поохотиться в районе Севастополя.

23 апреля UB-7 вышла из Варны и с 26 апреля по 2 мая находилась на позиции. 2 мая UB-7 заметила парусно-моторную шхуну. После длительного преследования шхуне было предложено выстрелом и сигналом остановиться. Когда при дальнейшем преследовании дистанция начала уменьшаться, UB-7 открыла огонь. Шхуна спустила паруса, но мотор ее продолжал работать, и UB-7 продолжала стрелять. С дистанции 11 кабельтовых (около 2 км) парусник внезапно открыл оружейный и ружейный огонь, так что UB-7 вынуждена была погрузиться. Это было первое русское судно-ловушка. Чтобы отбить у немцев охоту нападать на малые парусные суда, командование флота распорядилось вооружить артиллерией две парусно-моторные шхуны. Однако у офицеров, исполнявших приказ, в голове, видимо, была одна извилина, да и та — след от форменной фуражки. Шхуны были окрашены в шаровый (боевой) цвет, снабжены новыми парусами, рангоут вытянут, словом, им был придан «воинский» вид. Поэтому после 2 мая германские подводные лодки легко распознавали суда-ловушки и не трогали их.

13 апреля Батумский отряд пополнился броненосцем «Пантелеймон». На переходе из Севастополя в Батум его сопровождал дредноут «Императрица Мария».

В тот же день, закончив перегруппировку своего отряда, генерал Ляхов решил перейти в наступление и срочно вызвал из Батума корабли. Около 10 часов вечера 13 апреля «Ростислав» и «Пантелеймон» с охраняющими их эсминцами «Живой», «Жаркий», «Строгий» и «Стремительный» вышли из Батума в Сюрмене.

Утром 14 апреля «Ростислав» с дистанции 10 кабельтовых (1852 м) начал обстрел ущелья реки Кара-Дере, переводя временами огонь на другие позиции по указаниям с берега, передававшимся по радио. В 13 часов по сигналу с «Ростислава» «Пантелеймон», перейдя на 12 кабельтовых (2222 м) к берегу и развернувшись левым бортом, с застопоренными машинами, открыл огонь из 152-мм орудий по склонам левого берега реки Кара-Дере и по селению Сюрмене. Русские войска перешли в наступление, заняли Сюрмене и продвинулись вперед на 8 км. 14 апреля «Ростислав» выпустил 540, а «Пантелеймон» 680–152-мм снарядов. Артиллерия главного калибра не использовалась.

Все время обстрела броненосцы охраняли от германских подводных лодок четыре эсминца и пять «Эльпидифоров». На ночь «Ростислав» и «Пантелеймон» с охранявшими их эсминцами отошли в море. К утру оба броненосца снова подошли к берегу. Получив по радио приказ обстрелять район реки Якун-Дереси, «Ростислав» в 7 ч. 30 мин. открыл огонь по склонам, где было возможно нахождение противника. В 8 часов, когда по радио стали поступать более точные указания и наши войска перешли в наступление, открыл огонь и «Пантелеймон». «Пантелеймон» обстрелял район реки Якун-Дереси, а затем, по мере продвижения наших войск, перенес огонь на группы отступавшего противника. В 14 часов войсками была занята деревня Калкос, где турки пытались закрепиться, но были вынуждены, спасаясь от огня корабельной артиллерии, отойти к селению Арсени-Искелеси. В 6 часов вечера это селение было также занято Приморским отрядом. Таким образом, за день Приморский отряд продвинулся еще на 12 км, установив фронт в 15 км от Трапезунда.

По отзывам командиров, огонь корабельной артиллерии в этот день был менее удачным, чем накануне, как из-за отсутствия связи с берегом из-за быстрого продвижения войск, так и из-за отсутствия точных карт этого участка. У назначенных для ориентировки кораблей артиллерийских офицеров кроки местности были рассчитаны на два дня наступления, в то время как это пространство, при поддержке огня корабельной артиллерии, было пройдено к 14 часам первого же дня наступления.

Вечером того же дня, 15 апреля, было получено приказание Ляхова «Ростиславу» и «Пантелеймону» идти на Батум.

Вернувшись в Батум, броненосцы простояли там до 19 апреля, когда были вызваны в Трапезунд, чтобы присутствовать при торжественном входе русских войск в город.

Русские войска заняли Платану и продвинулись примерно на 50 км к западу от Трапезунда. Дальнейшее продвижение не входило в планы

русского командования.

Русские оперативно увеличили число причалов в Трапезундском порту. Гавань была огорожена противолодочной сетью. Были возведены береговые батареи, на вооружение которых поступили 152/45-мм пушки Кане и 152-мм пушки в 190 пудов обр. 1877 г. В Трапезунд был перебазирован отряд гидросамолетов.

После занятия Трапезунда стало ясно, что наличных сил Приморского отряда недостаточно для уверенного удержания всего намеченного плацдарма. Командование Кавказской армией потребовало от Ставки подкрепления в составе двух пехотных дивизий. В середине апреля Ставка сообщила, что две дивизии будут выделены, и предложила договориться с командованием флота об их доставке и высадке.

В конце апреля Ставка уведомила, что в первую очередь подлежит перевозке 127-я пехотная дивизия в составе 18 тысяч человек, 2,1 тысячи лошадей, 36 орудий, 200 голов скота, 800 повозок и 50 тысяч пудов фуража и грузов. Вслед за ней перевозке подлежала 123-я пехотная дивизия почти такого же состава.

Портом посадки обеих дивизий был выбран Мариуполь. Там имелись удобные причалы, упрощалась доставка войск по железной дороге, а главное — на Азовском море еще не появились германские подводные лодки.

13 мая в Мариуполе началась посадка 127-й пехотной дивизии. Выяснилось, что перевезти надо 17 тысяч человек десанта, 4,3 тысячи голов лошадей и скота, 1500 повозок и 60 тысяч пудов груза.

Утром 16 мая посадка была завершена. Транспортная флотилия в составе 30 транспортов вышла в море, взяв курс на Керченский пролив.

Одновременно с выходом транспортов из Мариуполя для их встречи и конвоирования были посланы к Керченскому проливу крейсера «Кагул», «Память Меркурия», «Алмаз», авиатранспорт «Александр I» и эсминцы.

17 мая корабли конвоя заняли в Керченском проливе намеченные им районы. «Алмаз» и «Александр I» приступили к воздушной разведке, спуская поочередно свои гидросамолеты до тех пор, пока транспорты окончательно не миновали район Керченского пролива.

Главные силы в составе обоих дредноутов составляли прикрытие. «Императрица Мария» прикрывала непосредственно транспорты, а «Екатерина II» держалась у Босфора, поддерживая связь с дежурившей у пролива подводной лодкой на случай выхода «Гебена».

Весь переход транспорты совершили благополучно. В ночь на 18 мая погода засвежела, появилась крупная зыбь, от которой сильно страдали

перевозимые войска и лошади.

На рассвете 19 мая открылись берега Лазистана, и в 5 часов утра начальник конвоя приказал «Александру I» и «Алмазу» начать воздушную разведку по всему району подхода к Кавата-Шан. С приближением транспортов к пункту высадки десант был встречен эсминцем, под проводкой которого транспорты одной колонной стали входить на рейд высадки.

К этому времени все средства высадки уже были развернуты согласно приказаниям начальника высадки: рейд был огорожен поставленной в ночь на 19 мая сетью, и входы в него были тщательно протралены; внутренние линии охраны из канонерских лодок, тральщиков, малых миноносцев и охранных катеров заняли свое место по диспозиции; база высадки развернула свои средства на участках берега и сосредоточила выгрузочные боты и самоходные баржи у мест стоянок транспортов.

По мере входа транспортов на рейд освобождавшиеся миноносцы конвоя вступали во внешнюю линию охраны, намеченную в 6 милях от внутренней. Причем крейсера «Кагул» и «Память Меркурия» были выдвинуты далеко на запад за Трапезунд, находясь, первый в 10 милях на север от мыса Иерос, а второй — от того же мыса на 30 миль на северо-запад. Здесь же вне видимости с берега держался дредноут «Императрица Мария» с нефтяными миноносцами. «Екатерина II» продолжала находиться у Босфора.

Высадка началась 19 мая в 7 ч. 30 мин. и закончилась к 14 часам 20 мая. Было высажено 16 840 человек, 4208 лошадей и скота, 36 орудий, 1385 повозок, кухонь и двуколок и 60 тысяч пудов (983 тонны) груза.

21 мая в 4 ч. 30 мин., получив сообщение, что в море неприятельских судов не обнаружено, транспортная флотилия вышла в море и направилась в Мариуполь для перевозки 123-й пехотной дивизии.

Германо-турецкие силы практически не мешали высадке. «Гебен» с 26 марта по 22 мая находился в ремонте. «Бреслау» в этот период выходил с 3 по 8 мая для заградительных операций у Дуная и Евпатории, а затем, с 30 мая по 2 июня — для доставки снаряжения и боеприпасов в Синоп и Самсун. Подводная лодка U-33 после тарана ее эсминцем «Строгий» находилась в длительном ремонте, а посланная на ее замену вторая большая подводная лодка U-38 прибыла из Средиземного моря только 23 мая и вышла в первый поход к берегам Лазистана лишь 31 мая.

25 мая из Константинополя была выслана к берегам Лазистана малая подводная лодка UB-14. Но из-за свежей погоды в район Трапезунда она смогла прибыть только 4 июня. Согласно докладу ее командира, 4 июня в 8

ч. 15 мин. она с дистанции 16 кабельтовых (около 3 км) выпустила две торпеды по русским транспортам, но ни одна из них не попала в цель. Русские дозорные корабли даже ее не заметили. 7 июня у входа в Босфор UB-14 была атакована русской подводной лодкой. UB-14 спасло лишь быстрое погружение.

К 24 мая транспорты, участвовавшие в перевозке 127-й пехотной дивизии, вновь сосредоточились в Мариуполе. Там 28 мая началась погрузка 123-й пехотной дивизии. 30 мая флотилия транспортов вышла из Мариуполя. Из-за отсутствия артиллерии при 123-й дивизии число транспортов было уменьшено с 30 до 21. Высадка была произведена на необорудованное побережье. Как и в прошлую высадку, транспорты были огорожены сетевым заграждением от вражеских подводных лодок.

Высадка началась 2 июня в 6 часов 40 мин. Спокойное состояние моря позволило до полудня свести всю пехоту на намеченные участки берега. Но затем на море появилась зыбь, и увеличился прибой, что значительно усложнило выгрузку. К 17 часам сила прибоя стала настолько велика, что сперва пришлось отказаться от использования ботов и самоходных барж, а вскоре и «Эльпидифоры» оказались не в состоянии удерживаться во время выгрузки на кормовых якорях.

На некоторых участках высадки, наиболее закрытых, все же удалось использовать «Эльпидифоры». Приткнув их к берегу и удерживая от выброса на берег буксирами, «Эльпидифоры» использовали в качестве пристаней для самоходных барж. С некоторыми перебоями высадка продолжалась до темноты, когда уже стало опасно пользоваться этими импровизированными пристанями. В 22 часа выгрузка была приостановлена. Так как погода обещала ухудшиться, 12 выгрузившихся транспортов вместе с судном начальника транспортной флотилии и со всей внешней охраной с наступлением темноты ушли в Батум. Восемь транспортов осталось неразгруженными, и морское начальство, непонятно чего испугавшись, велело им идти в Батум.

Всего было перевезено 17 825 человек, 2197 лошадей и скота, 800 повозок и 800 тонн груза. Из этого числа невыгруженными остались 100 повозок, 900 лошадей, 1050 человек обозной команды и 650 тонн груза, которые были доставлены затем из Батума в Трапезунд на местных транспортных средствах.

На этом совместные действия армии и флота на Трапезундском направлении в основном были закончены. В дальнейшем усилия флота были направлены на усиление Трапезундского укрепленного района и создания базы снабжения Кавказской армии.

Для обороны Трапезунда и его района с моря состав Батумского отряда был пополнен бригадой броненосцев «Евстафий», «Иоанн Златоуст» и «Пантелеймон», базировавшихся в Батуме. Этих сил было достаточно как для прикрытия района от «Гебена», так и для поддержки сухопутного фронта в случае, если турки предприняли бы операцию против Трапезунда. Однако в дальнейшем, вплоть до фактического прекращения в 1917 г. боевых действий в прибрежном районе, происходили только мелкие стычки на различных участках приморского фронта, требовавшие по большей части содействия только эскадренных миноносцев.

Летом 1916 г. на Черном море усилилась активность германских подводных лодок. Так, 31 мая к берегам Кавказа вышла большая подводная лодка U-38. На ее борту находились три диверсанта-горца (черкеса). 3 июня они были высажены в 45 милях к северу от Батума. 7 июня на рассвете U-38 заметила три танкера, шедшие без огней в кильватерной колонне. Подводная лодка заняла позицию для атаки. Но танкеры на дистанции 11–16 кабельтовых (2–3 км) открыли меткий огонь из орудий 75-мм калибра. Германская подводная лодка была вынуждена погрузиться. Она выпустила одну торпеду, от которой танкеры уклонились маневрированием.

8 июня U-38 в 3–4 милях от берега попала торпедой в транспорт №21, шедший порожняком. Второй транспорт (№ 77) уклонился от торпеды и выбросился на берег. Третий транспорт (№ 39) также выбросился на берег. U-38 вплотную подошла к берегу и расстреляла оба транспорта из 88-мм пушки. Все три транспорта обеспечивали снабжение Кавказской армии. Затем подводная лодка U-38 артиллерийским огнем потопила 700-тонную трехмачтовую шхуну. Попытка U-38 произвести атаку в гавани Туапсе не удалась. 10 июня германская подводная лодка артиллерийским огнем потопила груженный пароход водоизмещением в 400 тонн. Во время атаки на пароход с берега по подводной лодке открыли энергичный огонь из орудий малого калибра, но снаряды ложились недолетами. Во время крейсерства в южной части Черного моря подводная лодка U-38 заметила дредноут «Императрица Мария», шедший зигзагообразным курсом. Командир германской лодки выпустил с дистанции 8–10 кабельтовых (1,5–1,9 км) две торпеды, но торпеды прошли мимо. 14 июня U-38 вернулась в Босфор.

С 26 июня по 9 июля у берегов Крыма безрезультатно крейсировала малая подводная лодка UB-14.

После 8-дневного ремонта U-38 26 июня снова вышла в Черное море. Вновь у Анакрии 29 июня было высажено пять диверсантов-горцев.

2 июля U-38 у берегов Кавказа обнаружила три парохода

водоизмещением около 4000 тонн под конвоем вооруженной паровой яхты. Лодка выпустила торпеду в головной пароход, но результата действия ее увидеть не удалось, так как лодка была атакована яхтой и не замеченным ранее эскадренным миноносцем. На лодку было сброшено несколько бомб. Поврежденной U-38 с трудом удалось уйти. Позже лодка потопила еще два парохода водоизмещением по 3000 тонн и 13 июля вернулась в Босфор. 12 августа U-38 ушла в Эгейское море.

3 июля «Гебен» вышел в Черное море и соединился с вышедшим ранее «Бреслау». 4 июля с 3 ч. 44 мин. до 4 ч. 07 мин. «Гебен» с дистанции 18–25 кабельтовых (3,3–4,6 км) обстреливал Туапсе. В порту были отмечены пожары. Для соединения с «Бреслау» «Гебен» прошел вдоль берега и обстрелял между 5 ч. 18 мин. и 5 ч. 23 мин. из 88-мм орудий два сарая у мыса Лазаревского. В 5 ч. 12 мин. показался «Бреслау» и присоединился к «Гебену». У Сочи «Бреслау» потопил торпедой транспорт водоизмещением около 1500 тонн, нагруженный железнодорожным материалом, и артиллерийским огнем — небольшой парусник. У поста Вардане «Бреслау» артиллерийским огнем уничтожил транспорт № 55 водоизмещением около 2000 тонн (бывший английский пароход «Рокклиф»). Затем «Гебен» двинулся к берегам Болгарии и, следуя на юг вдоль берега, в 19 часов 6 июля вошел в Босфор.

Таким образом, с момента начала обстрела Туапсе до входа в Босфор прошло свыше 36 часов. Русским дредноутам от Севастополя до Босфора с запасом 15 часов ходу. Даже броненосцам, если бы они шли 14-узловым ходом, требовалось бы менее 21 часа, чтобы дойти до Босфора. Нефтяные миноносцы могли бы еще до подхода дредноутов выставить у Босфора минное заграждение и не дать его тралить до самого подхода «Гебена». Минные постановки можно было произвести у Варны и Зунгулдака, единственного места, где «Гебен» мог заправиться углем. Да и то теоретически, потому что за время заправки туда могли прийти подводные лодки из трех маневренных групп русского флота. У «Гебена» не было ни одного шанса уйти. Ему дали уйти умышленно. Недаром в Государственной думе депутаты открыто спрашивали царских министров: «Что это — глупость или измена?» За эту операцию командующий Черноморским флотом получил у своих подчиненных заслуженное прозвище «Гебенгард». Его дальнейшее пребывание в Севастополе стало небезопасным. Николай II вынужден был заменить его на посту командующего 42-летним адмиралом А.В. Колчаком.

21 июля в 19 часов «Бреслау» вышел в море с 65 минами. По плану в ночь с 22 на 23 июля он должен был поставить мины у Новороссийска. 22

июля в 13 ч. 05 мин. «Бреслау» заметил четыре дыма. В 13 ч. 45 мин. ближайший корабль был опознан как эсминец типа «Дерзкий». С 13 ч. 55 мин. до 14 ч. 05 мин. эсминец обстрелял из орудий «Бреслау». Крейсер ответил. Эсминец отошел вне радиуса действия орудий «Бреслау». В 14 часов с «Бреслау» увидели дредноут «Императрица Мария». С дистанции 121 кабельтовых (22,4 км) дредноут открыл огонь. Первые два залпа легли с недолетом в 600–400 м. Немцы поставили дымовую завесу и начали маневрировать. В связи с этим «Императрица Мария» прекратила огонь. Когда завеса рассеялась, дредноут возобновил огонь, но «Бреслау» вновь поставил завесу. Прямых попаданий в крейсер не было, лишь один снаряд разорвался в 10 м от борта и нанес осколками незначительные повреждения. При этом было ранено 7 человек, из них 4 — тяжело.

В конце концов «Бреслау» удалось уйти от преследования и 23 июля в 5 ч. 15 мин. войти в Босфор.

В болгарском городе Ямболи базировался германский армейский дирижабль SL-10. 15 июля он летал над Стамбулом, вызывая удивление правоверных. 28 июля дирижабль вылетел на бомбардировку Севастополя и не вернулся. Немцам так и не удалось установить причину его гибели.

Летом 1916 г. из Германии в Турцию было направлено три подводные лодки — UB-42, UB-44 и UB-45. Они традиционно были доставлены по железной дороге в Полу, оттуда 3 августа вышли в Дарданеллы. 12 августа UB-45 прибыла в Стамбул, через три дня туда прибыла UB-42. А UB-44 была потоплена 8 августа в Эгейском море английским миноносцем. Уже 20 августа UB-45 вышла в Черное море, где потопила итальянский пароход «Тевере».

25 августа русская эскадра в составе дредноута «Императрица Мария», крейсера, восьми эсминцев и двух авиатранспортов с 14 самолетами подошла к Варне. Русские гидросамолеты произвели налет на Варну. В ответ три германских гидросамолета за 7 вылетов сбросили 70 бомб на русские корабли. Эсминец «Поспешный» получил два попадания — в трубу и в палубу. На эсминце погибло 6 человек и ранено 20 человек. Остальные корабли не пострадали.

26 августа Румыния вступила в войну на стороне Антанты. Румынский флот не имел никакой боевой ценности. Единственный интерес представлял товарно-пассажирский пароход «Романия» водоизмещением 4500 тонн, прибывший в октябре 1916 г. в Севастополь и переоборудованный в авиатранспорт.

28 августа корабли австро-венгерской Дунайской флотилии обстреляли румынский порт Журжа на Дунае. Для противодействия австро-венгерской

Дунайской флотилии, имевшей на вооружении башенные мониторы, и для поддержки сухопутных войск осенью 1916 г. была создана русская Дунайская флотилия. В ее состав вошла сверхмалая подводная лодка № 3 водоизмещением 35/45 тонн с двумя торпедными аппаратами (бывшая подводная лодка Военного ведомства). Лодка была перевезена по железной дороге осенью 1916 г. Мореходные канонерские лодки «Донец», «Терец» и «Кубанец» были включены в состав флотилии в конце августа 1916 г. С февраля по сентябрь 1917 г в состав флотилии было включено 19 речных канонерских лодок (К1 — К19). Часть этих канонерских лодок была построена в 1916–1917 гг. в Николаеве. Они получили название «болиндеров» по названию их моторов. Остальные были ранее румынскими самоходными баржами, а К15 — бывшая одесская шаланда «Казатин». Стандартным вооружением лодок типа «К» было одна-две 152-мм пушки Кане.

Осенью 1916 г. в состав Дунайской флотилии были перечислены из Черноморского флота четыре посыльных судна (бронекатера) — «Кинжал», «Рапира», «Сабля» и «Штык», которые перебросили на Черное море по железной дороге с Амура в 1915 г. Их водоизмещение 23,5 тонны, вооружение: одна 75/50-мм пушка.

6 октября 1916 г. в Севастополе взорвался дредноут «Императрица Мария». Причину гибели корабля до сих пор не удалось установить. Существуют две наиболее вероятные версии — самовозгорание пороха в носовой башне главного калибра и диверсия. Из 1223 человек экипажа погибло 228. В конце 1916 г. были начаты работы по подъему «Императрицы Марии». Но в связи с последовавшими революционными событиями работы по подъему затянулись, и дредноут был поднят килем вверх лишь в мае 1918 г. С корабля были сняты 305- и 130-мм орудия и ряд вспомогательных механизмов. Корпус корабля был разобран на металл в 1927 г.

Гибель «Императрицы Марии» была самой тяжелой потерей Черноморского, да и всего Российского флота в Первой мировой войне. Однако эта потеря мало отразилась на соотношении сил на Черном море. К 1917 г. Россия имела большой количественный и качественный перевес над германо-турецкими силами в линкорах, крейсерах, эсминцах, подводных лодках и самолетах.

Несмотря на гибель «Императрицы Марии», «Гебен» и «Бреслау» не рисковали более выходить из Босфора.

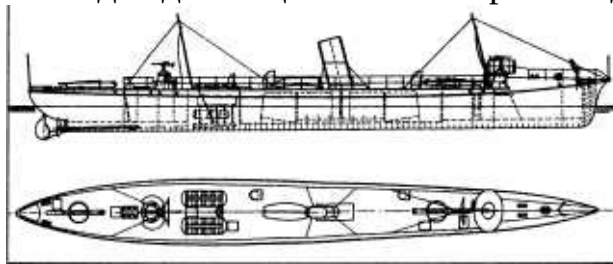
Подводная лодка «Тюлень» 11 октября находилась в дозоре у Босфора. В 23 часа к востоку от мыса Кефкен был замечен транспорт «Родосто»

водоизмещением 6400 тонн, шедший в Зунгулдак. Подводная лодка в надводном положении атаковала транспорт и с дистанции 8 кабельтовых открыла огонь. На «Тюлене» было одно 75-мм и одно 57-мм орудие, на «Родосто» — одно 88-мм германское орудие с прислугой с крейсера «Бреслау» и одно турецкое орудие мелкого калибра. В ходе боя расстояние между противниками уменьшилось до 3 кабельтовых (556 м). На «Родосто» начался пожар, а команда вместо того, чтобы тушить его, стала кидаться за борт, благо, берег был совсем рядом. Одним из первых в воду кинулся немец — капитан «Родосто». «Тюлень» высадила на транспорт призовую партию. Двое турок и шесть немцев, включая капитана, были выловлены из воды. Призовая партия потушила пожар, исправила повреждения, подняла пары в котлах и пустила в действие механизмы.

13 октября после 40-часового плавания «Тюлень» и «Родосто» пришли в Севастополь. Захваченный транспорт 18 октября 1916 г. был включен в состав Черноморского флота под прежним названием. Лишь в ноябре 1920 г. «Родосто» был уведен Врангелем в Стамбул и передан туркам.

С середины 1916 г. русские минные заградители, тральщики, эсминцы и подводная лодка «Краб» уже не эпизодически, а непрерывно ставили мины перед Босфором. При этом Служба связи Черноморского флота регулярно перехватывала и расшифровывала радиogramмы противника. Немцы и турки регулярно оповещали по радио свои суда о протраленных фарватерах. Об этом Служба связи оповещала командование Черноморского флота, и на протраленных местах ставились новые мины. Немцы об этом не узнали даже после войны. Так, Лорей писал: «...часто замечалось, что новые заграждения поставлены как раз там, где тральщики работали несколько дней назад».

Помимо многочисленных транспортов на минах 31 августа 1916 г. подрывался и затонул миноносец «Кутахья». 17 сентября была оторвана миной вся кормовая часть канонерской лодки «Малатия». Носовую часть удалось спасти, но канлодка до конца войны в строй введена не была.

Миноносец «Кутахья»

5 ноября у Босфора на минах погибла подводная лодка UB-45. На следующий день вышла в море и не вернулась подводная лодка UC-15,

предположительно, тоже погибла на минах. Правда, потеря этих лодок была частично возмещена прибытием 5 декабря 1916 г. в Проливы из Полы подводной лодки UC-23.

В декабре Служба связи расшифровала приказ двум турецким канонерским лодкам буксировать парусные суда из Варны в Босфор. На перехват был отправлен крейсер «Память Меркурия», который с дистанции 15 кабельтовых (2800 м) расстрелял обе канонерские лодки; парусники выбросились на берег, экипажи их спаслись.

Турецкое командование не имело четких оперативных планов кампании 1916 г. По мнению Энвер-паши, война решалась не на турецких фронтах, а в Европе, и он даже предлагал турецкие войска, освободившиеся после Дарданелльской операции, направить в Австро-Венгрию.

Правящие круги России тоже не придавали большого значения войне с Турцией, и тоже направляли на убой на Западный фронт десятки тысяч русских солдат. Между прочим, в августе 1914 г. французское правительство предоставляло тысячам или даже десяткам тысяч русских мужчин, имевших несчастье оказаться во Франции к началу войны, выбор: либо идти во французскую армию, либо отправляться в концлагерь до конца войны. На что ни русский военный агент граф Игнатьев, ни русский посол в Париже, ни сам Николай II никак не реагировали.

На самом же Кавказском фронте и русские, и турецкие генералы были настроены воинственно и рвались наступать. К началу 1916 г. в составе Третьей турецкой армии было 121,5 батальона, 78 эскадронов и курдские части. Всего 80 226 человек, из них 56 195 штыков и 2087 сабель. Имелось 150 орудий и 77 пулеметов.

Кавказская армия имела 118 батальонов, 23 ополченческие дружины, 104,5 эскадрона и сотни, 338 орудий, 10 самолетов и 150 грузовых автомобилей.

Турки планировали начать наступление весной, но русские их опередили и начали Эрзерумскую операцию.

Наступление русских войск началось в ночь на 10 января 1916 г. атакой 2-го Туркестанского корпуса на ольтинском направлении с целью привлечь внимание турок к их левому флангу, а затем, через 2 дня, перешел в наступление и 1-й Кавказский корпус, поддержанный армейским резервом. Для турок наступление русских в самое неудобное время года, тщательно подготовленное, при скрытно произведенных перегруппировках войск, было полной неожиданностью, что и способствовало успеху первого этапа операции — овладению кеприкейской позицией. Вся операция

вылилась в ряд тактических действий: борьбу за горные перевалы и обходы противника по горным хребтам, достигавшим высоты 2700 метров, при 25-градусном морозе и при вьюгах, сразу же заметавших протоптанные тропы. Вся тяжесть наступления легла на пехоту, которой приходилось втаскивать пушки на руках. Особенно тяжело пришлось войскам 2-го Туркестанского корпуса, некоторые колонны которого в полном смысле слова пробивались в снежных туннелях. Наиболее быстро шло наступление русских на сарыкамышском направлении, в основном, из-за большего числа и лучшего качества дорог.

В середине января был занят Гассан-Кала. Русские войска не встретили почти никакого сопротивления, так как турки спешно отступили к Эрзеруму. Можно было считать, что задача, поставленная Кавказской армии, была выполнена, так как живая сила турок была разбита и центр их расположения прорван. По агентурным сведениям, турки в Эрзеруме пали духом, никто не готовился к обороне, и крепость легко можно было взять с ходу.

С другой стороны, турки начали переброску войск к Эрзеруму из Константинополя и Месопотамии. Поэтому генерал Н.Н. Юденич предложил немедленно штурмовать Эрзерум. Однако прибывший в армию из Тифлиса великий князь Николай Николаевич не согласился с ним. Свое решение великий князь обосновал мощью турецкой артиллерии на фортах Эрзерума (265 орудий). Лишь после долгих препирательств Юденичу удалось настоять на своем.

Русские начали штурм Эрзерума 11 февраля в 8 часов вечера. С севера наступал 2-й Туркестанский корпус, а с востока — 4-я Кавказская стрелковая дивизия и 1-й Кавказский корпус. Всего для штурма предназначалось 78 батальонов, 54,5 сотни, 4 роты саперов и 180 орудий, из которых 16 было тяжелых, доставленных из Карса на автомобилях. Русское наступление проходило успешно. Уже 12 февраля русские войска овладели двумя фортами на важных направлениях, что позволило им с севера выйти в тыл турецких позиций. 16 февраля русские войска ворвались в Эрзерум, а турки были отброшены на 70–100 км к западу. По достижении рубежа Мемахатун 13 марта и Хибонси 25 марта русские войска прекратили преследование и остановились из-за трудностей подвоза зимой по неподготовленным горным дорогам провианта и боеприпасов.

В ходе боев было захвачено 8 тысяч пленных, 9 турецких знамен, 315 орудий, большие запасы боеприпасов и продовольствия. Русские потери с начала операции составили 2300 убитыми, 14 700 ранеными и обмороженными. Всего 17 тысяч человек. Турецкая же армия потеряла

более половины своего состава и почти всю артиллерию.

Но на побережье Черного моря, где весна наступает раньше, распутица уже кончилась. Здесь с 5 февраля весьма успешно наступал во взаимодействии с Черноморским флотом Приморский отряд. К 25 марта этот отряд находился в 50 км от Трапезунда — промежуточной базы турок.

К этому времени в составе Приморского отряда было 11 батальонов, 9 дружин ополчения, 3 сотни, 4 инженерных роты и 38 орудий.

К 14 апреля Приморский отряд в составе 20 батальонов занял позицию вдоль правого берега реки Кара-Дере. Турецкие войска, уступавшие в силе почти вдвое, укрепились на левом берегу, заняв Сюрмене. В тот же день русские при поддержке артиллерии с двух кораблей заняли Сюрмене, а на следующий день продвинулись вперед, не дойдя до Трапезунда около 15 км. Здесь войска остановились и стали готовиться к штурму Трапезунда, который был назначен на 19 апреля. Этим перерывом в наступлении воспользовались турки, которые в ночь на 16 апреля отступили из города. Через два дня, 18 апреля, греческое население Трапезунда, чтобы избежать штурма, прислало своих представителей с просьбой занять оставленный турецкими войсками город. Так Трапезунд был занят русскими без боя.

Турки не смирились с потерей Эрзерума и Трапезунда и решили провести контрнаступление. Из района Проливов на Кавказский фронт была переброшена Вторая турецкая армия в составе 10 дивизий.

К началу наступления турок силы Кавказской армии составляли 207 293 штыка и 23 220 сабель. Наступление турок началось в апреле 1917 г. В конце мая туркам удалось отбить город Мемахатун. После длительных встречных боев 17 августа русские перешли в наступление. Но в середине сентября 1917 г. необычно рано в горах выпал снег и ударил мороз, заставивший противников прекратить боевые действия и спешно готовиться к зимовке. С началом зимних холодов обе стороны до весны перешли к обороне.

С лета 1917 г. начался развал русской Кавказской армии и Черноморского флота.

Глава 24

РОССИЯ И ТУРЦИЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ СМУТ

Пришедшие в России к власти большевики решили заключить перемирие на море еще до подписания мира. С этой целью в Одессе начались переговоры с германским вице-адмиралом Гопманом и турецким контр-адмиралом Арифом-пашой. В ночь с 15 на 16 декабря 1917 г. было заключено перемирие.

Черноморского театра касались следующие пункты:

1. Перемирие распространяется на все Черное море и на все находящиеся на нем морские и воздушные силы договаривающихся сторон.
2. Атаки с моря и воздуха на порты и побережье другой договаривающейся стороны запрещаются во всех морях.
3. Перелеты над портами и побережьями другой договаривающейся стороны, а также через демаркационные линии запрещены на всех морях.
4. Демаркационные линии на Черном море проходят: от маяка Олинька (Георгиевское гирло Дуная) до мыса Иероса (Трапезунд).
5. Торговля и торговое мореплавание на Черном море свободны. Установление всех положений по вопросу торговли, как и извещение торговых судов о безопасных морских путях, возлагается на черноморскую подкомиссию в Одессе.
6. Договаривающиеся стороны обязаны во время перемирия на Черном море не предпринимать никаких подготовлений к морским наступательным операциям.

Подписание соглашения буквально спасло Турцию. В Стамбуле давно не было топлива, приостановилась доставка хлеба. Как писал Лорей: «...хлебный паек был сокращен наполовину (по 180 г в день на человека), в то время как большей части населения приходилось питаться только хлебом. Поэтому свобода торгового судоходства на Черном море, обеспечивавшаяся договором о перемирии, имела первостепенное значение».

3 марта 1918 г. был подписан «похабный» Брестский мир. Однако ни немцы, ни турки не прекратили боевых действий. 13 марта германские войска заняли Одессу. Перед этим все суда, вплоть до барж, покинули порт. Эвакуацию прикрывали броненосцы «Ростислав» и «Синоп».

Подводные лодки UC-23 и UB-42 были посланы на позиции между Одессой и Севастополем с целью захвата русских танкеров, поскольку турецко-германскому командованию в Стамбуле срочно потребовались танкеры.

17 марта германо-австрийские войска заняли Николаев. После небольших стычек германские войска прорвались через Перекопский перешеек и 25 апреля заняли Симферополь. Здесь под охраной германских войск образовалось новое крымское правительство.

30 апреля 1918 г. германские войска подошли к Севастополю через Перекоп. А еще через три дня «Гебен» и «Гамидие» вошли в Севастопольскую бухту. Часть кораблей Черноморского флота была уведена в Новороссийск и там затоплена по приказу Ленина.

28 ноября 1917 г. меньшевиками, эсерами, дашнаками и мусаватистами в Тифлисе создается Закавказский комиссариат. Фактически это было националистическое правительство Закавказья (Азербайджана, Армении и Грузии). Закавказский комиссариат приступил к разоружению пробольшевистски настроенных частей Кавказской армии.

18 декабря Закавказский комиссариат подписал соглашение с Турцией о прекращении военных действий.

Тем не менее в январе 1918 г. турки начали наступление. Русские войска практически не оказывали им сопротивления, точнее, их там уже практически не было. Правда, турки имели стычки с отрядами армянских националистов.

30 января турки заняли Эрзинджан, 4 февраля — Байбурт, 8 февраля — Мемахатун, 29 февраля — Эрзерум, а в марте ими была занята вся турецкая территория, оккупированная русскими в Первую мировую войну.

На Брест-Литовской конференции турецкий представитель потребовал отделения от России Кавказа и создания независимого Кавказского государства.

3 марта большевики были вынуждены подписать позорный Брестский мир. По нему и Турции отходили Карс, Ардаган и Батум.

15 апреля турецкие войска без боя заняли Батум, а 25 апреля — Карс. К середине мая турки подошли к Тифлису на 20–25 км.

Между тем 22 апреля 1918 г. была создана Закавказская демократическая федеративная республика (ЗДФР), которая не признавала ни советской власти, ни Брестского мира. В состав ЗДФР вошли Грузия, Армения и Азербайджан. Руководство ЗДФР то противодействовало продвижению турецких войск, то вступало с ними в переговоры.

Однако больше всего продвижению турецких войск на Кавказе

мешала... Германия. В планы немцев не входило уступать бакинскую нефть и чиатурский марганец Турции. 27 апреля 1918 г. Германия принудила Турцию заключить секретное соглашение в Константинополе о разделе сфер влияния. Турции отводилась юго-западная часть Грузии и почти вся Армения, а остальная часть Закавказья доставалась Германии.

Лоскутная ЗДФР 8 июня 1918 г. официально прекратила свое существование. 8 июня образовалась Грузинская республика, 9 июня - Азербайджанская республика и 10 июня — Армянская республика.

4 июня 1918 г. Турция подписала с Армянской и Грузинской республиками договоры «о мире и дружбе», по которым к Турции кроме Карской, Ардаганской и Батумской областей отходили: от Грузии Ахалкалакский уезд и часть Ахалцихского уезда; от Армении Сурмалинский уезд и части Александропольского, Шарурского, Эчмиадзинского и Эриванского уездов. Турецкие войска получили право беспрепятственных железнодорожных перевозок.

28 мая правительство Грузии было признано Германией, и в Поти заключены шесть договоров, по которым Германия получала монопольное право на эксплуатацию экономических ресурсов Грузии, а порт Поти и железные дороги поступали под контроль германского командования. 10 июня германские войска вошли в Тифлис. К 15 июня численность их составила около 5 тысяч человек. Германские гарнизоны были размещены в Кутаиси, Гори, Сигнахе, Самтреди, Новосенаки, Очамчире и др. В Поти находились германские войска с артиллерией (свыше 10 тысяч человек). Всего в Грузии германских войск (включая военнопленных и мобилизованных немецких колонистов) было около 30 тысяч человек. Командующим войсками был назначен генерал-майор фон Крессенштейн.

Германские интервенты взяли под контроль почту, телеграф, банки, военные и финансовые ведомства. К грузинской армии были прикреплены германские инструкторы. По договорам с грузинским правительством от 12 июля Германия получала в эксплуатацию Чиатурское марганцевые рудники на 30 лет, порт Поти — на 60 лет, железнодорожную линию Шорапан — Чиатура — Сачхере — на 40 лет.

С мая по сентябрь германские интервенты вывезли из Грузии на

30 млн марок меди, табака, хлеба, чая, фруктов, вина и т.д., в том числе 31 тысячу тонн марганца, 360 тонн шерсти, 40 350 штук овечьих шкур.

Подробное описание гражданской войны на Кавказе в 1918–1921 гг. выходит за рамки нашей работы. Поэтому автор в ряде мест вынужден пойти на некоторые упрощения. Так, мы опускаем многочисленные и очень интересные внутренние разборки в Баку в 1917–1918 гг. Скажем лишь, что

13 тысяч турок при 40 орудиях вместе с 5 тысячами мусаватистов при 10 орудиях двинулись на Баку. Столицу Азербайджана обороняли пробольшеvistские силы Бакинской коммуны (18 тысяч человек, 19 орудий, 3 бронепоезда). В июне 1918 г. из Советской России в Баку прибыли 4 броневика, 13 самолетов, а в следующем месяце — 800 человек при 6 орудиях. Однако моральный дух защитников Бакинской коммуны был весьма слаб. 20 июля турки без боя заняли Шемаху. Сравнительно небольшая большеvistская прослойка в Баку оказалась в сложной ситуации. С одной стороны, у большевиков не хватало сил для отражения турецкого наступления, а с другой, они формально не имели права сражаться с немцами в силу Брестского мира. Большинству же населения Баку не улыбалось увидеть турок на улицах города. Поэтому Бакинский Совет принял решение позвать на помощь английские войска, которые к тому времени уже находились на севере Персии.

31 июля Совет Народных Комиссаров сложил свои полномочия. А взамен была создана «Диктатура Центрокаспия и Временного исполнительного комитета Совета», которая первым делом обратилась за помощью к англичанам. Кстати, переход власти к «Диктатуре» произошел мирно. Обиженные большевики собрали чемоданы и спокойно сели на корабли. Эkcсессы (расстрел 26 бакинских комиссаров и т.д.) произошли уже после эвакуации большевиков из Баку. 4 августа из Энзели морем прибыл английский отряд.

5 августа турецкие войска ворвались в Баку, но отрядам «Центрокаспия» и англичанам удалось вытеснить их из города. 17 августа в Баку прибыл второй английский отряд. Общая численность англичан достигла тысячи человек.

Турция подтянула резервы и 14 сентября возобновила наступление. На следующий день турецко-мусаватистские войска почти без боя заняли Баку. Англичане и руководство «Центрокаспия» бежали на судах Каспийской флотилии сначала в Петровск (ныне Махачкала), а затем в Энзели. Турки три дня грабили Баку, при этом было убито около

30 тысяч мирных жителей.

По договорам Турции с мусаватистским правительством Азербайджана все железные дороги, нефтяная промышленность, Каспийский торговый флот и нефтепровод Баку — Батум на 5 лет передавались Турции. Азербайджан обязался поставить Турции на 2 млн турецких лир и нефти, хлопка, шерсти и другого сырья. Турки вывозили ежедневно не менее 44 цистерн нефти, в огромном количестве продовольствие, обрекая население на голод, угнали 60 паровозов, около

150 товарных и свыше 100 пассажирских вагонов, разрушили промышленные предприятия. Для содержания оккупационной армии был введен налог в размере 1/10 части дохода с крестьянского двора. Кроме того, крестьяне должны были поставлять дрова, скот, хлеб и другие продукты, выполнять подворную повинность. На прокормление турецких войск пошло около 1,3 млн пудов пшеницы. С сентября—ноябре мусаватистское правительство выделило на содержание турецкой армии 11 млн рублей.

По Мудросскому перемирию Турция вывела свои войска из Закавказья. 17 ноября 1918 г. в Баку опять вошли англичане.

Стоит добавить, что в начале октября 1918 г. турецкие войска заняли Дербент, а 23 октября — Темир-Хан-Шуру.

Осенью 1918 г. англичане начали решительные наступления в Месопотамии. Шестая турецкая армия была разбита при Калат-Шерате.

31 октября англичане без боя вошли в Моссул.

19 сентября 1918 г. англичане начали наступление на Сирийско-Палестинском фронте. Турецкий фронт был прорван на расстоянии 40 км. 20 сентября английская кавалерия захватила Назарет. 1 октября был взят Дамаск, 26 октября — Алеппо (Халеб). Турки в Палестине были окончательно разгромлены.

После захвата 15 сентября Баку советское правительство разорвало Брестский договор в части, касающейся Турции.

29 сентября капитулировала Болгария. Согласно условиям капитуляции, войска Антанты получили право передвигаться по ее территории в направлении турецкой границы.

Все это, плюс военные поражения германской и австрийской армий, означало, что наступают последние дни Оттоманской империи. 5 октября 1918 г. Энвер-паша обратился к президенту США Вудро Вильсону с просьбой о посредничестве при заключении мира. Ответа не последовало.

19 октября кабинет министров во главе с великим визирем Талаат-пашой, военным визирем Энвер-пашой и морским министром Джемаль-пашой ушел в отставку, в полном составе. Новое турецкое правительство обратилось к Антанте с просьбой о перемирии.

27 октября начались мирные переговоры с Антантой. Они проходили в порту Мудрос на острове Лемнос. Вел переговоры командующий британским Средиземноморским флотом вице-адмирал С. Калторп. С турецкой стороны в переговорах участвовали представители Министерства иностранных дел и Генерального штаба Турции. Французский командующий флотом был извещен о переговорах постфактум.

30 октября 1918 г. в Мудросе на борту английского броненосца «Агамемнон» была подписана капитуляция Турции. Формально она имела вид перемирия.

В первой статье предусматривалось открытие Черноморских проливов для Антанты. Суда Антанты могли свободно проходить в обе стороны и выходить в Черное море.

По статьям 6, 9 и 12 все военно-экономические и стратегические центры страны подлежали оккупации Антантой.

В статье 5 предусматривалась демобилизация всей турецкой армии, а контингент, могущий обеспечить хотя бы как факт суверенитет Турции, подлежал особому определению.

Антанта отказалась признавать какие-либо государственные образования, созданные с участием турок на Кавказе.

Согласно статье 15-й, союзникам предоставлялось право занять Батум и Баку. Сразу же после подписания Мудросской капитуляции немцы срочно стали покидать Турцию. Так, например, германский сухопутный отряд, базировавшийся в Дарданеллах, 31 октября погрузился на плавучую мастерскую «Флейс» и убыл в Одессу.

В середине ноября 1918 г. английские войска высадились в Константинополе, а 23 ноября английский крейсер «Кентербери» прибыл в Севастополь.

24 ноября на линкоре «Воля» (бывший «Александр III») и большинстве других русских кораблей, стоявших в Севастополе, русскими моряками были подняты Андреевские флаги. Однако командир английского крейсера в ультимативной форме потребовал спустить русские флаги к утру 25 ноября.

25 ноября в Севастополь пришла эскадра союзников в составе английских линкоров «Сьюперб» и «Тандерер», французского линкора «Джастис» («Justice»), итальянского линкора «Леонардо да Винчи», двух крейсеров и девяти эсминцев.

Район Проливов и ряд стратегических пунктов Турции были оккупированы силами союзников. Среди них было 41,5 тысячи английских, 59 тысяч французских и 17,4 тысячи итальянских солдат. Турецкая же армия была сокращена до 50 тысяч человек. К концу 1918 г., согласно Мудросскому перемирию, турки сдали 145 тысяч винтовок, 682 пулемета, до двух тысяч орудий. Однако во много раз больше оружия разошлось по всей стране.

Обычно после поражения срочно начинаются поиски козлов отпущения. Новый великий визирь, он же и премьер-министр, Дамад

Ферид-паша заявил 21 января 1919г.: «Война —это дело рук нескольких преступников, которыми Турция была втянута в войну без всякой на то внутренней необходимости». Естественно, султан Мехмед VI оказался ни при чем. Зато на трех публичных процессах были осуждены «виновники войны». К смертной казни через повешение были приговорены Энвер-паша, Талаат-паша, Джемил-паша и Джавид-бей, а также губернатор Токата Махмуд-паша. Первые четверо были приговорены заочно, поскольку их не было в Турции, а Махмуда-пашу публично казнили, причем позорной для мусульманина казнью. Ряд других деятелей, включая духовного главу мусульман Турции, или шейха уль-ислам периода войны, Мусу Кязима-эфенди, приговорили к каторжным работам.

Антанта не знала, что делать с Турцией. Каждое государство предлагало свой вариант ее государственного устройства. Например, премьер-министр Греции К. Венизелос в начале 1919 г. предложил передать Стамбул и Западную Анатолию Греции. Венизелос утверждал, что Стамбул, как «не чисто мусульманский город», где турок всего 449 тысяч из 1 млн 173 тыс. населения города, не может быть включен в турецкое государство. Слова с делом у греков не расходились — 15 мая 1919 г. греческая армия заняла Измир.

В феврале 1919 г. лидер армянских дашнаков Аветис Агаронян обратился к державам Антанты с предложением создать «Армянскую демократическую республику» с выходом к Черному морю и с включением в ее состав некоторых турецких анатолийских земель.

В марте 1919 г. лидер курдских националистов Шериф-паша также обратился к Антанте с требованием создать Курдское государство на территории бывшей Османской империи.

В Центральной Турции начинается восстание против султанского правительства. Во главе его становится турецкий генерал Мустафа Кемаль (1881–1938).

23 апреля 1920 г. в Анкаре открылось Великое Национальное Собрание Турции, провозгласившее себя всенародно избранным верховным органом власти в стране. 29 апреля создается правительство во главе с Мустафой Кемалем. В Турции возникло двоевластие. В Стамбуле, оккупированном союзниками, сидело султанское правительство, а в Анкаре — правительство кемалистов.

После долгих споров между союзниками 21 января 1920 г. на последнем заседании Парижской мирной конференции был принят мирный договор с Турцией, который позже получил название Севрского. Согласно этому договору, Проливы отдавались под контроль Компании

Черноморских Проливов. В свою очередь, Компания должна была находиться под жестким контролем Англии, Франции и Италии. Турция теряла все аравийские территории, Сирию, Палестину, Ирак, острова Эгейского моря, района Измира и др. На востоке к Армянской республике отошли Ванский, Битлисский вилайеты^[60], а также часть Эрзерумского и Трапезундского вилайетов.

Султанское правительство приняло Севрский договор, а анкарское правительство Мустафы Кемаля категорически его отвергло. В таких ситуациях лишь пушки могут подтвердить правомочность договоров. На западе полуострова Малая Азия высадилась 120-тысячная греческая армия.

А на востоке в июне 1920 г. началась армяно-турецкая война. После небольших успехов армянских войск турки перешли в решительное наступление. 29 сентября был занят Сарыкамыш, а затем Ардаган. 8 октября армянское правительство обратилось с воззванием «ко всему цивилизованному миру», то есть к Антанте, с призывом остановить турецкое наступление. Однако Антанта ничем не помогла Армении. Давить на султанское правительство было бесполезно, так как на Армению наступали кемалисты, а посылать на озеро Ван своих солдат Антанта явно не желала.

Кемалисты продолжали наступление. 30 октября пал Карс, а 7 ноября — Александрополь. Турки шли на Ереван. 18 ноября Армения вынуждена была пойти на перемирие. Согласно официальным советским источникам, 29 ноября в Армении объявился какой-то «Ревком» под руководством Касьяна (настоящая фамилия Тер-Каспарянц). Но он Касьян в ноябре 1920 г. был членом заграничного бюро ЦК КП(б) Армении, так что и сам Ревком был «за границей». Первым делом Ревком призвал Красную армию на помощь «крестьянам, поднявшим знамя восстания». Красная армия оперативно вошла в Армению и привезла с собой «ревком» в полном составе. 29–30 ноября в Армении была установлена советская власть. А 2 декабря Ленин дал телеграмму председателю Ревкома Касьяну: «Приветствую в лице вас освобожденную от гнета империализма трудовую Советскую Армению. Не сомневаюсь, что вы приложите все усилия для установления братской солидарности между трудящимися Армении, Турции, Азербайджана»^[61]. Видимо, болезнь вождя начала прогрессировать.

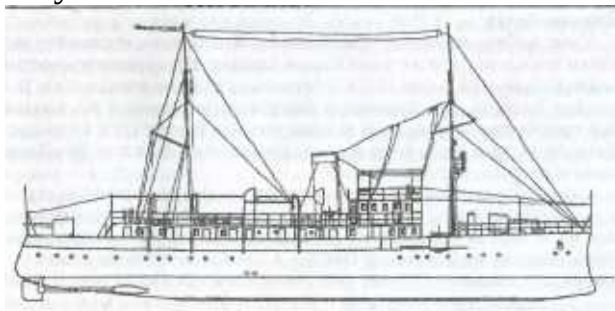
Ввод Красной армии в Армению советская историография рассматривала как интернациональную помощь трудящимся Армении, но одновременно это была и серьезная помощь правительству Мустафы

Кемаля. Ведь, несмотря на отступление, армянская армия представляла серьезную угрозу режиму в Анкаре. Армяне, как правило, хорошие солдаты, и им было за что драться с Турцией.

Флирт между Москвой и Анкарой начался еще в начале 1920 г. 26 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль обратился к советскому правительству с просьбой о помощи. Он писал: «Мы принимаем на себя обязательство соединить всю нашу работу и все наши военные операции с российскими большевиками, имеющими целью борьбу с империалистическими правительствами и освобождение всех угнетенных из-под их власти. Для того, чтобы изгнать империалистические силы, которые занимают нашу территорию... и чтобы укрепить нашу внутреннюю силу для продолжения общей борьбы против империализма, мы просим Советскую Россию в виде первой помощи дать нам пять миллионов турецких лир золотом, оружие и боевые припасы в количестве, которое следует выяснить при переговорах...»

Осенью 1920 г. в Анкару поступило 200 кг золота из Советской России. Позже поступило еще несколько таких «посылок». В 1920–1922 гг. большевики поставили кемалистам 40 тысяч винтовок, 327 пулеметов и 54 орудия.

В качестве ответного дара Кемаль послал в Новороссийск две канонерские лодки водоизмещением в 410 тонн. 17 сентября 1920 г. прибыла «Айдин-Рейс», а 13 октября — «Превеза». Турецкая помощь оказалась весьма кстати, так как у большевиков в районе Новороссийска практически не было военных судов, а Врангель располагал большим флотом, который постоянно высаживал десанты на кавказский берег, занятый красными. Почти 7 месяцев канонерские лодки несли службу в Красном флоте, а 16 мая 1921 г. были возвращены Турции — к тому времени нужды в них уже не было.

Канонерская лодка «Айдин-Рейс»

По поводу большевистской помощи Кемаль говорил: «Победа новой Турции над англо-французскими и греческими оккупантами была бы сопряжена с несравненно большими жертвами или даже совсем

невозможна, если бы не поддержка России. Она помогла Турции и морально, и материально. И было бы преступлением, если бы наша нация забыла об этой помощи».

В свою очередь, кемалисты создавали трудности для снабжения Крыма. Ведь Проливы были единственной артерией, связывавшей врангелевскую армию с внешним миром.

16 марта 1921 г. в Москве был подписан договор между РСФСР и правительством Великого Национального Собрания Турции. По этому договору Батум закреплялся за Грузией, а Турции отдавались Карс и Ардаган.

Стороны обязались не вести подрывной деятельности друг против друга. Вопрос этот крайне деликатный, и я процитирую статью VIII почти полностью: «Обе Договаривающиеся стороны обязуются не допускать образования или пребывания на своей территории организаций или групп, претендующих на роль правительства другой страны, или части ее территории, равно как и пребывания групп, имеющих целью борьбу против другой страны. Россия и Турция принимают на себя такое же обязательство в отношении Советских Республика Кавказа, при условии взаимности».

В статье VI говорилось, что «все договоры, до сего времени заключенные между обеими странами, не соответствуют обоюдным интересам. Они соглашаются поэтому признать эти договоры отмененными и не имеющими силы». Это было крупным «ляпом» большевиков. Ведь аннулировались международно признанные договоры — Кючук-Кайнарджийский, Ясский, Бухарестский, Адрианопольский, Парижский, Сан-Стефанский и другие. А они определяли границы, режим Проливов и т.п.

У нас любят говорить — «советское правительство», но давайте выясним конкретно, кто же отдал Каре и Ардаган, неоднократно омытые русской кровью? В марте 1921 г. Ленин был уже мало дееспособен. Все вершил Троцкий, при поддержке Каменева, Зиновьева и К°. Сталин был против территориальных и иных уступок Турции^[62]. Уж не за прошлые ли заслуги через 6 лет Кемаль предоставит убежище Троцкому, когда ему откажут другие страны?

Самой невыгодной для России и прямо-таки дурацкой была статья V — выработка статуса Проливов передавалась будущей Конфедерации из делегатов прибрежных государств. Весной 1921 г. кемалисты очень зависели от Советской России, и с ними легко можно было договориться о благоприятном для России статусе Проливов. К чему словоблудие о

прибрежных государствах? Может, Болгария и Румыния были очень озабочены проблемой выхода их опереточных флотов в Средиземное море?

13 октября 1921 г. в Карсе был заключен договор между Армянской, Азербайджанской, Грузинской Советскими Социалистическими Республиками и Турцией. Карский договор подтверждал основные положения договора, заключенного в Москве 16 марта 1921 г.

Договор с Москвой сильно укреплял позиции Мустафы Кемаля. 20 октября 1921 г. Франция подписала сепаратный мирный договор с кемалистами. Греческие войска, высадившиеся на полуострове Малая Азия, потерпели ряд поражений, и в сентябре 1922 г. боевые действия были прекращены.

Окончательно турецкий вопрос был урегулирован на Лозаннской мирной конференции, прошедшей в Швейцарии с 20 апреля 1922 г. по 24 июля 1923 г. Согласно решениям конференции, Восточная Фракия, Стамбул, Проливы, зона Адрианополя, Измир, Киликия, юго-восток Анатолии, острова Имброс, Тенедос (Бозджа-ада), мелкие острова в трехмильной зоне от азиатского побережья Западной Анатолии оставались за Турцией. Турция отказывалась от претензий на Ирак, Сирию, Трансиорданию, Палестину, Египет, Аравию, Ливию, Додеканезские острова и Кипр. По вопросу о Проливах Лозаннский договор предусматривал свободу прохода через Проливы в мирное и военное время коммерческих и военных (морских и воздушных) судов и демилитаризацию Босфора и Дарданелл с уничтожением береговых укреплений.

Страны, подписавшие Лозаннский договор, не должны были посылать в Черное море более трех военных судов, причем тоннаж их ограничивался 10 тысячами тонн. Турции было запрещено иметь береговые батареи в Проливах. Численность стамбульского гарнизона жестко ограничивалась.

Лозаннская конвенция (договор) о Проливах просуществовала до 1936 г., до конференции в Монтрё. Советский представитель подписал Конвенцию о режиме Проливов 14 августа 1924 г., но СССР не ратифицировал Конвенцию как нарушающую его законные права и не гарантирующую мир и безопасность.

Отдельная конвенция, подписанная в Лозанне, регулировала обмен населением между Турцией и Грецией, идея о котором была выдвинута еще в 1913 г. Из Малой Азии подлежало переселению до 1,5 млн. греков, из Греции — до 0,5 млн турок. Стамбульские греки остались на родине — в Стамбуле.

23 августа 1923 г. Великое Национальное Собрание Турции ратифицировало Лозаннский договор. Вскоре начался вывод

оккупационных войск. 6 октября турецкие войска вошли в Стамбул.

17 ноября 1922 г. последний турецкий султан Мехмед VI тайно покинул Стамбул и отправился на английском линкоре «Малайя» на Мальту. Вместе с ним уехали члены его семьи и несколько придворных.

28 октября 1923 г. Турция была официально провозглашена Республикой.

Глава 25

КОНВЕНЦИЯ В МОНТРЕ И ПОПЫТКИ ЕЕ ПЕРЕСМОТРА

С 22 июня по 20 июля 1936 г. в швейцарском городке Монтрё проходила конференция по пересмотру Лозаннской конвенции о Проливах. Конференция в Монтрё была созвана по требованию Турции. Конференция закончилась подписанием новой конвенции о режиме Проливов^[63].

Конвенция подтвердила принцип права свободного прохода и плавания в Проливах и объявила свободным проход через Проливы торговых судов всех стран.

В мирное время торговые суда пользуются полной свободой прохода через Проливы днем и ночью независимо от флага и груза без каких-либо формальностей.

Всякое судно, которое войдет в Проливы из Эгейского или Черного моря, должно останавливаться у санитарной станции при входе в Проливы для санитарного осмотра, установленного турецкими правилами, в рамках международных санитарных правил. Осмотр производится как днем, так и ночью с максимально возможной быстротой. После осмотра в одном пункте суда не обязаны останавливаться в каком-либо другом пункте Проливов.

Проводка судов лоцманами необязательна. Однако по желанию капитанов судов, направляющихся в Черное море, лоцманы могут быть вызваны из соответствующих лоцманских пунктов на подходах к Проливам.

Во время войны, если Турция не является воюющей стороной, торговые суда независимо от флага и груза будут пользоваться полной свободой транзита и судоходства в Проливах на тех же условиях, что и в мирное время. Если же Турция будет воюющей стороной, то торговые суда, не принадлежащие стране, находящейся в войне с Турцией, пользуются свободой прохода и судоходства в Проливах при условии, что эти суда не оказывают никакого содействия противнику и входят в Проливы только днем. Путь прохода таких судов в каждом отдельном случае указывают турецкие власти. В Конвенции предусматривается, что проходить Проливы днем по указанным маршрутам торговые суда должны будут и в том случае,

если Турция сочтет себя находящейся под угрозой непосредственной военной опасности.

Конвенцией предусмотрено резкое разграничение для прохода через Проливы кораблей прибрежных и неприбрежных к Черному морю держав.

Прход военных кораблей прибрежных держав объявлен в мирное время свободным при условии выполнения некоторых требований. Так, только черноморским государствам разрешено проводить через Проливы все типы надводных кораблей независимо от их вооружения и водоизмещения.

Только черноморские государства могут проводить через Проливы подводные лодки в следующих случаях:

1. В целях возвращения подводных лодок, сооруженных или купленных вне Черного моря, к своим базам в Черном море при условии, что Турция заблаговременно будет уведомлена о закладке или о покупке;

2. Если необходим ремонт подводных лодок на верфях вне Черного моря при условии, что точные данные по этому вопросу будут сообщены Турции.

И в том и в другом случае подводные лодки должны проходить Проливы в одиночку, только днем и в надводном положении.

Нечерноморским государствам разрешено проводить через Проливы корабли водоизмещением до 10 тысяч тонн с артиллерией калибра до 203 мм включительно.

В случае участия Турции в войне проход военных судов через Проливы зависит исключительно от усмотрения турецкого правительства. Турция имеет право применять эту статью и в случае, если она «считала бы себя находящейся под угрозой непосредственной военной опасности».

Для обеспечения прохода гражданских воздушных судов между Средиземным и Черным морем турецкое правительство должно указывать вне запретных зон Проливов воздушные маршруты, предназначенные для этого прохода. Гражданские воздушные суда могут использовать эти пути, делая турецкому правительству для эпизодических воздушных рейсов предуведомления за три дня, а для регулярных воздушных рейсов — общее предуведомление о датах прохода.

Турция получила возможность содержать вооруженные силы в районе Проливов без всяких ограничений и строить там береговые укрепления.

От Конвенции в Монтрё больше всех выиграла Турция. В чем-то, особенно в разграничении военных кораблей черноморских и нечерноморских стран, выиграл и СССР. Но в целом Конвенция не обеспечивала должным образом безопасности наших южных границ.

Турция была слишком слаба, чтобы предотвратить прорыв через Проливы английского, французского или итальянского флотов. Кроме того, не было никакой гарантии, что Турция не вступит в союз с другими государствами, направленный против СССР.

К началу 1939 г. международная обстановка в Европе серьезно ухудшилась. В связи с этим 15 апреля 1939 г. председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов направил телеграмму временному поверенному в делах СССР в Турции О. И. Никитниковой, в которой поручалось от имени Молотова заявить президенту Турецкой Республики Иненю следующее: «Мы думаем, что в связи со складывающейся новой ситуацией в районах Балкан и Черного моря, было бы целесообразно устроить взаимную консультацию представителей Турции и СССР и наметить возможные меры защиты от агрессии.

Если турецкое правительство также находит целесообразной эту акцию, следовало бы установить место и срок встречи представителей. Мы со своей стороны предложили бы Тбилиси или Батуми.

Желательно не откладывать это дело и возможно скорей осуществить его. Ждем ответа».

Весной 1939 г. начались переговоры СССР с Англией и Францией о заключении соглашения о совместной обороне в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств. В ходе переговоров рассматривался и вопрос о привлечении Турции к системе коллективной безопасности. Разумеется, договаривающиеся стороны мало интересовали турецкие вооруженные силы. Речь шла в основном о Проливах. Как известно, западные страны не желали заключать договор с СССР, а использовали переговоры как средство давления на Германию. Естественно, что эти переговоры закончились провалом.

Параллельно СССР пытался заключить отдельный договор с Турцией. 28 апреля 1939 г. в Анкару приехал В. П. Потемкин, зам. наркома иностранных дел СССР. Турки охотно шли на переговоры с СССР, но всячески увиливали от союза.

Избавляя читателя от описания скучных дипломатических переговоров Турции с СССР, Германией и западными союзниками, скажем лишь, что в 1939–1945 гг. Турция отчаянно маневрировала, пытаясь остаться нейтральной. Но нейтралитет Турции был не следствием миролюбия ее правительства. Турки в 1939–1942 гг., как и в 1914 г., мечтали урвать кусок чужой территории, воспользовавшись европейской войной. Но, в отличие от 1914 г., турецкие правители хотели урвать лишь то, что было рядом, а конкретно — острова Эгейского моря и южную часть Болгарии. Но тут

нашла коса на камень. Островами в Эгейском море частично владели итальянцы, а на остальные они, как говорится, «глаз положили». А Гитлер сделал ставку на Болгарию, и ни о каком разделе ее и речи не могло быть.

Оставались, конечно, Крым и Кавказ. Но до 22 июня 1941 г. турки об этом и подумать боялись. А после Гитлер решил сделать из Крыма курорт для своих «белокурых бестий», а славян, татар и прочих в лучшем случае выселить. И уж тем более Гитлер не собирался никому дарить бакинские нефтепромыслы и нефтепровод Баку — Батуми. И вообще, Гитлер планировал использовать Закавказье как плацдарм для продвижения в Индию и Египет.

Таким образом, Германия ничего не могла дать Турции. А присоединиться к союзникам в 1939–1944 гг. Турция не решалась, боясь военной мощи Германии.

23 августа 1939 г. в Москве был подписан Договор о ненападении между Германией и СССР, получивший впоследствии известность как пакт Молотова — Риббентропа. Ни в самом договоре, ни в секретных дополнительных протоколах Турция ни прямо, ни косвенно не упоминалась.

1 августа 1939 г. началась Вторая мировая война. Турция, как уже говорилось, осталась нейтральной. В ходе Зимней войны между СССР и Финляндией правительство Великобритании неоднократно предлагало пропустить английский флот в Черное море. В Сирии были сосредоточены большие соединения английских и французских бомбардировщиков. Западные союзники предполагали нанести авиационные удары по нефтепромыслам Баку и другим объектам на Кавказе. Вполне возможно, что угроза нападения на СССР с юга повлияла на решение Сталина пойти на мир с Финляндией.

К 13 февраля 1940 г. Красная армия прорвала все линии укреплений на Карельской перешейке и вышла на оперативный простор. Финская армия была фактически разбита. Вся территория Финляндии могла быть занята менее чем за месяц. Но мир, предложенный СССР Финляндией, был крайне благоприятен для последней, с учетом сложившейся ситуации.

Естественно, в Москве забыли об очередной попытке англичан вторгнуться в Черное море.

Во время визита в Берлин в ходе разговора с Гитлером 13 ноября 1940 г. Молотов поднял вопрос о Проливах. Он вспомнил Крымскую войну, интервенцию 1918–1919 гг. и назвал Проливы «историческими воротами Англии для нападений на Советский Союз». На что фюрер ответил, что имперский министр иностранных дел уже рассматривал эту проблему, и он

предусмотрел пересмотр Конвенции в Монтрё в пользу Советского Союза. Риббентроп подтвердил это и заявил, что итальянцы также заняли благожелательную позицию по этому вопросу.

Гитлер спросил Молотова, считает ли Россия, что у нее есть шанс гарантировать в достаточной степени свои черноморские интересы в случае пересмотра Конвенции в Монтрё. Молотов ответил, что в этом вопросе у России только одна цель. Она хочет гарантировать себя от нападения через Проливы и хочет урегулировать этот вопрос с Турцией. Несколько позже Молотов сказал Гитлеру, что Россия хочет гарантировать себя от удара со стороны Проливов не только на бумаге, но и на деле, и он уверен, что Россия сможет достичь с Турцией договоренности по этому вопросу.

В тот же день, поздно вечером (с 21 часа 45 минут до 24 часов), Молотов продолжал переговоры с одним Риббентропом, без Гитлера. В ходе них опять был поднят вопрос о Проливах. Риббентроп предложил, чтобы Германия, Италия и Советский Союз совместно приложили усилия для аннулирования заключенной в Монтрё Конвенции о Проливах, действующей в настоящее время, и заменили ее другой конвенцией, которая предоставит Советскому Союзу неограниченное право прохода его военного флота через Проливы в любое время, тогда как все другие державы, кроме черноморских, а также Германии и Италии, откажутся в принципе от права прохода своих военных кораблей через Проливы. Право свободного прохода через Проливы торговых судов будет, конечно, в основном сохранено. Молотов согласился с тем, что Конвенция, заключенная в Монтрё, потеряла какой-либо смысл. Для СССР, как и других крупных черноморских государств, это вопрос получения реальных гарантий своей безопасности. Понятно, что Советский Союз будет добиваться реальных гарантий безопасности.

Надо отметить, что основной целью Гитлера и Риббентропа в переговорах с Молотовым было привлечение СССР к разделу Британской империи. «После победы над Англией, — говорил фюрер Молотову, — Британская империя площадью в 40 миллионов квадратных километров может быть поделена как имущество банкрота. В этом имуществе содержится для России путь к незамерзающему и действительно открытому мировому океану... Борьба с Англией должна вестись до последней черты, и у меня нет сомнений в том, что поражение Британских островов приведет к распаду империи». Гитлер и Риббентроп предложили Молотову присоединиться к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии.

Как Молотов, так и Сталин считали возможность раздела Британской империи в лучшем случае делом отдаленного будущего, а своей целью в переговорах ставили гарантию безопасности СССР от Финляндии до Турции. Забавно, что переговоры Молотова и Риббентропа вечером 13 ноября 1940 г. проходили в бомбоубежище Имперского Министерства иностранных дел — в эту ночь Берлин бомбила английская авиация.

17 ноября Молотов телеграфировал Сталину: «Как выяснилось из бесед, немцы хотят прибрать к рукам Турцию под видом гарантий ее безопасности на манер Румынии, а нам хотят смазать губы обещанием пересмотра конвенции в Монтрё в нашу пользу, причем предлагают нам помочь им в этом деле».

25 ноября 1940 г. Молотов пригласил в Кремль посла Германии в СССР графа фон Шуленбурга. Молотов заявил, что советское правительство рассмотрело предложение, сделанное 13 ноября Риббентропом, и готово на определенных условиях положительно отнестись к заключению «пакта четырех» держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи. Условий было четыре. Из них для нас важно второе условие: «Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды».

Таким образом, Сталин впервые за многовековую историю русско-турецких отношений вывел оптимальный вариант соглашения с Турцией. При этом гарантировалась безопасность как южных рубежей СССР, так и всей территории Турции. В случае принятия Турцией такого предложения вопрос о кресте на Святой Софии был бы навсегда похоронен.

Германия никак не ответила на предложение СССР.

17 января 1941 г. Молотов пригласил посла фон Шуленбурга и спросил, когда будет ответ германского правительства на заявление советского правительства от 25 ноября 1940 г. Аналогичный запрос в тот же день был сделан и в Берлине полпредом Деканозовым. 23 января фон Шуленбург сообщил Молотову: «Германское правительство находится в контакте с правительствами своих союзников, Италии и Японии, по этим вопросам и надеется, что после того, как будет изучена вся проблема, оно будет в состоянии возобновить политические обсуждения с советским правительством в ближайшее время».

Гитлер потерял интерес к переговорам. Он готовился к молниеносной

войне с СССР.

Глава 26

ТУРЦИЯ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

22 июня 1941 г. Германия напала на СССР. За четыре дня до этого Турция по предложению Гитлера подписала с Германией «Пакт о ненападении». В связи с нападением Германии на СССР Турция объявила нейтралитет. В то же время по представлению турецкого правительства парламент разрешил призывать на действительную военную службу лиц старше 60 лет, офицеров запаса старше 65 лет, а также объявить мобилизацию в восточных вилайетах, чтобы заполнить брешь, образовавшуюся перемещением 40-тысячной армии в округ Фракия. Эти акции сильно встревожили СССР.

Германская пропаганда утверждала, что СССР намеревается захватить Проливы. В свою очередь, 27 июня 1941 г. в опровержении ТАСС решительно отмечались «провокаторски лживые заявления в декларации Гитлера по поводу мнимых претензий СССР на Босфор и Дарданеллы и о мнимых намерениях СССР оккупировать Болгарию».

10 августа 1941 г. СССР и Англия сделали совместное заявление о том, что будут уважать режим Проливов и территориальную целостность Турции. Там же Турции были даны заверения в оказании помощи, если она окажется жертвой агрессии. Чтобы ослабить действенность германской пропаганды, советское правительство подтвердило свою верность Конвенции Монтрё и заверило турецкое правительство, что не имеет никаких агрессивных намерений и притязаний в отношении Проливов. Советская сторона подчеркнула, что понимает желание Турции остаться нейтральной, а потому окажет ей помощь и содействие в случае, если она окажется жертвой нападения какой-либо европейской державы.

Еще в мае 1941 г. англичане ввели войска в Ирак и Сирию. Теперь у британских войск, дислоцированных от Египта до Бирмы, разрыв был лишь в Иране.

В августе 1941 г. советские и британские войска заняли Иран.

Появление Красной армии в иранском Азербайджане вызвало серьезную озабоченность турецкого правительства. Турки начали замышлять захват северной части Ирана. Германский посол фон Папен доносил Риббентропу: «Хорошо осведомленное доверенное лицо

сообщает: ввиду успехов немцев в России турецкие правительственные круги все больше начинают заниматься судьбой... азербайджанских турок».

Турки стянули к советской границе значительные силы — 16 пехотных и 8 кавалерийских дивизий. Москве пришлось сосредоточить в Закавказье 25 дивизий, которым была поставлена задача не допустить вторжения турецких или германо-турецких войск.

С 13 марта 1942 г. в Закавказье проводились штабные учения, в которых Турция выступила в роли вероятного противника. Действия Красной армии начинались с наступления на Северо-Восточную Турцию и заканчивались взятием Олту, Сарыкамыш, Тробзона и Эрзерума. В документе под названием «Соображения по планированию операции Закавказского фронта» предусматривалось на площади в 210 км в направлении Черного моря и 300 км в направлении Эрзерума по линии Тробзон, Байбурт, Эрзерум разгромить турецкую армию, что входило в главную стратегическую задачу Закавказского военного округа.

Подготовительный этап наступления включал уничтожение боевого охранения, разведку переднего края обороны и занятие исходного положения для наступления. Первый этап наступления включал окружение и разгром Карсской группировки противника с выходом войск фронта на рубеж Пазар — Артвин — Мерденик — Карс — Кагызман. Второй этап наступления предусматривал разгром олтинско-сарыкамышевской группировки противника с выходом на рубеж Егдем — Олту — Карс — Курт и захват подвижными отрядами узлов путей в районах Испир, Тортум, станции Чифтлик. На третьем этапе планировалось занятие Эрзерума. Хронологически на первый этап отводилось 10 дней, второй этап будет закончен на 16-й день, а третий этап — на 31-й день операции^[64].

25 апреля для обсуждения положения в Закавказском военном округе Сталин принял генерала армии В. И. Тюленева. Беседа длилась с 19 ч. 50 мин. до 22 ч. 05 мин. Присутствовали также члены ГКО Л. Берия, Г. Маленков, А. Микоян, начальник Генштаба Б. Шапошников, его заместитель П. Бродин и другие. Было принято решение усилить Закавказский военный округ оружием и военной техникой в соответствии с директивой Генштаба, подписанной 26 апреля. В ЗакВО были направлены: одна стрелковая и одна кавалерийская дивизии, один танковый корпус, шесть авиаполков, шесть артиллерийских полков, шесть бронепоездов, сто грузовых автомашин.

Дополнительные силы разместились вдоль турецкой границы, и 1 мая был образован Закавказский фронт. А 5 мая командирам 45-й и 46-й армий поступила директива быть готовыми к вступлению на турецкую

территорию.

Летом 1942 г. на советско-турецкой и ирано-турецкой границах произошло несколько перестрелок между турецкими и советскими пограничниками, имелись жертвы. Однако до войны дело так и не дошло.

Гораздо больше было инцидентов на море. Так, 23 сентября 1941 г. советский буксир «Аккерман» с командой из 13 человек и 25-ю пассажирами на борту шел без компаса по звездам и оказался в турецких водах. После длительных переговоров все пассажиры и шесть человек команды вместе с буксиром вернулись в Советский Союз.

11 ноября 1941 г. судно «Красный водолей» (водоизмещение 665 т, скорость 8 уз.) вышло из Севастополя к берегам Кавказа, но его капитан Задорожный увел судно в Синоп.

5 декабря генеральный секретарь МИД Турции Н. Менеменджиоглу в ходе беседы объяснил советскому послу С. Виноградову, что экипаж не хочет возвращаться в СССР. В начале 1942 г. по договоренности между Ш. Сараджоглу и С. Виноградовым пароход был возвращен Советскому Союзу, но экипаж письменно обратился с просьбой, чтобы до конца войны их оставили в Турции. В процессе дальнейших переговоров и уговоров трое согласились вернуться на родину, а остальные 15 человек Турция выдать отказалась, ссылаясь на то, что требование СССР противоречит международным нормам.

Куда более интересной оказалась история с советским пассажирским лайнером «Сванетия».

До войны «Сванетия» (водоизмещение 5050 т, 244 каютных места), обслуживала пассажирскую линию Одесса — Ближний Восток. Война застала лайнер у входа в Дарданелльский пролив, но, как следует из наших официальных источников, его якобы задержали в Стамбуле турки и не выпускали до конца февраля 1942 г. Это дикая чушь. Задерживать пассажирский лайнер вопреки всем международным конвенциям турки не могли, это был бы «казус белли» как для СССР, так и для Англии.

Согласно воспоминаниям наших дипломатов, «Сванетия» в Стамбуле использовалась в качестве плавгостиницы для советских дипломатов, покинувших Германию, а в феврале 1942 г. лайнер привез в Поти «последнюю группу дипломатов». И эта версия выглядит неубедительно. На самом деле последняя группа сотрудников советских посольств и консульств была переправлена в СССР через Карс в начале августа 1941 г., а посол Деканозов и дипломатический бомонд еще раньше сели на железнодорожный экспресс Стамбул — Анкара, а затем самолетом перелетели в СССР.

Фактически же «Сванетия» стала в Стамбуле плавучим филиалом Лубянки. В первые же дни пребывания там с корабля списали и отправили в Союз несколько десятков моряков. Само собой разумеется, им быстро нашли достойную замену. «Сванетия» была базой для шпионских и террористических операций, а штабом — советское консульство в Константинополе.

В конце лета 1941 г. вся наша шпионо-дипломатическая команда была брошена на подготовку к покушению на посла Германии в Турции. Вообще говоря, убивать послов, даже в ходе войны, было не принято, но тут был особый случай. Германский посол Франц фон Папен принадлежал к древнему аристократическому роду, истоки которого теряются в веках. Во всяком случае, в конце XV века его предок Вильгельм фон Папен был владельцем больших поместий.

Осенью 1913 г. 34-летний офицер Генштаба фон Папен по личному указанию кайзера назначен военным атташе в США. В 1915 г. его высылают из Америки за шпионаж. В годы Первой мировой войны он становится близким другом капитана Канариса, будущего адмирала и руководителя абвера. В начале 30-х гг. фон Папен получает пост вице-канцлера рейха, затем едет послом в Австрию. Он играл не последнюю скрипку в приходе к власти Гитлера и в Аншлюсе (мирном присоединении Австрии к Германии).

В апреле 1939 г. Гитлер назначает фон Папена послом в Турции. С началом Второй мировой войны новый посол по указанию фюрера налаживает связи с британскими и американскими дипломатами. Цель этих контактов — заключение сепаратного мира.

Британские аналитики уже в 1939–1941 гг. прекрасно понимали, что в случае полного разгрома Германии СССР будет господствовать в Европе. Единственная альтернатива этому — сепаратный мир. Но Гитлер — весьма одиозная фигура в качестве партнера по переговорам. А тут под рукой бывший вице-канцлер (второе лицо в государстве, свой среди абвера, дипкорпуса и оппозиционных фюреру генералов вермахта).

В итоге Папену пришлось в Анкаре играть тройную игру — посла, тайного посланника Гитлера и представителя оппозиции. Основными партнерами в игре были американский и британский послы и нунций Ватикана. Замечу, что папа Пий XII, как и фюрер, послал в Турцию не простого попа, а талантливого дипломата и «аппаратчика» Джузеппе Ронкали. После войны Ронкали сменит Пия XII и станет папой Иоанном XXIII.

Ватикан в течение всей войны играл ключевую роль в сепаративных

переговорах. Как-то на встрече со Сталиным Черчилль упомянул о числе дивизий Англии и США. Сталин совершенно серьезно спросил: «А сколько дивизий у Ватикана?», намекая на непомерное политическое влияние и амбиции «престола Св. Петра».

И вот в Москве решили убрать потенциального главу Третьего рейха.

Вскоре в Стамбуле появились простые советские люди — вице-консул Павлов и журналист-международник Леонид Наумов. «В миру» они были известными террористами Георгием Ивановичем Мордвиновым и Наумом Исааковичем Эйтинггоном. Последний недавно вернулся из Мексики, где организовал убийство Льва Троцкого.

Первоначально покушение на фон Папена было намечено произвести в театре. Его должна была застрелить «спортсменка, комсомолка и просто красавица» Муза Малиновская. Однако журналист Наумов влюбился в Музу и, видимо, поэтому провалил операцию. В конце концов в качестве террориста решили использовать 26-летнего болгарина, имя которого скрывается до сих пор. Известно лишь, что он учился в Стамбульском университете под именем македонца Омера.

По советской версии, болгарин прекрасно стрелял из пистолета, что проверили сотрудники консульства, но почему-то для покушения решили использовать безоболочную бомбу, изготовленную опытным взрывотехником НКВД Тимашковым. Сразу после взрыва бомбы к месту убийства должен был подъехать мотоциклист, взять Омера и умчаться на полной скорости.

Вечером 20 февраля 1942 г. скорый поезд Стамбул — Анкара уносит в турецкую столицу вице-консула Павлова и студента Омера. По случайному совпадению, на следующий день «Сванетия» поднимает якоря в Босфоре и вместе с «советскими дипломатами» отправляется на родину. Лайнер старательно прижимается к турецкому берегу и лишь в 12 ч. 10 мин. 23 февраля швартуется в порту Потти, где его ожидает кавалькада черных «ЭМОК».

Через 22 часа фон Папен с женой шел пешком по бульвару Ататюрка, направляясь в германское посольство. Он был крайне пунктуален и в одно и то же время показывался на бульваре. По версии наших спецслужб, болгарин подошел к чете Папенов, достал бомбу и пистолет, привел взрыватель в действие, но так и не бросил ее.

Бомба, как уже говорилось, была безоболочной и не дала осколков, зато от болгарина остались лишь клочья мяса и башмак на дереве. Взрывная волна сбила чету Папенов с ног, но супруги отделались лишь легкой контузией. Ехавший мимо мотоциклист остановился. В этот момент

Папен, лежавший на земле, поднял руку, и мотоциклист начал оказывать ему помощь.

На мой взгляд, версия наших спецслужб более чем неудачна. Если мотоциклист был советским агентом, то он мог застрелить, ударить ножом или даже ребром ладони по горлу Папена, благо, тому было 62 года, и умчаться на мотоцикле. Парень же стал оказывать первую помощь и дождался приезда полиции. Позже на следствии он был привлечен лишь как свидетель. Наконец, почему сейчас не называется его настоящая фамилия и почему он не получил советских наград?

Турецкая полиция и сам фон Папен в мемуарах дают иную версию покушения. Болгарин должен был застрелить посла из пистолета, а затем взвести взрыватель устройства, которое, как ему объяснили, было не бомбой, а дымовой шашкой, что помогло бы ему скрыться. Парень решил подстраховаться и почти одновременно нажал на спусковой крючок пистолета и взрыватель шашки. Если бы он выстрелил на полсекунды раньше, посол был бы убит. Но, в любом случае, террорист вознесся бы на небеса. Мотоциклист же на бульваре Ататюрка оказался случайно. Покойникам мотоциклы не нужны.

В 1941–1944 гг. Турция отправляла Германии чрезвычайно важное стратегическое сырье — хром. Так, согласно торговому соглашению, только с 7 января по 31 марта 1943 г. Турция обязалась поставить немцам 41 тысячу тонн хромовой руды. Лишь 20 апреля 1944 г. под сильным давлением СССР, Англии и США Турция прекратила поставки хрома. Кроме того, турки поставляли немцам и румынам другие виды сырья, продовольствие, табак и другие продукты.

Самой же большой услугой турок Гитлеру был практически свободный проход кораблей стран оси через Проливы. Понятно, речь не идет о линкорах или даже эсминцах. Корабли этих классов не требовались немцам на Черном море. Зато немцы построили сотни небольших, до 500 тонн водоизмещением, быстроходных транспортов, которые при необходимости могли становиться сторожевыми кораблями, кораблями ПЛО, ПВО, использоваться в качестве минных заградителей и т.п. Типичный образец германского быстроходного транспорта — типа F (MF P) водоизмещением около 300 тонн, вооруженный пушками калибра 7,5, 37 и 20 мм в различных вариантах. В варианте минзага эти суда несли 52 мины. Такие транспорты строились по всей оккупированной Европе — в Германии, в Бельгии, Польше и даже в Николаеве. Зачастую транспорты, построенные в Варне, воевали на Средиземном море, а в построенные в Генуе — в Черном море.

Помимо этих транспортов сотни, если не тысячи обычных транспортов и танкеров оси ежегодно проходили через Проливы. На время нахождения в проливной зоне часть артиллерии на них пряталась в трюмы или маскировалась.

Через Дунай, порты Румынии — Проливы, а далее на занятую немцами территорию Греции, на Балканы и далее в Италию и Францию шла одна из важнейших коммуникаций Третьего рейха.

Самое любопытное, что наши военные историки до сих пор не удосужились определить хотя бы приблизительно объем грузовых перевозок по этому маршруту и по внутричерноморскому маршруту Констанца — Одесса — Севастополь — Анапа. Причина очевидна: если опубликовать эти совсекретные данные, то получится, что Черноморский флот, превосходивший во много раз морские силы немцев, турок, румын и болгар, действовал, мягко выражаясь, весьма неэффективно.

Соответствовал ли проход германских кораблей через Проливы конвенции Монтрё? Очевидные грубейшие нарушения отсутствовали, но тем не менее придраться было к чему. В 1941, 1942 и 1943 гг. советское посольство в Анкаре неоднократно обращало внимание МИДа Турции на нарушение конвенции Монтрё, на недопустимость прохода через Проливы немецких и других кораблей под флагами торгового флота, но, по имевшимся у посольства данным, «с целями военного характера».

В памятной записке советского посла Виноградова, врученной министру иностранных дел Сарджоглу 17 июня 1944 г., говорилось о ряде случаев прохода через Проливы немецких военных и военно-вспомогательных судов под видом торговых. В записке отмечалось, что только для прохода Проливов «с них временно и частично было снято вооружение».

Одно из принятых Рузвельтом и Черчиллем на конференции в Квебеке в 1943 г. решений было направлено на запрет прохода через Проливы германских кораблей, имевших военное значение. Союзники отмечали частый проход кораблей из Черного моря в Средиземное. Англичане утверждали, что эти корабли были замаскированными военными и наносили ущерб операциям ВМС Англии в Средиземноморье.

Прозрели турки только в июне 1944 г., когда после прохода группы германских кораблей союзники пригрозили Анкаре, и только тогда у другого отряда германских судов турецкие службы, осматривавшие корабли, обнаружили оружие, радарные установки и военную униформу. Сами моряки в Проливах надевали гражданскую одежду. Посему германские корабли впервые не были пропущены в Босфор и вернулись в

Черное море.

По сему поводу британский посол в Москве 25 июня 1944 г. писал Молотову: «В течение нескольких последних дней положение существенно изменилось, так как вопрос о проходе германских судов через Проливы официально и публично урегулирован, к удовлетворению союзников. Министр иностранных дел вышел в отставку, а председатель совета министров дал заверения в отношении стремления Турции к искреннему сотрудничеству»^[65].

Замечу, что покровительствовавшая военным перевозкам немцев и итальянцев в Проливах Турция решительно воспрепятствовала западным союзникам перевозить оружие, стратегические материалы и даже продовольствие в СССР. И им приходилось делать это сложным и опасным путем через Мурманск, Иран и Дальний Восток.

Сложилась странная ситуация: в 1941–1944 гг. британский флот безраздельно господствовал в центральной части Средиземного моря, а советский — в Черном море. Почему бы торговым кораблям союзников под конвоем британских кораблей и самолетов не доходить до Дарданелл, форсировать проливную зону, а у кромки турецких тервод у Босфора их встречали бы корабли и самолеты Черноморского флота? Да, потери теоретически могли бы быть, но куда меньшие, чем у северных конвоев: вспомним трагическую судьбу конвоя PQ-17 в 1942 г.

Единственным препятствием к проходу торговых судов западных союзников в Черное море служила прогерманская позиция турецкого правительства.

Правда, был случай, когда четыре советских невооруженных судна — ледокол «Микоян», танкеры «Сахалин», «Туапсе» и «Варлаам Аванесов» — прошли из Черного моря в Эгейское. 30 ноября 1941 г. наши суда в сопровождении лидера «Ташкент», эсминцев «Способный» и «Сообразительный» подошли к Босфору. Здесь боевые корабли пожелали танкерам и ледоколу «счастливого плавания» и повернули назад. В Константинополе танкеры передали нефть туркам. Видимо, это было платой за проход через Проливы. Всем четырем кораблям удалось благополучно выйти в Эгейское море. Однако танкер «Варлаам Аванесов» был потоплен 19 декабря 1941 г. германской подводной лодкой U-652 у мыса Баба примерно в 70 км от Дарданелл.

Несколько иностранных судов 22 июня 1941 г. были застигнуты войной в портах Черного моря. Согласно сложившейся международной практике, СССР мог реквизирировать их и использовать в военных целях. Так поступали Англия в 1914 г. и 1939 г. и Россия в 1914 г. (на Балтике и

Черном море). Однако московские адмиралы решили иначе — слишком много транспортов оказалось на Черном море, и их тоже отправили в Средиземное море. Танкер «Ойлшипнер» прошел Босфор под панамским флагом, но за Дарданеллами был поврежден вражеским самолетом, и ему пришлось интернироваться в Турции. Малому же греческому пароходу «Агхиос Георгиос» удалось дойти до Кипра.

Увы, этот эпизод не может служить примером доброжелательного или хотя бы нейтрального отношения Турции к СССР. Дело в том, что вывод самых крупных транспортных судов с Черного моря был крайне выгоден... кригсмарине.

Нет, я, к сожалению, не шучу. С 23 марта 1942 г. и до падения Севастополя немцы утопили шесть наших транспортов («Чапаев», «Сванетия», «Громов», «Абхазия», «Грузия», «Белосток») общим водоизмещением 21 773 тонн. И это наши историки-лампасники считают катастрофой и поводом для прекращения походов транспортов в Севастополь^[66]. А вот увод московскими адмиралами с Черноморского театра военных действий шести транспортных судов общим водоизмещением 42 574 тонны, то есть в два раза большего тоннажа, наши историки даже не заметили. Так, божья роса...

Несколько слов стоит сказать и об атаках советскими подводными лодками турецких судов. С июля 1941 г. Турция оказалась единственным нейтральным причерноморским государством. Румыния официально находилась в состоянии войны с СССР, Болгария формально не объявляла войны Советскому Союзу, но фактически вела боевые действия против Черноморского флота. 1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Тройственному пакту фашистских государств, а на следующий день в страну вошли части вермахта. Наконец, 13 декабря того же года Болгария объявила войну США и Великобритании.

Надо ли говорить, что любое турецкое судно, идущее не строго на восток вдоль анатолийского побережья Турции, везло груз в страны, фактически находившиеся в состоянии войны с Советской Россией. Замечу, что в конце 1941 г. и британские, и американские подводные лодки беспощадно топили все суда (невзирая на флаг), направлявшиеся в порты Германии, Японии и их союзников.

Советские подводные лодки в 1941–1944 гг. имели районы патрулирования исключительно к западу и северу от Босфора и почти никогда не вели поиска судов у анатолийского побережья. Часто подводные лодки получали категорические приказы начальства избегать атак турецких судов. Тем не менее было несколько эпизодов потопления турецких шхун и

пароходов. Так, в 1941 г. подводная лодка потопила шхуну «Кайнакдере» и транспорт «Енидже». Еще одна шхуна была потоплена утром 1 января 1942 г.

20 июня 1942 г. подводная лодка Щ-205, преследуя турецкий транспорт «Дуатепе», вошла в турецкие территориальные воды в районе города Игнеада, в 12 км от болгарской границы, и артиллерийским огнем потопила «Дуатепе» и шхуну «Кайнарджи». Через три дня подводная лодка Щ-205 потопила торпедой закамуфлированный транспорт «Шафак». Замечу, все три турецких судна, потопленные Щ-205, были зафрахтованы немцами и перевозили германские грузы, в том числе хромовую руду.

В том же 1942 г. подводная лодка Щ-213 потопила небольшой турецкий пароход «Чанкая». Позже черноморские подводные лодки потопили турецкие суда «Кочибоглу», «Хюдай-Бахри», «Гурпинар» и «Дервиш».

Довольно странный эпизод произошел 5 августа 1944 г., когда подводная лодка Щ-215 артиллерийским огнем потопила турецкую шхуну «Мефкуре» (вместимостью 53 брт). На шхуне находились два члена экипажа и 301 еврейский беженец. Лодка выпустила девять 45-мм снарядов, сто 12,7-мм пуль из ДШК и 650 патронов калибра 7,62 мм^[67]. Можно понять применение артиллерийских снарядов для потопления шхуны, но зачем из пулеметов расстреливать беженцев? Увы, это еще одна тайна Великой Отечественной войны.

Как видим, все потопленные нашими подводными лодками турецкие суда имели небольшое водоизмещение. Что же касается больших судов, то командиры лодок обычно опознавали их как турецкие и отказывались от атаки. Несколько раз наши подводные лодки обнаруживали турецкие торговые суда в охранении турецких военных кораблей. Был по крайней мере один случай (неудачный) атаки «щучкой» турецкого конвоя.

Сколько военных и других грузов перевезли в 1941–1944 гг. турецкие суда для немцев и их союзников — до сих пор тайна за семью печатями. Хотя автор уверен, что эти материалы в архивах РФ есть, но хранятся под грифом «секретно» или «совершенно секретно».

Глава 27

КАК АНКАРА ВСТУПИЛА В НАТО

29 ноября 1943 г. в ходе Тегеранской конференции премьер-министр Великобритании Черчилль по своей инициативе коснулся вопроса о Проливах. Премьер заявил о желательности вступления Турции в войну на стороне союзных государств. Черчилль говорил: «От имени британского правительства я могу сказать, что оно готово предупредить Турцию о том, что если Турция не примет предложения о вступлении в войну, то это может иметь серьезные политические последствия для Турции и отразится на ее правах в отношении Босфора и Дарданелл».

Сталин ответил, что советская сторона не считает «главными» вопросами ни вопрос о вступлении Турции в войну, ни помощь партизанам, ни даже занятие Рима. Основным и решающим вопросом мы считаем операцию „Оверлорд“^[68]. И я хотел бы, чтобы наше внимание не отвлекалось от этого главного вопроса второстепенными вопросами».

30 ноября Черчилль опять по своей инициативе затронул вопрос о Проливах. Он сказал: «России необходимо иметь выход к незамерзающим портам». Сталин согласился с этим, но сказал, что «этот вопрос можно будет обсудить позже». Черчилль продолжал: «Раньше англичане возражали против того, чтобы русские имели выход к теплым морям, но сейчас англичане не имеют против этого никаких возражений». Сталин ответил: «Если теперь не имеется возражений, то тогда надо пересмотреть вопрос и о режиме турецких Проливов. Такая большая страна, как Россия, оказалась запертой в Черном море и не имеет из него выхода. Режим проливов сначала регулировался Севрским договором, затем Лозаннским договором, наконец, конвенцией, заключенной в Монтрё. Все это время англичане хотели задушить Россию, но если теперь англичане не хотят больше душить Россию, то необходимо, чтобы они облегчили режим Проливов».

Черчилль ответил, что он с этим согласен, но сейчас желательно, чтобы Турция вступила в войну, поэтому он в настоящее время не хотел бы поднимать этот вопрос. Сталин с этим согласился и добавил, что «еще будет время обсудить вопрос и о портах, и о проливах».

Из приведенных цитат может сложиться впечатление, что Сталин был не очень заинтересован в решении вопроса о Проливах. На самом деле

Сталин всегда придавал этой проблеме первостепенное значение. Однако не следует забывать, что в ноябре 1943 г. немцы были под Киевом и Ленинградом, и им принадлежал Крым. А Англия и США к этому времени имели реальную возможность высадить десант в Дарданеллах.

Как уже говорилось, «казусов белли» (поводов к войне с турками) у СССР было более чем достаточно. Сейчас можно только гадать, почему в 1944 г. Сталин не провел операцию по захвату Проливов. СССР обладал лучшей в мире разведкой, которая всегда могла дать абсолютно законный повод к войне. Да и зачем искать повод? Заявило же советское правительство 5 сентября 1944 г., что «теперь не только Болгария будет вести войну против СССР, но и СССР будет воевать с Болгарией». Болгарская армия даже не сопротивлялась советским войскам. В Болгарию в сентябре 1944 г. было введено свыше 300 тысяч солдат, свыше 4 тысяч орудий, около 400 танков и около 1200 самолетов. Наши войска были хорошо вооружены и буквально рвались в бой. Это показала последующая (28 сентября — 28 октября) Белградская наступательная операция. А ведь все эти силы могли быть повернуты на юг! Туркам нечем было бороться с нашими танками Т-34, КВ и ИС. Господство в воздухе также было на нашей стороне.

Не следует забывать и о Черноморском флоте, который к началу 1944 г. имел в своем составе линкор «Севастополь» (двенадцать 305/52-мм орудий), 4 крейсера (из них три со 180-мм орудиями), 6 эскадренных миноносцев, 13 сторожевых кораблей, 29 подводных лодок, 47 торпедных катеров, 27 тральщиков, 44 канонерские лодки и 467 боевых самолетов.

Сопротивление турецких войск вряд ли отличалось бы от сопротивления румын и болгар в августе—сентябре 1944 г. Захват Проливов с болгарского плацдарма занял бы не более недели. Немцы физически не смогли бы помочь туркам. Находившаяся в Югославии немецкая армейская группа «Сербия» была слишком слаба и блокирована югославскими партизанами. Союзники тоже не смогли бы ни за неделю, ни за две даже начать десантную операцию в Дарданеллах, чтобы «помочь русским».

Естественно, США и Англия были бы крайне недовольны взятием Проливов под контроль СССР. Но тогда у них не было иного выхода. Они физически не могли пойти на разрыв с СССР.

Увы, идеальный момент был упущен. А дальше было поздно. 23 февраля 1945 г. Турция объявила войну Германии и Японии. Теперь она автоматически становилась союзницей СССР и формально даже могла претендовать на имущество и территории побежденных. Вот теперь бы

Сталину кусать локти да помалкивать. Но именно тогда советское правительство начинает предъявлять претензии к Турции.

19 марта 1945 г. СССР денонсирует советско-турецкий договор 1925 г. о дружбе и нейтралитете. Молотов заявил турецкому послу в Москве С. Сарперу, что вследствие глубоких изменений, происшедших особенно в течение Второй мировой войны, этот договор не соответствует больше новой обстановке и нуждается в серьезном улучшении.

К этому времени советское руководство определило свою позицию по вопросу Проливов. Она сводилась к следующему:

1. Конвенция, подписанная в Монтрё, как не отвечающая современным условиям, должна быть отменена.

2. Установление режима Проливов должно находиться в компетенции Советского Союза и Турции.

3. Новый режим Черноморских проливов должен предусматривать создание, наряду с турецкими военными базами, советских военных баз в Проливах в интересах безопасности СССР и Турции и поддержания мира в районе Черного моря^[69].

В разговоре с послом Молотов поднял вопрос и о территориях, отошедших к Турции в 1921 г. (Карс, Ардаган и др.). Сарпер настойчиво просил снять вопрос о территориях. На это Молотов заявил, что в подобном случае отпадает возможность заключения союзного договора и может идти речь только о заключении советско-турецкого договора о Проливах, причем безопасность таковых не должна зависеть в будущем просто от воли Турции и ее реальных возможностей, а нужна реальная гарантия безопасности СССР в виде баз в Проливах.

Посол отклонил это требование и заявил, что Турция готова рассмотреть вопрос о Проливах, если будут исключены территориальные уступки со стороны Турции в пользу СССР и снят вопрос о базах в Проливах в мирное время.

Трудно объяснить, почему ни Сталин, ни Молотов не понимали, что теперь западные союзники никогда не отдадут России Проливы. И теперь, чтобы их получить, нужно не заменить Белградскую операцию на Стамбульскую, а начинать Третью мировую войну.

Британское правительство проявило инициативу в постановке вопроса о Проливах на Потсдамской конференции. Этот вопрос обсуждался на шестом заседании глав правительств в Потсдаме 22 июля 1945 г. Первым выступил Черчилль, который заявил, что он «неоднократно выражал готовность разработать соглашение, согласно которому советский флаг — военно-морской и торговый — мог свободно плавать из Черного моря в

Средиземное и обратно. Поэтому мы открываем обсуждение этого вопроса на основе дружественного согласия».

По предложению Сталина нашу позицию изложил Молотов. Он рассказал о переговорах с послом Турции Сарпером в Москве, о чем уже Сталин говорил Черчиллю 18 июля, и передал в письменном виде следующие предложения по Проливам, которые, как сказал Молотов, были устно изложены послу Сарперу.

«Предложения делегации СССР о Черноморских проливах.

Конференция признала необходимым в отношении режима в Черноморских проливах:

1. Международная конвенция о режиме проливов, подписанная в Монтрё, как не отвечающая современным условиям, должна быть отменена в соответствующем нормальном порядке.

2. Установление режима проливов, единственного морского пути из Черного моря и обратно, должно находиться в компетенции Турции и Советского Союза — как наиболее заинтересованных и способных обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасность в Черноморских проливах.

3. Новый режим проливов должен предусматривать в числе других мероприятий также следующее:

Турция и Советский союз в интересах своей безопасности и поддержания мира в районе Черного моря обеспечивают совместными средствами в проливах недопущение использования этих проливов другими государствами во враждебных черноморским державам целях (наряду с турецкими военными базами — советские военные базы в проливах)».

Ознакомившись с этим проектом, Черчилль заявил, что в этой связи «возникают совсем другие вопросы. Речь идет о русской базе в Проливах, а также о том, что никто не может иметь отношение к вопросу о Дарданеллах и Босфоре и проходе через них, кроме Турции и Советского Союза. Я уверен, что Турция никогда не согласится на это».

Это был категорический отказ. Англия и США больше не нуждались в помощи Советской армии в борьбе с Германией и начали сомневаться, нужна ли им помощь в борьбе с Японией. Не следует забывать, что за 6 дней до этого разговора рано утром 16 июля 1945 г. американцы осуществили первый испытательный ядерный взрыв. Кстати, о взрыве почти немедленно доложили Сталину.

Англичане и американцы не только отвергли предложение СССР, но и выдвинули свои предложения по изменению Конвенции Монтрё. Они

предложили ввести принцип неограниченного прохода военного и торгового флота через Проливы как в мирное, так и в военное время для всех государств.

Ясно, что внесенное США предложение по Проливам, поддержанное Англией, не только не укрепляло безопасность СССР на Черном море, но, напротив, ее ослабляло. Черчилль и Трумэн хотели также лишить СССР и другие причерноморские государства даже тех небольших преимуществ, которые они имели по Конвенции Монтрё.

На заседании 23 июля Сталин не стал комментировать это предложение США. Он это сделал на следующий день, 24 июля. Сталин заявил, что записка Трумэна не затрагивает вопроса о Турции и Проливах. Трумэн говорит только о свободной навигации. Отметив, что в отношении Проливов не удастся достичь соглашения, поскольку взгляды сильно расходятся, Сталин предложил отложить этот вопрос и заняться другими проблемами.

С 20 декабря 1945 г. и до конца 1946 г. в советской прессе, и особенно в изданиях Грузии и Армении, велась кампания за возвращение СССР Карса и Ардагана.

Чтобы запугать СССР, США устраивают провокацию. 5 апреля 1946 г. в Стамбул прибывает американский линкор «Миссури» (9–406-мм орудий) в сопровождении эскорта эсминцев. Линкор привез тело покойного турецкого посла в США Мехмеда Мюнира Эртегюна. Естественно, что смерть посла была только поводом для нарушения Конвенции Монтрё. Останься в живых посол, американцы бы привезли его сдохшую собачонку.

12 июля 1947 г. США предоставили Турции кредит в размере 100 млн долларов для закупок вооружения. Забегая вперед, скажу, что с 1947 по 1954 г. США оказали Турции военную помощь на 704,3 млн долларов, а с апреля 1948 г. по 1954 г. — техническую и экономическую помощь в размере 262 млн долларов.

Спор об изменениях Конвенции Монтрё затянулся, и к началу 1947 г. совсем затих. Конвенция Монтрё сохранилась неизменной. Она регулирует режим Проливов до сих пор.

3 декабря 1951 г. в Турции была введена смертная казнь за принадлежность к коммунистической партии Турции. А 18 февраля 1952 г. Турция вступает в НАТО.

После смерти Сталина в марте 1953 г. Молотов вновь стал министром иностранных дел^[70].

30 мая 1953 г. Молотов сделал заявление турецкому послу Файку

Хозару, в котором говорилось: «Как известно, в связи с истечением срока советско-турецкого договора от 1921 г., вопрос об урегулировании советско-турецких отношений затрагивался в официальных беседах представителей обоих государств несколько лет тому назад. В этих беседах фигурировали некоторые территориальные претензии Армянской ССР и Грузинской ССР к Турции, а также соображения Советского правительства относительно устранения возможной угрозы безопасности СССР со стороны Черноморских проливов. Правительственными и общественными кругами Турции это было воспринято болезненно, что не могло, в известной мере, не отразиться на советско-турецких отношениях.

Во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции. Что же касается вопроса о Проливах, то Советское правительство пересмотрело свое прежнее мнение по этому вопросу и считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции».

18 июля 1953 г. посол Файк Хозар сделал ответное заявление Молотову, где говорилось об удовлетворении турецкого правительства и заботе его о сохранении добрососедских отношений и об укреплении мира и безопасности.

Чтобы и далее укреплять «мир и безопасность», Турция разрешает в 1959 г. разместить на своей территории 865-ю эскадрилью стратегических ракет армии США. На ее вооружении состояло тридцать 50-тонных ракет «Юпитер» с дальностью 3180 км. Ракеты несли моноблочные боеголовки мощностью 1 мегатонна.

Говорят, что Хрущев пришел в бешенство, когда кто-то сказал, что сейчас, мол, в Турции нацеливают «Юпитер» на его дачу.

Установка американских ракет в Турции была одной из причин посылки советских аналогов двадцати четырех пусковых установок Р-12 и шестнадцати пусковых Р-14 на Кубу.

В 1990-х гг. ряд «демократических» авторов сокрушался о том, что де Хрущев устроил авантюру, послав ракеты на Кубу. Что, у нас не было иной возможности предотвратить вторжение американцев на Кубу, как начать тотальную войну? Такая возможность была. В ответ на вторжение на Кубу советские войска могли бы начать операцию в Проливах. И тут-то американцы мало чем могли бы помочь Турции, разве что развязать мировую войну. А размен Кубы на Проливы был явно в нашу пользу.

Вообще говоря, размен все-таки состоялся, хотя и на куда более

мелком уровне. СССР убрал свои Р-12 и Р-14 с Кубы, а США — свои «Юпитеры» из Турции и Италии, а «Торы» — из Англии. Кроме того, американцы обещали не нападать на Кубу.

Джамиль Гасанлы писал, что 28 октября 1962 г. Хрущев направил президенту США Кеннеди конфидициальное послание, в котором высказал согласие на «обмен ракетами». «Немедленно после послания Н. Хрущева советский посол в Анкаре Н. Рыжов намекнул турецким властям: если советское предложение не будет принято, то по Турции может быть нанесен удар. Уже турецкие войска были приведены в боевую готовность, правительство начало разрабатывать планы эвакуации населения из Анкары, Стамбула, Измира и других крупных городов»^[71].

Глава 28

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ С 1963 ПО 2008 Г.

После вывоза «Юпитеров» в 1963 г. отношения СССР и Турции начинают постепенно улучшаться. 5 ноября 1964 г. заключается культурное соглашение между двумя странами. В 1967 г. было заключено соглашение о строительстве ряда промышленных объектов в Турции при финансировании и техническом содействии Советского Союза. В 1978 г. были подписаны Соглашения о развитии экономического сотрудничества и о научно-техническом сотрудничестве сроком на 5 лет, а в 1984 г. — Долгосрочная программа развития экономического, торгового и научно-технического сотрудничества сроком на 10 лет с продлением еще на 5 лет по согласию сторон. В том же 1984 г. было заключено соглашение о поставках Советскому Союзу природного газа Турции сроком на 25 лет, что способствовало дальнейшему росту торговли и экономического сотрудничества между СССР и Турцией.

Однако распад СССР в конце 1991 г. и приход к власти в России проамериканского правительства Ельцина привел к резкому возрастанию напряженности во многих регионах мира, и в том числе на Балканах, Кавказе и в Средней Азии.

Турецкие правители сразу возомнили себя прежними султанами — повелителями вселенной. Турция начала активно вмешиваться в дела народов Кавказа и Средней Азии. Экспансия идет по всем фронтам — от религии до поставок оружия. В Турции торжественно открывают памятник татарским ханам Гиреям. Полбеда, если бы это делали частные лица, но когда сам премьер-министр принимает участие в подобных шоу... Зададим риторический вопрос: с какой целью турецкие власти финансируют татарские националистические организации в Крыму?

Не обошли вниманием новые султаны и проблему Проливов. В январе 1994 г. в одностороннем порядке турецкое правительство приняло новый Регламент судоходства в зоне Черноморских проливов, который вступил в силу с 1 июля 1994 г. Ряд статей этого Регламента предусматривает введение разрешительного порядка прохода для определенных категорий судов в зависимости от их длины, осадки, перевозимого груза и т.д.

Турки выдвигают различные требования к судам России. То они не

хотят пропускать большие танкеры через Проливы, то грозят захватить торговые суда, везущие зенитные ракеты для суверенной республики Кипр и т.д.

Большие танкеры-де создают угрозу судоходства в Проливах. На самом деле Турция стремится существенно ограничить проход российских танкеров в Средиземное море, сократить таким образом экспорт нефти и вынудить Россию и другие страны СНГ согласиться экспортировать нефть не морским путем, а по нефтепроводам, протянув их через территорию Турции.

А кто мешает судоходству в Проливах? Откроем морской справочник за 1966 г.: «Большую опасность при движении судов в проливах создают мелкие турецкие коммерческие и рыболовные суда, которые пересекают проливы в разных направлениях зачастую без соблюдения правил предупреждения столкновения судов»^[72].

В настоящее время порядок пропуска наших военных судов через Черноморские проливы не изменился с советских времен. Однако турецкая сторона осуществляет многочисленные придирки к нашим судам, которые зачастую существенно осложняют их проход. Так, в 1990-х гг., когда Черноморский флот еще не был разделен между Украиной и Россией, корабли Черноморского флота ходили под бело-голубым военно-морским флагом СССР. Турки то пропускали, то задерживали их, утверждая, что сейчас нет государства, обладающего таким флагом.

В конце 1990-х гг. российское правительство решило продать зенитно-ракетный комплекс С-300 Суверенной Республике Кипр, что в те годы было совершенно рутинным делом. И русские продавали С-300, и американцы поставляли свой аналогичный комплекс «Патриот» в десятки стран, включая средиземноморские. Но тут турецкое правительство заявило, что оно захватит силой суда, везущие С-300 на Кипр. И даже провело в Проливах незаконный обыск какого-то украинского судна. В результате правительство РФ пошло на попятную, и Кипр С-300 так и не получил.

К моменту развала СССР у стенки завода в Николаеве достраивался авианосец «Варяг», спущенный на воду еще 25 ноября 1988 г. На его достройку требовалась относительно небольшая сумма по сравнению с уже затраченной. Правительство России было готово достраивать авианосец для России. Причем рассчитаться можно было бы газом, за который Украина все равно не платит, а не твердой валютой. Но Ельцин уперся и приказал прекратить финансирование достройки «Варяга». В конце концов авианосец купили китайцы.

Ранним утром 14 июня 2000 г. голландский буксир с филиппинской

командой вывел «Варяг» из Николаева. Однако турецкие власти запретили проводить «Варяг» через Проливы, и целых семнадцать месяцев недостроенный авианосец возили на буксире по Черному морю. Лишь на 506-й день после выхода из Николаева, 1 ноября 2001 г., после уплаты Китаем миллиардной страховки и выполнения других условий турецких властей «Варяг» был пропущен через Проливы. Риторический вопрос: посмели бы турецкие власти так нарушать конвенцию Монтрё до 1991 г.?

А вот пример посвежее. 10 и 11 апреля 2003 г. Проливы должны были пройти две группы кораблей Черноморского флота. Причем турки были заранее оповещены об этом.

Первая группа шла в составе танкера «Бубнов», буксира «Шахтер» и большого десантного корабля (БДК) «Цезарь Куников» с усиленной ротой десанта на борту. Как и положено конвенцией, корабли по УКВ называли свои бортовые номера и национальность и вошли в Босфор.

Вторая группа кораблей в составе крейсера «Москва» и эсминцев «Пытливый» и «Сметливый» в это время выходила из Севастополя. Адмирал, командующий отрядом, получил с «Цезаря» первый доклад: «Вошли в проливы, замечаний нет». Минут через 20–25 «Цезарю» и «Шахтеру» турецкие власти передали по УКВ: «Остановитесь, вашего бортового номера нет в заявке».

Наперерез «Цезарю» выскочил турецкий катер. На «Цезаре» орудия в полной боевой готовности. На палубе развернуты автоматчики — морпехи, как положено при проходе проливов для предотвращения террористических акций, экипаж по тревоге на боевых постах, орудия готовы к стрельбе. Вахтенный офицер БДК передал по-английски на катер: «Наши документы в порядке, не мешайте моим действиям».

Только при выходе из Босфора турки, видя, что отряд на запросы не отвечает, передали: «Все в порядке, заявку нашли, счастливого плавания».

На следующий день, когда вторая группа кораблей вошла в пролив, турки уже не задавали дурных вопросов — наши все равно бы не ответили. Но вскоре после выхода из Дарданелл ко второму отряду кораблей двинулся португальский эсминец «Васко де Гама». Он запросил у крейсера, идущего головным: «Что за груз у вас на борту?» «Москва» ответила: «Какая погода в Португалии?» Эсминец отвернул и больше вопросов не задавал^[73].

К конфликтной ситуации в Проливах прибавляется еще и попытка Турции воспретить России и другим странам проложить трубопровод для транспортировки углеводородов через Черное море и Болгарию в Грецию.

До 1991 г. гонку вооружений в Турции можно было как-то объяснить

существованием рядом могущественного Советского Союза. Так, на август 1992 г. в составе Черноморского флота имелось 833 боевых корабля и вспомогательных судна. Но затем численность вооруженных сил России и Украины в регионе Черного моря резко упала, а боеспособность немногочисленных оставшихся сухопутных частей и кораблей оставляет желать лучшего.

Тем не менее Турция продолжает наращивать вооружение. Так, к 2006 г. в ее вооруженных силах состояло свыше полумиллиона человек плюс 152 тысячи жандармерии и других воинских формирований. В составе ВВС Турции было 800 самолетов и 40 вертолетов.

В турецком ВМФ состояло 14 подводных лодок, 20 фрегатов (водоизмещением от 2,9 до 4,3 тыс. т), 12 корветов, 18 ракетных катеров, 35 больших и средних десантных кораблей, 50 малых десантных кораблей. Всего 175 боевых кораблей и катеров, а также 120 вспомогательных судов.

Соотношение сил между РФ и Турцией к 2008 г. почти такое же, как к 1769 г., как по численности вооруженных сил, так и по местам их базирования.

Разница лишь в том, что Россия располагает какой-то частью тактического ядерного оружия, созданного в СССР. С начала 1970-х гг. в СССР поступило на вооружение до 30 тысяч (данные оценочные) тактических ядерных боеприпасов. Этими боеприпасами были оснащены боеголовки тактических ракет «Луна» и «Точка», снаряды 240-мм минометов, снаряды 203-мм и 152-мм пушек и гаубиц, авиационные мины и т.п.

Еще более важным фактором является нестабильность внутри Турции. Турецкая государственность в значительной мере держится на штыках собственной армии и на поддержке США. Если убрать эти две опоры, то Турция развалится в 48 часов. Внутри страны все большую роль играют исламские фундаменталисты.

Спор с Грецией из-за Кипра и ряда островов Эгейского моря то затухает, то возгорается. Перейти ему в полномасштабную войну мешает лишь присутствие американского 6-го флота.

Ну а на востоке по-прежнему остается армянская проблема. Армянский народ ничего не забыл и ничего не простил османам, свыше 500 лет терзавшим их страну. Ситуация усугубляется отказом турецкого правительства признать геноцид армян.

Наконец, важным фактором является курдский вопрос. Американское правительство ради захвата иракской нефти совершило агрессию против суверенного Ирака. Но создать там мало-мальски устойчивую власть янки

не могут уже много лет. Они выпустили из бутылки «курдского джина». На севере Ирака фактически существует курдское государство, которому симпатизируют миллионы курдов, проживающих в Турции.

В итоге Турция сейчас вполне справедливо заслуживает титул «больного человека Европы», не в меньшей степени, чем в конце XVIII — начале XIX веков.

В такой ситуации наиболее оптимальным вариантом для Турции было бы развитие торговых отношений с Россией, Украиной и другими республиками бывшего СССР и полное невмешательство в их внутренние дела, и, разумеется, строжайшее соблюдение Конвенции в Монре. Любое ее изменение должно первоначально согласовываться с Россией, а лишь потом передаваться на рассмотрение международных конференций.

Сейчас Турция пытается войти в ЕС. Турецкое руководство и правительство ведущих европейских стран надеются, что это приведет к росту экономики Турции и стабилизации в стране. Однако риску предположить, что попытка запрячь в одну упряжку «коня и трепетную лань» может привести и к обратному эффекту — усилению нестабильности как в Турции, так и в Западной Европе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОНВЕНЦИЯ О РЕЖИМЕ ПРОЛИВОВ.

Монтрё, 20 июля 1936 г.^[74] (извлечение)

Преамбула (ст.1)

Раздел I. Торговые суда (ст.ст. 2–7)

Раздел II. Военные корабли (ст.ст. 8–22)

Раздел III. Воздушные суда (ст. 23)

Раздел IV. Общие постановления (ст.ст. 24–25)

Раздел V. Заключительные постановления (ст.ст. 27–29)

Преамбула

Одушевленные желанием упорядочить проход и судоходство в проливе Дарданеллы, в Мраморном море и в Босфоре, обнимаемых общим определением «Проливы», в целях ограждения в рамках, отвечающих безопасности Турции и безопасности в Черном море прибрежных государств, принципа, закрепленного статьей 23 Мирного договора, подписанного в Лозанне 24 июля 1923 года;

Решили заменить настоящей Конвенцией Конвенцию, подписанную в Лозанне 24 июля 1923 года, и назначили для этой цели своими Уполномоченными, а именно: (следует перечень), которые, по предъявлении своих полномочий, признанных составленными в должной и надлежащей форме, согласились о следующих постановлениях:

Статья 1

Высокие Договаривающиеся Стороны признают и подтверждают принцип права свободы прохода и мореплавания в Проливах.

Осуществление указанного права будет впредь регулироваться постановлениями настоящей Конвенции.

Раздел I Торговые суда

Статья 2

В мирное время торговые суда будут пользоваться правом полной свободы прохода и плавания в Проливах, днем и ночью, независимо от флага и груза, без каких-либо формальностей, под условием соблюдения постановления следующей ниже статьи 3. Никакие сборы или платы, иные чем те, взимание которых предусмотрено Приложением 1 к настоящей Конвенции^[75] не будут взыскиваться турецкими властями с этих судов при

проходе их транзитом без остановки в одном из портов Проливов. Для облегчения взимания этих сборов или плат торговые суда, следующие через Проливы, должны сообщать должностным лицам станции, указанной в статье 3, свои названия, флаг, тоннаж, место назначения и отправления. Проводка лоцманами и пользование буксирными судами остаются необязательными.

Статья 3

Всякое судно, которое войдет в Проливы из Эгейского моря или из Черного моря, должно будет остановиться у санитарной станции при входе в Проливы, дабы подвергнуться санитарному осмотру, установленному турецкими правилами в рамках международных санитарных правил. Этот осмотр в отношении судов, имеющих чистый санитарный патент или предъявивших санитарную декларацию, удостоверяющую, что они не подпадают под действие постановлений абзаца 2 настоящей статьи, будет производиться как днем, так и ночью с максимально возможной быстротой: упомянутые выше суда не будут обязаны останавливаться в каком-либо другом пункте Проливов во время своего прохода.

Суда, имеющие на борту случаи чумы, холеры, желтой лихорадки, сыпного тифа или оспы, или имевшие таковые на борту за последние семь дней, а также суда, покинувшие зараженный порт менее, как за пять суток, будут обязаны останавливаться у санитарной станции, указанной в предыдущем абзаце, для принятия на борт санитарных надсмотрщиков, если таковые будут назначены турецкими властями. В связи с этим не будет взиматься никаких сборов или плат, а надсмотрщиков будет необходимо высаживать на санитарной станции при выходе из Проливов.

Статья 4

Во время войны, когда Турция не является воюющей стороной, торговые суда, независимо от флага и груза, будут пользоваться правом свободы прохода и плавания в Проливах на условиях, предусмотренных в статьях 2 и 3. Проводка лоцманами и пользование буксирными судами остаются необязательными.

Статья 5

Во время войны, когда Турция является воюющей стороной, торговые суда, не принадлежащие к стране, находящейся в войне с Турцией, будут пользоваться правом свободы прохода и плавания в Проливах при условии, что (эти суда) никаким образом не оказывают содействия противнику. Эти суда должны будут входить в Проливы днем, проход должен будет осуществляться по пути, который в каждом отдельном случае будет указываться турецкими властями.

Статья 6

В случае, если Турция считала бы себя находящейся под угрозой непосредственной военной опасности, применение постановлений статьи 2 будет тем не менее продолжаться, с тем, однако, что суда должны будут входить в Проливы днем и что проход должен будет совершаться по пути, указываемому, в каждом отдельном случае, турецкими властями.

Проводка лоцманами может, в этом случае, быть сделана обязательной, но будет бесплатной.

Статья 7

Понятие «торговые суда» применяется ко всем судам, которые не предусмотрены разделом II настоящей Конвенции.

Раздел II Военные корабли

Статья 8

В целях настоящей Конвенции определением, подлежащим применению к военным кораблям и к их спецификации, а также к исчислению тоннажей, является определение, изложенное в Приложении II к настоящей Конвенции.

Статья 9

Вспомогательные корабли военного флота, исключительно приспособленные для перевозки жидкого или иного топлива, не будут обязаны предуведомлением, предусмотренным в статье 13, и не будут входить в исчисление тоннажей, подлежащих ограничению в силу статей 14 и 18, при условии прохождения через Проливы в одиночку. Однако они будут подводимы под военные корабли в отношении других условий прохода.

Вспомогательные корабли, указанные в предыдущем абзаце, могут пользоваться изложенным выше отступлением, лишь если их вооружение состоит: в отношении артиллерии против плавучих целей не более чем из двух орудий максимального калибра в 105 мм; в отношении артиллерии против воздушных целей не более чем из двух аппаратов максимального калибра в 75 мм.

Статья 10

В мирное время легкие надводные корабли, небольшие боевые суда и вспомогательные суда, независимо оттого, принадлежат ли они Державам, прибрежным к Черному морю, или нет, каков бы ни был их флаг, будут пользоваться правом свободы прохода через Проливы без каких-либо сборов или плат, поскольку они входят туда днем и на условиях, предусмотренных в изложенных ниже статьях 13 и следующих.

Военные корабли, иные, чем те, которые подходят под классы,

указанные в предыдущем абзаце, будут иметь право прохода лишь на особых условиях, предусмотренных в статьях 11 и 12.

Статья 11

Прибрежным к Черному морю Державам разрешается проводить через Проливы свои линейные корабли тоннажа, превышающего тоннаж, предусмотренный в первом абзаце статьи 14, при условии, что эти корабли следуют через Проливы в одиночку, эскортируемые не более чем двумя миноносцами.

Статья 12

Державы, прибрежные к Черному морю, будут иметь право проводить через проливы, в целях возвращения к их базе, свои подводные лодки, сооруженные или купленные вне этого моря, если Турции заблаговременно было сделано уведомление о закладке или о покупке.

Подводные лодки, принадлежащие названным Державам, могут равным образом проходить через Проливы для ремонта на верфях, расположенных вне этого моря, при условии, что точные данные по этому поводу будут даны Турции.

И в том и в другом случае подводные лодки должны будут плавать днем и притом на поверхности и проходить через Проливы в одиночку.

Статья 13

Для прохода в Проливах военных кораблей Турецкому Правительству дипломатическим путем должно быть сделано предуведомление. Нормальный срок предуведомления будет восемь дней; однако является желательным, чтобы для Держав, неприбрежных к Черному морю, он был доводим до пятнадцати дней. В предуведомлении будет указываться место назначения, название, тип и количество кораблей, а также дата прохода в первоначальном направлении и, если таковое имеет место, то и при возвращении. Всякое изменение даты должно составить предмет предуведомления за три дня.

Вход в Проливы для прохода в первоначальном направлении должен иметь место в пятидневный срок со дня, указанного в первоначальном предуведомлении. По истечении этого срока должно быть дано новое предуведомление на таких же условиях, как и для начального предуведомления.

При подходе начальник морского отряда сообщит, не будучи обязанным останавливаться, сигнальной станции, расположенной при входе в Дарданеллы или в Босфор, точный состав отряда, находящегося под его командованием.

Статья 14

Общий максимальный тоннаж всех судов иностранных морских отрядов, могущих находиться в состоянии транзита через Проливы, не должен превышать 15 000 тонн за исключением случаев, предусмотренных в статье 11 и в Приложении III к настоящей Конвенции.

Однако отряды, указанные в предшествующем абзаце, не должны состоять более чем из девяти кораблей.

Не будут включаться в этот тоннаж корабли, принадлежащие Державам, прибрежным к Черному морю или неприбрежным, которые, согласно постановлений статьи 17, наносят визит в один из портов Проливов.

Не будут далее включены в этот тоннаж военные корабли, которые потерпели бы аварию при прохождении: эти корабли будут обязаны соблюдением во время ремонта особых правил безопасности, издаваемых Турцией.

Статья 15

Военные корабли, проходящие Проливы транзитом, не могут ни в каком случае использовать воздушные суда, которые могли бы на них находиться.

Статья 16

Военные корабли, проходящие Проливы транзитом, не должны будут, за исключением аварии или несчастья на море, пребывать там свыше времени, необходимого для совершения их прохода.

Статья 17

Постановления предыдущих статей не могут ни в каком случае воспрепятствовать морскому отряду любого тоннажа и состава нанести по приглашению Турецкого Правительства краткосрочный визит вежливости в порт Проливов. Этот отряд должен покинуть Проливы тем же путем, что и для входа, если только он не удовлетворяет условиям, требуемым для прохода в Проливах транзитом, согласно постановлений статей 10, 14 и 18.

Статья 18

1. Общий тоннаж, который Державы, неприбрежные к Черному морю, могут иметь в этом море в мирное время, ограничивается следующим образом:

а) за исключением случая, предусмотренного в параграфе «b», следующем ниже, общий тоннаж названных держав не будет превышать 30 000 тонн;

б) в случае, если, в любой данный момент, тоннаж наиболее сильного флота в Черном море превысит по крайней мере на 10 000 тонн тоннаж

наиболее сильного флота в этом море ко дню подписания настоящей Конвенции, то общий тоннаж в 30 000 тонн, предусмотренный в параграфе «а», будет увеличен на столько же, вплоть до максимальной цифры в 45 000 тонн. В этих целях каждая прибрежная Держава будет сообщать, согласно Приложению IV к настоящей Конвенции, Турецкому Правительству 1 января и 1 июля каждого года общий тоннаж своего флота в Черном море, а Турецкое Правительство будет передавать эти сведения другим Высоким Договаривающимся Сторонам, равно как Генеральному Секретарю Лиги Наций;

с) тоннаж, который какая-либо из неприбрежных Держав будет иметь право иметь в Черном море, будет ограничен двумя третями общего тоннажа, предусмотренного в изложенных выше параграфах «а» и «b»;

d) однако в случае, если одна из Держав, неприбрежных к Черному морю, или несколько из них пожелали бы послать туда для гуманитарных целей морской отряд, то этот отряд, который в целом не должен будет ни в каком случае превысить 8000 тонн, будет допущен ко входу в Черное море без предуведомления, предусмотренного в статье 13 настоящей Конвенции, путем разрешения, полученного от Турецкого Правительства на следующих условиях: если общий тоннаж, предусмотренный выше в параграфах «а» и «b», не достигнут и не будет превышен отрядом, посылка которого испрашивается, то Турецкое Правительство даст названное разрешение в кратчайший срок по получении обращенной к нему просьбы; если названный общий тоннаж окажется уже использованным или если он был бы превышен отрядом, посылка которого испрашивается, то Турецкое Правительство немедленно осведомит о просьбе дать разрешение другие прибрежные Державы Черного моря; если эти Державы через сутки после получения об этом уведомления не предъявят против этого возражений, то оно сообщит заинтересованным Держavam не позднее чем в надлежащий двухсуточный срок о решении, которое будет принято им относительно их просьбы.

Всякий последующий вход в Черное море морского отряда неприбрежных Держав будет иметь место лишь в свободных рамках общего тоннажа, предусмотренного в изложенных выше параграфах «а» и «b».

2. Каковы бы ни были цели их пребывания в Черном море, военные корабли неприбрежных Держав не могут оставаться там более двадцати одного дня.

Статья 19

Во время войны, когда Турция не является воюющей стороной,

военные корабли будут пользоваться правом полной свободы прохода и плавания в Проливах, на условиях, тождественных тем, которые указаны в статьях 10–18.

Однако военные корабли всякой воюющей Державы не будут иметь права проходить через Проливы, за исключением случаев, подпадающих под применение статьи 25 настоящей Конвенции, а также в случае помощи, оказываемой Государству, явившемуся жертвой нападения, в силу договора о взаимной помощи, обязывающего Турцию, заключенного в рамках Статута Лиги Наций, зарегистрированного и опубликованного согласно постановлений статьи 18 названного Статута.

В исключительных случаях, предусмотренных в предшествующем абзаце, не будут применяться ограничения, указанные в статьях 10–18.

Несмотря на воспреещение прохода, установленное выше в абзаце 2, военные корабли воюющих держав, прибрежных или неприбрежных к Черному морю, отделенные от портов своей основной стоянки, могут вернуться в эти порты.

Военным кораблям воюющих держав воспрещается производить в Проливах всякого рода захваты, осуществлять право осмотра и производить какие-либо враждебные действия.

Статья 20

Во время войны, когда Турция является воюющей стороной, постановления статей 10–18 не будут применяться: проход военных кораблей будет зависеть исключительно от усмотрения Турецкого Правительства.

Статья 21

В случае, если Турция считала бы себя находящейся под угрозой непосредственной военной опасности, она будет иметь право применять постановление статьи 20 настоящей Конвенции.

Военные корабли, которые, пройдя Проливы ранее использования Турцией возможности, предоставляемой ей предшествующим абзацем, оказались бы таким образом отделенными от портов своей основной стоянки, могут вернуться в эти порты. Условлено, однако, что Турция может не дать воспользоваться этим правом кораблям государства, позиция которого вызвала бы применение настоящей статьи.

Если Турецкое Правительство использует возможности, предоставляемые ему изложенным выше абзацем первым, оно уведомит об этом Высокие Договаривающиеся Стороны, а также Генерального Секретаря Лиги Наций.

Если Совет Лиги Наций большинством в две трети голосов решит, что

меры, принятые таким образом Турцией, необоснованны и если таково будет равным образом мнение большинства Высоких Договаривающихся Сторон, подписавших настоящую Конвенцию, то Турецкое Правительство обязуется отменить данные меры, а также те, которые были бы приняты в силу статьи 6 настоящей Конвенции.

Статья 22

Военные корабли, имеющие на борту случаи чумы, холеры, желтой лихорадки, сыпного тифа или оспы, или имевшие таковые на борту по крайней мере за последние семь дней, а также корабли, покинувшие зараженный порт не менее, как за пять суток, должны будут проходить в Проливах в карантине и применять судовыми средствами необходимые профилактические меры для избежания всякой возможности заражения Проливов.

Раздел III Воздушные суда

Статья 23

Для обеспечения прохода гражданских воздушных судов между Средиземным морем и Черным морем Турецкое Правительство будет указывать вне запретных зон Проливов воздушные маршруты, предназначенные для этого прохода; гражданские воздушные суда могут использовать эти пути, делая Турецкому Правительству для эпизодических воздушных рейсов предуведомление за три дня, а для регулярных воздушных рейсов — общее предуведомление о датах прохода.

С другой стороны, несмотря на ремилитаризацию Проливов, Турецким Правительством будут предоставлены необходимые облегчения по проходу, на началах полной безопасности, гражданских воздушных судов, получающих разрешение в силу воздушной регламентации, действующей в Турции, на перелет турецкой территории между Европой и Азией. В тех случаях, когда разрешение на перелет было бы дано, периодически будет указываться маршрут, по которому надлежит следовать в зоне Проливов.

Раздел IV

Общие постановления

Статья 24

Функции Международной Комиссии, образованной в силу Конвенции о режиме Проливов от 24 июля 1923 года, передаются Турецкому Правительству.

Турецкое Правительство обязуется составлять статистику и давать сведения, относящиеся к применению статей 11, 12, 14 и 18.

Оно должно наблюдать за выполнением любого из постановлений настоящей Конвенции, имеющего отношение к проходу военных кораблей

в Проливах.

Как только оно будет предуведомлено о предстоящем проходе в Проливах иностранного морского отряда, Турецкое Правительство сообщит представителям Высоких Договаривающихся Сторон в Анкаре о составе этого отряда, о его тоннаже, о дате, предусмотренной для его входа в Проливы, и, если это имеет место, о вероятной дате его возвращения.

Турецкое Правительство будет ежегодно посылать Генеральному Секретарю Лиги Наций, а также Высоким Договаривающимся Сторонам доклады, указывающие на движение иностранных военных кораблей в Проливах и дающие всякие сведения, полезные для торговли, мореплавания и воздушного передвижения, которые имеются в виду в настоящей Конвенции.

Статья 25

Ни одно из постановлений настоящей Конвенции не наносит ущерба правам и обязанностям, вытекающим из Статута Лиги Наций для Турции или для всякой другой Высокой Договаривающейся Стороны, являющейся членом Лиги Наций.

Раздел V Заключительные постановления

Статья 27

Со дня своего вступления в силу настоящая Конвенция будет открыта для присоединения всякой Державы, подписавшей Лозаннский Мирный Договор от 24 июля 1923 года.

Статья 28

Настоящая Конвенция будет иметь двадцатилетний срок действия со дня ее вступления в силу. Однако принцип права свободы прохода и плавания, объявленный в статье 1 настоящей Конвенции, будет иметь срок действия без ограничения времени.

Если за два года до истечения двадцатилетнего периода ни одна из Высоких Договаривающихся Сторон не сообщит Французскому Правительству предуведомление о денонсации, то настоящая Конвенция остается в силе до того, как истекнут два года после посылки предуведомления о денонсации. Это предуведомление будет сообщено Французским Правительством Высоким Договаривающимся Сторонам.

Если настоящая Конвенция была бы денонсирована согласно постановлений настоящей статьи, то Высокие Договаривающиеся Стороны соглашаются быть представленными на конференции для составления текста новой конвенции.

Статья 29

По истечении каждого пятилетнего периода, считая со дня вступления

в силу настоящей Конвенции, каждая из Высоких Договаривающихся Сторон может взять на себя инициативу предложить изменение одного или нескольких из постановлений настоящей Конвенции.

Для того, чтобы быть принятой к производству, просьба о пересмотре, заявленная одной из Высоких Договаривающихся Сторон, должна быть поддержана другой Договаривающейся Стороной, если дело идет об изменениях в статье 14 или в статье 18, и, если дело идет об изменениях во всякой другой статье, двумя другими Высокими Договаривающимися Сторонами.

Просьба о пересмотре, таким образом поддержанная, должна быть сообщена всем Высоким Договаривающимся Сторонам за три месяца до истечения текущего пятилетнего периода. Это предуведомление будет содержать указания на предлагаемые изменения и их обоснование.

Если невозможно договориться об их предложениях дипломатическим путем, Высокие Договаривающиеся Стороны пошлют своих представителей на конференцию, которая будет созвана для этой цели.

Эта конференция будет иметь право принимать решения лишь единогласно, за исключением случаев пересмотра, относящихся к статье 14 и к статье 18, по каковым будет достаточно большинство трех четвертей Высоких Договаривающихся Сторон. Это большинство будет исчислено, включая в него три четверти Высоких Договаривающихся Сторон, прибрежных к Черному морю, включая Турцию.

В удостоверение чего поименованные выше уполномоченные подписали настоящую Конвенцию.

Совершено в Монтрё, двадцатого июля тысяча девятьсот тридцать шестого года в одиннадцати экземплярах, из которых первый, имеющий печати уполномоченных, будет сдан в архивы Правительства Французской Республики, а другие будут переданы подписавшимся державам.

/подписи/

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Защитники Казани. Пушкари. Худ. Рам Шамсутдинов

Иван Грозный и Шах-Али под Казанью. Худ. Феринад Халиков

Бурхард Кристоф Миних

*Командующий русскими войсками в Чигиринских войнах боярин князь
В. В. Голицын*

Чесменский бой. Атака брандеров. Рис. Н. Нарбекова

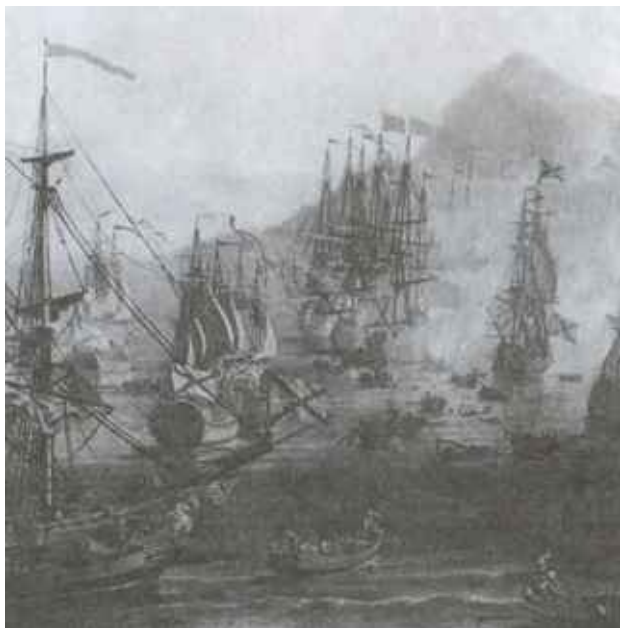
Во дворце турецкого султана Мустафы III

Офицеры-янычары

Янычар

Бой в Хиосском проливе (фрагмент). Худ. П.-Ж. Волэр

Капитан греческого корсарского судна

Турецкий матрос времен войны 1769–1775 гг.

Г. Г. Орлов

Ф. Г. Орлов

Портрет генерал-аншефа А. Г. Орлова — Чесменского. Худ. Ж.-Л. Вели

Адмирал В. Я. Чичагов

Суворовские чудо-богатыри на марше. Худ. О. Г. Верейский

Адмирал С. К. Грейг

Ламбро Качиони

Святой праведный воин Федор (адмирал Ф. Ф. Ушаков). Современная икона

Капитан Поль Джонс

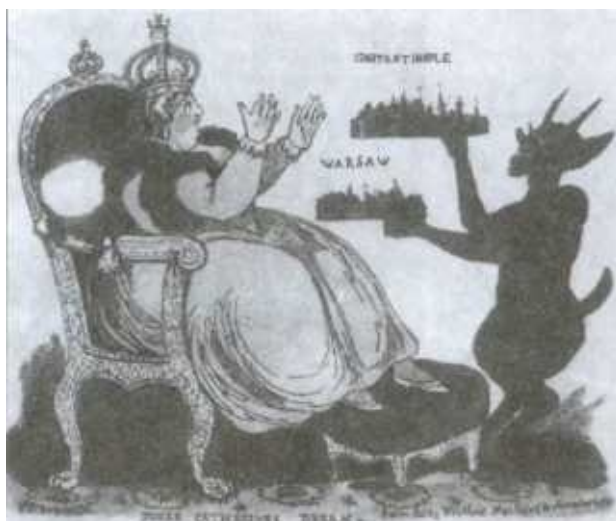
Командующий османским флотом Гассан-паша

Адмирал Д. Н. Сенявин

Султан Селим III

Карикатура «Мечта императрицы Екатерины II». Опубликовано в Лондоне 4 ноября 1791 г.

Карикатура «Укрощение строптивой». Премьер-министр У. Питт в виде Дон Кихота требует, чтобы Екатерина II сняла с себя изображение турецкого полумесяца. Опубликовано в Лондоне 21 апреля 1791 г. в связи с Очаковским кризисом

*Султан Селим III принимает иностранного посла в султанском дворце
Топ-Калы*

Генерал-фельдмаршал И. И. Дибич-Забалканский

Султан Махмуд II

Граф И. Ф. Паскевич-Эриванский

Стамбул. Дом Императорского русского посольства

П. С. Нахимов

Вице-адмирал В. А. Корнилов на палубе парохода «Владимир». Рис. И. К. Айвазовского

Турецкие корабли времен Крымской войны

Русские войска перед Баязетом в 1854 г.

Генерал-фельдмаршал И. В. Гурко

Главнокомандующий турецкой армией Омер-паша

Дунайская армия. Император Александр II, главнокомандующий действующей армией и князь Карл Румынский следят за штурмом Плевны

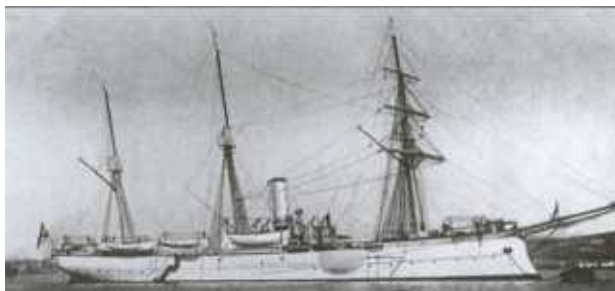
Турецкий генерал Осман-паша

Степан Осипович Макаров

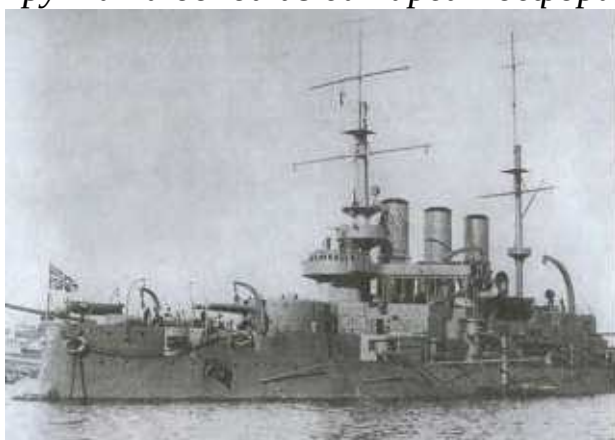
Броненосец «Ростислав»

Канонерская лодка «Запорожец»

28-см орудие Круппа на одной из батарей Босфора

Броненосец «Пантелеймон», участник боя с «Гебеном»

Мустафа Кемаль Ататюрк

Стамбул. Мост через Босфор, соединяющий Европу и Азию

Подписание договора «О дружбе и братстве» между РСФСР и Турцией. Справа — российская делегация во главе с наркомом иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным, слева — турецкая делегация. Москва. Март 1921 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Адмирал Ушаков. Документы. / Под ред. Р. Н. Мордвинова. М.: Военно-морское издательство, 1952.

Андрианов П. Поход Румянцева к Дунаю в 1770 г. (Ларго-Кагульская операция). Одесса, 1914.

Андриенко В. Г. До и после Наварина. М.: ООО «Издательство АСТ», СПб.: Terra Fantastica, 2002.

Бабин В. В. Наши авианосцы на стапелях и в дальних походах. Николаев: Атолл, 2003.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958.

Богданович Е. В. Наварин. 1827–1877. М., 1877

Болгари П., Зоткин Н, и др. Черноморский флот. М.: Воениздат, 1967.

Брикнер А. История Екатерины Второй. В 2-х томах. М., Современник, Товарищество Русских художников, 1991.

Брикнер А. История Екатерины Второй. СПб, 1885.

Беникеев Е. В., Артеменко Л. Т. Пенители Понта. Симферополь: Таврия, 1992.

Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. Фон-Шварца и др. В 18 томах. Петербург, 1911–1915.

Военно-морской международно-правовой справочник. М.: Воениздат, 1966.

Гасанлы Дж. СССР — Турция: от нейтралитета к холодной войне 1939–1953. М.: Центр Пропаганды, 2008.

Глебов Я. Дунайская экспедиция. СПб., 1842.

Горев Л. Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М.: Воениздат, 1955.

Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М.: РОССПЭН, 1999.

Гриневецкий С. Р., Жильцов С. С., Зонн И. С. Черноморский узел. М., Международные отношения, 2007.

Движения русских военных судов в Архипелаге. Кронштадт, 1889.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос, 2003.

Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791 / Сост. В. С. Лопатин. М.: Наука, 1997.

Заичкин И. А., Почкаев И. Н. Русская история от Екатерины Великой до Александра II. М.: Мысль, 1994.

Заичкин И. А., Почкаев И. Н. Русская история. Популярный очерк. М.: Мысль, 1992.

Зайончковский А. М. Мировая война. 1914–1918. М.: Воениздат, 1931.

Изборник (Сборник произведений литературы древней Руси). М.: Художественная литература, 1969.

История дипломатии / Под ред. В. П. Потемкина. М. — Ленинград: Государственное издательство политической литературы, 1945.

История дипломатии/ Под ред. Громыко А., Земскова И., Зорина В. и др. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963.

История Первой мировой войны. 1914–1918/ Под ред. И. И. Ростунова. М.: Наука, 1975.

Каргалов В. В. Полководцы XVII в. М.: Патриот. 1990.

Керсновский А. И. История русской армии. М.: Голос, 1999.

Коган В. М. Домбровский-Шалагин В. И. Князь Рюрик и его потомки. Историко-генеалогический свод. СПб.: Паритет, 2004.

Коковцев М. Г. Описание Архипелага, СПб., 1786.

Корсун Н. Г. Кавказский фронт Первой мировой войны: М.: АСТ, 2004.

Костомаров Н. И. Руина. Мазепа. Мазепинцы. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995.

Кроткое А. С. Военные действия русского флота в Архипелаге. Кронштадт, 1889.

Кротков А. С. Русский флот в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1889.

Лаврова Т. Черноморские проливы (Исторический очерк). Ростов-на-Дону, 1997.

Лорд Кинросс Расцвет и упадок Османской империи. М.: Крон-пресс, 1999.

Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. М.: Воениздат, 1937.

Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. Ленинград, 1950.

Морозов М. Подводные лодки ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Летопись боевых походов. Ч. 2. Черноморский флот. М.: Стратегия КМ, 2003.

Никульченков К. И. Адмирал Лазарев. М.: Воениздат, 1956

Новиков Н. Операции флота против берега на Черном море в 1914–

1917 гг. М.: Воениздат, 1937.

Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 г. СПб., 1871.

Овчинников В. Д. Федор Ушаков. М.: Новатор, 1998.

Островский Б. Г. Адмирал Макаров. М.: Воениздат, 1954.

Павленко Н. И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2000.

Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994.

Петров М. Румянцев-Задунайский. М.: Армада, 1997.

Петросян Ю. А. Русские на берегах Босфора. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998.

Под Андреевским флагом: Век XVIII/ Сост. В. В. Шигин. М.: Патриот, 1994.

Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 100 лет в именах, датах, фактах. Справочник. М.: Международные отношения, 1995.

Пряхин Ю. Д. Ламброс Кадонис в истории Греции и России. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2004.

Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Высшая школа, 1988.

Россия и Черноморские проливы (XVIII—XX столетия) / Под ред. Л. Н. Нежинского, А. В. Игнатьева. М.: Международные отношения, 1999.

Ростунов И. И. Генералиссимус А. В. Суворов. М.: Воениздат, 1989.

Роэсдаль Э. Мир викингов. СПб.: Всемирное слово, 2001.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. М.: Наука, 1993.

Рыкачев А. П. Год Наваринской кампании. 1827–1828. Кронштадт, 1878.

Семенов С. Н. Макаров. М.: Молодая Гвардия, 1972.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.

Сорокин П. Е. Водные пути и судостроение на северо-западе Руси в средневековье. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997.

Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. М.—Л-д: Издательство Академии наук СССР, 1945.

Татищев С. С. Император Александр Второй. М.: Алгоритм, 1996.

Хибберт К. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М.: Центрополиграф, 2004.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991.

Шапиро А. Л. Адмирал Д. Н. Сенявин. М.: Воениздат, 1958.

Шатие Мадлен дю. Жан Батист де Траверсе, министр флота

Российского. МП.: Наука, 2003.

Шеремет В. Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. М.: Технологическая школа бизнеса, 1995.

Широкоград А. Б. Русские пираты. М.: Вагриус, 2007.

Широкоград А. Б. Русско-турецкие войны. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2000.

Широкоград А. Б. Тысячелетняя битва за Царьград. М.: Вече, 2005.

Широкоград А. Б. Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны. М.: Вече, 2006.

Штенцель А. История войны на море. В 2 т. М.: Изографус, ЭКСМО-Пресс, 2002.

Щербачев О. Афонское сражение. М., 1945.

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Киев: Наукова Думка, 1990.

Содержание

Глава 1. Как Иван Грозный спас Русь от турецкого ига.....	3
Глава 2. Чигиринские войны.....	18
Глава 3. Взятие Азова и катастрофа на Пруте.....	35
Глава 4. Первое падение Очакова.....	48
Глава 5. Ласси идет в Крым.....	65
Глава 6. Как стамбульские мыши разбудили Царскосельского кота..	79
Глава 7. Русские на Дунае и в Крыму.....	101
Глава 8. Подпалить османов с четырех концов.....	116
Глава 9. Абдул-Гамид объявляет новый джихад.....	130
Глава 10. Гром победы.....	140
Глава 11. Флибустьеры Белого и Черного моря.....	157
Глава 12. Кампании 1890 и 1791 годов.....	166
Глава 13. Россия и Турция воюют с Францией.....	184
Глава 14. Как Сенявин разгромил турецкий флот, а Александр I погубил его эскадру....	193
Глава 15. Как Кутузов между утехами погубил турок.....	208
Глава 16. Наваринское сражение.....	221
Глава 17. Боевые действия на Черном море, Балканах и Кавказе.....	231
Глава 18. Адмирал Лазарев спасает Махмуда II.....	242
Глава 19. Крымская война.....	247
Глава 20. От Плевны до Адрианополя.....	259
Глава 21. Тайна «особого запаса».....	276
Глава 22. Борьба за Кавказ и Черное море в 1914–1915 гг.....	292
Глава 23. Кампания 1916–1917 гг.....	325
Глава 24. Россия и Турция в эпоху великих смут.....	350
Глава 25. Конвенция в Монтрё и попытки ее пересмотра.....	360
Глава 26. Турция во Второй мировой войне.....	366
Глава 27. Как Анкара вступила в НАТО.....	375
Глава 28. Российско-турецкие отношения с 1963 по 2008 г.....	381
Приложение: Конвенция о режиме Черноморских проливов.....	385
Список использованной литературы.....	395

Дополнительно

Научно-популярное издание

Друзья и враги России

Широкоград Александр Борисович

ТУРЦИЯ Пять веков противостояния

Выпускающий редактор Н. М. Смирнов Корректор Е. Ю. Таскон

Дизайн обложки Д. В. Грушин Верстка Н. В. Гришина

ООО «Издательский дом „Вече“» 129 348, Москва, ул. Красной Сосны,
24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение №
77.99.60 953.Д.000 129.01.08 от 16.01.2008 г.

Е-mail: veche@veche.ru <http://www.veche.ru>

Подписано в печать 27.11.2008. Формат 60х90 1/16 Гарнитура
«NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 25. Тираж 4000 экз.
Заказ № 9354.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская
типография». 300 600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

****Quilt|2013****

Друзья и враги России

Русские вступили в борьбу с Османской империей еще во времена Московской Руси. И борьба шла не за отдельные пограничные земли, а за сохранение православной веры и всей славянской цивилизации. Турецкие султаны претендовали на владение не только Балканским полуостровом, но и западной Речи Посполитой. Они считали себя наследниками древней Золотой Орды и поэтому пытались распространить свою власть на Казань и Астрахань. Только за два столетия этого противостояния Россия выдержала девять кровопролитных русско-турецких войн, одна из которых унесла более 200 тысяч человеческих жизней. Россия выстояла в борьбе с империей и одержала победу — отбросила османов, обеспечила безопасность своему черноземному побережью. Новая книга известного военного историка А. В. Цирковска рассказывает о причинах, течениях драматических отношений, складывавшихся в течение веков между Россией и Турцией.

notes

Примечания

Янычар — от турецкого выражения «ени чери» — «новое время».

2 Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991.

3 Там же. С. 80.

4 В официальных документах того Времени Украина именовалась Малороссией.

5 Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків. Київ: Наукова Думка, 1990. Т. 2. С. 380–383.

6 Ага (от тюркского «господин») — офицерский титул в Османской империи.

7 Точно сказать, что в данном случае подразумевалось под киндяком, трудно. Но, согласно словарю, киндяк — это набивная ткань или кафтан из такой ткани. Купец Афанасий Никитин упоминал киндяк среди тканей, производимых в Индии.

8 После отставки Дорошенко Самойлович стал гетманом Левобережной и Правобережной Украины.

9 Город Батурин — столица промосковских гетманов.

10 Цит. по: Каргалов В. В. Полководцы XVII в. М.: Патриот. 1990. С. 371–372.

11 Там же. С. 404–405.

12 Костомаров Н. И. Руина. Мазепа. Мазепинцы. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995. С. 331.

13 Цит. по: Каргалов В. В. Полководцы XVII в. С. 386.

14 Там же. С. 404–405.

15 Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. Фон-Шварца и др., в 18 томах. Петербург, 1911–1915. Т. VIII. С. 399.

16 Костомаров Н. И. Руина. С. 343.

17 Там же. С. 404–405.

18 Там же. С. 404–405.

19 Автор называет казаков малороссийскими, а не украинскими, по двум причинам. Во-первых, они так и назывались до 1917 г., а во-вторых, чтобы читатель не путал их с запорожскими казаками: ведь по современному территориальному делению и те и другие проживали на Украине.

20 Из них полевых пушек — 28, мортир — 23, гаубиц — 2, а также 3-фунтовых полковых пушек — 69.

21 Писарь Войска Запорожского, бежавший к туркам.

22 Султан-сарай — дворец султана.

23 Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958. С. 258

24 Так и сказано в донесении посла.

25 Практически все пленные были не военными, а мирными жителями.

26 То же.

27 Матушка Екатерина предпочитала не иметь недовольных вельмож, даже если оные были набитыми дураками. Приехавший в Петербург Голицын был произведен в фельдмаршалы и оставлен при дворе.

28 Андрианов П. Поход Румянцева к Дунаю в 1770 г. (Ларго-Кагульская операция). Одесса, 1914. С. 31.

29 Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. С. 479.

30 В русской армии артиллерийский снаряд, начиненный взрывчатым веществом, до пуда именовался гранатой, а более пуда — бомбой.

31 Названия «Черное» и «Белое» моря придумали турки-османы. До них Черное море греки называли Понт Аксинский (море Негостеприимное), затем Понт Эвксинский (море Гостеприимное), а арабы называли Русским морем. Белым же морем турки назвали Эгейское море.

32 Мелекса — небольшое грузовое судно.

33 Заведенный с кормы канат, прикрепленный к цепи якоря. С помощью шпринта корабль может оставаться обращенным в желаемую сторону.

34 Анатолийское побережье — азиатское побережье Проливов.

35 Овчинников В. Д. Федор Ушаков. М.: Новатор, 1998. С. 165.

36 Там же. С. 170.

37 Ряд историков, включая и Ф. Ф. Веселаго, в число кораблей включают 50-пушечные фрегаты, как, например, «Св. Георгий Победоносец», «Апостол Андрей», «Александр Невский» и др.

38 Овчинников В. Федор Ушаков. С. 174.

39

39 Тип гребного судна.

40 Овчинников В. Федор Ушаков. С. 190.

41 Румелийские берега — европейские берега Проливов.

42 Бывший шведский корабль, захваченный русскими 23 июня 1790 г.

43 В скобках дата дана по новому стилю.

44 Реисулькюттаб — заместитель великого визиря, ведающий внешними сношениями.

45 Щербачев О. Афонское сражение. М., 1945.

46 Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. Фон-Шварца и др. В 18 томах. Петербург, 1911–1915.

47 Так Александра I называл Наполеон за хитрость, ложь и вероломство.

48 Толстой Л. Н. Война и Мир. Т. 2. С. 104.

49 Корпус не имел осадной артиллерии, полевая же артиллерия состояла из 30 батарейных и 24 конных пушек. Браилов же защищало 12 тысяч турок при 205 орудиях.

50 РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 65.

51 В числителе — ранг корабля, в знаменателе — фактически пушек на корабле.

52 Генри Джон Пальмерстон (1784–1865) в 1830–1834 гг., 1835–1841 гг., 1846–1851 гг. был министром иностранных дел, а в 1855–1858 гг. — премьер-министром Англии.

53 Тысячелетняя битва за Царьград. М.: Вече, 2005; Русь и Орда. М.: Вече, 2004; Четыре трагедии Крыма. М.: Вече, 2006; Черноморский флот в трех войнах и трех революциях. М.: АСТ, 2007, и др.

54 Башибузуки — иррегулярная турецкая кавалерия.

55 Семенов С. Н. Макаров. М.: Молодая Гвардия 1972. С. 91–92.

56 Островский Б. Г. Адмирал Макаров. М.: Воениздат, 1954. С. 90, 91, 92–94.

57 Авиатранспорты «Николай I» и «Александр I» — бывшие торговые пароходы водоизмещением в 9200 тонн и скоростью 14 узлов. С началом войны пароходы были переделаны в авиатранспорты — носители гидросамолетов (по 7 на каждом). Иногда их называли «гидрокрейсерами», а в официальных списках флота они числились посыльными судами. Палубы их были приспособлены для установки гидросамолетов, которые спускались на воду и поднимались обратно с помощью стрел. Для поиска и буксировки поврежденных гидросамолетов на авиатранспортах имелись специальные катера.

58 За неимением морских тральщиков были использованы три заградителя типа «Ксения» и два парохода — «Царь» и «Руслан».

59 В 1915 г. на вооружение русского флота поступили ныряющие снаряды. Эти снаряды имели в головной части специальную насадку, препятствующую рикошетированию. После соприкосновения с поверхностью воды снаряды уходили почти вертикально вниз и взрывались при срабатывании дистанционной трубки.

60 Вилайет — турецкая административная единица, соответствовавшая в России небольшой губернии.

61 Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42. С. 54.

62 Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на советский Союз. М.: РОССПЭН, 1999. С. 81.

63 Полный текст Конвенции приведен в Приложении.

64 Безугольный А. Ю. Ни войны, ни мира. Положение на советско-турецкой границе. Меры советского руководства по предотвращению турецкой угрозы в первый период Великой Отечественной войны. // «Военно-исторический архив», № 5/2003 г. С. 67–73.

65 АВП. РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 51. Д. 702. Л. 11.

66 Речь идет о транспортах, снабжавших Севастополь и потопленных в открытом море или в севастопольских бухтах.

67 Морозов М. Подводные лодки ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Летопись боевых походов. Ч. 2. Черноморский флот. М.: Стратегия КМ, 2003. С. 78.

68 Операция «Оверлорд» — вторжение англо-американцев через пролив Ла-Манш в Северную Францию.

69 См. Лаврова Т. Черноморские проливы (Исторический очерк). Ростов-на-Дону, 1997. С. 78.

70 В. М. Молотов занимал пост министра иностранных дел с 1939 г. по 1949 г. и с 1953 г. по 1956 г.

71 Гасанлы Дж. СССР — Турция: от нейтралитета к холодной войне 1939–1953. М.: Центр Пропаганды, 2008. С. 631.

72 Военно-морской международно-правовой справочник. М.: Воениздат, 1966. С. 143.

73 Это краткое изложение рассказа очевидца, находившегося на мостике крейсера «Москва».

74 Известна как Конвенция о режиме Черноморских проливов. Участники: Болгария, Франция, Великобритания, Австралия, Греция, Япония, Румыния, Турция, СССР, Югославия; присоединилась в 1938 г. Италия.

75 Приложения не публикуются.